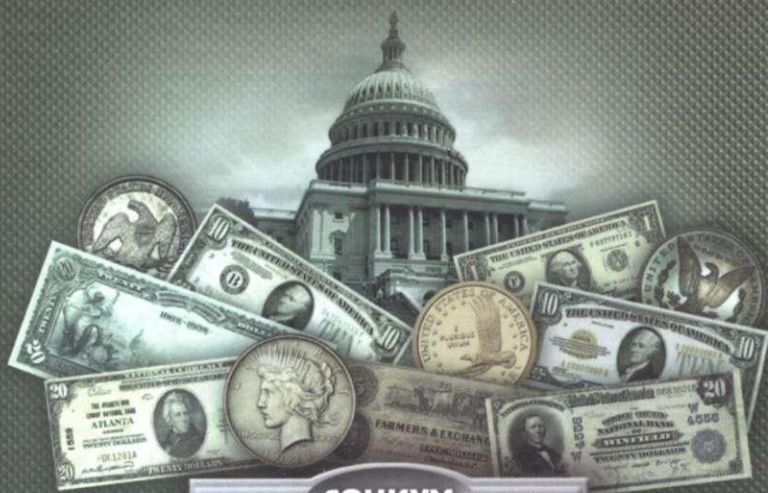

Мюррей Ротбард

ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ И БАНКОВСКОГО ДЕЛА В США

СОЦИУМ

АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА

25
выпуск

Murray ROTHBARD

**A HISTORY OF MONEY
AND BANKING
IN THE UNITED STATES**

The Colonial Era to World War II

Ludwig von Mises Institute
Auburn, Alabama

Мюррей РОТБАРД

**ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНОГО
ОБРАЩЕНИЯ И БАНКОВСКОГО
ДЕЛА В США**

От колониального периода
до Второй мировой войны

УДК 336.7(73)“1690/1944”
ББК 65.22(Сое)
Р79

Перевод с английского: Б. С. Пинскер
Научное редактирование: А. В. Куряев

Ротбард М..

Р79 История денежного обращения и банковского дела в США: от колониального периода до Второй мировой войны / Мюррей Ротбард; пер. с англ. Б. С. Пинскера под ред. А. В. Куряева. — Челябинск: Социум, 2009. — iv + 548 с. (Сер.: Австрийская школа. Вып. 25)

ISBN 978-5-91603-016-7

Автор исследует периоды инфляции, банковские паники и крушения денежных систем в Америке с колониальных времен до середины XX в., показывая, что причиной почти всех крупных экономических катастроф в американской истории является систематическое и целенаправленное стремление государства расширить инфляционный потенциал банковской системы, в конце концов приведшее к нынешнему бумажно-долларовому стандарту (коллапс которого еще впереди). Автор извлекает на свет финансовые интересы и идеологию деловой элиты на разных этапах формирования банковского сектора США, выявляет связи мотивов и планов, зачастую тайных и окольных, с результатами, которые порой оказываются трагическими. Особенно подробно разбираются взаимоотношения (борьба и сотрудничество) между двумя крупнейшими группировками американского бизнеса – Морганов и Рокфеллеров. Никогда еще история денег и банков не была написана с такой теоретической мощью и риторическим блеском.

УДК 336.7(73)“1690/1944”
ББК 65.22(Сое)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 0-945466-33-1 (англ.)
ISBN 978-5-91603-016-7 (рус.)

© Ludwig von Mises Institute, 2002
© А. В. Куряев, перевод, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Дж. Салерно. ПРЕДИСЛОВИЕ 3

Часть I. ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ И
БАНКОВСКОГО ДЕЛА В США ДО НАЧАЛА
XX СТОЛЕТИЯ 41

Манипуляции с шиллингом, и долларом.—Государственные бумажные деньги.—Банкноты частных банков.—Финансирование войны за независимость.—Банк Северной Америки.—Соединенные Штаты: биметаллизм.—Первый банк Соединенных Штатов: 1791—1811.—Война 1812 г. и ее последствия.—Второй банк Соединенных Штатов, 1816—1833.—Президент Эндрю Джексон и война с Банком США.—Джексонианцы и закон о чеканке монет от 1834 г.—Децентрализованная банковская система с 1830-х гг. до Гражданской войны.—Рыночный «центральный банк».—Фальшарт.—Начало операции.—Сопrotивление провинциальных банков.—Стабилизирующий эффект суффолкской клиринговой системы.—Отличия частной клиринговой системы.—Конец суффолкской системы.—Гражданская война.—Гринбеки.—Государственный долг и национальная банковская система.—Послевоенная эпоха: 1865—1879.—Эпоха золотого стандарта в рамках национальной банковской системы, 1879—1913 гг.—Цены, заработная плата и реальная заработная плата.—Процентные ставки.—Взрывной рост производительности труда.—Прирост основного капитала.—1896 г.: трансформация американской партийной системы.

Часть II. КОРНИ ФЕДЕРАЛЬНОГО РЕЗЕРВА 185

Прогрессистское движение.—Недовольство национальной банковской системой.—Начало движения за «реформу»: проведение в Индианаполисе конвента по реформе денежной системы.—Закон о золотом стандарте 1900 г. и последующие события.—Чарльз Конант: избыточный ка-

питал и экономический империализм.—Конант: денежный империализм и золотодевизный стандарт.—Джейкоб Шифф возбуждает стремление к центральному банку.—Паника 1907 г. и мобилизация сторонников центрального банка.—Последний этап: обработка демократического большинства.—Заключение.

Часть III. ОТ ГУВЕРА ДО РУЗВЕЛЬТА: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
РЕЗЕРВ И ФИНАНСОВЫЕ ЭЛИТЫ 2 6 7

Первый период деятельности Федерального резерва, 1914—1928 гг.: эпоха Моргана.—Федеральный резерв при президенте Гувере: Гаррисон и Янг.—Пришествие Юджина Мейера-мл.—Мейер в администрации Гувера.—Новый курс: уход от золота.—Банковское и финансовое законодательство: 1933—1935 гг.—Марринер Экклес и закон о банках 1935 г.—Эпилог: возвращение Морганов.

Часть IV. ЗОЛОТОВАЛЮТНЫЙ СТАНДАРТ В МЕЖВОЕН-
НЫЕ ГОДЫ 3 6 1

Классический золотой стандарт.—Британия в послевоенном мире.—Возвращение к курсу 4,86 долл. за 1 фунт: Комитет Канлиффа и последующие события.—Американская помощь в восстановлении паритета 4,86 долл. за фунт: влияние Моргана.—Утверждение нового золотого стандарта в 1920-е годы.—Не золотой, а золотодевизный стандарт.—Золотодевизный стандарт в действии: 1926—1929 гг.—Депрессия и конец золотодевизного стандарта: 1929—1931 гг.

Часть V. НОВЫЙ КУРС И МЕЖДУНАРОДНАЯ ВАЛЮТНАЯ
СИСТЕМА 4 4 9

1920-е гг.: истоки долларового национализма.—Первый сюжет Нового курса: долларовый национализм.—Второе направление Нового курса: победоносный доллар.—Эпилог.

БИБЛИОГРАФИЯ 5 0 6

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ 5 1 6

УКАЗАТЕЛЬ КОМПАНИЙ 5 2 7

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ 5 3 2

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге Мюррей Ротбард рисует нам всеобъемлющую картину истории денежного обращения и банковского дела в США с колониальных времен до Второй мировой войны, причем это первое в таком роде сочинение, сознательно опирающееся на теорию и методы австрийской теории денег. Но даже помимо того, что изложение исторических событий здесь дается через призму австрийской экономической теории, эта книга не похожа на массово издававшиеся в последние четверть века стандартные работы по экономической истории, проникнутые позитивистскими идеями «новой экономической истории», или «клиометрики». Для этого подхода, который в наши дни полностью доминирует в области изучения истории экономики, характерно использование мощного статистического инструментария для количественного анализа экономических фактов. Отличительная особенность подхода Ротбарда заключается в его трактовке экономических фактов и процессов как уникальных и сложных экономических событий. В соответствии с этим он использует законы и принципы, сформулированные в экономической теории и других дисциплинах, для того, чтобы установить связь между исследуемыми им событиями и их первоисточником – целями и ценностями соответствующих исторических персонажей. С точки зрения Ротбарда, при интерпретации неповторимых исторических событий можно опираться на экономические законы, потому что действенность этих законов – или, лучше сказать, их истинность – может быть надежно обоснована с помощью праксеологии – науки, основанной на представлении о всеобщности логики человеческого действия, которая логически предшествует конкретным историческим

эпизодам¹. Именно в этом смысле допустимо утверждение, что экономическая теория – априорная наука.

Полной противоположностью этому является подход представителей новой экономической истории, для которых история – это лаборатория, в которой осуществляется непрерывная проверка экономической теории. Количественные экономические показатели, относящиеся к разным историческим датам, рассматриваются как однородный эмпирический материал, полученный в контролируемом и повторяемом эксперименте. На основании этих фактов осуществляется статистическая проверка гипотез относительно причин таких классов событий, как, например, инфляция или финансовые кризисы. После чего гипотезы, в наибольшей степени соответствующие этим данным, принимаются в качестве причинного объяснения класса изучаемых явлений, так что остается только ждать, когда в будущем появятся новые данные, которыми нас постоянно обеспечивает разворачивающийся исторический процесс, и станет возможен следующий этап проверки адекватности этих гипотез, и т.д.

Один из пионеров нового подхода к экономической истории нобелевский лауреат Дуглас Норт следующим образом описывает свой метод:

Невозможно заниматься анализом и объяснением проблем, поднимаемых в экономической истории, без выдвижения исходных гипотез и их проверки на соответствие имеющимся фактам. Источником исходных гипотез является совокупность развитых в последние 200 лет экономических теорий, которые проходят постоянную эмпирическую проверку и, соответственно, уточняются. Источником надежных фактов и инструментом тестирования теории является статистика. Пределы исследований диктуются наличием соответствующей теории и

¹ О прагматологии см.: Людвиг фон Мизес, *Человеческая деятельность: трактат по экономической теории*, М.: «Экономика», 2000, с. 5–70; Murray N. Rothbard, *The Logic of Action I: Method, Money, and the Austrian School* (Cheltenham, U.K.: Edward Edgar, 1997), pp. 28–77; and Hans-Hermann Hoppe, *Economic Science and the Austrian Method* (Auburn, Ala.: Mises Institute, 1995).

эмпирических фактов... Фактами, в идеальном случае, являются статистические показатели, точно характеризующие и измеряющие подвергаемые проверке явления².

Стремление Норта и других распространить позитивистскую методологию на область экономической истории немедленно сталкивается с двумя проблемами. Прежде всего, как подчеркивает сам Норт, этот подход резко сужает круг доступных для исследования проблем экономической истории. Вопросы, которые не поддаются количественной оценке или не могут быть охарактеризованы с помощью статистических данных, отодвигаются на второй план или вовсе игнорируются. В результате новые экономические историки предпочитают отвечать на следующие вопросы: каков чистый вклад железных дорог в ВВП США? Или: как повлияло создание Федеральной резервной системы на стабильность уровня цен или на объем производства в неизменных ценах? Куда менее вероятно, что они зададутся, скажем, вопросом о том, что побудило правительство передать железнодорожным компаниям громадные участки земли или добиться принятия закона о Федеральном резерве.

В целом в клиометрических работах уделяется мало внимания вопросу «*Cui bono?*» или «*Кому выгодно?*», потому что для ответа на него приходится использовать данные о целях и мотивах, данные исключительно субъективные, не допускающие измерения или квантификации. Сказанное не отрицает того, что новые экономические историки стремились объяснить *ex post*, т.е. фактическое, распределение совокупного дохода, ставшее результатом институциональных или политических изменений. Но их метод препятствует выявлению *ex ante*, т.е. намечаемых, задач, а также представлений о самых действенных методах достижения поставленных целей, ради которых, собственно, конкретные исторические персонажи и добивались перемен, имевших результатом перераспределение сово-

² Douglas C. North, *Growth and Welfare in the American Past: A New Economic History* (Englewood Cliffs, N. J.: Prentice-Hall, 1966), pp. 1–2 (курсив автора).

купного дохода. Однако в результате пренебрежения такого рода вопросами сами количественные данные оказываются необъясненными. Причина в том, что институты, вносящие вклад в их формирование, такие, как железные дороги или Федеральный резерв, представляют собой сложный результат целенаправленных действий отдельных личностей или групп людей, стремившихся так или иначе достичь определенных целей. Таким образом, новая экономическая история не является историей в традиционном смысле, т.е. попыткой «понять» мотивы, стоявшие за возникновением экономических институтов и процессов.

Еще одним и более фундаментальным недостатком новой экономической истории является устанавливаемое ею соотношение между историей и теорией. Для Норта история – это источник «эмпирических фактов», в идеальном случае – «статистических данных», на которых проверяется истинность экономической теории. Это означает, что обоснованность любой теоремы всегда под вопросом, она считается истинной лишь постольку, поскольку в предыдущих эмпирических проверках ее не удалось опровергнуть. Но из этого следует и необходимость постоянно осуществлять пересмотр экономической истории, потому что сама теория, установившая причинно-следственную связь между историческими событиями, в любой момент может быть опровергнута новыми фактами, появляющимися в ходе исторического процесса. Иными словами, то, что новые историки экономики называют «глубинной связью между измерением и теорией», на деле оказывается порочным кругом, в котором вязнут все попытки дать чисто позитивистское истолкование истории³. Потому что если теория, используемая для истолкования прошлых событий, всегда может быть объявлена несостоятельной на основании будущих событий, возникает неясность относительно роли теории в историческом исследовании – является ли она *explanans* или

³ Robert William Fogel, “The New Economic History: Its Findings and Methods,” in *The Reinterpretation of American History*, Robert William Fogel and Stanley L. Engerman, eds. (New York: Harper and Row, 1971), p. 7.

explanandy объясняющей или объясняемой.

Согласно подходу Ротбарда к истории денег на первом месте не измерение, а мотивы. Когда установлены цели действующих лиц и их представления о приемлемых методах достижения этих целей, автор обращается к методам экономической теории и других дисциплин, чтобы наметить влияние этих действий на сложные исторические события и процессы, которые находят лишь частичное и неполное отражение в статистических данных. Это не означает, что Ротбард игнорирует количественные аспекты истории денежного обращения. Напротив, его книга изобилует данными о денежной массе, о ценах и объемах производства, но эти данные им привлекаются только для характеристики мотивов, которые принимали участие в их формировании. Для Ротбарда конкретная цена является *историческим событием* не в меньшей мере, чем испано-американская война, и он полагает своим долгом выявить субъективные цели, ради которых разрабатывались планы и принимались решения.

Решительно отвергнув позитивистский подход к экономической истории, Ротбард принимает метод исторических исследований, впервые сформулированный Людвигом фон Мизесом. Разрабатывая этот метод, Мизес первым очертил правильное соотношение между историей и теорией. Большой заслугой Ротбарда в этой и в написанной ранее книге «Великая депрессия в Америке» является то, что он первым последовательно применил этот метод к изучению экономической истории⁴. Есть ряд причин, оправдывающих краткое изложение этого метода в данном предисловии. Во-первых, работы Мизеса о надлежащем методе исторических исследований по необъяснимым причинам игнорируют даже те, кто усвоил развитый им прагматологический подход применительно к экономической теории⁵. Во-вторых, знакомство с методом Мизеса про-

⁴ Murray N. Rothbard, *America's Great Depression*, 5th ed. (Auburn, Ala.: Mises Institute, 2000).

⁵ Как пишет Ротбард о произведении Мизеса «Теория и история», в котором он наиболее детально излагает свой метод, оно «не имело

ливает свет на источник и природу характерной особенности исторических работ Ротбарда. В частности, это опровергает распространенное, хотя и ошибочное представление, что исторические работы Ротбарда, особенно в области происхождения и развития кредитно-денежной системы США, не имеют более полноценного основания, чем пресловутая «теория заговоров». В-третьих, это дает нам возможность показать внесенный Ротбардом значительный вклад в метод Мизеса, который наиболее выпукло проявился в разработке им темы данного издания. И, наконец, метод Мизеса содержит однозначное опровержение тезиса позитивистов, что нам недоступно истинное понимание таких субъективных явлений, как мотивы человеческой деятельности, а потому экономическая история обречена на то, чтобы иметь дело исключительно с явлениями, наблюдаемыми и поддающимися измерению.

Рассмотрение метода исторических исследований Мизес начинает с утверждения, что именно идеи представляют собой первичный материал исторического знания. Он пишет:

История есть летопись человеческой деятельности. Человеческая деятельность – это сознательные усилия людей, направленные на то, чтобы заменить менее удовлетворительные обстоятельства более удовлетворительными. Идеи определяют, что должно считаться более, а что менее удовлетворительными обстоятельствами, а также к каким средствам необходимо прибегнуть, чтобы их изменить. Таким образом, главной темой изучения истории являются идеи⁶.

Это не означает, что предметом исторических исследований должна быть только интеллектуальная история. Речь идет лишь о том, что идеи являются конечной причиной всех социальных, в том числе и даже прежде всего экономических, явлений. Как утверждает Мизес:

большого резонанса и редко цитируется даже молодыми экономистами недавнего «австрийского» возрождения. Оно останется забытым шедевром Мизеса». Мюррей Ротбард, Предисловие // Людвиг фон Мизес, *Теория и история* (М.: ЮНИТИ, 2001), с. 7.

⁶ Там же, с. 163–164

Подлинная история человечества – это история идей. Именно идеи отличают человека от всех других существ. Идеи порождают общественные институты, политические изменения, технологические методы производства и все то, что называется экономическими условиями⁷.

В силу этого для Мизеса предметом истории является:

тот факт, что люди, вдохновленные определенными идеями, определили для себя основные ценности, выбрали конкретные цели и прибегли к определенным средствам достижения выбранных целей, а кроме того, еще и результат их действий – состояние дел, которое установилось в результате их действий⁸.

Идеи, особенно относительно направляющих действие целей и ценностей, не только представляют собой точку соприкосновения между историей и экономической теорией, но, кроме того, именно разное отношение к ним различает методы этих двух дисциплин. Как история, так и экономическая теория, имеют дело с индивидуальными решениями относительно целей и ценностей, на которые те опираются. С одной стороны, экономическая теория, будучи отраслью праксеологии, берет эти цели и ценностные суждения в качестве исходных данных и ограничивается тем, что логически выводит из них законы, управляющие оценкой средств и установлением цен на материальные «блага». По существу, экономическая теория не интересуется индивидуальными мотивами, направляющими процесс оценки и выбора определенных целей. Таким образом, в противоположность позитивистскому подходу истина экономических теорем здесь устанавливается помимо конкретного исторического опыта и без ссылок на него. Они представляют собой логически правомерные дедуктивные выводы, исходящие из того универсального факта, что люди используют средства, пригодные, по их мнению, для достижения

⁷ Там же, с. 136.

⁸ Ludwig von Mises, *The Ultimate Foundation of Economic Science: An Essay on Method*, 2nd ed. (Kansas City, Mo.: Sheed Andrews and McMeel, 1978), p. 45.

целей, оцениваемых ими как привлекательные⁹.

Предмет истории, с другой стороны, – «деятельность и ценностные суждения, направляющие деятельность к определенным целям»¹⁰. Это означает, что для истории в отличие от экономической теории действия и ценностные суждения – не конечная данность; по словам Мизеса, они «являются отправным пунктом особого рода рефлексии – специфического понимания исторических наук о человеческой деятельности». Историк, вооруженный методом «специфического понимания», сталкиваясь с «ценностным суждением и вызываемым им действием... может попытаться понять, каким образом они возникли в уме действующего субъекта»¹¹.

Различие между методами исторической науки и экономической теории можно проиллюстрировать следующим примером. Экономист в роли экономиста «объясняет» инфляцию периода войны во Вьетнаме, которая началась в середине 1960-х гг. и достигла кульминации в ходе инфляционного кризиса 1973–1975 гг., указанием на проводившуюся Федеральным резервом политику денежной эмиссии, которая породила и потом поддерживала инфляцию¹². Историк, в том числе историк экономики, должен выявить и оценить относительную значимость тех факторов, которые побуждали различных членов Совета управляющих Федерального резерва (или Комите-

⁹ Разумеется, при выводе теорем, относящихся к специфическим условиям, характеризующим человеческую деятельность в нашем мире, цепочка дедуктивных выводов включает некоторые дополнительные факты менее общего характера. Среди них, скажем, разнообразие природных ресурсов, неоднородность труда, а также тот факт, что досуг ценится наравне с другими потребительскими благами (см.: Мизес, *Человеческая деятельность*; Rothbard, *The Logic of Action*, и Норре, *Economic Science and Austrian Method*).

¹⁰ Мизес, *Теория и история*, с. 218.

¹¹ Там же, с. 227.

¹² Некоторые экономисты считают границами инфляционного периода 1965 и 1979 г., но нас сейчас точность датировки не интересует (см., напр.: Thomas Mayer, *Monetary Policy and the Great Inflation in the United States: The Federal Reserve and the Failure of Macroeconomic Policy* (Northampton, Mass.: Edward Edgar, 1990).

та по операциям на открытом рынке Федерального резерва) к принятию соответствующего курса действий. Эти факторы включают: идеологию; партийную принадлежность; давление со стороны власти имущих; понимание экономической теории; явно выраженное требование клиентуры Федерального резерва, включая коммерческие банки и крупнейших дилеров рынка облигаций, неформальную власть и влияние председателя Федерального резерва и т.п.

Короче говоря, историк экономики должен выявить мотивы, управлявшие действиями, которые сделали возможным историческое событие. И здесь единственным подходящим инструментом является понимание. Как пишет Мизес:

Предмет понимания – мысленное представление явлений, которые не могут быть полностью объяснены с помощью логики, математики, праксеологии и естественных наук в той мере, в какой они не могут быть раскрыты этими науками¹³.

Утверждение, что полное объяснение любого исторического события, в том числе экономического, требует использования метода специфического понимания, не означает умаления важности чистой экономической теории для исторических исследований. На самом деле, как отмечает Мизес, экономическая теория

обеспечивает в своей области законченную интерпретацию зафиксированных прошлых событий и совершенное предвидение результатов, которые следует ожидать от будущих действий определенного рода. Ни интерпретация, ни предвидение ничего не говорят о действительном содержании и качестве ценностных суждений действующих индивидов. И то, и другое предполагает, что индивиды формулируют оценки и действуют, но их теоремы не испытывают влияние и не зависят от конкретных характеристик действий и ценностей¹⁴.

Таким образом, с точки зрения Мизеса, если историк намерен дать полное объяснение отдельного события, он должен представить не только «специфическое понимание» мотивов

¹³ Людвиг фон Мизес, *Человеческая деятельность*, с. 51.

¹⁴ Мизес, *Теория и история*, с. 226.

действия, но и теоремы экономической науки и других «априорных» или неэкспериментальных наук, таких, как логика и математика. Он должен также использовать знания, даваемые естественными науками, в том числе прикладными – технологией и терапией¹⁵. Знакомство с достижениями всех этих наук необходимо, чтобы иметь возможность правильно установить причинную зависимость между конкретным действием и историческим событием, чтобы проследить его специфические последствия и оценить, насколько успешно были реализованы цели действующего лица.

Например, не будучи знакомым с экономической теоремой, утверждающей, что, при прочих равных, повышение темпа денежной эмиссии ведет к понижению покупательной способности денежной единицы, историк ценовой инфляции периода войны во Вьетнаме может просто проглядеть роль Федерального резерва, и уж тем более его мотивы. Предположим, что он будет сторонником ошибочной доктрины Гэлбрейта об административно назначаемых ценах, порождающих инфляцию издержек¹⁶. В этом случае он может, вполне неуместно, сконцентрироваться исключительно на мотивах профсоюзных лидеров, требовавших больших прибавок к заработной плате, и на целях «техноструктур» больших корпораций, пасующих перед этими требованиями и принимающих решение о том, какую часть прироста издержек переложить на потребителей. Таким образом, согласно Мизесу:

Если того, чему учат эти дисциплины [т.е. априорные и естественные науки], недостаточно, или если историк выбирает ошибочную теорию из нескольких противоречащих друг другу теорий, разделяемых специалистами, то он пойдет по неправильному пути, и его работа окажется бесполезной¹⁷.

Но что в действительности представляет собой исторический метод специфического понимания, и как он может дать

¹⁵ Там же, с. 220.

¹⁶ John Kenneth Galbraith, *The New Industrial State* (New York: New American Library, 1967), pp. 189–207, 256–270.

¹⁷ Мизес, *Теория и история*, с. 220.

истинное знание таких чисто субъективных и ускользающих от наблюдения явлений, каковыми являются мотивы человеческих поступков? Прежде всего, как подчеркивает Мизес, специфическое понимание прошлых событий

не является умственным процессом, к которому прибегают только историки. Каждый человек применяет его ежедневно при общении с другими людьми. Эта методика используется во всех межчеловеческих отношениях. Она практикуется детьми в яслях и детских садах, коммерсантами в торговле, политиками и государственными деятелями в делах государства. Каждый стремится получить и точно оценить информацию об оценках и планах других людей¹⁸.

Эта техника столь широко используется в повседневной жизни потому, что целью каждого действия является перестройка будущих условий таким образом, чтобы они стали более удовлетворительными с точки зрения действующего лица. Чтобы достичь своих целей, нужно предвидеть будущие изменения вследствие как естественных причин, так и действий других людей, которые точно так же одновременно с тобой планируют и осуществляют свои действия¹⁹. Таким образом, понимание целей и ценностей других людей является необходимым условием успешного действия.

Итак, метод, который обеспечивает человека, планирующего действие, информацией о ценностях и целях других, – по существу, тот же метод, который используется историками, стремящимися обрести знание о ценностях и целях тех, кто действовал в прошлом. Универсальность этого метода Мизес подчеркивает тем, что обозначает действующего человека и историка как, соответственно, «историка будущего» и «историка прошлого»²⁰. Таким образом, независимо от целей, для которых оно используется, понимание

¹⁸ Там же, с. 193.

¹⁹ По словам Мизеса, «целью понимания является предвидение будущих условий в той мере, в какой они зависят от идей, ценностных суждений и действий людей» (Mises, *Ultimate Foundation*, p. 49).

²⁰ Мизес, *Теория и история*, с. 234.

стремится к установлению определенных фактов: что люди приписывают определенное значение состоянию своего окружения; что они определенным образом оценивают это состояние, и, побуждаемые этим ценностным суждением, прибегают к определенным средствам для его сохранения или достижения иного состояния дел, отличного от того, какое существовало бы, если бы они воздержались от любых целенаправленных действий. Понимание имеет дело с ценностными суждениями, с выбором целей и средств для достижения этих целей и с оценкой результата совершенных действий²¹.

Кроме того, имеется ли в виду планирование действия или истолкование истории, акт специфического понимания – не произвольное или случайное действие, свойственное исключительно конкретному историку или деятелю, а продукт дисциплины, которую Мизес называет «тимологией», смысл которой в «знании о человеческих оценках и желаниях»²². Мизес следующим образом характеризует эту дисциплину:

С одной стороны, тимология является ответвлением интроспекции, а с другой – осадком исторического опыта. Это то, что каждый узнает из общения с окружающими. Это то, что человек знает о способе, которым люди оценивают различные обстоятельства, об их желаниях и стремлениях. Это знание социального окружения, в котором человек живет и действует, или знание историка о чужом окружении, которое он почерпнул, изучая специальные источники²³.

Таким образом, утверждает Мизес, тимологию можно рассматривать как «отрасль исторической науки», потому что «свое знание она черпает из исторического опыта»²⁴. В силу этого и продукт познания в тимологическом опыте категорически иной, чем в экспериментальных естественных науках. Экспериментальное знание состоит из «научных фактов», истинность которых не зависит от времени. Тимологическое знание ограничено «историческими фактами», т.е. уникаль-

²¹ Mises, *Ultimate Foundation*, p. 48.

²² Мизес, *Теория и история*, с. 194.

²³ Там же, с. 194.

²⁴ Там же, с. 199.

ными и неповторимыми событиями. Мизес, соответственно, делает вывод:

Тимология может сообщить нам только то, что в прошлом определенные люди или группы людей придерживались определенных оценок и действовали определенным образом. Будут ли они и в будущем придерживаться тех же оценок и действовать таким же образом, остается неопределенным. Все, что можно утверждать об их будущем поведении, представляет собой спекулятивное предвосхищение будущего на основе специфического метода понимания исторических отраслей наук о человеческой деятельности... Тимология разрабатывает каталог характерных черт людей. Кроме того, она может установить факт, что определенные черты возникали в прошлом, как правило, во взаимосвязи с некоторыми другими свойствами²⁵.

Если говорить более конкретно, все наши догадки о том, как поведут себя в определенной ситуации члены семьи, друзья, знакомые и незнакомцы, основаны на накопленном тимологическом опыте. Надежда, что жене понравится получить на день рождения то или иное ювелирное украшение, что приятель с энтузиазмом воспримет идею пойти на фильм с Клинтон Иствудом, что такой-то студент будет недоволен своей отметкой, – все эти предположения основаны на непосредственном знании о прошлых ценностных суждениях и поступках этих людей. На тимологии основаны даже наши предположения о том, как поведут себя незнакомцы в определенных ситуациях или каким будет ход политических, социальных и экономических событий. Например, накопленный нами тимологический опыт содержит знание, что мужья ревнуют своих жен. Это помогает нам «понять» и предвидеть, что если мужчина открыто ухаживает за женщиной в присутствии ее мужа, он почти наверняка встретит отпор и рискует получить по физиономии. Кроме того, мы можем с большой степенью уверенности прогнозировать, что на ближайших президентских выборах кандидат от либертарианской партии наберет мно-

²⁵ Там же, с. 199, 200.

го меньше голосов, чем кандидаты республиканской и демократической партий; что минута рекламного времени в ходе трансляции матчей футбольного чемпионата этого года будет стоить не больше, чем во время трансляции матчей будущего суперкубка по американскому футболу; что через три месяца цена персонального компьютера не вырастет до 10 млн долл. и не упадет до 10 долл.; и что автор этой статьи никогда не станет королем Англии. Эти и миллионы других столь же определенных прогнозов основаны на специфическом понимании ценностей и целей, направляющих поведение миллионов безымянных действующих лиц.

Как уже отмечалось, источником тимологического опыта являются общение с другими людьми и наблюдение за их поведением. Этот опыт приобретается

либо непосредственно из наблюдения за окружающими нас людьми или ведения с ними дел, либо косвенно благодаря чтению и молве, а также из особого опыта, приобретенного в предыдущих контактах с данными индивидами или группами²⁶.

Подобный опыт доступен каждому умственно сформированному человеку, и он служит основой для предвидения будущего поведения тех, чьи действия ему важно учитывать. К тому же, как указывает Мизес, использование тимологического знания в повседневной жизни отличается простотой:

Тимология говорит только о том, что человеком движут врожденные инстинкты, различные страсти и различные идеи. Прогнозирующий человек оставляет в стороне те факторы, которые очевидно не играют никакой роли в рассматриваемом конкретном случае. Затем он делает выбор из оставшихся²⁷.

Чтобы сузить набор целей и желаний, которые вероятнее всего направляют поведение интересующего нас человека, мы используем «тимологическую концепцию» или представление о «характере человека»²⁸. Наше представление о характере оп-

²⁶ Там же, с. 229.

²⁷ Там же.

²⁸ Mises, *Ultimate Foundation*, p. 50.

ределенного человека основывается на полученном тем или иным способом знании о его прошлом поведении. Формулируя свои планы, «мы предполагаем, что без особых причин этот человек останется неизменным, и даже пытаемся предугадать, как определенные изменения условий могут повлиять на его реакции»²⁹. Только доверие к «характеру» нашего спутника жизни позволяет нам каждое утро спокойно отправляться на работу в уверенности, что он или она не исчезнут неведомо куда, прихватив детей и сбережения. Планируя сберечь часть дохода и куда-нибудь эти средства инвестировать, мы учитываем представление о характере Алана Гринспена, которое основывается на нашем прямом или непрямом знании о его прошлых поступках и высказываниях. Поэтому, планируя свои расходы, мы совершенно исключаем возможность того, что в ближайшем будущем он либо сознательно организует 10%-ную дефляцию денежной массы, либо попытается довести краткосрочную ставку процента до нуля.

При всем доверии к инструментам тимологического опыта наше представление о будущих событиях характеризуется известной неопределенностью, поскольку эти события в общем случае представляют собой сложную равнодействующую многих одновременно действующих причинных факторов. В силу этого всякое предвидение предполагает не только наличие перечня факторов, способствующих достижению прогнозируемого результата, но и взвешивание относительного влияния каждого из факторов на результат. При этом более трудной задачей является верное распределение весов пропорционально воздействию факторов. Даже если человек аккуратно выявит все требующие учета причинные факторы, исполнение прогноза будет зависеть от правильности их взвешивания. Источником неопределенности, присущей всякому акту предвидения, является главным образом сложность верного учета относительной роли различных действий³⁰.

Если в повседневной жизни каждый из нас бессознательно

²⁹ Ibid.

³⁰ Мизес, *Теория и история*, с. 224–225, 230.

использует тимологию для понимания и планирования многообразных будущих событий, то историк, нуждающийся в специфическом понимании причин, определяющих ценностные суждения и решения действующих лиц, которых он считает центральными фигурами для подлежащих объяснению определенных событий или эпох, использует тимологический метод сознательно и неукоснительно. Подобно будущим событиям и ситуациям, которые предвидит в своих замыслах каждый из нас, все исторические события и определяемые ими эпохи представляют собой уникальные и сложные события, реализовавшиеся в силу действий и реакций множества людей. Именно таково значение следующего утверждения Мизеса:

История – последовательность изменений. Каждая историческая ситуация обладает своей индивидуальностью, своими собственными характеристиками, отличающими ее от любой другой ситуации. Река истории никогда не возвращается в однажды пройденную точку. История не знает повторений³¹.

Именно в силу неповторимости истории тимологический опыт дает нам совсем иного рода знание о причинах исторических событий, чем экспериментальный метод естественных наук. Именно поэтому историк, подобно действующему лицу, не может обойтись без особого рода понимания, когда он составляет перечень мотивов и действий, имеющих каузальное отношение к изучаемому вопросу, и когда приписывает каждому фактору вес, пропорциональный его влиянию на результат. При решении этой задачи «понимание в мире истории является своего рода эквивалентом количественного анализа и измерений»³². Историк использует понимание в попытке измерить каузальную «значимость» каждого фактора для результата. Но такого рода оценки значимости не принимают форму объективных измерений, допускающих последующую статистическую обработку; они принимают форму основанных на тимологии субъективных «оценок значимости»³³. Деловой ус-

³¹ Там же, с. 160.

³² Мизес, *Человеческая деятельность*, с. 56.

³³ Там же.

пех обычно сопутствует тем, кто, используя тимологию, последовательно проявляет превосходство в понимании вероятности будущих событий.

Можно на следующем примере проиллюстрировать проблему взвешивания, которую приходится решать как действующим лицам, так и историкам. В ответ на 20%-ное падение промышленного индекса Доу–Джонса – или, что, пожалуй, актуальнее сегодня, индекса НАСДАК – Федеральный резерв увеличивает денежную массу на 5%, что порождает страх перед будущей рецессией и ростом спроса на ликвидность со стороны частных лиц и предприятий. Одновременно с этим ОПЕК объявляет об увеличении квот на добычу на 10%. Для ответа на вопрос, как повлияют все эти события на покупательную способность денег через шесть месяцев, нужно проявить специфическое понимание предпочтений и ожиданий людей, чтобы оценить относительный *вес* и *время* воздействия каждого из этих событий на соотношение между спросом на деньги и объемом денег в обращении. Законы экономической теории, при прочих равных условиях, имеют чисто качественный характер и указывают только направление, в котором каждое из этих событий изменит покупательную способность денег, а также сообщают, что воздействие сказывается постепенно, так что пройдет какое-то время до полного выявления эффекта. В силу этого предпринимателю или экономисту, пытающемуся дать количественный экономический прогноз, непременно приходится дополнять экономическую теорию актом исторического суждения или понимания. Когда историк экономики оценивает значимость факторов, ответственных за наблюдавшееся в период инфляции или дефляции изменение покупательной способности денег, он также использует свою способность к пониманию.

Вклад Ротбарда в разработанный Мизесом метод исторических исследований заключается в создании руководства, до известной степени смягчающего неопределенность, возникающую при оценке важности мотивов. Как пишет сам Ротбард, «историку не избежать необходимости оценивать и выносить суждения о мотивах людей, хотя он не в состоянии

обосновать свои суждения с абсолютной и неопровержимой достоверностью»³⁴. Но задачу приписывания мотивов и оценки их значимости затрудняет тот факт, что во многих случаях исторические деятели, особенно те, которые в политике искали собственную экономическую выгоду, склонны сознательно затушевывать мотивы своего поведения. Ротбард отмечает, что в общем случае в подобных ситуациях «сам деятель делает все возможное, чтобы скрыть корыстный интерес и растрюбить о своих более идейных и отвлеченных заботах»³⁵.

Ротбард, однако, утверждает, что подобные попытки затушевать или утаить денежный мотив обращением к более высоким целям легко распознаются историком в тех случаях, «когда причинная цепь экономической заинтересованности проста и обозрима»³⁶. Например, когда сталелитейная промышленность лоббирует повышение таможенных пошлин или сокращение импортных квот, ни один здравомыслящий человек, а уж тем более ни один знающий историк, не поверит заявлениям, что все это делается ради «общественных интересов» или «национальной безопасности». Что бы там ни говорили промышленники, каждый отчетливо понимает, что от-

³⁴ Murray N. Rothbard, "Economic Determinism, Ideology, and The American Revolution," *The Libertarian Forum* 6 (November 1974): 4.

³⁵ Сходное замечание делает и Мизес:

Попытки ввести потомство в заблуждение по поводу произошедшего в действительности и подменить достоверные свидетельства фальшивками часто инициируются теми, кто сам играет активную роль в событиях; попытки предпринимаются в тот самый момент, когда происходит событие, а иногда даже предшествуют ему. Ложь об исторических фактах и уничтожение улик, по мнению многих государственных деятелей, дипломатов, политиков и писателей, является законной частью ведения государственных дел и написания истории.

Мизес заключает, что в силу этого одной из первейших задач историка является «разоблачение подобного обмана» (Мизес, *Теория и история*, с. 213–214).

³⁶ Rothbard, "Economic Determinism," p. 4.

расль стремится ограничить иностранную конкуренцию ради повышения собственной прибыли. Проблема возникает в тех случаях, «когда наличествуют более сложные и длинные причинные цепочки»³⁷. Здесь в качестве примера Ротбард указывает на план Маршалла. В этом случае широко разрекламированными мотивами архитекторов плана были предотвращение голода в странах Западной Европы и усиление их сопротивления соблазнам коммунизма. Ни слова не было сказано о другой, столь же реальной цели – продвижение и субсидирование экспортных отраслей США. Понадобилась кропотливая работа историков, чтобы со временем докопаться до действительных экономических мотивов³⁸.

Учитывая тот факт, что как стремящиеся к субсидиям и привилегиям промышленники, так и раздающие их политики склонны лгать о своих истинных мотивах, Ротбард сформулировал, по его собственным словам, «теоретическое руководство, позволяющее заранее знать, когда движущие исторические силы имеют преимущественно экономический, а когда – идеологический характер»³⁹. Это руководство Ротбард, разумеется, составил в соответствии со своим мировоззрением. Однако не следует понимать дело так, что мировоззрение историка является чисто идеологической конструкцией или бессознательным отражением его нормативных предубеждений. На деле каждый историк должен иметь собственное мировоззрение – набор взаимосвязанных представлений об управляющих миром причинных зависимостях, чтобы иметь возможность выделять факты, важные для объяснения конкретного исторического события. Согласно Ротбарду, «факты, разумеется, должны быть отобраны и упорядочены по степени их важности, а оценивает их важность историк в соответствии со своими представлениями о мире»⁴⁰.

³⁷ Ibid.

³⁸ См., напр.: Davids Eakins, “Business Planners and America's Post-war Expansion,” in *Corporations and the Cold War*, David Horowitz, ed. (New York: Modern Reader, 1969), pp. 143–171.

³⁹ Rothbard, “Economic Determinism,” p. 4.

⁴⁰ Murray N. Rothbard, *Conceived in Liberty*, vol. 1, *A New Land*, A

Точнее говоря, в соответствии с подходом Мизеса к истории мировоззрение содержит необходимые представления относительно причинных зависимостей, которые историк извлекает из своих познаний в априористических и естественных науках и использует при оценке данных. Как пишет Мизес:

История – это не мысленное копирование, а концентрированное представление прошлого средствами понятийного аппарата. Историк не просто позволяет событиям говорить самим за себя. Он организует их в соответствии с идеями, лежащими в основе образования общих понятий, которые он использует в своем представлении материала. Источник сообщает нам не все случившиеся факты, а только те, *которые имеют отношение к делу*. Он не открывает документ без предположений, но подходит к делу во всеоружии научного знания своего времени, т.с. учений современной логики, математики, праксеологии и естественных наук⁴¹.

Так, например, экономист австрийской школы, пытающийся объяснить заоблачный рост цен, имевших место в ходе гиперинфляции в Германии в начале 1920-х гг., не сочтет важным эпизод спекулятивной игры против немецкой марки, сопровождавшей резкое падение ее валютного курса. А все потому, что он подходит к этому событию, будучи вооруженным количественной теорией денег и теорией паритета покупательной способности как основы валютного курса. Эти выведенные из праксеологии «исходные предпосылки» требуют от него не придавать значения действиям валютных спекулянтов при объяснении обвального падения покупательной способности марки на внутреннем рынке. Эти же исходные предпосылки обращают его внимание на мотивы, побудившие Рейхсбанк к расширенной эмиссии денег. Точно так же современный историк, изучающий причины и распространение бубонной чумы в Европе XIV в., пренебрежет расцветом религиозных ересей в ту эпоху. Вместо этого он положится на

New People: The American Colonies in the Seventeenth Century, 2nd. ed. (Auburn, Ala.: Mises Institute, 1999), p. 9.

⁴¹ Мизес, *Человеческая деятельность*, с. 48.

выводы современной медицины относительно причин, способствующих распространению этой болезни.

Значение предлагаемого Ротбардом теоретического руководства в том, что он добавляет нечто совершенно новое в арсенал научных представлений историка, позволяющих ему судить о значимости мотивов тех, кто содействует определенным политическим событиям или противится им. Новизна и блеск этого руководства в том, что это не чисто априорный закон вроде экономической теоремы и не экспериментально установленный «факт» естественных наук. Это, скорее, социологическое обобщение, опирающееся на творческое сочетание тимологического опыта и экономической теории. В основе этого обобщения лежит идея, что на протяжении всей истории государство представляло собой, по существу, организацию части населения, отказавшейся от мирной хозяйственной деятельности ради того, чтобы превратиться в правящий класс. Этот паразитический класс добывает средства к существованию через установление своей гегемонии или устойчивых «политических» отношений с производительной частью населения. Политическая власть помогает правителям существовать за счет дани или налогов, регулярно и «законно» собираемых с доходов и собственности производящего класса. Последний состоит из «подданных» или, в случае демократического государства, из «налогоплательщиков», которые зарабатывают на жизнь «экономическими методами», т.е. участием в мирном производстве и добровольном обмене. Членов правящего класса, напротив, можно считать «потребителями налогов», которые зарабатывают на жизнь насильственными «политическими методами», т.е. сбором налогов и продажей монопольных привилегий⁴².

⁴² О происхождении и природе государства как организации, использующей насильственные политические методы для получения средств существования см.: Franz Oppenheimer, *The State* (New York: Free Life Editions, [1914] 1975); Albert J. Nock, *Our Enemy, The State* (New York: Free Life Editions, [1935] 1973); Murray N. Rothbard, *For a New Liberty: The Libertarian Manifesto*, 2nd ed. (San Francisco: Fox and Wilkes, 1996), pp. 45–69.

Ротбард доказывает, что в соответствии с требованиями экономической логики король и его придворные либо демократическое правительство и окружающие его заинтересованные группы составляют лишь незначительное меньшинство населения страны, что все государства независимо от их формальной организации неизбежно следуют олигархическим нормам⁴³. И для этого есть две причины. Во-первых, сама по себе паразитическая природа отношений между правителями и подданными требует, чтобы большинство населения участвовало в производстве и имело возможность уплачивать требуемую от него дань или налоги и одновременно могло поддерживать собственное существование. Если бы правящий класс составил большинство населения, немедленным результатом оказался бы экономический коллапс и крах системы в силу вымирания производителей. Тогда правящему большинству пришлось бы либо перейти к производительной деятельности, либо вступить в междоусобную войну ради создания новых и более стабильных, т.е. олигархических, отношений между правителями и подданными.

Вторая причина того, что правящий класс тяготеет к олигархии, относится к закону сравнительных преимуществ. В мире, где люди так различаются по своим умениям и способностям, все стороны экономической и социальной жизни подчинены закону разделения труда. И это относится не только к тому, что нужны особые способности для создания новых компьютерных программ, для торговли ценными бумагами или для карьеры профессионального футболиста. Точно так же только немногие обладают способностью властвовать. Более того, закон сравнительных преимуществ определяет структуру отношений как внутри организаций, так и между ними, вызывает к жизни иерархические структуры, являющиеся почти непременной характеристикой всяческих организаций. Возьмем ли мы корпорацию, шахматный клуб или банду преступников, в качестве формальных или неформальных лидеров всегда впереди оказывается энергичная и предприимчивая

⁴³ Rothbard, *For a New Liberty*, pp. 49–50; idem, “Economic Determinism,” pp. 4–5.

элита, направляющая и управляющая относительно инертным большинством. «Железный закон олигархии», как окрестили некогда это проявление закона сравнительных преимуществ, способствует перерождению первоначально мажоритарного демократического или децентрализованного республиканского государства в государство высокоцентрализованное, управляемое правящей элитой⁴⁴.

Этот анализ привел Ротбарда к выводу, что политическая власть по природе своей тяготеет к олигархии. Незначительное меньшинство, одаренное способностью властвовать, объединяется и затрачивает все силы и энергию для того, чтобы установить и сохранить устойчивое господство над производительным большинством. А поскольку главным источником их дохода является власть, вся политика и действия членов этого олигархического правящего класса направляются преимущественно экономическими мотивами. Эксплуатируемый класс производителей, напротив, не может вкладывать так много в отношения власти, и его действия на политической арене не подчинены в той же степени экономическим выгодам, причем именно в силу того, что они вынуждены зарабатывать на жизнь в собственной профессии. Как объясняет Ротбард:

правящий класс, будучи численно незначительным и высокоспециализированным, двадцать четыре часа в сутки поглощен мыслью о своих экономических интересах. Сталепромышленники, мечтающие о запретительных ввозных пошлинах, банкиры, заинтересованные в налогах, которыми государство могло бы погасить свои долговые обязательства, правители, которым нужно сильное, способное раздавать субсидии государство, бюрократы, нацеленные на расширение своих полномочий, все они являются профессионалами государственной власти. Они неустанно хлопочут о сохранении и расширении своих привилегий⁴⁵.

⁴⁴ Одно из первых описаний того, как этот закон действует в среде социал-демократических партий, см.: Robert Michels, *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy* (New York: Dover Publications, [1915] 1959).

⁴⁵ Rothbard, "Economic Determinism," p. 5.

Однако правящий класс вынужден постоянно решать одну серьезную проблему: как убедить производительное большинство, за счет сборов с которого оно существует, что его законы, нормы и политика полезны, иными словами, что они совпадают с «общественным интересом», или способствуют «общественному благу», или оптимизируют «социальное обеспечение». Поскольку политический класс составляет меньшинство, неспособность решить эту проблему чревата серьезными последствиями. Даже пассивное сопротивление значительной части трудящегося населения в форме отказа от уплаты налогов делает доход политического класса, а значит и надежность его существования, весьма шаткими. Возможен и более зловещий вариант, поскольку попытки силой подавить пассивный протест могут сделать его более массовым и активным, а в итоге грозят переходом к активным революционным действиям и отстранению эксплуатирующего меньшинства от власти. Именно здесь на сцене появляются интеллектуалы. Их задача убедить публику в необходимости деятельно сотрудничать с государством ради общего блага, а в крайнем случае – терпеть его хищничество, потому что иначе всем грозят анархия и хаос. В уплату за идеологическое оправдание эксплуатации масс подданных или налогоплательщиков эти «придворные интеллектуалы» – младшие партнеры правящей элиты – получают свою долю власти, богатства и престижа. Если в допромышленные времена роль апологетов государственной власти исполняло духовенство, то в Новое время – по крайней мере со времен Прогрессивной эры в США – их поставляют главным образом университеты⁴⁶.

⁴⁶ О союзе интеллектуалов с государством см.: Rothbard, *For a New Liberty*, pp. 54–69. Особенно наглядный пример такого союза даст Германия конца XIX в., где экономисты немецкой исторической школы именовались «кафедральными социалистами» (катедер-социалистами), потому что они имели господствующее влияние на экономических факультетах университетов Германии. Они совершенно отчетливо осознавали свою роль идеологического прикрытия для императорской политики и гордо именовали себя «интеллектуальной гвардией дома Гогенцоллернов» (Ibid., p. 60).

Политики, бюрократы и те, кого они наделяют субсидиями и привилегиями, постоянно заняты тем, что украшают свою деятельность высокими идеологическими мотивами, дабы скрыть от эксплуатируемого и ограбляемого населения свою погоню за наживой. В сегодняшнем мире эти мотивы находят выражение в риторике европейских «социал-демократов» и современных американских либералов, насаждающих идеологию государства всеобщего благосостояния⁴⁷. В прошлом правящие олигархии использовали идеологию королевского абсолютизма, марксизма, реформизма, фашизма, национал-социализма, либерализма Нового курса и пр., и пр., чтобы призывами к укреплению мощи государства замаскировать свои экономические интересы. Разрабатывая свое теоретическое руководство, Ротбард стремится снабдить историков инструментом для проникновения через завесу идеологической риторики и раскрытия истинных мотивов, стоявших за политикой и действиями правящих элит на протяжении всей истории. Как пишет сам Ротбард о своем руководстве, всякий раз, когда потенциальные или действительные хозяева и бенефициарии государства действуют,

когда они формируют государство или принимают обеспечивающую централизацию конституцию, когда они начинают войну или создают план Маршалла, или используют и умножают мощь государства, ими движут *прежде всего* экономические интересы: умножить свою добычу за счет подданных и налогоплательщиков. Исповедуемая ими идеология, которую формулируют и распространяют в обществе придворные интеллектуалы, является всего лишь продуманной рационализацией их корыстных экономических интересов. Идеология – это дымовая завеса для их грабежа, придуманная интеллектуа-

⁴⁷ Так называемый «неоконсерватизм», доминирующий в консервативном движении и в Республиканской партии США, – это просто разновидность современного либерализма [в американском смысле этого термина. – *Ред.*]. Его ведущие теоретики пропагандируют чуть более эффективное и меньшее по размерам попечительское государство, а также более активный и широкий интервенционизм, в том числе военными методами, на международной арене.

лами фальшивая одежда для императора, прикрывающая неприкрытый грабеж. Таким образом, задача историка в том, чтобы прорваться к существу дела, сорвать идеологический наряд с имперского государства и разоблачить лежащие в основе всего экономические мотивы⁴⁸.

Характеризуя современное демократическое государство как преимущественно инструмент перераспределения дохода от производителей к политикам, бюрократам и субсидируемым группам, Ротбард подставляет себя под обвинение в том, что он рассматривает экономическую историю с позиций теории заговора. В этом смысле особенно подозрительно его акцентирование почти универсальной склонности тех, кто использует политику в целях личной наживы, маскировать свои истинные мотивы с помощью ханжеской идеологии. В самом деле, созданная Чикагской школой теория государственного регулирования экономики и теория общественного выбора, разработанная Вирджинской школой, также приписывают политикам, бюрократам и находящимся под патронажем государства отраслям хозяйства устремленность исключительно на максимизацию собственной пользы в самом узком смысле слова, что если не в большинстве, то во многих случаях обозначает чисто денежный интерес⁴⁹. Но экономисты обеих этих школ защищены от обвинений в приверженности теории заговора, потому что в своих прикладных работах они в общем случае воздерживаются от системного, тимологического исследования действительных мотивов тех людей и групп, действия которых они анализируют. Вместо этого они, будучи приверженцами позитивистской методологии, механически наделяют реальных лиц, действующих в конкретных экономи-

⁴⁸ Rothbard, "Economic Determinism," p. 5.

⁴⁹ См., например: George J. Stigler, "The Theory of Economic Regulation," in *The Citizen and the State: Essays on Regulation* (Chicago: University of Chicago Press, 1975), pp. 114–141; James M. Buchanan, "Politics without Romance: A Sketch of Positive Public Choice Theory and Its Normative Implications," in *The Theory of Public Choice – II*, James M. Buchanan and Robert D. Tollison, eds. (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1984), pp. 11–22.

ческих обстоятельствах, узко определенной склонностью к максимизации пользы.

Джеймс Бьюкенен, один из основателей теории общественного выбора, пишет, например, что экономисты, придерживающиеся этой парадигмы, склонны

использовать модели человека, которые оказались полезными в рамках экономической теории, модели, которые использовались для разработки эмпирически проверяемых и эмпирически подтвержденных гипотез. Эти модели воплощают предположение, что люди стремятся к максимизации собственных выгод, и их узко определенное материальное благополучие является важным компонентом этих выгод⁵⁰.

Джордж Стиглер, первым разработавший теорию государственного регулирования экономики, доказывает: «Фактически у нас есть только одна теория человеческого поведения, и это теория максимизации пользы». Но Стиглер в отличие от Ротбарда и Мизеса основывает свое доверие к функции полезности для реальных действующих лиц не на историческом методе специфического понимания, а на эмпирическом методе. Вот рассуждение Стиглера:

Первой задачей эмпирических исследований [политики государственного регулирования] является установление целей законодательства! Порой объявленные цели политики никак не соотносятся, а иногда и прямо противоположны действительным результатам политики, и *о задуманном результате приходится судить по тому, что получилось на самом деле*. Это не тавтология ради приукрашивания нелегкой проблемы, а гипотеза о природе политической жизни... Если экономическая политика была принята во многих городах либо все общество следует ей достаточно долгое время, стоит предположить, что ее результаты – это именно то, что замышлялось и на что рассчитывали⁵¹.

Таким образом, отбросив возможность того, что исторические деятели могут ошибиться в выборе подходящих средств

⁵⁰ Buchanan, "Politics without Romance," p. 13.

⁵¹ Stigler, "Theory of Economic Regulation," p. 140.

достижения поставленных целей, позитивист Стиглер освобождает себя от изучения темных и не поддающихся измерению мотивов. Нет сомнения, что нет никакой нужды ставить вопрос о мотивах, если исторические результаты политики и действия всегда совпадают с тем, что замыслил человек или организация, потому что, согласно Стиглеру, «ошибки – это не то, за счет чего можно жить». Тогда, с точки зрения Стиглера, историку не стоит стремиться к субъективному пониманию мотивов действия, потому что наблюдаемые результаты совершенно соответствуют целям исторического персонажа. Но, возможно, Стиглер согласится с абсурдностью предположения, что, неуклонно проводя в течение длительного времени катастрофическую политику на Восточном фронте, Гитлер стремился к поражению во Второй мировой войне. Но такое предположение оказывается абсурдным только в свете тавтологического проникновения в замыслы Гитлера, для чего приходится изучить сведения о его действиях и политике, устные и письменные высказывания его лично, а также его подчиненных и помощников. Такое проникновение приводит нас к *пониманию*, которое не сможет обоснованно оспорить ни один разумный человек, что Гитлер страстно стремился победить в войне.

Ротбард настаивает, что тот же метод понимания, который позволяет историку постичь цели нападения на СССР, пригоден и для уяснения мотивов тех, кто добивается введения таможенных пошлин или создания центрального банка. Соответственно, руководство, в котором Ротбард рекомендует историкам экономики начинать исследование с поиска экономических мотивов, – это всего лишь ориентир. И он никак не может заранее исключить возможность того, что в некоем случае главную роль играли идеологические или альтруистические мотивы. Если не удастся выявить скрытые экономические мотивы, историк должен заняться поиском идеологических или неэкономических побуждений. Таким образом, указывает Ротбард, его подход к экономической истории, – можете, если хотите, назвать его «теорией заговора», – «это всего лишь праксеология в применении к человеческой истории, утверждающая, что люди действуют в соответствии со своими

интересами»⁵². Этот подход признает и то, что Мизес назвал «исторической индивидуальностью», а именно: «Особенности отдельных людей, их идеи и ценностные суждения, а также действия, направляемые этими идеями и суждениями, невозможно представить как производные от чего-либо»⁵³. Стиглер и Бьюкенен, следующие методу позитивизма, напротив, пытаются втиснуть участников исторических событий в прокрустово ложе *homo economicus*, который неустанно и безошибочно стремится к достижению личных экономических выгод.

Мы сможем лучше оценить значение методологической новации Ротбарда, если сравним его объяснение истоков Федеральной резервной системы с тем, как объясняют это Милтон Фридмен и Анна Шварц в своей влиятельной работе «История денежного обращения в США, 1867–1960»⁵⁴. Эта книга, после ее опубликования в 1963 г., служит стандартным руководством для всех изысканий в области кредитно-денежной истории США. Хотя Фридмена и Шварц нельзя в точном смысле слова причислить к новой школе экономической истории, в их книге сильно чувствуется позитивистский подход, а их методы родственны используемым последователями этого направления⁵⁵. Например, в предисловии к этой книге Фридмен и Шварц пишут, что стремились «дать введение и основу для статистического анализа долгосрочного и циклического движения денег в США и исключить любой материал, не имеющий отношения к этой задаче». В частности, они не замахивались на написание «полномасштабной экономической и политической истории, которая только и может дать всестороннюю картину роли денег в жизни США в предыдущем сто-

⁵² Murray N. Rothbard, “Only the Heartbeat Away,” *The Libertarian Forum* 6 (September 1974): 5.

⁵³ Мизес, *Теория и история*, с. 133.

⁵⁴ Milton Friedman and Anna Jacobson Schwartz, *A Monetary History of the United States 1867–1960* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1963).

⁵⁵ См., напр.: North, *Growth and Welfare in the American Past*, p. 11, n. 6.

летию»⁵⁶⁶. В итоге центральное место в этом томе, объемом в 808 страниц, занимают необъясняемые изменения политики денежной эмиссии. Да и в первой же фразе авторы сообщают, что «это книга о денежной массе в США»⁵⁷.

Фридмен и Шварц, конечно же, не отрицают и не могут отрицать, что причиной изменения денежного предложения служат целенаправленные действия людей. Но избранная ими позитивистская методология принуждает их ограничиться в своих исторических изысканиях только наблюдаемыми результатами этих действий, избегая обращения к мотивации. Ведь, согласно позитивистской философии науки, в научном исследовании статус «причинных» факторов могут иметь только наблюдаемые и поддающиеся измерению явления, тогда как мотивы поведения – это ненаблюдаемое и не поддающееся измерению понятие. Так что если написать научную в строго позитивистском смысле слова историю денежного обращения и кредита, ее следовало бы именовать летописью количественных изменений ряда агрегатов денежной массы и влияния (поддающегося измерению) этих изменений на другие количественные переменные, такие, как уровень цен и объем производства в неизменных ценах.

Однако даже Фридмену и Шварц приходится в своей «Истории денежного обращения в США» время от времени вылезать из трясины статистического анализа, чтобы дать объясне-

⁵⁶ Friedman and Schwartz, *A Monetary History*, p. xxii.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 3. Будучи последовательными позитивистами, Фридмен и Шварц говорят только о «денежной массе» или «количестве» денег, а не о «предложении» денег, видимо, в силу того, что первое представляет собой наблюдаемый на рынке результат взаимодействия между ненаблюдаемыми кривыми спроса на деньги и их предложением. Но очень похоже, что Фридмен и Шварц рассматривают показатель денежной массы как хорошую эмпирическую оценку показателя денежного предложения, потому что последний в их понимании отличается совершенной неэластичностью по отношению к уровню цен. Сравните с интерпретацией Питера Темина: Peter Temin, *Did Monetary Forces Cause the Great Depression?* (New York: W. W. Norton, 1976), p. 18.

ние экономическим событиям, интеллектуальным дискуссиям, социальным конфликтам и политическим маневрам, которые оказывают глубокое и неоспоримое влияние на институциональные условия рынка денег. Поскольку позитивистская методология плохо приспособлена к учету мотивов, результаты спорадических попыток Фридмена и Шварц привлечь более широкие исторические материалы оказываются поверхностными и неубедительными, а порой и просто вводят в заблуждение. Например, из 100 страниц двух глав, посвященных критически важному в денежной истории США периоду с 1879 по 1914 г., только 11 посвящены рассмотрению политических и социальных факторов, приведших к созданию Федеральной резервной системы⁵⁸. Из содержимого этих 11 страниц следует, что «проблема "денег"», которая последние три десятилетия XIX в. была в центре американской политики, была создана «преступлением 1873 г.» и что главным фактором ее развития была фермерская партия популистов с ее требованием неограниченной чеканки серебряных монет (дешевые деньги). Более того, это движение отчасти было выразителем духа 1890-х гг., десятилетия, которое, согласно цитируемому нашими авторами Ванн Вудворду, «отличалось чрезмерным шутовством и сумасбродством, которые охватили не только высшие и средние, но и низшие слои американского общества»⁵⁹. Приземляя таким образом «проблему денег», авторы совершенно игнорируют точно рассчитанные тайные действия банкиров с Уолл-стрит во главе с Морганом и Рокфеллером, которые мечтали провести картелирование всего банковского дела и вместе со своими политическими союзниками занять место у штурвала. Это движение, ставшее в 1890-х гг. серьезной силой, также было отчасти реакцией на предложения сторонников серебряных денег и аграрных инфляционистов, а его целью было закрепление за банками возможности нажиться на ожидавшейся инфляции.

Таким образом, Фридмен и Шварц изображают кампанию за создание центрального банка вне связи с проблемой денег, и

⁵⁸ Friedman and Schwartz, *A Monetary History*, pp. 89–188.

⁵⁹ *Ibid.*, p. 115, n. 40.

получается, что движение набрало обороты только в ответ на банковскую панику 1907 г. и на вскрывшуюся в связи с ней проблему «неэластичности денег». И у них получается, что Федеральная резервная система возникла благодаря честным и бескорыстным усилиям обеих партий найти практическое решение чисто технической проблемы, которая мешала гладкому функционированию кредитно-денежной системы⁶⁰. Рассказывая о создании Федеральной резервной системы, Фридмен и Шварц даже не затрагивают вопрос о группах, выигравших от такого «решения». Они не углубляются в мотивы сторонников закона о Федеральной резервной системе. После очень краткого и поверхностного рассказа о событиях, приведших к принятию этого закона, они спешат вернуться к главной задаче их «истории денег», которая, как сформулировал Фридмен в другой работе, заключается в том, чтобы «внеести вклад в запас проверенных знаний»⁶¹.

Для Фридмена и Шварц главная цель экономической истории состоит в проверке гипотез, возникающих при наблюдении закономерностей в динамике исторических данных. В соответствии с этим Фридмен и Шварц описывают свой подход к экономической истории как создание «гипотетической истории – рассказ "о том, как могло бы все сложиться"»⁶². На их взгляд, первая задача историка экономики – выявить наблюдаемую совокупность условий, ведущих к наступлению исследуемого исторического события, для чего ученый формулирует и проверяет теоретические гипотезы о том, как развивались бы события в отсутствие этих условий. Этот «метод контрфактических гипотез», как его называют новые историки экономики, объясняет некое историческое событие и, одновременно, увеличивает запас «проверенных знаний» о теоретических закономерностях, которые могут быть использованы в будущих исследованиях экономической истории⁶³.

⁶⁰ Ibid., p. 171.

⁶¹ Milton Friedman, "The Quantity Theory of Money – A Restatement," in *Study in the Quantity Theory of Money* (Chicago: University of Chicago Press, [1956] 1973), p. 18.

⁶² Ibid., p. 168.

⁶³ Подробнее о природе и использовании метода контрфактиче-

Фридмен и Шварц демонстрируют этот метод при анализе банковской паники 1907 г.⁶⁴ В самом начале кризиса банки ограничили выдачу денег вкладчикам и тем самым предотвратили массовые банкротства и даже временное закрытие банков. Из этого Фридмен и Шварц выводят теоретическую гипотезу, что когда разражается финансовый кризис, чем раньше введены ограничения на выдачу денег, тем легче предотвратить масштабный крах банковской системы. Затем они проверяют эту гипотезу на материале событий 1929–1933 гг. В тот раз финансовый кризис начался с биржевого краха в октябре 1929 г., а выплаты вкладчикам ограничили только в марте 1933 г. С 1930 по 1933 г. пропала волна массовых банкротств банков. Таким образом, теоретическая гипотеза или «контрфактическое» утверждение, что своевременное ограничение выплат могло остановить развитие финансового кризиса, нашло здесь эмпирическое подтверждение, поскольку массовое закрытие банков началось именно после 1929 г.

Нет сомнений, что Фридмен и Шварц осознают, что реальная проверка этих теоретических гипотез невозможна, потому что «мы не в состоянии точно воспроизвести экспериментальную ситуацию и, таким образом, детально проверить эти гипотезы». Но при этом они продолжают утверждать, что «вся аналитическая история, история, нацеленная на истолкование, а не на простую фиксацию прошлых событий, имеет именно такой характер, и это объясняет, почему приходится заново переписывать историю в свете вновь вскрывающихся фактов»⁶⁵. Иными словами, историю приходится постоянно пересматривать на основе «новых фактов», которыми нас неустанно снабжает ход исторического процесса. Как уже отмечалось

ских гипотез см.: Robert William Fogel, "The New Economic History: Its Findings and Methods," in *The Reinterpretation of American History*, Robert William Fogel and Stanley L. Engerman, eds. (New York: Harper and Row, 1971), pp. 8–10; Donald N. McCloskey, "Counterfactuals," in *The New Palgrave: The New World of Economics*, John Eatwell, Murray Milgate, and Peter Newman, eds. (New York: W. W. Norton, 1991), pp. 149–154.

⁶⁴ Friedman and Schwartz, *A Monetary History*, pp. 156–168.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 168.

выше, это порочный круг, характеризующий все попытки использовать позитивистские методы для истолкования истории. Как будто специально, чтобы предупредить осознание этого порочного круга, Фридмен и Шварц эпиграфом к своей книге взяли знаменитое высказывание Альфреда Маршалла:

Опыт... показывает, что невозможно чему-либо научиться из фактов, пока их причины не были рассмотрены и истолкованы; и он учит, что наиболее опрометчив и вероломен тот теоретик, который предоставляет фактам и цифрам говорить самим за себя⁶⁶.

Но разум, очевидным образом, учит нас, что причиной наблюдаемых – а в некоторых случаях исчислимых, но никогда измеряемых – событий экономической истории всегда являются целенаправленные действия людей, цели и мотивы которых недоступны непосредственному наблюдению. Отрицая исторический метод понимания, Фридмен и Шварц руководствуются не разумом, а сугубо позитивистской нацеленностью на то, чтобы использовать историю как лабораторию, хотя и несовершенную, дающую возможность формулировать и проверять теории, которые позволят в будущем предсказывать и контролировать аналогичные явления. Мизес пишет о намерении, лежащем в основе этого позитивистского подхода к истории: «Эта дисциплина извлечет из исторического опыта законы, которые принесут социальной «инженерии» такую же пользу, какую законы физики приносят технологической инженерии»⁶⁷.

Можно и не говорить, что для Ротбарда история не может служить даже в качестве несовершенной лаборатории для проверки теорий, потому что он согласен с Мизесом в том, что «предметом истории... являются ценностные суждения и их проецирование на реальность изменений»⁶⁸. Стремясь объяснить возникновение Федеральной резервной системы, Ротбард ставит вопрос о том, кто должен был выиграть и кого должно

⁶⁶ Ibid., p. xix.

⁶⁷ Мизес, *Теория и история*, с. 209.

⁶⁸ Мизес, *Человеческая деятельность*, с. 49.

было привлекать столь радикальное изменение кредитно-денежной системы. И тут в полной мере сказалось научное мировоззрение Ротбарда. Будучи теоретиком кредитно-денежной системы, воспитанным в традициях австрийской школы, он понимает, что основанная на частичном резервировании система золотомонетного обращения открывает больше возможностей для инфляционной эмиссии банковских кредитов в условиях центрального банка, чем при квазидецентрализованной национальной банковской системе, созданной непосредственно перед принятием закона о Федеральной резервной системе в 1913 г. Праксеологические рассуждения теории денег австрийской школы также подсказывают, что львиную долю выгод от раздувания банковского кредита получают кредиторы и первые получатели вновь эмитируемых банкнот и депозитов, иными словами, коммерческие и инвестиционные банкиры и их клиенты. Направляемый выводами из этого праксеологического знания и тимологическим правилом о мотивах тех, кто лоббирует государственные законы и нормативные положения, Ротбард тщательно исследует цели и действия крупных коммерческих и инвестиционных банкиров с Уолл-стрит, их клиентов из промышленных корпораций, их единомышленников и союзников на политической арене.

Проведенный Ротбардом анализ конкретных фактов показал, что с конца 1890-х гг., в течение целого десятилетия до банковской паники 1907 г., банкиры с Уолл-стрит и их союзники начали втайне организовывать и финансировать интеллектуальное и политическое движение за создание центрального банка. В этом движении участвовали университетские профессора экономики, прикрывавшие свои узкокорыстные интересы рассуждениями о предполагаемой всеобщей выгоде от появления центрального банка, который будет действовать в качестве благожелательного и бескорыстного поставщика «эластичной» ликвидности и «кредитора в последней инстанции». На самом деле, крупные банкиры и промышленники всей душой желали появления центрального банка, который бы в дополнение к существовавшим золотым резервам обеспечивал рынок эластичным резервом бумажных денег. Дос-

тупность дополнительных резервов обещала банкам расширение возможностей для раздувания кредита и, что еще важнее, сулила предотвращение или хотя бы смягчение периодических банковских кризисов, которые в прошлом не раз ставили предел кредитной инфляции в виде банковских крахов и промышленных депрессий.

В книге Ротбард последовательно и с блеском применяет подход, рассмотренный выше в связи с вопросом о создании ФРС, к экономической истории для выявления причин и последствий событий и влияния различных институтов на всем протяжении истории кредитно-денежной системы США, от колониальных времен до эпохи Нового курса. Одно из важных преимуществ уникального подхода Ротбарда заключается в том, что ему удается убедительно рассказать о ходе развития банковского сектора в США, выявляя при этом связи между мотивами и планами, зачастую скрытыми и имеющими окольный характер, с результатами, которые порой оказываются трагическими. И это увлекательное изложение истории кредитных учреждений может научить гораздо большему, чем корпение над бесконечными статистическими выкладками.

Хотя пять частей этой книги создавались независимо друг от друга, она содержит довольно связанное изложение более чем трехсотлетней истории денег в США, с очень незначительным числом повторов. Часть I «История денег и банков до начала XX столетия» была написана в качестве мнения меньшинства в Комиссии США по золотому стандарту и рассматривает эволюцию денежной системы США от ее зарождения в колониальную эпоху до конца XIX столетия⁶⁹. В этой части Ротбард детально рассматривает две ранние провалившиеся попытки финансовой элиты навязать молодой республике своего рода центральный банк. Он демонстрирует инфляционные последствия операций этих привилегированных банков, Первого и Второго банка Соединенных Штатов, действовавших, соответ-

⁶⁹ Rep. Ron Paul and Lewis Lehrman, *The Case for Gold: A Minority Report of the U.S. Gold Commission* (Washington, D. C: Cato Institute, 1982), pp. 17–118.

ственно, в 1791–1811 и 1816–1833 гг. Затем Ротбард обсуждает либертарианские идеологические движения Джефферсона и Джексона, которым удалось избавиться от этих централистских и порождавших инфляцию организаций. После чего следует рассмотрение эры сравнительно свободного и децентрализованного банковского дела, продлившейся от 1830-х гг. до Гражданской войны и пагубного влияния войны на кредитно-денежную систему США. Часть 1 завершается анализом и критикой национальной банковской системы, утвердившейся после Гражданской войны. Ротбард описывает, как этот режим, энергично проводившийся инвестиционным банком, сумевшим монополизировать право размещения правительственных облигаций на рынке, централизовал банковское дело и дестабилизировал экономику, что привело к серии финансовых кризисов, проторивших путь для введения Федеральной резервной системы.

Часть 2 «Происхождение Федеральной резервной системы» – это статья, длительное время пролежавшая в столе и недавно опубликованная в журнале «Куотерли джорнэл оф остриан экономике»⁷⁰. Основное содержание статьи рассмотрено нами выше.

Часть 3 содержит не публиковавшуюся до сих пор статью «От Гувера до Рузвельта: Федеральная резервная система и финансовая элита». Здесь Ротбард выявляет финансовые интересы и идеологию, под влиянием которых Федеральный резерв организовал почти непрерывное наращивание денежной массы от момента своего создания в 1914 г. до 1928 г. Эта часть также включает анализ того, как совпадения и конфликты финансовых интересов групп Моргана и Рокфеллера формировали политику и поведение Федерального резерва в период президентства Гувера и в первый срок президентства Рузвельта, а также анализ международной и внутренней кредитной и финансовой политики в период правления президента Рузвельта.

Часть 4 «Золотовалютный стандарт в межвоенные годы»

⁷⁰ Murray N. Rothbard, “The Origins of the Federal Reserve System,” *Quarterly Journal of Economics* 2, no. 3 (Fall 1999): 3–51.

была опубликована в сборнике статей о деньгах и государстве⁷¹. В настоящем издании эта статья впервые публикуется в первоначальном нецензурированном виде. Ротбард объясняет, почему в 1920-х гг. правительства США и Великобритании так стремились к воссозданию международной валютной системы на базе этой глубоко порочной, чреватой инфляцией карикатуры на классический золотомонетный стандарт. Ротбард также анализирует «внутренние противоречия» золотовалютного стандарта, которые привели к отказу от него в начале 1930-х гг.

Часть 5 «Новый курс и международная денежная система» была прежде опубликована в сборнике статей, посвященном международной политике времен Нового курса⁷². Здесь Ротбард доказывает, что в период Нового курса как раз накануне вступления США во Вторую мировую войну произошло резкое изменение в международной денежной политике США. Он анализирует экономические интересы, готовившие радикальную трансформацию политики Нового курса и получившие выгоду от этого: от «долларового национализма» периода 1930-х гг. до агрессивного «долларового империализма», набравшего силу в период войны и приведшего к заключению Бреттон-Вудского соглашения в 1944 г.

*Джозеф Салерно
Университет Пейс*

⁷¹ Murray N. Rothbard, "The Gold-Exchange Standard in the Interwar Years," in *Money and the Nation State: The Financial Revolution, Government and the World Monetary System*, Kevin Dowd and Richard H. Timberlake, Jr., eds. (New Brunswick, N.J.: Transactions Publishers, 1998), pp. 105–63.

⁷² Murray Rothbard, "The New Deal and the International Monetary System," in *Watershed of Empire: Essays on New Deal Foreign Policy*, Leonard P.iggio and James J. Martin, eds. (Colorado Springs, Colo.: Ralph Myles, 1976), p. 19.

ЧАСТЬ I

ИСТОРИЯ
ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ
И БАНКОВСКОГО ДЕЛА В США
ДО НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ И БАНКОВСКОГО ДЕЛА В США ДО НАЧАЛА XX СТОЛЕТИЯ

Будучи аванпостом Великобритании, американские колонии, разумеется, использовали в качестве денег британские фунты, *penland bankse* и шиллинги. В Британии был принят серебряный стандарт, и шиллинг равнялся 86 тройским гранам серебра (в гране 0,0648 г), а серебро имело статус законного платежного средства по всем долгам (иными словами, кредиторы были обязаны принимать серебро по этой цене). Впрочем, Британия также чеканила золото и фактически придерживалась биметаллического стандарта, так что золотая гиней, содержащая 129,4 грана золота, имела строго определенный серебряный эквивалент. В силу этого и золото имело статус законного платежного средства. К несчастью, утвердив биметаллический стандарт, Британия заполучила малоприятную болезнь, известную как закон Грэшема, в соответствии с которым если правительство завышает покупательную способность одного вида денег, а другой их вид оказывается недооцененным, то деньги второго вида утекают за границу или в сундуки накопителей, а в обращении остаются исключительно деньги первого вида. В афористичной форме закон этот звучит так: «Плохие деньги вытесняют хорошие». Но важно иметь в виду, что триумф «плохих» денег не порожден капризом рыночной конкуренции, а создан правительством, злоупотребившим властью завышать покупательную способность одного узаконенного платежного средства и занижать – другого.

В XVII–XVIII вв. правительства Британии упорно поддерживали слишком высокую относительно уровня мирового рынка цену на золото и заниженную цену на серебро, так что в результате полновесные серебряные монеты уходили из страны, а золотые – приходили в страну, и в обращении оставались только изношенные и «легковесные» серебряные монеты. Попытки откорректировать обменный курс золота по отношению к серебру были неизменно запоздалыми и малоэффективными¹.

В малонаселенных американских колониях роль денег, как и должно было случиться, стали выполнять полезные и редкие товары, которые быстро заняли место общего средства обмена. Таким образом, на севере при обмене с индейцами роль денег выполняли бобровые шкуры и бусы из ракушек, а также рыба и зерно. В Южной Каролине роль денег выполнял рис, а самым распространенным видом товарных денег являлся табак, исполнявший роль денег в Виргинии. Основной денежной единицей был «фунт табака», а на рынке имели хождение складские расписки за принятый табак, на 100% обеспеченные запасом табака на складе.

По мере развития колоний товарные деньги были вытеснены из городов и сохранили хождение только в сельской местности, а для ведения торговли в городах и с другими странами использовались импортированные золотые и серебряные монеты. Монеты импортировали не только из Британии, но и из других европейских стран. На рынке золотых монет ходили французские гиней, португальские «жуаны», испанские дубло-

¹ В конце XVII и в начале XVIII в. Британия поддерживала обменный курс между граном серебра и граном золота в пределах от 15,1 к 1 до 15,5 к 1. А на мировом рынке под давлением сил спроса и предложения действовал курс 14,9 к 1. Таким образом, цена серебра была все время занижена, а золота – завышена. В XVIII в. положение стало еще хуже, потому что добыча золота в Бразилии выросла, а добыча серебра в Перу понизилась, так что обменный курс золота упал до 14,1 к 1. При этом правительство Британии поддерживало неизменное курсовое соотношение между золотыми и серебряными монетами.

ны и бразильские монеты, а среди серебряных монет нередко встречались французские кроны и ливры.

Важно понять, что золото и серебро – это международно признанные товары, и если нет правительственного запрета, иностранные монеты отлично могут обслуживать функции обмена и накопления. Правительство страны совсем не обязательно монополизировать чеканку денег, и в Соединенных Штатах иностранные золотые и серебряные монеты имели широкое хождение до 1857 г., когда Конгресс запретил их использование. Таким образом, в условиях свободного рынка участие в обороте иностранных монет вполне естественно. В таких условиях ценность монет определяют по их весу, а обменный курс между золотом и серебром устанавливается рынком по соотношению спроса и предложения.

Манипуляции с шиллингом и долларом

Самой популярной монетой в Америке был испанский серебряный доллар, который по закону содержал 387 гран чистого серебра. Доллар делился на «восьмушки», или «биты», каждая весом в одну восьмую доллара. Испанские доллары попадали в североамериканские колонии в результате прибыльной торговли с островами Вест-Индии. Испанские серебряные доллары пользовались мировой популярностью с начала XVI в., и во многом это объяснялось богатством серебряных рудников в испанских колониях в Латинской Америке. Впрочем, важнее было то, что с XVI по XIX в. испанский доллар оставался относительно самой стабильной и полновесной монетой западного мира².

² Название «доллар» произошло от «талер», как называлась монета такого же веса, чеканившаяся с начала XVI в. графом Шликом в Богемии, в Иоахимстале, отчего была известна так же как «шликенталер» и «иоахимсталер». Вес иоахимсталера составлял 451 гран чистого серебра. Монеты были настолько популярны, что сходные талеры начали чеканить в Бургундии, Голландии и Франции; наибольшей славой пользовались талеры Марии-Терезии, которые начали чеканить в 1751 г. и с этого времени составляли значительную часть

Поскольку в испанском долларе было 387 гран серебра, а в английском шиллинге – 86 гран, естественный рыночный курс составлял 4 шиллинга 6 пенсов за 1 доллар³.

Можно предположить, что целью постоянных жалоб жителей колоний, подхваченных позднее некоторыми историками, на «нехватку денег», прежде всего звонкой монеты, было оправдать многочисленные предприятия по выпуску бумажных денег, которые должны были восполнить этот «дефицит». На самом деле никакой нехватки денег не было. Верно, разумеется, что Англия, следовавшая логике меркантилизма, охраняла свою прерогативу на эмиссию денег и запрещала чеканку денег в колониях, а также не разрешала экспорт английских монет. Но это не означало, что колониям негде было разжиться наличностью: деньги приходили из Испании и других стран, в том числе и монеты английской чеканки. На самом деле, как мы увидим ниже, именно эмиссия бумажных денег привела, по закону Грэшема, к вытеснению звонкой монеты из торгового оборота.

Власти в колониях также исповедовали меркантилизм и, стремясь к накоплению запасов золота и серебра, рано занялись манипуляциями с курсом собственных денег по отношению к испанскому доллару. При том что естественный курс составлял 4 шиллинга 6 пенсов за 1 доллар, правительство Массачусетса в 1642 г. постановило, что испанский доллар должен стоить 5 шиллингов. Идея заключалась в том, чтобы привлечь в страну испанские доллары, с одной стороны, и, понизив цену экспортных товаров в долларах, сделать их более привлекательными для заграницы. Вот так Массачусетс в 1642 г. начал общий для всех колоний конкурентный процесс обесценивания шиллинга. Вскоре тем же путем двинулись Коннектикут и другие колонии, причем процесс шел по нарастающей. В результате шиллинг быстро обесценивался, а внутренние цены

монет, циркулировавших на рынках Северной Америки. Испанские «восьмушки» стали называть долларами после 1690 г.

³ Поскольку в одном фунте стерлингов 20 шиллингов, соотношение было таким: 1 ф. ст. = 4,44 долл.

росли, так что временные экспортные стимулы очень быстро сходили на нет. Кончилось тем, что в 1707 г. правительство Великобритании положило конец этой инфляционистской суете.

Но к этому времени правительства колоний уже нашли куда более эффективный инструмент инфляции – государственные неразменные бумажные деньги.

Государственные бумажные деньги

Не считая Средневекового Китая, где бумагу и процесс печатания изобрели намного раньше, чем на Западе, мир познакомился с государственными бумажными деньгами только в 1690 г., когда правительство Массачусетса эмитировало неразменные бумажные деньги^{4, 5}. Колонисты Массачусетса нередко устраивали грабительские набеги на процветающую французскую колонию в Квебеке. Обычно набеги были успешными, и по возвращении в Бостон добычу продавали, а из выручки выдавали плату солдатам. На этот раз предприятие не заладилось, экспедиция вернулась без трофеев, а солдаты были раздражены и требовали денег. Недовольство войск чревато бунтом, и правительству Массачусетса пришлось в спешке изыскивать возможность заплатить наемникам. Оно попыталось занять 3–4 тысяч фунтов стерлингов у бостонских купцов, но, види-

⁴ Государственные бумажные деньги, размениваемые на золото, начали выпускать в начале XVII в., и только через три столетия государства дошли до эмиссии денег, не подлежащих размену на золото, результатом чего стали обычные циклы бумов и спадов, а также неконтролируемая инфляция (См.: Gordon Tullock, "Paper Money – A Cycle in Cathay," *Economic History Review* 9, no. 3 (1957): 393–396.

⁵ Единственным исключением был выпуск в Квебеке пятью годами ранее курьезной формы бумажных денег, так называемых «карточных денег». Правивший Квебеком интендант, месье Мюэль, разрезал игральные карты на четыре части, присвоил им значение денежных знаков и выдавал в качестве заработной платы и в уплату за продаваемые правительству товары. Его декретом они были объявлены узаконенным платежным средством, а когда из Франции пришел корабль со звонкой монетой, эти четвертушки карт были обменены на деньги.

мо, кредитный рейтинг правительства был недостаточно высок – денег в долг не дали. Тогда в декабре 1690 г. было решено отпечатать банкнот на 7000 фунтков стерлингов, чтобы расплатиться с солдатами. Подозревая, что публика не примет бумаг, не обмениваемых на звонкую монету, правительство взяло на себя два обязательства: во-первых, в ближайшие несколько лет, по мере поступления налогов, эти деньги будут обменены на золото или серебро, и, во-вторых, больше бумажных денег выпускаться не будет. Характерно, что очень скоро оба обещания были отправлены за борт. Выпущенных денег хватило всего на пару месяцев, а обмена на золото и серебро пришлось ждать почти 40 лет. Уже в феврале 1691 г. правительство Массачусетса объявило, что выпущенных денег «не хватило», а потому оно эмитирует бумажных денег еще на 40 000 фунтов стерлингов, чтобы расплатиться с самыми неотложными долгами, но уж этот выпуск будет наверняка последним.

Вскоре обнаружилось, что с ростом выпуска бумажных денег сомнение в их конвертируемости в звонкую монету растет, а спрос на них падает, так что за год бумажный фунт обесценился на 40%.

В 1692 г. правительство решило применить силу для борьбы с обесцениванием, и декретом объявило, что бумажные деньги должны приниматься по номиналу в уплату по всем обязательствам наравне со звонкой монетой, и назначило 5%-ную премию за оплату бумажными деньгами всех правительственных сборов. Последствия в соответствии с законом Грэхема оказались нежелательными: в колониях металлические деньги исчезли из оборота. Кроме того, расширение выпуска бумажных денег вело к росту цен и препятствовало экспорту товаров. Таким образом, «нехватка» звонкой монеты была не причиной обращения к эмиссии бумажных денег, а ее прямым результатом. Так, в 1690 г., до того как был запущен печатный станок, в Новой Англии в обороте было серебряных монет на 200 000 фунтов стерлингов, а в 1711 г., когда к эмиссии бумажных денег подключились Коннектикут и Род-Айленд, и номинальный объем эмиссии составил 240 000 фунтов стерлингов, серебро почти исчезло из оборота.

Весьма любопытно, что выпуск бумажных денег не разрешил, а создал проблему «дефицита денег». Новые бумажные деньги вытеснили из обращения звонкую монету. Для публики единственными результатами оказались рост цен и обесценивание бумажных денег. Но поскольку выпускались-то эти деньги для финансирования правительственных расходов и для уплаты правительственных долгов, правительство и выиграло от всего этого.

В 1711 г. правительство Массачусетса для погашения долга перед участниками очередного неудачного грабительского рейда все на тот же Квебек эмитировало уже 500 000 фунтов стерлингов, что окончательно выдавило серебряные деньги из обращения, а покупательная способность бумажных денег упала на 30%. Массачусетские фунты при номинальном курсе 7 шиллингов за одну унцию серебра упали на рынке до 9 шиллингов за унцию. Для поддержания курса бумажных денег правительство обратилось к самым свирепым мерам: за отказ принимать их по номиналу нарушителям грозили штрафы, тюрьма и даже конфискация имущества, но обесценивание продолжалось в этой и в других колониях.

Несмотря на то, что результатом выпуска бумажных денег оказалось углубление их дефицита, правительство Массачусетса продолжало гнуть свое: в 1716 г. оно создало государственный «земельный банк» и эмитировало 100 000 бумажных фунтов стерлингов, чтобы выдавать ссуды под залог недвижимости.

Рост цен оказался настолько значительным, что общественное мнение начало склоняться против бумажных денег, поскольку, как указывали тогдашние авторы, результатом их выпуска стало удвоение цен за прошедшие 20 лет, обесценивание денег и исчезновение из оборотов испанских серебряных монет, ставших жертвою закона Грэшема. Под давлением имперского правительства власти Массачусетса время от времени предпринимали вялые шаги для вывода банкнот из обращения и возврата к металлическим деньгам, но этому, видимо, мешало обязательство принимать по номиналу бумажные деньги других колоний Новой Англии.

В 1744 г. еще одна экспедиция вернулась из набега на Кве-

бек несолоно хлебавши, и Массачусетс отважился на грандиозное расширение эмиссии бумажных денег. С 1744 по 1748 г. объем банкнот в обращении увеличился с 300 000 до 2,5 млн фунтов стерлингов, но и падение их курса было соответствующим – рыночная цена унции серебра поднялась до 60 шиллингов, т.е. выросла в 10 раз по сравнению с 1690 г., когда был осуществлен первый выпуск бумажных денег.

К 1740 г. в процессе выпуска бумажных денег участвовали уже все колонии, кроме Виргинии, которая преодолела отставание в конце 1750-х гг., когда понадобилось финансировать войну с французами и индейцами (Семилетняя война). Последствия для всех колоний были одинаковыми – значительная инфляция, нехватка металлических денег, падение курса бумажных денег против номинала. По сравнению с исходным уровнем курс бумажных денег по отношению к серебряным в Массачусетсе упал до 11 к 1, в Коннектикуте – до 9 к 1, в Каролине – до 10 к 1, а беспощадно настроенные инфляционисты колонии Род-Айленд «добились» снижения курса до 23 к 1. Даже в сдержанной Пенсильвании курс серебряных денег вырос относительно бумажных на 80%.

Опыт Нью-Джерси показывает, каким образом эмиссия бумажных денег в колониальный период создавала цикличность экономической конъюнктуры. Когда в хозяйство впрыскивали очередную порцию бумажных денег, возникал инфляционный бум, который сменялся дефляционной депрессией в ожидании очередной эмиссии⁶.

В 1748 г., по окончании войны с Францией, король Георг начал требовать от колоний изъятия бумажных денег и возвращения к металлическим. В 1751 г. Великобритания запретила дальнейшую эмиссию бумажных денег в колониях Новой Англии и приказала приступить к обмену выпущенных денег на звонкую монету. Наконец, в 1764 г. парламент распространил запрет на печатание денег на все остальные североамериканские колонии и потребовал постепенного вывода их из обращения.

⁶ Donald I. Kemmerer, "Paper Money in New Jersey, 1668–1775," *New Jersey Historical Society, proceedings* 74 (April 1956): 107–144.

Колонии Новой Англии, за исключением Род-Айленда, решились подчиниться британскому парламенту и вернуться к металлическим деньгам, а бумажные – выкупить по рыночному курсу. Противники, как и обычно, пророчили, что результатом окажется полная демонетизация хозяйства колоний и прекращение торговли. На деле, однако, все получилось ровно наоборот. После короткого периода адаптации производство и торговля начали расти, а надежные деньги и низкие цены обеспечили приток металлических денег. И вот показательное сравнение. Когда Массачусетс уже вернулся к звонкой монете, а Род-Айленд все еще держался за обесцененные бумажные деньги, Ньюпорт, который прежде был процветающим центром импорта из Вест-Индии, обслуживавшим западные районы Массачусетса, пришел в упадок, а торговля переместилась в Бостон^{7, 8}.

⁷ До возвращения Массачусетса к металлическим деньгам он нес обязательство принимать по номиналу бумажные деньги других колоний Новой Англии. Род-Айленду оказалась крайне высокая инфляция, потому что эта небольшая колония, много чего покупавшая в соседнем Массачусетсе, могла по номиналу сбывать там свои обесцененные деньги. Таким образом, Род-Айленд занимался экспортом своей инфляции, успевая сделать закупки до того, как в ответ успевали вырасти цены в Массачусетсе. Короче говоря, Род-Айленду удавалось перекачивать к себе богатства Массачусетса, а основной ущерб от инфляции несли соседи.

⁸ Если Род-Айленд отличался самым высоким темпом инфляции, то в Мэриленде этот процесс носил наиболее гротескный характер. В 1733 г. государственный земельный банк Мэриленда эмитировал банкноты на сумму 70 000 ф. ст., из которых 30 000 ф. ст. раздали поровну каждому жителю колонии. Замысел состоял в том, чтобы сделать использование этих денег повсеместным. Возможно, в истории не было более точного воспроизведения придуманной Милтоном Фридменом модели «вертолета», в которой с волшебного вертолета новые деньги разбрасываются поровну каждому жителю страны. Результатом, разумеется, оказывается быстрое обесценивание денег. Инфляционное воздействие такого рода политики сильно смягчалось тем, что в новой колонии основным видом валюты еще оставался табак. В Мэриленде табак являлся узаконенным платежным средством, и не все налоги можно было заплатить бумажными деньгами.

Как заметил один из исследователей колонии Массачусетс, возврат к звонкой монете прошел на редкость гладко – практически без сбоев в торговле, спадов или падения цен. Более того, цены на хлеб меньше снизились в Бостоне, чем в Филадельфии, где в начале 1750-х гг. еще были в ходу бумажные деньги. Внешняя торговля практически не пострадала, и «хозяйство, после восстановления в правах металлических денег в 1750 г., функционировало с поразительной стабильностью на протяжении всей Семилетней войны и в период расстройств системы международных платежей в последние годы перед Революцией»⁹.

Поскольку правительство не объявило звонкую монету вне закона, она, несмотря на введение бумажных денег, оставалась в обороте до конца колониального периода. Невзирая на инфляцию, бумы, кризисы и созданный выпуском бумажных денег дефицит звонкой монеты, металлические деньги оказались очень надежными:

Там действовал серебряный стандарт... в отсутствие учреждений центрального правительства, которые бы направляли работу рынка серебра, и несмотря на отсутствие государственного или частного центрального банка, который бы регулировал ставки процента, или управлял резервом металлических денег, или регулировал бы обменные курсы с целью стабилизации валюты. Рынок... поддерживал обменный курс поразительно близко к установленному законом уровню... И самым замечательным здесь было то, что система платежей на основе металлических денег работала на протяжении XVII–XVIII столетий¹⁰.

Банкноты частных банков

В отличие от государственных бумажных денег в Западной Европе уже в XIV в. венецианские банкиры эмитировали банкноты и депозиты, размениваемые на звонкую монету. И в античные времена, и в Средние века существовали фирмы, предостав-

⁹ Roger W. Weiss, "The Colonial Monetary Standard of Massachusetts," *Economic History Review* 27 (November 1974): 589.

¹⁰ *Ibid.*, p. 591.

лявшие кредит, но эти «ростовщики» давали в долг из собственных сбережений. «Банковское дело», т.е. предоставление ссуд из средств вкладчиков банка, возникло в Англии только в начале XVII в. Начало положили нотариусы, которые оформляли тексты контрактов и долговых обязательств, а потому, имея возможность быть в курсе всех торговых сделок, сами начали брать деньги взаймы и предоставлять ссуды¹¹.

Однако до Гражданской войны середины XVII в. в Англии не было банков, принимавших вклады. Купцы из предосторожности отдавали ненужное для торговли золото на королевский монетный двор. Решение оказалось неудачным, потому что когда в 1638 г., незадолго до начала Гражданской войны, Карлу I потребовались деньги, он конфисковал золото на сумму 200 000 фунтов стерлингов, и назвал это «ссудой». В конце концов, купцам удалось вернуть свое золото, но депозитарными услугами монетного двора больше не пользовались, а золото на хранение передавали теперь частным ювелирам, которые тоже умели надежно хранить драгоценный металл. Вскоре при расчетах начали вместо золота использовать складские расписки ювелиров. В 1660-х гг., к концу Гражданской войны, ювелиры поддались соблазну и начали печатать и ссужать псевдоскладские расписки, не имевшие золотого покрытия. Так в Англии появились банки с частичным резервированием¹².

¹¹ До того как в XVI в. увеличилось число нотариусов, большую часть кредитов в Англии предоставляли даже не специализированные фирмы, а богатые купцы, торговавшие одеждой и шерстью и отдававшие в рост избыточные для оборота средства (см.: J. Milnes Holden, *The History of Negotiable Instruments in English Law* (London: Athlone Press, 1955), pp. 205–206).

¹² И в этом случае также первые банковские депозиты и частичное резервирование появились в Китае. Прием вкладов начался в VIII в. новой эры, когда некоторые заведения начали принимать на хранение ценное имущество, выдавая складские расписки и получая деньги за хранение. Довольно скоро эти складские расписки начали циркулировать в качестве денег. Уже через два столетия они начали эмитировать и давать в долг расписки на большие суммы, чем имели на хранении, «подсев на иглу» частичного резервирования вкладов (Tullock, "Paper Money," p. 396).

В колониальные времена в Америке существовало мало частных банков, и жизнь их была достаточно скоротечной. Наиболее известен был Массачусетский земельный банк, созданный в 1740 г., который занимался эмиссией банкнот и выдачей их в ссуду под залог недвижимости. Земельный банк был создан как альтернатива инфляционной эмиссии бумажных денег, которую губернатор пытался ограничить. Банк эмитировал банкноты, не подлежащие погашению звонкой монетой, и многих эта неконвертируемость пугала, в силу чего и был основан частный серебряный банк, банкноты которого подлежали размену на серебро. Земельный банк быстро выпустил непогашаемых банкнот на сумму более 49 000 фунтов стерлингов, и они столь же быстро обесценились. Уже через полгода публика почти единодушно отказалась принимать эти банкноты, так что они остались на руках только у сторонников проекта. Развязка наступила в 1741 г., когда парламент в ответ на жалобу нескольких массачусетских купцов и губернатора одним махом отменил и земельный, и серебряный банк.

В истории Массачусетского земельного банка и аналогичных инфляционных проектов интригует то, что в колониях их поддерживали и защищали некоторые богатейшие торговцы и земельные спекулянты. От инфляции выигрывают должники, а кредиторы терпят убытки; осознавая это, прежние историки предполагали, что должниками были преимущественно бедные аграрии, а кредиторами – богатые купцы, а значит, именно первые были главными организаторами и сторонниками этой инфляционной затеи. Дело в том, что невозможно жестко разделить публику на должников и кредиторов; земельные спекулянты и богатые купцы бывают нередко основными потребителями кредитов. Позднейшие историки показали, что именно торговцы и земельные спекулянты поддерживали проекты бумажных денег в колониях^{13, 14}.

¹³ О Массачусетском земельном банке см. содержательную работу: George Athan Billias, "The Massachusetts Land Bankers of 1740," *University of Maine Bulletin* 61 (April 1959). О поддержке инфляционной эмиссии торговцами Массачусетса см.: Herman J. Belz, "Paper

Финансирование войны за независимость

Для финансирования войны за независимость Континентальный конгресс без особых размышлений принял за эмиссию бумажных денег. Лидером сторонников бумажных денег был Гаувернер Моррис, чрезвычайно предусмотрительный молодой наследник аристократической семьи нью-йоркских землевладельцев. Не было обещаний выкупить эти деньги даже в будущем, но предполагалось, что через семь лет они будут изъяты из обращения за счет налогов, которые пропорционально установят разные государства. Таким образом, намечалось дополнить инфляционную эмиссию бумажных денег бременем будущих налогов. Но про обещание изъять эти деньги из обращения вскоре забыли, потому что Конгресс, будучи в восторге от этой новой, не требующей никаких усилий формы получения доходов, расширил эмиссию неразменных бумажных денег. Как заметил один историк, «так возникла

Money in Colonial Massachusetts,” Essex Institute, *Historical Collections* 101 (April 1965): 146–163; и Herman J. Belz, “Currency Reform in Colonial Massachusetts, 1749–1750,” Essex Institute, *Historical Collections* 103 (January 1967): 66–84. О силах, благосклонно относившихся к инфляционным проектам в колониях, см.: Bray Hammond, *Banks and Politics in America* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1957), chap. 1; and Joseph Dorfman, *The Economic Mind in American Civilization, 1606–1865* (New York: Viking Press, 1946), p. 142.

¹⁴ Отличное биографическое эссе о деньгах и банковском деле в колониальный период см.: Jeffrey Rogers Hummel, “The Monetary History of America to 1789: A Historiographical Essay,” *Journal of Libertarian Studies* 2 (Winter 1978): 373–389. Обзор истории денег в колониальный период см.: Murray N. Rothbard, *Conceived in Liberty*, vol. 2, *Salutary Neglect, The American Colonies in the First Half of Eighteenth Century* (New York, N.Y.: Arlington House, 1975), pp. 123–140. Чрезвычайно поучительный анализ дан в классической работе: Charles Jesse Bullock, *Essays on the Monetary History of the United States* (New York: Greenwood Press, [1900] 1969), pp. 1–59. Современные данные по этому периоду см.: Roger W. Weiss, “The Issue of Paper Money in the American Colonies, 1720–1774,” *Journal of Economic History* 30 (December 1970): 770–784.

“федеральная кормушка”, один из самых нерушимых институтов Америки»¹⁵.

Объем денежной массы в начале войны за независимость оценивается в 12 млн долл. В июне 1775 г. по распоряжению Конгресса были напечатаны первые 2 млн долл., но типография еще не успела справиться с этим заказом, как было решено, что понадобится еще 1 млн долл. До конца этого года успели эмитировать или утвердить решение об эмиссии 6 млн долл., так что количество денег в обращении выросло за год на целых 50%.

В следующие несколько лет выпуск «континентальных» денег быстро наращивался. 6 млн долл. были напечатаны в 1775 г., 19 млн долл. – в 1776 г., 13 – в 1777 г., 64 – в 1778 г. и 125 млн долл. – в 1779 г. Сверх 12 млн долл. денежной массы, которые были в обращении к началу войны, за пять лет напечатали 225 млн долл. Естественным результатом был быстрый рост «бумажных» цен и параллельное обесценение бумажных денег. Так, в конце 1776 г. соотношение между бумажным долларом, или континенталом, и серебряным долларом было 1 к 1 или к 1,25, к концу следующего года – 3 к 1, к декабрю 1778 г. курс упал до 6,8 к 1, а к декабрю 1779 г. – до 42 к 1. К весне 1781 г. континентальные доллары практически обесценились: на рынке за один серебряный доллар можно было купить 168 бумажных. Возникла даже поговорка «не стоит континентала».

В довершение всех бед несколько штатов выпустили собственные бумажные деньги, и они обесценивались каждая со своей скоростью. Инфляционную гонку возглавили Виргиния и Каролина, которые к концу войны добавили 210 млн долл. к 225 млн долл. федеральной денежной массы.

В попытке сдержать инфляцию и обесценение денег разные штаты декретировали потолок цен и потребовали принимать деньги по номиналу. Результатом оказались только дефицит и материальные затруднения для значительных групп населения.

¹⁵ Edmund Gody Burnett, *The Continental Congress* (New York: W. W. Norton, 1964), p. 83.

Так, солдатам платили континентальными долларами, а фермеры, естественно, несмотря на всевозможные постановления, отказывались их принимать. Армия перешла к «реквизициям» продовольствия и всего необходимого, оставляя фермерам и лавочникам груды бесполезных бумажек. В 1779 г., когда континентальные доллары практически уже обесценились, федеральная армия усилила реквизиционный режим, расплачиваясь квитанциями или «сертификатами», которые в изобилии выпускали интендантские службы армии. Штаты последовали примеру и навывпускали собственных сертификатов. К концу войны только федеральных сертификатов было выпущено на 200 млн долл., и стоимость их, как легко понять, была почти нулевой.

Подкупающей чертой этой денежной катастрофы было то, что правительства – штатов и федеральное – дали этим деньгам сгинуть бесследно и не потребовали, чтобы налогоплательщики взвалили на себя еще и выкуп этих денег даже не по номиналу, но по рыночной цене¹⁶. Федеральные доллары вообще не были погашены, а бумажные деньги штатов были выкуплены, но по очень низкому курсу, иногда даже по их рыночной стоимости¹⁷. К концу войны все выпущенные в военное время бумажные деньги штатов были выведены из обращения.

К сожалению, подобную политику не применили к другому платежному инструменту, который запустил в обращение Конгресс в 1779 г., когда бумажные деньги уже практически обесценились – к долговым сертификатам. В чисто техническом смысле это был государственный долг, но, конечно же, это

¹⁶ По объяснению одного историка, «деньги и сертификаты составляли часть “общего долга” революции, и к концу войны все это мало что стоило. Общественное мнение... предъявляло претензии к федеральному правительству в порядке их значимости. Бумажные деньги стояли на последнем месте» (E. James Ferguson, *The Power of the Purse: A History of American Public Finance, 1776–1790* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1961), p. 68).

¹⁷ В Виргинии и Джорджии выпущенные штатами деньги были обменены на звонкую монету по курсу 1000 к 1.

не были обычные облигации. Долговые сертификаты выпускало правительство для оплаты военных поставок, а торговцы принимали их только потому, что никак иначе правительство расплатиться не могло. В силу этого долговые сертификаты быстро превратились в еще одну разновидность наличности и быстро обесценились. Уже к концу 1779 г. за них давали серебром по курсу 24 к 1. К концу войны долговых сертификатов выпустили на сумму 600 млн долл. Ряд позднейших выпусков был выкуплен по рыночному курсу, но большинство их осталось в обращении, и по окончании войны они образовали существенную часть федерального долга мирного времени.

Большая часть обесценившихся долговых обязательств – штатов и федеральных – могла быть ликвидирована к концу войны, но процесс был остановлен и обращен вспять усилиями Роберта Морриса, богатого филаделфийского торговца, который в последние годы войны являлся фактически главным экономистом и финансовым царем Континентального конгресса. Моррис, лидер федералистских сил в американской политике, выступил за то, чтобы обесценившиеся федеральные долговые обязательства были погашены по номиналу, а также призывал федеральное правительство принять на себя различные долги штатов. Замысел был двояким: (а) обогатить спекулянтов, которые по дешевке скупили обесцененные долговые обязательства, оплатив звонкой монетой по номиналу основную сумму долга и проценты¹⁸; и (б) возбудить движение за наделение Конгресса правом собирать налоги (по «Статьям Конфедерации», т.е. договору об образовании конфедерации 13 штатов, Конгресс такого права не имел) Замыслы сторонников децентрализации, которые хотели исключительно за штатами сохранить право устанавливать и собирать налоги, а также выпускать новые бумажные деньги для оплаты федеральных долгов, были разрушены принятием Конституции и победой сто-

¹⁸ Моррис откровенно признавал, что обогащение спекулянтов долговыми обязательствами за счет налогоплательщиков направит богатства «в руки тех, кто сможет их использовать с наибольшей пользой» (Ferguson, *Power of the Purse*, p. 124).

ронников федерализма, возглавившихся Александром Гамильтоном, учеником и бывшим помощником Морриса.

Банк Северной Америки

Представления Морриса о будущем не ограничивались сильным центральным правительством, правом федерального правительства устанавливать налоги и перекладыванием госдолга на плечи налогоплательщиков. Весной 1781 г., вскоре после того как его экономический авторитет в Конгрессе стал незыблемым, Моррис представил законопроект о создании первого коммерческого, а заодно и первого центрального банка в истории новой республики. Этот банк, возглавленный самим Моррисом, Банк Северной Америки, был не только первым коммерческим банком с частичным резервированием в истории США, но и представлял собой находившийся в частных руках центральный банк, созданный по образцу Банка Англии. Основой денежной системы были сделаны металлические деньги, но с возможностью ограниченно наращивать инфляционную пирамиду денег и кредитов на базе резервов звонкой монеты.

Банк Северной Америки быстро получил федеральную лицензию и в начале 1782 г. распахнул двери. Среди прочего банк получил привилегию – его банкноты подлежали приему по номиналу всеми правительственными учреждениями в качестве оплаты сборов и налогов. Кроме того, никакие другие банки не получили права действовать на территории страны. В обмен за монополию на выпуск бумажных денег банк любезно обязался ссужать печатаемые им деньги федеральному правительству для выкупа правительственных долговых обязательств, каковые ссуды подлежали погашению за счет незадачливых налогоплательщиков. Банку Северной Америки доверили также держать все средства Конгресса. Первый центральный банк США быстро выпустил 1,2 млн долл. и ссудил их Конгрессу, возглавлявшемуся тем же Робертом Моррисом¹⁹.

¹⁹ Когда Моррис не смог добыть требуемую законом сумму для внесения в уставный капитал Банка Северной Америки, он совершил

Несмотря на всю власть и влияние Роберта Морриса и монопольные привилегии его банка, рынок чувствовал, что курс его банкнот по отношению к звонкой монете завышен. Банк обещал свободный обмен своих банкнот на металлические деньги, но рынок не верил, и за пределами родной Филадельфии их курс был ниже номинала. Банк даже попытался поднять курс, для чего специально нанятые люди уговаривали тех, кто требовал обмена бумаги на металл, не настаивать на этом, чтобы не разрушить все. Очень странно, что таким путем собирались укрепить доверие к банку.

Проработав год, Моррис почувствовал, что с окончанием войны его политическое влияние быстро тает, и быстро разделался с ролью главного банкира федеральной власти – он получил законную лицензию коммерческого банка штата Пенсильвания. К концу 1783 г. федеральная доля Банка Северной Америки, которая в предыдущий год составляла пять восьмых его капитала, была продана в частные руки, и государственный долг перед банком был погашен. Первый американский эксперимент с центральным банком завершился²⁰.

К концу войны за независимость в результате сжатия раздутой массы бумажных денег и возобновления импорта из Великобритании цены за пару лет снизились более чем наполовину. В середине 1780-х гг. правительства нескольких штатов попытались ликвидировать «нехватку денег» и поднять цены, но

совершенно жульнический финт. Он просто присвоил деньги, одолженные США Францией, и от имени правительства вложил их в свой собственный банк. Таким образом, источником уставного капитала этого частного банка стали средства правительства. Затем эти средства банк Морриса ссудил Моррису как правительственному финансисту, а выгоду от этого получил Моррис как банкир. Наконец, все тот же Моррис истратил большую часть этих денег на военные закупки у своих друзей и деловых партнеров (Murray N. Rothbard, *Conceived in Liberty*, vol. 4. *Revolutionary War, 1775–1784* (New Rochelle, N.Y.: Arlington House, 1979), p. 392).

²⁰ Ibid., pp. 409–410. О Банке Северной Америки и финансировании войны за независимость см.: Curtis P. Nettels, *The Emergence of National Economy, 1775–1815* (New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1962), pp. 23–34.

тщетно. Одной из причин обращения штатов к эмиссии бумажных денег была попытка заплатить военные долги – штата и пропорциональную долю федеральных долговых обязательств, не прибегая к чрезмерному налогообложению. Но усиленная эмиссия бумажных денег просто обострила их «дефицит», поскольку стало выгодным вывозить монеты из страны, а импорт товаров относительно подешевел. Закон Грэшема сработал с обычной неумолимостью. Хотя закон обязывал всех принимать эмитируемые штатами бумажные деньги по номиналу, они быстро обесценивались, и нехватка металлических денег обострялась. Вот что пишет историк о бумажных деньгах Северной Каролины:

В 1787–1788 гг. серебряное содержание бумажных денег уменьшилось более чем наполовину. Металлические деньги уходили из штата, а бумажные деньги почти не пользовались спросом за его пределами, так что торговцы не могли их использовать для расплаты с зарубежными поставщиками; поэтому им приходилось нести значительные убытки, когда с ними рассчитывались этими обесцененными деньгами по внутренним обязательствам. Опыт Северной Каролины еще раз напомнил торговцам о пагубе обесцененных бумажных денег, которые им приходилось принимать от должников по номиналу, но которыми они не могли расплатиться со своими зарубежными кредиторами²¹.

После создания в 1782 г. Банка Северной Америки были учреждены и другие банки, но и это делу не помогло. Двумя годами позже были открыты Банк Нью-Йорка и Банк Массачусетса (Бостон), и каждый был наделен монополией на проведение банковских операций в своем штате²². Налаженная ими эмиссия банкнот и чеков помогла вытеснить металлические деньги из обращения, а на следующий год на смену раздувания кредита пришло его сжатие, что усугубило проблему рецессии²³.

²¹ Nettels, *National Economy*, p. 82.

²² Hammond, *Banks and Politics*, pp. 67, 87–88.

²³ Nettels, *National Economy*, pp. 61–62; Hammond, *Banks and Politics*, pp. 77–80, 85.

Соединенные Штаты: биметаллизм

Поскольку в колониальный период, а потом в период конфедерации значительную часть платежного оборота в США составляли серебряные испанские доллары, было решено, что именно «доллар» станет основной денежной единицей нового государства, Соединенных Штатов Америки²⁴. Раздел 8 статьи I новой конституции наделял Конгресс правом «чеканить монету, определять ценность ее и иностранных монет»; право было исключительным, потому что раздел 10 статьи I запрещал правительствам штатов чеканить монету, выпускать бумажные деньги и наделять что-либо кроме золотых и серебряных монет статусом законного средства уплаты долгов. (Создатели конституции США несомненно помнили безрадостную летопись эмиссии бумажных денег в колониальный период и во время войны за независимость, не забывали о жульничестве провинциальных властей с весом и достоинством монет.) В соответствии с этим правом Конгресс, следуя рекомендациям министра финансов Александра Гамильтона, содержащимся в написанном годом ранее «Докладе о создании монетного двора», принял в 1792 г. Закон о чеканке монет²⁵.

Закон о чеканке монет создал в Соединенных Штатах систему биметаллизма. Доллар был одновременно определен как эквивалент 371,25 грана чистого серебра и /или как вес 24,75 грана чистого золота. Таким образом, было зафиксировано

²⁴ Как сформулировал в то время Джефферсон, «доллар – это единица или монета известная и наиболее привычная. Он принят уже везде от Севера до Юга, он уже стал нашей валютой, так что у нас есть счастливая возможность использовать уже находящуюся в обороте денежную единицу» (Цит. по: J. Laurence Laughlin, *The History of Bimetallism in the United States*, 4th ed. (New York: D. Appleton, 1901), p. 11, n. 3).

²⁵ Текст Закона о чеканке монет от 1792 г. можно найти в: *ibid.*, pp. 300–301. См.: там же, pp. 21–23, а также: Barton Hepburn, *A History of Currency in the United States with a Brief Description of the Currency Systems of all Commercial Nations* (New York: MacMillan, 1915), pp. 43–45.

стоимостное соотношение золота и серебра – 15 к 1²⁶. Каждый имел право принести на монетный двор слитки золота и серебра и получить монеты; золотые и серебряные монеты были в равной степени законным средством платежа при фиксированном стоимостном соотношении 15 к 1. Основной серебряной монетой был объявлен серебряный доллар, а основной золотой монетой – десятидолларовая монета с изображением орла («орел»), содержащая 247,5 грана чистого золота²⁷.

Соотношение 15 к 1 почти идеально соответствовало пропорции рыночных цен на золото и серебро на начало 1790-х гг.²⁸, но вечная проблема биметаллизма в том, что цены на драгоценные металлы меняются, и не всегда в одном направлении, а при фиксации денежных курсов золотых и серебряных монет в такой ситуации немедленно начинает действовать закон Грэшема. В силу этого затея Гамильтона иметь в денежном обороте оба металла, чтобы гарантировать рынку наличие достаточного количества денег, была обречена на неудачу²⁹.

Сторонникам идеи биметаллизма не повезло, потому что в 1780-х гг. начался тридцатилетний период быстрого роста добычи серебра в Мексике, так что относительно золота серебро все это время дешеVELO. В результате к 1790 г. рыночное соотношение цен упало до 15,5 к 1, а после 1805 г. – примерно до 15,75 к 1. В последнем случае разрыв между рыночной и официальной пропорциями стал достаточен, чтобы запустить механизм закона Грэшема, и к 1810 г. золотые монеты начали уходить из Соединенных Штатов, зато серебряные потоком хлынули в страну. Официально установленная цена серебра

²⁶ В то время вес испанских долларов был легче, чем в предыдущую эпоху – всего 387 гран. См.: Laughlin, *History of Bimetallism*, pp. 16–18.

²⁷ Чеканились также золотые полуорлы (5 долл.) и четвертьорлы (2,50 долл.), с пропорциональным содержанием золота. В серебре чеканили полдоллара, четверть доллара, 10 центов и 5 центов с соответствующим содержанием серебра.

²⁸ В 1760 г. соотношение рыночных цен серебра и золота было 14,1 к 1, но из-за падения добычи золота в России цена его выросла, так что серебро относительно подешевело.

²⁹ Laughlin, *History of Bimetallism*, p. 14.

была сильно завышена, а золота – занижена, так что стало выгодно менять серебряные монеты на золотые, последние переплавлять в слитки и отправлять за границу. С 1810 по 1834 г. в Соединенных Штатах циркулировали исключительно серебряные монеты отечественной и иностранной чеканки³⁰.

В 1793 г. Конгресс постановил, что все циркулирующие в США монеты являются узаконенным платежным средством. Это было логично, потому что даже в 1800 г. 80% монет, имевших хождение в США, были иностранной чеканки. Среди этих иностранных монет большинство составляли испанские серебряные монеты, и если к 1827 г. большинство монет иностранной чеканки были лишены привилегии являться законным средством платежа, испанских долларов это не коснулось³¹. Но вскоре испанские доллары оказались ненамного, на 1–5%, тяжелее американских, хотя ходили по номиналу, так что стало выгодным отправлять их откуда прибыли – за границу, а на рынке США остались только доллары отечественной чеканки. С другой стороны, разменные испанские серебряные монеты – полтинники, четвертаки, гривенники и пятачки – были легче аналогичных американских монет, а ходили, опять-таки, по номиналу. В соответствии с логикой закона Грэшема скоро на рынках США остались только доллары отечественной чеканки и иностранной чеканки разменная монета. Чтобы окончательно усложнить ситуацию, американские серебряные доллары, даже будучи легче испанских, были в ходу на островах Вест-Индии, где их принимали по номиналу. В результате серебряные доллары американской чеканки экс-

³⁰ Внятное объяснение того, как и почему менялась пропорция цен на золото и серебро, а также как действовал в этот период закон Грэшема, см.: *ibid.*, pp. 10–51. См. также: J. Laurence Laughlin, *A New Exposition of Money, Credit and Prices* (Chicago: University of Chicago Press, 1931), pp. 93–111.

³¹ Эти «испанские» монеты чеканились почти исключительно в испанских колониях в Латинской Америке. После того как в 1820-х гг. эти страны добились независимости, их монеты продолжали ходить в Соединенных Штатах, но утратили статус узаконенного платежного средства.

портировались в страны Карибского бассейна. Так что благодаря действию закона Грэшема в обращении в США не осталось золотых монет и серебряных долларов. Ничего, кроме серебряной разменной монеты испанской чеканки³².

Первый банк Соединенных Штатов: 1791–1811

Ядром финансовой программы Гамильтона был центральный банк, Первый банк Соединенных Штатов, который должен был заменить не справившийся с задачей Банк Северной Америки. В своем докладе о национальном банке (декабрь 1790 г.) Гамильтон настаивал на создании такого банка, причем он должен был быть частным, но с 20%-ным участием государства. Гамильтон доказывал, что так называемую «нехватку» металлических денег следует преодолеть с помощью вливания в оборот бумажных денег, которые и будет эмитировать новый банк, а деньги следует тратить на выкуп государственных долговых обязательств и на субсидии промышленникам. Закон должен гарантировать обмен банкнот на металлические деньги по требованию, а чтобы их курс был таким же, как у звонкой монеты, федеральное правительство должно принимать банкноты в уплату налогов, что обеспечит бумажным деньгам статус квазизаконного средства платежа. Кроме того, федеральное правительство будет держать свои денежные средства в этом банке, что обеспечит ему достаточный престиж.

Конгресс пошел навстречу пожеланиям Гамильтона и в феврале 1791 г. был создан Первый банк Соединенных Штатов. Лицензия гарантировала банку монопольный статус общенационального банка в течение двадцатилетнего периода. Знаком преемственности по отношению к Банку Северной Америки явилось то, что его президент и бывший партнер Роберта Морриса Томас Уиллинг был назначен президентом нового Банка Соединенных Штатов.

³² Обо всем этом см. отличную статью: David A. Martin, "Bimetalism in the United States before 1850," *Journal of Political Economy* 76 (May–June 1968): 428–434.

Банк Соединенных Штатов немедленно приступил к реализации своего потенциала – начал на основе собственных средств на 2 млн долл. металлических деньгами надстраивать финансовую пирамиду – с помощью бумажных денег и депозитов до востребования – высотой в много миллионов долларов. Банк Соединенных Штатов ссужал большие средства правительству США. Помимо 2 млн долл., вложенных в покупку существовавшего долгосрочного долга, признанного новым федеральным правительством, Банк Соединенных Штатов предоставлял правительству ссуды на текущие расходы, которые к 1796 г. достигли 6,2 млн долл.³³ Результатом злоупотребления кредитом и эмиссией бумажных денег стал инфляционный рост цен. Индекс оптовых цен вырос с 85 в 1791 г. до пикового уровня 146 в 1796 г., т.е. на 72%³⁴. В дополнение к этому развернулась спекуляция государственными ценными бумагами, а цены на недвижимость полезли вверх³⁵. Бурная деятельность Банка Соединенных Штатов и эмиссия бумажных денег стимулировали появление в большом количестве новых коммерческих банков, которые вносили свой вклад в инфляцию и эмиссию банкнот. До основания Соединенных Штатов в стране было только три коммерческих банка, а к моменту создания Банка Соединенных Штатов – только четыре,

³³ Шульц и Кейн не одобряют этих операций: «Набрав кредитов у Банка Соединенных Штатов, федеральное правительство явно злоупотребило своими привилегиями и создало серьезную угрозу для стабильности Банка». Они также выдвигают обвинение, что федералисты взвалили на правительство обременительные расходы на вооруженные силы и на выплату процентов по долгам, которые грозили раздавить структуру федеральных финансов. Для повышения доходов правительство вводило один налог за другим, но все 1790-е гг. ему едва удавалось сводить концы с концами. (William J. Schultz and M. R. Caine, "Federalist Finance," in *Hamilton and the National Debt*, G. R. Taylor, ed. [Boston: D. C. Heath, 1950], pp. 6–7).

³⁴ Аналогичным был рост оптовых цен в Филадельфии, Чарлстоне и Огайо-Ривер-Вэлли (U.S. Department of Commerce, *Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1957* (Washington, D. C.: Government Printing Office, 1960), pp. 116, 119–121).

³⁵ Nettles, *National Economy*, pp. 121–122.

но уже в 1791 и 1792 г. были учреждены восемь новых банков, а к 1796 г. – еще десять. Таким образом, создание Банка Соединенных Штатов и организованная им денежная экспансия стимулировали создание 18 новых банков за пять лет³⁶.

Создание Банка Соединенных Штатов спровоцировало ожесточенную дискуссию между Джефферсоном и Гамильтоном. Джефферсон доказывал, что конституция не давала федеральному правительству права учреждать банк. Гамильтон в ответ заявил, что конституция «предполагает» дарование права действовать для достижения неких неопределенных общенациональных целей, и этим ответом проложил дорогу для буквально неограниченной экспансии федеральной власти. Гамильтоновское истолкование конституции одержало историческую победу в 1819 г., когда Джон Маршалл, судья Верховного суда, в процессе *Маккулох против Мэриленда* встал на позицию Гамильтона³⁷.

Несмотря на враждебность Джефферсона к центральным и коммерческим банкам, демократы-республиканцы пошли не за воинственными старыми республиканцами, а за умеренными квазифедералистами, не пытались отозвать лицензию Банка Соединенных Штатов до истечения срока ее действия в 1811 г., а охотно согласились с умножением за эти 20 лет числа банков и расширением банковского кредита³⁸. Так что в 1800 г. действовали 28 банков штатов, а к 1811 г. их стало уже 117 – рост в

³⁶ J. Van Fenstermaker, "The Statistics of American Commercial Banking, 1782–1818," *Journal of Economic History* (September 1965): 401; J. Van Fenstermaker, *The development of American Commercial Banking, 1782–1837* (Kent, Ohio: Kent State University, 1965), pp. 111–183; William M. Gouge, *A Short History of Paper Money and Banking in the United States* (New York: Augustus M. Kelley, [1833] 1968), p. 42.

³⁷ В решении по этому делу Маршалл, ученик Гамильтона, слово в слово повторил некоторые аргументы Гамильтона (См.: Gerald T. Dunne, *Monetary Decisions of the Supreme Court* (New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1960), p. 30).

³⁸ О квазифедералистах в противоположность старым республиканцам, о банковском деле и многом другом см.: Richard E. Ellis, *The Jeffersonian Crisis: Courts and Politics in the Young Republic* (New York: Oxford University Press, 1971), pp. 277 ff.

4 раза. В 1804 г. было 64 банка, из которых мы имеем данные по 13, или 20%. Эти банки, отчеты которых дошли до нас, имели 0,98 млн долл. звонкой монетой и на этой базе эмитировали банкнот и чековых вкладов на 2,82 млн долл., т.е. у них коэффициент покрытия кредита собственными средствами был равен 0,35 (либо отношение суммы банкнот и счетов до востребования к собственным средствам составляло 2,88 к 1). За 1811 г. мы имеем данные по 26% банков из 117, действовавших на тот момент. Сумма их собственных активов составляла 2,57 млн долл., а сумма эмитированных банкнот и депозитов выросла почти вчетверо, до 10,95 млн долл., значит, на каждый доллар собственных активов они с помощью кредитных инструментов создали 4,26 долл., чем понизили коэффициент покрытия кредита собственными средствами до 0,23³⁹.

Что касается Банка Соединенных Штатов, который действовал рука об руку с федеральным правительством и банками штатов, в январе 1811 г. сумма его золотых и серебряных активов составляла 5,01 млн долл., а сумма банкнот и депозитов – 12,87 млн долл., т.е. коэффициент покрытия был равен 0,39⁴⁰.

Наконец, когда в 1811 г. пришло время продлить лицензию

³⁹ Ван Фенстермейкер отмечает, что историки склонны думать, что банки эмитировали только банкноты, но очень большая часть банковской эмиссии представляла собой вклады до востребования (чековые счета, позволявшие выписывать чеки на свой банк). Так, в 1804 г. банковские пассивы на 1,70 млн долл. состояли из банкнот и на 1,12 млн – из счетов до востребования, а к 1811 г. они составляли 5,68 млн и 5,27 млн долл. соответственно. Он указывает, что в таких больших городах, как Бостон и Филадельфия, депозиты иногда превосходили объем банкнот в 2-3 раза, но зато банкноты были больше в ходу в сельских местностях, где использовались для непосредственных расчетов (Van Fenstermaker, "Statistics," pp. 406–411).

⁴⁰ Структура пассивов Банка Соединенных Штатов включала банкноты на 5,04 млн долл. и депозиты на 7,83 млн долл. (John Jay Knox, *A History of Banking in the United States* (New York: Bradford Rodes, 1900), p. 39). До наших дней дошел еще отчет Банка Соединенных Штатов за 1809 г. Все остальные погибли при пожаре. (John Thom Holdsworth, *The First Bank of the United States* (Washington D. C.: National Monetary Commission, 1910), pp. 111 ff., 138–144).

Банка Соединенных Штатов на следующий срок, в Палате представителей и в Сенате соответствующий законопроект был отклонен большинством в один голос. За продолжение деятельности банка выступала администрация президента Мэддисона, сторонниками которой были почти все федералисты в Конгрессе, но они потерпели поражение от демократов-республиканцев, которых поддержали и старые республиканцы, требовавшие ограничить состав платежных инструментов золотыми и серебряными монетами. В свете широко распространенного среди историков заблуждения, что функцией центральных банков должен быть контроль инфляционного потенциала частных или государственных банков, полезно отметить, что за продление лицензии выступали торговцы, торговые палаты и большинство банков штатов. Торговцы находили, что банк расширил возможности получать дешевые кредиты и ослабил вечную проблему «нехватки денег». Еще красноречивей была поддержка со стороны банков штатов, которые считали «выгодной» деятельность Банка Соединенных Штатов и опасались, что в случае его ликвидации всех ждет сжатие кредита. Основанный Александром Гамильтоном Банк Нью-Йорка хвалил Банк Соединенных Штатов за то, что «в случае стесненных обстоятельств он способен оказывать торговцам такую помощь, которую банки штатов предоставить не в состоянии»⁴¹.

Война 1812 г. и ее последствия

Войны всегда оказывали крайне неблагоприятное влияние на денежную и финансовую системы Америки. Как мы уже виде-

⁴¹ Holdsworth, *First Bank*, p. 83, см. также: *ibid.*, pp. 83–90. Голдсуорт, первый историк Первого банка Соединенных Штатов, знал о мощной поддержке со стороны банков штатов, но при этом держался мифа, что Банк Соединенных Штатов каким-то образом ограничивал их экспансию: «Банки штатов, несмотря на то, что Банк Соединенных Штатов держал под контролем их способность эмитировать банкноты и учитывать векселя, все-таки были сторонниками продления его лицензии и посылали в Конгресс соответствующие обращения» (*Ibid.*, p. 90 (курсив добавлен. – Авт.)).

ли, война за независимость оставила после себя горы неразменных бумажных денег, потерявших всякую ценность громадный государственный банк и Банк Северной Америки в качестве предтечи центрального банка. Созданная Гамильтоном финансовая система и даже сама конституция страны в значительной степени отражали стремление федералистов обеспечить погашение государственного долга – как федерального уровня, так и уровня штатов – за счет федеральных налогов, а главной целью создания Первого банка Соединенных Штатов было обеспечение финансирования принятых на себя федеральным центром долговых обязательств. В том, что конституция прямо запретила штатам выпускать свои бумажные деньги и неявным образом отвергала всякие неразменные бумажные деньги, несомненно, сказался опыт войны за независимость.

Война 1812–1815 гг. имела важные последствия для денежно-кредитной системы. Необходимость финансировать войну стимулировала появление большого числа новых банков и увеличение объема банкнот и депозитов. Банки Новой Англии отличались большей осторожностью, чем банки других штатов, они не сочувствовали войне с Англией, а потому в Новой Англии объем размещения государственных облигаций был незначительным. Но при этом органам федеральной власти было необходимо приобретать в этом регионе импортные товары, военное снаряжение и обмундирование. Поэтому правительство пошло на создание в штатах Восточного побережья новых, крайне безответственных в смысле раздувания кредита банков, которые в большом количестве эмитировали банкноты для закупки государственных облигаций. Этими банкнотами федеральное правительство оплачивало закупки военного снаряжения в штатах Новой Англии.

С 1811 по 1815 г. число банков в стране выросло от 117 до 212; возникло 35 частных неинкорпорированных банков, что в большинстве штатов не допускалось законом, но в военных условиях им разрешили работать. За 1811 г. мы имеем данные о 30 банках, или о 26% всех действовавших на тот момент. Они располагали звонкой монетой на сумму 2,57 млн долл. За 1815 г. есть отчеты 98 банков, или 40% действовавших, кото-

рые располагали 5,40 млн долл. звонкой монетой. С другой стороны, сумма выпущенных банкнот и чековых депозитов составила 10,95 млн долл. в 1811 г. и 31,6 млн долл. в 1815 г.

Если сделать героическое предположение, что для остальных банков пропорции были ровно такими же, и добавить сюда активы Банка Соединенных Штатов за 1811 г., получим, что запасы металлических денег во всех банках страны составляли 14,9 млн долл. в 1811 г. и 13,5 млн долл. в 1815 г., т.е. уменьшились на 8,4%. С другой стороны, совокупный объем эмитированных кредитных инструментов (векселя или банкноты и чековые депозиты) составил 42,2 млн долл. в 1811 г. и 79 млн долл. четыре года спустя – рост 87,2%, при сокращении запасов твердой валюты на 9,4%. Если учесть еще данные по Банку Соединенных Штатов, коэффициент пирамидальности этой системы в 1811 г. был 3,70 к 1, а коэффициент покрытия долговых обязательств собственными активами – 0,27, а к 1815 г. эти показатели были равны, соответственно, 5,85 к 1 и 0,17.

Но эти агрегатные показатели затушевывают истинную картину, потому что, как мы видели, инфляционное давление наращивалось исключительно за пределами Новой Англии, поскольку банки этих штатов сохраняли осторожность и не шли на раздувание кредита. Рекордным было число новых банков в Пенсильвании, где только за март 1814 г. был создан 41 новый банк, при том что до этого во всем штате действовали только 4 банка, да и те исключительно в Филадельфии. Понятно сопоставить степень пирамидальности кредитов в банках разных штатов за 1815 г.: всего лишь 1,96 к 1 в Массачусетсе, 2,7 к 1 в Нью-Хемпшире и 2,42 к 1 в Род-Айленде, но зато 19,2 к 1 в Пенсильвании, 18,46 к 1 в Южной Каролине и 18,73 к 1 в Виргинии⁴².

Все это означало, что правительство Соединенных Штатов платит за покупаемые в штатах Новой Англии товары необеспеченными банкнотами банков из других штатов. Вскоре, когда банки Новой Англии потребовали от своих контрагентов

⁴² Van Fenstermaker, "Statistics," pp. 401–409. Данные об отдельных банках см.: Van Fenstermaker, *Development*, pp. 112–183, 169–173.

погасить свои банкноты звонкой монетой, многие из них немедленно оказались на грани банкротства.

Именно в тот момент правительством США было принято роковое решение, поддержанное правительствами штатов за пределами Новой Англии. Поскольку их банкам грозило немедленное разорение, в августе 1814 г. власти разрешили им приостановить погашение своих обязательств, т.е. не платить по своим обязательствам золотой и серебряной монетой, но при этом продолжать операции. Американская история не знает подобного по наглости нарушения прав частной собственности. Банкам разрешили не оплачивать свои обязательства звонкой монетой, но при этом они продолжали расширять кредит и принуждали своих должников погашать долги, как следует по закону.

В результате такого решения правительства в 1815 г. происходило быстрое увеличение числа банков и объема банковских кредитов. За 1815 г. число банков выросло с 208 до 246. Коэффициент пирамидальности вырос с 3,17 к 1 в 1814 г. до 5,85 к 1 в 1815 г., а коэффициент покрытия долговых обязательств уменьшился с 0,32 до 0,17. Если измерять кредитную экспансию коэффициентами пирамидальности и покрытия долговых обязательств, нужно признать, что самый сильный инфляционный импульс имел место в 1815 г., когда правительство разрешило банкам приостановить погашение своих обязательств звонкой монетой.

Историки, верящие, что центральные банки сдерживают инфляционные поползновения всех остальных банковских учреждений, возлагают вину за чрезмерное умножение числа банков и раздувание банковского кредита в период войны 1812 г. на отсутствие центрального банка. Но, как мы видели, число банков и объем банковского кредита быстро росли в период Первого банка Соединенных Штатов, умножая и расширяя проводившуюся им кредитную экспансию, потом то же самое будет происходить и в период Второго банка, да если уж на то пошло, и позднее, когда уже появилась Федеральная резервная система. И в том, что новые банки перенасытили рынок кредитом, нужно винить не их, а федеральное правительство.

Именно оно позволило им приостановить платежи по своим долгам в августе 1814 г., и такой режим сохранялся еще в течение двух лет после войны, до февраля 1817 г. Таким образом, банкам разрешили в течение двух с половиной лет эмитировать ничем не обеспеченные банкноты и чековые счета.

Другим вкладом правительства США в обострение инфляции военного времени был массовый выпуск казначейских билетов. Хотя по этим билетам начислялись проценты и они подлежали погашению в течение года, публика использовала их для расчетов, а банки – как резервы для эмиссии кредитных инструментов. Тот факт, что правительство принимало их в уплату всех долговых обязательств и налогов, придавал казначейским билетам статус квазизаконного платежного средства. Большинство казначейских билетов было выпущено в 1814 и 1815 г. на сумму, соответственно, 10,65 млн и 15,46 млн долл. Казначейские билеты не только подстегнули инфляцию, но их статус квазизаконного платежного средства включил механизм закона Грэшема, так что звонкая монета стала уходить из банков и из обращения в инфляционных штатах, перемещаясь в штаты Новой Англии, а оттуда – за пределы страны⁴³.

Раздувание во время войны объема банковских кредитных инструментов (банковские деньги) и казначейских билетов стало причиной роста цен в США. С 1811 по 1815 г. оптовые цены выросли в среднем на 35%, а в отдельных городах рост индекса цен составил от 28 до 55%. Поскольку из-за войны сократился приток импортных товаров, цены на них выросли в среднем на 70%⁴⁴. Но еще важнее, чем инфляция и крах денежной системы во время и после войны, был этот созданный

⁴³ О природе эмиссии казначейских билетов в этот период см.: Richard H. Timberlake, Jr., *The Origins of Central Banking in the United States* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1978), pp. 13–18. Возможно, именно в силу действия закона Грэшема резервы твердой валюты у банков уменьшились с 9,3 млн долл. в 1814 г. до 5,4 млн долл. в 1815 г. (Van Fenstermaker, “Statistics,” p. 405).

⁴⁴ *Historical Statistics*, pp. 115–124; Murray N. Rothbard, *The Panic of 1819: Reactions and Policies* (New York: Columbia University Press, 1962), p. 4.

на будущее прецедент – в течение двух с половиной лет банкам было разрешено не платить по своим обязательствам. В последующее время всякий раз, как в результате раздувания банковских кредитов и неспособности оплатить обязательства звонкой монетой разражался банковский кризис, власти всех уровней разрешали банкам воздержаться от платежей, не останавливая при этом своих операций. Банки отчетливо осознали, что в случае общего кризиса от них не потребуют уважения к правам собственности и выполнения обязательств, как этого требует договорное право. Неспособность правительства нести ответственность за соблюдение договоров и защищать права собственности стала стимулом для безответственного раздувания банковского кредита.

Приостановка выплат звонкой монетой, разрешенная властями официально или неформально, подобно эпидемии порождала экономику штатов за пределами Новой Англии во время паники 1819, 1837 г., а в 1849 г. поразила все штаты к югу и западу от Нью-Джерси. Банковская паника 1857 г. привела к приостановке платежей по всей стране⁴⁵.

Оценивая состояние американской банковской системы в период до Гражданской войны, важно отдавать себе отчет, что даже когда в стране не было центрального банка, система эта не была «свободной» ни в каком разумном смысле слова. «Свободной» банковской системой можно называть только такой режим хозяйствования, когда к банкам относятся как к любым другим предприятиям, так что любое невыполнение договорных обязательств – в нашем случае своевременное погашение предъявляемых к оплате банкнот и депозитов металлическими деньгами – должно быть поводом для немедленного банкротства и ликвидации. Но банковская система Соединенных Штатов в период до Гражданской войны была уже развращена традицией задержки платежей в кризисных ситуациях.

⁴⁵ О случаях приостановки выплат звонкой монетой до Гражданской войны и их значении см.: Вера Смит, *Происхождение центральных банков* (М.: Институт национальной модели экономики, 1996) с. 80–97. См. также: Dunne, *Monetary Decisions*, p. 26.

Так что даже в периоды отсутствия центрального банка и сильной конкуренции ее следовало бы считать, по выражению одного экономиста, системой «децентрализованной, при отсутствии свободы»⁴⁶.

В силу памяти об эпохе 1814–1817 гг. банкноты банков штатов циркулировали с разными скидками, пропорциональными мнению публики о том, как долго можно рассчитывать на то,

⁴⁶ Смит, *Происхождение*, с. 79. Смит верно определяет «свободную банковскую систему» как:

режим, при котором учреждение эмиссионных банков разрешено на тех же основаниях, что и фирм в любой другой сфере бизнеса, в той мере, в какой эти банки отвечают требованиям общего закона о компаниях. При этом от учредителей требуется отнюдь не получение от государства какого-то особого разрешения на открытие банка, а всего лишь способность собрать достаточный капитал, а также доверие к новому банку со стороны публики, которое бы позволило ему добиться принятия своих банкнот и сделать свой бизнес прибыльным. При подобной системе банки были бы не просто уравнены в правах с компаниями в других сферах бизнеса; одновременно они несли бы на своих плечах точно такую же ответственность. В случае неспособности выполнить свои обязательства банк объявлялся бы банкротом и ликвидировался, а его активы могли бы быть использованы для удовлетворения претензий кредиторов. При этом акционеры такого банка теряли бы весь свой капитал или какую-то его часть, а связанные с банкротством штрафы, или, по крайней мере, большая их часть, покрывались бы из кармана тех, кто реально отвечал за политику банка. Банкноты, эмитированные при такой системе, играли бы роль «обещаний уплатить», обязательных к исполнению по первому требованию, и в форме общепринятого средства обращения, под которым мы будем понимать золото. Ни один из банков не был бы вправе обращаться к правительству либо какому-то другому институту за помощью в случае возникновения нужды в таковой... При этих обстоятельствах отмена золотого стандарта вряд ли была возможной, а жесткая интерпретация законодательства о банкротстве давала бы возможность немедленно передавать правопреемнику активы приостановившего выплаты банка. (Там же, с. 246–247.)

что эти «обещания заплатить» будут оплачены звонкой монетой. А мнение публики в свою очередь зависело от того, каким было соотношение между объемом выпущенных банком кредитных обязательств (банкнот и депозитов) и запасов золота и серебра в его кладовых.

В эпоху ненадежных путей сообщения и высоких транспортных расходов, чем больше было расстояние до банка, тем, как правило, с большей скидкой принимали его обязательства. Не слишком быстрым, но эффективным методом принудить банки к погашению собственных платежных обязательств было возникновение класса «денежных брокеров». Эти брокеры скупали с той или иной скидкой большое количество банковских платежных обязательств, отправлялись в центральный офис банка и требовали заплатить по обязательствам золотом или серебром. Жизнь торговцев, банкиров и публики в целом стала легче с появлением ежемесячных журналов, известных как «определители банкнот», которые публиковались денежными брокерами и содержали рыночную оценку стоимости банкнот разных банков в звонкой монете⁴⁷.

«Дикими» стали называть те банки, которые в эпоху плохих дорог задумывая жульнически раздуть кредит и потом не платить по обязательствам, размещали свою контору в «дикой» местности, куда трудно было бы добраться даже денежным брокерам. Следует подчеркнуть, что не будь периодических приостановок платежей, объявляемых с ведома и по благословению властей, «диких» банков просто не было бы, да и сомнений в размене на звонкую монету в любой момент времени также не возникало бы.

Легко представить, что в городе, в котором обосновался «дикий» банк, появление денежного брокера встречали без восторга, и что горожанам потом было естественнее винить в банкротстве и исчезновении кредита не дружелюбного соседа-банкира, а зловещего незнакомца. В ходе банковской паники 1819 г., когда после длившегося до 1817 г. инфляционного бу-

⁴⁷ Richard H. Timberlake, Jr., *Money, Banking and Central Banking* (New York: Harper and Row, 1965), p. 94.

ма банки начали рушиться, тех, кто пытался заставить банки выполнить обязательства и погасить собственные банкноты и депозиты звонкой монетой, встречали в штыки.

Например, Мэриленд и Пенсильвания в 1819 г. в разгар банковской паники повели себя с крайне причудливой непоследовательностью. 15 февраля 1819 г. власти Мэриленда приняли закон, требовавший «принудить... банки погашать свои векселя звонкой монетой, а в противном случае отбирать у них лицензию». Всего через два дня после этого грозного указа был принят другой закон, освобождавший банки от обязательства погашать платежные обязательства, предъявляемые денежными брокерами, поскольку главная их задача в том, чтобы «оградить народ этого штата от ущерба, причиняемого требованиями брокеров к банкам этого штата заплатить им золотом и серебром». Месяц спустя подобный закон приняла и Пенсильвания. Таким образом, эти штаты могли гордиться тем, что защищают права собственности и святость договоров, но при этом санкционируют нарушение того и другого.

В 1814–1817 гг. в период общей приостановки выплат держателям банкнот, требовавшим уплаты через суд, редко удавалось добиться удовлетворения своих претензий. Так, Исаак Бронсон, видный банкир из Коннектикута, где банки не задерживали оплаты своих обязательств звонкой монетой, подал в суд на несколько нью-йоркских банков, требуя погашения банкнот. Денег он не получил, а нью-йоркские газетчики заклеямили его как агента «нищеты и разрухи»⁴⁸.

К югу от Виргинии практически все банки приостановили платежи во время паники 1819 г., а в Джорджии такой режим продержался, практически не прерываясь, до 1830-х гг. Один клиент жаловался, что в 1819 г., когда он попытался получить

⁴⁸ Hammond, *Banks and Politics*, pp. 179–180. В 1808 г., еще до общей приостановки платежей, житель Бостона Хайре Дерки, добивавшийся от принадлежавшего штату Банка штата Вермонт погашения банкнот на 9000 долл., был встречен обвинением в том, что он, «злонравный человек», пытается «получить подлую выгоду» за счет средств штата Вермонт и в ущерб способности его «добрых граждан иметь деньги» (Ibid., p. 179). См. также: Gouge, *Short History*, p. 84.

деньги с принадлежавшего большей частью штату Дарьенском банке, шт. Джорджия, его заставили поклясться в банке в присутствии мирового судьи, что каждая предъявленная им банку банкнота принадлежит лично ему, и что он не является ни денежным брокером, ни уполномоченным представителем третьей стороны. Ему пришлось поклясться в присутствии пяти директоров банка и кассира, и к тому же еще оплатить сбор по 1,36 долл. за каждую погашенную банкноту. Двумя годами позже, когда другой банкнотодержатель потребовал от Фермерского банка Джорджии 30 000 долл. серебром, ему сообщили, что заплатят, но только самой мелкой монетой. Еще был случай, когда деньги выдавали монетками по одному пенни по 60 долл. в день⁴⁹.

Во время паники Северная Каролина и Мэриленд особенно энергично пытались защитить банки своих штатов от денежных брокеров и обесценившихся банкнот. В Северной Каролине банки не наказывали, если те отказывались оплачивать банкноты, предъявляемые «брокерами», но при этом рассчитывались с местными гражданами. При поддержке правительства три ведущих банка штата договорились в июне 1819 г. не выдавать металлические деньги брокерам или их агентам. За пределами штата их банкноты немедленно подешевели на 15%. При этом банки, вполне непоследовательно, продолжали требовать от своих должников своевременной уплаты полноценной монетой. В том же году Мэриленд потребовал, чтобы денежные брокеры покупали за 500 долл. лицензию, и это плюс к неслыханному залогу в 20 000 долл., который нужно было внести для открытия бизнеса.

Мэриленд, чтобы защитить свои банки и прижать брокеров, принял в 1819 г. закон, запрещающий принимать банкноты местных банков ниже номинала. Закон никто не соблюдал, а возможные штрафы просто прибавлялись к величине скидки

⁴⁹ Gouge, *Short History*, pp. 141–142. Уильям Кроуфорд, политик из Джорджии и министр финансов США, в период банковской паники разместил казначейские облигации в Дарьенском банке, тщетно пытаясь спасти его от банкротства (Rothbard, *Panic of 1819*, p. 62).

в качестве платы за дополнительный риск. Одновременно в силу закона Грэшема наличные деньги стали уходить из Мэриленда⁵⁰.

В Кентукки, Теннесси и Миссури были приняты законы об отсрочке делопроизводства [stay law], которые требовали, чтобы кредиторы в уплату долгов принимали обесцененные и неконвертируемые банкноты банков штата, а в противном случае им предлагалось подождать с возвратом долгов. Таким образом, банковские бумаги получили статус квазиузаконенного платежного средства⁵¹. Многие штаты разрешили своим банкам приостанавливать платежи металлическими деньгами, а четыре западных штата – Теннесси, Кентукки, Миссури и Иллинойс – создали для преодоления депрессии собственные банки и поручили им выпускать неразменные бумажные деньги. Во всех штатах, пытавшихся поддержать неконвертируемые банковские обязательства, им был придан квазиузаконенный статус – власти штатов согласились их принимать в уплату налогов и долгов. Результаты всех этих схем эмиссии неконвертируемых платежных обязательств были такими: быстрое и сильное обесценение, исчезновение металлических денег из оборота, а следом и спешная ликвидация недавно созданных банков штатов⁵².

⁵⁰ Ibid., pp. 64–68. Аналогичные законы были приняты в Огайо и Делавэре.

⁵¹ Самое крайнее предложение внес политик из Теннесси Феликс Гранди – предложить кредиторам либо принимать банкноты банка штата, либо считать долг аннулированным. Если бы эта идея была принята, банкноты стали бы узаконенным платежным средством (Ibid., p. 91). См. также: Joseph H. Parks, "Felix Grundy and the Depression of 1819 in Tennessee," *Publications of the East Tennessee Historical Society* 10 (1938): 22.

⁵² Сравнительно незатронутыми эпидемией неконвертируемых бумажных денег, будь то в форме продления приостановки выплат звонкой монетой, или увеличения эмиссии бумажных денег вновь создаваемыми банками штатов, остались только штаты Новой Англии, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Виргиния, Миссисипи и Луизиана. Анализ событий во всех штатах см.: Rothbard, *The Panic of 1819*, pp. 57–111.

Замечательный комментарий к проблеме отказа банков от оплаты собственных долговых обязательств содержится в переписке Конди Рэгита, одного из самых выдающихся экономистов Америки, молодого члена сената штата Филадельфия, с видным английским экономистом Давидом Рикардо. Рикардо явно был поставлен в тупик сообщением Рэгита, что банки, отказывающиеся платить металлическими деньгами, не призываются к порядку. 18 апреля 1821 г. Рэгит в письме так объяснил могущество банков в США:

В своем письме Вы пишете, что Вам трудно понять, почему те, кто имеет право потребовать от банка монеты в уплату за их банкноты, так упорно не пользуются этим правом. Это, конечно же, должно казаться парадоксальным живущему в стране, где парламенту пришлось принять особый закон для защиты банков, но это Ваше затруднение легко разрешить. Все наше население состоит либо из акционеров банков, либо в долгу перед ними. Давить на банки не в *интересах* первых, а остальные *боятся*. Вот и весь секрет. Независимый человек, не являющийся ни акционером, ни должником, который бы рискнул призвать банки к порядку, подвергся бы преследованиям как враг общества⁵³.

Второй банк Соединенных Штатов, 1816–1833

Война 1812 г. привела кредитно-денежную систему Соединенных Штатов в состояние хаоса: банки бесконтрольно раздували кредит, и сдержать их мог только страх перед обесценением своих банкнот. Когда банкам разрешили отказывать в погашении своих обязательств звонкой монетой, число банков, имеющих статус корпорации, выросло за 1816 г. с 212 до 232⁵⁴.

⁵³ Raguette to Ricardo, April 18, 1821, in David Ricardo, *Minor Papers on the Currency Question, 1809–1823*, Jacob H. Hollander, ed. (Baltimore: Johns Hopkins Press, 1932), pp. 199–201; Rothbard, *Panic of 1819*, pp. 10–11; Hammond, *Banks and Politics*, p. 242.

⁵⁴ Выпуск новых серий банкнот в 1815 и 1816 г. достиг пика в Нью-Йорке и Пенсильвании. См.: D. C. Wismar, *Pennsylvania Descriptive List of Obsolete State Bank Notes, 1782–1866* (Frederick, Md.: J. W.

Естественно, что страна не могла и дальше оставлять выпуск неразмеченных бумажных денег в руках беспорядочно действовавших банков. Было очевидно, что у этой проблемы только два решения. Первое – это переход к твердым деньгам, чего требовали старые республиканцы и, по другим соображениям, федералисты. Федеральное правительство и власти штатов должны были жестко потребовать от распустившихся банков оплачивать свои обязательства звонкой монетой, а когда большинство банков за пределами штатов Новой Англии этого сделать не смогли бы, их можно было ликвидировать. В результате исчезла бы большая часть обесцененных и инфлированных банкнот и депозитов, а место средства обращения заняла звонкая монета, вернувшаяся в оборот из сундуков и из-за границы. На этом инфляционный эксперимент был бы завершен.

Вместо этого верхушка демократов-республиканцев в 1816 г. обратилась к старой идее федералистов: создать новый центральный банк, Второй банк Соединенных Штатов. Созданный по образу и подобию Первого банка, Второй банк представлял собой частную корпорацию, $\frac{1}{5}$ акций которой принадлежала федеральному правительству. Он был создан с целью эмитировать общенациональные бумажные деньги, выкупать государственные долговые обязательства и хранить средства Министерства финансов. Банкноты и депозиты Второго банка Соединенных Штатов подлежали погашению звонкой монетой, а поскольку федеральное правительство обязалось принимать их в счет уплаты налогов, они получили статус квазизаконного платежного средства.

То, что целью создания Второго банка Соединенных Штатов было не подавление инфляционных наклонностей банков штатов, а их поддержка, видно из постыдной сделки, заключенной им с банками штатов немедленно после того, как в январе 1817 г. он распахнул свои двери. В апреле 1816 г., одновременно с учреждением нового центрального банка, Конгресс

Stovell, 1933); idem, *New York Descriptive List of Obsolete Paper Money* (Frederick, Md.: J. W. Stovell, 1931).

принял резолюцию Даниеля Вебстера, который в то время был федералистом и сторонником твердых денег, с требованием, чтобы с 20 февраля 1817 г. Соединенные Штаты в счет долгов и налогов принимали только металлические деньги, казначейские билеты, банкноты Банка Соединенных Штатов или банкноты банков штатов, погашаемые звонкой монетой по первому требованию. Иными словами, никакие непогашаемые банкноты банков штатов не должны были приниматься государственными органами после этой даты. Вместо того чтобы воспользоваться этим шансом и заставить банки погашать свои банкноты, Второй банк Соединенных Штатов на встрече с представителями всех ведущих городских банков, за исключением Бостонского, согласился эмитировать кредит на 6 млн долл. в Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе и Виргинии, прежде чем требовать от банков штатов погашения долгов перед ним звонкой монетой. В ответ на это грандиозное инфляционное обязательство банки милостиво согласились возобновить выплаты звонкой монетой⁵⁵. Более того, Второй банк и банки штатов договорились взаимно поддерживать друг друга в случае любого критического положения, что на практике означало, что более мощный Банк Соединенных Штатов взял на себя обязательство поддерживать слабые банки штатов.

Через Конгресс затею со Вторым банком протолкнула администрация Мэдисона, а особенную активность проявил министр финансов Александр Даллас, которого и назначили на этот пост прежде всего для выполнения этой задачи. Даллас, богатый филадельфийский юрист, был близким другом, советником и финансовым партнером филадельфийского торговца и банкира Стивена Жирарда, которого считали одним из двух самых богатых людей страны. К моменту закрытия Пер-

⁵⁵ Об основании Банка Соединенных Штатов и о сделке с банками штатов см.: Ralph C. H. Catterall, *The Second Bank of the United States* (Chicago: University of Chicago Press, 1902), pp. 9–26, 470–490; Hammond, *Bank and Politics*, pp. 230–248; Davis R. Dewey, *The Second United States Bank* (Washington, D. C.: National Monetary Commission, 1910), pp. 148–176.

вого банка Соединенных Штатов Жирард был его крупнейшим акционером, а во время войны 1812 г. он вложил большие деньги в облигации федерального правительства. За новый центральный банк Соединенных Штатов Жирард начал агитировать как ради возможности избавиться от государственных облигаций, так и ради перспективы стать его крупным акционером. В 1814 г. назначение Далласа министром финансов было срежиссировано самим Далласом и его близким другом, богатым нью-йоркским торговцем мехами Джоном Джейкобом Астором, который также вложил большие в деньги в военные облигации. После создания Второго банка Соединенных Штатов Стивен Жирард купил на 3 млн долл. акций из неразмещенного остатка на сумму 28 млн долл. и с помощью Далласа ему удалось провести на пост президента нового банка своего доброго друга Уильяма Джонса, бывшего прежде торговцем в Филадельфии⁵⁶.

Высказывания тех, кто противостоял созданию Банка Соединенных Штатов, звучат сегодня как пророчество. Так, сенатор Уильям Уэллс, федералист из штата Делавэр, выступая против этого банка, заявил, что

создаваемый якобы для наведения порядка с бумажными деньгами, для чего следует приструнить банки и сократить выпуск банковских бумаг, он готов навлечь на нас то же самое зло, потому что является не чем иным, как бумагоделательной машиной⁵⁷.

В результате сделки с банками штатов платежи металлическими деньгами после 1817 г. возобновились скорее номи-

⁵⁶ О связи между Жирардом и Далласом см.: Hammond, *Bank and Politics*, pp. 231–246, 252; Philip H. Burch, Jr., *Elites in American History*, vol. 1, *The Federalist Years to the Civil War* (New York: Holmes and Meier, 1981), pp. 88, 97, 119–121; Kenneth L. Brown, “Stephen Girard, promoter of the Second Bank of the United States,” *Journal of Economic History* (November 1942): 125–32.

⁵⁷ *Annals of Congress*, 14th Cong., 1st sess., April 1, 1816, pp. 267–270. См. также: *ibid*, pp. 1066, 1091, 1110 ff.; цит. по: Murray N. Rothbard, *The Case for a 100 percent Gold Dollar* (Washington, D. C.: Libertarian Review Press, 1974, p. 18, n. См. также: Gouge, *Short History*, pp. 79–83.

нально, что заложило базу для широкого отказа от конвертации в твердую валюту в ходе депрессии 1819–1821 гг. Как писал Брей Хаммонд:

платежи звонкой монетой были возобновлены, но с существенными ограничениями. Ситуация, несомненно, была лучше, чем прежде, и делали вид, что она еще лучше, чем на самом деле. Но возобновление платежей не было безусловным и повсеместным; за выдачу звонкой монеты по-прежнему взимали премию, а банкноты принимали со скидкой, и в разных местах величина этих скидок и премий очень различалась. Три года спустя, в феврале 1820 г., министр финансов Кроуфорд доложил Конгрессу, что за время, прошедшее после возобновления платежей в звонкой монете, конвертируемость банкнот в звонкую монету на большей части территории Союза была скорее номинальной, чем реальной⁵⁸.

Главной проблемой было то, что Банку Соединенных Штатов не доставало мужества потребовать от банков штатов оплаты их банкнот. В результате банки штатов в 1817 и 1818 г. были должны Банку Соединенных Штатов 2,4 млн долл., и эти деньги являлись своего рода беспроцентной ссудой. Как указывает Кэтгеролл, «было так много влиятельных людей, заинтересованных [как акционеры] в банках штатов, что не рекомендовалось задевать их требованием платежей в звонкой монете, а заемщикам было нужно, чтобы продолжали давать в долг». Джонс, президент Банка Соединенных Штатов, сообщал о попытке обналчить банкноты банков штатов: «Банки, наши должники, ссылались на отсутствие средств, требовали отсрочки платежей либо с полным безразличием внимали нашим увещаниям и многократным требованиям заплатить»⁵⁹.

Политика Второго банка изначально сводилась к раздуванию денежной массы и кредита. Не имея сил настоять на взно-

⁵⁸ Hammond, *Banks and Potocas*, p. 248. См. также: Condy Raguet, *A Treatise on Currency and Banking*, 2nd ed. (New York: Augustus M. Kelley, [1840] 1967), pp. 302–303; Catterall, *Second Bank*, pp. 37–39; Walter Buckingham Smith, *Economic Aspects of the Second Bank of the United States* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1953), p. 104.

⁵⁹ Catterall, *Second Bank*, p. 36.

се капитала в звонкой монете, банк не смог собрать 7 млн долл. золотом и серебром, которые должны были составить его уставный фонд; в 1817 и 1818 г. сумма его собственных средств не поднималась выше 2,5 млн долл. В июле 1818 г., когда его операции достигли наивысшего размаха, сумма его собственных средств составляла 2,36 млн долл., а сумма выпущенных им банкнот и чеков на предъявителя – 21,8 млн долл. Таким образом, всего лишь за полтора года своей деятельности центральный банк США увеличил объем денежных инструментов на 19,2 млн долл. и довел степень пирамидальности до 9,24, а коэффициент покрытия – до 0,11.

Во Втором банке процветало неприкрытое мошенничество, особенно в его филиалах в Балтиморе и Филадельфии, причем больше всего в первом. Не случайно, что $\frac{3}{5}$ всех ссуд было выдано именно этими двумя филиалами⁶⁰. Попытки банка обеспечить единообразие платежной и кредитной системы на всей территории государства проваливались из-за того, что его филиалы в южных и западных штатах злоупотребляли эмиссией кредитных билетов и банкнот, предъявлявшихся потом к оплате в более консервативных банках Нью-Йорка и Бостона, вынужденных погашать их по номиналу звонкой монетой, таким образом уходившей в западные отделения, которые имели возможность и дальше упражняться в раздувании инфляции⁶¹.

Одновременно со склонностью к кредитной экспансии Второй банк Соединенных Штатов проявлял неспособность настоять на том, чтобы банки штатов расплачивались звонкой

⁶⁰ Catterall, *Second Bank*, pp. 28–50, 503. Особенно отличились в мошенничестве Джеймс Бьюкенен, президент балтиморской торговой фирмы «Смит энд Бьюкенен», и кассир балтиморского отделения Второго банка Соединенных Штатов Джеймс Маккулох, являвшийся всего лишь обедневшим клерком торгового дома. Смит, бывший федералист, был сенатором от Мэриленда и влиятельным членом демократически-республиканского руководства.

⁶¹ В результате оттока металлических денег сумма банкнот банков Массачусетса сжалась с 1 млн долл. в июне 1815 г. до 850 тыс. долл. в июне 1818 г. См.: Rothbard, *Panic of 1819*, p. 8.

монетой, так, их кредитная экспансия надстраивалась над пирамидой платежных инструментов центрального банка. Число инкорпорированных банков штатов выросло с 232 в 1816 г. до 338 в 1818 г. В одном только Кентукки конгресс штата за сессию 1817/18 гг. узаконил лицензии 40 новых банков. Объем денег в обращении вырос в стране от 67,3 млн долл. в 1816 г. до 94,7 млн долл. в 1818 г., т.е. на 40,7% за два года. Большая часть этого прироста была плодом деятельности Банка Соединенных Штатов⁶².

Грандиозная кредитно-денежная экспансия породила в США полномасштабный инфляционный бум. С окончанием войны в 1815 г. возобновился импорт товаров, и цены на них упали, но с ценами на отечественные товары все было иначе. Так, индекс цен на экспортные товары вырос в Чарлстоне с 102 в 1815 г. до 160 в 1818 г.; в тот же период индекс цен на товары, произведенные в Луизиане, вырос на рынках Нового Орлеана со 178 до 224. Экономика процветала. Объем экспорта вырос с 81 млн долл. в 1815 г. до 160 млн долл. в 1818 г. Сильно росли цены на недвижимость, землю, мелиоративные работы и на рабов. Этот рост в значительной степени объяснялся доступностью банковского кредита для спекулятивных операций с городской недвижимостью и землями сельскохозяйственного назначения. С грандиозным размахом велись дорожные работы, чему способствовали большие вложения федеральных средств в дорожное строительство. Росли цены на фрахт пароходов, и кораблестроители тоже были вовлечены в лихорадку хозяйственного подъема. В ситуации хозяйственного взлета расцвела торговля акциями, причем с такой быстротой, что торговцы,

⁶² В 1816 г. по сохранившимся отчетам 39% банков штатов сумма банкнот и чеков составила 26,3 млн долл., а в 1818 г. аналогичная сумма для 38% банков равнялась 27,7 млн долл. Пересчитав эти суммы на 100%, получим для 1816 г. оценку в 67,3 млн долл., а для 1818 г. — 72,9 млн долл. Прибавив к последней величине 21,8 млн долл., т.е. сумму депозитов и банкнот, эмитированных Банком Соединенных Штатов, получим для 1818 г. суммарный объем денежной массы 94,7 млн долл., или рост на 40,7% по сравнению с 1816 г. Рассчитано по: Van Fenstermaker, "Statistics," pp. 401, 405, 406.

уже столетие занимавшиеся своим делом на тротуарах Уолл-Стрит, сочли необходимым перенести торговлю в помещение, и в марте 1817 г. в Нью-Йорке распахнула двери первая в стране фондовая биржа. Кроме того, в период этого бума в США появились первые инвестиционные банки⁶³.

Начиная с июля 1818 г. правительство и руководство Второго банка начали осознавать, в каком отчаянном положении они пребывают: инфляция кредитно-денежных инструментов, отягощенная массовым жульничеством, сделали для Банка Соединенных Штатов реальной перспективу банкротства и заставили в нарушение закона прекратить погашение собственных платежных обязательств звонкой монетой. Весь следующий год банк героически пытался выбраться из опасной ситуации: объемом кредитования был резко снижен, был насильственно урезан объем предоставления кредитов в южных и западных штатах; банк отказался от претензий на создание общенациональных денег, прекратив принимать по номиналу банкноты, выпущенные его недобросовестными отделениями; банкам-должникам было предъявлено настойчивое требование немедленно рассчитаться по долгам, причем звонкой монетой. Кроме того, банк закупил за рубежом монет на миллионы долларов. Эти героические усилия, дополненные увольнением президента Банка Уильяма Джонса, спасли сам Банк Соединенных Штатов, но быстрое и сильное сжатие объема кредитно-денежных инструментов вызвало в США первую в истории страны экономическую и финансовую депрессию. В США случился первый общенациональный конъюнктурный цикл «бум–крах»: сначала быстрая и активная инфляция, потом столь же быстрое сжатие денег и кредита. Банки разорялись, и частные банки почти по всей стране сворачивали кредит, прекращали платить по долгам и приостанавливали платежи звонкой монетой.

Масштабы произведенного Банком Соединенных Штатов сжатия денег и кредита кажутся почти неправдоподобными:

⁶³ Rothbard, *Panic of 1819*, pp. 6–10; *Historical Statistics*, pp. 120, 122, 563; George Rogers Taylor, *Transportation Revolution, 1815–1860* (New York: Rinehart, 1951), pp. 334–336.

сумма банкнот и депозитов упала с 21,9 млн долл. в июне 1818 г. до всего лишь 11,5 млн долл. годом позже. Объем денежной массы, предоставляемой рынку Банком Соединенных Штатов, за год съезжился не менее чем на 47,2%. Число инкорпорированных банков сначала оставалось неизменным, но за последующие три года резко уменьшилось – с 341 в середине 1819 г. до 267 тремя годами позже. Общая сумма обращающихся на рынке банкнот и депозитов, эмитированных банками штатов, уменьшилась с 72 млн долл. в середине 1818 г. до 62,7 млн долл. годом позже, т.е. на 14% за год. Если добавить к этому, что министерство финансов урезало объем обращающихся на рынке казначейских билетов с 8,1 млн долл. до нуля, получим следующую оценку сжатия объема денежной массы за год, с 1818 по 1819 г.: с 103,5 до 74,2 млн долл., или на 28,3%⁶⁴.

Результатом сжатия объема денежной массы стала эпидемия неплатежеспособности – банкротство торговых и промышленных предприятий, ликвидация спекулятивных инвестиций, сделанных в период бума. Резко упали цены на покупку и аренду недвижимости, на фрахт морских судов и на рабов. Резко сократились объемы покупки государственных земель – с 13,6 млн долл. в 1818 г. до 1,7 млн долл. в 1820 г.⁶⁵ Общий уровень цен сильно понизился. Индекс экспортных цен упал со 158 в ноябре 1818 г. до 77 в июне 1819 г., т.е. на 87,9 процентных пунктов за семь месяцев. Примерно в тот же период индекс экспортных цен в Южной Каролине понизился со 160 до 96, а индекс сырьевых цен в Новом Орлеане упал с 200 в 1818 г. до 119 двумя годами позже.

Результатом уменьшения доходов стало падение импорта с 112 млн долл. в 1818 г. до 87 млн долл. годом позже. Импорт из

⁶⁴ Оценки получены по данным таблиц Вана Фенстермейкера: Van Fenstermaker, "Statistics," pp. 401–406, и idem, *Development*, pp. 66–68. Данные, относящиеся к 38% инкорпорированных банков в 1818 г. и к 54% – в 1819 г., пересчитаны на 100%. Данные по Банку Соединенных Штатов взяты в: Catterall, *Second Bank*, p. 502. О сжатии кредитно-денежных инструментов Вторым банком см.: *ibid.*, pp. 51–72.

⁶⁵ О сжатии в это время объема обращающихся на рынке казначейских билетов см.: Timberlake, *Origins of Central Banking*, pp. 21–26.

Великобритании уменьшился с 43 млн долл. в 1818 г. до 14 млн долл. в 1820 г., а импорт шерстяных и хлопковых тканей из Британии сократился с более 14 млн долл. по каждой позиции в 1818 г. до примерно 5 млн долл. в 1820 г.

Время всеобщей задолженности было отягощено значительным падением цен, а на это наложились еще и сжатие кредита. Банкротства были повсеместны. По оценке одного наблюдателя, в результате банкротств европейские кредиторы недополучили 100 млн долл. за проданные в долг товары. В западных районах США, где инфляция кредитно-денежных инструментов в период бума была особенно значительна, нехватка денег была столь остра, что произошел массовый откат к бартерной торговле, в которой роль денег выполняли зерно и виски⁶⁶.

Как сказал экономист и историк Уильям Гоудж, в результате стремительного сжатия объема денег в обращении «Банк спасти удалось, но жизнь была разрушена»⁶⁷.

Президент Эндрю Джэксон и война с Банком США

Горький опыт паники 1819 г. способствовал возникновению движения джэксонианцев. Их идеалами были твердые деньги, ликвидация банковской деятельности с частичным резервированием вообще, и Банка Соединенных Штатов в частности. Опыт паники 1819 г. сделал приверженцами твердых денег и банковской деятельности со 100%-ным резервированием самого Эндрю Джэксона, сенатора Томаса Харта Бентона из Миссури, будущего президента Джеймса Полка из Теннесси и экономистов Амоса Кендалла из Кентукки и Конди Рэгита из Филадельфии⁶⁸. Джэксонианцы руководствовались анализом английской денежной школы (в ряде моментов ими дополненной и усовершенствованной), объяснявшей цикл «бум-крах» инфляционным раздуванием денежной массы с после-

⁶⁶ Rothbard, *Panic of 1819*, pp. 11–16.

⁶⁷ Gouge, *Short History*, p. 110.

⁶⁸ Rothbard, *Panic of 1819*, p. 188.

дующим сжатием банковского кредита. Джэксонианцы не были невеждами, как их изображает большинство историков, напротив, они хорошо ориентировались в экономических теориях того времени и прежде всего хорошо знали рикардианскую денежную школу.

Ни одно явление в американской политике не было так извращенно понято историками, как движение джэксонианцев. Они категорически *не являлись*, вопреки утверждениям историков, ни «враждебными капитализму невежественными аграриями», ни «представителями поднимающегося класса предпринимателей», ни «инструментами заинтересованных в инфляции банков штатов», так же как они не являлись ранними предтечами пролетарского антикапиталистического движения или внеидеологической группы власти или «электоральной машины». На самом деле джэксонианцы были просто-напросто либертарианцами. Их программа и идеология были чисто либертарианскими. Они были очень благосклонны к идеям свободного предпринимательства и свободных рынков, при этом они с не меньшим рвением были против особых субсидий и монопольных привилегий, предоставляемых правительством бизнесу или любым другим группам. Они считали очень важным свести к минимуму размер правительства как на уровне федеральном, так и на уровне штатов. Они верили, что роль правительства должна быть сведена к охране прав частной собственности. В денежной сфере это предполагало отделение государства от банковской системы и переход от инфляционных бумажных денег и банковской деятельности с частичным резервированием к системе, основанной исключительно на звонкой монете и 100%-ном резервировании.

Для реализации этой программы нужно было решить невероятно сложную задачу – создать новую партию в условиях практически однопартийной системы, к которой редуцировалась политическая жизнь Америки после войны 1812 г., когда демократы-республиканцы в конце концов приняли федералистскую программу, включая воссоздание Банка Соединенных Штатов. Новая, демократическая партия была создана в середине 1820-х гг. усилиями нью-йоркского политика Марти-

на ван Бурена, которого престарелый Томас Джефферсон обр­атил в приверженца дела *laissez faire*. Ван Бурен привлек в союзники Томаса Харта Бентона из Миссури и старых республиканцев из Виргинии, но нужен был харизматический лидер, который смог бы отвоевать президентское кресло у Адамса и его сторонников, объединившихся под флагами Национальной республиканской партии. Такого лидера он нашел в Эндрю Джек­соне, который в 1828 г. и был избран президентом под новыми демократическими лозунгами.

В конечном итоге Джек­сону и его сторонникам удалось реализовать разные части своей экономической программы перехода к свободному рынку и минимальному правительству, включая радикальное понижение таможенных пошлин и выплаты федерального долга, – первый и, может быть, последний раз в истории США. Но главной их целью было состояние денежного и банковского хозяйства. В этой области у них была ясная и последовательная программа, которую они реализовывали шаг за шагом.

Первым важным шагом было упразднение центрального банка, который, с точки зрения джексо­нианцев, был главным виновником инфля­ции. Причем речь не шла о том, чтобы убрать Банк Соединенных Штатов и развязать банкам штатов руки для бесконтрольной инфля­ции. Наоборот, ставилась цель устранить главный источник инфля­ции с тем, чтобы идти дальше к полной ликвидации банковской деятельности с частичным резервированием на уровне штатов. Лицензия Банка Соединенных Штатов подлежала возобновлению в 1836 г., но Джек­сон объявил о намерении отозвать лицензию уже в первом ежегодном послании в 1829 г. Высокомерный Николас Биддл⁶⁹, глава Второго банка, решил померяться силами с Джексоном еще в 1831 г., до начала его кампании по избранию

⁶⁹ Биддл был одним из звеньев в контроле над обоими Банками Соединенных Штатов со стороны финансовой элиты Филадельфии – Роберта Морриса, Уильяма Бингхе­ма, Стива Жирарда и Уильяма Джонса. См.: Burch, *Elites*, p. 147. См. также: P. Govan, *Nicholas Biddle: Nationalist and Public Banker, 1786–1844* (Chicago: University of Chicago Press, 1959), pp. 45, 74–75, 79.

на второй срок. Большинство национальных республиканцев и демократов, не являвшихся сторонниками Джэксона, высказалось за возобновление лицензии, но президент наложил вето, сопроводив его драматичным обращением к Конгрессу, и тот не сумел преодолеть вето.

Вопрос о Банке был центральным в избирательной кампании 1832 г., и президент Джэксон, одержавший триумфальную победу на выборах, не теряя времени, начал разрушать статус Банка Соединенных Штатов как центрального. Критический момент настал в 1833 г., когда Джэксон вывел правительственные средства из Банка США и разместил их в ряде банков штатов по всей стране (вскоре получивших прозвище «банки-любимчики»). Первоначально таких банков-любимчиков было семь, но у команды президента Джэксона не было идеи заместить один монопольный банк олигархической группой привилегированных банков, поэтому к концу 1836 г. их число выросло до 91⁷⁰. В этом году Биддл сумел получить лицензию для своего банка в Пенсильвании, и новый Банк Соединенных Штатов Пенсильвании проработал еще ряд лет после этого, сильно съжившийся, но не растерявший всего влияния.

Ортодоксальные историки длительное время твердили, что, безрассудно разрушив Банк Соединенных Штатов и передав правительственные фонды в банки-фавориты, Эндрю Джэксон освободил банки штатов от контроля со стороны центрального банка. Предполагалось, таким образом, что банки получили возможность выстраивать пирамиду банкнот и депозитов на базе имевшихся запасов звонкой монеты и раскручивать дикую инфляцию, которая позднее и отозвалась двумя банковскими паниками и последующей разрушительной дефляцией.

Однако недавние исследования дают совершенно иную картину⁷¹. Прежде всего под управлением Банка Соединенных Штатов инфляционный режим в стране был далеко не идеаль-

⁷⁰ Hammond, *Banks and Politics*, p. 420.

⁷¹ Превосходный биографический очерк и критику исторических истолкований политики Джэксона и войны с Банком см.: Jeffrey Rogers Hummel, "The Jacksonians, Banking, and Economic Theory: A Reinterpretation," *Journal of Libertarian Studies* 2 (Summer 1978): 151–165.

ным. По окончании депрессии в 1819 г. Банк Соединенных Штатов под управлением осторожного Лангдона Чивса ежегодно увеличивал объем депозитов и банкнот на 5,9%. В этот период совокупный объем денежной массы оставался примерно одинаковым. Но когда Банк возглавил менее осторожный Николас Биддл, с января 1823 г. суммарный объем депозитов и банкнот вырос с 12 млн долл. до 42,1 млн долл., в среднем на 27,9% в год. В результате по стране в целом совокупная денежная масса выросла с 81 до 155 млн долл., рост в среднем на 10,2% в год. Движущей силой денежной экспансии был, несомненно, Банк США, который не столько ограничивал, сколько подстегивал инфляцию. Если подойти с другой стороны, согласно данным за 1823 г., коэффициент пирамидальности, т.е. отношение суммы денежных обязательств к запасам звонкой монеты, составлял 3,86 к 1 для Банка США и 4 к 1 для банковской системы в целом, а коэффициент резервирования соответственно 0,25 и 0,26. К 1832 г. коэффициент резервирования для Банка США составил всего 0,17, а для страны в целом – 0,15. Иными словами, банки штатов и надзиравший за ними Банк США увеличивали объем платежных средств на базе звонкой монеты примерно с равной скоростью⁷².

Тот факт, что на протяжении всего этого периода уровень розничных цен оставался примерно неизменным, еще не является показателем того, что уровень денежной инфляции не таил в себе опасности. Согласно теории цикла австрийской школы, сама по себе банковская кредитная инфляция создает условия для конъюнктурных бумов и кризисов; при этом рост цен совсем не обязателен. Цены не увеличились только по той причине, что тогда рост производства товаров и услуг оказался достаточным, чтобы компенсировать денежную экспансию. Но сходные условия 1920-х гг. завершились грандиозным кризисом 1929 г., что явилось сильным потрясением для большинства экономистов, принявших монетаризм в версии Ирвинга

⁷² Данные по Банку Соединенных Штатов см.: Catterall, *Second Bank*, p. 503. Данные по совокупной денежной массе см.: Peter Temin, *The Jacksonian Economy* (New York: W. W. Norton, 1969), p. 71.

Фишера и других экономистов того времени, утверждавших, что стабильность оптовых цен по определению является знаком отсутствия инфляции. На самом деле недеформированная экономика свободного рынка обычно ведет к росту производства товаров и услуг, а значит к плавному снижению уровня цен, что и наблюдалось на протяжении большей части XIX в., если не считать военных периодов.

Что же можно сказать о последствиях перемещения депозитов правительственных учреждений в банки штатов? О чем говорит тот факт, что индекс оптовых цен вырос с 84 в апреле 1834 г. до 131 в феврале 1837 г., на 52% менее чем за три года? Разве этот бум не был результатом устранения центрального банка?

Профессор Темин дал образцовое неортодоксальное объяснение бума 1830-х гг. и последующего краха⁷³. Прежде всего он указывает, что рост цен начался еще до этого, в июле 1830 г., когда индекс оптовых цен был равен 82, низшая точка спада, а потом за три года индекс вырос на 20,7% и достиг уровня 99 в конце 1833 г. Причина роста цен очевидна: объем денежной массы вырос с 109 млн долл. в 1830 г. до 159 млн долл. в 1833 г., т.е. на 45,9%, или на 15,3% в год. Если с большей точностью измерить динамику денежного предложения, мы увидим, что совокупный объем платежных инструментов вырос с 109 млн долл. в 1830 г. до 155 млн долл. полтора года спустя, т.е. среднегодовой темп роста составил 35%. Нет сомнения, что эта денежная эмиссия была подстегнута все еще могущественным в тот период Банком Соединенных Штатов, который с января 1830 г. по январь 1832 г. увеличил суммарный объем собственных банкнот и чековых депозитов с 29 до 42,1 млн долл., или на 45,2%.

Таким образом, инфляция цен и денег в начале 1830-х гг. объясняется экспансией центрального банка, все еще домини-

⁷³ Temin, *Jacksonian Economy*, passim. См. также: Hugh Rockoff, "Money, prices, and Banks in the Jacksonian Era," in *The Reinterpretation of American Economic History*, R. Fogel and S. Engerman, eds. (New York: Harper and Row, 1971), pp. 448–458.

ровавшего на рынке. А что происходило с инфляционными показателями после 1833 г.? Нет сомнений, что причиной роста уровня оптовых цен было значительное увеличение объема денежной массы в тот же период. Этот показатель вырос со 150 млн долл. в начале 1833 г. до 267 млн долл. в начале 1837 г., т.е. на 84%, или на 21% в год.

Но, как указывает Темин, денежная инфляция не была следствием того, что банки штатов получили свободу безответственно расширять кредит. Если бы дело было в том, что банки штатов использовали отсутствие надзора сверху и получение депозитов правительственных учреждений для того, чтобы произвольно наращивать пирамиду кредитных инструментов, тогда мы наблюдали бы рост коэффициента пирамидальности или, наоборот, снижение коэффициента покрытия пассивов запасами звонкой монеты. Но в 1837 г. коэффициент покрытия пассивов составлял 0,16. И в предшествующие годы этого периода его значение не опускалось ниже этого уровня. Но это означает, что банки штатов и после устранения со сцены Банка Соединенных Штатов поддерживали ту же пирамиду платежных средств, что и до того⁷⁴.

Шаблонно мыслящие историки, верящие, что Банк США должен был ограничивать инфляционизм банков штатов, естественным образом предполагают в них враждебность к центральному банку. Но Джин Уилбурн открыла, что, напротив, банки штатов всячески поддерживали Банк США:

Мы обнаружили, что Николас Биддл был прав, говоря, что «банки штатов в целом дружелюбны к нам». Точнее говоря, только в Джорджии, Коннектикуте и Нью-Йорке наблюдались открытые проявления враждебности. В некоторых южных штатах, таких, как Северная Каролина и Алабама, так же как в юго-западных штатах Луизиана и Миссисипи, большинство банков штата энергично поддерживали Банк. В штатах Новой Англии, вопреки всем ожиданиям, банки Нью-Хемпшира и Вермонта были на стороне Банка, тогда как банки Массачусетса заняли в целом стороннюю позицию. Все банки централь-

⁷⁴ Temin, *Jacksonian Economy*, pp. 68–74.

ных штатов поддерживали Банк, за исключением нью-йоркских банков⁷⁵.

Что же послужило причиной такой сильной денежной экспансии в 1830-х гг.? Крайне необычное явление – запас золотых и серебряных монет в банках значительно вырос. С начала 1823 г. и до начала 1833 г. количество металлических денег в стране оставалось на уровне 32 млн долл. Но при этом соотношение между количеством металлических денег и банкнот на руках у населения уменьшилось за это десятилетие с 23 до 5%, в силу чего в банках сильно выросли запасы звонкой монеты, подпитывавшие относительно умеренное наращивание объема денежной массы в 1820-е гг. Но начиная с 1833 г. количество металлических денег в стране начало расти, увеличившись с 31 до 73 млн долл. в начале 1837 г., т.е. на 141,9%, или на 35,5% в год. Так что хотя доверие публики к банкам слегка пошатнулось, заставив их изымать звонкую монету из банков, и доля металлических денег на руках у населения выросла с 5 до 13%, банки имели возможность увеличивать объем банкнот и депозитов в соответствии с темпами притока металлических денег в их хранилища.

Таким образом, администрация Джэксона признала невиновной в инфляции 1833–1837 гг. В известном смысле реабилитированы и банки штатов: их поведение не было результатом «освобождения» от контроля со стороны центрального банка. Они просто-напросто наращивали выпуск банкнот пропорционально притоку золотых и серебряных денег. Ответственность, разумеется, лежит исключительно на самой системе частного резервирования, ибо в противном случае денежная экспансия не достигла бы таких масштабов⁷⁶.

⁷⁵ Jean Alexander Willburn, *Biddle's Bank: The Crucial Years* (New York: Columbia University Press, 1979), pp. 118–119, quoted in Hummel, "Jacksonians," p. 155.

⁷⁶ Более того, если бы команда президента Джэксона форсировала возврат к 100%-ному покрытию пассивов резервом металлических денег, можно было бы использовать приток звонкой монеты для облегчения последствий сжатия денежной массы, неизбежного при полном отказе от бумажных денег.

Значительный приток звонкой монеты был результатом действия двух факторов: прежде всего сильно вырос приток серебряных денег из Мексики, а во-вторых, резко сократился экспорт серебряных монет на Восток. Причиной последнего было то, что китайский импорт по большей части переключился с серебра на опиум. Мексиканское серебро хлынуло в США из-за того, что мексиканские власти создали инфляцию бумажных денег, и это выдавило серебро в США, где мексиканские монеты имели статус законного средства платежа. Прежде приток серебра из Мексики объясняли ростом добычи, но это вряд ли, потому что приток прекратился уже в 1837 г. Действительной причиной была инфляция, организованная правительством Санта Анна, которое финансировало дефицит за счет чеканки легковесных медных монет. Поскольку в результате медь оказалась относительно переоцененной, а золото и серебро – недооцененными, эти металлы и начали покидать Мексику, пока совсем не вышли там из обращения. Именно поэтому в тот период серебро и перетекало в Соединенные Штаты. В 1837 г. правительство Мексики было вынуждено вернуться к чеканке полновесных медных денег, что остановило приток мексиканского серебра в США⁷⁷.

Банковская кредитная инфляция такого масштаба, как в 1830-е гг., неизбежно наталкивается на трудности, вынуждающие банки перейти к политике сжатия кредита. Когда банки расширяют кредит и цены растут, звонкая монета начинает перетекать в руки публики и за границу, требования к банкам о погашении обязательств звонкой монетой нарастают, приводя к прекращению бума и даже к сжатию денежной массы. Не так уж важно, что именно служит сигналом к остановке бума и к началу сжатия кредита. Обвинение администрации Джэксона, что причиной паники 1837 г. стало издание в 1836 г. Циркуляра о платежах звонкой монетой, было несправедливым.

⁷⁷ На Мексику как на источник притока серебряных денег указал Темин (Temin, *Jacksonian Economy*, p. 80), а причину обесценивания медных денег в Мексике вскрыл Рокофф (Rockoff, "Money, prices, and Banks," p. 454).

В 1836 г. администрация Джэксона решила, что следует остановить чрезмерно разросшиеся спекуляции землями государственного фонда на западных территориях, которые в предыдущие два года подогревались расширением банковского кредита. Джэксон распорядился, что при покупке государственных земель платежи следует осуществлять только в звонкой монете. Спекуляции действительно удалось остановить, а недавние исследования показали, что этот Циркуляр оказал очень незначительное воздействие на банки в смысле повышения спроса на конвертацию бумажных денег в металлические⁷⁸. С точки зрения программы Джэксона это было не менее важной целью, чем полный перевод государственных финансов США на звонкую монету.

Другой шаг по реализации программы был предпринят командой Джэксона также в 1836 г. Смущенный тем, что правительство за восемь лет его президентства сэкономило большие деньги, Джэксон приказал министерству финансов пропорционально распределить эти деньги между штатами. Деньги выдавались банкнотами, предположительно размениваемыми на звонкую монету. Но Темин показывает, что и эта акция оказала лишь незначительное воздействие на движение металлических денег между банками, а значит и не могла содействовать переходу к политике сжатия кредита⁷⁹.

Что же в таком случае послужило спусковым механизмом, положившим начало панике 1837 г.? Темин высказывает правдоподобное предположение, что это Банк Англии, встрево-

⁷⁸ Распродажа федеральных земель шла довольно ровным темпом по 4–6 млн долл. в год, но в 1835 и 1836 г. резко выросла до 16,2 и 24,9 млн долл. соответственно. Последний показатель был самым большим за всю историю США, а объем продаж в 1835 г. оказался на втором месте (Temin, *Jacksonian Economy*, p. 124). Первым доказал незначительность воздействия этого циркуляра на положение банков Р. Тимберлейк: Richard H. Timberlake, Jr., "The Specie Circular and Distribution of the Surplus," *Journal of Political Economy* 68 (April 1960): 109–117; idem, *Origins*, pp. 50–62; idem, "The Specie Circular and the Sale of Public Lands: A Comment," *Journal of Economic History* 25 (September 1965): 414–416.

⁷⁹ Temin, *Jacksonian Economy*, p. 128–136.

женный инфляцией в Британии и сопутствующим ей уходом золота из страны, во второй половине 1836 г. ограничил предоставление кредита и поднял ставку ссудного процента. Вследствие сжатия кредита резко съезжилась американская торговля хлопком в Лондоне, уменьшился экспорт хлопка, цены на него упали, и начался отток капитала в Англию. Импульс к сжатию американской экспортной торговли передался банкам. Все банки страны, включая Банк Соединенных Штатов, в мае 1837 г. немедленно остановили выплаты звонкой монетой, в результате чего их банкноты в той или иной степени подешевели, что нанесло ущерб торговле между штатами.

Хотя банки умудрились приостановить платежи звонкой монетой и при этом продолжить остальные операции, они были вынуждены сжимать кредит, чтобы в конце концов все-таки возобновить выплаты металлическими деньгами, поскольку понимали, что если будут бесконтрольно заниматься эмиссией неразменных бумажных денег, то могут вылететь из бизнеса. Наконец, под давлением закона нью-йоркские банки возобновили выплаты по своим договорным обязательствам, а к концу 1838 г. за ними последовали и все остальные банки. За 1837 г. объем денежной массы сократился с 276 до 232 млн долл., или на 15,6% всего за один год. В 1837 г. продолжилось увеличение объема звонкой монеты – до 88 млн долл., но роста недоверия к банкам (доля звонкой монеты в структуре денег на руках у населения выросла с 13 до 23%) оказалось достаточно, чтобы принудить банки к проведению политики ограничения кредита. Банковский коэффициент покрытия пассивов запасами золота и серебра вырос с 0,16 до 0,20, а индекс оптовых цен за семь месяцев обвалился более чем на 30 процентных пунктов – со 131 в феврале 1837 г. до 98 в сентябре того же года.

В 1838 г. экономика начала оживать. Британия облегчила доступ к кредиту, цены на хлопок выросли, и начался краткосрочный бум. Когда банки возобновили платежи в звонкой монете, публика проявила неблагоразумный рост доверия к ним, так что в результате объем денег в обращении слегка вырос, а оптовые цены поднялись на 25 процентных пунктов: с 98 в сентябре 1837 г. до 125 в феврале 1839 г.

Движущей силой бума 1838 г. были власти штатов, которые, получив неожиданный перевод бюджетных излишков от федерального правительства, начали безудержно тратить деньги, причем брали немалые кредиты на общественные работы и иные разорительные формы «инвестирования». Их опрометчивый оптимизм основывался на соображении, что общественные работы будут профинансированы Британией и другими странами, но питавший их надежды хлопковый бум в 1839 г. оиать схлопнулся. Штатам пришлось закрывать один строительный проект за другим. Цены на хлопок, а вместе с ними и торговые обороты, упали. Кроме того, Банк Соединенных Штатов, расположенный в Филадельфии, инвестировал немало средств в спекуляции хлопком, и в октябре 1839 г. падение цен заставило его вновь приостановить платежи в звонкой монете. Его примеру последовали банки южных и западных штатов, но на этот раз банки Нью-Йорка и штатов Новой Англии продолжили платежи по своим обязательствам как обычно. Через два года Банк Соединенных Штатов, в последний раз сыграв ведущую роль в провоцировании рецессии и финансового кризиса, сошел со сцены.

За кризисом 1839 г. последовали четыре года сильной дефляции денежной массы и цен. За это время слабым банкам пришлось выйти из бизнеса, многие из начатых в период бума инвестиционных проектов были свернуты. Объем денежной массы сократился с 240 млн долл. в начале 1839 г. до 158 млн долл. в 1843 г. – катастрофическое сжатие на 34%, по 8,5% в год. Цены упали еще сильнее: со 125 в феврале 1839 г. до 67 в марте 1843 г., т.е. на 42%, или на 10,5% в год.

Как отмечалось выше, в ходе бума власти штатов выпускали облигации для финансирования расточительных общественных работ и залезли в серьезные долги. В 1820 г. суммарный долг штатов составлял всего 12,8 млн долл.; к 1830 г. он вырос до 26,5 млн долл. Но затем начался стремительный рост: 66,5 млн долл. в 1835 г. и 170 млн долл. в 1839 г. Сокрушительное сжатие денежной массы и кредита и падение цен после 1839 г. поставило выплату этих долгов под вопрос. В это время виги, продолжая традицию своих предшественников, федера-

листов, начали требовать от федерального правительства выручить штаты из беды и взять их долги на себя⁸⁰. Кризис 1839 г. поставил ряд южных и западных штатов на грань дефолта, и их положение только усугублялось тем фактом, что основными кредиторами являлись британские и голландские капиталисты и что для оплаты процентов предстояло вывозить из страны большое количество звонкой монеты. Виги усилили давление, требуя, чтобы федеральное правительство выпустило в уплату долга облигаций на 200 млн долл. и приняло долги штатов на себя. Того же требовали британские банкиры, угрожая, что в противном случае больше не будут покупать американские облигации.

Однако народ Америки с презрением отверг возможность федерального вмешательства, причем так отнеслись к делу даже граждане штатов, попавших в трудную ситуацию, а с приходом администрации Полка вся эта затея с признанием долга федеральным правительством стала нереальной. Британцы с изумлением отмечали, что среднего американца куда больше заботили его личные долги, чем долги штата. Вообще говоря, люди бы одобрили, если бы штаты просто отказались от уплаты этих долгов. Демонстрируя проницательное понимание опрометчивости курса, избранного штатами, типичный американец на вопрос: «А что если иностранцы перестанут давать в долг штатам?» резко отвечал: «А кого это волнует? Мы и так уже все в долгах по уши и даже проценты платить не в состоянии»⁸¹. Имелось в виду, что если обрубить штатам иностранные займы, они перестанут попусту тратить деньги, а заодно не будет и неподъемных налогов для погашения долгов. В этом ответе проявилось понимание людей, что они и правительство – это совсем не одно и то же, что у них могут быть разные, и даже прямо противоположные интересы⁸².

⁸⁰ Reginald C. McCrane, *Foreign Bondholders and American State Debts* (New York: Macmillan, 1935), pp. 6–7, 24 ff.

⁸¹ McCrane, *Foreign Bondholders*, pp. 39–40.

⁸² Американцы также указывали, что именно банки, включая Банк Соединенных Штатов, которые, как ожидалось, должны были осудить отказ штатов от уплаты своих долгов, уже прекратили пла-

К 1847 г. четыре южных и западных штата – Миссисипи, Арканзас, Мичиган и Флорида – отказались от уплаты всех или части своих долгов. Шесть штатов – Мэриленд, Иллинойс, Индиана, Луизиана, Арканзас и Пенсильвания – прекратили платежи на срок от трех до шести лет, и только потом возобновили погашение долгов.

Таким образом, очевидно, что кризис 1839–1843 гг. был благотворен для экономики, потому что помог ликвидировать малоразумные проекты, неосновательные долги и слабые банки, в том числе опасный для страны Банк Соединенных Штатов. Но разве значительная дефляция не имела, как принято считать, катастрофических последствий для производства, торговли и занятости? Проведя остроумнейший анализ и сравнив две дефляции – 1839–1843 и 1929–1933 гг., профессор Темин показал, что в процентном выражении масштаб дефляции был практически одинаков⁸³. Но изменения реальных показателей в этих двух случаях были совершенно разными. В 1929–1933 гг. объем инвестиций в постоянных ценах упал катастрофически – на 91%, потребление – на 19, ВВП – на 30%. В 1839–1843 гг. инвестиции уменьшились на 23%, но уровень потребления в неизменных ценах вырос на 21%, а величина ВВП в неизменных ценах увеличилась на 16%. Любопытно объяснение того, что в 1930-х гг. объем производства и потребления резко сократился, а в 1840-х гг., напротив, сильно вырос. Похоже на то, что только первые месяцы рецессии создали трудности для населения, и что дефляция в целом являлась периодом экономического роста. Темин прав, полагая причиной этого то, что в XIX в. цены обладали способностью падать, так что сильное сжатие денежного оборота вело к сни-

---

тежи звонкой монетой, и что они главным образом виноваты в проблеме неплатежей. «Люди говорили, пусть владельцы облигаций ищут свой деньги в Банке Соединенных Штатов и в других банках».

⁸³ В 1839–1843 гг. денежная масса уменьшилась на 34%, индекс оптовых цен снизился на 42%, а количество банков сократилось на 23%. В 1929–1933 гг. денежная масса уменьшилась на 27%, индекс цен снизился на 31%, а число банков сократилось на 42% (Temin, *Jacksonian Economy*, pp. 155 ff.).

жению цен, но не особенно затрагивало реальное производство или уровень жизни. В 1930-е гг., напротив, правительство создало немалые препятствия для падения уровня цен и заработной платы, что и стало причиной резкого падения производства и уровня жизни.

Джэксонианцы не стремились к укреплению системы банков-фаворитов, и сменивший Джэксона на посту президента Мартин Ван Бурен взялся за создание независимой казначейской системы, в которой федеральное правительство не могло бы раздавать особые привилегии отдельным банкам или снабжать их средствами для раздувания кредита. Чтобы не создавать центрального банка или банков-фаворитов, правительство должно было держать все свои средства исключительно в звонкой монете в собственных хранилищах, и в случае необходимости просто брать деньги оттуда и тратить их. Ван Бурену удалось создать такую систему, и она действовала до начала Гражданской войны. После упорной борьбы джэксонианцам удалось достичь желаемого – они освободили федеральное правительство от связей с банковской системой и сделали исключительной основой бюджетных финансов золотые и серебряные деньги.

Джэксонианцы и закон о чеканке монет от 1834 г.

Как мы видели, закон о чеканке монет от 1792 г. установил в США систему биметаллизма, в которой доллар был определен как монета с содержанием 371,25 грана чистого серебра или 24,75 грана чистого золота. Таким образом, закон зафиксировал весовое соотношение между золотом и серебром как 15 к 1. Но биметаллизм разбился о закон Грэшема. После 1805 г. цена серебра на мировых рынках упала по отношению к золоту примерно до 15,75 к 1, так что в США серебро оказалось переоцененным, а золото – недооцененным. В результате золото начало уходить из страны, а серебро – притекать в нее, и после 1810 г. в обращении остались только серебряные монеты, большей частью сильно переоцененные разменные деньги из Латинской Америки. Ос-

тальная часть денежной массы состояла из банковских платежных инструментов в той или иной стадии обесценивания.

Джэксонианцы, как мы видели, поставили целью избавиться от инфляционных бумажных денег и оставить в обращении только твердые деньги, т.е. звонкую монету и, в крайнем случае, бумажные деньги, на 100% обеспеченные резервами золота или серебра. Эта политика на федеральном уровне предполагала ликвидацию Банка Соединенных Штатов и создание независимого Казначейства. Остальную часть задачи предстояло решить в 1840-х гг. и позднее на уровне штатов, где банки получали лицензии. Но у федерального правительства была еще возможность навести порядок в деле чеканки монет. В частности, джэксонианцам очень хотелось заменить в обращении мелкие банкноты (достоинством 20 долл. и менее) золотыми и серебряными монетами. Они указывали, что средний американец пользуется преимущественно именно такими монетами, и именно они в наибольшей степени пострадали от бумажных денег. Чтобы иметь действительно золотой и серебряный стандарт, необходимо, чтобы средние американцы использовали в качестве средства обмена золотые или серебряные монеты.

Для достижения этой цели была разработана всеобъемлющая программа. Важной частью этого плана был закон о чеканке монет от 1834 г., который изменил стандартное стоимостное соотношение между золотом и серебром. Этот закон снизил содержание золота в золотом долларе с 24,75 грана до 23,2 грана, или на 6,26%. Содержание серебра было сохранено прежним – 371,25 грана, так как соотношение между золотом и серебром сделалось равным 1 к 16 вместо прежних 1 к 15. Очень жаль, что джэксонианцы не пошли иным путем, т.е. не повысили вес серебряного доллара до 396 гран вместо того, чтобы уменьшать вес золотого, потому что тем самым они создали прецедент понижения содержания драгоценных металлов, что стало настоящим бедствием для Америки в 1933 г. и в последующие годы⁸⁴.

⁸⁴ Возможно, джэксонианцы пошли на это ради сохранения иллюзии неизменности первоначального серебряного доллара, «долла-

Но при новом соотношении 16 к 1 серебро оказалось недооцененным, а золото переоцененным, поскольку до 1834 г. рыночное соотношение цен на мировом рынке было 15,79 к 1. До последнего времени историки предполагали, что таким образом правительство пыталось привлечь в страну золото и вытеснить серебро, дабы незаметно проташить золотой стандарт. Но недавние исследования показали, что единственной целью было подстегнуть ввоз золота посредством небольшого завышения его ценности, и предполагалось, что в обращении останутся оба металла⁸⁵. В 1833 г., например, на мировом рынке соотношение цен на серебро и золото составляло 15,93 к 1. Можно сделать вывод, что в течение 20 лет расчет джэксонианцев подтверждался и небольшое, на 1%, завышение цены серебра было не настолько серьезным, чтобы выдавить привычные монеты из обращения⁸⁶. С тех пор страна импортировала и золото, и серебро, и до начала 1850-х гг. в обращении мирно соседствовали золотые и серебряные монеты. Стоимость легковесных испанских разменных серебряных монет оказалась завышенной даже при новом стандартном стоимостном соотношении, поэтому они активно использовались в обращении, вытесняя мелкие банкноты. Даже американские серебряные доллары остались в обращении, потому что были

ра наших отцов», и самой привычной монеты того времени (Laughlin, *History of Bimetallism*, p. 70).

⁸⁵ О любопытном открытии, что правительство намеревалось с помощью золота вытеснить из обращения мелкие банкноты, см.: Paul M. O'Leary, "The Coinage Legislation of 1834," *Journal of Political Economy* 45 (February 1937): 80–94. Это открытие было далее развито Мартином, который показывает, что джэксонианцы намеревались чеканить и золотую, и серебряную монеты и дает детальную картину их программы чеканки монет. См.: David A. Martin, "Metallism, Small Notes, and Jackson's War with the B.U.S.," *Explorations in Economic History* 11 (Spring 1974): 227–247.

⁸⁶ В следующие 16 лет, с 1835 до 1850 г., среднее рыночное соотношение цен между золотом и серебром составляло 18,5 к 1, что всего на 1% выше, чем установленное законом соотношение 16 к 1 (См.: Laughlin, *History of Bimetallism*, p. 291).

«заэкранированы» присутствием новых, потяжелевших мексиканских долларов, которые и уходили на экспорт⁸⁷.

Чтобы заменить в обращении бумажные деньги золотыми и серебряными монетами, в 1834 г. были приняты еще два закона, дополнявшие закон о чеканке. Джэксонианцы не были денежными националистами – монета это монета, и нет причин изгонять из обращения монеты иностранной чеканки. Поэтому было легализовано хождение всех золотых и серебряных монет иностранной чеканки, и такое положение сохранялось до 1850-х гг.^{88, 89}

Третьей составляющей программы реформирования денежного обращения было создание региональных монетных дворов для чеканки золота, найденного в Джорджии и Северной Каролине. В 1835 г. администрация Джэксона сумела провести через Конгресс соответствующий закон, и были созданы монетные дворы для чеканки золота в Северной Каролине и

⁸⁷ Martin, "Bimetallism," pp. 436–437. Вес испанских разменных серебряных монет был занижен на 5–15%, и тот факт, что они сохранились в США в обращении, означал, что их номинальная цена все еще была завышена.

⁸⁸ Леви Вудбери, министр финансов в правительстве Джэксона, следующим образом объяснял цель легализации иностранных монет: «Обеспечить циркуляцию самых разных монет вместо банкнот достоинством 5 и 10 долларов», потому что это «особенно благоприятно для благосостояния людей небольшого и среднего достатка, которые, мало чем владея и имея малую прибыль от банков, должны быть максимально ограждены от риска, создаваемого банковскими векселями» (Цит. по: Martin, "Metallism," p. 242).

⁸⁹ В 1837 г. еще один закон о чеканке внес незначительные коррективы в стоимостное соотношение золота и серебра. Содержание золота в долларе было слегка повышено – с 23,2 до 23,22 грана. Поскольку при этом вес серебряного доллара остался прежним, стоимостное соотношение между металлами слегка снизилось – с 16,002 к 1 до 15,998 к 1. Еще одна небольшая корректировка оценки иностранных монет в Законе о чеканке от 1843 г. привела к заметному занижению стоимости многих иностранных монет и их постепенному исчезновению с рынка. Но главные монеты – испанская серебряная разменная монета – остались в широком обращении (Ibid., p. 436).

Джорджии, а также золота и серебра в Новом Орлеане⁹⁰.

Наконец, джэксонианцы намеревались на федеральном уровне ввести налог на мелкие банкноты и не дать федеральному правительству держать свои средства в банках штатов, выпускающих мелкие купюры или принимающих их в уплату налогов. В этом они успеха не имели, но независимое Казначейство покончило с практикой помещения государственных денег на счета банков штатов, а Циркуляр о платежах звонкой монетой покончил с практикой покупки федеральных земель на бумажные деньги. Начиная с 1840 г. война за твердую валюту перешла на уровень штатов.

В начале 1850-х гг. цены на золото и серебро изменились так, что закон Грэшема помог реализации биметаллической идиллии, которую джэксонианцы сформулировали в 1830-х гг. Существовавший де-факто серебряный стандарт сменился реальным биметаллизмом. Неожиданное открытие богатых месторождений золота в Калифорнии, России и Австралии значительно увеличило его добычу, которая достигла пика в начале 1850-х гг. Начиная с 1720-х и по 1830-е гг. мировая добыча золота составляла примерно 12,8 млн долл. в год; в 1840-х гг. среднегодовая добыча выросла до 38,2 млн долл., а в 1853 г. составила 155 млн долл. Затем объем добычи слегка уменьшился, и до конца 1850-х гг. держался на уровне 139,9 млн долл., а с 1876 по 1890 г. – 114,7 млн долл. До 1890-х гг. максимальный уровень 1853 г. оставался не перекрытым⁹¹.

Рост добычи золота, естественно, привел к падению его цены относительно серебра. На мировых рынках отношение цены серебра к цене золота снизилось с 15,97 в январе 1849 г. до 15,70 в 1850 г., с 15,46 в 1851 г. до в среднем 15,32 к 1 в период с 1853 по 1860 г.⁹² В итоге рыночная надбавка за американский серебряный доллар быстро превысила 1%-ную маржу, т.е. стало

⁹⁰ Ibid., p. 240.

⁹¹ О добыче золота см.: Laughlin, *History of Bimetallism*, pp. 283–286; David Martin, “1853: The End of Bimetallism in the United States,” *Journal of Economic History* 33 (December 1973): 830.

⁹² Золото резко падало в цене в октябре и ноябре 1850 г. См.: Laughlin, *History of Bimetallism*, pp. 194, 291.

выгодным вывозить серебро за границу. Надбавка, которая составляла примерно 1% с середины 1830-х гг., неожиданно возросла до 4–5% в начале 1851 г., в начале 1852 г. опять упала до 2%, но потом поднялась и оставалась на уровне 4–5%.

В результате серебро быстро покинуло страну, причем первыми ушли самые тяжелые и, значит, особенно сильно недооцененные монеты. Доллары испанской чеканки, которые содержали серебра на 1–5% больше, чем американские доллары, при перечеканке доход в 7% и ушли первыми. За ними следом исчезли полноценные американские доллары, а к концу 1852 г. – и разменные серебряные монеты американской чеканки, которые давали 4% прибыли. Последними ушли изношенные разменные монеты испанской и мексиканской чеканки, содержание серебра в которых прежде было на 10–15% ниже номинала. Но к началу 1951 г. содержание серебра даже в этих монетах более чем на 1% превысило их номинал, и они начали уходить из страны.

В Америке возник острый дефицит мелкой монеты. В страну прибывали золотые монеты, но они были слишком дороги, чтобы выполнять функции монет низкого номинала. Администрация президента-демократа Пирса с ужасом наблюдала, как в 1853 г., впервые после 1830-х гг., рынок наводняют миллионы мелких банкнот, самочинно эмитированных частными банками. Джэксонианцы были на грани поражения в войне за твердые деньги, по крайней мере в том, что касалось монет мелкого и среднего номинала. Необходимы были срочные меры⁹³.

Окончательный крах биметаллизма не мог быть более очевидным. Но если биметаллизм нежизнеспособен, остаются только две подлинно рыночных альтернативы, по крайней мере в том, что касается твердых денег: (а) серебряный стандарт, когда доллар определяется только фиксированным содержанием серебра, а золото свободно принимают на вес по рыночной цене; или (б) золотой стандарт, когда доллар определяется только фиксированным содержанием золота, а серебро принимают на вес. Каждый из этих вариантов является образцом

⁹³ Martin, "Metallism," p. 240.

того, что называлось «параллельный стандарт» или «свободный металллизм», когда на одной территории разрешено свободное хождение монет из двух или более металлов, а соотношение между ними устанавливает рынок. Как мы видели выше, в колониальный период Америка была образцом такого параллельного стандарта, поскольку там имели свободное хождение иностранные золотые и серебряные монеты, а стоимостное соотношение между ними устанавливал рынок⁹⁴.

Соединенные Штаты имели возможность использовать ситуацию кризиса для перехода к любому варианту параллельного стандарта⁹⁵. Но такая мысль мало кому пришла в голову.

⁹⁴ О том, как параллельный стандарт работал в Европе со времен Средневековья до XVIII в., см.: Luigi Einaudi, "The Theory of Imaginary Money from Charlemagne to the French Revolution," in *Enterprise and Secular Change*, F. Lane and J. Riemersma, eds. (Homewood, Ill.: Irwin, 1953), pp. 229–261. Роберт Лопец сопоставляет пути возврата к чеканке золотой монеты во Флоренции и в Генуе в середине XIII в., после пятисотлетнего перерыва:

Флоренция, подобно большинству средневековых государств, основой своей денежной политики сделала биметаллизм и даже триметаллизм... это обрекло правительство на сизифов труд постоянных корректировок стоимостных соотношений между монетами из разных металлов по мере изменения цен на металлы или порчи тех или иных монет... Генуя, напротив, в соответствии с принципом максимально возможного ограничения государственного участия, не пыталась установить фиксированное стоимостное соотношение между монетами из разных металлов... По существу, в Генуе при чеканке золотых монет вообще не принимали во внимание серебряные монеты и слитки, а действовали совершенно автономно (Robert Sabatino Lopez, "Back to Gold, 1252," *Economic History Review* [April 1956]: 224; курсив добавлен. – Авт.).

См. также: James Rolph Edwards, "Monopoly and Competition in Money," *Journal of Libertarian Studies* 4 (Winter 1980): 116. Анализ параллельного стандарта см.: Ludwig von Mises, *The Theory of Money and Credit*, 3rd ed. (Indianapolis: Liberty Classics, 1980), pp. 87, 89–91, 205–07.

⁹⁵ Что касается параллельного стандарта, предельным решением был бы отказ даже от термина «доллар» и организация свободной циркуляции золотых и серебряных монет, обозначаемых просто ко-

Другим жизнеспособным, хотя и менее качественным решением проблемы биметаллизма было создание де-факто или де-юре монометаллического стандарта, с тем чтобы другой металл имел хождение в качестве легковесных, а значит переоцененных, монет-«знаков» [«token» coinage]. Серебряный стандарт в тот момент был невозможен, потому что металл быстро уходил из страны и потому что золото, намного более дорогое, чем серебро, технически не могло служить в качестве дешевой разменной монеты. Единственным реалистичным решением был золотой стандарт, с тем чтобы серебряные монеты с номиналом, сильно завышенным по отношению к содержанию металла, выполняли роль разменной монеты. Нет сомнений, что раз уж не был выбран параллельный стандарт, последнее решение было бы намного более адекватным, чем допустить на роль мелких денег обесцененные бумажные банкноты.

Под давлением кризиса Конгресс в феврале 1853 г. решил сохранить де-юре биметаллический стандарт, но принять де-факто золотой стандарт, с тем чтобы серебряные монеты, с номиналом, сильно завышенным по отношению к весовому содержанию серебра, служили в качестве мелкой разменной монеты, достоинством не более 5 долл. Содержание серебра в разменных монетах было установлено на 6,91% ниже номинала. Поскольку стоимость крупных серебряных монет была на 4% завышена в пересчете на золото, стоимость разменных се-

---

личеством весовых единиц: «гран», «унция» или «грамм». Если бы это было сделано, отошли бы, наконец, в прошлое все проблемы биметаллизма, занижения веса монет, закона Грэшема и т.п. Хотя сегодня подобное решение представляется труднодостижимым, в конце XIX в. прошла серия важных международных конференций, пытавшихся выработать универсальную весовую шкалу золотых и серебряных монет, которая бы позволяла вычислять вес национальных монет простым умножением их номинала и, в конечном итоге, позволила бы прийти к чисто весовым единицам. До того как конференции запутались в проблеме золото-серебро, этот результат вовсе не казался недостижимым или утопичным. См. интереснейшее сообщение об этих конференциях: Henry Russell, *International Monetary Conferences* (New York: Harper and Bros, 1898).

серебряных монет оказалась на 3% ниже золота. При таком соотношении вывоз серебра за границу был невыгоден, и оно удержалось в обращении. В апреле выяснилось, что публика охотно принимает новые четвертаки, и к началу 1854 г. проблема дефицита разменной монеты в Америке осталась позади.

Отвергнув оба предложения – либо перейти окончательно, де-юре к золотому стандарту, либо сохранить биметаллическую систему, Конгресс остановился на золотом стандарте как на временном решении, сохранив на будущее возможность передумать. Тот факт, что был сохранен полновесный серебряный доллар, «доллар наших отцов», демонстрирует, что возврат к биметаллизму никоим образом не был исключен, и это при том, что закон Грэшема уже вытеснил серебряный доллар из обращения⁹⁶.

В 1857 г., в приступе денежного национализма, была отменена важная часть джэксонианской программы – все иностранные монеты были лишены статуса узаконенного платежного средства⁹⁷.

Децентрализованная банковская система с 1830-х гг. до Гражданской войны

После того как в 1830-е гг. центральный банк был ликвидирован, битва за твердую валюту переместилась на уровень правительств штатов. В 1830-х гг. главной задачей было запрещение эмиссии банкнот мелкого номинала, и для купюр мельче 5 долл. к 1832 г. эта цель была достигнута уже в 10 штатах, а впослед-

⁹⁶ Превосходное изображение того, как Конгресс принимал в 1853 г. это решение, см.: David Martin, "1853: The End of Bimetallism in the United States," *Journal of Economic History* 33 (December 1973): pp. 825–844.

⁹⁷ Статус узаконенного платежного средства сохранили только за мелкими серебряными монетами, отчеканенными в Латинской Америке, но и те, попав в кассы государственных учреждений, подлежали немедленной перечеканке в американские монеты (Barton Hepburn, *A History of Currency in the United States with a Brief Description of the Currency Systems of all Commercial Nations* (New York: MacMillan, 1915), pp. 66–67).

ствии в пяти других штатах хождение таких банкнот было запрещено или ограничено⁹⁸.

После финансового кризиса 1837 и 1839 гг. демократическая партия выступила в разных штатах ярой сторонницей твердых денег. Ее целью стал законодательный запрет на выпуск всех видов банковских бумаг с частичным резервированием. В конце 1840-х гг. ареной сражений стали конституционные конвенты многих штатов, в том числе западных. В некоторых западных штатах джэксонианцам удалось достичь временного успеха, но вскоре к власти возвращались виги и отменяли запрет эмиссии. Виги, пытаясь найти средство переломить общее отвращение к банкам, распространившееся после кризиса конца 1830-х гг., приняли концепцию «свободы» банковского дела, которую в конце 1830-х законодательно закрепили штаты Нью-Йорк и Мичиган. Из Нью-Йорка идея распространилась по всей стране, и уже к началу 1850-х гг. была закреплена законодательством 15 штатов. Накануне Гражданской войны 18 из 33 штатов приняли законы о «свободе» банковского дела⁹⁹.

Нужно иметь в виду, что «свобода» банковского дела, как ее понимали в США перед Гражданской войной, не имеет никакого отношения к одноименной концепции, рассматриваемой в экономической теории. Как мы уже видели выше, настоящая свобода банковского дела – это система, где выход на рынок банковских услуг ничем не стеснен, где банки не знают ни субсидий, ни регулирования и где при первом же отказе в погашении обязательств звонкой монетой банк объявляют неплатежеспособным и ликвидируют.

Но перед Гражданской войной было распространено совершенно иное понимание «свободы» банковского дела¹⁰⁰. Как

⁹⁸ Martin, "Metallism," pp. 242–243.

⁹⁹ Hugh Roccoff, *The Free Banking Era: A Re-Examination* (New York: Arno Press, 1975), pp. 3–4.

¹⁰⁰ Рокофф доходит до того, что называет режим свободы банковского дела «антитезой принципа *laissez faire* в банковском бизнесе». Hugh Rockoff, "Varieties in Banking and Regional Economic Deve-

мы уже отмечали, власти периодически разрешали банкам приостанавливать платежи звонкой монетой, когда из-за чрезмерного расширения кредита те оказывались в трудной ситуации, как это было, например, в ходе паники 1857 г. Правда, процесс регистрации банков стал более либеральным, и теперь любой банк, отвечающий требованиям закона, автоматически проходил процедуру инкорпорирования, а не лоббировал получение специальной лицензии, как это было прежде. Но банки были опутаны множеством правил и нормативов, включая указы комиссий штатов по банковской деятельности и требования к минимуму собственного капитала, которые сильно ограничивают вход на рынок банковских услуг. Самая пагубная черта «свободы» заключалась в том, что эмиссия банкнот и депозитов была напрямую привязана к объему купленных банком облигаций правительства штата. Эти облигации по существу становились резервным фондом банков, над которым они и выстраивали пирамиду депозитов и банкнот.

Мало того, что система по существу была основана на принципах частичного резервирования, но эта пирамида была еще привязана к объему купленных банком правительственных облигаций. Благодаря этому возможность расширения банковского кредита оказывалась в прямой зависимости от государственного долга, иными словами, чем больше облигаций купил банк, тем больше он мог печатать банкнот и раздавать кредитов. Короче говоря, у банков был стимул превращать государственные долги в деньги, а у властей штатов был стимул влезать в долги, так что раздувание государственных расходов и банковская инфляция оказывались в прочной связи.

Власти не только периодически разрешали банкам приостанавливать выплаты звонкой монетой, но еще и наделили их привилегией – их банкноты принимали в счет уплаты налогов. Кроме того, общий запрет на открытие филиалов банков в других штатах, а иногда и в границах того же самого штата, сильно замедлял скорость межбанковских расчетов металличе-

---

lopment in the United States, 1840–1860,” *Journal of Economic History* 35 (March 1975): 162. Цит. по: Hummel, “Jacksonians,” p. 157.

скими деньгами. Вдобавок к этому законы штатов против ростовщичества, которые проталкивались вигами и которым противились демократы, обеспечивали чрезмерно дешевым кредитом самых рискованных заемщиков, стимулировали инфляцию и авантюрное расширение банковского кредита.

Более того, желание властей штатов финансировать строительные проекты являлось важным фактором субсидирования и стимулирования расширения банковского кредита. Как признает Хаммонд, «спекулятивные банки не сужали деньги фермерам и не служили их интересам. Они возникали не для того, чтобы обслуживать кредитные запросы фермеров [которые были достаточно осторожны, чтобы не брать кредиты у таких банков], а для того, чтобы ссужать деньги штатам на осуществление больших строительных проектов»¹⁰¹.

При всех проблемах и недостатках децентрализованность банковской системы до Гражданской войны означала, что банки свободны в экспериментах с целью совершенствования банковской системы. Наибольшим успехом можно считать создание Суффолкской системы.

Рыночный «центральный банк»

Мало кто помнит, что был в Америке частный банк, сумевший навести порядок в хаосе эмитируемых частными банками

¹⁰¹ Hammond, *Banks and Politics*, p. 627. О свободе банковского дела см.: Hummel, "Jacksonians," pp. 154–160; Смит, *Происхождение*, с. 90–91; Rockoff, "American Free Banking," pp. 417–420. О роли законов против ростовщичества см.: William Graham Sumner, *A History of American Currency* (New York: Henry Holt, 1876), p. 125. О борьбе джэксонианцев с их противниками на уровне штатов после 1839 г. см.: William G. Shade, *Banks or No Banks: The Money Issue in Western Politics, 1832–1865* (Detroit: Wayne State University Press, 1972); Herbert Ershkowitz and William Shade, "Consensus or Conflict? Political Behavior in the State Legislatures During the Jacksonian Era," *Journal of American History* 58 (December 1971): 591–621; James Roger Sharp, *Jacksonians versus the Banks: Politics in the States After the Panic of 1837* (New York: Columbia University Press, 1970).

банкнот. Кроме того, Банк Суффолка ввел эмиссию в разумные границы. Короче говоря, это был частный центральный банк, следивший за пристойностью поведения других банков. Он превратил штаты Новой Англии в остров денежной стабильности, тогда как остальная Америка барахталась в хаосе платежных инструментов.

В сущности, такой же хаос царил и в штатах Новой Англии до создания Банка Суффолка. В крупнейшем финансовом центре региона, в Бостоне, обращалось множество разных банкнот. Некоторые были эмитированы бостонскими банками, в платежеспособности которых все были уверены. Другие были эмитированы банками из других штатов. Иногда это были довольно отдаленные штаты, а в те дни расстояние затрудняло как получение информации о степени платежеспособности, так и возможность предъявить банкноты для погашения золотом или серебром. Так что если в Бостоне для начала принимали эти банкноты по номиналу, то отдаленные банки тут же спешили выпустить их побольше, не заботясь о золотом обеспечении. Поэтому банкноты провинциальных банков принимали со скидкой в 1–5% номинала.

В конце концов, городские банки вообще отказались принимать банкноты провинциальных банков. Это привело к появлению новой профессии, о которой мы уже говорили выше, – брокеров денежного рынка. Но это же стало причиной трудностей для бостонских торговцев, которым приходилось принимать банкноты провинциальных банков, не зная их реальной стоимости. Меняя потом эти банкноты у брокеров, они узнавали, сколько именно переплатили, принимая их по номиналу.

Фальстарт

Положение начало меняться в 1814 г. «Нью Ингленд бэнк оф Бостон» объявил, что будет заниматься брокерством на рынке денег, т.е. будет принимать банкноты провинциальных банков и предъявлять их банкам-эмитентам для погашения. Но и здесь все расходы ложились исключительно на держателей

банкнот. В 1818 г. группа видных торговцев организовала с той же целью Банк Суффолка. В результате обострившейся конкуренции ставка учета банкнот провинциальных банков понизилась от 3% в 1814 г. до 1% в 1818 г. и всего лишь 0,5% в 1820 г. Но это не означало, что провинциальные банки стали с большей ответственностью подходить к эмиссии банкнот. К концу 1820 г. бизнес стал явно убыточным, и оба банка прекратили конкуренцию с частными денежными брокерами. Банк Суффолка стал самым обычным бостонским банком.

Начало операции

В следующие несколько лет городские банки обнаружили, что их банкноты составляют все меньшую часть денежного оборота Новой Англии. Провинциальные банки просто-напросто выпускали намного больше банкнот на единицу своего капитала, т.е. запасов золота и серебра, чем бостонские банки.

Обеспокоенные притоком не очень надежных бумажных денег Банк Суффолка и Банк Новой Англии в 1824 г. опять приступили к покупке провинциальных банкнот. Но в этот раз они занялись этим не для получения прибыли на их погашении, а просто чтобы уменьшить хождение этих бумаг в Бостоне. У них была безрассудная надежда, что так они увеличат спрос на свои банкноты (более высокого качества), а благодаря этому сумеют расширить кредитование и увеличить прибыль.

Но чем больше провинциальных банкнот они скупали, тем больше – и еще худшего качества (особенно из банков отдаленного штата Мэн) – приходило им на замену. Покупка их была довольно рискованным делом, так что Банк Суффолка предложил шести другим городским банкам объединить средства для скупки этих банкнот и отсылки их для конвертации в банки-эмитенты. Эти семь банков, известных как Объединенные банки, собрали для этой цели 300 тыс. долл. Операция началась 24 марта 1824 г. Банк Суффолка принял на себя функции агента, покупающего банкноты провинциальных банков у остальных шести банков-партнеров. К концу 1825 г. месячный

оборот вышел на уровень 2 млн долл. К этому времени Банк Суффолка почувствовал, что в состоянии дальше заниматься этим в одиночку. Кроме того, у него появился рычаг, чтобы принудить провинциальные банки размещать в нем резервы золота и серебра для более оперативной конвертации банкнот. К 1838 г. уже почти все банки Новой Англии осуществляли конвертацию своих банкнот в драгоценные металлы через Банк Суффолка.

С самого начала (1825) и до конца (1858) деятельность Банка Суффолка велась в соответствии со следующими правилами. Каждый провинциальный банк должен был держать в нем резервный депозит на сумму не менее 2000 долл. в драгоценных металлах, а также сумму, достаточную для погашения всех поступающих в Банк Суффолка банкнот. Эти золотые и серебряные депозиты не обязательно должны были размещаться в Банке Суффолка. Достаточно было, чтобы они были в каком-то легкодоступном месте, чтобы не нужно было далеко отсылать банкноты для погашения. Но на практике почти все депозиты хранились в Банке Суффолка. (Городским банкам было достаточно депонировать там фиксированную сумму, которая к 1835 г. понизилась до 5000 долл.) Проценты по этим депозитам не выплачивались. Но в ответ Банк Суффолка начал предоставлять неоценимую услугу: он согласился принимать по номиналу все банкноты, поступающие на депозиты из других, участвовавших в этой клиринговой системе банков Новой Англии, и в течение двух банковских дней зачислять соответствующую сумму на счет банка.

Поскольку теперь Банк Суффолка превратился в полноценный «клиринговый центр», который принимал, рассортировывал и зачислял банкноты на счет выпустивших их банков, у всех банков Новой Англии появилась возможность безбоязненно принимать по номиналу банкноты любых, сколь угодно отдаленных банков. Это сократило время и хлопоты на их погашение. Более того, возникла уверенность, что банкноты, участвующие в этой клиринговой системе, будут приниматься по номиналу, причем сначала в этом уверились другие банкиры, а потом и публика в целом.

Сопrotивление провинциальных банков

Как на это отреагировали провинциальные банки, настроенные на инфляционное расширение кредита? Не слишком хорошо, потому что суффолкская клиринговая система ограничивала для них возможность эмитировать банкноты. Их возмущала необходимость погашать свои банкноты систематически и по номиналу, потому что это принуждало к честному ведению дел. Но провинциальные банки понимали, что если не будут играть по этим правилам, другие банки будут остерегаться иметь с ними дело (по крайней мере будут принимать их банкноты только со скидкой, причем немалой). Все попытки остановить суффолкскую клиринговую систему правовыми методами провалились: верховный суд штата Массачусетс защитил право банка Суффолка требовать погашения банкнот провинциальных банков в золоте или серебре, а законодательное собрание штата отказало провинциальным банкам в лицензии на создание собственного клирингового банка, справедливо предположив, что они не будут вести дела с той же добросовестностью. Обескураженные этими неудачами провинциальные банки играли по правилам, выжидали своего часа и надеялись на отмщение.

Стабилизирующий эффект суффолкской клиринговой системы

Хотя первоначальной целью всей затеи было повысить спрос на банкноты бостонских банков, этого как раз и не случилось. Когда банкноты провинциальных банков стали принимать по номиналу, доверие к ним возросло. Разумеется, это выразилось в сокращении спроса на банкноты банков, прежде придерживавшихся наиболее инфляционистской политики. Но, по крайней мере, в Массачусетсе доля в обращении банкнот городских банков упала с 48,5% в 1826 г. до 35,8% в 1833 г.

Для Банка Суффолка самым мощным инструментом поддержания стабильности было право закрывать доступ в систему. Принимались только банки, обладавшие достаточной пла-

Обращение банкнот массачусетских банков, тыс. долл.

Дата	Все банки	Бостонские банки	Доля бостонских банков в обращении
1823	3129	1354	43,3
1824	3843	1797	46,8
1825	4091	1918	46,9
1826	4550	2206	48,5
1827	4936	2103	42,6
1828	4885	2067	42,3
1829	4748	2078	43,8
1830	5124	2171	42,3
1831	7139	3464	44,8
1832	7123	3060	43,0
1833	7889	2824	35,8

Источник: Lake W. S. "The End of the Suffolk System," *Journal of Economic History*. Vol. 7. No. 4 (1947), p. 188.

тежеспособностью. Не было возможности помешать кому-либо проводить инфляционную политику эмиссии платежных документов, но отказ в членстве в клиринговой системе означал, что банкноты и депозиты этого банка не получат широкого хождения. Если выявлялись недостатки в эмиссионной политике банка, уже входившего в систему, его можно было убрать из списка банков Новой Англии, которые, по мнению Банка Суффолка, проводят ответственную кредитную политику. И даже если такой банк все еще осуществлял конвертацию своих платежных обязательств в звонкую монету, исключение из системы означало, что с этого самого дня его бумаги будут ходить со скидкой.

В распоряжении банка Суффолка был еще один метод стабилизации экономики штатов Новой Англии: он контролировал использование резервного фонда. Когда банку-члену клиринговой системы были экстренно нужны деньги, он мог обратиться за кредитом из резервного фонда системы. Если Банк Суффолка принимал решение, что кредитная политика банка, обратившегося за помощью, недостаточно благоразумна, он мог отказать ему в предоставлении экстренного кредита. Имея перед собой такую перспективу, расточительные банки

вынуждены были заботиться о повышенной ликвидности своих активов. (Сегодня этого не может добиться большинство государственных центральных банков.) И это тем примечательней, что Банк Суффолка, как и любой другой центральный банк, мог нажиться на менее ответственном выделении кредитов из резервного фонда и увеличить доход от предоставления кредитов.

Впрочем, д-р Джордж Триволи, на превосходную монографию которого «Банк Суффолка» мы опираемся в этом исследовании, подчеркивает, что, обеспечивая стабильность банковской системы Новой Англии, «Банк Суффолка действовал не только из благотворительных побуждений». Конечно, банк получал весьма недурную прибыль. В 1858 г., в последний год существования, он погасил банкноты на 400 млн долл., тогда как расходы на жалованье служащих не превышали у него 40 тыс. долл. в год. Основным источником значительной прибыли было предоставление ссуд из резервных депозитов, по которым, не будем забывать, Банк Суффолка процентов не платил. В 1858 г. прибыль от этих операций составила более 1 млн долл. И плюс еще проценты за экстренные кредиты из резервного фонда. Неудивительно, что акции банка Суффолка стоили дороже, чем акции любого другого бостонского банка, и к 1850 г. уровень дивидендов поднялся до 10%.

Эффективность Суффолкской системы

В свое время Контролер денежного обращения США констатировал, что суффолкская клиринговая система погашения банкнот обходилась существенно дешевле государственной. Джон Джей Нокс сопоставил две эти системы спустя полстолетия:

За 1857 г. Банк Суффолка осуществил погашение звонкой монетой банкнот на 400 млн долл., тогда как в 1875 г., когда Национальная банковская система достигла наивысших показателей, объем погашения составил только 137 697 696 долл. В 1898 г. объем погашения банкнот составил только 66 683 476 долл., и издержки составили 1,29 долл. на 1 тыс. долл. В суффолкской системе издержки на 1000 долл. погашенных банк-

нот составляли только 10 центов, хотя, видимо, без учета транспортных издержек. Если убрать эту позицию из состава издержек Национальной банковской системы, расходы на 1000 долл. банкнот составят 94 цента. Такая большая разница объясняется, конечно, и сравнительно небольшим объемом операций погашения через Казначейство, и ростом расходов из-за необходимости быть постоянно готовыми к правительственным проверкам, и более высоким жалованьем служащих. Но даже с учетом всего этого остается факт, что частному предприятию можно поручить операции по погашению находящихся в обращении банкнот, и оно справится с этим весьма надежно и намного более экономично, чем правительство¹⁰².

Объем операций по погашению банковских платежных инструментов был в Суффолкской системе намного больше, чем в национальной банковской системе. В период деятельности суффолкской системы (1825–1857) средний объем операций составлял 229 млн долл. в год. Средний объем операций для национальной системы с момента ее создания в 1864 г. до примерно 1898 г. составлял, по оценке Нокса, всего 54 млн долл. Далее, в рекордном 1858 г. объем операций составил 400 млн долл. Но объем денежной массы в штатах Новой Англии составлял всего 40 млн долл. Это означает, что поразительным образом средняя банкнота проходила через процедуру погашения 10 раз за год, или можно сказать, что на ее оборот требовалось пять недель.

С 1803 по 1850 г. в штатах Новой Англии в расчете на душу населения рост банковского капитала, обращение банкнот и депозитов, которые в значительной степени определяют «силу банков», происходило намного быстрее, чем в любом другом регионе страны. И у нас есть свидетельства того, что банки Новой Англии проявляли большую устойчивость в периоды банковских кризисов. Во время банковской паники 1837 г. не обанкротился ни один банк Коннектикута, и ни один не прекратил размена на звонкую монету. Все они остались членами

¹⁰² John Jay Knox, *A History of Banking in the United States* (New York: Augustus M. Kelley, [1900] 1969), pp. 368–369.

суффолкской системы. А когда в 1857 г. были приостановлены платежи звонкой монетой в штате Мэн, на плаву остались все банки, кроме трех. Банковское управление штата Мэн констатировало:

Хотя деятельность суффолкской системы и не предусмотрена законом о банках, она является надежным стражем интересов публики; каковы бы ни были возможные теоретические возражения против этой системы, практическим результатом ее деятельности является более высокая надежность наших банков.

Конец суффолкской системы

Огромные прибыли – и власть, – которых Банк Суффолка добился к 1858 г., стимулировали появление соперничающих проектов. Реализован был только один – в 1858 г. появился Банк взаимного погашения. Отчасти появление этого банка можно считать реакцией на довольно высокомерное поведение, которое появилось у Банка Суффолка после 35 лет беспрецедентного успеха. Но другой, и более важной, причиной было то, что в законодательной палате штата возобладали интересы провинциальных банков. Теперь симпатии политиков были на стороне экспансионистских провинциальных банков. Нужно при этом отметить, что Банк Суффолка действовал по отношению к Банку взаимного погашения крайне враждебно, тогда как более примирительная позиция могла бы пойти делу на пользу. Пытаясь выдавить пришельца из бизнеса, Банк Суффолка с 8 октября 1858 г. отказался иметь дело с банкнотами банков, имеющих счета у его конкурента. Кроме того, Банк Суффолка, по сути, угрожал последствиями всем банкам, которые будут изымать у него свои депозиты. Несмотря на это, провинциальные банки дружно перебежали к новичку, и 16 октября Банк Суффолка объявил, что прекращает клиринговые операции и впредь будет действовать как обычный банк.

На сцене остался только Банк взаимного погашения, и хотя вскоре его клиентами была уже половина банков Новой Англии, он был намного снисходительней к кредитным излише-

ствам провинциальных банков. Возможно, Банку Суффолка удалось бы вернуться к клиринговым операциям на волне недовольства его преемником, но в 1861 г., через два года после прекращения им клиринговых операций, началась Гражданская война и все платежи звонкой монетой были приостановлены. Ну и в довершение всего, в 1863 г. закон о Национальной банковской системе запретил банкам штатов эмиссию каких-либо банкнот, в силу чего образовалась монополия государственного банка, сохраняющаяся и поныне.

Но суффолкская система доказала, что в условиях свободного рынка частные банки могут на конкурентной основе организовать эффективную, надежную и недорогую клиринговую систему, препятствующую чрезмерной эмиссии бумажных денег.

Гражданская война

Гражданская война оказала на кредитно-денежную и банковскую систему США еще более губительное влияние, чем война 1812 г. Если не считать периода 1814–1817 гг., в США впервые – и на два долгих десятилетия – установилась система неразменных бумажных денег, которая привела к безответственной инфляции цен. Эти «зеленые спинки», гринбеки, оказались прообразом кредитно-денежной системы, установившейся в США после 1933 г., а особенно после начатого в 1971 г. эксперимента с неразменными бумажными деньгами.

Пожалуй, еще более важным последствием Гражданской войны было устойчивое изменение банковской системы Америки. По существу, федеральное правительство запретило банкам штатов эмиссию банкнот и создало взамен новую, квазицентрализованную общегосударственную банковскую систему, которая проторила путь к возврату полноценного центрального банка, каковым стала Федеральная резервная система. Короче говоря, Гражданская война покончила с отделением федерального правительства от банковской системы и положила начало все более тесному и устойчивому симбиозу. При этом республиканская партия, которая унаследовала у ви-

гов пристрастие к бумажным деньгам, правительственному контролю и поддержке инфляционных тенденций, сумела сделать мягкие деньги постоянной чертой американской системы.

Гринбеки

Гражданская война привела к чудовищному росту федеральных расходов: с 66 млн долл. в 1861 г. до 1,3 млрд долл. четыре года спустя. Чтобы оплатить эти раздутые потребности, министерство финансов для начала попыталось в конце 1861 г. разместить в крупнейших банках страны облигационный заем на 150 млн долл. Однако министр финансов Салмон Чейз, бывший джэксонианец, попытался добиться, чтобы банки заплатили за облигации твердой валютой, которой у них просто не было. Такое стремление федеральных властей, а также возросший спрос населения, имевшего все основания не доверять банкам, привели к тому, что уже в конце декабря 1861 г. банки приостановили расчеты звонкой монетой. За банками быстро последовало и министерство финансов, которое перестало погашать золотом и серебром казначейские билеты.

Правительство США не замедлило воспользоваться возникшим неизменным бумажно-денежным стандартом. В законе об узаконенном платежном средстве от февраля 1862 г. Конгресс разрешил напечатать на 150 млн долл. новых банкнот (вскоре получивших прозвище «гринбеки») для оплаты растущих военных расходов. Эти гринбеки получили статус законного средства платежа по всем долгам, частным и публичным, кроме одного – министерство финансов сохранило верность обязательству оплачивать звонкой монетой проценты по государственному долгу¹⁰³. Кроме того, была предусмотрена конверти-

¹⁰³ Чтобы иметь возможность погашать проценты золотыми и серебряными деньгами, Конгресс постановил, что таможенные тарифы должны оплачиваться звонкой монетой. Всесторонний обзор и анализ эмиссии гринбеков во время Гражданской войны см.: Wesley Clair Mitchell, *A History of the Greenbacks* Chicago: University of Chicago Press, 1903). Итоговый обзор см.: Paul Studenski and Herman

руемость гринбеков по номиналу в облигации США, но эту возможность публика практически не использовала, и через год она была отменена.

Создав в феврале гринбеки, Конгресс принял решение, что это первая и последняя экстренная эмиссия. Но печатанье денег – это крепкое вино, так что уже в июле 1862 г. было разрешено отпечатать еще 150 млн долл., а в начале 1863 г. – еще 150 млн долл. Рекордный объем этих денег в обращении был достигнут в 1864 г. – 415,1 млн долл.

Гринбеки начали обесцениваться по отношению к звонкой монете почти сразу после эмиссии. В попытке поддержать цену падающих государственных облигаций министр финансов Чейз в июле 1863 г. отменил конвертируемость гринбеков, что еще сильнее понизило их курс. Вместо того чтобы просто признать свою ответственность за продолжающееся обесценение бумажных денег, Чейз и другие руководители министерства финансов ввели вину на безымянных «валютных спекулянтов». В марте 1863 г. Чейз начал целенаправленную кампанию обвинений в адрес рынка золота и попытался взять его под контроль, а в итоге и ликвидировать торговлю золотом ради борьбы с обесценением денег. Вся эта возня длилась потом до тех пор, пока его самого не отстранили от должности. В начале марта он потребовал от Конгресса установления гербового сбора с операций по продаже золота и запрета кредитов под залог монет, оцененных выше их номинала в бумажных деньгах. Это ограничение мало повлияло на рынок золота, и когда в конце года обесценение денег двинулось ускоренным маршем, Чейз решил де-факто отменить требование об оплате таможенных сборов золотом. В конце марта 1864 г. Чейз объявил, что импортеры получают разрешение покупать в министерстве финансов золотые монеты со скидкой от рыночной цены, чтобы потом этим золотом оплачивать таможенные пошлины. Предполагалось, что это избавит импортеров от необходимости покупать золото на рынке, а значит, замедлит обесце-

---

E. Cross, *Financial History of the United States* (New York: McGraw Hill, 1952), pp. 141–149.

нение бумажных денег. Но в результате гринбеки, которые в начале эксперимента стоили 59 центов золотом, упали к середине апреля до 57 центов. Чейзу пришлось отменить эту схему.

Провал попыток регулировать рынок золота подталкивал Чейза ко все более решительным мерам. В середине апреля, чтобы остановить обесценение бумажных денег, он продал на рынке золото на 11 млн долл. Эффект оказался незначительным, а министерство финансов не могло повторять такие интервенции, потому что золото было нужно ему для погашения процентов по государственному долгу. В конце месяца курс бумажного доллара упал еще ниже, до 56 центов.

Но неутомимый Чейз не отступал. В середине марта 1864 г. он продал в Лондоне партию иностранной валюты ниже рыночного курса, чтобы снизить курс фунта стерлингов по отношению к доллару и, кроме того, чтобы отчасти восполнить потребность американских экспортеров в золоте на территории Англии. Но и эта затея оказалась неудачной, и еще до конца месяца Чейз свернул эксперимент.

Наконец, министр финансов Чейз решил «действовать без перчаток». Раз не удастся поставить рынок золота под контроль, значит, нужно вообще его закрыть и таким образом покончить с обесценением бумажных долларов. К середине июня он провел через Конгресс истинно деспотические меры: под страхом суровых наказаний запретить заключение контрактов с оплатой золотом, а также запретить брокерам операции с золотом, если одной из сторон не является его собственное министерство.

Результат был чудовищен. Рынок золота погрузился в хаос. Из-за отсутствия организованных торгов разброс цен стал совершенно немислимым. Предприниматели требовали отмены «закона о золоте», и, что было хуже всего, повысить курс бумажного доллара не удалось, а это ведь и было главной целью. Даже наоборот, доверие публики к бумажным деньгам упало, и их курс по отношению к золоту также понизился. В начале июня курс бумажных долларов по отношению к золоту составлял чуть больше 52 центов. К середине июня расчеты на принятие закона о золоте понизили курс до 51 цента. После

принятия закона цена резко упала и к концу месяца составила 40 центов.

Разрушительный закон о золоте был отменен в конце июня, и вряд ли было совпадением, что одновременно министр финансов Чейз был отрешен от должности. На этом война со спекулянтами закончилась^{104, 105}.

Как только гринбеки обесценились до 97 центов золотом, разменные серебряные монеты стало выгодно вывозить на экспорт, и они быстро были проданы за золото. К июлю 1862 г. в обращении остались только медно-никелевые пенни. Правительство США спешно выпустило мелкие билеты для восполнения нехватки разменных денег. Сначала это были почтовые марки, потом – те же марки, но без клея, а с весны 1863 г. была налажена эмиссия разменных бумажных денег¹⁰⁶. К середине 1864 г. почтовых марок и разменных денег было выпущено на

¹⁰⁴ Всей администрации, и Чейзу в первую очередь, следовало бы прислушаться к совету сенатора-республиканца от Вермонта Джейкоба Колламера: «Цена золота колеблется... не потому, что они играют на изменениях цен; они играют на этом, потому что цены меняются... Но источником колебания цен является не золото; источник колебаний в денежном обращении, а это вне человеческого контроля» (Mitchell, *History of Greenbacks*, pp. 229–230).

¹⁰⁵ О войне со спекулянтами золотом см.: *ibid.*, pp. 223–235. К середине июля из-за военных поражений северян курс гринбеков упал до 35 центов. Потом военные успехи оживили надежды на то, что гринбеки будут погашены золотом, и в начале 1865 г. курс начал расти. К концу войны курс составлял 69 центов золотом за один бумажный доллар (*Ibid.*, pp. 232–238, 423–428).

¹⁰⁶ Некоторые гринбеки были украшены портретами президента Линкольна (5 долл.), министра финансов Чейза (1 долл.). Но когда Спенсер Кларк, секретарь Валютного управления министерства финансов, поместил собственный портрет на пятицентовых купюрах, возмущенный конгрессмен из Пенсильвании Мартин Тейер провел закон, действующий и по сию пору, который запрещает помещать на монетах или бумажных деньгах изображения кого-либо из живущих американцев (См.: Gary North, “Greenback Dollars and Federal Sovereignty, 1861–1865,” in *Gold is Money*, Hans Sennholz, ed. (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1975), pp. 124, 150).

28 млн долл. По мере обесценения бумажных денег даже медно-никелевые монеты начали исчезать из обращения. Сначала под действием опасений дальнейшего обесценения, а потом уже перед лицом роста товарных цен медно-никелевые монеты уходили на экспорт. Почтовые марки и разменные бумажные деньги делу помочь не могли, потому что имели номинал 5 центов и 3 цента соответственно. Наконец весной 1864 г. были выпущены облегченные бронзовые пенни, что и восполнило нехватку разменных денег¹⁰⁷.

Как только в конце 1861 г. банки и министерство финансов прекратили выплаты звонкой монетой, вступил в действие закон Грэшема и золото быстро исчезло из обращения, если не считать процентных платежей министерства финансов по государственному долгу и оплаты импортерами таможенных пошлин. Поскольку немедленно вслед за этим последовал выпуск гринбеков, получивших статус узаконенного платежного средства, золото исчезло окончательно.

Поразительным исключением была Калифорния. В то время к западу от Небраски вообще было очень мало банков, а в Калифорнии их отсутствие гарантировалось тем, что конституция штата в 1849 г. запретила эмиссию бумажных денег на его территории¹⁰⁸. В конце 1840-х гг. в Калифорнии были открыты мощные месторождения золота, и материала для чеканки монет было в избытке.

Привыкшие использовать только золотые монеты, практически не знакомые с бумажными банкнотами, калифорнийские торговцы приняли меры для сохранения золотого обращения и предотвращения принудительных платежей гринбеками. Для начала в ноябре 1862 г. торговцы Сан-Франциско договорились о том, что основой их платежной системы останется золото, а гринбеки могут приниматься только по рыночному курсу, т.е. со скидкой. Фирмы, которые не подчинятся этому

¹⁰⁷ Mitchell, *History of Greenbacks*, pp. 156–163.

¹⁰⁸ В Калифорнии существовали депозитные банки, но они, разумеется, не могли удовлетворить потребностей населения в наличных деньгах (Кнох, *History of Banking*, pp. 843–45).

соглашению, попадают в черный список и в будущем должны будут оплачивать любые покупки только наличным золотом.

Но добровольных усилий оказалось недостаточно для противодействия натиску федеральных властей, навязывавших узаконенное платежное средство, поэтому в конце апреля 1863 г. законодатели штата Калифорния под давлением торговцев приняли закон об «особых условиях». Этот закон устанавливал, что зафиксированная в контракте валюта платежа есть обязательное условие, выполнения которого можно требовать через суд. После принятия этого закона калифорнийские торговцы получили возможность оговаривать в контракте в качестве валюты платежа золотые монеты и тем самым защищать себя от оплаты гринбеками. И не имело значения, если контрагентом по договору выступал другой штат или даже федеральное правительство!¹⁰⁹ Помимо этого, депозитные банки штата отказались принимать вклады в гринбеках, газеты использовали свое влияние, предупреждая граждан об опасностях, сопряженных с гринбеками, а правительство штата отказалось принимать их в счет уплаты налогов. Таким образом, буквально вся Калифорния объединилась, чтобы отказаться от использования неразменных бумажек федерального правительства.

Суды также внесли вклад в поддержание золотого стандарта и отказ от использования обесцененных федеральных бумажных денег. Мало того, что суды Калифорнии подтвердили конституционность закона об особых условиях контракта, но Верховный суд штата постановил в 1862 г., что гринбеки не могут приниматься в счет уплаты местных налогов или налогов штата, поскольку конституция штата запрещает принимать бумажные деньги в счет уплаты налогов.

¹⁰⁹ Этот опыт иллюстрирует неизбежную проблему контрактного права: государство не может ограничиться разрешением заключать контракты в золотых или серебряных монетах. Государство должно принудить к выполнению *особых условий* контрактов, что, скажем, должник обязан платить золотом (или чем-либо еще) по весу или номиналу, требуемому контрактом, а не в некоем бумажно-долларовом эквиваленте, установленном законом или судами.

Примеру Калифорнии быстро последовал штат Орегон. Конституция Орегона также не разрешала действовать на территории штата эмиссионным банкам, и точно так же золото было единственной и привычной валютой. Через две недели после того, как торговцы Калифорнии заключили свой договор, торговцы Салема, шт. Орегон, единодушно объявили, что поддерживают золотой стандарт и отказываются принимать гринбеки по номиналу. Спустя два месяца ведущие торговцы Портленда договорились, что будут принимать гринбеки только по рыночному курсу Сан-Франциско. Этому примеру быстро последовали торговцы остальных штатов. Портлендские торговцы выпустили предупреждение, что всем клиентам, которые попробуют погасить свои долги гринбеками, сразу будет объявлен бойкот и в дальнейшем все сделки с ними будут осуществляться только за наличный расчет.

Депозитные банки Орегона также отказались принимать вклады в гринбеках, а законодатели штата последовали примеру своих калифорнийских коллег и через полтора года приняли закон о валюте платежа. Орегон также отказался принимать гринбеки в счет налогов, а в 1864 г. счел нужным усилить закон требованием, что «все налоги, устанавливаемые штатом, округами или муниципалитетами, следует собирать и оплачивать только золотыми и серебряными монетами Соединенных Штатов, и никаким другим образом»¹¹⁰.

В том же году Верховный суд Орегона вслед за своими калифорнийскими коллегами постановил, что конституционные нормы штата не разрешают принимать гринбеки в счет уплаты налогов.

¹¹⁰ Цит. по: Richard A. Lester, *Monetary Experiments* (London: David and Charles Reprints, [1939] 1970), p. 166. Об удержании в этот период золотого стандарта штатами Орегон и Калифорния см.: *ibid.*, pp. 161–171. О Калифорнии см.: Bernard Moses, “Legal Tender Notes in California,” in *Quarterly Journal of Economics* (October 1892): 1–25; Mitchell, *History of Greenbacks*, pp. 142–144. Об Орегоне см.: James H. Gilbert, *Trade and Currency in Early Oregon* (New York: Columbia University Press, 1907), pp. 101–122.

История банковского дела во время Гражданской войны очень усложнена тем фактом, что в последний период войны возникла национальная банковская система. Но совершенно ясно, что банки штатов, прекратив погашение своих обязательств золотом и серебром и получив возможность громоздить пирамиду платежных инструментов и кредита на базе федеральных долларов, работали с хорошей прибылью. Так, совокупный объем эмитированных банками банкнот и депозитов составлял 510 млн долл. в 1860 г. и 743 млн долл. в 1863 г. Иными словами, в течение этих трех лет платежные обязательства банков штатов увеличивались ежегодно на 15,2%¹¹¹.

Ничего удивительного, что, вопреки прежнему мнению историков, банки штатов приветствовали принудительное распространение федеральных долларов, которые, будучи законным платежным средством, могли служить базой для выпуска собственных платежных инструментов и расширения кредита. Как говорит Хаммонд, «в результате выпуска законных платежных средств власть банков была не обуздана (как позднее думали некоторые), а, напротив, расширена. С ростом эмиссии депозиты банков также увеличивались»¹¹². Как отметил сенатор Шерман (республиканец от штата Огайо), банки штатов были рады появлению гринбеков. А главный автор закона об эмиссии гринбеков, конгрессмен Элбридж Спауддинг (республиканец от штата Нью-Йорк), председатель подкомитета Конгресса по изысканию денежных ресурсов, который и внес законопроект, сам был банкиром из Буффало.

Совокупная денежная масса в стране (включая золотые монеты, банкноты банков штатов, разменную серебряную монету, «дробную валюту» и гринбеки) в 1860 г. составила 745,4 млн долл. К 1863 г. этот показатель вырос до 1,435 млрд долл., рост на 92,5% за три года, или на 30,8% в среднем за год. К концу войны совокупная денежная масса, которая к этому

¹¹¹ *Historical Statistics*, pp. 625, 648–649.

¹¹² Bray Hammond, *Sovereignty and Empty Purse: Banks and Politics in the Civil War* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1970), pp. 246, 249–250. См. также North, “Greenback Dollars,” pp. 143–148.

времени включала банкноты и чеки национальной банковской системы, составила 1,773 млрд долл., т.е. выросла за два года на 23,6%, или на 11,8% в год. За годы войны объем денежной массы вырос с 745,5 млн до 1,773 млрд долл., т.е. на 137,9%, или на 27,69% в год¹¹³.

Следствием инфляции денег стала инфляция цен. Ничего удивительного, что гринбеки, которые обесценивались относительно золота, точно так же теряли свою покупательную способность относительно товаров. Индекс оптовых цен вырос со 100 в 1860 г. до 210,9 в конце войны, т.е. на 110,9%, или на 22,2% в год¹¹⁴.

Республиканская администрация доказывала, что эмиссия гринбеков диктовалась жестокой «необходимостью» военного времени. Фиктивность этого аргумента доказывается тем, что с середины 1863 г. эмиссия гринбеков практически не проводилась. Существовали три альтернативы политике эмиссии неразменных бумажных денег в качестве узаконенного платежного средства. 1) Правительство могло выпустить бумажные деньги, но не придавать им статус узаконенного платежного средства, но тогда они бы обесценивались с еще большей скоростью. В любом случае, если бы их принимали в счет уплаты федеральных налогов и сборов, они имели бы статус квазиузаконенного платежного средства. 2) Для оплаты военных расходов можно было повысить налоги. 3) Можно было выпустить облигации и другие ценные бумаги и продавать их банкам и другим организациям. Фактически правительство всегда использовало и обе последних альтернативы, а с 1863 г.,

¹¹³ *Historical Statistics*, pp. 625, 648–649. После тщательного анализа Норт оценил суммарный объем денежной массы примерно в 2 млрд долл. и при этом отмечает, что фальшивые деньги в годы Гражданской войны составляли не менее трети всех находившихся в обращении денег (North, “Greenbacks Dollars,” p. 134). Оценку масштабов деятельности фальшивомонетчиков см.: William P. Donlon, *United States Large Size Paper Money, 1861 to 1923*, 2nd ed. (Iola, Wis.: Krause, 1970), p. 15.

¹¹⁴ Ralph Andreano, ed., *The Economic Impact of the American Civil War* (Cambridge, Mass.: Schenckman, 1961), p. 178.

когда эмиссия гринбеков была прекращена, оно использовало только их, главным образом наращивая государственный долг. За годы войны суммарный дефицит федерального бюджета составил 2,614 млрд долл., из которых эмиссия гринбеков покрывала только 431,7 млн долл. Эмиссией бумажных денег удалось покрыть 22,8% федерального бюджетного дефицита в 1862 г., 48,5% – в 1863 г., 6,3% – в 1864 г. и 0% – в 1865 г.¹¹⁵ Факт тем более поразительный, что наибольшего значения дефицит бюджета достиг в 1865 г., составив 963,8 млн долл. И он был целиком профинансирован за счет государственного долга. Налоги также значительно выросли. Налоговые поступления в бюджет увеличились с 52 млн долл. в 1862 г. до 333,7 млн долл. в 1865 г. Доля налогов в бюджетных доходах выросла с незначительных 10,7% в 1862 фискальном году до более 26% в 1864 и 1865 г.

Нет сомнений, что аргумент о военной «необходимости» эмиссии гринбеков был ложным, и даже адвокаты этой политики признали, что вполне можно было обойтись эмиссией государственного долга, если бы только администрация была готова к тому, что цена их облигаций возрастет, а вместе с этим процентные платежи по долгу. На протяжении большей

¹¹⁵ Конфедераты, с другой стороны, практически весь гигантский дефицит бюджета финансировали за счет эмиссии гринбеков. Первый выпуск банкнот конфедерации состоялся в 1861 г. на сумму всего лишь 1,1 млн долл. Уже в январе 1864 г. совокупная денежная масса составляла не менее 826,8 млн долл., рост на 750,6% за три с половиной года, или на 214,5% в год. Объем эмитированных банкнот и депозитов вырос за тот же период с 119,3 млн долл. до 268,1 млн долл., так что совокупная денежная масса выросла со 120,4 млн до 1,095 млрд. долл., рост на 1060%, или на 302,9% в год. На востоке Конфедерации индекс оптовых цен вырос со 100 в начале 1861 г. до более 4000 в 1864 г. и до 9211 к концу войны, в апреле 1865 г. Таким образом, за четыре года цены выросли на 9100%, или в среднем на 2275% в год. См.: Eugene M. Lerner, "Inflation in the Confederacy, 1861–65," in *Studies in the Quantity Theory of Money*, Milton Friedman, ed. (Chicago: University of Chicago Press, 1956), pp. 163–175; idem, "Money, prices, and Wages in the Confederacy, 1861-65," in Andreano, *Economic Impact*, pp. 11–40.

части военного периода они не желали обратиться к возможностям, предоставляемым конкурентным рынком облигаций¹¹⁶.

Государственный долг и национальная банковская система

В истории американских финансов государственный долг периода Гражданской войны появился благодаря пришествию некоего Джея Кука. В возрасте 18 лет родившийся в Огайо Кук устроился клерком в фирму «Кларк и Додж» – инвестиционный банк средней руки. За несколько лет Кук сумел добиться статуса младшего партнера и в 1857 г. ушел из фирмы, чтобы самостоятельно заниматься размещением облигаций каналов и железных дорог. Этим бы он, безусловно, и занимался всю свою жизнь, если бы не счастливый случай – он и его брат Генри, редактор ведущей республиканской газеты штата Огайо – «Огайо стейт джорнэл», были близкими друзьями сенатора США Салмона Чейза. Чейз, ветеран движения за отмену рабства, стремился стать кандидатом от республиканцев на президентских выборах 1860 г., но проиграл Аврааму Линкольну. Тут-то братья Куки и решили, что можно нагреть руки, если протолкнуть Чейза на пост министра финансов. Благодаря их активному лоббированию Чейз получил этот пост, после чего Джей сразу открыл собственный инвестиционный банковский дом «Джей Кук энд компани».

Все было готово, оставалось только дождаться подходящей возможности. Как написал о Генри его отец:

Я взял в руки перо главным образом для того, чтобы сказать, что план Г-и [Генри] протащить Чейза в состав кабинета, а [Джона] Шермана – в сенат успешно завершен, и теперь время делать деньги, честно заключая контракты с правительством¹¹⁷.

¹¹⁶ Mitchell, *History of Greenbacks*, pp. 61–74, 119 ff., 128–131. См. также: Don C. Barrett, *The Greenbacks and Resumption of Specie Payments, 1862–1879* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1931), pp. 25–57.

¹¹⁷ In Henrietta Larson, *Jay Cook, private Banker* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1936), p. 103. См. также: Edward C. Kirkland,

Теперь и в самом деле пора было делать деньги, и Кук не стал терять времени. Ему не стоило большого труда убедить своего друга Чейза осенью 1862 г. пойти на беспрецедентный шаг: предоставить фирме Кука монополию на размещение государственного долга. С присущей ему огромной энергией Кук бросился в атаку – убеждать публику в необходимости покупать облигации правительства США. Возможно, проводя эту кампанию Кук и стал изобретателем искусства установления связей с общественностью и организации массовой пропаганды (естественно, применительно к продаже облигаций). Как пишет Киркленд:

С характерным оптимизмом, он [Кук] ринулся в борьбу за сбыт облигаций. В среде банкиров, страховщиков и общественных деятелей он рекрутировал 2500 субагентов и с помощью писем и телеграмм поддерживал в них воодушевление и держал в курсе дел. Активно используя рекламные возможности газет, афиш и плакатов, он приучил американский народ покупать облигации. Бог, судьба, долг, мужество, патриотизм – все это требовало от «фермеров, мастеровых и капиталистов» вкладывать деньги в займы¹¹⁸.

И займы эти, разумеется, нужно было покупать у Джея Кука.

И уже скоро контора Кука ежедневно продавала облигаций на 1–2 млн долл. Огромная цифра для того времени. Вполне можно представить, что до конца войны Джей Кук сумел сбыть облигаций на 2 млрд долл. В 1864 г. под натиском конкурентов Кук лишился этой монополии, но год спустя он вновь ее получил и сохранял до 1873 г., когда в ходе банковской паники его инвестиционный дом обанкротился.

В начале Гражданской войны Джей Кук был умеренно удачливым предпринимателем, а к концу войны стал миллионером, имя которого вошло в поговорку – «богат как Кук». Безусловно, 100 тыс. долл., которые он к 1864 г. вложил в политическую карьеру Салмона Чейза, были лучшим инвести-

---

Industry Comes of Age: Business, Labor and Public Policy, 1860–1897 (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1861), p. 20.

¹¹⁸ Kirkland, *Industry*, pp. 20–21.

ционным проектом в его жизни.

Неудивительно, что Джей Кук имел огромное политическое влияние на республиканскую администрацию как во время войны, так и после ее окончания. Хью Маккулох, министр финансов с 1865 по 1869 г., был близким другом Джея Кука и, оставив кресло министра, он получил пост руководителя лондонского отделения конторы Кука. Братья Куки были также добрыми приятелями генерала Улисса Гранта, что обеспечило им большое влияние в период его президентства.

Куку удалось заполучить монополию на размещение правительственных облигаций не раньше, чем он, в компании со своими соратниками министром финансов Чейзом и сенатором от штата Огайо Джоном Шерманом, сумел воплотить в жизнь то, что оказало на финансовую историю Америки куда более пагубное влияние, чем даже выпуск гринбеков: национальную банковскую систему. Закон о национальной банковской системе разрушил прежнюю децентрализованную и достаточно успешно действовавшую систему банков штатов, а на ее месте утвердил куда более инфляционную структуру, действовавшую под эгидой Вашингтона и группы банков с Уолл-стрит. Если с возобновлением размена на звонкую монету в 1879 г. эффект выпуска гринбеков сошел на нет, то последствия установления национальной банковской системы мы ощущаем до сих пор. Мало того, что она просуществовала до 1913 г., но она проложила дорогу Федеральной резервной системе, институализировав квазицентрализованную банковскую систему. «Внутренние противоречия» национальной банковской системы были таковы, что страна оказалась перед выбором – либо создавать полноценный центральный банк, либо вообще ликвидировать централизацию и вернуться к децентрализованным банкам штатов. Поскольку логика государственного вмешательства в экономику неизбежно ведет к его усилению и учитывая повсеместное укрепление этактистской идеологии в начале XX столетия, к сожалению, политический выбор страны фактически был предопределен.

Чейз и Шерман протащили новую систему под предлогом военной необходимости, но задумана она была таким образом,

чтобы навсегда изменить банковское дело. Условия военного времени послужили оправданием для создания национальных банков, а заданные им принципы функционирования заставляли банки приобретать огромные объемы государственных облигаций. Скроенная по образу и подобию «свободной» банковской системы, новая система установила прочный симбиоз между национальными банками, федеральным правительством и государственным долгом. Препятствие в виде озабоченности джексонианцев независимостью министерства финансов де-факто было устранено, и теперь министерство получило возможность размещать свои средства в новой группе «фаворитов» – национальных банках, получающих лицензии непосредственно от федерального правительства. Таким образом, республиканская партия, используя чрезвычайную ситуацию войны, смогла реализовать мечту вигов-республиканцев об управляемой федеральным центром банковской системе, способной проводить единую инфляционную денежно-кредитную политику. К этому примешивалась и глубокая политическая идея: Шерман прямо говорил о том, что одной из основных целей национальной банковской системы было устранение опасной доктрины независимости штатов и усиление элементов национального единства в американской политике¹¹⁹.

В соответствии с законами о банках, принятыми в 1863 и

¹¹⁹ В работе, посвященной северным интеллектуалам и гражданской войне, Джордж Фредериксон обсуждает влиятельную статью некоего Сэмюэла Фоулера, написанную в конце войны. «Гражданская война, изменившая течение наших идей и заставившая за несколько лет пережить то, чего хватило бы на целую жизнь, – пишет Фоулер, – заставляет нас смотреть на предыдущий период нашей политической истории как на отдаленное прошлое». Фоулер описывает, каким образом война, ставшая триумфом национализма и демонстрацией «универсальной склонности к объединению», нанесла *coup de grace* (смертельный удар. – Прим. перев.) джефферсоновской философии власти с ее акцентом на децентрализацию и защиту местных и личных свобод (George Frederickson, *The Inner Civil War: Northern Intellectuals and the Crisis of the Union* [New York: Harper and Row, 1965], p. 184). См. также Merrill D. Peterson, *The Jeffersonian Image in the American Mind* (New York: Oxford University Press, 1960), pp. 217–218.

1864 г., национальная банковская система предусматривала для национальных банков получение лицензии непосредственно от Управления Контролера денежного обращения в Вашингтоне. При этом банки были «свободными» в том смысле, что лицензию могла получить любая организация, отвечающая определенным требованиям, но сами требования были столь высоки (от 50 тыс. долл. в сельской местности до 200 тыс. долл. в крупных городах), что небольшие национальные банки, особенно в больших городах, сразу остались вне игры¹²⁰.

В рамках Национальной банковской системы национальные банки делились три группы: национальные банки *центральных резервных городов*, куда входили только нью-йоркские банки; национальные банки *резервных городов*, куда входили банки городов с населением более 500 тыс. человек; и *провинциальные*, куда входили все прочие национальные банки.

От банков центральных резервных городов требовалось, чтобы 25% их денежных средств и депозитов составляли резервные суммы в «узаконенных деньгах» [lawful money], т.е. в золоте, серебре и гринбеках. В этом пункте нашла выражение концепция «резервных требований», являвшаяся неотъемлемой чертой «свободной» банковской системы. В свою очередь, банкам резервных городов было разрешено всего половину обязательных резервов держать в форме узаконенных платежных средств, а другую половину могли составлять вклады до востребования (чековые депозиты) в центральных резервных городских банках. Наконец, для провинциальных банков норматив обязательных резервов был установлен на уровне всего лишь 15%, и из них лишь 40% нужно было держать в виде узаконенных платежных средств. Остальные 60% они могли держать на вкладах до востребования в банках центральных резервных городов или в банках резервных городов.

В результате индивидуализированная структура банков штатов, существовавшая до Гражданской войны, была заменена перевернутой пирамидой, где провинциальные банки

¹²⁰ Образцово ясное описание структуры национальной банковской системы см.: John J. Klein, *Money and Economy*, 2nd ed. (New York: Harcourt, Brace and World, 1970), pp. 140–147.

расширяли эмиссию и кредит на базе банков резервных городов, а те, в свою очередь, – на базе нью-йоркских банков. До Гражданской войны каждый банк самостоятельно выбирал политику резервирования, и возможность эмиссии банкнот и депозитов на базе резервов жестко ограничивалось требованиями других банков и публики о погашении банкнот звонкой монетой. А теперь банки резервных городов получили возможность половину резервов держать на вкладах до востребования в нью-йоркских банках, а провинциальные банки могли держать на депозитах в резервных банках обоих типов еще большую долю обязательных резервов, так что в итоге все национальные банки страны могли строить эмиссионную пирамиду на основе относительно незначительных резервов нью-йоркских банков. И в довершение всего эти резервы могли включать не только золото и серебро, но и инфлированные гринбеки.

Суть революционных перемен в американской банковской системе можно упрощенно изобразить следующим образом:

Рис. 1

На рис. 1 схематически изображена существовавшая до Гражданской войны децентрализованная система банков штатов. Каждый банк должен был опираться на собственные резервы. Он имел возможность эмитировать собственные банкноты и депозиты, но возможности для инфляционного расширения были ограничены, поскольку неизбежно сопровождалось ростом расходов его клиентов на товары или услуги других банков. Банкноты и чеки банка, злоупотреблявшего кредитом, попадали в руки других банков, которые тут же предъявляли их для погашения звонкой монетой. При неспособности немедленно погасить свои обязательства банк был вынужден либо сократить масштабы кредитования и эмиссии, либо уйти с рынка.

На рис. 2 изображена перевернутая пирамида национальной банковской системы. Нью-йоркские национальные банки строят пирамиду своих банкнот и депозитов на основе металлических денег и гринбеков. Банки резервных городов строят пирамиду своих обязательств на основе металлических денег, гринбеков и депозитов в нью-йоркских банках; провинциальные банки – на основе металлических денег, гринбеков и депозитов в резервных банках обоих типов. Это означает, что если, к примеру, нью-йоркские банки эмитируют слишком много своих банкнот и депозитов, другие банки не остановят их и не потребуют погашения их обязательств звонкой монетой. Напротив, у них появится возможность расширить предоставление кредитов и эмиссию обязательств, увеличивая свои депозиты в нью-йоркских банках. И то же самое смогут сделать сельские банки, опираясь уже на свои депозиты в резервных банках обоих типов. Вся страна может скоординированно и без определенных ограничений инфлировать объем платежных средств, надстраивая пирамиду над сравнительно небольшими резервами группы нью-йоркских городских банков.

Национальные банки не были обязаны держать часть своих резервов на счетах в более крупных банках, но они охотно шли на это, потому что в долгосрочной перспективе это давало возможность скоординированно расширять кредит, опираясь на мощь крупных банков, а в краткосрочной перспективе создавало преимущество в виде открытой кредитной линии в крупном банке-«корреспонденте», который к тому же начислял проценты на вклад до востребования¹²¹.

Рассмотрим на примере, как национальная банковская система выстраивала пирамиду платежных средств над централи-

¹²¹ Как правило, банки начисляли проценты на вклады до востребования, пока в 1934 г. эта практика не была запрещена законом.

зованными резервами. Рассмотрим гипотетические балансы различных банков¹²². Пусть сельские банки изначально имеют резервы в размере 1 млн долл. В условиях национальной банковской системы они могут $\frac{3}{5}$ своих средств, или 600 тыс. долл., разместить на депозитах до востребования в банках резервных городов и получать проценты по вкладам.

Банковские балансы изменятся следующим образом:

Сельские банки	
Активы	Пассивы и собственные средства
Резервы:	
Наличные в сейфах – 600 000 долл.	
Депозиты в резервных городских банках + 600 000 долл.	
Банки резервных городов	
Активы	Пассивы и собственные средства
Резервы:	Депозиты до востребования
Наличные в сейфах + 600 000 долл.	сельских банков + 600 000 долл.

Совокупные резервы обеих групп банков не изменились. Но поскольку провинциальные банки могут использовать в качестве резервов средства, размещенные на депозитах банков резервных городов, возможности для расширения кредита увеличились. Теперь, имея в резерве 400 тыс. долл. наличными, провинциальные банки могут эмитировать банкноты и депозиты на ту же сумму, что и прежде – на 1 млн долл., а банки резервных городов могут на основе полученных 600 тыс. долл. выпустить в оборот платежных средств на 2,4 млн долл., точнее на 1,8 млн долл. в дополнение к 600 тыс. долл., которые они должны провинциальным банкам. Короче говоря, резервы провинциальных банков не изменились, а у банков резервных городов они выросли на 600 тыс. долл., и они мо-

¹²² Заимствовано из: Klein, *Money and the Economy*, pp. 144–145.

гут теперь надстроить над этими деньгами пирамиду кредита с коэффициентом 4 к 1.

Но это еще не все. Банки резервных городов могут половину своих резервов депонировать в нью-йоркских банках, и после этого банковские балансы будут выглядеть следующим образом:

Банки резервных городов	
Активы	Пассивы и собственные средства
Резервы: Наличные в сейфах + 300 000 долл. Депозиты в банках центральных резервных городов + 300 000 долл.	Депозиты до востребования провинциальных банков + 600 000 долл.
Банки центральных резервных городов	
Активы	Пассивы и собственные средства
Резервы: Наличные в сейфах + 300 000 долл.	Депозиты до востребования банков резервных городов + 300 000 долл.

Заметьте, что поскольку банкам резервных городов разрешено держать половину своих резервов на счетах в банках центральных резервных городов, они получают возможность надстроить над своими новыми 600 тыс. долл. пирамиду платежных средств на 2,4 млн долл., и одновременно разместить 300 тыс. долл. на депозитах в нью-йоркских банках. Последние могут на основе этих денег надстроить свою пирамиду с коэффициентом 4 к 1 и увеличить эмиссию банкнот и депозитов на 1,2 млн долл.

Короче говоря, национальная банковская система не только позволила всей банковской системе страны строить эмиссионную пирамиду на базе [резервов] небольшого числа крупных банков с Уолл-стрит, но в дополнение к этому перемещение значительной части имевшейся в стране звонкой монеты из

банков штатов в руки более крупных, прежде всего нью-йоркских, банков создало условия для многократного расширения эмиссии банковских обязательств: созданные нью-йоркским банком (на базе полученных 300 тыс. долл.) 1,2 млн долл. платежных средств, попав обратно в малый банк, в свою очередь дают последнему возможность расширить выпуск своих платежных обязательств на базе увеличившихся депозитов. Но даже без учета дальнейшей кредитной экспансии 1 млн долл., который в нашем примере первоначально поддерживал 6 млн долл. в виде банкнот и депозитов, теперь станет основой для появления еще 2,4 млн долл., эмитированных резервным городским банком, и 1,2 млн долл., эмитированных нью-йоркским банком. И отметим еще раз, что на основе всего этого провинциальные банки могут осуществлять дальнейшее наращивание своих обязательств.

В июне 1874 г. Конгресс поддался инфляционному импульсу после паники 1873 г. и, отменив все требования резервирования по отношению к банкнотам, сохранив их только для депозитов, внес фундаментальные изменения в структуру национальной банковской системы. Это высвободило из банковских резервов более 20 млн долл. узаконенных денег и дало материал для дополнительного надстраивания пирамиды обязательств до востребования¹²³. Со временем это стало основой для разграничения между банкнотами и депозитами: выпуск банкнот оказался жестко привязан к банковскому портфелю государственных облигаций, а депозиты до востребования – к резервам драгоценных металлов и гринбеков.

Но этим история перевернутой пирамиды банковского кредита не заканчивается. Дело в том, что ввиду особенностей «свободной» банковской системы эмиссия банкнот любым из национальных банков была привязана к портфелю государственных облигаций. Чтобы выпустить банкноты, требовалось депонировать в качестве обеспечения равный объем государственных облигаций в министерстве финансов¹²⁴, так что для

¹²³ Нерburn, *History of Currency*, pp. 317–318.

¹²⁴ Первоначально национальные банки имели право выпускать

обеспечения дополнительной эмиссии нужно было предварительно расширить свой портфель облигаций. В силу этого вся национальная банковская система оказалась в зависимости от правительства, точнее говоря, от темпов увеличения государственного долга. Федеральное правительство получило гарантированный встроенный рынок для своего долга, и чем больше государственных облигаций банки покупали, тем больше возможностей они имели для инфляционной эмиссии. Мало того, что монетизация государственного долга сама по себе имеет инфляционный характер, но она еще и служила базой – когда в этом участвовали крупные городские банки – для расширения кредита более мелкими банками.

Функционирование эмиссионного механизма банковской системы обеспечивалось несколькими положениями. Каждый национальный банк был обязан погашать по номиналу обязательства любого другого национального банка. Таким образом, было устранено существовавшее прежде ограничение на хождение инфлированных депозитов и банкнот – чем больше расстояние до банка-эмитента, тем больше скидка от номинала. И хотя федеральное правительство не имело возможности наделить банкноты частных банков статусом узаконенного платежного средства, оно сообщило им статус квазизаконного платежного средства, согласившись принимать все их банкноты и депозиты по номиналу в счет уплаты налогов и сборов¹²⁵. Есть нечто обнадеживающее в том, что, несмотря на все преимущества, предоставленные федеральным правительством, в ходе финансового кризиса 1867 г. курс банкнот национальных банков упал ниже гринбеков, и на следующий год многие из них разорились¹²⁶.

банкнот на 90% суммы принадлежавших им государственных облигаций. С 1900 г. ограничение было поднято до 100%.

¹²⁵ За исключением, как мы видели в случае с гринбеками, таможенных пошлин, которые нужно было оплачивать золотом, потому что оно было нужно для погашения процентов по государственному долгу.

¹²⁶ Смит, *Происхождение*, с. 96.

Национальная банковская система сделала реальный размен бумажных денег на звонкую монету трудноосуществимым. Ненадежность механизма закреплялась тем фактом, что национальные банки были обязаны погашать по номиналу банкноты и депозиты всех других национальных банков, но при этом им затруднили возможность погашать их звонкой монетой. Дело в том, что до Гражданской войны открытие филиалов банка в других штатах и даже внутри одного штата было запрещено законом, что затрудняло создание клиринговой системы погашения банкнот и депозитов других банков. Можно было бы предположить, что национальная банковская система снимет хоть эту проблему, но и по сей день создание филиалов банков в других штатах запрещено законом*. Банк мог погашать свои обязательства только в своем головном отделении. Кроме того, федеральное правительство парализовало погашение банкнот металлическими деньгами, ограничив допустимое сокращение объема (т.е. чистое погашение) банкнот национальных банков, установив месячный лимит в размере 3 млн долл.¹²⁷

Сегодня резервные требования считаются разумным и точным способом ограничить кредитную экспансию банков, но эта точность может иметь двоякие результаты. Подобно тому как установленные законом правила безопасности могут *понижить* уровень безопасности, установив заниженные требования к технике безопасности и тем самым побуждая частные фирмы снижать свои стандарты до уровня, требуемого законом, резервные требования, как правило, являются минимально приемлемым уровнем покрытия обязательств. Свободная конкуренция обычно побуждает банки поддерживать более высокие коэффициенты покрытия. Но фиксируемые законом резервные требования подталкивают все банки к этому минимально

* После принятия Riegle–Neal Interstate Banking and Branching Efficiency Act в сентябре 1994 г. федеральные ограничения на ведение банковской деятельности в других штатах и открытие там филиалов были отменены.

¹²⁷ Ibid., p. 132.

приемлемому уровню. И это наглядно проявляется в свойственной всем банкам склонности «кредитовать до упора», т.е. держать коэффициент резервирования на минимально допустимом законом уровне. Когда резервные требования меньше 100%, это скорее инструмент стимулирования инфляции, чем ее сдерживания.

Национальная банковская система была создана для замены банков штатов, но многие из них не проявили интереса к затее и отказались присоединиться к ней, несмотря на существенные привилегии для национальных банков. Требования к величине резервов и капитала были более обременительными, и в тот период национальным банкам еще не разрешалось давать кредиты под залог недвижимости. Поскольку банки штатов проигнорировали приказ «к ноге», Конгресс в марте 1865 г. закончил спровоцированную войной революцию в банковской системе тем, что установил запретительный 10%-ный налог на все банкноты, что и дало задуманный эффект – банкноты банков штатов почти исчезли с рынка. Начиная с 1865 г. национальные банки получили по закону монополию на эмиссию банкнот.

Поначалу под влиянием шока банки штатов съезжились и исчезли из виду, и одно время казалось, что отныне в США будут только национальные банки. Число банков штатов уменьшилось с 1466 в 1863 г. до 297 в 1866 г., а совокупный объем их банкнот и депозитов упал с 733 млн долл. в 1863 г. до всего лишь 101 млн долл. в 1866 г. Однако спустя несколько лет банки штатов вернули себе положение растущего сегмента банковской системы, хотя и занимали подчиненное по отношению к национальным банкам положение. Чтобы выжить, банки штатов вынуждены были держать депозиты в национальных банках, через которые они могли «покупать» банкноты национальных банков для погашения депозитов, открываемых ими для публики. Коротко говоря, банки штатов образовали четвертый слой национальной пирамиды денег и кредита – поверх провинциальных и всех остальных банков, – а резервы банков штатов образовали, в дополнение к резервам звонкой монеты, депозиты до востребования в национальных банках, которые они могли погашать наличными. Многослойная структура банковской инфляции в

рамках национальной банковской системы получила дополнительный потенциал.

В новой структуре банки штатов начали процветать. К 1873 г. их число выросло до 1330, а совокупный объем депозитов составил 789 млн долл.¹²⁸

Отношения альянса Кук–Чейз с новой национальной банковской системой были просты. Будучи министром финансов, Чейз нуждался в гарантированном рынке сбыта государственных облигаций, которых так много выпустили за время Гражданской войны. А Джей Кук, будучи монопольным распространителем облигаций американского правительства в период с 1862 по 1873 г. (за вычетом одного года), был еще более непосредственно заинтересован в гарантированном и расширяющемся рынке облигаций. А что может лучше обеспечить существование такого рынка, чем создание новой банковской системы, рост которой напрямую обеспечивается закупками правительственных облигаций, прямо из рук Дджея Кука?

Братья Куки сыграли важную роль в протаскивании в 1863 г. закона о национальной банковской системе через противившийся этому Конгресс. Демократы, исповедовавшие культ твердых денег, были почти единодушно против. Для победы нужно было привлечь на свою сторону республиканское большинство. После решающего выступления в сенате Джона Шермана Генри Кук, ставший к тому времени руководителем Вашингтонского отделения Дома Куков, ликующе писал брату:

Это будет грандиозный триумф, Джей, и для него мы сделаем больше любого другого из живущих на земле. В Палате [представителей] Банк прокатили, а в Сенате за него никто не выступал, так что он был уже практически мертв и похоронен, когда я убедил Шермана проявить хватку и мы взялись за работу с газетами¹²⁹.

Для братьев Куков «взяться за работу с газетами» вовсе не

¹²⁸ *Historical Statistics*, pp. 628–629.

¹²⁹ Цит. по: Robert P. Sharkey, *Money, Class and Party: An Economic Study of Civil War and Reconstruction* (Baltimore, Md.: The Johns Hopkins Press, 1959), p. 245.

сводилось к простому убеждению газетчиков. Будучи монопольными распространителями правительственных облигаций, Куки платили газетам большие деньги за размещение рекламы и полагали – как выяснилось, не без оснований, – что газеты предоставят им бесплатно любую площадь, чтобы «развернуть все достоинства новой национальной банковской системы». Это означало не только статьи и внимание читателей, но и пламенную любовь газетчиков. Так что купленная с потрохами пресса вела ураганную пропаганду в пользу новой национальной банковской системы. Как писал сам Кук:

Полтора месяца или даже больше все газеты страны были заполнены нашими передовицами [авторами которых были сами братья Кук], проклинающими систему банков штатов и разъяряющими великие преимущества предлагаемой национальной банковской системы.

И каждый божий день неутомимые братья доставляли на стол каждого конгрессмена соответствующие передовицы из газет, издававшихся в их избирательных округах¹³⁰.

Хотя многие банки штатов, особенно консервативные и старомодные нью-йоркские банкиры, противились национальной банковской системе, Джей Кук, как только эта система была создана, с головой погрузился в дела. Он не только продавал национальным банкам нужные им облигации, но и создавал новые банки, которые становились покупателями тех же облигаций. Его агенты основывали банки в небольших городах южных и западных штатов. Кроме того, он основал два крупных национальных банка – «Фёрст нэшнл бэнк оф Филадельфия» и «Фёрст нэшнл бэнк оф Вашингтон, Ди Си».

Но национальная банковская система крайне нуждалась в том, чтобы базой инфляционной пирамиды кредита для страны и резервных городских банков стали могущественные нью-йоркские банки. Вскоре после запуска системы в Нью-Йорке были созданы три национальных банка, но им не хватало ни средств, ни престижа, чтобы служить опорным камнем новой банковской структуры. Джей Кук, однако, был рад оказать услу-

¹³⁰ Hammond, *Sovereignty*, pp. 289–290.

гу, так что он быстро основал «Форс нэшнл бэнк оф Нью Йорк» с капитализацией в 5 млн долл. После войны Джей Кук выступал за возобновление размена на звонкую монету, но только при условии, что гринбеки будут заменены банкнотами новой банковской системы по курсу один к одному. В своем безграничном энтузиазме по отношению к банкнотам национальной банковской системы и к их зависимости от национального долга Кук добился отмены установленного законом верхнего предела эмиссии банкнот национальных банков, установленного на уровне 300 млн долл. В 1865 г. он опубликовал памфлет, в котором заявил, что менее чем через 20 лет объем банкнот национальных банков в обращении составит 1 млрд долл.¹³¹

Показателен заголовок опубликованного Куком памфлета: «Как государственный долг может стать всеобщим благом: долг – это процветание, это политическое единство, поддержка промышленности и надежная основа для нашей валюты»¹³².

К 1866 г. стало ясно, что национальная банковская система уже заменила банки штатов в качестве центра кредитно-денежной системы Соединенных Штатов. Всего лишь годом ранее, в 1865 г., объем банкнот, эмитированных банками штатов, составлял 142,9 млн долл.; к 1866 г. эта масса платежных инструментов сжалась до 20 млн долл. Зато объем банкнот национальной банковской системы вырос с 31,2 млн долл. в 1864 г., в первый год их существования, до 276 млн долл. в 1866 г. И в то время как число банков штатов уменьшилось с 1466 до 297, число национальных банков выросло за тот же период с 66 в 1863 г. до 1634 тремя годами позже.

Послевоенная эпоха: 1865–1879

Гражданскую войну Соединенные Штаты закончили с обесценившимися неконвертируемыми гринбеками и огромным го-

¹³¹ Здесь Кук ошибся. Банкноты национального банка не достигли такого объема. Распространение получили депозиты до востребования, объем которых достиг к 1879 г. 1 млрд долл.

¹³² Sharkey, *Money, Class, and Party*, p. 247.

сударственным долгом. Первым был вопрос – что делать с гринбеками. Влиятельная группа промышленников, возглавлявшаяся производителями чугуна и стали из Пенсильвании, призывала сохранить гринбеки, забыть о конвертации и, уж во всяком случае, не сжимать денежную массу для возврата к режиму погашения звонкой монетой. Интеллектуальным наставником и лидером пенсильванских фабрикантов стали, которые с самого начала организованной борьбы за покровительственные тарифы стояли во главе этого движения¹³³, был немолодой экономист Генри Кэри, сам являвшийся сталепромышленником. Кэри и его друзья-фабриканты осознали, что в период инфляции, поскольку валютный рынок настроен на ее продолжение, обесценение отечественной валюты идет быстрее, чем рост цен. Они поняли, что пока доллар падает, а золото растет, цены на внутренние товары всегда будут ниже, а на импортные – выше, в силу чего инфляция служит своего рода покровительственным тарифом. Таким образом, инфляционистская политика дешевых денег – в силу обесценения доллара и удорожания золота – не только обеспечивает промышленников дешевым кредитом, но и служит в качестве дополнительной тарифной защиты.

Поклонники учения о высоких тарифах и дешевых деньгах были завсегдатаями знаменитых «вечерен Кэри» – вечерних обсуждений экономических и политических вопросов. Среди учеников Кэри был экономист и сталелитейщик из Пенсильвании Стив Колуелл; Эбер Уорд, президент Ассоциации производителей чугуна и стали; Джон Уильямс, редактор издаваемого ассоциацией журнала, «Айрон эйдж»; конгрессмен Дэниел Моррелл, сталепромышленник из Пенсильвании; Смит Хоманс-мл., редактор «Бэнкэрс мэгэзин»; влиятельный конгрессмен от Пенсильвании Уильям Келли, которому за верное служение интересам стальной промышленности дали гордое прозвище «старый чугун» [Old Pig Iron]. Кружок Кэри был

¹³³ В 1820 г. лидером протекционистов в Конгрессе был Генри Болдуин, ведущий фабрикант стали из Питтсбурга (Rothbard, *Panic of 1819*, pp. 164 ff.).

очень влиятелен в Американской лиге промышленников, которая распространяла учение Кэри о высоких тарифах и дешевых деньгах. Если не прямыми последователями Кэри, то его союзниками в Конгрессе были фабриканты стали Тадеуш Стивенс из Пенсильвании и Джон Грисуолд из Нью-Йорка.

Гринбеки в качестве денег нравились также многим производителям, желавшим иметь дешевый кредит, валютным спекулянтам, привыкшим зарабатывать на росте цен на золото, и железным дорогам, которые были обременены огромными долгами перед покупателями их облигаций и понимали, что инфляция им выгодна – обесценение доллара обогащает должников за счет кредиторов. Среди влиятельных учеников Кэри был, например, пенсильванец Томас Скотт, ведущий предприниматель Техаса, Пенсильвании и сети тихоокеанских железных дорог¹³⁴.

Одним из самых красноречивых адвокатов сохранения инфляции гринбеков в послевоенную эпоху был спекулянт ценными бумагами с Уолл-стрит Ричард Шелл. В 1874 г. Шелл стал членом Конгресса, где предложил скандальную схему в духе Кейнса, который спустя много лет обронил замечание, что важно только одно – тратить деньги, и совсем не важно, на что именно – на строительство пирамид или рытье канав¹³⁵. Шелл

¹³⁴ О кружке Кэри и его влиянии см.: Irwin Unger, *The Greenback Era: A Social and Political History of American Finance, 1865–1879* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1964), pp. 53–59; Joseph Dorfman, *The Economic Mind in American Civilization*, vol. 3, 1864–1918 (New York: Viking Press, 1949), pp. 7–8. Дорфман замечает, что конгрессмен Келли посвятил изданный им сборник выступлений, писем и обращений по вопросам промышленности и финансов «Прекрасному знатоку экономики, глубокому мыслителю и внимательному наблюдателю общественных явлений, моему многоуважаемому другу и учителю Генри С. Кэри» (*ibid.*, p. 8). О связи между высокими тарифами для пенсильванских сталепромышленников и гринбеками см.: Sharkey, *Money, Class, and Party*, chap. 4.

¹³⁵ Кейнс написал: «“Рытье ям в земле”, оплачиваемое за счет сбережений, увеличит не только занятость, но и реальный национальный дивиденд, состоящий из полезных товаров и услуг» (Джон Мей-

всерьез призывал федеральное правительство прорыть канал от Нью-Йорка до Сан-Франциско и оплатить строительство исключительно эмиссией гринбеков. В этом энтузиазме с Шеллом, видимо, мог сравниться только знаменитый спекулянт железнодорожными акциями и экономический авантюрист Джордж Фрэнсис Трейн, который постоянно призывал к неограниченной эмиссии гринбеков. В 1867 г. Трейн громко и гласно вещал:

Дайте нам гринбеки, говорим мы, и стройте города, выращивайте зерно, открывайте угольные шахты, управляйте железными дорогами, спускайте на воду корабли, растите хлопок, стройте заводы, открывайте золотые и серебряные копи, возводите прокатные станы... Преисполнитесь моей решимости, и в небе засияет солнце¹³⁶.

Паника 1873 г. сильно ударила по железнодорожным компаниям, вложившим чрезмерные средства в строительство, и именно они призвали эмитировать побольше долларов, чтобы переломить ситуацию. Томас Скотт, Коллис Хантингтон, президент «Сентрал пасифик рейлроуд» Рассел Сэйдж и другие деятели совместно потребовали эмитировать доллары. Влияние их было настолько велико, что в апреле 1874 г. «Луисвилль курьер-джорнэл» заявил: «На деньги железных дорог в Вашингтоне развернулась сильнейшая агитация... Магистральные железные дороги – самые яростные инфляционисты»¹³⁷.

После Гражданской войны проблема гринбеков была сильно осложнена нависавшим над страной огромным государственным долгом. Федеральный долг, который в 1860 г. составлял только 64,7 млн долл., к 1866 г. вырос до 2,32 млрд долл. Многие бывшие джэксонианцы, ведомые сенатором из Огайо Джорджем Пендлтоном, начали агитацию за продолжение эмиссии гринбеков *исключительно* ради погашения федерального долга, облигации которого расходились в военные годы

нард Кейнс, *Общая теория занятости, процента и денег*, М.: Гелиос-АРВ, 1999, с. 206–207. О строительстве пирамид см.: там же, с. 129, 206).

¹³⁶ Unger, *Greenback Era*, p. 46.

¹³⁷ *Ibid.*, p. 222.

за те самые гринбеки¹³⁸. В некотором смысле сторонники твердых денег и враги инфляции и государственного долга запугались. В определенной степени сторонниками Пендлтона двигало чувство поэтической справедливости – выплатить обесценившиеся долги обесценившимися деньгами, но при этом теряли из виду более широкие цели возврата к золотомонетному обращению¹³⁹. Их программа вносит сумятицу в картину партийной борьбы после завершения Гражданской войны, но в конечном итоге можно с уверенностью сказать, что среди конгрессменов-демократов было относительно больше сторонников твердых денег, чем среди республиканцев. Так, в марте 1866 г. «законопроект о государственном долге», внесенный министром финансов Хью Маккуллохом, прошел в палате представителей 56 голосами республиканцев (против 52) и 27 голосами демократов (против 1). А в апреле 1874 г. «законопроект об инфляции», на который позднее наложил вето президент Грант, предусматривавший дальнейшую эмиссию гринбеков и банкнот национальной банковской системы, прошел в конгрессе большинством голосов республиканцев (105 «за», 64 «против») и меньшинством демократов (35 «за» и 37 «против»)¹⁴⁰.

Между тем, несмотря на повторные резолюции 1865 и 1869 г. о необходимости восстановить обращение металлических денег, республиканское большинство ничего не делало для достижения этой цели. План Пендлтона был одобрен демократами в программе партии в 1868 г., и победа в том же году республиканцев на президентских выборах была воспринята,

¹³⁸ Условием федеральных займов было погашение *процентов* по долгу золотом, но формы погашения основной суммы долга правительство не определило.

¹³⁹ Аналогичным образом объясняли свои мотивы сторонники звонкой монеты и антифедералисты в 1780-х гг., когда они требовали от штатов эмиссии бумажных денег *только* ради того, чтобы эти деньги погасить государственный долг военного времени.

¹⁴⁰ О законопроекте о государственном долге см.: Sharkley, *Money, Class, and Party*, p. 75; о законопроекте об инфляции см.: Unger, *Greenback Era*, p. 410.

вообще говоря, как окончательное поражение этой идеи. Однако сокрушительная победа демократов на выборах в Конгресс в 1874 г. побудила республиканцев занять единую позицию по вопросам кредитно-денежной политики, и по призыву своего лидера, сенатора Джона Шермана, они приняли в январе 1875 г. Закон о возобновлении размена на золото.

Хотя с принятием этого закона золото и серебро и в самом деле вернулись в обращение, современники не считали это победой принципа твердых денег. Шерман изобрел компромисс между сторонниками твердой валюты и инфляционистами. Верно то, что правительство США в плане подготовки к 1 января 1879 г., когда металлические деньги должны были вернуться на рынок, должно было выпустить заем для покупки золота. Но до этого события было еще четыре года, а Конгресс за это время несколько раз пытался отыграть назад. Между тем сторонников бумажных денег в высшей степени устраивал тот факт, что закон, провозглашая «свободу» банковского дела, немедленно снимал ограничение в 300 млн долл. на выпуск банкнот национальной банковской системы. Сторонники твердых денег смогли добиться лишь решения о 80%-ном пропорциональном сокращении гринбеков, чтобы частично компенсировать расширение эмиссии банкнот национальной банковской системы¹⁴¹. Большинство среди противников Закона о возобновлении оборота звонкой монеты составляли конгрессмены – сторонники твердых денег, указывавшие на двойственность закона и на то, что выведенные из оборота гринбеки могут быть опять запущены в оборот.

О том, что республиканцы в целом не были в восторге от возвращения в оборот металлических денег, свидетельствует реакция администрации Гранта на решение Верховного суда в первом процессе против гринбеков как узаконенного платежного средства. После окончания войны в судах появились иски

¹⁴¹ Это компромиссное истолкование закона о возобновлении размена на золото представляет собой пересмотр прежней точки зрения сторонников твердых денег. См.: Unger, *Greenback Era*, pp. 249–263.

к действовавшей кредитно-денежной системе и, как мы видели, суды Калифорнии и Орегона признали непогашаемые бумажные деньги неконституционными. Но в большинстве штатов до 1870 г. все судьи-республиканцы, кроме одного, считали их не противоречащими конституции, тогда как все судьи-демократы, за исключением двух, объявляли их несовместимым с конституцией¹⁴².

Вопрос о гринбеках дошел до Верховного суда США в 1867 г., а решение было принято в феврале 1870 г. в деле *Хенберн против Грисуолда*. Решение было принято 5 голосами против 3, причем «за» были все судьи-демократы, а «против» – все судьи-республиканцы. Председатель Верховного суда Салмон Чейз, огласивший решение, которое осудило его собственные действия в качестве министра финансов как неоправданные и неконституционные, вернулся в демократическую партию и даже пытался стать кандидатом на пост президента от демократической партии на съезде 1868 г.

Администрацию Гранта неприятно поразило решение суда по делу *Хенберн против Грисуолда*, а железнодорожные компании были просто обескуражены, потому что теперь им предстояло погашать свои огромные долги более дорогим золотом. Но тут открылись две вакансии в Верховном суде, в том числе из-за выхода в отставку одного из судей-демократов. Грант назначил не просто двух судей-республиканцев, а бывших юристов железнодорожных компаний, взгляды которых по этому вопросу были хорошо известны¹⁴³. Новое большинство

¹⁴² Charles Fairman, "Mr. Justice Bradley's Appointment to the Supreme Court and the Legal Tender Cases," *Harvard Law Review* (May 1941): 1131; цит по: Unger, *Greenback Era*, p. 174.

¹⁴³ Одним из этих двух новых судей был Уильям Стронг из Пенсильвании, являвшийся прежде главным юрисконсультom железнодорожной компании «Филадельфия и Рединг», а также директором железной дороги «Лебзонн велли рейлроуд». Другой, Джозеф Бредли, был директором железных дорог штата Нью-Джерси «Кэмден энд Эмбой» и «Моррис энд Эссекс». О связях Стронга и Бредли с железными дорогами см.: Philip H. Burch, Jr., *Elites in American History*, vol. 2, *The Civil War to New Deal* (New York: Holmes and Meier, 1981), pp. 44–

5 против 4 быстро и с сознанием долга все переиграло, и в мае 1871 г. в процессе *Нокс против Ли* приняло роковое решение, в соответствии с которым бумажные деньги должны были считаться соответствующими конституции США.

После Гражданской войны национальная банковская система чувствовала себя очень недурно. Росло число банков, увеличивался объем банкнот и депозитов в обращении, а с 1870 г. процветание коснулось и банков штатов, привлекавших большое число вкладов. Имея меньшее число ограничений и не столь высокие требования к коэффициенту покрытия и капиталу, как национальные банки, они могли более свободно громоздить пирамиду кредитов. Число национальных банков увеличилось с 1294 в 1865 г. до 1968 в 1873 г., тогда как число банков штатов за тот же период выросло с 349 до 1330. Объем выпущенных в обращение банками штатов и национальными банками депозитов и банкнот увеличился с 835 млн долл. в 1865 г. до 1,964 млрд долл. в 1873 г., т.е. на 135,2%, или на 16,9% в год. В следующем году объем банковских денег сократился, потому что из-за банковской паники 1873 г. многие банки ушли из бизнеса.

Можно согласиться с Клейном в его общей оценке национальной банковской системы:

Финансовые паники 1873, 1884, 1893 и 1907 г. в значительной степени представляли собой следствие... расширения резервной базы и кредита банками резервных городов и центральных резервных городов. Паника начиналась с оттока денег в период относительного процветания, когда банки уже навывдавали кредитов под завязку¹⁴⁴.

При этом следует отметить, что общий объем денежной массы и даже объем банковских денег после паники не снижался, а просто переставал расти.

---

45. О реакции администрации Гранта см.: Unger, *History of Currency*, pp. 254–64; and *Government's Money Monopoly*, Henry Mak Holzer, ed. (New York: Books in Focus, 1981), pp. 99–168.

¹⁴⁴ Klein, *Money and the Economy*, pp. 145–146.

Ортодоксальные историки экономики привыкли говорить о «великой депрессии», предположительно поразившей Соединенные Штаты после паники 1873 г. и продлившейся целых шесть лет, до 1879 г. Как на причину стагнации указывают на сокращение денежной массы, что стало причиной восстановления оборота золота и серебра в 1879 г. Но что же это за «депрессия», в ходе которой происходил мощный подъем промышленности, железнодорожного строительства, объема производства, валового национального продукта и реального дохода на душу населения? Как признают Шварц и Фридмен, в период с 1869 по 1879 г. имел место рост валового продукта страны в текущих ценах на 3% в год, в неизменных ценах – на 6,8% в год, а валовой продукт в неизменных ценах на душу населения увеличивался на 4,5%(!) в год. Даже «сжатия денежной массы», о котором там много говорилось, на самом деле не было – в это десятилетие объем денежной массы увеличивался ежегодно на 2,7%. С 1873 по 1878 г., еще до наступления очередного периода лихорадочного роста кредита, совокупный объем банковских денег увеличился с 1,964 млрд до 2,221 млрд долл., т.е. на 13,1%, или на 2,6% в год. Короче говоря, никакого не *сжатия*, а совершенно явный, хотя и умеренный, рост.

Отсюда ясно, что «великая депрессия» 1870-х гг. – просто миф, порожденный тем фактом, что на протяжении всего десятилетия имело место значительное падение цен. На самом деле они падали с конца Гражданской войны до 1879 г. По оценкам Фридмена и Шварц, в период с 1869 по 1879 г. общий уровень цен ежегодно снижался на 3,8%. К сожалению, большинство историков и экономистов склонны полагать, что устойчивое падение цен неизбежно *должно* привести к депрессии, поэтому очевидное процветание и экономический рост в этот период приводят их в изумление. Они не учитывают того, что в соответствии с природой вещей если правительство и банки не увеличивают денежную массу слишком быстро, то в условиях капитализма свободного рынка увеличение объемов производства и темпы экономического роста могут превысить темпы роста денежной массы. Цены упадут, но следствием этого будет не депрессия или стагнация, а процветание (из-

держки ведь тоже сокращаются), экономический рост и всеобщее повышение уровня жизни¹⁴⁵.

Недавние исследования показали, что аналогичная «великая депрессия» в Англии в тот же период также является мифом – из факта падения цен был сделан неправомерный вывод о снижении деловой активности¹⁴⁶.

Вполне вероятно, что главным результатом паники 1873 г. было не начало великой депрессии, а всего лишь разорение чрезмерно увлекшихся кредитованием банков и железнодорожных компаний, залезших в огромные долги на волне правительственных субсидий и банковских спекуляций. В частности, можно вспомнить Джея Кука, одного из создателей национальной банковской системы и рыцаря государственного долга. В 1866 г. он выступал за ограничение объема гринбеков и скорейшее возобновление золотого обращения, потому что опасался, что инфляция совсем обесценит правительственные облигации. Но в конце 1860-х гг. его компания всячески расширяла деятельность и, в частности, взяла под контроль новую железную дорогу «Нозерн пасифик». В 1860-х гг. эта железная дорога была одним из главных объектов федеральной благотворительности – ей отвели не менее 47 млн акров земли.

Кук продавал облигации железной дороги «Нозерн пасифик» в том же стиле, который он выработал при продаже государственных облигаций: нанял журналистов, чтобы те расписали приблизительно средиземноморский климат американского северо-запада. Многие влиятельные правительственные чиновники и политики были на жалованье в этой компании, в том числе личный секретарь президента Гранта, генерал Хорас Портер.

¹⁴⁵ Об ошеломленности Фридмана и Шварц см.: Milton Friedman and Anna Jacobson Schwartz, *A Monetary History of the United States, 1867–1960* (New York: National Bureau of Economic Research, 1963), pp. 34–44. О динамике объема банковских денег см.: *Historical Statistics*, pp. 624–625.

¹⁴⁶ S.B. Saul, *The Myth of the Great Depression, 1873–1896* (London: Macmillan, 1969).

В 1869 г. Кук сформулировал свою философию денег и кредита в связи с интересами своей разросшейся компании:

Почему должна чахнуть и прозябать эта громадная и славная страна – ее деятельность заморожена и ее кровь стынет в жилах из-за каких-то жалких теорий «твердых монет» – заплесневелых теорий прошлых эпох. Люди, требующие преждевременного возобновления размена бумажных денег на золото, ничего не знают о великих возможностях роста на западе, который мог бы развиваться вдвое быстрее, если бы его не парализовывало отсутствие средств на строительство железных дорог, улучшение ферм и доставку продукции на рынок.

Но в 1873 г. возмездие поэтической справедливости настигло Джея Кука. Обремененная долгами «Нозерн пасифик» рухнула, а его операции с правительственными облигациями начали приносить убытки. Так что могущественный инвестиционно-финансовый дом Кука, «зачахнув» под прессом рыночной экономики, обанкротился, не выдержав финансовой паники 1873 г.¹⁴⁷

После принятия в 1875 г. закона о возобновлении размена на звонкую монету, республиканцы в 1879 г., через 14 лет после окончания Гражданской войны, были вынуждены восстановить оборот металлических денег. В конце 1870-х гг. не было сжатия массы денег, потому что республиканцам не хватило на это политической воли. Золото сумели вернуть в оборот только благодаря тому, что министр финансов Шерман распространил в Европе облигации золотого займа.

Возвращение к золотому стандарту в 1879 г. было почти сорвано из-за развернувшегося в 1876 г. и охватившего всю страну, а в особенности западные штаты, массового движения за свободную чеканку серебра. По установленной законом цене серебра оно было недооценено по отношению к золоту начиная с 1834 г., а уже к 1853 г. величина этого отставания от мировой цены была настолько велика, что даже мелкие разменные серебряные монеты вымыло из страны. Несмотря на то, что с 1853 г. в Соединенных Штатах официально действовал

¹⁴⁷ Unger, *Greenback Era*, pp. 47, 221.

биметаллический стандарт по курсу 16 к 1, и серебряный доллар был узаконенным платежным средством, хотя и не сохранившимся на территории страны, фактически в стране установился золотой стандарт, а в качестве разменной монеты служили легковесные серебряные монеты.

В 1872 г. немногим знающим людям в министерстве финансов США стало ясно, что хотя с начала 1860-х гг. относительная цена серебра держалась на уровне 15,5 к 1, но в ближайшем будущем ему грозило сильное обесценение. Главной причиной был ожидавшийся переход европейских государств от серебряного стандарта к золотому, что сулило сильное понижение спроса на серебро. Дополнительной причиной было открытие месторождений серебра в Неваде и других западных штатах. Действуя быстро и напористо, чиновники министерства финансов при поддержке сенатора Шермана провели через Конгресс внешне невинный закон, который останавливал чеканку серебряных долларов. Затем последовал закон от 4 июня 1874 г., который завершил демонетизацию серебра и оставил статус узаконенного платежного средства только для серебряных монет номиналом менее 5 долл. Время было выбрано очень удачно, потому что уже в 1874 г. рыночная цена серебра по отношению к золоту упала ниже уровня 16 к 1. Падение курса серебра продолжалось и в последующие годы: 18 к 1 в 1876 г., более 18 к 1 в 1879 г. и 32 к 1 в 1894 г.

Короче говоря, после 1874 г. цена серебра в монетах была уже сильно завышена по отношению к установленному законом соотношению с золотом 16 к 1, и чем дальше, тем сильнее. Если бы не законы 1873 и 1874 г., которые сторонники серебряного обращения заклеямили как «преступление 1873 г.», серебро хлынуло бы в Соединенные Штаты и вытеснило все золото, так что страна осталась бы де-факто с серебряным стандартом. Сторонники гринбеков и инфляции увидели способ, введя «твердые деньги», значительно увеличить объем денежных знаков в обращении: путем ремонетизации потока нового переоцененного серебра. Главным пунктом их агитации было возвращение серебру статуса денежного металла посредством «свободной и неограниченной чеканки по курсу 16 к 1».

Следует признать, что повод у сторонников серебра был. Демонетизация серебра была «преступлением» в том смысле, что ее провели жульнически, с помощью хитрости те, кто знал, что нужно действовать быстро, пока серебро не вытеснило золото из страны. Выбор в пользу золота был очень основателен и оправдан, особенно в период быстрого обесценения серебра, но все следовало сделать честно и открыто. Отчасти в нечистоплотности того, как была проведена демонетизация, и заключалось «преступление против серебра», и именно этим объясняется напор агитации в пользу серебра, которая не стихала до конца столетия¹⁴⁸.

В конечном итоге администрация смогла обеспечить возобновление платежей золотом, но лишь ценой согласия на закон Бленда–Эллисона от 1878 г., в соответствии с которым министерство финансов ежемесячно должно было покупать серебра на сумму от 2 до 4 млн долл.

Следует отметить, что этот первый раунд агитации в пользу серебра в конце 1870-х гг. нельзя рассматривать ни как движение «аграриев», ни как требование главным образом южных или западных штатов. Агитация за серебро велась по всей стране, исключая только штаты Новой Англии, и была преимущественно городским движением. Как отмечает Вайнштейн:

[Движение за монетизацию] серебра началось не как аграрное, а как чисто городское. Впервые оно набрало силу в крупных городах Среднего Запада и в средних штатах Восточного побережья, а вовсе не в малых городах и не в селах. Первые лидеры движения за возврат к биметаллизму представляли собой странную смесь из редакторов газет, выступавших за твердые деньги, коммерсантов, реформаторов из числа университетских профессоров, банкиров и представителей торговых кругов¹⁴⁹.

¹⁴⁸ Лучшее рассмотрение преступления против серебра см.: Allen Weinstein, *Prelude to Populism: Origins of the Silver Issue, 1867–1878* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1970), pp. 8–32. См. также: Paul M. O’Leary, “The Scene if the Crime of 1873 Revisited: A Note,” *Journal of Political Economy* 68 (1960): 388–392.

¹⁴⁹ Weinstein, *Prelude to Populism*, p. 356.

Эпоха золотого стандарта в рамках национальной банковской системы, 1879–1913 гг.

Период 1879–1896 гг. по своим экономическим характеристикам был очень сходен с первым этапом «великой депрессии» 1873–1879 гг. Все это время наблюдался феноменальный подъем американской промышленности. В 1880-е гг. объем производства в неизменных ценах на душу населения увеличивался с небывалым для американской истории темпом – на 3,8% в год. Рост национального дохода в 1879–1897 гг. составил 3,7% в год, а в расчете на душу населения – 1,5% в год.

И в этом случае ортодоксальные историки экономики поставлены в тупик, потому что, по их мнению, снижение цен на 1% в год на протяжении этого периода должно было сопровождаться глубокой депрессией. Как и в предыдущий период «депрессии», денежная масса росла, но не с такой скоростью, чтобы сохранить неизменным уровень цен при огромном росте производительности труда и объема производства. Главное отличие периода 1879–1897 гг. в том, что объем денежной массы возрастал на 6% в год, тогда как в предыдущий период – на 2,7%. Поэтому и цены падали на 1% в год, а не на 3,8%. Совокупный объем банковских денег, банкнот и депозитов вырос за этот период с 2,45 млрд до 6,06 млрд долл., т.е. на 10,45% в год – достаточно для любого, кроме самых отъявленных инфляционистов¹⁵⁰.

Для тех, кто склонен считать, что золотой стандарт непременно сопряжен с дефляцией, полезно обратить внимание на то, что при господстве золотого стандарта уровень дефляции был куда ниже, чем в 1873–1879 гг., когда в США существовал стандарт, основанный на неразменных гринбеках.

После успешного возвращения золота в обращение в 1879 г. курс гринбеков сравнялся с золотом и подорожавшие гринбеки вернули доверие к обеспеченному золотом доллару. Готов-

¹⁵⁰ Friedman and Schwartz, *Monetary History*, pp. 91–93; *Historical Statistics*, p. 625.

ность иностранцев принимать доллары означала приток золота в страну и рост американского экспорта. Некоторые историки объясняют бум 1879–1882 гг., сменившийся в последующие годы финансовым кризисом, притоком золотых монет в страну, который вырос со 110,5 млн долл. в 1879 г. до 353,8 млн долл. в 1882 г.¹⁵¹ До известной степени это верно, но бум не мог бы принять таких масштабов, если бы не ретивость национальной банковской системы, нарастившей объем депозитов с 2,149 млрд долл. в 1879 г. до 2,777 млрд долл. в 1882 г., т.е. на 29,2%, или на 9,7% в год. Индекс оптовых цен поднялся с 90 в 1879 г. до 108 тремя годами спустя, т.е. на 22,5 процентных пункта, и только после возобновилась долговременная тенденция падения цен.

Финансовая паника 1884 г., наступившая в ходе проведенного в 1882 г. небольшого сжатия кредита, привела к снижению массы банковских денег. Сумма банкнот и депозитов слегка уменьшилась – с 3,19 млрд долл. в 1883 г. до 3,15 млрд долл. Паника была спровоцирована оттоком золота за границу, а причиной этого было возникшее у иностранцев сомнение в готовности правительства США сохранить золотой стандарт. Причиной утраты доверия была подачка сторонникам серебра в виде принятия в 1878 г. закона Бленда–Эллисона о государственных закупках серебра. Когда в балансовых отчетах министерства финансов проявился дрейф от золота к серебру, в зарубежных финансовых кругах возникло вполне объяснимое беспокойство¹⁵².

Прежде чем перейти к анализу критически важного десятилетия 1890-х гг., стоит подвести детальный итог периода 1879–1889 гг., первого десятилетия после возвращения к золотому стандарту.

Америка вышла из золотого стандарта в 1861 г. и не вернулась к нему с окончанием Гражданской войны. Потом были долгие споры между сторонниками твердых денег, желавшими

¹⁵¹ Friedman and Schwartz, *Monetary History*, pp. 98–99.

¹⁵² Rendigs Fels, *American Business Cycle, 1865–1897* (Chapel-Hill: University of North Carolina Press, 1959), pp. 130–131.

избавиться от необеспеченных золотом гринбеков, и сторонниками мягких денег, мечтавшими о дальнейшей эмиссии, длившиеся до 1875 г., когда администрация Гранта приняла решение восстановить размен бумажных долларов на золото по довоенному курсу в первый день 1879 г. В то время, в 1875 г., курс гринбеков был примерно на 17% ниже золотого довоенного доллара. Откровенная дефляция бумажных денег в сочетании с ростом золотых резервов министерства финансов создали условия для возобновления золотого обращения четыре года спустя, а это в свою очередь заложило основу для беспрецедентного экономического роста.

В то время экономическая статистика сильно уступала современной, но у нас тем не менее есть возможность воссоздать экономическую картину тех дней. «Энциклопедия американской экономической истории» называет рассматриваемый период «временем самого быстрого роста в американской истории. Инвестиции в производственный капитал были велики; ...безработица была незначительна, а производственные издержки в неизменных ценах быстро снижались».

Цены, заработная плата и реальная заработная плата

Наиболее отчетливо это видно при сравнении цен и заработной платы за десятилетие до и после восстановления режима конвертации в золото. Если цены падали на протяжении 1870–1880-х гг., заработная плата уменьшалась только в период обращения гринбеков и росла с 1879 по 1889 г.

Цифры поразительно красноречивы. За последнее десятилетие существования гринбеков цены потребительских товаров и средняя заработная плата сократились примерно на 30%. Но в 1879–1889 гг. цены продолжали снижаться, а вот заработная плата выросла на 23%. А если учесть инфляцию (либо ее отсутствие), то получится, что реальная заработная плата росла с поразительной скоростью.

Ни до, ни после ни одно десятилетие не видело такого роста заработной платы. Единственными возможными исключения-

Индекс оптовых цен (1910–1914 = 100)			
Год	Индекс	Изменение, в %	
1869	151	–	
1879	90	- 40,4	
1889	81	- 10,0	

Индекс потребительских цен			
Год	Индекс	Изменение, в %	
1869	138	–	
1879	97	- 28,8	
1889	93	- 4,2	

Заработная плата (1900 – 1914 = 100)			
Год	Городские работники	Сельские работники	Всего
1869	77	96	87
1879	61	61	61
1889	72	78	75

ми являются периоды 1909–1919 гг. (индекс вырос с 99 до 140) и 1929–1939 гг. (рост с 134 до 194). Но в первом случае реальная заработная плата уже в 1920 г. рухнула до уровня 129 и вышла на уровень 1919 г. только в 1934 г. А в 1930-е гг. заработная плата и в самом деле быстро росла, но только для тех, кому посчастливилось иметь работу.

В любом случае контраст поразителен. И хотя рост реальной заработной платы определяется множеством причин, есть три условия, которые непременно должны соблюдаться. Прежде всего отсутствие постоянной инфляции. И если это условие соблюдено, мы получаем рост сбережений и капиталообразования.

Никто не станет сберегать, предполагая, что в будущем покупательная способность денег уменьшится. Наконец, важны технологические изменения. В 1970-х гг. этот третий фактор присутствовал, но отсутствие двух первых имело следствием падение реальной заработной платы.

Процентные ставки

Сидней Хоумер пишет в своем монументальном труде «История процентных ставок с 2000 г. до н.э. до нашего времени», что «в последние два десятилетия XIX в. (1880–1900) доходность долгосрочных облигаций в США почти непрерывно снижалась. Страна вступила в первый период низкого процента по долгосрочным кредитам», в конце концов упавшего до 3–3,5%, величины, характерной для Голландии в XVII в. и для Британии в XVIII–XIX вв., когда эти страны были экономическими гигантами своего времени.

Чтобы оценить величину долгосрочного процента того времени, лучше не использовать ставку по долгосрочным казначейским облигациям, которые мы взяли бы для оценки ситуации на сегодняшнем рынке. В соответствии с законами о национальной банковской системе 1863–1864 гг., облигации выступали обеспечением банкнот. Это повысило спрос на них до такой степени, что, как говорит Хоумер, «к середине 1870-х гг. цены на государственные облигации поднялись настолько, что доход по ним стал намного меньше приемлемых ставок по долгосрочным кредитам». Но можно обратиться к данным о доходности облигаций американских железнодорожных компаний, которые сохранились в министерстве торговли. Мы возьмем данные за 1878 г. – за год до восстановления конвертации в золото, за 1879 г. и за 1889 г.

Доходность облигаций
железнодорожных компаний

1878 г.	6,45%
1879 г.	5,98%
1889 г.	4,43%

Необходимо подчеркнуть, что для десятилетия, когда индекс потребительских цен упал на 7%, реальная ставка процента на конец периода должна измеряться двузначным числом (золотое дно для тех, кто делает сбережения и дает в долг).

Процент по краткосрочным кредитам в то время был намного более изменчивым, чем долгосрочный процент. Но да-

же здесь, если посчитать среднюю ставку за десятилетие по трех-шестимесячным векселям и (однодневным) кредитам до востребования, мы увидим, что ставка процента за 1880-е гг. снизилась:

	Векселя	Кредиты до востребования
1870—1879 гг.	6,46%	5,73%
1880—1889 гг.	5,14%	3,98%

Взрывной рост производительности труда

По некоторым показателям 1880-е гг. были самым продуктивным десятилетием нашей истории. В монографии «История денежного обращения и кредита в США, 1867—1960» профессора Фридмен и Шварц цитируют высказывание Р. У. Голдсмита на эту тему:

Высший показатель роста за десять лет [воспроизводимого материального богатства на душу населения за период с 1805 по 1950 г.] был, вне всякого сомнения, достигнут в 1880-е гг. и составил 3,8% в год.

Статистика дает этому красноречивое подтверждение.

Валовой национальный продукт (в ценах 1958 г.)		
В среднем за десятилетие	Всего, млрд долл.	На душу населения, долл.
1869—1878 гг.	23,1	531
1879—1888 гг.	42,4	774
1889—1898 гг.	49,1	795

И не забывайте, что этот измеренный в долларах рост производства происходил в условиях падения общего уровня цен.

Среднегодовое значение валового внутреннего продукта, в ценах 1929 г.

1869—1878 гг.	11,6 млрд долл.
1879—1888 гг.	21,2 млрд долл.

За десять лет валовой внутренний продукт почти удвоился, это рекордный прирост.

Производительность труда:
объем промышленного производства
в расчете на человеко-час рабочего времени
(1958 г. = 100)

1869 г.	14,7
1879 г.	16,2
1889 г.	20,5

Рост на 26,5% за десятилетие – это один из лучших результатов за всю нашу историю. А рост производительности труда отражает прирост производственных инвестиций.

Прирост основного капитала

В период с 1869 по 1879 г. число компаний увеличивалось незначительно, но в следующее десятилетие мы получили рост числа фирм на 39,4%. Неудивительно также, что за это десятилетие снижающихся цен, растущих реальных доходов и высокого процента были сделаны громадные производственные инвестиции, заложившие основу для повышения производительности труда.

Инвестиции в производственное строительство
и покупку оборудования, млрд долл., в ценах 1958 г.

1879 г.	0,4
1880 г.	0,4
1890 г.	2,0

С тех пор страна больше не знала прироста капиталовложений за десять лет на 500%. Этот рост особенно поражает на фоне фактической стагнации инвестиций в 1870-е гг.

Средний за пятилетние периоды прирост основного капитала в
государственном и частном секторе, млрд долл., в ценах 1929 г.

1872–1876 гг.	2,6	1882–1886 гг.	4,5
1877–1881 гг.	3,7	1887–1891 гг.	5,9

Эти средние показатели за пять лет не столь однозначны, как некоторые другие, но и они показывают, что в 1880–1890-х гг. совокупный основной капитал приблизительно удвоился.

Стало своего рода штампом, что последние годы XIX в., «золотая эпоха золотого стандарта» в США, были особенно трудны для фермеров. Но факты говорят об обратном. Хотя в 1880-е гг. промышленное производство росло быстрее, чем сельскохозяйственное («Перепись 1890 г., – сообщает Фридмен и Шварц, – показала, что впервые чистый прирост промышленного производства превысил чистый прирост сельскохозяйственной продукции»), но и для фермеров это было очень удачное десятилетие.

Число ферм, тыс.		Площадь обрабатываемых земель, млн акров	
1880 г.	4009	1880 г.	536 182
1890 г.	4565	1890 г.	623 219
Производительность труда (численность населения на одного сельскохозяйственного рабочего)		Валовой объем сельскохозяйственного производства, млн долл., в ценах 1910–1914 гг.)	
1880 г.	5,1	1880 г.	4129
1890 г.	5,6	1890 г.	4990

Итак, в 1880-х гг. улучшались все показатели – число ферм, площадь обрабатываемых земель, объем сельскохозяйственного производства, и все это на фоне ощутимого падения цен. В этот период увеличивалась даже номинальная заработная плата сельскохозяйственных рабочих.

Заработная плата сельскохозяйственного работника (за месяц, с предоставлением жилья и еды, в текущих ценах, долл.)

1880 г.	11,50
1890 г.	13,50

Этот феноменальный экономический рост нельзя объяснить только восстановлением золотого стандарта. В стране не существовало по-настоящему свободно-рыночной кредитно-денежной системы. Принятый в 1863–1864 гг. закон о национальной банковской системе способствовал ее картелированию.

Только определенные банки имели право на эмиссию денег, а все остальные должны были держать в них счета. Характерные для конца XIX в. финансовые паники были результатом произвольности кредитно-денежной политики банковской системы. Это имело менее разрушительные последствия, чем сегодняшние инфляционные механизмы, но для тогдашнего довольно здорового и умеренного экономического климата это были настоящие бури.

После десятилетнего перерыва роковое десятилетие 1890-х гг. стало временем возобновления движения за монетизацию серебра. Республиканская партия усилила привычный для нее инфляционный крен – в 1890 г. был принят Закон Шермана о государственных закупках серебра, который приблизительно удвоил закупки серебра министерством финансов. Теперь оно ежемесячно приобретало 4,5 млн унций серебра. Кроме того, эти закупки оплачивались новыми эмиссиями погашаемых гринбеков, казначейских билетов образца 1890 г., имевших полный статус узаконенного платежного средства, размениваемого на золото или серебро по усмотрению министерства финансов. Это был значительный шаг на пути к биметаллизму, который при низких рыночных ценах на серебро мог привести к инфляционному серебряному стандарту. В том же 1890 г. республиканцы провели закон Мак-Кинли о таможенном тарифе, который подтвердил их приверженность высоким таможенным пошлинам и мягким деньгам.

В том же году тревожную склонность к инфляции продемонстрировало нью-йоркское управление министерства финансов, изменившее свою традиционную политику урегулирования клиринговых расчетов на базе золотых монет. С августа 1890 г. оно стало использовать старые гринбеки и новые казначейские билеты образца 1890 г. В результате таможенные сборы в Нью-Йорке стали оплачиваться преимущественно их

бумажными деньгами, а не золотом¹⁵³.

Тревога за судьбу золотого стандарта и не утихавшая пропаганда идеи свободной чеканки серебра вызвали у иностранцев недоверие, которое сказалось в уменьшении импорта капитала и оттоке золота из страны. Утрата доверия обернулась замедлением экономического роста в начале 1890-х гг.

Опасения за будущее золотого стандарта усилились в марте 1891 г., когда министерство финансов неожиданно ввело запретительные пошлины на экспорт золотых слитков из резерва, так что предметом экспорта стали исключительно золотые монеты. Финансовое сообщество в США и за рубежом пришло просто в ужас, когда сенат США в июле 1892 г. принял законопроект о свободной чеканке серебра. И хотя эта инициатива законодателей последствий не возымела, доверие к прочности американского золотого стандарта не восстановилось. В банковских договорах о ссудах появились пункты о погашении долга исключительно золотыми монетами. Было понятно, что доллару больше не верят. В 1892 г. экспорт золота усилился, а государственные золотые резервы уменьшились, что спровоцировало повышение спроса на покупку казначейского золота. В феврале 1893 г. министерство финансов убедило нью-йоркские банки, изъявшие из Казначейства 6 млн долл. золотом, предъявив для погашения казначейские билеты, вернуть золото и удовлетвориться бумажными деньгами. Этот отчаянный шаг вряд ли преследовал цель повысить доверие к бумажному доллару. Восстановив размен на звонкую монету, министерство финансов не позаботилось о том, чтобы сократить количество бумажных денег в обращении, что сделало режим золотого стандарта внутренне шатким, опиравшимся лишь на доверие публики, которое таяло на глазах под давлением агитации в пользу серебра и отчаянных действий министерства финансов.

Несчастный Гровер Кливленд, демократ, сторонник твердых денег, вступил в должность президента в самый разгар кризиса. Спустя два месяца произошел обвал фондового

¹⁵³ Friedman and Schwartz, *Monetary History*, pp. 106, n. 25.

рынка, а еще через месяц, в июне 1893 г., недоверие к банкам, проводящим политику частичного резервирования, спровоцировало массовое изъятие денег из банков, что привело к массовым банкротствам финансовых учреждений. И на этот раз многим банкам штатов и национальным банкам, особенно в южных и западных штатах, было разрешено приостановить режим конвертации в золото. Паника 1893 г. ширилась. Через пару месяцев платежи золотом прекратили нью-йоркские, а потом и другие банки восточного побережья. Совокупный объем денег в стране – золотые монеты, государственные облигации, банкноты национальной банковской системы, чековые депозиты банков штатов и национальных банков – уменьшился за год, с июня 1892 г. по июнь 1893 г., на 6,3%. Приостановка размена на звонкую монету привела к тому, что депозиты, которые теперь нельзя было немедленно обратиться в наличные, уже в августе начали принимать со скидкой от номинала. Пользы от депозитов теперь не было никакой, и публика шла на всякие ухищрения, чтобы обналичить имевшиеся депозиты.

К концу 1893 г., после того как в ноябре администрации Кливленда удалось отменить закон Шермана о государственных закупках серебра, доверие иностранцев восстановилось и финансовый кризис закончился. В 1895 г. размах движения сторонников серебра создал угрозу для государственных золотых запасов, но героические действия министерства финансов, в том числе закупка золота у консорциума банков во главе с Дж. П. Морганом и Августом Белмонтом, восстановили доверие к устойчивости золотого стандарта¹⁵⁴. Победа сторонников серебра на съезде демократической партии в 1896 г. создала дополнительные проблемы для золота, но победа республиканцев, выступивших на этот раз под знаменем золотого обращения, окончательно сняла недоверие к будущему золотого стандарта в США.

¹⁵⁴ О движении сторонников серебра, государственных золотых запасах и панике 1893 г. см.: Friedman and Schwartz, *Monetary History*, pp. 104–33, 705.

1896 г.: трансформация американской партийной системы

Ортодоксальная точка зрения объясняет триумф Уильяма Дженнингса Брайана на съезде демократической партии в 1896 г. и его выдвижение в качестве кандидата в президенты оправданным возмущением «народа», требовавшего расширения и удешевления кредита, чему противились те, кому было выгодно золото. Фридмен и Шварц объясняют рост брайанизма падением цен в последние три десятилетия XIX в., а победу золотого стандарта и исчезновение проблемы «денег» ростом цен после 1896 г.¹⁵⁵

Эти объяснения игнорируют ряд проблем. Прежде всего, если Брайан представлял интересы «народа» против «деловых кругов», почему он потерпел поражение, и не однажды, а трижды? Почему триумф золота случился еще в самый разгар падения цен в 1896 г., задолго до того, как начался рост цен?

Но главный недостаток традиционного анализа – пренебрежение разившейся в последние 15 лет «новой политической историей», объектом которой являются политика и политическая культура Америки XIX в. Исследователи, работающие в этом направлении, сделали немало интересных наблюдений, которые многое объясняют. Новая политическая история началась с выхода за пределы общенациональных политических вопросов (главным образом экономических) и перехода к исследованию борьбы на уровне штатов, округов и муниципалитетов¹⁵⁶. Что-

¹⁵⁵ Ibid., pp. 113–19.

¹⁵⁶ Для новой политической истории второй половины XIX в. классической является работа Пола Клеппнера: Paul Kleppner, *The Cross of Culture: A Social Advance of Midwestern Politics, 1859–1900* (New York: Free Press, 1970). См. также другие работы плодovitого Клеппнера, особенно главное его сочинение: *The Third Electoral System, 1853–1892: Parties, Voters, and Political Cultures* (Chapel-Hill: University of North Carolina Press, 1979). О последних десятилетиях XIX в. см. также: Richard J. Jensen, *The Winning of the Midwest: Social and Political Conflict, 1888–1896* (Chicago: University of Chicago Press, 1971). О Гражданской войне и предшествующем периоде см. работы Роналда Формизано (Ronald Formisano), Джозела Сибли (Joel Sibley) и Уильяма

бы выяснить, как люди голосовали и почему они голосовали именно так, были исследованы результаты голосования в отдельных округах и районах. Школа новой политической истории имеет истинно междисциплинарный характер, применяя как сложные методики анализа выборов, так и весьма нетривиальный подход к религиозно-этнической истории Америки.

Ниже дается обзор результатов исследований партийной структуры Америки в конце XIX в., и в первую очередь преобразований, имевших место в 1896 г.

Начнем с того, что история американских политических партий – это история последовательно сменявших друг друга «партийных систем». Каждая партийная система существовала в течение несколько десятилетий, и каждый раз центральное место в ней занимала какая-то одна партия. Во многих случаях при переходе от одной системы к другой название партии не менялось, но природа ее претерпевала радикальные изменения на так называемых «критических выборах». В XIX в. на смену второй партийной системе (виги против демократов), существовавшей с 1832 по 1854 г., пришла третья система (республиканцы против демократов), просуществовавшая с 1854 по 1896 г.

Характерной особенностью обеих партийных систем была напряженная идеологическая и мировоззренческая борьба между партиями. Особенно серьезные баталии разворачивались при подготовке выборов. Публика очень заинтересованно относилась к выборам, потому что партии предлагали «не эхо, а выбор», так что в выборах участвовало до 80 и даже 90% всех, имевших право голоса. Что еще любопытней, кандидаты вели себя не так, как они ведут себя сегодня. Они не темнили в идеологических вопросах, чтобы привлечь на свою сторону колеблющихся, идеологически индифферентных «независимых» избирателей. В то время таких было очень мало. Следовательно, для победы важно было привлечь людей на выборы, а

Шейда (William Shade). Данные по Восточному побережью подтверждают открытия Клеппнера и Йенсена относительно Среднего Запада. См.: Samuel T. McSeveney, *The Politics of Depression: Political Behavior in the Northeast, 1893–1896* (Oxford: Oxford University Press, 1972).

для этого нужно было максимально акцентировать свои идеологические взгляды в ходе предвыборной агитации. Любая неясность в этих вопросах имела бы только один результат – раздраженные избиратели могли просто остаться дома, и тогда вы проигрывали выборы. Избиратели очень редко переходили от одной партии к другой.

При изучении политической истории XIX в. неизбежно возникает вопрос: откуда у простых людей брался такой неподдельный интерес к столь темным и запутанным проблемам, как организация банковской системы, выбор между золотом и серебром, таможенные пошлины? Тысячи полуграмотных людей писали воинственные трактаты по такого рода вопросам, и все это чрезвычайно интересовало избирателей. Марксисты и другие экономические детерминисты ошибаются, полагая, что причиной были инфляция, депрессия или экономические интересы. В XX в. намного более сильные депрессии и инфляции не смогли возбудить такого массового интереса к экономической теории, как это было в XIX в., когда кризисы носили куда более умеренный характер.

Только новые политические историки сумели решить эту загадку. Оказывается, большую часть населения не так уж интересовало, о чем там говорят элиты или политики общенационального масштаба. Больше всего и непосредственно избирателей интересовало происходящее в их округе или штате, и именно на этих местных уровнях две партии вели ожесточенную политическую борьбу, длившуюся с 1830-х до 1890-х гг.

Растянувшаяся почти на целое столетие борьба началась с глубоких тектонических сдвигов в американском протестантизме в 1830-х гг. Эта трансформация, как лесной пожар, охватила северные штаты, особенно территории, заселенные янки, но оставила почти незатронутыми южные штаты. Особенно глубокие изменения произошли в культуре янки с ее духом агрессии и доминирования¹⁵⁷.

¹⁵⁷ Родина «янки» – сельские районы штатов Новой Англии, откуда они в начале XIX в. переселились на запад, заселив северные районы штатов Нью-Йорк, Огайо, Индиана и Иллинойс.

Новый протестантизм, прозванный «пиетизмом», был рожден страстным воодушевлением Чарльза Финни и развернувшимся в 1830-е гг. мощным движением возрождения. Его кредо можно сформулировать примерно следующим образом: каждый человек отвечает за свое собственное спасение, и оно должно прийти в состоянии эмоционального подъема, сопутствующего «второму рождению». Каждый может достичь спасения, и каждый должен делать все возможное для спасения других. Эта обязанность спасать других была чем-то большим, чем простое миссионерство: она означала, что вы отправитесь прямо в ад, если не сделаете все возможное для спасения других. Но поскольку каждый человек одинок и его искушают грехи, достичь цели можно только с помощью государства. Задачей государства было затоптать огонь греха и создать на земле новый Иерусалим^{158, 159}.

Пиетисты понимали грех очень широко. В частности, политически самым важным был «дьявольский ром», затуманивающий сознание и лишаящий людей свободы стремиться к благу. В 1830-х гг. евангелические пиетисты на уровне штатов и округов начали бескомпромиссную и неустанную кампанию за запрещение спиртных напитков, затянувшуюся на целое столетие. Вторым требованием был запрет любой работы по воскресеньям, кроме посещения церкви, которое вело к поддержке так называемых сabbатарских «голубых законов».

¹⁵⁸ Этих пиетистов прозвали «евангелическими пиетистами», чтобы отличить их от южных собратьев, которых прозвали «спасающимися пиетистами», доктрина которых не требовала спасения всех остальных.

¹⁵⁹ Эти пиетисты не схожи с современными «фундаменталистами», потому что они верили, что их задача – подготовить Второе пришествие, упорядочить мир и сделать его христианским, и только после этого Иисус вернется на землю. А современные фундаменталисты, напротив, верят, что именно Второе пришествие Иисуса откроет на земле тысячелетие счастья и благоденствия. Понятно, что если каждый должен прийти в соответствующий вид, чтобы стало возможным пришествие Христа, есть большое искушение применить власть государства, чтобы избавиться от греха.

Выпивка в воскресенье была, разумеется, двойным грехом, а потому вдвойне отвратительна. Для пиелистов-янки еще одним жизненно важным делом было искоренение католицизма, который лишал людей их свободы воли в богословских вопросах, подчиняя диктату священников, являвшихся агентами Ватикана. Если уж нельзя вовсе запретить католицизм, то нужно всячески препятствовать иммиграции католиков. А поскольку взрослые уже безнадежно погрязли в грехе, для выступивших в крестовый поход пиелистов жизненно важной задачей стало создание средних школ с целью протестантизации общества или, как это формулировали сами пиелисты, для «христианизации католиков». Взрослые безнадежны, но школа может спасти детей, а потому посещение ее должно быть обязательным.

Такова была политическая программа пиелизма янки. Не ко всем иммигрантам относились с презрением. Переселенцев из Британии, Норвегии и других стран, принадлежавших к протестантским церквям (неважно, кальвинисты или лютеране), приветствовали как «настоящих американцев». Северные пиелисты практически все примыкали вначале к вигам, затем к республиканцам. Но, как мы увидим ниже, они боролись за свои идеалы даже в рядах популистов и демократов.

В страну прибывало все больше католиков и лютеран, особенно из Германии и Ирландии. Религиозная культура католиков и «благочестивых» лютеран, которых называли «ритуалистами» или «литургистами», была совсем иной. Человек не несет прямой ответственности за собственное спасение; если ему суждено спастись, он присоединяется к церкви и участвует в богослужениях и таинствах. В глубоком смысле ответственность за спасение человека лежит на церкви, так что государству не нужно ввязываться в борьбу с искушениями. Эти церкви, особенно лютеранская, относились к государству и вопросам морали в духе *laissez faire*. К тому же и грех они понимали совсем не так широко, как пиелисты. Умеренная выпивка – дело хорошее, а посидеть в воскресенье после церкви с семьей в пивной – это любимая немецкая (как католиков, так и лютеран) традиция. А приходские школы были необходимым сред-

ством передачи религиозных ценностей детям в стране, где немцы были меньшинством.

В XIX в. католики и благочестивые лютеране¹⁶⁰ буквально все как один нашли себя в демократической партии. Поэтому неудивительно, что в то время республиканцы называли себя партией «высоких нравственных идеалов», а демократы объявили себя партией «личной свободы». Без малого целое столетие озадаченные литургические демократы оборонялись от постоянных нападков, по их выражению, «пиетистских фанатиков», пытавшихся объявить вне закона их выпивку, приходские школы и воскресные походы в пивные.

Как все это соотносилось с актуальными для того периода экономическими вопросами? Лидеры каждой партии просто шли к своим избирателям и «поднимали уровень их сознательности», чтобы те почувствовали национальные экономические проблемы как свой личный интерес. Республиканское руководство могло обратиться к рядовым избирателям примерно с такой речью: «Так же, как нам нужна сильная заботливая власть на уровне округов и штатов, чтобы бороться с грехами и повышать уровень нравственности, нам необходима сильная власть на уровне всей страны, чтобы повышать покупательную способность каждого с помощью инфляции, недопущения дешевых иностранных товаров (пошлины) или дешевого иностранного труда (ограничения на иммиграцию)».

А демократические лидеры обращались к своим избирателям примерно так: «Республиканские фанатики пытаются лишить вас выпивки, приходских школ и пивных, и эти же самые люди пытаются лишить вас дешевых иностранных товаров (пошлины) и намерены обесценить ваши сбережения (инфляция). На федеральном уровне патерналистское правительство – это такое же зло, как и патернализм на местном уровне».

¹⁶⁰ Тогда, как и в наши дни, лютеране были расколоты на множество разных толков, некоторые ближе к чистому ритуализму, другие – к пиетизму, а многие – где-то посередине. Пол Клеппнер показал наличие однозначной корреляции между степенью ритуалистичности и процентом избирателей демократической партии.

Так принципы этатизма и либертарианства позиционировались на разных уровнях и по отношению к разным проблемам. Каждая сторона заряжала свою концепцию экономических проблем моральным пылом и страстью, проистекавшими из глубоких религиозных ценностей. Вот объяснение страстного интереса американцев того времени к экономическим вопросам.

Но в рамках и второй, и третьей партийных систем республиканцы сталкивались с серьезной проблемой. Отчасти под воздействием демографических изменений – более высокий уровень иммиграции и рождаемости – демократы-ритуалисты медленно, но верно превращались в партию большинства. В 1840–1850-х гг. демократы были разделены вопросом о рабстве. Но к 1890 г. настал роковой час республиканцев. В начале в 1890 г. демократы получили большинство в Конгрессе, а в 1892 г. последовала триумфальная победа Гровера Кливленда, так что в президентском кресле и в обеих палатах Конгресса теперь были демократы, а республиканцы, казалось, были обречены навски остаться в меньшинстве.

В начале 1890-х гг. под руководством республиканцев из Огайо Уильяма Мак-Кинли и Марка Ханны в партии началась продуманная глубокая перестройка. В частности, в одном штате за другим они избавлялись от сторонников запрещения продажи спиртных напитков, которые стали источником больших неприятностей, поскольку отталкивали от партии важную группу избирателей – немцев-лютеран. Кроме того, они внесли изменения в свою риторику, направленную против иммигрантов. В общем, к середине 1890-х гг. республиканцы избавились от политического пиетизма и оказались уже в центре политического спектра.

Тем временем переворот начался и в демократической партии. В южных штатах, где демократы имели абсолютное большинство, к началу 1890-х гг. произошло перерождение их собственного пиетизма. Спокойные пиетисты обращались в евангелических, и южные протестантские организации подняли знамя борьбы за запрет торговли спиртными напитками. Кроме того, пиетизм был силен в малонаселенных горных за-

падных штатах, богатых месторождениями серебра. Вместе с тем в руководстве демократической партии возник вакуум власти, который в обычных условиях не имел бы значительных последствий. На демократа Гровера Кливленда, сторонника твердых денег и *laissez faire*, возложили вину за панику 1893 г., из-за чего в 1894 г. многие его сторонники проиграли губернаторские выборы и выборы в Сенат. Сторонники Кливленда в партии были временно ослаблены, и союз южан и представителей западных штатов не замедлил воспользоваться этим. Уильям Дженнингс Брайан и его претистская коалиция на партийном съезде в 1896 г. захватили власть в демократической партии. Прежняя демократическая партия исчезла навсегда¹⁶¹.

Католики, лютеране и сторонники Кливленда были в шоке. «Партия наших отцов» была потеряна. Республиканцы, ставшие намного более умеренными, не замедлили воспользоваться моментом. На съезде республиканцев конгрессмен Генри Кабот Лодж, представлявший Морганов и финансовые интересы бостонских финансистов, сторонников золотого стандарта, заявил Мак-Кинли и Ханне: поддержите золотой стандарт (главный пункт экономической программы Кливленда), перестаньте агитировать за серебро и гринбеки, и мы все вас поддержим. В случае вашего отказа мы поддержим Брайана или третью партию. Мак-Кинли пошел на эту сделку и с тех пор республиканцы стали центристской партией (в координатах XIX в.). Теперь их идеалами были высокие таможенные пошлины и золотой стандарт, а про запрет на торговлю спиртным тихо-мирно забыли.

Что оставалось делать бедным ритуалистам? Многие из них просто не пришли на выборы. С выборов 1896 г. началось продолжающееся по сей день падение процента участия в голосовании. Некоторые, питавшие отвращение к претистам, инфляционистам и борцам за всеобщую трезвость, сумели переломить себя и впервые в жизни проголосовали за республи-

¹⁶¹ Сам Гровер Кливленд, разумеется, не был ни католиком, ни лютеранином. Но он был кальвинистом-пресвитерианцем, которому претило претистское перерождение пресвитерианской церкви.

канцев. Республиканцы ведь отказались от ненавистного лозунга введения сухого закона и поддержали золото.

На выборах 1896 г. родилась четвертая партийная система Америки. В отличие от третьей партийной системы (напряженная, с переменным успехом борьба между пиетистско-этактистской республиканской и ритуалистско-либертарианской демократической партией) четвертая партийная система была образована центристской партией большинства (республиканцы) и партией пиетистского меньшинства (демократы). Через несколько лет демократы отошли от пиетизма и тоже превратились в центристскую партию (как правило, меньшинства) с умеренно этактистской идеологией, мало чем отличающуюся от республиканцев. В таком виде четвертая партийная система просуществовала до 1932 г.

Атмосферу выборов 1896 г. отлично передает замечательная история, рассказанная Ричардом Йенсеном. Город Милуоки с большим числом иммигрантов из Германии годами являлся твердыней демократической партии. В Америке лютеране и католики немецкого происхождения были врагами инфляции и верными сторонниками золотого стандарта. Ячейка демократической партии Милуоки выдвинула кандидатом в Конгресс популиста-демократа Ричарда Шиллинга. Выражаясь по сути дела языком современных монетаристов и кейнсианцев, Шиллинг на одном из предвыборных митингов попытался объяснить немцам Милуоки, что абсолютно не важно, что именно исполняет роль денег: можно с равным успехом использовать «золото, серебро, медь, бумагу, сосиски или квашеную капусту». Тут зал засмеялся, заулюлюкал и Шиллинг был вынужден покинуть сцену. Ситуацией ловко воспользовался хитроумный республиканец, который выиграл выборы под лозунгом «Шиллинг и квашеная капуста»¹⁶².

¹⁶² Американцы немецкого происхождения были так преданы золотому стандарту и твердым деньгам, что даже коммунист-анархист Иоганн Мост, лидер движения, ставившего своей целью уничтожение денег вообще, в избирательной кампании 1896 г. участвовал с требованием золотого стандарта! См.: Jensen, *Winning of the Midwest*, pp. 293–295.

Инфляционистская, вначале выступавшая за гринбеки, а позже за серебро, популистская партия Брайана не была «аграрной партией» – это было собрание пиеетистов, борющихся с личными и политическими грехами. Как отмечает Клеппнер, «партия гринбеков была не столько соединением групп экономических интересов, сколько случайной коалицией “истинно верующих”, “идейных”, которые создали свою партию по образу “квазирелигиозного” движения, несшего на себе несмыслаемую печать “преобразующей веры”». Они воспринимали свое движение как «религию Господа, направляющего людей». И сами популисты говорили о проводившейся ими в Канзасе в 1890 г. агитации за свободную чеканку серебра не как о «политической кампании», а как о «религиозном возрождении, крестовом походе, политическом празднике пресвятой Троицы, когда каждого человека коснулся язык пламени и каждый говорил преисполнившись духа». Люди «услышали слово и могли проповедовать евангелие популизма». Теперь понятно, что далеко не случайно сторонники гринбеков почти поголовно выступали за запрет спиртных напитков, за обязательное школьное обучение и закрытие приходских школ. Не случайно популисты во многих штатах «недвусмысленно высказывались за запрет спиртных напитков» либо так или иначе поддерживали партию сторонников запрета¹⁶³.

Преобразование, случившееся в 1896 г., и смерть трехпартийной системы означали для Америки конец великой либертарианской партии, стоявшей за режим *laissez faire* и твердые деньги. Демократическая партия перестала быть партией Джефферсона, Джэксона и Кливленда. Поскольку никто больше не воплощал идеалов *laissez faire*, а обе оставшиеся партии предлагали избирателям «не выбор, а только эхо», интерес к политике начал угасать. В американской политике возник вакуум, заполнившийся новой корпоративистской и этатистской идеологией прогрессизма, которая после 1900 г. возобладавала в обеих партиях (на короткий срок вызвав к жизни Прогрессивную партию). Господство идеологии прогрессизма в 1900–1918 гг.

¹⁶³ Kleppner, *Third Electoral System*, pp. 291–296.

История денежного обращения и банковского дела до XX Века

сделало Америку социально-милитаристским государством всеобщего благосостояния. Эта традиция продержалась все XX столетие. Причиной пришествия этатизма после 1900 г. были не инфляция или дефляция, а уникальное стечение обстоятельств, разрушившее демократическую партию как носителя духа *laissez faire* и создавшее вакуум власти, в котором триумф выпал на долю новой идеологии принудительного картелирования посредством партнерства большого правительства, бизнеса, профсоюзов, технократов и интеллектуалов.

ЧАСТЬ II
ИСТОКИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО РЕЗЕРВА

Истоки Федерального резерва

Прогрессистское движение

Принятый 12 декабря 1913 г. закон о Федеральном резерве был неотъемлемой частью прогрессистской законодательной программы, которая, начиная примерно с 1900 г., последовательно осуществлялась на всех уровнях власти – местном, штатов и федеральном. Прогрессизм, представлявший собой двухпартийное движение, за два первых десятилетия XX в. радикально перекроил экономическое и социальное устройство Америки, заменив политику, в целом близкую к *laissez faire*, на политику централизованного этатизма.

До 1960-х гг. господствовал созданный историками миф, что прогрессивизм стал результатом буквально восстания рабочих и фермеров, которые под руководством интеллектуалов и экспертов нового поколения преодолели ожесточенное сопротивление большого бизнеса, чтобы обуздать, подчинить контролю и регулированию процессы монополизации, нараставшие с конца XIX в. С тех пор усилия целого поколения ученых и исследователей развеяли этот миф и показали, что все было ровно наоборот. На самом деле, в конце XIX в. элементы конкуренции в деловой жизни нарастали, а группировки крупнейших компаний во главе с могущественной «Джи Пи Морган энд компани» отчаянно боролись за картелирование свободного рынка. Железные дороги первыми испытали на себе натиск волны картелирования. Но все старания увеличить прибыль за счет сокращения объема операций и повышения цен или тарифов проваливались из-за конкуренции между членами картеля или пришельцев со стороны. В 1890-х гг. были предприняты попытки путем слияний крупных корпораций

добиться ограничения объема производства и повышения цен, но из-за давления конкурентов извне все эти затеи также ни к чему не привели. Обе волны картелирования были организованы группой Моргана, и оба раза рынок, несмотря на защиту высоких таможенных пошлин, сводил на нет все усилия.

Большой бизнес понял, что обеспечить картелирование экономики, закрепить за собой доминирующие позиции и высокий уровень прибыльности можно только при поддержке государства, иными словами, нужно осуществить переход от экономики свободного рынка к централизованному и координируемому этатизму. Но как добиться, чтобы народ Америки, воспитанный в традиции неприятия режима государственных монополий, поддержал эту программу? Как обеспечить общественную поддержку Новому порядку?

Решения долго искать не пришлось. Можно установить монополию во имя борьбы с монополизмом! Можно использовать привычную американцам риторику и сохранить форму, но полностью изменить содержание. Ученые, да и публика в целом, всегда понимали монополию как «предоставление правительством исключительных привилегий». А что если подменить определение. Пусть теперь это будет большой бизнес или используемые им приемы конкуренции, такие, как снижение цен, и пусть во имя обуздания «монополизма большого бизнеса» на свободном рынке представители большого бизнеса обращаются с прошениями во всевозможные регулирующие комиссии – от Комиссии по межштатной торговле до Федеральной торговой комиссии, во всякие комиссии государственного страхования, штаты которых укомплектованы бывшими работниками регулируемых отраслей, т.е. выходцами из того же самого большого бизнеса. Тогда регулирующие комитеты и комиссии смогут раздавать субсидии, ограничивать и проводить картелирование во имя «противодействия монополизации», во имя общественного благосостояния и национальной безопасности. Повторим еще раз, первыми на этот путь ступили железнодорожные монополии.

Для такой хитроумной аферы нужны была поддержка интеллектуалов, профессиональных творцов общественного

мнения. Моргану и его группе нужна была дымовая завеса идеологии, которая могла бы обосновать и оправдать установление Нового порядка. К счастью для них, интеллектуалы были наготове и сами стремились к новому союзу. Конец XIX в. отмечен взрывным ростом численности интеллектуалов, ученых, социальных исследователей, технократов, инженеров, врачей, и всевозможные профессиональные «гильдии» устремились в борьбу за больший кусок пирога, чем тот, на который они могли рассчитывать на свободном рынке. Интеллектуалы нуждались в государстве, в его способности лицензировать и ограничивать доступ к профессии, чтобы повысить доход тех счастливицков, которые уже успели оказаться внутри. Взамен на их службу в качестве апологетов нового этатизма государство могло предложить им не только защиту от чрезмерной конкуренции, но и растущие возможности занятости в недрах бюрократического механизма, который нуждался в специалистах по планированию и пропаганде нового огосударствленного общества. А интеллектуалы были готовы к выполнению этой задачи. В университетах Германии им вложили в головы принципы этатизма и органического социализма, научили ценить гармонию «среднего пути», избегающего крайностей неограниченной конкуренции свободного рынка, с одной стороны, и пролетарского марксизма – с другой. Вместо этого сотрудничество в движении к всеобщему благу должно быть навязано большим правительством, состоящим из интеллектуалов и технократов, которое направляется большим бизнесом и поддерживается профсоюзами, обеспечивающими лояльность рабочего люда.

Недовольство национальной банковской системой

Предыдущий большой шаг на пути к этатизации был сделан в Америке во время Гражданской войны, когда после отделения южных штатов практически однопартийный Конгресс позволил республиканцам реализовать под предлогом войны дорогую их сердцу программу усиления государства. В союзе с

большим бизнесом и большим правительством республиканская партия провела через Конгресс подоходный налог, высокие акцизные сборы на такие греховные вещи, как табак и алкоголь, высокие протекционистские тарифы и щедрую раздачу земель и прочих субсидий трансконтинентальным железным дорогам. Избыточное железнодорожное строительство похоронило все попытки Моргана создать железнодорожный картель и в конечном итоге привело к созданию в 1887 г. по инициативе Моргана и контролируемых им железных дорог Комиссии по межштатной торговле. Результатом стал растянувшийся на многие десятилетия процесс упадка железных дорог, начавшийся еще до 1900 г. Подоходный налог был отменен решением Верховного суда, но позднее восстановлен в период прогрессивизма.

Наибольших результатов интервенционистская политика времен Гражданской войны достигла в жизненно важной области банковской и кредитно-денежной политики. Наметившееся в 1840–1850-х гг. движение в сторону твердых денег и свободного банковского дела было перечеркнуто двумя пагубными, имевшими инфляционистский характер решениями республиканской администрации. Первым было решение об эмиссии неразменных бумажных гринбеков, которые уже к середине войны наполовину обесценились. Лишь в 1879 г., через 14 лет после окончания войны, под давлением демократов был восстановлен золотой стандарт. Второе решение, имевшее более отдаленные последствия, было воплощено в трех законах о национальной банковской системе, принятых в 1863, 1864 и 1865 г. Этими законами право эмиссии банкнот было отнято у банков штатов (с помощью запретительного налога) и передано нескольким крупным «национальным банкам» (преимущественно уолл-стритским), которые получили свои банковские лицензии непосредственно на федеральном уровне. Был создан характерный для картелей механизм: закон обязал национальные банки принимать по номиналу банкноты и депозиты до востребования других банков, что разрушило существовавший прежде рыночный механизм оценки надежности банков, когда платежные средства неустойчивых

банков рынок принимал только со скидкой.

Таким образом, узкая группа банкиров с Уолл-стрит и политиков федерального уровня получила возможность контролировать всю банковскую систему и скоординированно расширять предложение банкнот и депозитов.

Но нерешенные проблемы остались. Национальная банковская система представляла собой нечто промежуточное между свободным банковским делом и полностью централизованной, управляемой государством банковской системой, и к концу XIX в. такое положение перестало устраивать банкиров с Уолл-стрит. Степень централизации была ограниченной и прежде всего отсутствовал государственный центральный банк, который мог бы координировать инфляцию и действовать в качестве кредитора в последней инстанции, приходя на помощь попавшим в трудное положение банкам. Раздувая кредит, банки создают бум, попадая при этом в трудное положение, потому что такой бум неизбежно сменяется рецессией, и в целях самосохранения банкам приходится сжимать кредит. Кроме того, банки штатов, временно выбитые законами о национальной банковской системе из колеи, постепенно приспособились к новым условиям и начали на базе банкнот национальных банков строить пирамиду собственных ссуд и депозитов до востребования. Банки штатов, свободные от высоких требований к размеру собственного капитала, которые мешали «посторонним» получить статус национального банка, в 1880–1890-х гг. активно развивались и составили конкуренцию самим национальным банкам. Кроме того, в 1880-х гг. конкуренцию Уолл-стрит начали составлять Сент-Луис и Чикаго. Если совокупный объем вкладов в банках Нью-Йорка, Чикаго и Сент-Луиса принять за 100, то в 1880 г. доля депозитов в банках Чикаго и Сент-Луиса составляла только 16%, а в 1912 г. – уже 33%. Объем взаимных расчетов между нью-йоркскими банками, составивший в 1882 г. 24% общей суммы клиринговых операций, к 1913 г. поднялся до 43%.

Недовольство крупных банков выражалось двумя словами – «недостаток эластичности». Национальная банковская система, утверждали они, не способна обеспечить должную сте-

пень эластичности денежной массы, т.е. банки не могли по желанию наращивать эмиссию денег и выдачу кредитов, особенно в периоды спадов. Короче говоря, национальная банковская система не обеспечивала национальным банкам достаточно возможностей для расширения кредита¹.

На рубеже столетий в политической и экономической жизни Соединенных Штатов доминировали две постоянно конфликтовавшие друг с другом финансовые группы: группа Моргана, которая начала с инвестиционного банка, а затем занялась коммерческими банками, железными дорогами и слиянием промышленных компаний; и группа Рокфеллера, которая начала с нефтеперерабатывающих заводов, затем переместилась в банковский сектор и сформировала альянс с Гарриманом (железные дороги) и компанией Кун–Лёб (инвестиционный банк)².

Обычно эти финансовые блоки конфликтовали между собой, но в вопросе о центральном банке они были солидарны. И хотя главную роль в создании Федеральной резервной системы сыграли Морганы, команда Рокфеллера и Куна–Лёба всячески содействовала им в проведении необходимой, как они все считали, реформы кредитно-денежной системы.

¹ О национальной банковской системе и нарастании недовольства у крупных банков см.: Murray N. Rothbard, "The Federal Reserve as a Cartelization Device: The Early Years, 1913–1920," in Bernie Sigal, ed. *Money in Crisis* (San-Francisco: Pacific Institute, 1984), pp. 89–94; Ron Paul and Lewis Lehrman, 1982. *The Case for Gold: A Minority Report on the U.S. Gold Commission*, Washington, D. C.: Cato Institute; Gabriel Kolko. *The Triumph of Conservatism: A Reinterpretation of American History* (Glencoe, Ill.: Free Press, 1983), pp. 139–146.

² С конца XIX в. и до Второй мировой войны значительная часть политической истории США может быть истолкована в свете близости к одной из этих финансовых группировок, которые иногда сотрудничали, чаще – конфликтовали: Кливленд (Морган), Мак-Кинли (Рокфеллер), Теодор Рузвельт (Морган), Тафт (Рокфеллер), Вильсон (Морган), Гардинг (Рокфеллер), Кулидж (Морган), Гувер (Морган), Франклин Рузвельт (Гаррисон–Кун/Лёб–Рокфеллер).

Начало движения за «реформу»: проведение в Индианаполисе конвента по реформе денежной системы

Президентские выборы 1896 г. явились общенациональным референдумом по вопросу о золотом стандарте. На съезде демократической партии в 1896 г. верх взяли популисты, отчаянные враги золотого стандарта и приверженцы инфляционной политики во главе с Уильямом Дженнингсом Брайаном. Более традиционные демократы, горячо преданные идеалу твердых денег и золотого стандарта, были вынуждены в день выборов либо остаться дома, либо впервые в жизни голосовать за ненавистных республиканцев. Республиканская партия долгое время настойчиво требовала запрещения торговли спиртными напитками, неограниченной эмиссии гринбеков и отказа от золотого стандарта. Но с начала 1890-х гг. группа Рокфеллера, имевшая доминирующее влияние в родном штате Огайо, а также в руководящих органах республиканской партии, решила без шума отбросить требование сухого закона, поскольку этот лозунг отталкивал многих и прежде всего набравшую силу группу избирателей немецкого происхождения. Летом 1896 г., предвидя победу популистов на съезде партии, Морганы, прежде занимавшие в демократической партии доминирующие позиции, через Генри Кабота Лоджа, стремительно набравшего политический вес конгрессмена от штата Массачусетс, обратились с предложением к группировке Мак-Кинли–Марка Ханны–Рокфеллера. Сделка состояла в следующем: Морганы поддержат Мак-Кинли на выборах президента и не будут ни игнорировать выборы, ни создавать альтернативную партию, если Мак-Кинли выступит за золотой стандарт. Стороны договорились, и многие демократы, являвшиеся приверженцами золотого стандарта, переметнулись к республиканцам. Партийная система Америки радикально изменилась. Прежде политическая жизнь была ареной борьбы между демократами (твердые деньги, свобода торговли, невмешательство государства в экономику) и республиканцами (эта-тизм, протекционизм, инфляционизм). При этом позиции

демократов медленно, но верно усиливались. С середины 1890-х гг. господствующее положение заняла республиканская партия, сохранявшая его до 1932 г., до проходивших в разгар Великой депрессии выборов.

Сторонники Брайана, бывшие не только инфляционистами и популистами, но еще и врагами банков Уолл-стрит, подобно многим современным популистам предпочитали, чтобы эмиссией денег, как в случае с гринбеками, занимался Конгресс, а не менее понятные, привилегированные и высокомерные крупные банки, а потому являлись естественными врагами Морганов, которые, напротив, были сторонниками золотого стандарта. Но когда победа Мак-Кинли на президентских выборах 1896 г. закрепила золотой стандарт, им захотелось изменить эту систему так, чтобы она, не будучи откровенно инфляционистской, оказалась бы под эффективным контролем крупнейших банков. В долгосрочной перспективе золотой стандарт, контролируемый Морганом–Рокфеллерами, оказался гораздо более фатальным для исторических судеб твердых денег, чем простодушные требования последователей Брайана о свободной чеканке серебра или эмиссии гринбеков.

Сразу после избрания Мак-Кинли объединенные силы групп Морганов и Рокфеллеров взялись за организацию «реформистского» движения, дабы создать центральный банк и избавиться от «неэластичности» денег, свойственной золотому стандарту. Для этого было решено использовать технологию, уже доказавшую свою эффективность при организации в 1895–1896 гг. движения за принятие золотого стандарта. Было необходимо действительно массовое широкое движение, чтобы публика не заподозрила в нем марионетку банкиров с Уолл-стрит. Поэтому центром движения были сделаны штаты Среднего Запада, сердце Америки, а в создаваемых организациях помимо банкиров участвовали бизнесмены, экономисты и другие ученые, которые придавали всей затее убедительный вид респектабельности и научности.

За дело взялись сразу после выборов. Хью Генри Ханна, президент «Атлас Энджин Уоркс» из Индианаполиса, который освоил принципы работы в общественной организации в

«Союзе за надежные деньги», в ноябре послал в Торговую палату Индианаполиса меморандум, в котором настаивал, что именно такой типичный штат Среднего Запада, как Индиана, должен стать зачинателем движения за реформу денежной системы³.

Механизм заработал. В ответ на призыв Торговой палаты Индианаполиса туда 1 декабря 1896 г. съехались делегаты торговых палат 12 крупных городов Среднего Запада. Конференция приняла обращение о созыве большого съезда для обсуждения проблем кредитно-денежной системы, который начался в Индианаполисе 12 января 1897 г. На нем присутствовали представители деловых кругов 26 штатов и федерального округа Колумбия. Было объявлено о начале движения за реформу денежной системы. Влиятельная газета «Йель ревью» похвалила организаторов съезда, догадавшихся учесть традиционную для населения нелюбовь к банкирам, подчеркнув, что там были представлены «не только банкиры, но и бизнесмены в целом»⁴.

Возможно, на съезде и были бизнесмены, но только не рядовые. Председательствовал на съезде Стюарт Патерсон, декан юридического факультета Пенсильванского университета и член финансового комитета могущественной «Пенсильвания рейлроуд», входившей в орбиту группы Моргана. На следующий день после открытия Хью Ханна был избран председателем исполнительного комитета, членов которого ему же предложили подобрать. На комитет возложили право действовать от имени съезда после его окончания. В комитет вошли следующие влиятельные лидеры корпоративного и финансового мира:

Джон Митчелл из Чикаго, президент «Иллинойс траст энд сэйвинг бэнк», директор железных дорог «Чикаго энд Олтон», «Питтсбург, Форт-Уэйн энд Чикаго», а также

³ Относительно меморандума см.: James Livingston, *Origins of the Federal Reserve System: Money, Class, and Corporate Capitalism, 1890–1913* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1986), pp. 104–105.

⁴ Yale Review 5 (1897): 343–345. Цит. по: James Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, p. 105.

компании «Пульман», стал казначеем исполнительного комитета;

Г. Г. Колсаат, редактор и издатель «Чикаго таймс геральд», чикагской «Оушн геральд», член правления чикагского Института искусств, друг и советник президента Уильяма Мак-Кинли, имевшего хорошие отношения с Рокфеллером;

Чарльз Кастис Харрисон, проректор Пенсильванского университета, сколотивший состояние в сахарной промышленности, где он был партнером могущественного Хэвмейера («Шугар Траст»);

Александр Орр, нью-йоркский банкир из круга Моргана, был директором железных дорог «Эри энд Чикаго», «Рок-Айленд энд Пасифик», «Нэшнл бэнк оф коммерс» и влиятельного издательского дома «Харпер бразерс». Кроме того, Орр был директором нескольких страховых компаний и совладельцем крупнейшей в стране компании по торговле зерном;

Эдвин Станард, зерноторговец из Сент-Луиса, бывший губернатор штата Миссури и бывший вице-президент Национального совета по торговле и транспорту;

Е. Б. Сталмен, владелец «Нэшвилл бэннер», бывший вице-президент железных дорог «Луисвилл, Нью-Олбани энд Чикаго», особый уполномоченный картеля «Саузерн рейлвей энд стимшип ассосиейшн».

А. Е. Уилсон, влиятельный юрист из Луисвилла и будущий губернатор штата Кентукки.

Особенно интересны два самых влиятельных члена исполнительного комитета: Генри Пейн и Джордж Фостер Пибоди. Пейн, имевший давние связи с республиканской партийной машиной в Висконсине, входил в руководство республиканской партии от Милуоки и являлся президентом находившейся в сфере интересов Моргана «Висконсин телефоун компани». Пейн был тесно вовлечен в коммунальный и банковский бизнес в Милуоки. В частности, он долгое время был директором «Норс-Америкен компани», большого холдинга в сфере ком-

мунальных услуг, во главе с нью-йоркским финансистом Чарльзом Уетмором. О степени близости «Норс-Америкен компани» к Моргану говорит тот факт, что в ее совет директоров входили два ведущих финансиста Моргана. Одним был Эдмунд Конверс, президент управляемого Морганом нью-йоркского «Либерти нэшил бэнк», в недалеком будущем основатель и президент опять-таки моргановской «Бэнкерз траст компани». Другим был Роберт Бэкон, партнер в «Джи Пи Морган энд компани» и один из ближайших друзей Теодора Рузвельта, ставший впоследствии помощником госсекретаря в его кабинете. Кроме того, когда в результате убийства Мак-Кинли Теодор Рузвельт стал президентом, он сделал Бэкона министром почт, заменив им близкого к группе Рокфеллера Марка Ханну из Огайо. Утверждают, что Пейн, ближайший помощник Моргана, был назначен на этот главный политический пост в тогдашнем кабинете специально для того, чтобы оттеснить Ханну от рычагов партийного управления. Очевидно, что замена Ханны Пейном была частью яростной атаки Теодора Рузвельта на «Стэндард Ойл», которая представляла собой часть открытой войны между империями Рокфеллера–Гарримана–Куна/Лёба и Моргана⁵.

Еще более влиятельным членом окружения Моргана был секретарь исполнительного комитета Джордж Фостер Пибоди. Вся аристократическая бостонская семья Пибоди издавна поддерживала тесные личные и финансовые связи с Морганом. Представитель клана Пибоди даже был шафером на свадьбе Дж. П. Моргана в 1865 г. Джордж Пибоди был основателем международной банковской компании, в которой Джуниус, отец Дж. П. Моргана, являлся одним из старших партнеров. Джордж Фостер Пибоди был видным нью-йоркским инвестиционным банкиром, имевшим обширные владения в Мексике. Он помог Моргану реорганизовать «Дженерал электрик», а позднее ему предложили в администрации Вильсона пост министра финансов. В этой администрации он являлся «минист-

⁵ См.: Philip H. Burch, Jr., *Elites in American History. Vol. 2: The Civil War to the New Deal* (New York: Holmes and Meier, 1981), p. 189, p. 55.

ром без портфеля»⁶.

Пусть простаки верят, что собравшийся в Индианаполисе съезд по денежной реформе был проявлением спонтанной инициативы простых торговцев и промышленников Среднего Запада. Для знающего человека организация, в которой участвуют Генри Пейн, Александр Орр и особенно Джордж Фостер Пибоди, означает только одно – это Дж. П. Морган.

Съезд быстро принял решение обратиться к президенту Мак-Кинли с призывом: (1) не отступать от золотого стандарта и (2) создать новую систему «эластичного» банковского кредита. Для реализации последнего пункта президенту рекомендовали создать новый Комитет по реформе кредитно-денежной системы и поручить ему подготовить законодательные предложения. Мак-Кинли всей душой одобрил эту инициативу, заручился согласием Рокфеллера и 24 июля обратился в Конгресс с предложением о создании Комитета по денежной реформе. Законопроект о создании Комитета прошел через Палату представителей, но застрял в Сенате⁷.

Разочарованный, но не павший духом исполнительный комитет в августе 1897 г. решил двигаться вперед самостоятельно. Ведущую роль в подборе членов комитета сыграл Джордж Фостер Пибоди, осуществлявший связь между Индианаполисом и нью-йоркским финансовым сообществом. Для окончательного решения вопроса о составе Пибоди пригласил членов исполнительного комитета в Саратога-Спрингс, где находилась летняя резиденция его партнера по инвестиционному банку Спенсера Траска. К сентябрю удалось утрясти состав Комитета по денежной реформе.

Состав комитета был следующим⁸:

Джордж Эдмундс, бывший сенатор, республиканец из Вермонта, адвокат и, в прошлом, директор нескольких железных дорог стал председателем;

⁶ Ibid., pp. 231, 233; Louise Ware, *George Foster Peabody* (Athens: University of Georgia Press, 1951), pp. 161–167.

⁷ См.: Kolko, *The Triumph of Conservatism*, pp. 147–148.

⁸ James Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, pp. 106–107.

- Стюарт Паттерсон*, декан юридического факультета Пенсильванского университета и руководитель контролируемой Морганом железной дороги «Пенсильвания»;
- Чарльз Фейрчайлд*, ведущий нью-йоркский банкир, президент нью-йоркского инвестиционного банка, бывший партнер бостонского инвестиционного банка «Ли, Хиггинсон энд ко.», директор двух крупных железных дорог. Видный политический деятель штата Нью-Йорк, Фейрчайлд был министром финансов в первой администрации Кливленда. Его отец, Сидни Фейрчайлд, был главным юристом контролируемой Морганом железной дороги «Нью-Йорк сентрал»;
- Стювесант Фиш*, наследник двух старых аристократических нью-йоркских семей, был партнером в контролировавшемся Морганом нью-йоркском инвестиционном банке «Мортон, Блис энд ко.», а потом стал президентом железной дороги «Иллинойс сентрал» и членом правления «Мьючуал лайф». Отец Фиша был сенатором, губернатором и госсекретарем;
- Луис Гарнетт*, видный бизнесмен из Сан-Франциско;
- Томас Буш* из Алабамы, директор железной дороги «Мобайл энд Бирмингем»;
- Д. У. Фрис*, ведущий производитель хлопчатобумажных тканей в Северной Каролине.
- Уильям Дин*, торговец из города Сент-Пол, шт. Миннесота и директор трансконтинентальной железной дороги «Грейт Нозерн», принадлежавшей Джеймсу Хиллу, союзнику Моргана в титанической борьбе за железную дорогу «Нозерн Пасифик» с группой Гарримана, Рокфеллера и Кун-Лёб.
- Джордж Лейтон* из Сент-Луиса, юрист железной дороги «Миссури пасифик»;
- Роберт Тейлор* из Индианы, юрист, ведущий патентные дела в контролируемой Морганом компании «Дженерал электрик».
- Основной рабочей лошадкой комитета был Джеймс Ло-

уренс Лафлин, ведущий профессор политической экономии в недавно основанном Рокфеллером Чикагском университете, редактор престижного университетского журнала «Джорнэл оф политикл экономи». Именно Лафлин контролировал деятельность аппарата комитета и подготовку докладов. Написание докладов лежало на двух учениках Лафлина из Чикагского университета – выпускнике университета Кэрроле Руте и аспиранте Генри Паркере Уиллисе.

Для финансирования работы комитета по денежной реформе банки и корпорации всей страны собрали внушительную по тем временам сумму 50 тыс. долл. В Нью-Йорке сборщиками взносов были банкиры Моргана Пибоди и Опп, а главными жертвователями – Уильям Додж (угольная промышленность) и Генри Герц (торговля хлопком и сахаром), директор банка «Микэникс нэшнл», и сам Дж. П. Морган.

Получив деньги, комитет в середине сентября снял помещение для офиса и усадил служащих для рассылки нескольким сотням экспертов детальной анкеты по вопросам кредитно-денежной политики и сортировки присылаемых ответов. С конца сентября по декабрь комитет внимательно изучал ответы, рассортированные Рутот и Уиллисом. Рассылкой анкеты решались сразу две задачи. Во-первых, обеспечивалась общественная поддержка для рекомендаций комитета, который получал возможность опереться на мнения нескольких сот экспертов. Во-вторых, рассылка анкеты делала работу комитета наглядной для публики и членов Конгресса. Кроме того, комитет получал право выступать от имени всего делового сообщества.

Поэтому вначале предполагалось опубликовать составленный уже к середине декабря предварительный отчет комитета, а в дополнительном томе – опубликовать и ответы на анкету. План с немедленной публикацией ответов провалился, хотя позднее этот том был-таки опубликован в серии публикаций Пенсильванского университета по вопросам политической экономии и публичного права⁹.

He смущаясь мелкими неудачами, исполнительный коми-

⁹ James Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, pp. 107–108.

тет придумал новый метод обработки общественного мнения с помощью неопубликованного отчета. В ноябре Хью Ханна привлек в качестве помощника финансового журналиста Чарльза Конанта, задачей которого было распропагандировать публику и обеспечить рекомендациям комитета ее поддержку. Уже в декабре грянули барабаны в честь еще неопубликованных рекомендаций. В первом декабрьском номере журнала «Саунд карренси мэгэзин» он опубликовал статью с высокой оценкой доклада комиссии, причем для подкрепления собственных оценок он активно цитировал еще неопубликованные ответы экспертов на анкету комиссии.

В следующие несколько месяцев к работе Конанта подключился секретарь комитета Джулис Гатридж. Начали они с того, что организовали публикацию краткого обзора ответов на анкету в газетах по всей стране. Как писал сам Гатридж, некоторым членам комитета этим приемом удалось возбудить «любопытство публики» к готовящейся публикации отчета, и он гордился тем, что с помощью «умелого обращения» сумел опубликовать предварительный доклад «полностью или в отрывках – главным образом фрагментарно – примерно в семи с половиной тысячах крупных и мелких газет». В ожидании 3 января 1898 г., когда была намечена публикация предварительного отчета о работе комитета, Конант и Гатридж организовали положительные отклики известных людей со всех концов страны. И сразу после публикации эти отклики появились в ежедневных газетах. Эта парочка организовала целую сеть распространения материалов отчета, для чего привлекла около 100 тыс. сторонников, «преданно выступающих за реализацию предложенного комитетом плана реформы банковского и денежного хозяйства»¹⁰.

Внешне главной рекомендацией отчета было закрепить победу Мак-Кинли, для чего следовало утвердить в законе то, что де-факто было уже реализовано: золотой стандарт, а из серебра чеканить только разменную монету с пониженным весовым содержанием металла. Но закрепление победы над брайаниз-

¹⁰ James Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, pp. 109–110.

мом и лозунгом свободной чеканки серебра было всего лишь операцией по зачистке территории; в долгосрочном плане важнее был призыв провести банковскую реформу, чтобы повысить эластичность денежной системы. Для этого предлагалось увеличивать кредит в периоды рецессии и сезонного повышения спроса на наличные со стороны сельскохозяйственных банков, что всегда понуждало крупные центральные резервные банки сжимать объем кредитных операций. Но эти рекомендации были, по существу, не очень важны. Главное заключалось в том, что в общество закинули идею о необходимости реформы банковского дела.

Поскольку предварительный отчет сильно завел публику, исполнительный комитет решил провести второй и последний съезд Конвента, который и собрался в Индианаполисе 25 января 1898 г. Второй съезд был проведен с куда большим размахом, чем первый: съехались 496 делегатов из 31 штата. Это было представительное собрание высших руководителей крупнейших американских корпораций. Самой многочисленной, естественно, была делегация штата Индиана – 85 делегатов городских торговых палат, а вторую по численности делегацию прислал Нью-Йорк – 74 делегата, в том числе представители торговой ассоциации, торговой палаты и комитета по торговле и транспорту.

Своим присутствием съезд также почтили следующие руководители корпораций: из Кливленда прибыл стальной фабрикант Альфред Поуп, президент «Нэшнл Мэлиебл кастинг компани»; Верджил Клайн, юрисконсульт рокфеллеровской «Стэндард ойл оф Огайо»; и К. А. Пиллсбери из Сент-Пола, организатор крупнейших в мире мукомольных комбинатов. Из Чикаго приехали такие знаменитости, как Маршалл Филд и Альберт Спрэг, директора «Чикаго телефоун компани», дочерней компании контролируемой Морганом монополии «Америкэн телефоун энд телеграф». Не затерялся среди делегатов Франклин Маквей из Чикаго – оптовая торговля бакалейными товарами, дядя старшего партнера уолл-стритской юридической фирмы «Бэнгз, Стетсон, Трейси энд Маквей», главным клиентом которой был Дж. П. Морган. Маквей, которому

предстояло со временем стать министром финансов в кабинете Тафта, несомненно принадлежал к группе Моргана. Его тесть, Генри Имс, был основателем «Коммерциал нэшнл бэнк оф Чикаго», а его брат Вейн вскоре стал членом правления моргановской компании «Мьючуал лайф иншурэнс».

Задача второго съезда, как откровенно заявил в обращении к съезду бывший министр финансов Чарльз Фейрчайлд, заключается в мобилизации ведущих бизнесменов страны на поддержку мощного и влиятельного реформистского движения. По его словам, «если люди бизнеса всерьез подойдут к этим вопросам и изучат их, они договорятся по основным вопросам законодательства, а при наличии согласия их влияние будет преобладающим». Он закончил свое обращение следующей фразой: «Я говорю вам, объедините усилия». Председательствовавший на съезде губернатор штата Айова Лесли Шоу, обращаясь к собравшимся, откровенно лукавил: «Сегодня вы представляете здесь не банки, потому что банкиров в этом зале немного. Вы представляете все отрасли хозяйства и финансовые интересы страны в целом». Банкиров на съезде было совсем не мало¹¹. Сам Шоу, ставший позднее при президенте Теодоре Рузвельте министром финансов, был банкиром из небольшого города в штате Айова, а в бытность губернатором являлся президентом «Бэнк оф Денисон». Для понимания взглядов и карьеры Шоу еще важнее тот факт, что он много лет был своим человеком в руководстве республиканской партии в Айове, возглавлявшемся влиятельным сенатором Уильямом Бойд Аллисоном. Аллисон, который со временем поможет своему другу получить пост в министерстве финансов, в свою очередь был тесно связан с Чарльзом Перкинсом, верным соратником Моргана, президентом железной дороги «Чикаго, Берлингтон энд Куинси», а также кровным родственником могущественной семьи Форбс (бостонская финансовая группа), которая издавна имела общие интересы с группой Моргана¹².

¹¹ James Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, pp. 113–115.

¹² Rothbard, “The Federal Reserve as a Cartelization Device,” pp. 95–96.

Делегатами второго съезда были также и несколько видных экономистов, каждый из которых, впрочем, присутствовал там не в качестве ученого наблюдателя, а как представитель тех или иных деловых кругов. Профессор Джереми Дженкс из Корнеллского университета, сторонник идеи государственной политики картелирования отраслей, который очень скоро станет другом и советником губернатора Теодора Рузвельта, присутствовал как делегат Ассоциации деловых людей Итаки. Фрэнк Тауссиг из Гарвардского университета представлял Кембриджскую торговую ассоциацию. Артур Твининг Хэдли из Йельского университета, вскоре ставший его президентом, представлял Торговую палату Нью-Хейвена, а Фрэнк Тейлор из Мичиганского университета прибыл как представитель Ассоциации деловых людей Анн-Арбора. Каждый из этих людей занимал какие-либо влиятельные посты. Дженкс, Тауссиг и Тейлор входили в Комитет по денежному обращению Американской экономической ассоциации. Хэдли, ведущий специалист по железным дорогам, был членом совета директоров ряда принадлежавших Моргану железных дорог – «Нью-Йорк, Нью-Хейвен энд Хартфорд» и «Атчисон, Топека энд Санта-Фе»¹³.

Тауссиг и Тейлор занимались теорией денежного обращения и настаивали на реформировании режима золотого стандарта в целях повышения эластичности денежной массы. Тауссиг призывал к расширению хождения национальных банкнот, количество которых можно наращивать в ответ на «потребности бизнеса». Как утверждал Тауссиг, объем денег будет «беспрепятственно расти в ответ на спонтанное увеличение потребности в дополнительных деньгах»¹⁴. Да и Тейлор считал

¹³ О Хэдли, Дженксе и особенно о Конанте см.: Carl P. Parrini and Martin J. Sklar, "New Thinking about the Market, 1896-1904: Some American Economists on Investment and the Theory of Surplus Capital." *Journal of Economic History* 43 (September), 1983, pp. 559-578. Авторы указывают, что в 1896 г. оба автора опубликовали важные для них труды в издательстве «Джи Пи Путнэм'з санз оф Нью-Йорк». Президентом издательства был Джордж Хэйвен Путнэм, один из лидеров движения за реформирование банков (*Ibid.*, p. 561, n. 2).

¹⁴ Taussig, 1893. Цит по: Dorfman, Joseph, *The Economic Mind in*

желательным изменить золотой стандарт таким образом, чтобы правительство получило возможность «сознательно контролировать движение денег... для поддержания стабильности кредитной системы». Тейлор оправдывал правительственные решения о приостановке выплат звонкой монетой «для защиты запасов золота»¹⁵.

26 января делегаты съезда практически единодушно одобрили предварительный отчет, после чего профессору Лоренсу Лафлину поручили подготовить более детальный окончательный отчет, который спустя несколько месяцев и был опубликован. В окончательной версии отчета содержался призыв не только к расширению базы активов, обеспечивающих расширенную эмиссию национальных банкнот, но и к созданию центрального банка, обладающего эмиссионной монополией¹⁶.

Тем временем делегаты съезда понесли благую весть о банковской реформе по городам и весям. В апреле 1898 г., например, Бартон Хепберн, президент нью-йоркского «Чейз нэшил бэнк» (в то время флагманский банк группировки Моргана), который впоследствии сыграет важную роль в создании центрального банка, пригласил члена Комитета по денежной реформе Роберта Тейлора выступить перед банковской ассоциацией штата Нью-Йорк по вопросам денежного обращения, поскольку «банкиры, как и все другие, нуждаются в наставлениях по этому вопросу». В первой половине 1898 г. не только Тейлор, но и все его коллеги активно убеждали деловые круги в необходимости денежной реформы.

American Civilization Vol. 3. New York: Viking Press, 1949, p. xxxvii; Parrini and Sklar, "New Thinking about the Market," p. 269.

¹⁵ Parrini and Sklar, "New Thinking about the Market," pp. 392–393.

¹⁶ Ф. М. Тейлор безоговорочно одобрил как окончательный отчет, так и рекомендацию о создании центрального банка. См.: F. M. Taylor, "The Final Report of the Indianapolis Monetary Commission." *Journal of Political Economy* 6 (June 1898): pp. 293–322. Тейлор был также в восторге от того, что съезд явился «одним из самых заметных движений нашего времени – первым тщательно организованным движением деловых классов целой страны, направленным на достижение радикальных изменений в законодательстве» (*ibid* , p. 322).

Тем временем в Вашингтоне развили чрезвычайную лоббистскую активность Ханна и Конант. В январе Джесси Оверстрит, конгрессмен от штата Индиана, внес законопроект, воплощавший предложения Комитета по денежной реформе, который в мае был возвращен Комитетом Конгресса по банкам и денежному обращению с рекомендациями по переработке. Тем временем Конант проводил непрерывные встречи с членами этого комитета. Ханна рассылал циркулярные письма, извещавшие делегатов съезда и публику в целом о каждом шаге законодательного процесса, призывая засыпать Конгресс письмами в поддержку законопроекта.

Эту агитационную кампанию активно поддерживал Лиман Гейдж, министр финансов в кабинете Мак-Кинли. В 1898–1899 гг. Гейдж помогал продвижению в Конгрессе ряда сходных законопроектов. Гейдж, связанный узами дружбы с несколькими членами Комитета по денежной реформе, был одной из ключевых фигур в сфере банковских интересов группы Рокфеллера. Его назначения на пост министра финансов добился Марк Ханна из Огайо, неофициальный политический и финансовый советник президента Мак-Кинли, школьный друг и деловой партнер Джона Рокфеллера-ст. До назначения на пост министра Гейдж был президентом могущественного «Фёрст нэшнл бэнк оф Чикаго», одного из центральных коммерческих банков в группе Рокфеллера. Гейдж пытался превратить министерство финансов в своего рода подобие центрального банка: для накачки экономики деньгами во время рецессии скупал государственные облигации на открытом рынке и вносил крупные суммы на счета приближенных коммерческих банков. В 1900 г. Гейдж безуспешно призывал к созданию региональных центральных банков.

Наконец, в 1901 г. в своем последнем годовом отчете о деятельности министерства финансов Лиман Гейдж отбросил все условности и напрямую призвал к созданию государственного центрального банка. Без такого центрального банка, заявил он встревоженно, «банки вынуждены действовать разрозненно и изолированно, не проявляя взаимной солидарности». Если не создать центральный банк, который бы помог установлению

таких межбанковских связей, предупреждал Гейдж, неизбежно повторение паники 1893 г.¹⁷ Когда в начале следующего года Гейдж оставил пост министра финансов, он получил в Нью-Йорке должность президента рокфеллеровской «Ю Эс траст компани»¹⁸.

Закон о золотом стандарте 1900 г. и последующие события

С реформированием законодательства приходилось ждать до выборов 1898 г., потому что сторонники золотого стандарта еще не контролировали Конгресс. Осенью исполнительный комитет Конвента по реформе денежной системы провел мобилизацию, обратившись не менее чем к 97 тыс. адресатам по всей стране, которым был разослан предварительный отчет. Исполком призывал их сделать все для избрания в Конгресс сторонников золотого стандарта. Когда в ноябре сторонники золота одержали убедительную победу над сторонниками серебра, Ханна с энтузиазмом приветствовал это событие.

Теперь у администрации Мак-Кинли были развязаны руки, и собравшийся в декабре 1899 г. Конгресс принял законопроект к рассмотрению. В марте 1900 г. рекомендации предварительного отчета приобрели силу закона – закона о золотом стандарте.

Реформаторы добились своего. Хорошо известно, что закон о золотом стандарте оставил в качестве узаконенного платежного средства только золото, а серебро теперь стало использоваться только для чеканки мелких легковесных монет. Менее известны те пункты закона, которые проложили путь к повышению «эластичности» денежного обращения. Как предложил в 1897 г. Лиман Гейдж, национальные банки, которые прежде были привязаны к крупнейшим городам страны, теперь стало возможным, располагая небольшим капиталом, открывать в небольших городах и в сельской местности. И национальным

¹⁷ Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, p. 153.

¹⁸ Rothbard, "The Federal Reserve as a Cartelization Device," pp. 94–95.

банкам сильно облегчили процедуру выпуска банкнот. Целью этих шагов, по словам одного историка, было удовлетворение «возросшего спроса на деньги в период уборки урожая и настоячивых требований решить проблему “дефицита денег”, для чего в относительно неразвитых районах необходимо было открывать новые банки»¹⁹.

Реформаторы были в восторге от принятия закона о золотом стандарте, но для них это был только первый шаг к фундаментальной реформе всей банковской системы. Так, профессор Фрэнк Тауссиг из Гарвардского университета славословил принятый закон и приветствовал возникновение новой расстановки сил в социальной и идеологической жизни, созданной «сильным давлением со стороны деловых кругов», действовавших через собравшийся в Индианаполисе Конвент по реформе денежной системы. Он особенно одобрил тот факт, что закон о золотом стандарте «рассматривает национальные банки не как алчные и опасные корпорации, а как полезные учреждения, нуждающиеся в покровительственном внимании со стороны законодателей». Но простого внимания здесь недостаточно – необходима фундаментальная реформа банковского дела. Ибо, заявил Тауссиг, «изменения в банковском законодательстве не таковы, чтобы сделать возможным существенное расширение национальной [банковской] системы или предоставление ею обществу полного набора услуг, которые она в силах оказать». Иными словами, изменения расширили потенциальные возможности распространения банковского кредита и снабжения деньгами. В силу этого, делает вывод Тауссиг, «совершенно бесспорно, что Конгрессу еще придется вернуться к более глубокой перестройке национальной банковской системы»²⁰.

В общем, принятый в 1900 г. закон о золотом стандарте был только первым залпом движения за реформу банковской системы. Большую роль в развитии этого движения сыграли три

¹⁹ Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, p. 123.

²⁰ Frank W. Taussig, “The Currency Act of 1900,” *Quarterly Journal of Economics* 14 (May, 1900): 415.

друживших между собой финансовых обозревателя, из которых двое были из Чикаго. Родившийся в Массачусетсе Чарльз Конант (1861–1915), ведущий историк банковского дела, написал книгу «История современных эмиссионных банков» в 1896 г., еще будучи вашингтонским корреспондентом нью-йоркского «Джорнэл оф коммерс» и редактором «Бэнкерс мэгазин». Поработав в качестве лоббиста Конвента по реформе денежной системы, в 1902 г. Конант перебрался в Нью-Йорк, чтобы стать казначеем близкого к группе Моргана банка «Мортон траст компани». Двое чикагцев, оба дружившие с Лиманом Гейджем, были, как и сам Гейдж, близки к группе Рокфеллера: Фрэнк Вандерлип был помощником Гейджа, когда тот занимал пост министра финансов, а потом перебрался в Нью-Йорк в качестве одного из руководителей ведущего коммерческого банка в группе Рокфеллера, «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк». Тем временем близкий друг Вандерлипа, бывший его наставником в годы работы в «Чикаго трибюн» Джозеф Френч Джонсон также перебрался на восток, чтобы стать профессором финансов в Уортонской школе Пенсильванского университета. И только когда закон о золотом стандарте был уже принят, Джонсон провозгласил необходимость более фундаментальных реформ.

Профессор Джонсон уверенно заявил, что существующая система эмиссии банкнот слаба, поскольку не «отвечает потребностям денежного рынка», т.е. не снабжает рынки достаточным количеством денег. Поскольку национальная банковская система с этой задачей не справляется, сделал вывод Джонсон, нет причин ее сохранять. Джонсон заявил, что американцы имеют худшую в мире банковскую систему и указал на великолепные системы с центральным банком, существовавшие во Франции и в Британии²¹. А вот в США ничего по-

²¹ Joseph French Johnson, "The Currency Act of March 14, 1900," *Political Science Quarterly* 15 (1900): pp. 482–507. Джонсон отметил только один недостаток в устройстве Банка Англии – сохранение закона Пилля от 1844 г., который устанавливал ограничения на эмиссию банкнот (*ibid.*, p. 496).

добного центральному банку нет: «Однако в Соединенных Штатах не существует ни одного учреждения, ни группы крупных учреждений, собственные интересы которых, ответственность и власть могли бы естественным образом объединить и организовать защиту денежной системы от искажений и напряжений».

Короче говоря, в системе были избыток свободы и нехватка централизации. В результате наша мощная кредитная система «содрогается всякий раз, как оказываются задеты ее основания», иными словами, всякий раз как птенцы инфляционного кредита слетаются в гнездо и требуют золота или банкнот. Из-за неэластичности кредитной системы и невозможности межбанковской кооперации, делал вывод Джонсон, постоянно существует опасность того, что золото уйдет за границу как раз в то время, когда оно будет нужно для поддержания доверия к национальной банковской системе²².

После 1900 г. банковское сообщество раскололось по вопросу о реформе, причем малые и провинциальные банки предпочитали сохранения статус кво. Но крупные банкиры, возглавляемые Бартоном Хепберном из моргановского «Чейз нэшил бэнк», составили законопроект и, действуя от имени Американской банковской ассоциации, представили его в конце 1901 г. конгрессмену от Нью-Джерси Чарльзу Фоулера, председателю комитета по банкам и денежному обращению, который активно участвовал в проведении закона о золотом стандарте. В апреле 1902 г. предложение Хепберна было представлено на рассмотрение Комитета как законопроект Фоулера²³.

Законопроект Фоулера содержал три главных статьи. Первая предусматривала расширение базы эмиссии банкнот национальными банками, которая прежде ограничивалась только объемом государственных облигаций. Вторая – любимая мечта больших банков – разрешала создание банковских филиалов в своем и других штатах (решение, которому яростно противились небольшие провинциальные банки). Сама по себе свобода

²² Johnson, "The Currency Act," pp. 497 ff.

²³ Kolko, *The Triumph of Conservatism*, pp.149–150.

создания банковских филиалов отвечает принципам свободного рынка и позволяет организовать надежную и эффективную систему межбанковского клиринга, но для больших банков она представляла интерес только в сочетании с централизацией банковской системы. Третья статья законопроекта предусматривала создание в министерстве финансов контрольного бюро в составе трех человек, которое бы осуществляло надзор за эмиссией банкнот и создало под своей эгидой ассоциацию клиринговых домов: Последняя статья представляла собой первый шаг к созданию полноценного центрального банка²⁴.

Но не имея возможности управлять Американской банковской ассоциацией, провинциальные банкиры, стремясь сорвать принятие закона о разрешении открывать филиалы и тем самым не допустить конкуренции со стороны крупных банков, оказали энергичное давление на Конгресс, и тот в 1902 г., несмотря на все усилия исполкома, забаллотировал законопроект Фоулера.

Провал законопроекта Фоулера побудил крупных банкиров на время ограничиться более скромными целями. Сенатор-республиканец от штата Род-Айленд Нельсон Олдрич, лидер сенатских республиканцев и человек Рокфеллера в Конгрессе²⁵, на следующий год внес законопроект Олдрича, разрешающий крупным нью-йоркским национальным банкам «в чрезвычайных ситуациях» эмитировать деньги на базе муниципальных и железнодорожных облигаций.

Потерпев неудачу в Конгрессе, крупные банки решили перегруппироваться и действовать через исполнительную власть. В январе 1903 г. видные представители кланов Моргана и Рокфеллера встретились с Уильямом Б. Риджли, контролером денежного обращения, и попытались убедить его использовать административные меры, чтобы ограничить возможности провинциальных банков предоставлять ссуды на нью-йоркском

²⁴ Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, pp. 150–154.

²⁵ Нельсон Олдрич стал членом Сената будучи довольно состоятельным оптовым торговцем бакалейными товарами, а через десять лет стал уже мультимиллионером. Он был тестем Джона Рокфеллера. Его внук и тезка Нельсон Олдрич Рокфеллер стал вице-президентом США и главой «либерального» крыла республиканской партии.

денежном рынке. На этой встрече представителями группы Моргана были сам Дж. П. Морган и Джордж Бейкер, его ближайший друг и партнер в банковском бизнесе²⁶. Со стороны Рокфеллера участвовали Фрэнк Вандерлип и Джеймс Стиллмен, давнишний председатель совета директоров «Нэшнл сити бэнк»²⁷. Союз Рокфеллера и Стиллмена был зацементирован браком между двумя дочерьми Стиллмена и двумя сыновьями Уильяма Рокфеллера, брата Джона Рокфеллера-ст. и члена совета директоров «Нэшнл сити бэнк»²⁸.

Встреча эта результатов не принесла, но зато в игру был вовлечен сам министр финансов Лесли Шоу, некогда председательствовавший на втором Конвенте по реформе денежного обращения в Индианаполисе, которого президент Рузвельт назначил на пост вместо Лимана Гейджа. Убийство президента Мак-Кинли и переход власти к Теодору Рузвельту были не простой сменой властвующих лиц, а переходом власти от круга Рокфеллера к кругу Моргана. И замена Гейджа на Шоу была частью этой сдачи караула от клана Рокфеллера клану Моргана.

Однако в отношении банковского бизнеса и организации денежного обращения группы Моргана и Рокфеллера выступали заодно. Министр Шоу попытался расширить эксперимент Гейджа по превращению министерства финансов в центральный банк, особенно в том, что касается операций на открытом рынке в периоды рецессий, когда необходимо было выручать банки и экстренно расширять денежную массу. Шоу нарушил установленную законом независимость министерства

²⁶ Бейкер возглавлял подчиненный Моргану «Фёрст нэшнл бэнк оф Нью-Йорк» и являлся директором буквально всех крупных предприятий Моргана: «Чейз нэшнл бэнк», «Гэрэнти траст компани», «Мортон траст компани», «Мьючуал лайф траст компани», «Мьючуал лайф иншурэнс компани», «Эй-Ти энд Ти», «Консолидейтид гэс компани оф Нью-Йорк», «Эри рейлроуд», «Нью-Йорк сентрал рейлроуд», «Пульман компани» и «Юнайтед Стейтс стил». См.: Philip H. Burch, Jr., *Elites in American History*, pp. 190, 229.

²⁷ Об этой встрече см.: James Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, p. 155.

²⁸ Philip H. Burch, Jr., *Elites in American History*, pp. 134–135.

финансов, которое должно было хранить все государственные средства в собственных хранилищах. Он расширил практику размещения казенных сумм в крупнейших национальных банках. Но дело в том, что даже сторонники реформирования банковского дела были против размещения государственных средств в «придворных» банках, потому что это вело к искусственному понижению процента и, соответственно, к искусственному же расширению кредита. Кроме того, любой бюджетный дефицит привел бы систему, зависящую от потоков бюджетных доходов, в состояние хаоса. В конце концов реформисты вынуждены были согласиться с вердиктом экономиста Александра Певса: «Неопределенность предоставляемого министру финансов права произвольными указами распоряжаться судьбой банков с учетом того факта, что однажды стране может не повезти с личностью очередного министра... заставила многих усомниться в разумности» использования министерства финансов в качестве центрального банка²⁹. В своем последнем годовом отчете за 1906 г. министр Шоу настаивал на том, что ему должны быть предоставлены все права регулировать деятельность национальных банков. Но к тому времени игра была уже кончена и все реформаторы отчетливо поняли, что проект с превращением министерства в своего рода центральный банк провалился. Пришло время борьбы за фундаментальное реформирование законов о банковской системе, чтобы поставить ее под контроль центрального банка³⁰.

Чарльз Конант: избыточный капитал и экономический империализм

Последние годы XIX и первые годы XX столетия стали периодом зарождения движения за создание Федеральной резервной

²⁹ James Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, p. 156; Philip H. Burch, Jr., *Elites in American History*, pp. 161–162.

³⁰ О маневрах Гейджа и Шоу см.: Rothbard, "The Federal Reserve as a Cartelization Device," pp. 94–96; Milton Friedman and Anna Jacobson Schwartz, *A Monetary History of the United States, 1867–1960*. Princeton, N. J.: National Bureau of Economic Research, pp. 148–156.

системы. В эти же годы сложились основы золотодевизного стандарта, роковой системы, которая была навязана миру Британией (1920-е гг.) и Соединенными Штатами после Второй мировой войны (Бреттон-Вудское соглашение 1944 г.). Золотодевизный стандарт сыграл даже более важную роль, чем золотой стандарт с центральным банком, в навязывании миру координируемой системы международных инфляционных бумажных денег. Идея заключалась в том, чтобы заместить подлинный золотой стандарт, при котором каждая страна (а внутри страны – каждый банк) поддерживала собственные золотые резервы, на имитацию золотого стандарта, при которой центральный банк государства-сателлита в качестве валютного резерва держит ключевую или базовую валюту, скажем фунты стерлингов или доллары. В 1920-е гг., например, большинство стран держали резервы в фунтах стерлингов, и подразумевалось, что только Британия осуществляет размен фунтов на золото. Это означало, что все эти страны поддерживали не золотой, а «фунтовый» стандарт, хотя на нем, по крайней мере временно, лежал отблеск золотых резервов. Это также означало, что когда Британия осуществляла инфляционную эмиссию фунтов, золото не утекало в другие страны, которые, напротив, были счастливы наращивать эмиссию собственных валют на базе растущих балансов фунтов стерлингов. Это была внутренне нестабильная, инфляционная – маскировавшаяся под золотой стандарт – система, в которой государства-сателлиты инфлировали свою валюту, опираясь на британскую инфляционную пирамиду. Система была обречена на крах, как это и случилось в первый раз во время Великой депрессии, и повторно в конце 1960-х гг. Кроме того, жесткая привязка к фунту стерлингов, а впоследствии к доллару означала, что страны-поставщики ключевой или базовой валюты могли проводить политику экономического империализма по отношению к странам-клиентам, использующим ключевую валюту.

В конце 1890-х гг. несколько групп теоретиков в США работало над тем, что позднее получило название «ленинской» теории капиталистического империализма. Теория была разработана не Лениным, а апологетами этого самого империализма,

которые группировались вокруг таких людей из круга Моргана и Теодора Рузвельта, как Генри Адамс, Брукс Адамс, адмирал Альфред Махан и сенатор из Массачусетса Генри Кэбот Лодж. Идея заключалась в том, что развитые страны страдают от «перепроизводства», причем не только в смысле недостаточности потребительского спроса в периоды рецессий, но и в более глубоком смысле – неизбежном падении уровня прибыли. Падение прибыльности «избыточного капитала» создавало угрозу краха капиталистической системы, а единственным спасением были иностранные рынки сбыта и, что особенно важно, иностранные инвестиции. Новые и расширяющиеся иностранные рынки сбыта должны были увеличить массу прибыли, хотя бы временно, а инвестиции в экономику слаборазвитых стран дадут более высокую норму прибыли. Таким образом, правительствам западных стран для спасения своего высоко развитого капитализма нужно обратиться к империалистической или неоимпериалистической политике, которая откроет рынки других стран для американских товаров и инвестиций.

Ленин получил доктрину империализма, основанную на ошибочной рикардианской идее, что уровень прибыли определяется объемом капиталовложений, а не временными предпочтениями всех членов общества, в готовом виде, ему оставалось лишь поменять моральное одобрение этой политики на ее моральное осуждение и подчеркнуть временный характер передышки, которую империализм мог обеспечить для капитализма³¹.

Чарльз Конант разработал собственную теорию избыточного капитала в книге «История современных инвестиционных

³¹ Теория империализма как необходимой и «последней» стадии капитализма, разработанная в 1898–1899 гг. сторонниками империализма Чарльзом Конантом и Бруксом Адамсом, была подхвачена марксистом Гейлордом Уилширом в 1900–1901 гг., потом английским левым либералом и антиимпериалистом Джоном Гобсоном, который и оказал влияние на В. И. Ленина. См., в частности: Norman Etherington, “Reconsidering Theories of Imperialism,” *History and Theory* 21, no.1 (1982): 1–36; idem, *Theories of Imperialism: War, Conquest, and Capital*. Totowa, M. Y.: Barnes and Noble, 1984.

банков» (1896) и развил ее в последующих статьях. Конант заявил, что современные технологии и потребность в больших объемах основного капитала делают несостоятельными закон Сэя и концепцию равновесия и порождают хронически «избыточные сбережения», которые он определил как сбережения, превышающие возможности прибыльного вложения капитала в развитых капиталистических странах Запада. Циклы деловой активности, утверждал Конант, имеют источником нерегулируемый характер развития современного промышленного капитализма. Это объясняет важность государственной политики поощрения монополий и картелей, которые осуществляют стабилизацию рынков и сглаживание делового цикла. Это же оправдывает политику экономического империализма, обеспечивающую открытость зарубежных рынков для избыточного капитала Америки и других стран Запада.

В 1898 г. победа США в империалистической войне с Испанией подхлестнула энергию Конанта и других теоретиков империализма. Конант откликнулся на войну призывом к проведению империалистической политики в статье «Экономическая основа империализма»* и в других статьях, опубликованных в 1900 г. в сборнике «США на Востоке: природа экономической проблемы». С. Дж. Чэпмен, видный английский экономист, следующим образом суммировал аргументы Конанта: (1) «во всех развитых странах из-за избыточности сбережений исчезают возможности для прибыльного вложения капитала»; (2) поскольку не все страны проводят политику экономической открытости, «Америка должна быть готова использовать в случае необходимости силу», чтобы создать возможности прибыльного вложения капитала в других странах; и (3) в предстоящей борьбе Соединенные Штаты обладают преимуществом благодаря тому, что многие отрасли промышленности «объединены в тресты, что сулит победу в битве за экономическое доминирование»³².

* Charles Conant, "The Economic Base of Imperialism", *North American Review*, September 1898.

³² Chapman, J. S., Review of "Charles Conant's The United States in

Конант был чрезвычайно воодушевлен тем, что в результате победы над Испанией США получили Филиппины, открывающие путь на потенциально огромные рынки Азии. США, поучал он, не должны связывать себя «абстрактными выводами» из учения отцов-основателей США о необходимости согласия со стороны управляемых. Отцы-основатели, утверждал он, вне всякого сомнения, имели в виду, что самоуправление должно быть достоянием тех, кто способен к этому, и это требование неприменимо к отсталому народу Филиппин. «Только твердая рука ответственной правящей расы... – заявлял Конант, – способна обеспечить непрерывный прогресс народам тропических и неразвитых стран»³³.

Конант дерзнул быть достаточно последовательным, чтобы из своей доктрины империализма сделать выводы для внутренней политики. Общество, заявил он, должно быть преобразовано таким образом, чтобы сделать страну максимально «эффективной». Эффективность, в частности, предполагала концентрацию и централизацию власти. «Концентрация власти, обеспечивающая возможность оперативного и эффективного вмешательства, является почти решающим фактором в борьбе за мировое господство». В частности, Соединенным Штатам важно перенять грандиозные достижения царской России в деле централизации власти и политики. Правительству США нужно достичь «такой степени гармонии и соразмерности, которые позволяют направить всю мощь государства на проведение хорошо сформулированной и продуманной политики». Необходимо внести поправки к Конституции США, чтобы сделать возможным некий аналог царского абсолютизма или, по крайней мере, обеспечить грандиозное усиление полномочий исполнительной власти в области внешней политики³⁴.

---

the Orient," *Economic Journal* 2 (1901): 78; см. также: Etherington, "Reconsidering Theories of Imperialism," p. 24.

³³ David Healy, *U.S. Expansionism: The Imperialist Urge in the 1890's*. Madison: University of Wisconsin Press, 1970, pp. 200–201.

³⁴ *Ibid.*, pp. 202–203.

Любопытным примером того, как соблазны империализма влияли на сознание деловых кругов, является бостонский еженедельник «Ю Эс Инвестор». До начала войны 1898 г. с Испанией газета отвергала войну как угрозу для бизнеса. Но после того как коммодор Дьюи захватил Манилу, тон газеты резко изменился. Теперь война прославлялась как благо для бизнеса, как путь к выходу из рецессии. Вскоре уже «империализм» был объявлен источником постоянного процветания для страны. Во внутренней жизни большая армия и флот будут сдерживать склонность демократии к «чрезмерной свободе и необузданности мыслей и поведения». Газета добавляла: «Европейский опыт демонстрирует, что армия и флот способны изумительным образом вносить порядок в образ мыслей и поведения».

Еще больше выгод политика империализма сулит в области экономики. Чтобы найти «применение... капиталу», суровая необходимость требует «расширения возможностей сбыта продукции». Точнее говоря, важно найти «возможности» сбыта растущего потока товаров, производимых развитыми странами, а также прибыльного вложения их сбережений. «Ю Эс Инвестор» был в восторге от того факта, что «такие возможности предоставляют полуцивилизованные варварские народы», в частности манящий Китай.

Особенно примечательна дискуссия, развернувшаяся между «Ю Эс Инвестор» и «Спрингфилд рипабликен» (Массачусетс), который все еще придерживался старой теории свободной торговли и *laissez faire*. «Спрингфилд рипабликен» задавала вопрос, почему бы не ограничиться торговлей с неразвитыми странами, не обременяя при этом американского налогоплательщика накладными расходами на бюрократию и вооруженные силы. Газета также подвергла критике новую теорию избыточного капитала, указав при этом, что всего два-три года назад деловые люди громко приветствовали дополнительные вложения европейского капитала. В ответ на первое возражение «Инвестор» ссылался на «опыт напряженной борьбы, по крайней мере на протяжении последних девятнадцати веков, в которой внешние завоевания обеспечивали процветание народов». Но гораздо более практичным было другое соображе-

ние: империализм принесет стране много выгод благодаря государственным подрядам и вложению денег в то, что на сегодняшнем языке назвали бы «инфраструктурой» колониальных государств. Кроме того, как демонстрирует опыт Британии, расширение потребности дипломатической службы обеспечит «новую сферу деятельности для образованных и способных молодых людей».

По второму пункту – об избыточном капитале – «Инвестор», подобно Конанту, выдвинул идею, что в Америке наступила новая эпоха, эра крупномасштабной промышленности, а значит и перепроизводства, эра низкого уровня прибыльности, и потому создания трестов, которые, подавляя конкуренцию, обеспечивают повышение прибыли. Газета писала: «Избыток капитала ведет к разорительной конкуренции. Перефразируя остроу Франклина, собственники капитала склонны считать, что либо они будут держаться все вместе, либо их всех повесят поодиночке». Но если тресты пригодны для решения проблем в отдельных отраслях, они не снимают проблему общей «избыточности капитала». На самом деле, указывал «Инвестор», «поиск сферы приложения капитала... это величайшая из стоящих перед нами экономических проблем».

Газете казалось, что решение проблемы уже найдено:

Логичным выходом является развитие природных богатств тропических стран. Сегодня эти страны населены племенами, неспособными проявить инициативу для извлечения всех богатств, таящихся в их земле... В некоторых случаях эта задача может быть решена, если руководство и управление возьмут в свои руки народы зон умеренного климата; но, кроме этого, необходимо использовать в сельском хозяйстве и добывающей промышленности неразвитых стран современные машины и методы производства³⁵.

К весне 1901 г. к новому учению причастился даже знаменитый экономист Джон Бейтс Кларк из Колумбийского университета. Рассматривая проимпериалистические работы Конанта, Брукса Адамса и преподобного Джошуа Стронга, Кларк

³⁵ Цит. по: Etherington, "Reconsidering Theories of Imperialism," p. 17.

в хвалебной рецензии, опубликованной в мартовской книжке журнала «Политикл сайенс куотерли» за 1901 г., подчеркивает необходимость открывать иностранные рынки и, в особенности, вкладывать американский капитал «с еще большей и еще более стабильной прибылью»³⁶.

Дж. Б. Кларк был не единственным экономистом, присоединившимся к прославлению сильного государства. К началу XX в. в стране развелось множество экономистов и представителей других социальных наук, многие из которых заработали свои докторские степени в Германии, где им привили почтение к индуктивному методу, немецкой исторической школе и к коллективистскому, органическому государству. Стремясь конвертировать свою научную подготовку в престиж и власть, эта новая генерация исследователей общества под знаменем профессионализма и технической компетентности приготовилась отринуть старые заветы *laissez faire* и выступила в качестве пропагандистов и проектировщиков нового государства с механизмом централизованного планирования. Когда профессор Эдвин Селигмен из Колумбийского университета, отпрыск почтенной семьи инвестиционных банкиров (банк «Джей энд Дабл्यू Селигмен энд компани») с Уолл-стрит, в президентском обращении к Американской экономической ассоциации в 1903 г. восславил «новый индустриальный строй», он говорил от лица многих обществоведов новой генерации³⁷. Селигмен пророчил, что в новом, XX в. профессиональные знания дадут экономистам возможность «контролировать... и формировать» материальные силы прогресса. Когда экономист докажет, что в состоянии точно предвидеть будущее, его возвеличат как «реального философа общественной жизни» и публика будет «с почтением внимать его высказываниям».

³⁶ Parrini and Sklar, "New Thinking about the Market," 1983, p. 565, n. 16.

³⁷ Через брачные связи Селигмен был в родстве с Лёбами и с Полом Варбургом из компании «Кун, Лёб». Точнее говоря, его брат Исаак был женат на Гуте Лёб, сестре Нины, жены Пола Варбурга. См.: Stephen Birmingham. *Our Crowd: The Jewish Families of New York*. New York: Pocket Books, 1977, appendix.

В 1899 г. Артур Твининг Хедли из Йельского университета в президентском обращении к Ассоциации также провидел, что экономисты станут царствующими философами будущего общества. Хедли заявил, что важнейшим предназначением экономических знаний будет руководство общественной жизнью; экономисты будут советниками и руководителями государственной политики. Хедли вещал:

Я верю, что в ближайшем будущем величайшие возможности для них [экономистов] откроет не теория, а практика, не работа со студентами, а общение с государственными мужами, обучение не отдельных граждан, даже самое массовое, а руководство государственной политикой³⁸.

Хедли проницательно выделил именно исполнительную власть как особенно благоприятное поприще для карьеры и приложения сил экономических советников и плановиков. Прежде бюрократы были обречены подыскивать себе подобного рода советников, сообразуясь с их партийной принадлежностью, идеологической ориентацией и влиянием на избирателей. Но теперь под действием набирающего силу движения муниципальных реформ (вскоре прозванного Прогрессивным) власть переходила от политических партий в руки администраторов и экспертов. «Растущая централизация административной власти [открывала]... перед экспертами неплохие возможности». А теперь, когда война с Испанией возбудила в Америке волну империализма, возникли еще большие перспективы усиления централизации, исполнительной власти, а значит, и административного планирования, открывающего широчайшее поле деятельности для экспертов. И хотя сам Хедли объявил себя противником империализма, он убеждал экономистов использовать эту величайшую возможность прийти к власти³⁹.

³⁸ Цит. по: Edward T. Silva and Sheila A. Slaughter. *Serving Power: The Making of the Academic Social Science Expert*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1984, p. 103.

³⁹ *Ibid.*, pp. 120–21.

Экономическая общественность не замедлила воспользоваться новыми возможностями. Исполком Американской экономической ассоциации (АЭА) быстро создал особый комитет из пяти специалистов для подготовки и публикации руководства по колониальным финансам. По словам Сильвы и Слотера, этот быстро составленный том позволил АЭА показать властвующей элите,

что новая наука об обществе может служить интересам тех, кто сделал империализм политикой страны, в качестве инструмента подготовки технических решений насущных фискальных проблем колоний, а также дать идеологическое обоснование приобретения колоний⁴⁰.

Председателем особого комитета был профессор Джереми Дженкс из Корнеллского университета, главный экономический советник Теодора Рузвельта. Другим членом комитета был профессор Э. Р. А. Селигмен, еще один ключевой советник Рузвельта. Третьим был д-р Альберт Шоу, влиятельный редактор «Ревью оф ревьюз», прогрессивистский реформатор и ученый, давнишний друг Рузвельта. Все трое уже долгое время были в числе лидеров АЭА. Двумя другими членами комитета, не входившими в число лидеров Ассоциации, были Эдвард Стробел, бывший помощник государственного секретаря и советник колониальных властей, и Чарльз Хэмлин, богатый бостонский адвокат и помощник министра финансов, жена которого происходила из семьи Прайн, инвесторов моргановских компаний «Нью-Йорк сентрал рейлруд» и «Мьючуал лайф иншурэнс компани оф Нью-Йорк».

Быстро составленный этой пятеркой видных экономистов сборник статей по колониальным финансам* содержал рекомендации правительству США, как наилучшим образом управлять вновь созданной империей. Первое: в соответствии с практикой правительства Британии тех времен, когда Северо-

⁴⁰ Ibid., p. 133.

* Jeremiah W. Jenks, E. R. A. Seligman, Albert Shaw, Edward R. Strobel, and Charles S. Hamlin. *Essays in Colonial Finance*. Publications of the American Economic Association, 3rd Series, 1900.

американские Соединенные Штаты еще были горсткой колоний, жители колоний должны содержать имперское правительство на свои налоги, но власть должна безраздельно принадлежать имперскому центру, США. Второе: имперский центр должен взять на себя постройку и содержание экономической инфраструктуры колоний: каналов, железных дорог, коммуникаций. Третье: если – что неизбежно – труд туземцев в каких-то областях окажется неэффективным или они проявят неспособность к управлению, имперское правительство должно ввозить [белых] рабочих из метрополии. И, наконец, как пишут Сильва и Слотер,

фискальные рекомендации комитета заключались в том, что во избежание больших неприятностей имперское правительство должно использовать знающих экономистов. Именно им следует поручить тщательное изучение местных условий, чтобы выработать адекватную фискальную систему, собрать данные, выбрать подходящую схему административного управления, а быть может, и встать во главе его⁴¹.

Вот так комитет подтвердил мысль Хедди, что империализм открывает широчайшие возможности для экономистов, потому что создает большое число рабочих мест, для которых те подходят наилучшим образом.

Подготовив сборник, АЭА принялась искать финансовые средства для его издания и рассылки. Задача была не только собрать деньги, но и привлечь благосклонное внимание ведущих членов правящей элиты к этому смелому притязанию экономистов на власть в качестве технических советников и администраторов имперского государства.

Американская экономическая ассоциация нашла пять богатых бизнесменов, которые взяли на себя $\frac{2}{5}$ расходов на публикацию сборника по колониальным финансам. Составляя этот сборник, а затем приняв спонсорскую помощь от корпораций, часть из которых были экономически заинтересованы в создаваемой империи, АЭА подавала сигнал, что цеховая орга-

⁴¹ Silva and Slaughter. *Serving Power: The Making of the Academic Social Science Expert*, p. 135.

низация экономистов (1) всецело приветствует возникающую американскую империю; (2) жаждет принять максимальное участие в ее становлении в качестве экспертов и администраторов, т.е. в той роли, для которой ее люди, как мы увидим в следующем разделе, были идеально подготовлены.

Довольно поучителен список спонсоров этого издания, наглядно демонстрирующий, какого рода люди были заинтересованы в колониальном будущем Америки. Одним из них был Исаак Селигмен, глава инвестиционного банка «Джей энд Даблью Селигмен энд компани», имевшего обширные заграничные интересы, прежде всего в Латинской Америке. Э. Р. А. Селигмен, брат Исаака, был членом особого комитета по составлению сборника, посвященного колониальным финансам, и автором одной из статей в этом сборнике. Еще одним спонсором был Уильям Додж, совладелец фирмы «Фелпс, Додж энд компани», занимавшейся добычей меди, член многочисленной и влиятельной семьи горнопромышленников, близкой к клану Моргана. Третьим спонсором был Теодор Марбург, в то время вице-президент АЭА, наследник большого пакета акций «Америкэн тобакко компани» и пылкий сторонник империализма. Четвертым был Томас Шерман, сторонник единого налога и юрист богатейшего железнодорожного магната Джея Гоулда, пятым – Стюарт Вуд, промышленник, получивший докторскую степень по экономике, и вице-президент АЭА.

Конант: денежный империализм и золотодевизный стандарт

Вспышке политического империализма в конце 1890-х гг. сопутствовал подъем экономического и, разумеется, денежного империализма. Вкратце ситуация была такова: в большинстве стран Запада к тому времени прочно утвердился золотой стандарт, а в большинстве стран «третьего мира» – серебряный. В предыдущие несколько десятилетий стоимость серебра падала в отношении к золоту, потому что (1) мировая добыча серебра увеличивалась быстрее, чем добыча золота; и (2) это подтолкнуло многие западные страны перейти от серебряного стан-

дарта или биметаллизма к золотому, что сильно уменьшило мировой спрос на серебро как на монетарный металл.

Для стран «третьего мира» обесценивание серебра означало инфляцию, и для них имело бы смысл переходить от серебряно-монетного стандарта к золотомонетному. Но новые империалисты из числа банкиров, экономистов и политиков США в гораздо меньшей степени были заинтересованы в благосостоянии стран «третьего мира», чем в возможности навязать им денежный империализм. Это не только обеспечивало бы связь между хозяйственными системами имперского центра и государств-сателлитов, но при этом колониальные пирамиды денежного оборота и кредита надстраивались бы над соответствующими структурами в США. Поэтому новые империалисты намеревались навязать странам третьего мира не настоящий золотомонетный стандарт, а только что измышленный золотодевизный, или долларовый, стандарт.

При этом покупательную способность серебряных и золотых монет определял бы не рынок, а произвольные решения правительств. Серебряное обращение сохранялось в странах «третьего мира» только номинально; их валютные резервы должны были состоять из запасов не серебра, а долларов, предположительно конвертируемых в золото, причем резервы подлежали хранению не в самих странах, а в Нью-Йорке. При такой ситуации раздувание кредита в США не создавало угрозы оттока золота за границу, как это было бы в случае настоящего золотого стандарта. В условиях настоящего золотого стандарта ни один человек и ни одна страна не стала бы требовать от заграничных партнеров погашения обязательств в долларах. Они потребовали бы погашения долларовых обязательств золотом. Таким образом, хотя американские банкиры и экономисты по опыту многих десятилетий знали о недостатках и опасностях биметаллизма, именно его они намеревались навязать государствам-сателлитам, чтобы плотнее включить их в экономическую орбиту американского империализма и принудить их к возведению своей пирамиды денежной массы на базе долларовых резервов, предположительно, но не на деле, конвертируемых в золото.

С проблемой серебряных денег в «третьем мире» США в первый раз столкнулись в 1898 г., когда прибрали к рукам испанскую колонию Пуэрто-Рико. К счастью для империалистов, эта колония уже созрела для манипуляций с денежной системой. Всего тремя годами ранее, в 1895 г., Испания разрушила полноценное серебряномонетное обращение, существовавшее в ее колонии, и вместо него ввела сильно облегченный серебряный «доллар», весовое содержание серебра в котором составляло только 41 цент в американских деньгах. Испанское правительство хорошо заработало на этой перечекалке пуэрториканских монет. Поэтому Соединенным Штатам было нетрудно заместить испанские монеты собственными серебряными долларами стоимостью всего 45,6 цента в золоте. Таким образом, американские серебряные монеты заместили еще более легковесные испанские, и к тому же у пуэрториканцев еще не сложилась привычка к использованию навязанных испанцами новых денег. Благодаря этому в ходе подчинения денежной системы Пуэрто-Рико американцы практически не встретили сопротивления⁴².

Главным предметом спора был вопрос о курсовом соотношении между двумя фальсифицированными валютами: старым пуэрто-риканским серебряным песо и новым американским серебряным долларом. Нужен был такой курс, при котором пуэрториканцы легко согласились бы на валютную реформу. Для проведения валютной реформы правительство США выбрало видного экономиста Джейкоба Холландера из Университета Джона Хопкинса, которому поручили провести ревизию налогового законодательства Пуэрто-Рико. Холландер принадлежал к числу университетских экономистов, отрекшихся от принципов *laissez faire* в пользу всеобъемлющего этатизма. В Пуэрто-Рико основными должниками были крупные сахарные плантаторы, которым был выгоден максимально низкий курс, поэтому они требовали, чтобы покупательную способность песо ус-

⁴² См. содержательную статью: Emily S. Rosenberg, "Foundations of United States International Financial Power: Gold Standard Diplomacy, 1900–1905," *Business History Review* 59 (Summer: 1905), pp. 172–173.

тановили на уровне 0,50 американского доллара. Их кредиторы-банкиры, напротив, предпочитали курс 1 песо к 0,75 доллара. Поскольку решение все равно могло быть лишь произвольным, Холландер и другие американские чиновники выбрали золотую середину – 60 американских центов за 1 песо⁴³.

Более сложные проблемы возникли на Филиппинах, другой присоединенной к США испанской колонии. Как и в большинстве стран Юго-Восточной Азии, на Филиппинах был в ходу полновесный серебряный доллар мексиканской чеканки. Но США были заинтересованы в быстром проведении реформы, потому что на содержание оккупационных сил требовалось большое количество американских долларов, объявленных, разумеется, узаконенным платежным средством. Поскольку мексиканские серебряные монеты также являлись узаконенным платежным средством и были дешевле золотого американского доллара, американским военным платили более дешевыми и малопривлекательными для них мексиканскими монетами.

Ситуация была щекотливой, и в 1901 г. Островное управление министерства обороны, на которое возложили заботы об оккупационном хозяйстве, наняло для проведения денежной реформы Чарльза Конанта. Илайхью Рут, министр обороны, был «на гражданке» уважаемым уолл-стритским юристом, при случае оказывавшем юридические услуги Дж. П. Моргану. Рут

⁴³ В установлении империалистического режима в Пуэрто-Рико участвовал также экономист и демограф У. Уилкоккс из Корнеллского университета, который провел первую в истории Пуэрто-Рико, а позднее и Кубы, перепись населения; а также Роланд Фолкнер, статистик и участник движения за реформирование банковской системы, сначала бывший профессором Пенсильванского университета, а позднее возглавивший Отдел документов библиотеки Конгресса, который в 1903 г. принял пост уполномоченного по делам образования на острове. В 1909 г. Фолкнер возглавил Комиссию США по Либерии, а позднее был членом совместной американо-китайской комиссии по землеустройству (Joint Land Commission). Гарвардский экономист Томас Адамс служил на Пуэрто-Рико помощником Казначая при Холландере. На посту Казначая Холландера сменил политолог Уильям Уиллоуби. См.: Silva and Slaughter. *Serving Power: The Making of the Academic Social Science Expert*, p. 137–138.

сам решил остановить свой выбор на Конанте. Конант, только что завершивший свою деятельность в качестве члена Комитета по денежной реформе (Индианаполис), но еще не успевший перебраться в Нью-Йорк, где он стал позднее видным инвестиционным банкиром, был, естественно, твердым сторонником золотодевизного стандарта и ведущим теоретиком экономического империализма.

Поняв, что филиппинцы любят свои серебряные монеты, Конант изобрел способ навязать стране американские деньги, привязанные к золотому доллару. Хитроумный план заключался в том, что на Филиппинах серебро останется в обращении, но вместо полновесных мексиканских монет в ходу будут облегченные американские, а курсовое соотношение между монетным серебром и золотом будет намного ниже рыночного. Поскольку в этой биметаллической системе денежная стоимость серебра будет сильно завышена, то в соответствии с законом Грэхема оно сохранится в обращении на Филиппинах, а недооцененное золото выйдет из обращения.

Прибыль министерства финансов от чеканки облегченных монет будет размещена в нью-йоркском банке и составит «резервный фонд» серебряного обращения на Филиппинах, который будет использоваться для расчета за пределами Филиппин. Более того, у правительства США появлялась возможность использовать эти средства в качестве резервов при эмиссии бумажных долларов.

Следует отметить, что Конант самостоятельно изобрел схему валютной эксплуатации экономики стран «третьего мира», основанной на серебре. Одновременно Великобритания вводила сходные схемы в Египте, в Индии и на островах Малайского архипелага.

Однако Конгресс под давлением серебряного лобби отклонил план Островного управления. Пришлось использовать пробивные способности Чарльза Конанта. Он встретился с редакторами ведущих финансовых изданий и заручился их обещанием опубликовать редакционные статьи в пользу своего плана (некоторые статьи он сам и написал). Американские банки в Маниле были уже на его стороне. Мятежные амери-

канские банкиры получили предупреждение, что если они не примут этот план, им не видать у себя счетов министерства обороны. Кроме того, Конант сумел привлечь на свою сторону главных врагов – американских производителей серебра, которым было обещано, что в случае успеха денежной реформы на Филиппинах федеральное правительство именно у них будет покупать металл для чеканки серебряной монеты. Вот так, действуя где кнутом, где пряником, Конант добился своего. В марте 1903 г. Конгресс принял закон о реформе денежного обращения на Филиппинах.

Но на Филиппинах операция по замене местных серебряных монет на американские прошла не столь гладко, как в Пуэрто-Рико. Дело в том, что серебряные монеты мексиканской чеканки были в ходу не только в Юго-Восточной Азии, но и по всему миру, так что операция по их принудительному выводу из обращения могла затянуться навечно. США сделали попытку: мексиканские монеты были лишены статуса узаконенного платежного средства, а выплата жалования государственным служащим и прочие государственные выплаты, а также сбор налогов стали осуществляться только в американских серебряных долларах. Но получилось так, что на Филиппинах в ходу остались старые мексиканские монеты, а американские монеты использовали для уплаты налогов и расчетов с метрополией, и они, таким образом, репатриировались в США.

Министерство обороны было вне себя: как же все-таки вывести из оборота на Филиппинах мексиканские серебряные монеты? В отчаянии обратились к неутомимому Конанту, но тот оказался занят – его пригласили в президентскую комиссию по международным денежным расчетам, чтобы убедить Мексику и Китай в необходимости перехода к золотодевизному стандарту. Холландер, с таким успехом проведший аналогичную операцию в Пуэрто-Рико, был болен. Кто еще? Специалистов по монетарному империализму было еще настолько мало, что Конант, Холландер и ряд ведущих банкиров ответили министерству обороны, что не знают, кого можно рекомендовать на эту работу. Был еще Джереми Дженкс из Корнеллского университета, коллега Конанта по новой комис-

сии президента Рузвельта по международной валютной системе. Дженкс уже проложил дорогу Конанту, посетив в 1901 г. английские и голландские колонии на Дальнем Востоке для сбора информации о проблемах, которые предстояло решать на Филиппинах. Дженкс назвал нужное имя – его бывший аспирант в Корнельском университете Эдвин Кеммерер.

Кеммерер занимался реализацией плана Конанта на Филиппинах с 1903 по 1906 г. Впоследствии Кеммерер стал профессором Корнельского университета, где использовал в преподавании не только теории Дженкса и Конанта, но и свой опыт работы на Филиппинах. Оттуда он перебрался в Принстонский университет, а в 1920-х гг. стал знаменит как «целитель денег» и в разных странах участвовал в установлении золотодевизиного стандарта.

С помощью советов Конанта Кеммереру с сотрудниками удалось-таки выработать план вытеснения из оборота мексиканских серебряных монет. Успех плана в значительной степени был обеспечен использованием административного принуждения. США законодательно запретили импорт мексиканских монет и одновременно обложили высоким налогом все частные сделки на территории Филиппин, в которых расчеты осуществлялись мексиканскими деньгами. План удался главным образом потому, что в это время возник большой спрос на мексиканские монеты в Северном Китае, и то серебро, которое бы в противном случае доставлялось на Филиппины контрабандой, по пути наименьшего сопротивления перетекло в Китай. Успеху способствовал еще и тот факт, что новые американские серебряные монеты, прозванные на Филиппинах «конантами», внешне были очень похожи на привычные населению мексиканские монеты. К 1905 г. сила, хитрость и везенье восторжествовали, и конанты (50 центов на американские деньги) стали основным средством обращения на Филиппинах. Вскоре власти США настолько уверились в надежности этого достижения, что ввели в оборот медные монеты и бумажные конанты⁴⁴.

⁴⁴ Rosenberg, "Foundations of United States International Financial Power," pp. 177–181. В империалистическом освоении Филиппин уча-

К 1903 г. реформаторы осмелели настолько, что устроили поход против мексиканского серебряного доллара по всему миру. Американские промышленники, намеревавшиеся развивать свое производство в Мексике, требовали от правительства перехода к золотому стандарту и нашли союзника в лице влиятельного министра финансов Хосе Лимантура. Но задать мексиканский серебряный доллар у него на родине оказалось задачей непростой, потому что монета была известна и пользовалась спросом по всему миру, особенно в Китае, где эти монеты обслуживали подавляющую часть торгового оборота. Наконец, в результате трехсторонних переговоров между Соединенными Штатами, Мексикой и Китаем удалось уговорить китайцев и мексиканцев обратиться к правительству США с просьбой о присылке финансовых советников для проведения денежной реформы и стабилизации обменных курсов по отношению к золоту⁴⁵.

На основании этих запросов президент Рузвельт заручился одобрением Конгресса и в марте 1903 г. создал Комиссию по

ствовали также следующие экономисты и политологи: Карл Плен из Калифорнийского университета, бывший в 1900–1901 гг. главным статистиком Комиссии по Филиппинам; Бернард Мозес, историк, политолог и экономист из Калифорнийского университета, ярый адвокат империализма, служивший в Комиссии по Филиппинам в 1901–1903 гг., а потом ставший экспертом по Латинской Америке, участник ряда панамериканских конференций. Политолог Дэвид Барроус в течение восьми лет, с 1901 по 1909 г., был руководителем системы среднего образования в Маниле. Этот опыт заложил у него любовь к военным операциям, и уже в 1934 г., будучи профессором в Беркли и генералом калифорнийской национальной гвардии, он руководил подавлением забастовки грузчиков в сан-францисском порту. Во время Второй мировой войны его пристрастие к насилию выразилось в участии в интернировании японского населения Сан-Франциско. О Барроусе см.: Silva and Slaughter, *Serving Power: The Making of the Academic Social Science Expert*, p. 137–38. О Мозесе см.: Dorfman, *The Economic Mind in American Civilization*, pp. 96–98.

⁴⁵ Parrini and Sklar, “New Thinking about the Market,” pp. 573–577; Rosenberg, “Foundations of United States International Financial Power,” p. 184.

международным расчетам для проведения денежных реформ в Мексике, Китае и в других странах с серебряным обращением в составе трех специалистов. Целью было «установление постоянного соотношения между деньгами стран, использующих золотой и серебряный стандарты», для того чтобы стимулировать «экспортную торговлю и инвестиционные возможности» в странах с золотым стандартом и поощрять экономическое развитие стран с серебряным стандартом.

В Комиссию по международным расчетам попали трое старых друзей-единомышленников: Хью Ханша из Комитета по реформе денежного обращения, ставший председателем, а также его старший помощник в этом Комитете Чарльз Конант и профессор Джереми Дженкс. Конант, как обычно, был главным теоретиком и изобретателем жульнических обходных путей. Он понимал, что главными противниками перехода Мексики и Китая к золотому стандарту являются компании, добывающие в Мексике серебро, и он придумал, что для облегчения перехода на золотой стандарт нужно всучить мексиканское серебро европейским странам.

Но его поездка летом 1903 г. по странам Европы показала, что европейцы не горят желанием покупать мексиканское серебро, а также субсидировать американские инвестиции и экспорт в Китай, на рынки которого они сами мечтали проникнуть. Зато в самих США основные газеты и финансовые издания, надлежащим образом простимулированные Конантом, всюю расхваливали новую денежную систему.

Однако одновременно США решали сходную проблему в двух новых протекторатах – на Кубе и в Панаме. С Панамой все получилось просто. США оккупировали зону Панамского канала и собирались ввозить туда огромное количество строительного оборудования, поэтому было решено навязать номинально независимой Панамской республике в качестве денежной единицы золотой американский доллар. Закрепив золотой доллар в качестве официальной денежной единицы, США ввели новый серебряный песо стоимостью 50 центов, который и стал основным средством обмена в Панаме. Делу помогло то, что новый песо был почти равен по покупательной способно-

сти вытесненной из обращения старой серебряной монете колумбийской чеканки. Так что здесь, как и в Пуэрто-Рико, все прошло без осложнений.

Куба оказалась самым трудным орешком среди всех американских колоний или протекторатов. Несмотря на все усилия Конанта денежная реформа на Кубе не прошла. На Кубе мирно уживались в обращении испанские золотые и серебряные монеты, французские и американские монеты. Обменные курсы устанавливались в соответствии со спросом и предложением. Кроме того, как и на Филиппинах до успеха реформы, в результате установления фиксированного обменного курса между более легковесными американскими и более тяжелыми испанскими и французскими монетами кубинцы возвращали более дешевые американские монеты в США в виде таможенных и прочих сборов.

Почему Конант потерпел поражение на Кубе? Прежде всего сыграл свою роль кубинский национализм. Неоднократные обращения Конанта с просьбой организовать для Комиссии по международным расчетам приглашение на остров остались безрезультатными. Кроме того, Леонард Вуд, популярный командующий войсками США на Кубе, не хотел создавать у кубинцев впечатления, что есть планы навязать Кубе статус колонии.

Вторая причина была чисто экономической. Мощная сахарная промышленность Кубы зависела от экспорта в Соединенные Штаты, а, по оценкам Леонарда Вуда, переход от дешевых серебряных денег к дорогим золотым повысил бы цену на сахар на 20%. Точно такие же проблемы стояли и перед производителями сахара в Пуэрто-Рико, но там, как и на Филиппинах, американские экономические интересы способствовали переходу этих стран на золотодевизный стандарт, чтобы стимулировать американский экспорт в эти страны. С другой стороны, на Кубе американский инвестиционный капитал и так мощно притекал в сахарную промышленность, так что в самой Америке доминировали экономические группы, не заинтересованные в денежной реформе. К началу Первой мировой войны американские вложения в кубинскую сахарную промышленность достигли 95 млн долл.

Так, когда в 1907 г. Чарльз Конант возобновил давление в пользу перехода Кубы на золотой стандарт, сильное сопротивление ему оказал американский губернатор Кубы Чарльз Магун, считавший, что переход на золотодевизный стандарт повредит интересам владельцев плантаций сахарного тростника. Комиссия по международным расчетам так и не смогла поехать на Кубу, зато, по иронии судьбы, именно на Кубе в 1915 г. скончался Чарльз Конант, тщетно пытавшийся убедить кубинцев в преимуществах золотодевизного стандарта⁴⁶.

Переход Мексики на золотое обращение прошел намного более гладко, но здесь успех принесло энергичное участие министра иностранных дел Лимантура и его помощников, а американская команда реформаторов играла второстепенную роль. При этом успех принятого в 1905 г. закона о реформе денежного обращения в Мексике был обеспечен начавшимся в следующем году ростом мировых цен на серебро, сделавшим золотые монеты относительно более дешевыми, что, по закону Грэшема, в изобилии обеспечило мексиканцев золотыми монетами. Зато на Филиппинах из-за роста цен на серебро американские серебряные монеты попали в трудное положение и спасти их удалось только благодаря энергичному вмешательству мексиканского правительства, которое поставило на Филиппины достаточное количество серебра, что помогло вернуть конанты в обращение⁴⁷.

Но самый большой провал денежный империализм потерпел в Китае. В 1900 г. войска Британии, Японии и США высадились в Китае, чтобы подавить боксерское восстание. Потом победители принудили китайское правительство взять обязательство выплатить им и всем другим крупным европейским державам 333 млн долл. в качестве компенсации. США истол-

⁴⁶ Rosenberg, "Foundations of United States International Financial Power," pp. 186–188.

⁴⁷ Вполне реалистично предположение, что одной из причин мексиканской революции 1910 г., направленной в том числе и против американского влияния, была реакция на манипуляции с валютой и насильственный перевод страны с серебряного обращения на золотое. Хотя, разумеется, эту гипотезу еще предстоит доказать.

ковали это как обязательство выплатить компенсацию золотом, но Китай в 1903 г. начал выплаты серебром, что привело победителей в ярость. Посол США в Китае сообщил в Вашингтон, что Британия может объявить попытку заплатить серебром нарушением договора, а это будет означать неизбежную интервенцию.

Ободренный успехами США на Филиппинах, в Панаме и в Мексике министр обороны Рут в начале 1904 г. послал в Китай Джереми Дженкса, чтобы склонить китайцев к переходу на золотой стандарт. Дженкс также написал из Китая президенту Рузвельту, настаивая на том, чтобы китайские компенсационные выплаты Соединенным Штатам были использованы на финансирование профессорских стажировок в течение 30 лет. Но Дженкс не справился с задачей. Китайцы слишком хорошо поняли навязываемую им схему денежной реформы. Они отвергли предполагаемый системой золотодевизиного стандарта «сеньораж» как безответственную и безнравственную порчу китайских денег, которая делает китайцев беднее, при том что американские банки, в которых будут храниться резервы «сеньоража», получают немалую прибыль. Кроме того, китайские официальные лица поняли, что выплата компенсации не серебром, а золотом обогатит европейские государства за счет китайской экономики. Они также отметили, что предложенная Комиссией по международным расчетам схема передаст контроль над денежным обращением Китая в руки иностранцев, которые получат возможность регулировать банковскую деятельность и принудительно реформировать экономику страны. Можно себе представить возмущение китайцев. В ответ китайцы в 1905 г. провели собственную денежную реформу и заменили мексиканские серебряные монеты собственными «таэлями»⁴⁸.

Плачевный провал китайской миссии Дженкса означал и конец президентской Комиссии по международным расчетам⁴⁹. Следующий провал окончательно положил конец амери-

⁴⁸ Rosenberg, "Foundations of United States International Financial Power," pp. 189–192.

⁴⁹ Впрочем, правительство США при этом не отказалось от услуг

канской политике использования экономических и финансовых советников для насаждения в других странах золотодевизного стандарта. В 1905 г. Государственный департамент нанял Джейкоба Холландера для перевода на золотодевизный стандарт Доминиканской республики, также находившейся в зависимости от США. Когда к концу года Холландер завершил свою работу, государственный департамент попросил правительство Доминиканской республики нанять Холландера для разработки плана финансовой реформы, включая предоставление займа со стороны США и передачу Америке таможенной службы, чтобы поступающими пошлинами погашать долг. Холландер, зять видного балтиморского торговца Абрахама Хацлера, использовал его связи с «Кун, Лёб энд компани», чтобы разместить облигации Доминиканской республики через этот инвестиционный банк. Кроме того, Холландер умудрился получить двойную плату за эту работу – от Государственного департамента США и от Доминиканского правительства. Когда в 1911 г. эта шалость всплыла, разразился скандал, закрывший для правительства США возможность использовать собственных служащих и собственные средства для проталкивания золотодевизного обращения в других странах. С тех пор в такого рода делах правительству пришлось сотрудничать с инвестиционными банками: банки давали деньги, а Государственный департамент – свои связи и возможности.

Так, в 1911–1912 гг. Соединенные Штаты, преодолев большое сопротивление, навязали золотодевизный стандарт Никарагуа. Формально Государственный департамент в этом не участвовал, а просто одобрил вариант, при котором влиятельный инвестиционный банк «Браун бразерс» нанял Чарльза Конанта договориться о займе и денежной реформе. При этом Государственный департамент предоставил в распоряжение

Дженкса. Он был после этого советником мексиканского правительства, членом Верховной комиссии в Никарагуа при оккупационном режиме президента Вильсона, а также возглавлял Дальневосточное бюро Государственного департамента (Silva and Slaughter. *Serving Power: The Making of the Academic Social Science Expert*, pp. 136–137).

Конанта и банка свои связи для успешного завершения переговоров с никарагуанским правительством.

К моменту своей смерти на Кубе в 1915 г. Чарльз Конант стал главным теоретиком и деятелем экономического и монетарного империализма. Конант потерпел поражение на Кубе и в Китае, но имел успех в проталкивании системы золотодевизного стандарта и золотого доллара на Филиппинах, в Панаме и Мексике, в Либерии, Боливии, Гватемале и Гондурасе. Его *magnum opus* во славу золотодевизного стандарта, двухтомник «Принципы банковского дела и денежного обращения»*, а также беспрецедентный успех его миссии на Филиппинах породили направляемый им поток книг, статей, памфлетов и редакционных статей.

Особенно любопытны аргументы Конанта о преимуществах золотодевизного стандарта по сравнению с простым золотомонетным обращением. Золотомонетный стандарт, полагал Конант, не может обеспечить мировые потребности в деньгах просто из-за нехватки золота. Таким образом, привязкой существующей в слаборазвитых странах системы серебряного стандарта к золоту удастся обойти проблему «нехватки» золота и обеспечить интеграцию мировой экономики вокруг экономик господствующих империалистических держав. Всего этого можно достичь, только если золотодевизный стандарт «является результатом тщательно продуманной и реализованной государственной политики». Это означало, что задачи проектирования и реализации соответствующих реформ всегда готовы были осуществить сам Конант, его друзья и ученики⁵⁰.

Кроме того, преимуществом управляемого правительством золотодевизного стандарта по сравнению с золотомонетным стандартом или биметаллизмом являлось и то, что у каждого государства сохранялась возможность адаптировать денежную систему к местным потребностям. Как утверждает Конант:

* Charles A. Conant, *The Principles of Money and Banking*. New York: Harper and Brothers, 1905.

⁵⁰ Rosenberg, "Foundations of United States International Financial Power," p. 197.

История денежного обращения и банковского дела в США

При этом каждое государство вольно выбрать средство обмена, наилучшим образом подходящее к местным условиям. Богатые народы могут выбрать золото, менее богатые – серебро, а наиболее развитые в финансовом отношении – бумажные деньги.

Любопытно, что Конант считал бумажные деньги самой «развитой» формой денег. Совершенно ясно, что для Конанта и его коллег привлекательной стороной золотодевизиного стандарта была возможность за фасадом якобы твердых денег осуществлять всякого рода инфляционные манипуляции.

В предлагавшейся Конантом системе главным инструментом государственного контроля и манипулирования был активно действующий центральный банк. Будучи основателем «науки» консультирования правительств по финансовым вопросам, Конант, а вслед за ним его коллеги и ученики, заодно с золотым стандартом проталкивал где только можно и идею центрального банка как инструмента реализации этого стандарта. Как отмечает Эмили Розенберг:

Конант не упустил из виду... одно из самых революционных следствий внедрения его системы: новую важную роль центрального банка как стабилизатора денежного обращения. Конант энергично поддерживал реформу американской банковской системы, которая вылилась в создание Федеральной резервной системы... и следовавшие примеру Конанта американские финансовые советники впоследствии насаждали в тех странах, которые их принимали, систему с центральным банком и золотодевизиным стандартом⁵¹.

Место старого фритредерского неуправляемого золотомонетного стандарта займет управляемый золотодевизиный стандарт, а с ним и зоны валютного влияния, которые «возникнут в силу необходимости, когда слабейшие страны разместят свои стабилизационные золотые резервы в банках развитых стран»⁵². В частности, в мире новых валютных отношений

⁵¹ Rosenberg, “Foundations of United States International Financial Power,” p. 198.

⁵² Ibid.

ню-йоркские и лондонские банки превратились в крупных держателей золотых резервов.

Не случайно, что Великобритания – главный соперник США в игре имперских устремлений, которая первой установила золотодевизный стандарт в своих колониях, использовала этот опыт для установления золотодевизного режима в Европе, так что в 1920-х гг. все главные европейские валюты опирались на британскую кредитно-денежную инфляцию. Этот губительный инфляционный эксперимент привел к мировому банковскому краху и всеобщему переходу к неразменным бумажным деньгам в начале 1930-х гг. После Второй мировой войны США в Бреттон-Вудсе приняли эстафету мирового золотодевизного стандарта, и доллар примерно на четверть века заменил фунт стерлингов в качестве мировой инфляционной системы.

Не следует доверять Чарльзу Конанту, который изображал из себя беспристрастного ученого. Инвестиционные банки, на которые он работал, напрямую выигрывали от проводимых им денежных реформ. Так, с 1902 по 1906 г. Конант являлся казначеем управлявшейся Морганом «Мортон траст компани оф Нью-Йорк», и вовсе не случайно именно этот банк стал держателем золотых резервов правительств Филиппин, Панамы и Доминиканской республики после проведения в них денежных реформ. Во время переговоров с Никарагуа Конант был служащим инвестиционного банка «Браун бразерс», а проводя реформы в других странах, работал на «Спейер энд компани» и другие инвестиционные банки.

После смерти Конанта в 1915 г. число возможных претендентов на роль финансового советника иностранных правительств было совсем невелико. Холландер впал в немилость после провала в Никарагуа. Дженкс состарился и над ним висела тень провала в Китае, но несмотря на это Государственный департамент назначил его в 1917 г. директором Национального банка Никарагуа, а в 1925 г. поручил ему исследовать финансовое положение Никарагуа.

Истинным наследником Конанта оказался Эдвин Кеммерер, «целитель денег». После успеха на Филиппинах Кеммерер

присоединился к своему старому профессору Дженксу в Корнельском университете, откуда в 1912 г. он перебрался в Принстонский университет, где в 1916 г. опубликовал книгу «Современные денежные реформы» (*Modern Currency Reforms*). В 1920-е гг., будучи ведущим финансовым советником иностранных правительств, Кеммерер навязывал странам третьего мира не только центральные банки и золотодевизный стандарт, но и более высокие налоги. Подобно Конанту, Кеммерер соединял выполнение государственных заданий со службой в ведущих международных банках. В 1920-е гг. Кеммерер являлся экспертом по банковскому делу в правительственной комиссии Дауэса, возглавлял миссии финансовых экспертов в более чем дюжине стран, и при этом с 1922 по 1929 г. получал очень неплохое жалованье в видном инвестиционном банке «Диллон, Рид». В ту эпоху было только два эксперта по реформе иностранных денежных систем – Кеммерер и его наставник Дженкс. В конце 1920-х гг. Кеммерер помог создать кафедру международной экономики в Принстонском университете, на которой мог готовить таких специалистов, как Артур Янг и Уильям Камберленд. В середине 1920-х гг. «целитель денег» был избран президентом Американской экономической ассоциации⁵³.

Джейкоб Шифф возбуждает стремление к центральному банку

Поражение в 1902 г. законопроекта Фоулера о расширении эмиссии банкнот, не имеющих специального обеспечения [asset-currency], и разрешении открывать банковские филиалы, а затем еще и провал в 1903–1905 гг. попытки министра финансов Шоу использовать свое министерство в качестве центрального банка, подтолкнули крупных банкиров и дружественных

⁵³ Отличный обзор миссий Кеммерера в 1920-е гг. см.: Robert N. Seidel, "American Reformers Abroad: The Kemmerer Missions in South America, 1923–1931." *Journal of Economical History* 32 (June 1972): 520–545.

им экономистов к принятию нового решения: просто навязать стране центральный банк.

Кампания за создание центрального банка началась с рокового выступления главы уолл-стритского инвестиционного банка «Кун, Лёб энд ко.» влиятельного Джейкоба Шиффа перед Торговой палатой Нью-Йорка в январе 1906 г. Шифф выразил недовольство тем, что летом 1905 г., когда «страна нуждалась в деньгах», министерство финансов вместо того, чтобы увеличить денежную массу, урезало объем правительственных средств на счетах национальных банков и таким образом спровоцировало «постыдный» финансовый кризис, когда нью-йоркские клиринговые банки были вынуждены резко снизить объем кредитов, что отозвалось взлетом процентных ставок. Создание «эластичной денежной системы» стало велением времени, и Шифф призвал финансовый комитет нью-йоркской торговой палаты выработать всеобъемлющий план создания современной банковской системы, которая смогла бы обеспечить достаточную эластичность кредитно-денежной системы⁵⁴. Кулуарную агитацию за такой план вел партнер Шиффа Пол Мориц Варбург, который и посвятил его в свои замыслы уже в 1903 г. Варбург эмигрировал в США в 1897 г. из Германии, где работал в инвестиционной фирме «М. М. Варбург энд ко.», и в очень скором времени его главной функцией в банке «Кун, Лёб» стала агитация за учреждение в США чуда европейской банковской жизни – центрального банка⁵⁵.

Финансовому комитету Торговой палаты Нью-Йорка потребовалось меньше месяца для подготовки доклада, но бан-

⁵⁴ О речи Шиффа см.: *Bankers Magazine* 72 (January 1906): 114–115.

⁵⁵ Шифф и Варбург были свойственниками. Шифф, выходец из заметной в Германии банковской семьи, был зятем Соломона Лёба, одного из основателей банка «Кун, Лёб». А Варбург, муж Нипы Лёб, также был зятем Соломона Лёба по второй жене. Этот инцестуальный круг замкнулся, когда дочь Шиффа Фрида вышла замуж за Феликса, брата Пола Варбурга, еще одного партнера Шиффа и Пола Варбурга. См.: Birmingham. *Our Crowd*, pp. 21, 209–210, 383, appendix; and Jacques Attali, *A Man of Influence: Sir Siegmund Warburg, 1902–82*. London, Weidenfeld and Nicholson, 1986, p. 53.

ковских реформаторов он привел в ярость, и они отвергли его как совершенно некомпетентный. Когда Фрэнк Вандерлип из флагманского рокфеллеровского банка «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» доложил об этой ситуации своему боссу Джеймсу Стиллмену, тот предложил создать при торговой палате специальный комитет из пяти человек и поручить ему разработку плана денежной реформы.

Вандерлип рекомендовал включить в состав комитета себя, Шиффа, Дж. П. Моргана, Джорджа Бейкера из «Фёрст нэшнл бэнк оф Нью-Йорк», самого давнего и близкого компаньона Моргана, и Лимана Гейджа, бывшего министра финансов, а теперь президента контролируемой Рокфеллером компании «Ю Эс Траст». Таким образом, комитет предполагалось создать из двух людей Рокфеллера (Вандерлип и Гейдж), двух людей Моргана (Морган и Бейкер) и представителя «Кун, Лёб». Однако состав комитета пришлось перекроить, потому что участвовать в нем согласился только один Вандерлип. В марте 1906 г. в него вместо Шиффа вошел его близкий друг Исидор Страус, директор «Ар Эйч Мейси энд компани». Вместо Моргана и Бейкера вошли два других человека из этого клана: Дюмон Кларк, президент «Америкэн иксчейндж нэшнл бэнк» и личный советник Дж. П. Моргана, и Чарльз Конант, казначей банка «Мортон энд компани». Пятым стал ветеран Конвента по денежной реформе Индианаполиса Джон Клафлин из «Эйч Би Клафлин энд компани», большого интегрированного концерна оптовой торговли. Секретарем нового комитета по кредитно-денежной реформе стал старый друг Вандерлипа Джозеф Френч Джонсон из Нью-йоркского университета, который еще в 1900 г. агитировал за создание центрального банка.

Комитет использовал технологию, с успехом опробованную еще в Индианаполисе: разослал детальную анкету по проблемам кредитно-денежного хозяйства ряду лидеров финансового мира. Пока Джонсон занимался сортировкой полученных ответов, сам Конант отправился в Европу, чтобы встретиться с руководителями центральных банков.

В октябре 1906 г. особый комитет представил нью-йоркской торговой палате доклад о проделанной работе. Для устранения

нестабильности и повышения эластичности денежной системы комитет рекомендовал создать «под контролем правительства центральный эмиссионный банк». Вслед за другими банковскими реформаторами, такими, как профессор Абрам Пьятт Эндрю и Томас Никсон Карвер из Гарвардского университета и Алберт Страус, партнер в «Джи Пи Морган энд ко.», Комитет презрительно отозвался о попытке министра Шоу использовать министерство финансов как центральный банк. Особенно Шоу вызывал раздражение тем, что в последнем годовом отчете за 1906 г. продолжал настаивать, что под его руководством министерство финансов действовало как «отличный центральный банк». Комитет вместе с другими реформаторами осудил министерство финансов за излишнюю эмиссию, из-за которой процент был чрезмерно низок, а вот центральный банк, напротив, имел бы больше капиталов и неоспоримый контроль над рынком денег, а это дало бы ему возможность эффективно манипулировать величиной учетной ставки и держать экономику под надлежащим контролем. Чрезвычайно важно, заявил комитет, «централизовать финансовую ответственность». А пока центральный банк отсутствует, настаивал комитет, нужно, по крайней мере, расширить эмиссионные возможности национальных банков, включив в базу эмиссии наравне с правительственными облигациями и другие активы⁵⁶.

После публикации Доклада о денежном обращении реформаторы использовали его как инструмент агитации за создание центрального банка и расширение эмиссионных возможностей других корпоративных и финансовых учреждений. Следующий шаг сделала влиятельная Американская банковская ассоциация (АБА). В 1905 г. исполнительный комитет АБА создал комитет по денежному обращению, который на следующий год рекомендовал в экстренных случаях эмитировать банкноты, не имеющие специального обеспечения, а возложить это на федеральную комиссию, напоминающую эмбриональный центральный банк. В октябре 1906 г. на бурной пленарной сессии АБА отвергла этот план, но договорилась

⁵⁶ Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, pp. 159–164.

создать комитет по денежному обращению в составе 15 человек и поручить ему совместно с аналогичным комитетом нью-йоркской торговой палаты выработать взаимоприемлемый проект законодательных предложений.

В банкирском комитете особенно примечательны следующие фигуры:

- (1) Артур Рейнолдс, президент «Де-Мойн нэшнл бэнк», близкого к ориентированному на Моргана «Де-Мойн ридженси», и брат видного чикагского банкира Джорджа Рейнолдса, влиятельного председателя исполнительного комитета АБА, перебравшегося из Де-Мойна в Чикаго в качестве президента ориентированного на Моргана «Континентл нэшнл бэнк оф Чикаго»;
- (2) Джеймс Форген, президент рокфеллеровского «Фёрст нэшил бэнк оф Чикаго», близкий друг Джейкоба Шиффа (из «Кун, Лёб») и Вандерлипа;
- (3) Джозеф Толберт, вице-президент подчиненного Рокфеллеру «Коммерциал нэшнл бэнк оф Чикаго», ставший в скором времени вице-президентом рокфеллеровского же «Нэшил сити бэнк оф Нью-Йорк»;
- (4) Майрон Херрик, один из самых заметных в стране политиков и бизнесменов из группы Рокфеллера. Херрик был главой «Кливленд сэсайти оф сейвингз» и член узкого круга деловых друзей Рокфеллера, в 1893 г. вместе с Марком Ханной спасший от банкротства губернатора Уильяма Мак-Кинли. Херрик до этого уже был президентом АБА, и только что завершился его двухлетний срок пребывания на посту губернатора Огайо, а позднее, при президентах Тафте и Гардинге (оба пользовались политической и финансовой поддержкой Херрика), стал послом США во Франции;
- (5) председателем комиссии АБА стал Бартон Хелберн, президент одного из ведущих банков группы Моргана «Чейз нэшнл бэнк оф Нью-Йорк» и автор популярной и авторитетной «Истории чеканки монет и денежного обращения в Соединенных Штатах».

После встречи с Вандерлипом и Конантом, представлявшими комитет Торговой палаты, комитет АБА принял переходную программу реформ. В декабре 1906 г. программа, предусматривавшая расширение эмиссии банкнот, не имеющих специального обеспечения, и определявшая условия экстренной эмиссии банкнот национальными банками, была представлена прессе, публике и Конгрессу.

Но когда идея расширения эмиссии банкнот, не имеющих специального обеспечения, стала набирать популярность, реформаторов вдруг встревожила перспектива неконтролируемой инфляции. Ведь если дать национальным банкам дополнительные возможности эмитировать банкноты и кредиты, в существовавшей тогда системе небольшие банки штатов получили бы возможность, используя банкноты национальных банков в качестве резервов, расширить собственные кредитные операции. Реформаторы хотели закрепить возможности инфляционного раздувания кредита только за крупными национальными банками, и они были категорически против того, чтобы неконтролируемое расширение кредитов национальными банками стало инструментом перекачивания ресурсов в пользу мелких предпринимателей и «спекулятивных» маргинальных производителей. Ситуацию усугубляло то, что после 1900 г. ускоренными темпами пошел процесс создания мелких банков штатов на юге и западе страны. Другим источником проблем было отличие американского вексельного рынка от европейского. В Европе коммерческие векселя, а значит и банковские активы, представляли собой бумаги с двумя именами, индоссированные небольшой группой богатых акцептных банков. А в США, напротив, коммерческие векселя представляли собой неиндоссированные бумаги с одной подписью, эмитируемые банком в надежде только на кредитоспособность заемщика. Получалось, что в США децентрализованная банковская система не контролировалась крупными банками.

Обеспокоенность надежностью существующей системы, а значит и неконтролируемостью эмиссии банкнот под коммерческие векселя, прозвучала из уст ведущих банкиров, сторонников реформы. Так, Вандерлип высказал обеспокоенность

тем, что «у нас слишком много банков штатов, которые могут числить в своих резервах банкноты национальных банков». Шифф предупредил, что «было бы неразумно, а пожалуй, и опасно наделить шесть тысяч банков или даже больше привилегией эмитировать чисто кредитные платежные инструменты». Сходные опасения выразил и Виктор Моравец из группы Моргана, влиятельный председатель совета директоров железной дороги «Атчисон, Топека энд Санта-Фе»⁵⁷.

Решение проблемы мелких банков и децентрализации кредита предложил Пол Мориц Варбург из «Кун, Лёб», незадолго до этого перенимавший опыт в Европе. В январе 1907 г. публикацией двух статей – «Недостатки и потребности нашей банковской системы» и «План видоизмененного центрального банка» – он начал многолетнюю неутомимую борьбу за создание центрального банка⁵⁸. Открыто призвав к созданию центрального банка, Варбург указал, что одной из его важных функций будет ограничение круга банковских активов, могущих использоваться для создания банковских депозитов. Центральный банк предположительно мог бы потребовать от банков использовать акцептованные векселя или попытаться создать в США рынок акцептованных векселей⁵⁹.

⁵⁷ Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, pp. 168–169.

⁵⁸ См. сборники избранных статей Варбурга: Paul M. Warburg, “Essays on Banking Reform in the United States,” *Proceedings of the Academy of Political Science* 4 (July 1914), pp. 387–612; idem, *The Federal Reserve System*. 2 Vols. (New York: Macmillan, 1930).

⁵⁹ После создания Федеральной резервной системы Варбург похвалялся, что именно он убедил руководство Федерального резерва создать в США рынок акцептованных векселей, для чего оказалось достаточно согласия на покупку по субсидируемым ставкам всех акцептованных векселей нескольких крупных акцептных банков. Именно эта программа проложила путь к краху 1929 г.

Совсем не случайность, что сам Варбург получил большую выгоду от этой политики. Варбург стал председателем Совета директоров «Интернэшнл аксептанс бэнк» с первого дня его создания в 1920 г. Он также был директором «Вестингаус аксептанс бэнк» и ряда других акцептных банков. В 1919 г. по инициативе Варбурга был создан исполнительный комитет Американского совета акцептных домов,

К лету 1907 г. журнал «Банкерз мэгэзин» сообщил о том, что крупные банкиры разочаровались в идее расширения круга активов, обеспечивающих банковскую эмиссию, и сплотились вокруг «проекта центрального банка»⁶⁰. В качестве основного мотива журнал выделил тот факт, что расширение эмиссионной базы повысит возможности выдавать кредиты «мелким производителям и торговцам».

Паника 1907 г. и мобилизация сторонников центрального банка

В начале октября 1907 г. разразился жестокий банковский кризис. Дело не ограничилось сжатием кредита: как обычно правительство разрешило крупным нью-йоркским и чикагским банкам приостановить платежи звонкой монетой. Иными словами, банки продолжали действовать как всегда, но перестали оплачивать собственные кредитные обязательства и выдавать вкладчикам бумажные или металлические деньги. И министерство финансов, которое в 1905–1907 гг. подстегивало инфляцию, было не в силах ни предотвратить приостановку платежей, ни смягчить «всеобщее тезаврирование денег» после паники, когда все отказывались принимать банкноты и чеки и требовали только наличную звонкую монету.

Кризис ускорию консолидацию банковского и бизнес-общества вокруг идеи центрального банка, который мог бы регулировать экономику и служить для банков кредитором в последней инстанции. Реформаторам нужно было решить двоякую задачу: доработать детали концепции центрального банка и, что было еще более важным, мобилизовать общество на поддержку этого проекта. Первым делом предстояло заручиться поддержкой ученых и экспертов. Задачу облегчало растущее взаимопроникновение академического мира и властвующей

председателем которого и стал Варбург. См.: Murray Rothbard, *America's Great Depression*, 4th ed. (New York: Richardson and Snyder, 1983), pp. 119–123.

⁶⁰ *Bankers Magazine* 75 (September 1907): 314–315.

элиты. Особенно эффективными в процессе мобилизации оказались две организации: Американская академия политических и социальных наук (ААПСН) в Филадельфии и Академия политических наук (АПН) при Колумбийском университете, среди членов которых были либерально настроенные руководители крупнейших корпораций, финансисты, юристы и ученые. Как объяснял Николас Мюррей Батлер, весьма влиятельный президент Колумбийского университета, Академия политических наук «является посредником между... учеными и деловыми людьми, в науке являющимися, можно сказать, любителями». Именно здесь они имеют возможность «собраться вместе»⁶¹.

Так что нет ничего удивительного в том, что зимой 1907–1908 гг. Американская академия политических и социальных наук, Колумбийский университет и Американская ассоциация содействия науке (ААСН) провели конференции, которые закончились призывом к созданию центрального банка. Не удивительно и то, что организацию конференции в Колумбийском университете взял на себя Э. Р. А. Селигмен, выразивший свое удовлетворение тем, что его университет дает возможность высказаться за создание центрального банка ведущим банкирам и финансовым журналистам, тем более, добавил он, что «общеизвестно, как трудно склонить демократическое общество прислушаться к мнению экспертов». В 1908 г. Селигмен выпустил сборник докладов, сделанных на конференции, под названием «Денежная реформа».

Профессор Селигмен открыл конференцию, и его выступление задавало тон всему последующему обсуждению. Банковский кризис 1907 г., заявил он, имел умеренный характер благодаря росту промышленных трестов, которые «с большей точностью соотносят сегодняшние инвестиции с будущими потребностями», чем «полчища мелких конкурентов». Таким образом, Селигмен ясно выразил свое отношение к конкурентным рынкам. Но оставалась нерешенной одна большая проблема. Полчища мелких конкурентов все еще доминировали в денежном обращении и банковском деле. Банковская сис-

⁶¹ Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, p. 175, п.

тема все еще оставалась децентрализованной. Как заявил Селлигмен, «децентрализация эмиссии банкнот – это еще более насущная проблема, чем ее неэластичность. Битва [за создание трестов], которая привела к успеху во всех других отраслях, должна быть серьезно и энергично проведена и на этом поле»⁶².

Следующим выступил Фрэнк Вандерлип. В отличие от Селлигмена Вандерлип оценил панику 1907 г. как «одну из величайших исторических катастроф» – результат децентрализованности американской банковской системы, в которой 15 тыс. банков ожесточенно конкурируют за наличные резервы. Ужасно то, что «каждая организация предоставлена самой себе, заботится только о собственной безопасности и всеми средствами стягивает к себе резервы, не заботясь» о том, как это отзывается на положении других банковских организаций. Нужно изменить эту отсталую систему по примеру других великих народов, где центральный банк имеет возможность управлять резервами и обеспечивать эластичность денежного обращения. И тут Вандерлип заговорил прямо как марксист, потребовав заменить отстраненную внешнюю власть свободных конкурентных рынков системой централизованного контроля, которая будет следовать современным научным методам ведения банковского дела.

Томас Уилок, издатель газеты «Уолл-стрит джорнэл», поднял тему нестабильности нью-йоркского рынка ссуд до востребования. Этот рынок нестабилен, заявил Уилок, потому что на нем обращаются кредиты небольших провинциальных банков; их депозиты в нью-йоркских банках увеличиваются и уменьшаются совершенно неконтролируемым образом. Необходимо, таким образом, централизованный контроль за притоком денег провинциальных банков на рынок ссуд до востребования.

Следующим выступил Бартон Хелперн, глава моргановского «Чейз нэшнл бэнк», высказавшийся в пользу создания центрального банка, который сможет контролировать эмиссию банкнот. Особенно важно, чтобы центральный банк имел воз-

⁶² Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, p. 177.

возможность учитывать активы национальных банков и тем самым обеспечить бы эластичность денежной системы.

Последним выступил Пол Варбург, который прочитал лекцию о превосходстве европейской банковской системы над американской, особенно в следующих отношениях: во-первых, там существуют центральные банки, а в Америке его нет; во-вторых, там действует «современная» система акцептации векселей, тогда как в Америке в ходу простые неакцептованные векселя. Варбург подчеркнул, что две эти функции должны вводиться одновременно. В частности, на смену конкуренции и децентрализации должен прийти жесткий контроль со стороны государственного центрального банка: «Мелкие банки – это источник опасности».

На двух других конференциях происходило примерно то же самое. На конференции ААПСН в Филадельфии в декабре 1907 г. несколько видных инвестиционных банкиров и Контролер денежного обращения Уильям Риджли выступили в поддержку идеи центрального банка. Далеко не случайно в состав консультативного комитета по денежному обращению ААПСН входили следующие лица: Бартон Хепберн; Илайхью Рут, юрист Моргана и государственный деятель; Френсис Линде Стетсон, личный юрист Моргана; и сам Дж. П. Морган. А конференцию ААСН в январе 1908 г. организовал не кто иной, как Чарльз Конант, бывший в тот год председателем социальной и экономической секции Ассоциации содействия науке. Выступили: Дж. Б. Кларк, экономист из Колумбийского университета; Фрэнк Вандерлип, Конант и близкий друг Вандерлипа Джордж Робертс, глава ориентированного на Рокфеллера «Коммерциал нэшнл бэнк оф Чикаго», позднее перебравшийся в «Нэшнл сити бэнк».

В январе 1908 г. Дж. Р. Даффилд, референт «Бэнкинг паблицинг компани», очень удачно сформулировал задачу, стоящую перед реформаторами банковской системы: «Существует общее понимание, что прежде чем мы получим законы, нужно провести просветительскую кампанию среди банкиров, потом – среди людей бизнеса, а уж потом только – среди публики в целом». Эта стратегия и реализовывалась.

В том же месяце за продвижение законодательства взялся пробивной сенатор Нельсон Олдрич (республиканец от штата Род-Айленд), глава сенатского комитета по финансам и, будучи тестем Джона Рокфеллера, основной представитель клана в Сенате США. Он внес законопроект Олдрича, посвященный сравнительно второстепенному вопросу, могут ли национальные банки, а если да, то на базе чего эмитировать особые платежные инструменты в экстренных ситуациях. В результате удачного компромисса в 1908 г. был принят соответствующий закон Олдрича–Риланда⁶³. При этом публика почти не заметила самую важную часть данного закона, которая была с одобрением встречена банкирами – создание Национальной комиссии по денежному обращению, которой было поручено изучить вопрос и подготовить предложения для всесторонней реформы банковского дела. Два одобрительных отклика по поводу создания этой комиссии поражают своей пророческой проницательностью. Прежде всего, откликнулся Серено Пратт из «Уолл-стрит джорнэл». Пратт признал, что задача комиссии заключается в том, чтобы завалить публику мнениями экспертов и, «просветив» ее в результате этой обработки, добиться широкой поддержки банковской реформы:

Для успеха реформы необходимо просветить людей в этом вопросе, а на это нужно очень много времени. Самым надежным и быстрым методом просвещения является создание комиссии... которая проведет международный анализ вопроса и представит отчет, который и можно будет сделать платформой для разумной агитации.

Результаты «анализа» были, естественно, предreshены, как и состав якобы беспристрастной комиссии.

А вот Фестус Вейд, банкир из Септ-Луиса и член комитета по денежному обращению Американской банковской ассоциации, отметил другую важную функцию этой комиссии: «держат финансовые вопросы вне политики», под надежным

⁶³ В соответствии с этим законом только однажды, в 1914 г., незадолго до истечения срока действия закона, была осуществлена экстренная эмиссия.

контролем тщательно отобранных экспертов⁶⁴. Таким образом, Национальная комиссия по денежному обращению была образцом разумного подхода к делу, успешно опробованного еще в Индианаполисе десятилетием ранее.

Олдрич не терял времени попусту, и уже в июне 1908 г. Национальная комиссия по денежному обращению приступила к работе. Комиссия была составлена из равного числа сенаторов и конгрессменов, но это была лишь маскировка. Основную работу должен был проделать многочисленный вспомогательный персонал, подобранный и управляемый Олдричем, который так сообщил об этом своему коллеге, республиканцу из Кливленда Теодору Бартону: «Моя идея, конечно, в том, чтобы все сделать самым спокойным образом, не привлекая внимания публики». Олдрич с самого начала решил, что делами Комиссии будут заправлять представители кланов Рокфеллера, Моргана и Куна-Лёба. На посты двух главных экспертов комиссии были выдвинуты люди Моргана. По совету Дж. П. Моргана, поддержанному Джейкобом Шиффом, в качестве своего главного консультанта Олдрич выбрал могущественного Генри Дэвисона, компаньона Моргана, основателя «Бэнкерз траст компани» и вице-президента «Фёрст нэшил бэнк оф Нью-Йорк». Именно Дэвисон в самом начале Первой мировой войны бросился в Лондон, чтобы зафиксировать тесные связи Моргана с Банком Англии и заполучить монопольные права на размещение в Америке до окончания войны всех облигационных займов французского и британского правительств. На пост экономического эксперта взяли гарвардского экономиста Пьятта Эндрю, которого рекомендовал Чарльз Элиот, президент Гарвардского университета, близкий друг президента Рузвельта и приятель Моргана. Кроме того, Олдрич лично выбрал одного из официальных членов Комиссии – Джорджа Рейнолдса, президента ориентированного на Рокфеллера «Континентл нэшил бэнк оф Чикаго».

Всю осень Комиссия объезжала Европу, собирая информацию и обсуждая стратегию с руководителями крупнейших ча-

⁶⁴ Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, p. 182–183.

стных и центральных банков. Пялт Эндрю в качестве директора проекта загружал американских экспертов проведением исследований и подготовкой отчетов. Валютному отделу «Нэшнл сити бэнк» поручили написание статей об акцептовании векселей и обслуживании иностранного долга, а Варбург и Фред Кент (из «Бэнкерс траст») писали обзор европейского учетного рынка.

К концу 1908 г. Комиссия собрала информацию и была готова набирать обороты. В декабре для проведения исследований, установления отношений с публикой и организации агитпропа пригласили неизменного Чарльза Конанта. Сенатор Олдрич начал формировать и расширять свой внутренний круг, в который скоро вошли Варбург и Вандерлип. Варбург, со своей стороны, окружил его своими друзьями и знакомыми из комитета по денежному обращению нью-йоркской коммерческой ассоциации, возглавлявшегося Ирвингом Бушем, а также видными представителями Американской экономической ассоциации, перед которой он в декабре 1908 г. выступил с докладом о необходимости банковской реформы. Варбург поддерживал активные контакты с ведущими учеными-экономистами, сторонниками банковской реформы, такими, как: Э. Р. А. Селигмен; Томас Никсон Карвер из Гарварда; Генри Сигер из Колумбийского университета; Дэвис Дьюи, историк банковского дела из Массачусетского технологического института, в течение длительного времени секретарь-казначей Американской экономической ассоциации и брат прогрессивистского философа Джона Дьюи; Оливер Спрэги, профессор банковского дела из Гарварда, из связанной с Морганом семьи Спрэги; Фрэнк Тауссиг из Гарварда и Ирвинг Фишер из Йельского университета.

Однако в 1909 г. реформаторы столкнулись с серьезной трудностью: нужно было сделать надежным сторонником центрального банка таких влиятельных банкиров, как, скажем, Б. Форген, глава ориентированного на Рокфеллера «Фёрст нэшнл бэнк оф Чикаго». Не то чтобы Форген возражал против централизации резервов или функции кредитора в последней инстанции, совсем наоборот. Просто Форген осознал, что в усло-

виях национальной банковской системы такие крупные банки, как его собственный, и так уже являются чем-то вроде центрального банка для хранящих в них свои резервы провинциальных банков. И ему вовсе не хотелось, чтобы появление нового центрального банка лишило его выгодного положения.

Пришлось реформаторам заняться вербовкой в свои ряды людей, подобных Форгену. В середине сентября 1909 г. в президентском послании к Американской банковской ассоциации Джордж Рейнолдс не только уговаривал аудиторию в необходимости создать в Америке центральный банк по образцу германского Рейхсбанка, но и заверил Форгена и таких, как он, в том, что центральный банк будет служить депозитарием резервов только для крупных национальных банков в финансовых центрах страны (резервных городах), а функции депозитариев для провинциальных банков будут выполнять национальные банки. Успокоенный Форген переговорил с людьми из ближнего круга Олдрича и преисполнился энтузиазма по поводу проекта центрального банка. Случай с Форгеном навел реформаторов на идею замаскировать свой центральный банк, представив его как «региональную» и «децентрализованную» структуру, действующую через региональные резервные центры, которые будут выглядеть как региональные центральные банки, скрывая монолитную структуру традиционного для Европы центрального банка. В результате в ноябре 1909 г. известный железнодорожный юрист Виктор Моравец произнес свою знаменитую речь с призывом создать региональные банковские округа, которые будут действовать под надзором центрального контрольного органа. Таким образом, функция хранения резервов и эмиссии банкнот будет децентрализована и окажется в руках региональных резервных банков, деятельностью которых будет жестко руководить центральный контрольный орган. Именно эта схема легла в основу Федеральной резервной системы⁶⁵.

⁶⁵ Видный юрист Виктор Моравец служил председателем исполнительного комитета подчиненной Моргану железной дороги «Атчисон, Топека энд Санта-Фэ», а также был членом совета директоров подчиненного Моргану «Нэшнл бэнк оф коммерс». В 1908 г. Моравец

14 сентября, как раз в то время, когда Рейнолдс выступал перед банкирами, произошло другое примечательное событие. Выступая в Бостоне, президент Уильям Тафт высказал пожелание обществу – серьезно обсудить необходимость создания центрального банка. Тафт с 1900 г. был близок с реформаторами, особенно со своими друзьями Олдричем и Бартоном из круга Рокфеллера. Но деловая пресса верно поняла значение этого заявления. По формулировке «Уолл-стрит джорнэл», в результате этого шага «вопрос из чисто теоретического перешел в практическое русло»⁶⁶.

Неделю спустя случилось роковое для истории Соединенных Штатов событие. К раскручиванию идеи центрального банка реформаторы подключили прессу. 22 сентября 1909 г. «Уолл-стрит джорнэл» начала знаменитую серию из 14 публикаций на первой полосе под общим названием «Эмиссионный центральный банк». Это были анонимные редакционные колонки, написанные вездесущим Чарльзом Конантом, состоящим в то время в должности штатного главного пропагандиста Национальной комиссии по денежному обращению. Здесь излагались основные идеи банковской реформы, а также успокаивали всех форсенов этого мира тем, что новый центральный банк «напрямую будет иметь дело только с крупнейшими национальными банками, а уж они будут осуществлять переучет [векселей] для всех остальных»⁶⁷. Присутствовали, разумеется, стандартные аргументы в пользу центрального банка: «эластичность» денежной массы, защита банковских резервов с помощью политики манипулирования учетной ставкой и международными потоками золота и предотвращение кризиса

в компании с личным юристом Моргана Фрэнсисом Линде Стетсоном подготовил законопроект (не прошедший через Конгресс), направленный на регулирование и картелирование американских корпораций. Позднее Моравец оказался главным консультантом другой «прогрессивной» реформы в президентство Вудро Вильсона, которая привела к созданию Федеральной торговой комиссии. О Моравце см.: Rothbard, “The Federal Reserve as a Cartelization Device,” pp. 99.

⁶⁶ Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, p. 191.

⁶⁷ *Ibid.*

путем вызволения отдельных банков из кризисных ситуаций. К этому Конант добавил еще и собственный ход: важно иметь возможность с помощью избыточного капитала регулировать процентные ставки и потоки капитала. Государственный долг, по мысли Конанта, будет поглощать избыточный капитал. Иными словами, финансирование государственных расходов станет выгодным каналом размещения сбережений.

Прошедшая в «Уолл-стрит джорнэл» серия просветительских публикаций была началом хитроумной и успешной кампании по привлечению общественного мнения страны на сторону реформаторов. Используя опыт 1898 г., Конант вместе с секретарем Олдрича Артуром Шелтоном подготовил в феврале и марте 1910 г. резюме материалов комиссии для ежедневных газет. Вскоре после этого Шелтон привлек к делу Дж. П. Гэвитта, главу вашингтонского бюро «Ассошиэтед Пресс», чтобы тот выискивал в обзорах комиссии, научных статьях и готовящихся к публикации книгах «новостные абзацы» и обращал на них внимание редакторов газет.

Особенно полезными для дела оказались академические организации, охотно продававшие свой авторитет беспристрастных экспертов. В феврале Роберт Эли, секретарь АПН, предложил Олдричу совместно подготовить особый том материалов о реформе банков и денежного обращения, посвященный исключительно «популяризации, в лучшем смысле этого слова, самых ценных достижений Комитета»⁶⁸.

При этом Эли хватило нахальства добавить, что хотя Академия будет рекламировать аргументы и выводы Комитета, она для сохранения «объективности» воздержится от собственных политических рекомендаций. По словам самого Эли, «мы не будем оправдывать идею центрального банка, а просто изложим в сжатой форме и без технических деталей лучшие результаты вашей работы».

ААПСН также издала собственный том «Проблемы банковского дела» (*Banking Problems*, 1910), введение для которого написал Пьятт Эндрю из Гарварда, член Комитета по денежному

⁶⁸ Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, p. 194.

обращению, а авторами статей были такие ветераны банковской реформы, как Джозеф Френч Джонсон, Хорас Уайт и Фрэд Кент из моргановского «Бэнкерс траст». Но больше всего статей принадлежало перу руководителей рокфеллеровского «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», включая Джорджа Робертса, бывшего чикагского банкира и служащего Монетного двора США, который вскоре после этого перешел в «Нэшнл сити».

Тем временем Пол Варбург завершил свою длительную кампанию агитации за центральный банк знаменитой речью «Единый резервный банк Соединенных Штатов», произнесенной 23 марта в нью-йоркском Молодежном христианском союзе. В сущности, он изложил структуру и принципы деятельности милого его сердцу Рейхсбанка Германии, но начал с благоразумной оговорки, что, по данным опроса, проведенного недавно «Бэнкинг ло джорнэл», 60% банкиров страны приветствовали бы создание центрального банка, но при условии, что он «не будет контролироваться “Уолл-стрит” или другими монополистическими кругами». Чтобы развеять эти страхи, Варбург пояснил, что в чисто семантическом плане новый резервный банк не будет именоваться центральным банком и что управлять им будет совет, назначаемый государством, торговыми и финансовыми кругами, хотя, конечно, решающее слово будет принадлежать банкирам. Он также затронул свою любимую тему: резервный банк заменит ненавистные индосслируемые векселя с одной подписью, преобладающие в Соединенных Штатах, на европейскую систему, поскольку резервный банк создаст гарантированный и субсидируемый рынок для векселей с двумя именами, индосслируемых богатыми акцентными банками. Благодаря этому Единый резервный банк исправит ситуацию «полного отсутствия современных переводных векселей» в США. Варбург добавил, что сама идея свободного и саморегулируемого рынка совершенно устарела, особенно для денежного рынка. Решения рынка следует заменить «здоровыми заключениями лучших экспертов». А теперь угадайте, кто оказался в списке на звание «лучшего эксперта»?

Лучшим, естественно, оказался человек, одобрявший в 1911 г. книгу Варбурга о банковской реформе, а также его родствен-

ник и член банкирской семьи Селигменов экономист из Колумбийского университета Э. Р. А. Селигмен⁶⁹.

Торговая ассоциация Нью-Йорка была в таком восторге от речи Варбурга, что за весну 1910 г. распространила 30 тыс. ее экземпляров. Варбург, который с октября 1908 г. проводил регулярные встречи с Комитетом торговой ассоциации по денежному обращению, заложил хорошую основу для такой поддержки, и ему очень помог тот факт, что главным экспертом этого комитета был не кто иной, как Джозеф Френч Джонсон.

Той же весной 1910 г. на рынок хлынул поток публикаций Национальной комиссии по денежному обращению. Целью было ошеломить публику демонстрацией внушительных исторических и аналитических работ, исключительно «научных» и «беспристрастных», но при этом пропагандирующих идею центрального банка. Типичным было подготовленное Е. У. Кеммерером гигантское статистическое исследование сезонных колебаний спроса на деньги. Акцентировалась проблема «неэластичности» денежной массы, препятствующей ее росту в трудных ситуациях. Хотя в самой книге Кеммерер воздержался от политических выводов о необходимости создания центрального банка, выраженная в предисловии признательность Фреду Кенту и неизменному Чарльзу Конанту была достаточным знаком для посвященных, а сам Кеммерер поведал о своих политических пристрастиях в обращении к АПН в ноябре того же года.

Теперь, во второй половине 1910 г., когда была заложена достаточная научная и теоретическая база, пришло время сформулировать конкретный план действий и приступить к его реализации. Ситуацию с образцовой отчетливостью сформулировал Варбург в опубликованной АПН книге «Реформа денежного обращения» (*Reform of the Currency*): «Продвинуться вперед можно только при наличии реального плана», которая задаст тон последующих дебатов⁷⁰.

⁶⁹ Rothbard, "The Federal Reserve as a Cartelization Device," pp. 98–99; Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, p. 194–198.

⁷⁰ Paul M. Warburgh, *The Reform of the Currency*. H. R. Mussey, ed.

Начало выполнению реального плана создания центрального банка положила всегда готовая к услугам Академия политических наук, которая в ноябре 1910 г. провела при участии Торговой палаты и Торговой ассоциации Нью-Йорка конференцию по денежному обращению. Почетными гостями конференции были члены Национальной комиссии по денежному обращению, а делегатов назначали губернаторы 22 штатов и президенты 24 торговых палат. Присутствовало также большое число экономистов, аналитиков денежного рынка и представителей большинства ведущих банков страны. На конференции присутствовали Фрэнк Вандерлип, Илайхью Рут, Томас Ламонт, Джейкоб Шифф и Дж. П. Морган. Заседания конференции строились на обсуждении работ Кеммерера, Лафлина, Джонсона, Буша, Варбурга и Конанта, а общий стиль был такой – банкиры и бизнесмены получают наставление ученых людей. Как сказал Джеймс Форген, чикагский банкир, превратившийся в твердого приверженца идеи центрального банка: «Пусть теоретики, которые могут... по материалам истории и с учетом современных условий оценить результаты того, что мы делаем, сформулируют для нас принципы, а мы поможем им с деталями». Стюарт Паттерсон припомнил опыт работы Комиссии по денежному обращению Индианаполиса и то, как ее решения претворились в жизнь, потому что «мы разъехались по домам и развернули наступательное и активное движение». Затем Паттерсон изложил маршевые предписания для наступающих войск: «Вот что вы должны делать в этом случае – поддерживать сенатора Олдрича. Вы должны обеспечить, чтобы внесенный им законопроект... получил поддержку во всех уголках нашей страны»⁷¹.

По окончании нью-йоркской конференции по вопросам денежного обращения пришло время Олдричу с группой высших лидеров финансовой элиты уединиться для выработки плана действий участников движения за центральный банк. Кто-то из ближнего круга Олдрича, возможно компаньон

(New York: APS, 1911). Цит. по: Livingston, *Origins*, p. 203.

⁷¹ Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, pp. 205–207.

Моргана Генри Дэвисон, предложил составить сверхсекретный конклав для разработки законопроекта о центральном банке. 22 ноября 1910 г. сенатор Олдрич с группой соратников в отдельном вагоне выехали из города Хобокен, шт. Нью-Джерси, на побережье штата Джорджия, а оттуда на яхте в фешенебельное уединение клуба Джекил-Айленд. Условия для работы обеспечил совладелец и член этого клуба Дж. П. Морган. В прессу запустили слух, что эта компания отправилась просто поохотиться на уток, а участники экспедиции делали все возможное для сохранения секретности. Так, друг к другу они обращались только по имени, окна в железнодорожном вагоне были тщательно зашторены и все они были совершенно недоступны для пассажиров из других вагонов и репортеров. Один репортер смог докопаться до цели этой экспедиции, но Генри Дэвисон каким-то образом убедил его хранить молчание.

Работа на острове Джекил продолжалась без перерывов целую неделю, и результатом стал текст законопроекта о Федеральном резерве. Помимо Олдрича, в этой работе участвовали Генри Дэвисон, компаньон Моргана; Пол Варбург, весеннее выступление которого произвело сильное впечатление на Олдрича; Фрэнк Вандерлип, вице-президент «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк»; и, наконец, Пьятт Эндрю, руководитель аппарата Национальной комиссии по денежному обращению, незадолго до этого назначенный президентом Тафтом на пост помощника министра финансов. За неделю работы эта шестерка проработала все детали будущего центрального банка и подготовила текст, получивший впоследствии известность как законопроект Олдрича. Роль секретаря конференции исполнял Вандерлип, который и составил окончательный текст законопроекта.

Разногласия возникли по чисто тактическому вопросу. В то время как Олдрич настаивал на создании центрального банка европейского образца, Варбург и остальные банкиры выступали за то, чтобы прикрыть конструкцию завесой «децентрализации». Поразительно, что именно банкиры проявили политический такт и прощательность, а политик Олдрич был готов пренебречь политическими тонкостями. Возобладала точка зрения Варбурга и других банкиров, и основу законо-

проекта составили предложения Варбурга, прикрытые займованной у Моравица патиной децентрализации.

Теперь у финансовой элиты был собственный законопроект. Нужно подчеркнуть символичность состава участников этой маленькой конференции: два человека от Рокфеллера (Олдрич и Вандерлип), два – от Моргана (Дэвисон и Нортон), один – от Куна–Лёба (Варбург) и экономист, равно свой в обоих лагерях (Эндрю)⁷².

После доработки законопроекта с учетом замечаний Форгена и Джорджа Рейнолдса в январе 1911 г. Олдрич представил текст на рассмотрение Национальной комиссии по денежному обращению. Но здесь случилась неожиданность. Вместо того, чтобы немедленно внести законопроект на рассмотрение Конгресса, авторы отложили дело на целый год, до января 1912 г. Что стало причиной такой задержки?

Осложнение заключалось в том, что на выборах 1910 г. демократы получили полный контроль над Конгрессом, и раздосадованный Олдрич решил не выставлять свою кандидатуру на выборах в Сенат в следующем году. Изменение расстановки сил в Конгрессе заставило реформаторов отложить дело на год, чтобы за это время привлечь на свою сторону демократов, а также упрочить свои позиции в обществе, в банковских и деловых кругах. Короче говоря, реформаторам пришлось перегруппироваться и усилить агитацию.

Последний этап: обработка демократического большинства

Последний этап борьбы за создание центрального банка начался в январе 1911 г. На предыдущем январском собрании Национального совета по торговле Пол Варбург провел резолюцию, объявившую 18 января 1911 г. «днем денег», выделенным для «Конференции деловых людей по вопросам денежного

⁷² Rothbard, "The Federal Reserve as a Cartelization Device," pp. 99–101; Frank A. Vanderlip. *From Farm Boy to Financier* (New York: D. Appleton-Century, 1935), pp. 210–219.

обращения». На конференцию съехались представители торговых организаций крупных городов со всей страны, а председательствовал на ней Стюарт Паттерсон. Торговая палата Нью-Йорка, Нью-йоркская торговая ассоциация и Нью-йоркская продуктовая биржа, которые до этого в течение пяти лет хлопотали о проведении банковской реформы, предложили принять совместную резолюцию с выражением поддержки плана Олдрича и с предложением о создании новой лиги «бизнесмены за денежную реформу», которая могла бы включиться в публичную борьбу за центральный банк. После выступления Эндрю конференция единодушно проголосовала за эту резолюцию. Стюарт Паттерсон поручил возглавить комитет по созданию лиги реформ в составе семи человек не кому иному, как Полу Варбургу.

Комитет благоразумно решил использовать ход, опробованный некогда в Индианаполисе, и разместить штаб-квартиру Национальной лиги граждан за создание здоровой банковской системы не в Нью-Йорке, где находился главный нерв движения, а в Чикаго. Целью было убедить публику, что движение идет снизу и чудовищная Уолл-стрит его не контролирует. В итоге официальными руководителями Лиги стали чикагский бизнесмен Джон Фарвелл и Гарри Уиллер, президент Торговой палаты США. Директором стал специалист по денежному обращению из Чикагского университета Лоуренс Лафлин, а его помощником – профессор Паркер Уиллис, его бывший студент.

Для закрепления ауры Среднего Запада большинство директоров Лиги были набраны из чикагских промышленников: В. Санни из «Чикаго телефоун компани», Сайрус Маккормик из «Интернэшнл Харвестер» (обе компании тяготели к группе Моргана), Джон Шедд из «Маршалл Филд энд компани», Фредерик Делано из «Вобэш рейлвей компани» (группа Рокфеллера) и Джулиус Розенвальд из «Сирз энд Роубэк». Спустя десять лет Паркер Уиллис открыто признал, что Лига была пропагандистским органом банкиров⁷³.

⁷³ Henry Parker Willis. *The Federal Reserve System* (New York: Ronald Press, 1923), pp. 149–150. При этом Уиллис оставляет без внимания

Деятельность Лиги вышла на проектную мощь весной и летом 1911 г. Выпускался периодический бюллетень «Банковское дело и реформы» (*Banking and Reform*), рассчитанный преимущественно на редакторов газет. Публиковались памфлеты, принадлежавшие перу таких сторонников реформы, как Джон Перрин, глава «Америкэн нэшнл бэнк оф Индианаполис», и Джордж Робертс из «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк». Кампанию в газетах координировал Х. Х. Колсаат, бывший член исполнительного комитета Конвента по реформе денежного обращения Индианаполиса. Лафлин готовил книгу о плане Олдрича, которая по замыслу должна была стать аналогом его же доклада 1898 г. для Конвента в Индианаполисе.

Тем временем предпринимались параллельные усилия для привлечения в союзники руководителей национальных банков. Первым делом взялись за обращение банковской элиты. Для этого люди из ближнего круга Олдрича организовали в начале февраля закрытую конференцию с участием 23 ведущих банкиров из Атлантик-Сити, нескольких членов комитета по денежному обращению АБА, а также президентов банков из девяти самых крупных городов страны. Конференция предложила внести в план Олдрича несколько незначительных изменений, после чего он был единодушно одобрен.

После этой встречи самым эффективным пропагандистом идеи центрального банка стал Джеймс Форген, президент ориентированного на Рокфеллера «Фёрст нэшнл бэнк оф Чикаго». И мало того, что его презентация плана Олдрича на заседании исполнительного комитета АБА была сочтена особенно внушительной; особенно ценно было то, что он имел репутацию главного критика плана (пусть и по второстепенным вопросам). В результате влиятельные банкиры добились того, чтобы АБА нарушила собственный регламент и сделала Форгена председателем исполнительного совета.

значительную роль в успехе Лиги, которую сыграли он сам и его наставник Лафлин. См.: Robert Craig West. *Banking Reform and the Federal Reserve, 1863–1923* (Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1977), p. 82.

На конференции в Атлантик-Сити Джеймс Форген кратко изложил цель плана Олдрича и самой конференции. Вот как излагает этот эпизод Колко:

Действительной целью конференции было обсудить, как склонить банковское сообщество к идее государственного контроля, который бы осуществлялся самими банкирами во имя собственных целей... Было принято во внимание, что [план Олдрича] увеличит возможность больших национальных банков конкурировать с быстро растущими банками штатов, поможет установить над ними контроль и усилит позиции национальных банков в международных банковских операциях⁷⁴.

К ноябрю 1911 г. практически все члены АБА оказались сторонниками плана Олдрича. Банковское сообщество влилось в ряды сторонников реформы.

Однако 1912–1913 гг. были периодом замешательства и колебаний. Республиканская партия раскололась, а демократы еще больше упрочили свои позиции в Конгрессе, кульминацией чего стала победа Вудро Вильсона на президентских выборах в ноябре 1912 г. План Олдрича, внесенный в Сенат в январе 1912 г. Теодором Бартоном, быстро провалился, но реформаторы почувствовали, что нужно убрать из законопроекта раздражающее демократов имя республиканца Олдрича и, внося ряд незначительных изменений, снова запустить его, но уже как инициативу демократов. К счастью для реформаторов, в начале 1912 г. Паркер Уиллис был назначен административным помощником Картера Гласса, демократа из Виргинии, возглавившего комитет Конгресса по банкам и денежному обращению. Игра случая: двое сыновей Картера Гласса изучали у Уиллиса экономику в Университете Вашингтона, и они рекомендовали его отцу, когда демократы завоевали большинство в Конгрессе.

Мелкие подробности расколов и маневров в лагере реформаторов в 1912–1913 гг., которые так увлекали историков, имеют небольшое отношение к сути дела. Все главным образом крутилось вокруг увенчавшихся успехом усилий Лафлина,

⁷⁴ Kolko, *The Triumph of Conservatism*, p. 186.

Уиллиса и демократов отделаться от имени Олдрича. Кроме того, хотя банкиры предпочли бы, чтобы членов Совета управляющих Федерального резерва назначали сами банкиры, большинство реформаторов отдавали себе отчет, что это политически неприемлемо. Было件нятно, что того же результата можно достичь, если членов Совета управляющих будут назначать президент и Конгресс, а банкиры возьмут на себя подбор большей части руководителей региональных резервных банков и членов консультативного совета при Совете управляющих. Впрочем, многое зависело от того, кого президент назначит в Совет управляющих. Долго ждать реформаторам не пришлось. Бразды правления вручили людям Моргана, которыми руководил Бенджамин Стронг из «Бэнкерс траст», ставший во главе Федерального резервного банка Нью-Йорка. К концу дебатов в Конгрессе по поводу законопроекта Гласса реформаторы уже добились своего, и когда в декабре 1913 г. закон о Федеральной резервной системе был принят, он имел поддержку всего банковского сообщества. В августе 1913 г. Бартон Хепберн убедительно обрисовал ситуацию в обращении к годовому собранию АБА: «Эта мера реализует принципы центрального банка. Фактически... все входящие в систему банки станут совместными владельцами доминирующей власти»⁷⁵. На деле разница между законопроектами Гласса и Олдрича была крайне незначительна. Реформаторы с блеском достигли своей цели^{76, 77}.

⁷⁵ Kolko, *The Triumph of Conservatism*, p. 235.

⁷⁶ О принципиальной идентичности двух законопроектов см.: Friedman and Schwartz, *A Monetary History of the United States*, p. 17; Kolko, *The Triumph of Conservatism*, p. 235; Warburg. *The Federal Reserve System*. Chaps. 8 and 9. О спорах по поводу различных деталей законопроекта см.: West. *Banking Reform and the Federal Reserve*, pp. 79–135; Kolko, *The Triumph of Conservatism*, p. 186–189; and Livingston, *Origins of the Federal Reserve System*, pp. 217–226.

⁷⁷ О том, как группа Моргана захватила контроль над Федеральным резервом и как эта группа ею управляла в 1920-х гг., см.: Rothbard, “The Federal Reserve as a Cartelization Device,” pp. 103–136.

Заключение

Элита финансового сообщества США, в особенности группировки Моргана, Рокфеллера, Куна и Лёба, добилась создания Федеральной резервной системы, представляющей собой созданный правительством картель, который дает национальным банкам возможность координированно инфлировать бумажную денежную массу, не рискуя вызвать немедленное возмездие в виде требования наличной звонкой монеты со стороны вкладчиков или держателей банкнот. Недавние исследования прояснили роль растущего числа технических экспертов и ученых, которые с радостью украсили своим научным авторитетом стремление элит к созданию центрального банка. Властные элиты не в состоянии закрепить за собой привилегии, обеспечиваемые большим правительством и интервенционистской политикой, без легитимизации, единственным источником которой в нашем мире являются якобы беспристрастные эксперты и профессора. Чтобы создать государство-Левиафан, должны работать бок о бок алчность, жаждущая особых привилегий, и интеллектуалы, способные обеспечить благородную патину учености и идеологической выдержанности.

ЧАСТЬ III

ОТ ГУВЕРА ДО РУЗВЕЛЬТА: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ РЕЗЕРВ И ФИНАНСОВЫЕ ЭЛИТЫ

От Гувера до Рузвельта: Федеральный резерв и финансовые элиты

Главная идея этой главы такова: для адекватного понимания американской политики от границы столетий до начала Второй мировой войны целесообразнее изучать взаимоотношения главных финансовых групп, чем внешнюю и часто показную борьбу между демократами и республиканцами. В частности, американская политика этого периода отмечена яростными схватками между двумя главными промышленно-финансовыми группами. Ядро первой составляли деловые круги, группировавшиеся вокруг «Хаус оф Морган», а вторая концентрировалась вокруг тройственного альянса Рокфеллера (нефть), Гарримана (железные дороги) и Куна-Лёба (инвестиционный банк). Морганы начали с инвестиционного банка, впоследствии включив в сферу своих интересов железные дороги, коммерческие банки, а затем и производство. Тройственный союз Рокфеллер-Гарриман-Кун/Лёб сложился, когда каждый из них еще занимался своим первоначальным бизнесом, но позже также заинтересовались коммерческими банками. В большинстве случаев интересы этих могущественных группировок были противоположны. Например, должен ли Теодор Рузвельт (всегда близкий к Морганам) использовать антитрестовское законодательство, чтобы раздавить «Стэн-дарт ойл», или, скажем, следует ли президенту Тафту (находившемуся в дружественных отношениях с обосновавшимися в Огайо Рокфеллерами) попытаться разрушить такие моргановские тресты, как «Интернэшнл Харвестер» или «Ю Эс Стил»? В некоторых сферах интересы этих мастодонтов совпадали, и они действовали заодно. Так, обе группы активно уча-

ствовали в движении за картелирование промышленности, которое было главной целью Национальной гражданской федерации в эпоху прогрессивистских реформ. Точно так же эти группы соединили усилия, когда добивались создания Федеральной резервной системы¹.

Первый период деятельности Федерального резерва, 1914–1928 гг.: эпоха Моргана

В совместной деятельности по разработке структуры Федеральной резервной системы, а потом в проталкивании соответствующего закона через Конгресс «Хаус оф Морган» был, безусловно, старшим партнером. Тайная встреча группы ведущих банкиров в ноябре 1910 г. в клубе Джекил-Айленд, на которой был выработан прототип закона о Федеральной резервной системе, состоялась на курорте, принадлежащем Дж. П. Моргану. В первые два десятилетия в ФРС было два центра власти. Основным был управляющий Федеральным резервным банком Нью-Йорка. Совет управляющих Федерального резерва в Вашингтоне занимал второстепенное положение. С первого дня создания центрального банка и до самой своей смерти в 1928 г. управляющим Федеральным резервным банком Нью-Йорка был Бенджамин Стронг, вся деловая карьера которого была связана с Морганом. Он работал вице-президентом «Бэнкерс траст компани», созданной Морганом для закрепления в новом прибыльном трастовом бизнесе; самыми близкими друзьями Стронга были его наставник и сосед, влиятельный компаньон Моргана Генри Дэвисон и два других компаньона Моргана – Дуайт Морроу и Томас Ламонт. В окружении Моргана Стронг пользовался таким доверием, что во время банковской паники 1907 г. ему поручили быть личным аудитором Дж. П. Моргана-ст. Когда ему предложили пост управляющего Федерального резервного банка Нью-Йорка, его сомнения

¹ О Национальной гражданской федерации см.: James Weinstein, *The Corporate Ideal in the Liberal State, 1900–1918* (Boston: Beacon Press, 1968).

развеея Дэвисон, убедив, что тот сможет управлять Федеральным резервом как «настоящим центральным банком... прямо из Нью-Йорка»².

В Вашингтоне, в оттесненном на второй план Совете управляющих Федерального резерва, у Морганов и близко не было такого влияния. Первоначально в Совете было семь членов, из которых два входили туда *ex officio*, по должности, – министр финансов и Контролер денежного обращения. В первом составе Совета главным в блоке Моргана был министр финансов Уильям Гиббс Макаду, зять президента Вильсона, которому Морган оказал немалую услугу – буквально спас его нью-йоркскую железнодорожную компанию «Гудзон энд Манхэттен», введя в управленческий штат и совет директоров своих ближайших сотрудников. С тех пор Макаду был постоянно в числе людей Моргана³. Контролером денежного обращения был протеже Макаду Скелтон Уильямс, который также был директором железной дороги «Гудзон энд Манхэттен». В Совете был еще один протеже Макаду, Чарльз Хэмлин, который до этого служил помощником министра финансов. Это был состоятельный юрист из Бостона, принадлежавший к финансовой группе, издавна близкой к Моргану, через жену породнившийся с богатой семьей Прайн из Олбани, деньги которой были вложены в том числе в моргановскую железную дорогу «Нью-Йорк сентрал».

Если эта тройца могла считаться надежными представителями интересов Моргана, остальные четыре члена Совета управляющих были не столь надежны: Пол Варбург, партнер и шурин Джейкоба Шиффа из инвестиционного банка «Кун,

² Стронг и Дэвисон были настолько близки, что когда жена Стронга после рождения очередного ребенка покончила с собой, Дэвисоны взяли на воспитание трех детей Стронга. О Стронге и Моргане см.: Murray Rothbard, "The Federal Reserve as a Cartelization Device," p. 109; Lester V. Chandler, *Benjamin Strong, Central Banker* (Washington, D.C.: Brookings Institution, 1958), pp. 23–41; Ron Chernow, *The House of Morgan: An American Banking Dynasty and the Rise of the Modern Finance* (New York: Atlantic Monthly Press, 1990), pp. 142–145, 182.

³ Philip H. Burch, Jr., *Elites in American History*, vol. 2, pp. 207–209.

Лёб»; Фредерик Делано, дядя Франклина Делано Рузвельта, президент контролируемой Рокфеллером железной дороги «Вобэш рейлвей»; Уильям Хардинг, банкир из Алабамы, а в совете директоров сталелитейной компании, принадлежавшей его тестю, люди Моргана и Рокфеллера были представлены примерно поровну; и, наконец, Адольф Миллер, экономист из Беркли, женатый на представительнице богатой чикагской семьи Спрэггов, связанной с Морганом. Таким образом, из семи членов Совета управляющих трое были надежными людьми Моргана (хотя двое входили туда по должности), один принадлежал к группе Куна–Лёба, один был близок к Рокфеллеру, один был независимым банкиром, равно связанным деловыми интересами с Морганом и Рокфеллером, и еще один был экономистом с неясными семейными связями с группой Моргана. Таким образом, о полном контроле в Совете здесь говорить не приходилось!

У Морганов было большое преимущество – Бенджамин Стронг возглавлял Федеральный резервный банк Нью-Йорка, самый влиятельный из окружных банков Федерального резерва, но приходилось считаться с тем, что в 1920-е гг. у власти находилась республиканская администрация. Хотя в окружении президента Уоррена Гардинга были представители разных групп, но, как республиканец из Огайо, он был особенно близок к Рокфеллерам, а его государственный секретарь, Чарльз Эванс Хьюгс, был наставником Джона Рокфеллера-мл. в Нью-Йоркском библейском классе, а также являлся ведущим юристом «Стэндрд ойл» и управляющим активами фонда Рокфеллера⁴. Внезапная смерть Гардинга в августе 1923 г. выдвинула на первый пост вице-президента Калвина Кулиджа.

⁴ Хьюгс был одновременно советником и консультантом рокфеллеровской компании «Стэндрд ойл оф Нью-Джерси» по внешнеполитическим вопросам. Даже биографы Хьюгса не обратили внимания на его тесные связи с рокфеллеровскими структурами. См. важную, но малоизвестную статью: Thomas Ferguson, "From Normalcy to New Deal: Industrial Structure, Party Competition, and American Public Policy in the Great Depression," *International Organization* 38 (Winter 1984): 67. См. также: Raymond B. Rosdick, *John D. Rockefeller, Jr.: A Portrait* (New York: Harper and Bros., 1956), p. 125.

Кулиджа ошибочно характеризуют как бесцветного адвоката из массачусетской глубинки. На самом деле новый президент был членом видной бостонской финансовой семьи, представители которой входили в советы директоров ведущих банков Бостона. Один из них, Джефферсон Кулидж, сделал карьеру в связанной с Морганом «Юнайтед фрут компани оф Бостон». Кроме того, на протяжении политической карьеры у Кулиджа были два важных наставника, и на обоих истории не обратили внимания. Один – председатель республиканской партии в Массачусетсе Мюррей Крейн, являвшийся директором в трех влиятельных организациях, подчиненных Моргану: «Нью-Хейвен энд Хартфорд рейлроуд», «Гэренти траст компани оф Нью-Йорк» и «Эй-Ти энд Ти», где он был также членом исполнительного комитета совета директоров. Другим был однокашник по Амхерсту и видный компаньон Моргана, Дуайт Морроу. Морроу начал агитировать за выдвижение Кулиджа на пост президента еще в 1919 г. и продолжал давление на съезде республиканской партии в 1920 г. Дуайт Морроу и компаньон Моргана Томас Кокрэн энергично продвигали кандидатуру Кулиджа в Чикаго. Кокрэн не был выпускником Амхерста, и, не имея этого мотива для работы на Кулиджа, держался в тени. Кокрэн и Морроу, видные фигуры из окружения Моргана, сознательно старались не светиться и в качестве главного сторонника Кулиджа выдвигали на первый план бесстрашного бостонского коммерсанта Фрэнка Стернса, которому посчастливилось быть выпускником Амхерста⁵.

В 1920-х гг. при трех республиканских президентах министром финансов был влиятельный мультимиллионер Эндрю Меллон, глава клана Меллонов, империя которого простиралась от питтсбургского «Меллон нэшил бэнк» до «Галф ойл», «Копперс компани» и «Алюминий корпорейшн оф Америка».

⁵ Впрочем, Стернс не был знаком с Кулиджем, пока Морроу его не представил. Кокрэн был главным компаньоном Моргана и членом совета директоров в «Бэнкерс траст компани», «Чейз секьюритиз корпорейшн» и «Тэксес галф салфер компани» (Burch, *Elites*, 2, pp. 274–275, 302–303; Harold Nicolson, *Dwight Morrow* (New York: Harcourt Brace, 1935), p. 232).

Более того, когда Чарльз Эванс Хьюгс весной 1925 г. вернулся к частной юридической практике, Кулидж предложил важнейший пост государственного секретаря уолл-стритскому юристу и бывшему госсекретарю и министру обороны Илайхью Руту, которого можно было бы назвать дуайеном «Моргановской коллегии адвокатов». Когда у Моргана как-то возникла критическая ситуация, Рут выступил его личным поверенным. Когда Рут отклонил пост государственного секретаря, Кулиджу пришлось взять менее яркое светило из созвездия Моргана – юриста из Миннесоты Фрэнка Келлога. Заместителем Келлога был Джозеф Грю, имевший семейные связи с Морганом (Дж. П. Морган-мл. был женат на одной из Грю), а в 1927 г. два высокопоставленных деятеля из круга Моргана получили предложение взять под контроль сложные отношения с Мексикой и Никарагуа⁶.

В 1924 г. клан Моргана достиг зенита своего политического влияния в США. Дж. П. «Джек» Морган-мл. с глубоким пиететом относился к президенту Калвину Кулиджу, другу и протекже компаньона Моргана Дуайта Морроу. Возможно, Морган был единственным, кто видел в президенте глубокого мыслителя и моралиста. Морган писал другу: «Ни один из известных мне президентов, кроме м-ра Кулиджа, не вызывал у меня такого чувства веры в нашу страну и ее институты, в нашу способность разрешить все проблемы».

С другой стороны, на президентских выборах 1924 г. для дома Морганов сложилась на редкость благоприятная ситуация, потому что соперником Кулиджа был демократический кандидат Джон Дэвис, старший партнер в уолл-стритской

⁶ Компаньон Моргана Дуайт Морроу в 1927 г. стал послом в Мексике, а отношения с Никарагуа отдали под надзор Генри Стимсону, уолл-стритовскому юристу и давнишнему соратнику и компаньону Илайхью Рута. Что касается Фрэнка Келлога, то плюс к тому, что он был директором банка «Мерчантс нэшнл» в Сент-Поле, он еще выполнял роль консультанта в моргановской «Юнайтед Стейтс стил компани» и, что было еще важнее, являлся ведущим юристом железнодорожного магната Джеймса Хилла, давно и тесно связанного с кругом Моргана (Burch, *Elites*, 2, pp. 277, 305).

фирме «Дэвис, Полк энд Уордуэлл», а также главный юрист в «Джи Пи Морган энд компани». Дэвис, протеже легендарного моргановского компаньона Гарри Дэвисона, являлся также личным другом и партнером Джека Моргана по игре в криббедж и в нарды. Сказочный расклад! Кто бы ни победил на выборах 1924 г., Морганы не могли проиграть, хотя, впрочем, они решили поставить на Кулиджа⁷.

В 1928 г. случилось неизбежное – доминирование Моргана при определении денежной политики пошатнулось. Бенджамин Стронг, проболев весь год, в октябре умер, а его место занял Джордж Харрисон, его тщательно подобранный преемник. Харрисон был верным «вассалом» Морганов, но у него не было такого влияния, как у Бенджамина Стронга⁸.

Правление Кулиджа также шло к завершению. Морганы оказались на распутье. Наилучшим вариантом было убедить президента нарушить традицию и баллотироваться на третий срок. Но Кулидж на это не пошел, и Морганам пришлось обратиться к вице-президенту Чарльзу Дауэсу, имевшему связи с моргановской сетью железных дорог в Чикаго. Когда он вышел из гонки, Морганам пришлось поддержать Герберга Кларка Гувера, который в 1920-х гг. при двух республиканских администрациях был влиятельным министром торговли. Гувер имел давние связи с группой Моргана, хотя и не такие тесные, как Калвин Кулидж. Особенное влияние на Гувера в период его президентства имели два неофициальных советника, и оба были компаньонами Моргана: Томас Ламонт и Дуайт Морроу, с которыми Гувер неизменно встречался для консультаций трижды в неделю⁹.

В кабинете президента Гувера было полно людей Моргана. Государственным секретарем был давний юрист Моргана, ученик и компаньон Илайхью Рута, Генри Стимсон. На посту ми-

⁷ Chernow, *House of Morgans*, pp. 254–255.

⁸ *Ibid.*, p. 382.

⁹ Ламонт сумел убедить Гувера фальсифицировать журнал посещений, чтобы замаскировать собственное влияние на президента (Ferguson, “From Normalcy to New Deal,” p. 79; *ibid.*, p. 77; Burch, *Elites*, 2, p. 280).

нистра финансов остался Эндрю Меллон, а его заместителем был Огден Миллс, который в 1931 г. унаследовал его пост, специалист по корпоративному праву и бывший конгрессмен, отец которого, Огден Миллс-ст. был руководителем «Нью-Йорк сентрал», железнодорожной компании Моргана¹⁰. Министром военно-морского флота в кабинете Гувера был Чарльз Френсис Адамс III, из знаменитой семьи бостонских аристократов, тесно связанных с Морганами. Дочь именно этого Адамса стала женой Джека Моргана.

Кредитно-денежная политика Бенджамина Стронга была, по существу, политикой Моргана. Через свой лондонский филиал «Морган, Гренфелл» Морганы поддерживали тесные связи с британским правительством и с Банком Англии. Перед Первой мировой войной «Хаус оф Морган» был назначен фискальным агентом министерства финансов Великобритании и Банка Англии. С началом войны Морганы стали монопольными поставщиками военного снаряжения для Британии и Франции, а также получили монопольное право на размещение в США военных займов этих двух стран. Морганы немало поспособствовали вступлению Соединенных Штатов в войну на стороне Британии, и Бенджамин Стронг, будучи фактическим главой Федерального резерва, удвоил финансирование военных расходов США¹¹.

По окончании войны главной целью Стронга стала помощь Великобритании в установлении и навязывании всей Европе нового, разрушительного по своим последствиям золотодевизного стандарта. Идея заключалась в том, что нужно вернуть «Англии» – на самом деле, союзникам и компаньонам Моргана –

¹⁰ Миллс был отпрыском старой, еще с XVIII в., аристократической нью-йоркской семьи Ливингстонов, а также родней Рейдсов, близких Моргану владельцев «Нью-Йорк геральд трибюн». Первая жена Миллса была из семьи Вандербильтов, также связанной с Морганами. См.: Jordan A. Schwarz, *The Interregnum of Despair: Hoover, Congress, and the Depression* (Urbana: University of Illinois Press, 1970), p. 111.

¹¹ О роли Морганов в вовлечении США в Первую мировую войну см. классическую работу: Charles Callan Tansill, *America Goes to War* (Boston: Little, Brown, 1938), pp. 67–133.

привычные позиции финансового доминирования, а инструментом оказался фальшивый золотой стандарт. Чисто внешне это выглядело как возвращение к довоенному «классическому» золотому стандарту. Но весной 1925 г. был восстановлен довоенный паритет, что означало безбожное завышение реального курса фунта стерлингов, который сильно обесценился после 1914 г., в эпоху неразменного бумажно-денежного стандарта. Британия настояла на возвращении к довоенному курсу, что гарантированно стреноживало ее экспортный потенциал, но при этом не стала сжимать объем денежной массы, а продолжила инфляционную политику дешевых денег. Дабы избавить Британию от последствий столь эксцентричной и противоречивой политики, США подыграли ей, сделав вид, будто установившийся в 1925 г. в Европе золотослитковофунтовый стандарт и в самом деле является настоящим золотомонетным стандартом. США проводили политику инфлирования денежной массы и кредита, чтобы из-за инфляции британское золото не перетекло в США, поскольку это могло разрушить скроенную на скорую руку структуру нового «золотого стандарта». Неизбежным результатом этой политики стал коллапс кредитно-денежной сферы в США и в других странах, погрузивший мир в депрессию. Бенджамин Стронг был моргановским архитектором губительной политики инфляционного бума, обреченной закончиться неизбежным крахом.

Федеральный резерв при президенте Гувере: Харрисон и Янг

Занимая пост министра финансов, Гувер жестко критиковал инфляционную политику Стронга. К несчастью, Гувер и сам был сторонником легких денег и дешевого кредита. Став президентом, он попытался, подобно королю Кнуду, повернуть события вспять: поддерживал политику дешевого банковского кредита, но при этом «заклинал» банки и другие кредитные учреждения *не ссужать* деньги на покупку акций. Гувер был сторонником иллюзорной идеи, что кредиты промышленности – дело «законное» и полезное для производства, а кредито-

вание финансовых операций, в том числе с акциями, – занятие «непроизводительное». Более того, он верил, что, попадая в круговорот фондового рынка, капиталы каким-то образом исчезают или «поглощаются» им, а потому делаются недоступными для промышленности. Методы запутывания бизнеса Гувер отточил, когда заведовал всем продовольственным снабжением в период Первой мировой войны, а потом на посту министра торговли, и вот теперь он пытался с помощью этих методов убедить банки ограничить ссуды на финансовые операции, а Уолл-стрит – обуздать спекулянтов. Рой Янг, поставленный Гувером во главе Совета управляющих Федерального резерва, придерживался точно таких же ошибочных взглядов. Отчасти ответственность за такой политический курс администрации Гувера лежит на хитроумном манипуляторе Монтегю Нормане, который, будучи главой Банка Англии и близким другом покойного Бенджамина Стронга, убедил того, что, раздувая кредит, можно избавить Британию от последствий разрушительной кредитно-денежной политики. Норман, можно добавить, был очень близок к банку «Морган, Гренфелл».

К июню 1929 г. стало ясно, что увещевать банки – дело бесполезное. Видя признаки надвигающегося краха, Норман переключился и убедил Федеральный резерв вернуться к прежней, отброшенной весной 1928 г. политике раздувания резервов путем субсидирования рынка векселей через скупку всех акцептованных векселей по субсидируемым ставкам¹².

Однако, несмотря на все попытки поддержать бум, объем денежной массы в США к концу 1928 г. застыл и перестал расти. Остановка бума, вызванного масштабной кредитной экспансией, сделала рецессию неизбежной, и действительно, в июле 1929 г. появились первые признаки экономического спада. Ли-

¹² A. Wilfred May, "Inflation in Securities" in *The Economics of Inflation*, H. Parker Willis and John M. Chapman, eds. (New York: Columbia University Press, 1935), pp. 292–293; Benjamin H. Beckhart, "Federal Reserve Policy and Money Market, 1923–31," in *The New York Money Market* (New York: Columbia University Press, 1931), 4, pp. 127, 142ff.; Murray Rothbard, *America's Great Depression*, 4th ed. (New York: Richardson and Snyder, 1983), pp. 117–123, 142–143, 148, 151–152.

хорадоочные попытки предотвратить падение фондового рынка лишь подстегнули рост цен на акции, тогда как фундаментальные показатели экономического роста ухудшались, и 24 октября все закончилось знаменитым крахом фондового рынка.

Герберт Гувер ожидал этого события. В течение десятилетия он требовал, чтобы США отказались от традиции невмешательства в динамику экономического цикла. Во время послевоенной рецессии 1920–1921 г. Гувер, будучи министром торговли, безуспешно убеждал президента Гардинга вмешаться, «сделать хоть что-то», чтобы вывести экономику из депрессии, в частности расширить кредит и запустить масштабную программу общественных работ. Хотя страна сама по себе выбралась из рецессии, и сильного государственного вмешательства не понадобилось, Гувер пророчил, что в следующий раз все будет иначе. Став президентом, Гувер в конце 1928 г. представил на конференции губернаторов свой план общественных работ, обещавший «бесперывное процветание» «план Гувера», призывая заключить пакт об «объявлении депрессии вне закона». Гувер принял схему известных инфляционистов Фостера и Кэтчингса, которая предполагала расходование огромной суммы – 3 млрд долл. – на организацию общественных работ для стабилизации «циклов конъюнктуры». В этом дуэте Уильям Фостер был теоретиком, а Воддрилл Кетчингс – финансистом: Кетчингс, сталепромышленник и инвестиционный банкир из известной уолл-стритской фирмы «Голдман, Сакс», поставил Фостера во главе фонда Поллака, созданного для проведения экономических исследований¹³.

Когда в октябре 1929 г. фондовый рынок рухнул, президент Гувер был готов действовать – повышать заработную плату, расширять кредит, запускать программу общественных работ. Сам Гувер говорил о себе, что был первым президентом, чув-

¹³ William T. Foster and Waddill Catchings, "Mr. Hoover's Plan: What It Is and What It Is Not – The New Attack on Poverty," *Review of Reviews* (April 1929): 77–78. См. также: Foster and Catchings, *The Road to Plenty* (Boston: Houghton Mifflin, 1928); Rothbard, *America's Great Depression*, pp. 167–178.

ствующим личную ответственность за экономическое процветание, «так что нам пришлось осваивать новую область». Восхищенные биографы пишут, что «президент Гувер был первым президентом в нашей истории, проявившим на федеральном уровне инициативу по мобилизации экономических ресурсов страны». По словам Гувера, «в истории депрессий не было подобной программы»¹⁴. Главным противником новой этактической догмы был министр финансов Меллон, который в свое время немало поспособствовал раскручиванию бума, но теперь понял, как важно избавиться от непродуманных инвестиционных проектов, сократить раздутые за время бума издержки, цены и ставки заработной платы. Меллон совершенно разумно указывал, что такая политика невмешательства давала отличные результаты в ходе прежних спадов и кризисов. Но Гувер, опиравшийся на поддержку заместителя министра финансов Огдена Миллса, отмахнулся от доводов Меллона.

Если уж Гувер был готов проводить экспансионистскую и интервенционистскую политику Нового курса, то человек из круга Моргана Джордж Харрисон, глава Федерального резервного банка Нью-Йорка, тем более был готов нагнетать инфляцию. За последнюю неделю октября, когда фондовый рынок стремительно падал, Федеральный резерв удвоил свой пакет государственных облигаций – прибавил 150 млн долл. к собственным резервам и еще на 200 млн долл. учел векселя банков-членов. Идея заключалась в том, чтобы предотвратить ликвидацию раздувшегося фондового рынка и дать нью-йоркским банкам возможность перевести на себя ссуды биржевых маклеров, возврата которых требовали небанковские кредиторы. В результате банки-члены Федеральной резервной системы нарастили свои депозиты на 1,8 млрд долл. – невероятный темп расширения денежной массы, на 10% за одну неделю! Из этой суммы 1,6 млрд долл. прироста депозитов пришлось на нью-йоркские банки. Кроме того, Харрисон за пару недель резко понизил уровень процентных ставок, снизив учетную ставку для банков с 6 до 4,5%.

¹⁴ Rothbard, *America's Great Depression*, p. 186.

Харрисон с большим энтузиазмом произвел все эти действия, преодолевая все протесты Роя Янки, председателя Совета управляющих Федерального резерва, которому он возражал, что «фондовая биржа должна работать любой ценой» и «господа, я готов обеспечить любые резервные фонды, которые могут понадобиться»¹⁵.

К середине ноября крах фондового рынка был позади, и рынок, искусственно поддерживаемый на плаву с помощью постоянных кредитных вливаний, опять начал движение вверх. Поскольку экстренная ситуация миновала, было решено сократить банковские резервы к концу ноября на 275 млн долл., т.е. вернуть их к тому уровню, который был до краха. К концу года суммарные банковские резервы составили 2,35 млрд долл., т.е. примерно столько же, сколько было за день до крушения рынка в конце ноября, а общая сумма банковских депозитов за этот период несколько выросла. Но хотя совокупность факторов, определяющих объем резервов, не изменилась, их распределение сильно переменилось. За эти два месяца пакет государственных ценных бумаг в Федеральном резерве вырос на 375 млн долл. (до краха всего 136 млн долл.), но эта экспансия была уравновешена уменьшением объема кредитов, предоставляемых банкам, ростом денежной массы и сокращением банковских золотых резервов на 100 млн долл. – население проявило осторожность. Короче говоря, Федеральный резерв делал для расширения кредита, что мог, но ему мешало благоразумие населения, изымавшего деньги из банков.

Уже по началу эры Гувера очевидна ложность сотворенной монетаристами легенды, что Федеральный резерв несет ответственность за сильное сжатие объема денежной массы в период с 1929 по 1933 г. Напротив, президентская администрация и Федеральный резерв изо всех сил закачивали деньги в экономику, но им мешали здравый смысл американцев и обострившееся недоверие к банковской системе.

В любом случае, хотя Федеральному резерву и не удалось дополнительно увеличить объем денежной массы, президент

¹⁵ Chernow, *House of Morgan*, p. 319.

Гувер был горд экспериментом с дешевыми деньгами и огромными объемами закупок ценных бумаг, осуществленных Федеральным резервом на открытом рынке. Выступая 5 декабря в Вашингтоне на созванной им конференции руководителей промышленности, он призвал всех порадоваться тому, как хорошо работает Федеральная резервная система, которой удалось спасти пошатнувшиеся банки, восстановить доверие публики и, понизив ставку процента, сделать капитал более доступным. Гувер внес личный вклад, призвав банки активнее переучитывать активы через Федеральный резерв, а министр Меллон, как и прежде, светился оптимизмом и заверял всех и каждого, что «кредита сколько угодно». Поклонник Гувера Уильям Грин, руководитель Американской федерации труда, провозгласил, что «Федеральная резервная система работает, служит барьером против финансовой деморализации. Через пару месяцев ситуация в промышленности вернется к норме, а стабилизация промышленности и финансов поможет восстановить доверие»¹⁶.

К концу 1929 г. Рой Янг и другие руководители Федерального резерва склонялись к политике *laissez faire*: «позволить денежному рынку “пропотеть”, а благотворный процесс ликвидации обеспечит изобилие денег»¹⁷. Но здесь опять Харрисон и Федеральный резервный банк Нью-Йорка переиграли Вашингтон и реализовали крупномасштабную программу вливания денег в экономику. Учетная ставка в Федеральном резервном банке Нью-Йорка упала с 4,5% в феврале до 2% к концу 1930 г. Примерно так же снизились и другие ставки по краткосрочным кредитам. И опять Федеральный банк Нью-Йорка возглавил парад инфляционистов – за год он купил государственных облигаций на 218 млн долл., но увеличение резервов банка на 116 млн долл. было съедено банкротствами банков в конце этого года и сжатием кредитных операций тех банков, которым удалось удержаться на плаву. В результате

¹⁶ Rothbard, *America's Great Depression*, p. 192–193.

¹⁷ Benjamin M. Anderson, Jr., *Economics and the Public Welfare* (New York: D. Van Nostrand, 1949), pp. 222–223.

объем денежной массы за 1930 г. не изменился. Экспансия оказалась бесполезной и по той причине, что фондовый рынок, возобновивший рост в начале этого года, к весне рухнул.

Однако за этот год Норман Монтегю смог достичь некоторых целей своего долгосрочного плана усиления сотрудничества между главными центральными банками мира. Норман добился создания нового центрального банка банков, Банка международных расчетов со штаб-квартирой в Базеле и задачей способствовать взаимодействию. Хотя подозрительный Конгресс запретил Федеральной резервной системе формально присоединиться к Банку международных расчетов, Федеральный резервный банк Нью-Йорка и близкая к нему группа Моргана смогли наладить тесное сотрудничество с новым банком. На практике Банк международных расчетов относился к Федеральному резервному банку Нью-Йорка как к центральному банку США. Председатель совета директоров Федерального резервного банка Нью-Йорка Гейтс Макгаррах в феврале вышел в отставку, чтобы занять пост президента Банка международных расчетов, а Джэк Рейнолдс, директор Федерального резервного банка Нью-Йорка, особенно близкий к группе Моргана, стал председателем оргкомитета Банка¹⁸. Не удивительно, что значительную часть капитала Банку предоставила «Джи Пи Морган энд компани». И хотя официального разрешения на присоединение к новому Банку не было, Джордж Харрисон, управляющий Федеральным резервным банком Нью-Йорка, «в рабочем порядке» отправился в Европу, чтобы проконсультироваться с другими руководителями центральных банков, а в 1931 г. его банк увеличил кредитование Банка международных расчетов¹⁹.

В конце 1930 г. сторонники *laissez faire*, здоровой денежной системы и ликвидации нежизнеспособных предприятий попытались оказать последнее сопротивление. Профессор Паркер Уиллис, неумолимый критик инфляционной и экспансио-

¹⁸ Рейнолдс тесно сотрудничал с «Фёрст нэшнл бэнк оф Нью-Йорк», длительное время являвшимся флагманом моргановской группы.

¹⁹ Rothbard, *America's Great Depression*, p. 332.

нистской политики Федерального резерва, в колонке в «Нью-Йорк джорнэл оф коммерс» атаковал политику снижения процентных ставок²⁰. Уиллис указал, что такая политика на деле лишь приближает волну банковских банкротств, потому что

²⁰ Уиллис, профессор банковского дела в Колумбийском университете и редактор «Джорнэл оф коммерс», учился в Чикагском университете у великого экономиста, сторонника твердых денег Лоуренса Лафлина. Лафлин и Уиллис были главными поборниками ошибочной доктрины «реальных векселей», согласно которой операции с частичным резервированием не могут создавать инфляции и подрывать надежность денег, если банки ограничат операции кредитования предоставлением краткосрочных ссуд на торгово-промышленную деятельность, которые «самоликвидируются», потому что выдаются под залог товарных запасов («реальные блага»), которые вскоре будут проданы. Лафлин и Уиллис сыграли важную роль в составлении проекта Федеральной резервной системы, а потом агитации за него: они представляли дело так, что роль Федерального резерва будет строго ограничена переучетом «реальных векселей» банков. Уиллис долгое время был помощником и консультантом влиятельного демократического сенатора из Виргинии Картера Гласса, который являлся ключевой фигурой в сенатском Комитете по банкам и денежному обращению.

Обнаружив, что Федеральный резерв вышел далеко за пределы предначертанной ему политики, Паркер Уиллис стал в 1920–1930-х гг. неутомимым и пронизательным критиком инфляционистской политики Федерального резерва как в периоды бума, так и в ходе рецессий. Особенно остро он критиковал участие Федерального резерва в операциях с государственными ценными бумагами на открытом рынке или ссуды банкам под учет корпоративных ценных бумаг (см.: Rothbard, *America's Great Depression*).

После ухода в мае 1931 г. с поста редактора «Джорнэл оф коммерс» Уиллис в 1931–1932 гг. продолжил критиковать инфляционистскую политику Федерального резерва со страниц «Коммершиал энд файнэншиал кроникл». Статья Уиллиса, опубликованная в январе 1932 г. во французском издании, настолько разгневала Джорджа Харрисона, что он обратился к сенатору Картеру Глассу с призывом прекратить «постоянный поток тревожащих и беспокоящих статей Уиллиса об американской политике» (Harrison to Glass, January 16, 1932, цит. по: Friedman and Schwartz, *A Monetary History of the United States*, pp. 408–409, п. 162).

что продлевает «неспособность банков ликвидировать» сомнительные кредиты и активы. Уиллис отмечал, что страна терпит ущерб из-за сохранения замороженных, не приносящих прибыли промышленных и строительных проектов и настаивал, что для выхода из депрессии нужно позволить таким проектам самоликвидироваться. Аналогичным образом Алберт Уигин, глава «Чейз нэщнл бэнк», выразивший взгляды отважного и бескомпромиссного главного экономиста банка д-ра Бенджамина Андерсона, осудил гуверовскую политику поддержки в период депрессии неизменного уровня цен и заработной платы, заявив, что «откладывая необходимые корректировки, мы не облегчаем, а всего лишь затягиваем депрессию»²¹.

С другой стороны, журнал «Бизнес уик», который и в то время выражал взгляды «просвещенных» деловых кругов, в конце октября 1930 г. разразился гневной статьей о «наступлении дефляционистов»²².

Однако в августе 1930 г. президент Гувер сделал еще один решительный шаг в пользу инфляционизма, заменив на посту председателя Совета управляющих Федерального резерва Роя Янга на матерого спекулянта и правительственного чиновника Юджина Мейера-мл.

Пришествие Юджина Мейера-мл.

В отличие от Стронга и Харрисона Юджин Мейер-мл. не был исключительно человеком Моргана. Отец Мейера, иммигрант из Франции, всю жизнь работал в международном банкирском доме «Лазар Фрер» и дослужился до позиции компаньона в нью-йоркском филиале банка. Юджин-мл. достаточно быстро ушел от Лазаров и стал удачливым спекулянтом, инвестором и финансистом, работал с Морганом, а еще сильнее был связан с

²¹ *Commercial and Financial Chronicle* 131 (August 2, 1930): 690–691; *Commercial and Financial Chronicle* 132 (January 17, 1931): 428–429. Даже при том что «Чейз бэнк» тогда еще находился под контролем Моргана, Бенджамин Андерсон неизменно сохранял независимость.

²² *Business Week* (October 22, 1930). Rothbard, *America's Great Depression*, p. 213.

Бернардом Барухом и патронировавшей ему влиятельной семьей Гугенхеймов, контролировавшей фактически всю медную промышленность Америки. Впрочем, Джордж Блюменталь, шурин Мейера, уйдя от братьев Лазаров, получил ответственный пост в «Джи Пи Морган энд компани», да и сам Мейер как-то выступил в качестве посредника между Морганами и французским правительством²³. К 1920-м гг. финансовое влияние Мейера определялось преимущественно собственностью на могущественную интегрированную химическую компанию «Элайд кемикл энд дай корпорейшн»²⁴.

До начала Первой мировой войны основные финансовые операции Мейера были связаны с Гугенхеймами и медной промышленностью. К 1910 г. его влияние на рынке меди было настолько заметным, что он смог организовать картельное соглашение между Гугенхеймами и компанией «Анаконда коп-пер» о сокращении производства на 7,5%. В том же году Мейер наткнулся в Лондоне на новый, очень производительный и

²³ Верно и то, что Мейер никогда не был особенно близок с Блюменталем. Merlo J. Pusey, *Eugene Meyer* (New York: Alfred A. Knopf, 1974).

²⁴ С началом Первой мировой войны американская текстильная промышленность оказалась отрезанной от поставок красителей из Германии, обеспечивавшей 90% ее потребностей. Мейеру хватило проициательности, чтобы профинансировать новую технологию производства красителей, изобретенную честолюбивым химиком и продавцом поставляемых из Германии красителей д-ром Уильямом Бекерсом. Мейер быстро создал компанию «Бекерс энилин энд кемикл уоркс» и занялся производством красителей для шерстяной промышленности. В 1916 г. Мейер слился с фирмой, поставлявшей анилиновые красители для хлопчатобумажной промышленности, и, контролируя поставки анилина в обе компании, создал «Нэшнл энилин энд кэмикл компани». Мейеру удалось установить полный контроль над этой компанией, которая во время войны зарабатывала огромные прибыли на поставках голубого красителя для ВМФ. После войны Мейер сумел организовать объединение своей компании с производителями кислот, щелочей, коксовых печей, каменноугольного дегтя и побочных химических продуктов и 1 января 1921 г. создал высокоприбыльную и могущественную «Эллайд кэмикл энд дай корпорейшн» (Pusey, *Eugene Meyer*, pp. 117–125).

прибыльный процесс добычи медной руды и стал продавцом лицензий на право его использования в США²⁵.

Не удивительно, что в условиях военного коллективизма Мейер в начале 1917 г. стал руководителем отдела цветных металлов в возглавлявшемся Бернардом Барухом Комитете по сырью, созданном при Консультативной комиссии Совета по национальной обороне. В ведении отдела цветных металлов оказались медь, свинец, цинк, сурьма, алюминий, никель и серебро. Когда в августе 1917 г. Совет по оборонной промышленности принял на себя задачи централизованного планирования, Мейер выполнял при нем те же задачи и стал, в буквальном смысле слова, «царем» медной промышленности²⁶.

В последующем на положении Мейера в гуверовской администрации сказалось его участие в деятельности Военно-финансовой корпорации. Корпорация была создана министром финансов Макаду в мае 1918 г. якобы для финансирования оборонных отраслей промышленности. Мейер получил в корпорации пост финансового директора. Корпорация занималась субсидированием американской промышленности. В период войны у нее было две главных функции. Во-первых, действуя в качестве агента министерства финансов, поддерживать рынок государственных облигаций. За последние полгода войны Мейер истратил 378 млн долл., чтобы удержать курс государственных облигаций от падения больше чем на четверть пункта в день, а потом перепродавал эти облигации министерству финансов по цене покупки.

Но главной функцией Корпорации было оказание финансовой помощи попавшим в трудное положение фирмам и отраслям, имевшим «оборонное» значение. Корпорация располагала 500 млн долл., предоставленными министерством финансов, а также правом выпустить облигации на 3 млрд долл.

²⁵ Ibid., pp. 82–88.

²⁶ О Совете национальной обороны и Совете по оборонной промышленности см.: Murray Rothbard, "War Collectivism in World War I," in *A New History of Leviathan: Essays on the Rise of the American State*, Ronald Radosh and Murray N. Rothbard, eds. (New York: E.P. Dutton, 1972), pp. 70–83. О роли Мейера см.: Pusey, *Eugene Meyer*, pp. 137–149.

Главным объектом ее внимания были коммунальные предприятия, железные дороги и финансирующие их банки. Банки оказались в трудном положении в том числе и потому, что их сберегательные вклады были втянуты в финансирование дефицита федерального бюджета. В целом, за время войны корпорация выпустила облигаций на 71 млн долл.

Было ясно, что главной миссией корпорации является покрытие правительственных субсидий промышленности. Как пишет биограф Мейера, «Военно-финансовая корпорация была создана для помощи ключевым отраслям, пострадавшим от условий военного времени, и Мейер превратил ее во влиятельный инструмент государственной политики»²⁷.

Если бы Военно-финансовая корпорация, да и остальной аппарат военного коллективизма, была действительно создана для решения военных задач, она, как и все подобные структуры, была бы распущена сразу после 11 ноября 1918 г., т.е. после подписания договора о прекращении военных действий. Однако Барух, Мейер, Совет по оборонной промышленности и большинство руководителей корпораций и после окончания войны стремились сохранить выгоды коллективизма. Цели преследовались двоякие: регулирование цен для предотвращения их падения в ходе ожидавшейся послевоенной рецессии и сохранение промышленных картелей под эгидой и по инициативе федерального правительства. За увековечивание картелей выступали Торговая палата США и Национальная ассоциация промышленников. Но президент Вильсон при поддержке министра обороны Ньютона Бейкера настоял на роспуске Совета по оборонной промышленности в конце 1918 г. Однако другие структуры военного времени, созданные для воздействия на экономику, в том числе и Военно-финансовая корпорация, сохранились²⁸.

²⁷ Pusey, *Eugene Meyer*, p. 163.

²⁸ Rothbard, "War Collectivism," pp. 100–105. О неудавшихся попытках сохранить коллективное планирование через посредство Совета промышленности при министерстве торговли см.: *ibid.*, pp. 105–108; Robert F. Himmelberg, "Business, Antitrust Policy, and the Industrial

Военно-финансовая корпорация была поразительным экземплярмом созданной для нужд войны государственной структуры, которая упрямо не хотела исчезать. С окончанием войны инвестиционные банки забеспокоились, что европейцы, лишенные американской помощи, не смогут поддерживать ставший привычным за время войны уровень американского экспорта. Соответственно, Морганы убедили своих друзей из министерства финансов использовать Военно-финансовую корпорацию как инструмент субсидирования американского экспорта, с тем чтобы потом собирать эти деньги с иностранных импортеров. И хотя администрация Вильсона не хотела сохранять программу предоставления государственных кредитов, она в марте 1919 г. убедилась Конгресс сохранить Корпорацию, чтобы та в течение пяти лет предоставила бы на 1 млрд долл. кредитов американским экспортерам и кредитующим их банкам²⁹. Особую настойчивость в проталкивании этого решения через Конгресс проявил руководитель Военно-финансовой корпорации Юджин Мейер, очень расстроившийся, когда администрация Вильсона распустила Совет по оборонной промышленности³⁰.

Мейер с головой ушел в распределение экспортных кредитов, и, будучи в Европе на переговорах о мире, он безуспешно пытался убедить британские банки вышустить на 600 млн долл. займов для кредитования британского импорта и поддержа-

---

Board of the Department of Commerce, 1919," *Business History Review* (Spring 1968): 1–23.

²⁹ Компания Моргана Томас Ламонт сделал предложение помощнику министра финансов Расселу Леффингвеллу, а министр финансов Макаду провел соответствующее решение через Конгресс. Не только, как мы видели, Макаду был крепко привязан к Морганам, но и Леффингвелл после ухода из министерства финансов стал главным компаньоном моргановского банка (Burton L. Kaufman, *Efficiency and Expansion: Foreign Trade Organization in the Wilson Administration, 1913–1921* (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1974), pp. 231–32; Carl P. Parrini, *Heir to Empire: United States Economic Diplomacy, 1916–1923* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1969), pp. 54–55).

³⁰ Pusey, *Eugene Meyer*, p. 164.

ния завышенного курса фунта от падения до рыночного уровня. Для противодействия опасному для послевоенной экономики инфляционному буму президент Вильсон переместил министра сельского хозяйства Дэвида Хьюстона на пост министра финансов с целью проведения дефляционной политики, отвечающей принципам *laissez faire*. Мейер делал все что мог, чтобы поддержать инфляционный бум. Военно-финансовая корпорация испрашивала одобрения выдачи кредитов на общую сумму 150 млн долл. для финансирования экспорта хлопка, табака, меди, угля и стали, но министр финансов Хьюстон программу не утвердил. Хьюстон заявил, что намерен распустить корпорацию, чтобы покончить с потребностями военного времени политикой государственного вмешательства в экономику. Хьюстон отметил, что в 1919 г. экспорт и без того уже достиг рекордного уровня, и что теперь важно обуздать инфляцию. Мейер испробовал все возможности убедить или обойти Хьюстона, но президент Вильсон был болен, и добраться до него оказалось невозможно. Кончилось тем, что Мейер сдался и в мае 1920 г. оставил свой пост³¹.

Увы, но вскоре Юджин Мейер вновь оказался на коне. За инфляционным бумом всегда следует рецессия. Спад начался в конце 1921 г., и быстро набравшее силу фермерское движение стало давить на правительство, требуя вернуть искусственное процветание, которое свалилось на фермеров благодаря военному взлету сельскохозяйственного экспорта. В 1920 г. в ходе президентской избирательной кампании министр финансов Хьюстон отважно отклонил требования фермеров, поскольку считал, что федеральное правительство не должно мешать нормальному ходу неизбежной послевоенной рецессии. Юджин Мейер, агитировавший в пользу Гардинга, встал во главе интервенционистских сил против ненавистного ло-

³¹ Хьюстон был уважаемым университетским ученым, занимался политологией, был президентом колледжа в Техасе, потом президентом Университета Вашингтона в Сент-Луисе. Отрядное зрелище — человек, придерживающийся принципов экономической свободы, на таком посту (*Ibid.*, pp. 169–170; Burch, *Elites*, 2, pp. 210–211).

зунга *laissez faire*. Когда Хьюстон однажды должен был выступать в Вашингтоне на ежегодном собрании АБА, он пригрозил, что откажется от выступления, если Ассоциация уступит требованию группы бизнесменов и банкиров из Мемфиса о предоставлении на том же собрании трибуны Мейеру. Требованию Хьюстона подчинились, но мемфисская группа интервенционистов и инфляционистов немедленно организовала неподалеку другое собрание, на котором и выступил Мейер, добивавшийся восстановления Военно-финансовой корпорации и на этот раз потребовавший государственных субсидий для поощрения сельскохозяйственного экспорта.

Поражение демократов в ноябре 1920 г. было выражением отношения общества к Первой мировой войне, ее последствиям, товарному дефициту и инфляции, а не к Хьюстону, но Мейер использовал победу для усиления нападок на министра Хьюстона. Развернув широчайшую демагогическую кампанию, в центре которой оказалось затруднительное положение производителей хлопка, Мейер представил Хьюстона как персональное воплощение принципов *laissez faire*. Используя гиперболы и аллитерацию, Мейер всласть поиздевался над Хьюстоном в выступлении перед объединенным сельскохозяйственным комитетом Конгресса. Мейер обличал:

В истории не было прецедентов... подобных массовых лишений, навязываемых цивилизованному миру политикой министерства [Хьюстона] ради утверждения жалких банальностей устаревшей политической экономии, приверженцем которой он является³².

Конгресс послушно проголосовал за возобновление программы экспортного кредитования Военно-финансовой корпорации. Когда Вильсон по совету Хьюстона в декабре наложил вето на это решение, Конгресс легко его преодолел.

В период междоусарствия Мейер мобилизовал друзей на поиски подходящего поста для себя в новой администрации Вильсона, но поскольку посты министра финансов и министра торговли оказались для него недоступны, он занял пост по-

³² Pusey, *Eugene Meyer*, p. 174.

могущества министра торговли при Герберте Гувере, разумно рассчитывая, что Конгресс восстановит Военно-финансовую корпорацию. И новый президент заслуженно отдал Мейеру пост главы новой реинкарнации этой корпорации, возродившейся как Бюро содействия сельскохозяйственному экспорту. Но экспорт быстро остался в стороне, поскольку в итоге возникло простое агентство поддержки сельскохозяйственных производителей. В 1921 г. Мейер при содействии Гардинга провел через Конгресс закон о сельскохозяйственном кредите, который поднял потолок кредитования до 1 млрд долл. и разрешил Военно-финансовой корпорации ссужать эти средства, наряду с отечественными экспортёрами, непосредственно сельскохозяйственным кооперативам и иностранным импортёрам.

Мейер энергично взялся за финансирование сельскохозяйственных кооперативов, давая им возможность скупать и хранить урожай, способствуя тем самым росту цен и создавая прообраз прямой политики поддержки сельскохозяйственных цен при администрациях Гувера и Рузвельта. Первый заем был выдан «Стейпл коттон кооператив ассосиэйшн» Аарона Шапиро. Шапиро был высокооплачиваемым молодым юристом ряда сельскохозяйственных кооперативов в Калифорнии, пытавшихся реализовать грандиозные планы повышения цен на хлопок, пшеницу, табак и другие культуры с помощью добровольных картельных соглашений. Все эти затеи окончились ничем³³. К лету 1923 г. корпорация раздала на 172 млн долл. кредитов сельскохозяйственным кооперативам и еще 182 млн долл. получили сельские банки, которые в свою очередь ссужали эти деньги фермерам. В тесном сотрудничестве с руководителями фермерского движения корпорация создала Консультативный комитет зернового пояса для давления на сельских банкиров штатов Среднего Запада в пользу расширения кредитов фермерам в этих краях.

Хотя банки обеспечивали поток краткосрочных сельскохозяйственных кредитов, а громадная Федеральная система сельскохозяйственного кредита, созданная в июле 1916 г., в изоби-

³³ Rothbard, *America's Great Depression*, pp. 199–200.

лии раздавала кредиты под залог недвижимости, объединение фермеров считало необходимым увеличить объем несубсидируемого среднесрочного кредитования. Фермеры при поддержке Мейера направили в Конгресс законопроект, предусматривавший создание системы корпораций сельскохозяйственного кредита на основе частных капиталов и поручавший Федеральному резерву поддерживать эти корпорации и способствовать расширению ее кредитных операций. Но объединение фермеров при поддержке министра торговли Гувера и министра сельского хозяйства Генри Уоллеса пошло дальше и поддержало конкурирующий законопроект, нацеленный на создание сети федеральных банков среднесрочного кредитования сельского хозяйства с государственными средствами, устроенной по образцу Федеральной резервной системы и управляемой Федеральным советом по кредитованию сельского хозяйства, который к тому времени уже был создан для управления Системой кредитования сельского хозяйства. В 1923 г. Конгресс в рамках закона о сельскохозяйственном кредите утвердил оба законопроекта, но изобретенная Мейером система оказалась мертворожденной: каким образом частная система кредитования, пусть даже субсидируемая, может конкурировать со структурой, финансируемой министерством финансов США?

Поскольку функции Военно-финансовой корпорации теперь были переданы системе Федерального среднесрочного кредита, Юджин Мейер смирился с тем, что в конце 1924 г. предоставленное законом право предоставления ссуд истекло. Корпорация просуществовала еще пять лет вхолостую, а в 1929 г. по решению Конгресса была в конце концов ликвидирована. Мейер не стал расстраиваться, потому что к тому времени уже сумел использовать возможности практически бездействовавшей структуры, чтобы включиться в работу ставшего влиятельным Федеральным советом по кредитованию сельского хозяйства, а потом и поставить его под свой контроль. Мейер возглавил Совет в марте 1927 г. и оставался на этом посту еще два года, до прихода к власти гуверовской администрации³⁴.

³⁴ Pusey, *Eugene Meyer*, pp. 183–192; Rothbard, *America's Great De-*

Длительный опыт руководства инфляционными системами государственного кредита, а в особенности услуга новому президенту – в 1928 г. на съезде республиканцев он добился того, что нью-йоркская делегация отдала голоса за Гувера, – склонили президента Гувера к тому, чтобы летом 1930 г. сделать его новым председателем Совета управляющих Федерального резерва.

Мейер в администрации Гувера

В разгар свирепствовавшего в Америке и Германии банковского кризиса, в условиях нарастающей депрессии Юджин Мейер вступил в битву за влияние на Федеральный резерв с Федеральным резервным банком Нью-Йорка, находившегося под полным контролем Морганов. Морганы еще сильнее Мейера были заинтересованы в спасении банковских систем европейских стран. В конце июня 1931 г. Федеральный резервный банк Нью-Йорка договорился с Банком Англии, Банком Франции и Банком международных расчетов о выделении 100 млн долл. на спасение Рейхсбанка Германии. Вскоре немцы затребовали еще 500 млн долл. на спасение своей банковской системы. Хотя Харрисон был склонен согласиться, Мейер и другие банкиры почувствовали, что для долгосрочных обязательств это уж чересчур. Потом правительство Германии обратилось к Федеральному резерву с просьбой не только о дополнительных кредитах, но и о том, чтобы прозвучало – несомненно, лживое – выражение удовлетворенности «здоровым состоянием» немецкой экономики. 12 июля Мейер оказался в Нью-Йорке и по чистой случайности узнал о тайном совещании в Федеральном резервном банке Нью-Йорка, которое было посвящено банковскому кризису в Германии и в котором принимали участие все представители моргановского клана, занимавшие важные государственные посты, в том числе компаньоны Моргана Рассел Леффингвелл и Паркер Гилберт; Алберт Уигин, глава

---

pression, pp. 196–198; James Stuart Olson, *Herbert Hoover and the Reconstruction Finance Corporation, 1931–1933* (Ames: Iowa State University Press, 1977), p. 12.

подчиненного Моргану «Чейз нэшил бэнк»; временно исполняющий обязанности министра финансов Огден Миллс; Оуэн Янг, председатель Совета директоров «Дженерал электрик»; управляющий Федеральным резервным банком Нью-Йорка Джордж Харрисон и его заместитель Рэндолф Берджесс. Собравшиеся уже успели убедить президента Гувера в необходимости выразить удовлетворение состоянием немецкой экономики. Мейер пришел в неистовство. Он доказывал, что такое заявление президента, подкрепленное встречей банковских авторитетов, немцы, да и все остальные, истолкуют как «моральное обязательство помогать Германии», а для нее это будет либо карт-бланш на любые безрассудства, либо источник жестокого разочарования, когда выяснится, что ничего такого не подразумевалось. Мейер также настаивал, что только Совет управляющих Федерального резерва в Вашингтоне имеет законное право принимать такие обязательства. Вмешавшись в последнюю минуту, Мейер, к счастью, сумел остановить интригу Моргана, добивавшегося от Гувера публичного принятия обязательств. На следующей неделе Гувер при поддержке ориентированного на Моргана юриста и государственного секретаря Генри Стимсона опять высказался за предоставление прямых кредитов Германии, но Мейер сумел убедить его, что лучше договориться о «моратории по частным долгам», так чтобы основные банки мира не настаивали на том, чтобы Германия и другие страны Центральной Европы погасили свои краткосрочные долги, но при этом не втягиваться в операцию по спасению марки и других неустойчивых валют этого региона.

В общем, Мейер сумел переиграть Харрисона. Так что когда в конце сентября Британия приняла гибельное решение об отказе от золотого стандарта, и золото стало утекать из банков США, Мейер сумел вынудить Харрисона – сторонника дешевого кредита – поднять в октябре учетную ставку по Федеральному резервному банку Нью-Йорка с 1,5 до 3,5%, что повысило доверие рынков к доллару и направило золото обратно в хранилища американских банков³⁵.

³⁵ Pusey, *Eugene Meyer*, pp. 209–215.

В начале сентября 1931 г., еще до того, как Британия вышла из золотого стандарта, президент Гувер, Юджин Мейер и финансовое сообщество страны пришли к согласию, что Америка нуждается в дополнительных вливаниях денег и кредита и что операцию нужно провести под руководством федерального правительства. Позиции различались лишь в том, что Мейер и другие банкиры хотели возродить Военно-финансовую корпорацию, которая бы напрямую закачивала государственные деньги в экономику, а Гувер хотел использовать свой коронный прием – договориться с деловыми кругами о партнерстве, чтобы частные банкиры предоставили сотни миллионов долларов федеральному кредитному агентству. Гувер создал Национальную корпорацию кредитования, чтобы привлечь 500 млн долл. частных средств и потратить их на спасение отдельных неустойчивых банков. Но когда эта корпорация смогла собрать всего 150 млн долл., Гувер быстро переменял курс и в конце ноября согласился внести в Конгресс законопроект об оживлении покойной Военно-финансовой корпорации под новым именем – Корпорация финансирования реконструкции³⁶.

К концу января 1932 г. законопроект прошел через Конгресс, и министерство финансов получило распоряжение влить в Корпорацию финансирования реконструкции 500 млн долл., а самой Корпорации дали право выпустить облигаций еще на 1,5 млрд долл. Корпорация получила право предоставлять кредиты любым банкам и финансовым организациям. Предполагалось, что, получив защиту от банкротства, робкие банки соберутся с духом и начнут предоставлять кредиты торговле и промышленности, объем денег в обращении резко вы-

³⁶ Джералд Нэш рассказывал о том, как Гувер ожесточенно и до последнего момента противился созданию Корпорации финансирования реконструкции, но теперь у нас появилась более реалистичная версия, рассказываемая Джеймсом Олсоном: инициатива должна была исходить снизу, чтобы потом поставить все предприятие на чисто государственные рельсы (Gerald D. Nash, "Herbert Hoover and the Origins of the Reconstruction Finance Corporation," in *Mississippi Valley Historical Review* 46 (December 1959): 455–468; James Olson, *Herbert Hoover*, pp. 24–29).

растет и страна вернется к процветанию. Такова была теория, о которой громогласно возвестили президент Гувер, Мейер, Миллс и заместитель министра финансов Артур Баллантайн, компаньон адвокатской фирмы, возглавлявшейся давнишним юрисконсультom Моргана Илайхью Рутom. Не удивительно, что представители тех, кто рассчитывал на получение федеральных денег – коммерческих и сберегательных банков, страховых компаний и кредитно-строительных (а позже ссудосберегательных) ассоциаций, – давая показания в Конгрессе, «расхваливали законопроект, заявляя, что он необходим для выживания рынка денег». Вдобавок ко всему, Корпорация финансирования реконструкции была уполномочена выдавать кредиты железным дорогам, чтобы помочь им выпутаться из долгов и возродить рынок железнодорожных облигаций. Представители железных дорог тоже поддерживали создание Корпорации.

Первоначальный текст законопроекта в редакции Гувера отличался еще большим размахом и уполномочивал Корпорацию финансирования реконструкции предоставлять ссуды «всем bona fide* учреждениям», но сенатские демократы, подозрительно относившиеся к чрезмерному усилению экономического влияния исполнительной власти, зарубили это предложение. Говорят, что сенатские демократы также убрали из текста обещание Гувера сделать председателем Корпорации своего протеже Юджина Мейера. Мейер, совмещавший посты председателя Совета управляющих Федерального резерва и главы Корпорации финансирования реконструкции, стал самой влиятельной – в экономическом и финансовом плане – фигурой в правительстве.

По настоянию демократов Совет директоров Корпорации финансирования реконструкции состоял из семи человек – четырех республиканцев и трех демократов. Трое республиканцев получили новые посты по должности: председатель Совета управляющих Федерального резерва (Юджин Мейер), министр финансов (Огден Миллс, в январе сменивший на этом посту Меллона) и представитель Федерального совета по

* Внушающим доверие (лат.). – Прим. перев.

кредитованию сельского хозяйства (Пол Бестор, протеже и преемник Мейера). Четвертым республиканцем в Совете директоров был бывший вице-президент Чарльз Дауэс («Чикаго рейлруд»).

Корпорация финансирования реконструкции не только унаследовала идеологию покойной Военно-финансовой корпорации, но и была устроена по ее образцу и штат ее был укомплектован во многом из бывших сотрудников корпорации. Генеральный консультант и три ревизора Военно-финансовой корпорации с облегчением заняли прежние посты, а первым секретарем стал Джордж Кукси, прежний директор Военно-финансовой корпорации, который с 1929 г. числился в составе удивительно неторопливой ликвидационной комиссии и дождался-таки возвращения практически на тот же пост. Новая корпорация, подобно своей предшественнице, состояла из восьми подразделений и 33 местных кредитных агентств.

Каждое из кредитных агентств создало консультационный комитет из местных банкиров, чтобы оценивать ситуацию и давать рекомендации о предоставлении кредитов. В результате в руках местных банкиров, ставших распределителями федеральных средств, оказалась значительная политическая и финансовая власть. Более того, Корпорация финансирования реконструкции не была обязана открывать Конгрессу или общественности имена заемщиков и сведения о величине предоставленных кредитов. Таким образом, сама Корпорация и связанные с нею банкиры получили огромные финансовые и политические полномочия. Даже прогрессивистский сенатор Джордж Норрис из Небраски пожаловался, что не мог предвидеть, до какой степени «этот законопроект позволит правительству залезть в дела бизнеса».

Гувер и его помощники оправдывали свои действия временной необходимостью, созданной чрезвычайными обстоятельствами, чем-то вроде мировой войны, в годы которой была создана Военно-финансовая корпорация. Гувер неоднократно говорил о борьбе с депрессией как о войне:

Мы ведем борьбу на сотне фронтов, и это также определено и несомненно и требует такой же моральной отваги, организованных действий, соединения всех сил и чувства преданности обществу, как и настоящая война.

Юджин Мейер постоянно использовал военные метафоры, а министр Миллс говорил о «великой войне с депрессией... ведущейся на многих фронтах», и особенно «долгая битва ведется... за сохранение нашей финансовой структуры в разгар мирового кризиса».

Руководители деловых и финансовых кругов также пытались оправдать свое желание участвовать в коллективистской по своему характеру Корпорации финансирования реконструкции. Ситуацию помогает понять статья в «Мэгазин оф Уолл-стрит», подытожившая ход дебатов в Конгрессе по поводу законопроекта о создании Корпорации. Автор статьи отмечает, что большой бизнес, «всегда противившийся государственному вмешательству в экономические вопросы», теперь требует такого вмешательства, что крупные банкиры, промышленники и президенты железных дорог поддерживают создание Корпорации финансирования реконструкции. Автор добавляет:

На обвинение в социализме представители деловых кругов отвечают, что в чрезвычайных ситуациях, во время войны например, правительства всегда принимали удар на себя, потому что только они в состоянии мобилизовать и организовать все силы народа. Во время войны во всех странах устанавливается фактически режим диктатуры, которая может распоряжаться ресурсами всех и каждого; сегодня страна оказалась именно в таком критическом положении³⁷.

Корпорация, несомненно, щедро расплатилась с поддер-

³⁷ Theodore Knappen, "The Irony of Big Business Seeking Government Management," in *Magazine of Wall Street* 49 (January 23, 1932): 386–388, цит. по: Olson, *Herbert Hoover*, pp. 45–46. См.: *Ibid.*, pp. 39–46, а также отличную статью: William E. Leuchtenburg, "The New Deal and the Analogue of War," in *Change and Continuity in Twentieth-Century America*, John Braeman, Robert H. Bremner, and Everett Walters, eds. (New York: Harper and Row, [1964] 1967), pp. 81–143.

жавшими ее деловыми кругами. Секретность кредитов оправдывали тем, что если публика узнает имена получателей ссуд, доверие к ним будет подорвано. Но ведь они как раз и заслуживали отказа в доверии публики, раз сумели утратить силу и устойчивость, и было бы лучше для общества в целом и для здоровья экономики, если бы эти организации обанкротились как можно скорее. С февраля по июнь 1932 г., за первые пять месяцев своей деятельности, Корпорация финансирования реконструкции выдала кредитов на 1 млрд долл., из которых 60% досталось банкам, а 25% – железнодорожным компаниям. Идея заключалась в том, что нужно поддержать облигации железных дорог, потому что большое количество их находилось в собственности сберегательных банков и страховых компаний, аккумулирующих деньги населения. Но на практике большая часть ссуд, полученных железными дорогами, ушла на погашение долгов. Примерно $\frac{1}{3}$ полученных сумм пошла на погашение задолженности перед банками. Так, одной из первых 5,75 млн долл. кредита получила железная дорога «Миссури пасифик» для уплаты долга перед «Джи Пи Морган энд компани», а 8 млн долл. получила железная дорога «Би энд Оу» для возвращения долга «Кун, Лёб энд компани». Юджин Мейер был одним из главных энтузиастов этой политики и расхваливал ее как «содействие оживлению» посредством «предоставления денег банкам». Вот это была чистая правда: за счет налогоплательщиков он поддерживал неэффективные банки и предприятия. Особенно характерен случай с железной дорогой «Миссури пасифик» – как только она получила кредит и выплатила долг Моргану, ей позволили немедленно обанкротиться.

Другим следствием предоставления государственных кредитов железнодорожным компаниям было их ускоренное обобществление, потому что Корпорация финансирования реконструкции, являясь крупным кредитором, имела право в ходе реорганизации обанкротившихся железных дорог вводить в правление управляющих от государства³⁸.

³⁸ Arthur Stone Dewing, *The Financial Policy of Corporations*, 5th ed. (New York: Ronald Press, 1953), 2, p. 1263; а также: Rothbard, *America's*

Если демократы в Конгрессе после августа видели свою задачу в том, чтобы заставить Корпорацию финансирования реконструкции отчитываться в предоставленных кредитах, президент Гувер пытался убедить Конгресс в необходимости не ограничивать задачи Корпорации кредитованием банков и железных дорог, а наделить ее правом выдавать новые ссуды, участвовать в привлечении капитала, в финансировании сбыта сельскохозяйственной продукции внутри страны и за рубежом, в предоставлении кредитов городам и штатам. В конце июля Конгресс утвердил поправки к законопроекту о создании Корпорации и увеличил ее уставный капитал до 3,4 млрд долл. Страдающий от переутомления Юджин Мейер убедил Гувера вставить в поправки к закону пункт о выводе из правления Корпорации государственных чиновников. Но его работу на двух постах высоко оценил Феликс Франкфуртер, который вскоре сделался одним из главных пророков рузвельтовского Нового курса. Франкфуртер телеграфировал жене Мейера, что «Джин... был единственным смелым и эффективным лидером [гуверовской] администрации в борьбе с депрессией»³⁹.

Джон Флинн, финансовый журналист, придерживавшийся принципов свободного рынка, совершенно иначе оценивал результаты годичной деятельности Мейера и Гувера. Флинн указывал, что раздаваемые Мейером ссуды, сохраняя уровень задолженности, только затягивали депрессию. «Необходимо ликвидировать чрезмерную задолженность и высвободить [доход] для закупок... Любая попытка... спасти слабых должников неизбежно затягивает депрессию». Нужно позволить железным дорогам пройти через «неизбежный целительный процесс» банкротства⁴⁰.

Тем временем Юджин Мейер в качестве управляющего Федерального резерва хлопотал об усилении инфляции. Мейер

Great Depression, pp. 261–265.

³⁹ Pusey, *Eugene Meyer*, p. 226.

⁴⁰ John T. Flynn, "Inside the RFC," *Harper's Magazine* 166 (1933): 161–169, цит. по: Rothbard, *America's Great Depression*, pp. 263–264. См. также: J. Franklin Ebersole, "One Year in the Reconstruction Finance Corporation," *Quarterly Journal of Economics* (May): 464–487.

сумел убедить Гувера и консервативного сенатора от Виргинии Картера Гласса, руководившего банковским комитетом, и те провели в конце февраля закон Гласса–Стигалла, который разрешил Федеральному резерву эмитировать деньги, которые тогда еще разменивались на золото, под обеспечение не только золотого запаса, но и облигаций федерального правительства⁴¹. Этот закон дал Федеральному резерву возможности сильно расширить кредит и понизить учетную ставку, и тот немедленно занялся грандиозной по тогдашним меркам скупкой государственных облигаций на открытом рынке. С конца февраля по конец июля было куплено облигаций на 1,1 млрд долл., так что Федеральный резерв стал обладателем пакета в 1,8 млрд долл. Отчасти целью этой операции была помощь в финансировании огромного по тем временам трехмиллиардного дефицита федерального бюджета за 1932 г.

Известный монетаристский миф, созданный Милтоном Фридменом, согласно которому Федеральный резерв либо намеренно сжал денежную массу, либо допустил такое сокращение, глубоко ошибочен. Под руководством Мейера Федеральный резерв делал все возможное, чтобы раздуть денежную массу, но, несмотря на все усилия, совокупный объем банковских резервов вырос всего на 212 млн долл., а совокупная денежная масса уменьшилась на 3 млрд долл. Как такое могло получиться?

Разгадка в том, что инфляционная политика Гувера и Мейера оказалась попросту вредной. Граждане Америки утратили доверие к банкам и снимали деньги – банкноты Федеральной резервной системы – со своих вкладов (к концу июля объем денег в обращении увеличился на 122 млн долл.), а иностранцы утратили доверие к доллару и требовали золото (золотой запас США сократился за этот период на 380 млн долл.). Кроме того, банки впервые не расходовали всю сумму новых резер-

⁴¹ Принятый в 1932 г. закон Гласса–Стигалла способствовал также инфляции банковского кредита, поскольку был расширен круг активов, которые банки могли переучитывать в Федеральном резерве (Pusey, Eugene Meyer, pp. 227–231; Susan Eastabrook Kennedy, *The Banking Crisis of 1933* (Lexington: University Press of Kentucky, 1973), pp. 46–47).

вов на выдачу кредитов и накапливали избыточные резервы – к середине года объем резервов на 10% превышал нормативные требования. Согласно принятому объяснению, в ходе депрессии спрос на кредиты со стороны бизнеса понизился, так что закачка в банки новых резервов была равносильна «толканию веревки». В этом популярном объяснении не учитывается тот факт, что у банков всегда есть возможность вложить избыточные резервы в ценные бумаги; им вовсе не обязательно сидеть и ждать появления новых заемщиков. Почему они этого не делали? Потому что неприятности грозили банкам с двух сторон. С одной стороны, в ходе депрессии сильно возросло количество банкротств. Если в 1920-е гг. ежегодно разорялось около 700 банков с общей суммой депозитов 170 млн долл., то с наступлением депрессии за год обанкротилось 17 000 банков с общей суммой депозитов 1,08 млрд долл. Эта ситуация заставила бы задуматься любого, тем более что в глубине души в банках знали, что поскольку они ведут дело с частичным резервированием, никто не спасется, если вдруг все вкладчики явятся за своими деньгами. С другой стороны, как раз в то время, когда предоставление кредитов стало таким рискованным делом, из-за проводившейся Федеральным резервом политики дешевых денег ставка процента понизилась, что уменьшало стимулы идти на риск. Отсюда и накопление сверхнормативных резервов. Чем сильнее Гувер и Федеральный резерв инфлировали денежную массу, тем сильнее публика и рынок тревожились о судьбе доллара, тем больше людей забирало золото из банков и тем больше вкладчиков снимало деньги со счетов.

Профессор Сеймур Харрис, который позже стал одним из главных американских кейнсианцев, в то время писал, что критики гуверовской администрации были, возможно, правы в своих протестах против инфляционной денежной политики и что проводившаяся Федеральным резервом в 1930–1932 гг. массовая скупка государственных облигаций на открытом рынке «замедлила процесс ликвидации и сокращения издержек, тем самым углубив депрессию»⁴².

⁴² Seymour E. Harris, *Twenty Years of Federal Reserve Policy* (Cam-

Герберт Гувер, разумеется, совсем иначе реагировал на бесславный провал инфляционистской программы. Вместо того, чтобы винить себя, он обвинял банки и публику. Вина банков была в том, что, вместо того чтобы выдавать опасные ссуды, они накапливали избыточные резервы. Уже к концу мая Гувер был «встревожен явным нежеланием коммерческих банков способствовать успеху программы наращивания кредитов». Этли Померен, бывший сенатор-демократ от штата Огайо, сменивший Юджина Мейера на посту руководителя Корпорации финансирования реконструкции, гневно осудил бездействие банков: «Я знаю, что говорю, в нашей нынешней ситуации банк, ликвидный на 75% или более и отказывающийся в кредите, когда есть надежное обеспечение, это просто паразит на теле общества». Гувер пошел даже на то, что потребовал от министра финансов Огдена Миллса подтолкнуть банкиров и бизнесменов к тому, чтобы пускать в оборот накопившиеся в банках избытки наличности. 19 мая Миллс создал в Нью-Йорке комитет во главе с Оуэном Янгом, председателем совета директоров моргановской корпорации «Дженерал электрик», и этот комитет попытался организовать картель для поддержания цен на облигации, но, несмотря на выдающийся состав комитета, попытка создать картель, чтобы переиграть рынок, провалилась самым жалким образом⁴³. Идея была тихо похоронена.

Обругав банки, президент Гувер не успокоился и напал на публику, которая опустошала банковские счета, унося домой банкноты и золото. Уязвленный тем, что за 1931 г. люди изъяли из банков 800 млн долл., Гувер громко обругал «предательское тезаврирование». 3 февраля 1932 г. Гувер создал новую организацию «Граждане за реконструкцию», которую возглавил полковник Фрэнк Нокс из Чикаго. Организация немед-

---

bridge, Mass.: Harvard University Press, 1933), 2, p. 700. См. также: Rothbard, *America's Great Depression*, pp. 266–272.

⁴³ В комитет Янга вошли Уолтер Гиффорд, глава «Эй-Ти энд Ти» (Морган), Чарльз Митчелл из «Нэшнл сити бэнк» (Рокфеллер), Альфред Слоан из «Дженерал моторс» (Дюпон-Морган) и Уолтер Тигл из «Стэндард ойл оф Нью-Джерси» (Рокфеллер) (Rothbard, *America's Great Depression*, pp. 271–272).

ленно начала шумную кампанию борьбы с отсутствием патриотизма у тех, кто изымает деньги из банков и тем самым подрывает кредит. (Иными словами, снимая со счета свои кровные и требуя от банков выполнить их лживые и вводящие в заблуждения обязательства, люди вскрывали порочный характер кредитно-банковской системы.) 6 февраля для координации своей деятельности встретились высокопоставленные патриоты, противники обналичивания счетов. Присутствовали генерал Чарльз Дауэс, Юджин Мейер, министр торговли Роберт Ламонт и министр финансов Огден Миллс. Спустя месяц Гувер обратился к общественности по вопросу о злокозненности тех, кто хранит деньги дома: «сегодня мы ведем борьбу с теми, кто держит деньги дома», и, выводя деньги из активного оборота, мешает нам выкарабкаться из депрессии.

Позднее президент Гувер гордился, что этим пропагандистским ходом он положил конец изъятию денег из банков, и в самом деле, в июле 1932 г. денежная масса достигла максимального значения 5,44 млрд долл. и увеличивалась до кульминации банковского кризиса в феврале 1933 г. Что ж, тем хуже, поскольку это означает, что ликвидацию неплатежеспособных банков удалось оттянуть на целый год, до последней фазы банковского кризиса в 1933 г.

Новый курс: уход от золота

Международная валютная система, в 1925 г. на скорую руку сляпанная Великобританией с помощью группы «Хаус оф Морган», превратилась в руины, когда в конце сентября 1931 г. Британия опрометчиво отказалась от золотодевизиного стандарта. В 1931 г. Морганы безуспешно пытались удержать Британию от этого шага, после чего занялись поиском своего места в том хаосе, который воцарился в денежной сфере. К весне 1933 г., когда президентом стал Рузвельт, Морганы уже махнули рукой на американскую систему золотомонетного стандарта, хотя, надо отметить, ориентированное на Морганов руководство министерства финансов, Миллс и Баллантайн, начало агитировать за отказ от золотого обращения существенно

раньше⁴⁴. Но главной заботой Морганов всегда были их британские компаньоны и коллеги, и они надеялись на быстрый возврат к тому или иному варианту фиксированного валютного курса по отношению к британскому фунту, а может быть, по цепочке, и к другим основным европейским валютам. Морганы хотели как можно быстрее восстановить режим денежного интернационализма.

Но тут выявилось, что Морганы впервые с начала столетия утратили идейное лидерство в сфере кредитно-денежной политики. В самый разгар депрессии начал складываться новый экономический и денежный национализм, побуждаемый стремлением освободить внутренний инфляционизм от груза международных обязательств. В этом движении участвовали экономисты протокейнсианской и протомонетаристской ориентации, возмечтавшие избавиться от депрессий с помощью инфляционистской федеральной политики, фермерские и агропромышленные группы, с начала 1920-х гг. добивавшиеся роста сельскохозяйственных цен, промышленники, поставлявшие товары для розничного рынка, которые мечтали с помощью государственных расходов поднять покупательную способность потребителей. Таким образом, в январе 1933 г. влиятельные деловые группы создали Национальный комитет (если полностью, то Национальный комитет по восстановлению уровня цен и покупательной способности), поставивший своей целью с помощью правительственных мер «рефлировать» цены, т.е. вернуться к уровню цен 1929 г. и избавиться от золотого стандарта, чтобы правительство могло без помех выпустить достаточное для достижения этой цели количество неразменных бумажных денег. Инициаторами создания Национального комитета были Винсент Бендикс, глава «Бендикс авиэйшн», и генерал Роберт Вуд, глава сети магазинов розничной торговли «Сирз энд Роубэк». Вскоре к ним присоединились Фрэнк Вандерлип, бывший президент «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» — флагманского банка рокфеллеровской груп-

⁴⁴ Chernow, *House of Morgan*, pp. 330–336, 358–359; Rothbard, *America's Great Depression*, pp. 289.

пы; Джеймс Рэнд-мл., президент «Ремингтон рэнд компани», производитель пишущих машинок и другой бытовой и конторской техники; Лессинг Розенвальд, главный акционер «Сирз энд Роубэк»; Сэмюэл Фелс, производитель «Фелс нефта»; Филипп Ригли, глава «Уильям Джей Ригли компани»; Е. Л. Корд из автомобильной компании «Корд»; Уильям Макавени, президент «Гудзон мотор компани»; Р. Е. Вурлитцер, производитель музыкальных инструментов; Фредерик Фрэзер, председатель совета директоров «Дженерал бэнкинг компани», а также многочисленные лидеры фермерского движения: Фред Сексауэр, президент Кооперативной ассоциации союза владельцев молочных ферм; Эдвард О'Нил, глава Американской федерации фермерских бюро и Луис Тебер, глава «Нэшнл Грейндж». Следует отметить, что продукция нефтеперерабатывающих заводов Рокфеллера также поступала главным образом на розничный рынок⁴⁵.

Подняли голову и старые инфляционисты – производители серебра из горных штатов, которые, казалось бы, навсегда исчезли со сцены после победы в 1890-х гг. сторонников золотого стандарта. В Конгрессе сторонников серебра возглавляли сенаторы от Западной Виргинии. Бертон Уиллер, сенатор-демократ из Монтаны, внес законопроект о восстановлении биметаллизма при фиксированном курсовом соотношении между серебром и золотом 16 к 1, как в добрые старые времена. Главным теоретиком и лоббистом серебряных интересов был нью-йоркский банкир Рене Леон, консультант бюджетной комиссии Палаты представителей, тщетно добивавшийся созыва международной конференции по повышению цен на серебро.

А смысл всего этого заключался в том, что группы Рокфеллера и Гарримана, которые вместе противостояли Морганам с начала столетия, теперь объединились с другими растущими финансовыми группами, чтобы избавиться от политического и финансового доминирования клана Моргана, возвысивше-

⁴⁵ Murray N. Rothbard, "The New Deal and the International Monetary System," in *The Great Depression and New Deal Monetary Policy* (San Francisco: Cato Institute, [1976] 1980), pp. 93–95.

гося в период правления республиканцев в 1920-х гг. С возвращением к власти демократов опять обрел влияние профессиональный спекулянт и политический манипулятор Барнард Барух, который, возглавляя во время Первой мировой войны Совет по оборонной промышленности, был царем коллективистского хозяйства и мечтал, используя депрессию как подходящий предлог, картелировать экономику и воссоздать коллективистский режим в мирное время. Барух с детства являлся протеже влиятельной семьи Гутенхеймов, которые контролировали медную промышленность, но в политике предпочитали не высовываться, а действовать через Баруха и его связи.

К битве с Морганом присоединились новые еврейские инвестиционные банки с Уолл-стрит «Голдман, Сакс» и «Леман бразерс», враждовавшие с Морганом сильнее, чем «Кун, Лёб». (Вкладом семейства Леман в рузвельтовский Новый курс был губернатор Нью-Йорка Герберт Леман.) Кроме того, сторонниками инфляции и роста потребительских расходов были еврейские фирмы розничной торговли, лидерами которых были бостонцы брата Файлин. Луис Брэндис, юрист братьев Файлин и других компаний розничной торговли, стал влиятельной фигурой в демократической партии и негласно, используя свое положение члена Верховного суда США, помогал проведению политики Нового курса. Брэндис как юрист-консульт конкурировавших с Морганом корпораций и преданный сторонник одобряемой правительством политики картелирования розничного рынка был давнишним врагом Морганов.

Кроме того, все эти финансовые и промышленные группы отличались изрядной левизной, причем не только в вопросах денежной политики, но и в своей поддержке государственного вмешательства в экономику и даже профсоюзов, что для Морганов было нехарактерно. Таким образом, собравшиеся под крышей демократической партии антиморгановские группы охотно вошли в коалицию с левыми интеллектуалами, технократами, экономистами и общественными деятелями, которых воодушевляли идеи государственного планирования общественной и экономической жизни.

Особенно влиятельной фигурой в проведении Нового курса

и в демократической партии был недооцениваемый историками Аверелл Гарриман, отпрыск очень большой и богатой семьи и давнишний враг Морганов. Гарриман был одним из центральных деятелей в очень влиятельном агентстве, созданном для проведения политики Нового курса, – Консультативном совете при министерстве торговли, служившем для связи с финансовыми и промышленными кругами, поддерживавшими Новый курс. Другой важной фигурой в этом совете был Сидней Вейнберг из «Голдман, Сакс». Ветвь семьи Рузвельтов, давшая Америке президента Франклина Рузвельта, проживала в Гайд-Парке и всегда поддерживала демократическую партию и дружеские связи с соседями по Гудзон-Вэлли – Асторами и Гарриманами⁴⁶. А другая ветвь семьи Рузвельтов, проживавшая на берегу Устричного залива, поддерживала республиканцев и дружила с Морганом⁴⁷.

⁴⁶ В начале 1933 г. Мэри Гарриман Рамсей, сестра Аверелла, решила для помощи Новому курсу создать большую газету, которая могла бы противостоять большинству печатных изданий, контролировавшихся республиканцами. Она, Аверелл и их друг и компаньон Винсент Астор попытались купить стоящую на грани банкротства «Вашингтон пост», но их переиграл Юджин Мейер, которому нужно было пристойное положение после ухода с поста председателя Совета управляющих Федерального резерва. Тогда эта троица создала политический еженедельник «Тудэй», а редактором поставила одного из идеологов Нового курса Раймонда Моули. Через несколько лет это издание установило контроль над влиятельным еженедельником «Ньюсуик» (Philip H. Burch, Jr., *Elites in American History*, vol. 3, *The New Deal to Carter Administration* (New York: Holmes and Meier, 1980), p. 60).

⁴⁷ Невоспетая роль Гарримана как одного из творцов Нового курса может быть оценена по двум самым левым фигурам, которые с его подачи вошли в кабинет Рузвельта: Френсису Перкинсу, министру труда, и Гарри Гопкинсу, министру торговли. Каким образом получили свои министерские посты эти общественные деятели, не имевшие до того никакого отношения ни к труду, ни к торговле? Френсис Перкинс был близким и давним другом Мэри Гарриман Рамсей, да и жил в ее вашингтонском доме (она овдовела в 1922 г.) до ее смерти в результате несчастного случая в 1934 г. Перкинс также был близким другом нью-йоркского банкира Генри Брюера, президента крупного «Бовери сейвинг бэнк», казначая влиятельного леволиберального

Но вернемся к денежной политике. Юджин Мейер, которому оставалось еще три года до окончания установленного законом десятилетнего пребывания на посту председателя Совета управляющих Федерального резерва, не подчинился требованию президента Гувера выйти в отставку немедленно после инаугурации президента Рузвельта. Однако Мейер быстро понял, что не может согласиться с отказом от золотого стандарта и инфляционным повышением цены золота, а потому в начале мая 1933 г. подал заявление об отставке с поста председателя Федерального резерва.

Первые же кадровые назначения президента Рузвельта дают представление о новом направлении денежной политики. Преемником Мейера Рузвельт поставил его друга, молодого банкира из Джорджии Юджина Блэка, который был управляющим Федерального резервного банка Атланты. О политической ориентации Блэка можно судить по тому факту, что, оставив через год службу в Федеральном резерве, он следующие 16 лет делал карьеру в могущественном «Чейз нэшил бэнк», контроль над которым к тому времени перешел от Моргана к Рокфеллеру^{47а}. Всю оставшуюся жизнь Блэк служил в «Чейз» в качестве протеже знаменитого Уинтропа Олдрича,

---

фонда «Твентис сенчури фанд» и директора контролировавшейся Гарриманом железной дороги «Юнион пасифик». В администрации Рузвельта Брюер занимался координацией кредитной политики и был личным помощником министра финансов Уильяма Вудина.

Что касается Гопкинса, он был другом Гарримана, и тот добился единодушного согласия Консультативного совета при министерстве торговли на назначение Гопкинса на пост министра. В качестве своего заместителя Гопкинс выбрал Эдварда Нобла, который в начале 1930-х гг. состоял в совете директоров «Авиейши корпорейшн», амбициозного, но провалившегося проекта Гарримана и Роберта Лемана. В 1933 г. «Авиейши корпорейшн» была реорганизована, и большая часть ее активов была продана компании «Пан америкэн», в совете директоров которой состояли оба брата Леманы и Лимап Делано, двоюродный брат Франклина Рузвельта. Гопкинсу не повредило и то, что он был другом Джона Герца, компаньона «Леман бразерс» (Burch, *Elites*, 3, pp. 30–31, 59).

^{47а} См.: "Banking and Financial Legislation: 1933–1935," p. 308.

председателя совета директоров в «Чейз» и близкого родственника семьи Рокфеллеров⁴⁸.

Первым министром финансов в администрации Рузвельта был Уильям Вудин, получивший назначение после того, как от этого поста отказался Мелвин Трейлор, президент чикагского «Фёрст нэшнл бэнк», одного из главных коммерческих банков в группе Рокфеллера. На протяжении большей части карьеры Вудин являлся высокопоставленным служащим «Америкэн кар энд фаундри компани», а потом стал председателем совета директоров «Америкэн локомоутив компани». Вудин являлся также директором таких важных предприятий, как подчиненная Гарриману «Америкэн шип энд коммерс корпорейшн», а также рокфеллеровская «Ремингтон армз корпорэйшн». Вместе с влиятельными Винсентом Астором и Гербертом Леманом он был основателем и директором «Каунти траст компани оф Нью-Йорк». Таким образом, в финансовом мире Нью-Йорка Вудин был связан не с Морганом, а с Гарриманом—Астором—Леманом—Рокфеллером.

Однако в декабре 1933 г. Вудин из-за болезни был вынужден уйти в отставку, а его место занял Генри Моргантау-мл., который до последнего дня президентства Рузвельта оставался влиятельным министром финансов. Моргантау, поднявшийся из помощника министра, был многолетним другом и соседом Рузвельтов, эдакий джентльмен, интересующийся сельским хозяйством. Он опирался на протекцию своего богатого отца, работавшего при Вильсоне послом в Турции, но еще важнее были его тесные связи с влиятельной семьей Леманов. Генри-младший был женат на представительнице семьи Леманов (ее мать была сестрой Герберта и Артура Леманов), а племянник Генри Джулс Эрих женился на сестре Филиппа Лемана. Кроме

⁴⁸ Отец Олдрича, Нельсон Олдрич, был умеренно состоятельным оптовым торговцем бакалейными товарами, а со временем стал сенатором от штата Род-Айленд. Дочь Нельсона Эбби вышла замуж за Джона Рокфеллера-мл., и с этого времени Нельсон, который долгое время был лидером республиканцев в Сенате, стал человеком Рокфеллера в правительстве. Уинтроп, таким образом, был шурином Джона Рокфеллера-мл. и дядей следующего поколения Рокфеллеров.

того, Генри-старший долгое время был крупным акционером компании «Ундервуд тайпрайтер», и вместе с ним в совете директоров этой компании были Филипп Леман, кузен Филиппа Артур Леман, Морис Вертхайм, женившийся на Анне, сестре Генри-младшего, и Воддилл Кетчингс, высокопоставленный служащий банка «Голдман, Сакс»⁴⁹.

В самом начале правления администрация Рузвельта приняла в области денежной политики два фатальных решения. Первое, самое революционное, было принято в апреле. Америка вышла из золотого стандарта, почти все принадлежавшее американцам золото было конфисковано и передано в распоряжение Федерального резерва, экспорт золота был запрещен, а доллар был девальвирован до 35 долл. за унцию золота. Этим решением была выполнена почти вся программа преобразований, задуманная в Национальном комитете. Но к тому времени банковский кризис даже Морганов убедил в необходимости отказа от золотого стандарта. Компаньон Моргана Рассел Леффингвелл, имевший влияние в демократической партии, убедил Рузвельта в необходимости уйти от золотого стандарта и девальвировать доллар, и Джек Морган аплодировал этому решению.

Главным теоретиком инфляционистов был отошедший от прежних идеалов стабильной валюты профессор Йельского университета Ирвинг Фишер (интеллектуальный предшественник Милтона Фридмена, провозгласившего Фишера «величайшим экономистом XX столетия»), который простодушно полагал, что раз в 1920-е гг. уровень цен был стабильным, значит, никакой инфляции не было и можно было не опасаться грядущего краха. Рузвельт обратился к Фишеру за советом, и тот настоятельно рекомендовал отказаться от золота и девальвировать доллар. Когда Рузвельт поставил на отказ от золота, восторженный Фишер обратился к своей жене: «Теперь я уверен, насколько вообще можно хоть в чем-то быть уверенным, что мы быстро выберемся из этой депрессии. Сегодня я самый счастливый человек на свете».

⁴⁹ Burch, *Elites*, 3, pp. 26–27.

Фишер был заинтересован в инфляции не только по идейным, но и по корыстным соображениям. В конце 1920-х гг., уверенный в будущем росте экономики и фондового рынка, он вложил все средства жены и большую часть средств свояченицы, унаследовавших изрядное состояние семьи Хэзерд, в акции, и теперь он отчаянно надеялся, что Рузвельт восстановит прежний уровень цен и фондовый рынок встанет на ноги. Как добавляет Фишер в том же письме к жене: «Я имею в виду, что если бы ФДР последовал совету Гласса [который убеждал не выходить из золотого стандарта], мы бы наверняка разорились». Но отказ от золота не помог восстановлению фондового рынка, и состояние самого Фишера, его жены и свояченицы было потеряно из-за его безрассудных спекуляций – немое свидетельство того, что монетаризм Фишера не мог ни служить пониманию делового цикла, ни справиться с ним⁵⁰.

Противниками этого решения было большинство экономистов, подписавших петицию с требованием немедленно вернуться к золотому стандарту. Лидерами протеста были два отважных сторонника твердых денег: д-р Паркер Уиллис, который стойко сражался с моргановской политикой инфляционизма в 1920-е гг. и призывал к быстрой ликвидации убыточных активов для оживления экономики; и д-р Бенджамин Андерсон, давний сторонник твердых денег из «Чейз нэшнл бэнк», который сделал и Алберта Уигина, президента «Чейз», сторонником твердых денег и принципов экономической свободы. В среде исполнительной власти главным противником выхода из золотого стандарта был Льюис Дуглас, аризонский наследник медных рудников Фелпса Доджа, глава Бюро по бюджету в кабинете Рузвельта. Дуглас, следовавший принципам сдержанности в фискальных вопросах, в начале 1933 г. убедил Рузвельта резко сократить бюджетные ассигнования

⁵⁰ Rothbard, "The New Deal," pp. 93–97; Chernow, *House of Morgan*, pp. 357–359; Jordan Schwarz, *1933: Roosevelt's Decision, the United States Leaves the Gold Standard* (New York: Chelsea House, 1969). Кроме того, Фишер был компаньоном Джеймса Рэнда-мл. в предприятии по производству картотек.

правительственным ведомствам.

Несмотря на триумф денежного национализма, группа Моргана и другие интернационалистские круги стремились восстановить фиксированный валютный курс по отношению к британскому фунту и восстановить особые отношения с партнерами Моргана в Британии и Западной Европе. Ультраинфляционисты, во главе с Национальным комитетом являвшиеся твердыми противниками фиксированного обменного курса к фунту, были полны решимости и впредь держаться долларowego национализма, более высоких цен на золото и сохранения инфляции.

Напряженность отношений внутри президентской администрации, в промышленных и финансовых кругах сконцентрировалась вокруг Всемирной экономической конференции, которую после годичной подготовки Лига наций провела в Лондоне в июне 1933 г. На конференции доминировала Британия, отчаянно стремившаяся хоть как-то стабилизировать международную денежную систему, вернуть тот или иной вариант фиксированных обменных курсов. 12 июня на Всемирную экономическую конференцию съехались делегаты из 64 государств. Золотой блок, тон в котором задавала Франция, настаивал на немедленном восстановлении полного классического золотого стандарта; Великобритания добивалась фиксированных обменных курсов, не важно, привязанных к золоту или нет, но при этом подчеркивала, что курс фунта должен опуститься до 4 долл., чтобы Британия не потеряла экспортные преимущества, сложившиеся в предыдущие два года. США, со своей стороны, намеревались проводить инфляционную политику; если стабилизация валютных курсов не понизит курс фунта ниже 4,25 долл., с ней можно было подождать, пока внутренние цены не подрастут.

Однако с самого начала возникло сильное напряжение между большинством американской делегации в Лондоне и президентской администрацией в Вашингтоне. Главным экономическим консультантом американской делегации был Джеймс Варбург из «Кун, Лёб», который держался моргановской линии на новый международный золотой стандарт с более реали-

стичными курсами валютного обмена. Ориентированный на Моргана Джордж Харрисон из Федерального резервного банка Нью-Йорка и профессор О. М. У. Спрэг были посланы Рузвельтом для достижения соглашения о временной стабилизации обменных курсов на время конференции. Однако, когда Спрэг и Харрисон 16 июня заключили соглашение с французами и британцами о временной стабилизации курсов трех валют, установили курс фунта на уровне 4,00 долл. и пообещали, что в период действия соглашения США не будут обесценивать доллар, раздраженный Рузвельт отказался его подписать. Свой отказ Рузвельт объяснил двумя причинами: во-первых, фунт должен быть не дешевле 4,25 долл.; во-вторых, нужна свобода вести инфляционную политику и поднимать внутренние цены. Оскорбленный Харрисон покинул Конференцию и вернулся домой – очень скоро та же участь постигнет Моргана.

На Всемирной экономической конференции велись долгие дискуссии, американцы и англичане толковали о маргинальном варианте «золотого стандарта», когда на внутренних рынках не будет в обращении ни слитков, ни монет, а золото будет использоваться только в международных расчетах, предугадываемая контуры системы, которая будет установлена после войны Бреттон-Вудскими соглашениями. Видя нежелание США идти на какие-либо уступки, делегаты в конце июня приняли беззубую декларацию, в которой выражалось пожелание, чтобы США со временем вернулись к изуродованному золотому стандарту, и одновременно принималось смутное обязательство совместно противодействовать валютным спекуляциям.

При всех слабостях этой декларации она давала надежду на стабилизацию, а потому получила поддержку со стороны Спрэги, Варбурга и главы американской делегации Раймонда Моули, помощника государственного секретаря и главного идеолога Нового курса. В рядах президентской администрации соглашение одобрили Дуглас, Барух и Дин Ачесон, заместитель министра финансов. Ачесон, ученик ориентированного на Моргана юриста Генри Стимсона и его вашингтонского партнера по адвокатской фирме Гарри Ковингтона, был директором контролируемой Гугенхеймом корпорации «Кеннокт коп-

пер». 30 июня он отослал Рузвельту согласованную декларацию, подчеркнув, что в результате июньского падения курса доллара курс фунта вырос до 4,40 долл., существенно выше курса, на котором настаивал Рузвельт – 4,25 долл. за фунт.

Однако 1 июля Рузвельт ошеломил Моули, делегатов и всех, кто поддержал соглашение: он просто отверг декларацию, прямо заявив, что США нужно время, чтобы «предпринимаемые нами усилия поднять уровень цен могли... принести плоды». Но, добавив к несправедливости оскорбление, Рузвельт 3 июля направил высокомерное и заносчивое послание Лондонской конференции, которое произвело эффект разорвавшейся бомбы. Рузвельт отверг саму идею валютной стабилизации как «привлекательное заблуждение». В частности, провозгласил он, «на место старых идолов так называемых международных банкиров приходит планирование национального денежного обращения», что обеспечит стабильность уровня цен. Короче говоря, Рузвельт публично заявил о приверженности идеям Фишера и Национального комитета, отстаивавших чисто бумажные деньги, инфляцию и радикальную «рефляцию» цен. До конца 1930-х гг. идея стабильных обменных курсов или международного денежного порядка сошла со сцены, а в повестке дня остались лишь валютный национализм, валютные блоки и экономические войны⁵¹.

Оскорбленные сторонники выброшенного в мусорную корзину Лондонского соглашения сочли необходимым покинуть президентскую администрацию. Ушли Ачесон, Варбург, которому еще прежде Ачесона предложили пост заместителя министра финансов, Льюис Дуглас, который вскоре после этого написал резкую и ожесточенную книгу с критикой Нового курса⁵², и Моули, который вернулся к научной деятельности и

⁵¹ Rothbard, "The New Deal," pp. 97–105. О Всемирной экономической конференции см.: Leo Pasvolksy, *Current Monetary Issues* (Washington, D.C.: Brookings Institution, 1933). Полный текст этого послания Рузвельта можно найти в: *Ibid.*, pp. 83–84.

⁵² Lewis W. Douglas, *The Liberal Tradition* (New York: D. Van Nostrand, 1935).

помогал своим друзьям Асторам и Гарриманам издавать журналы «Тудэй» и «Ньюсуик».

Национальный комитет всегда был известен как идеологический центр пропаганды неразменных бумажных денег и инфляционной политики в начальный период Нового курса, но до недавнего времени было неизвестно о закулисной роли рокфеллеровской империи в работе Национального комитета, связанной с их давними соперниками на мировой арене, британской компанией «Роял датч шелл ойл», которую финансировали Ротшильды. Итак, основным финансистом Национального комитета был Джеймс Моффетт, член совета директоров и высокопоставленный служащий флагманской компании Рокфеллеров «Стэндард ойл компани оф Нью-Джерси». Моффитт, друг и сторонник Рузвельта, согласовывал свою закулисную агитацию в пользу инфляции и против лондонской экономической конференции с Рене Леоном, нью-йоркским банкиром и ведущей фигурой серебряного блока, являвшегося агентом влиятельного сэра Генри Детердинга, главы «Роял датч шелл», который возглавлял на международном уровне движение за повышение цен на серебро. Детердинг побуждал Рузвельта к инфляционной политике не столько как крупный нефтепромышленник, сколько как финансист компаний, добывающих серебро. Получается, что именно работавшие в тандеме Моффетт и Леон сумели подвигнуть Рузвельта к решению торпедировать решения лондонской экономической конференции. Вот поразительно наглядный пример борьбы Рокфеллера (и «Роял датч шелл») против Моргана⁵³.

⁵³ Профессор Томас Фергюсон, написавший очень убедительную работу о борьбе Морганов и Рокфеллеров в период Нового курса, получил доступ к архиву Рене Леона, откуда, а также из устных свидетельств его вдовы следует, что именно Леон в компании с Моффеттом убедил Рузвельта принять решение об отклонении Лондонского соглашения. Позднее Моффетт работал в контролируемой Рокфеллером «Стэндард ойл оф Калифорния» (Thomas Ferguson, "Industrial Conflict and the Coming of the New Deal: The Triumph of Multinational Liberalism in America," in *The Rise and Fall of the New Deal Order, 1930–1980*, Steve Fraser and Gary Gerstle, eds. (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1989), pp. 28–29).

Банковское и финансовое законодательство: 1933–1935 гг.

Разразившаяся в 1933 г. война Рокфеллеров и других финансистов с Морганом готовилась несколько лет. В конце 1920-х гг. у Рокфеллеров, как и у ряда растущих финансовых групп, накапливалось возмущение господством Морганов в Федеральном резерве, особенно в Федеральном резервном банке Нью-Йорка, и в президентской администрации. Лидером банкиров, которых бесила политика дешевого кредита, проводившаяся в 1920-х гг. в интересах Англии Бенджамин Стронгом и Федеральным резервным банком Нью-Йорка, был Мелвин Трейлор, глава контролируемого Рокфеллером «Фёрст нэшнл банк оф Чикаго». Рокфеллеры никогда не ориентировались на Англию. В 1928 г. Трейлор организовал участие банкиров в съезде демократической партии, где они поддержали Эла Смита в качестве кандидата в президенты. Аверелл Гарриман из «Браун бразерз» в том же году и по тем же причинам усилил свою помощь демократической партии. Кроме того, вызов гегемонии Морганов бросили дерзкие этнические группировки и получили суровую взбучку от Морганов и контролируемого ими Федерального резервного банка Нью-Йорка. Это были «Бэнк оф Америка», контролируемая итальянцами мощная сеть банков на Западе, и растущая пиратская группировка Джозефа Кеннеди, ирландца из Бостона. Обе группировки ставили на демократов и держались подчеркнуто обособленно от Морганов и республиканцев, словом, от всего, что было связано с настоящими WASP – белыми англосаксами-протестантами.

Критическим событием стала потеря Морганом своей витрины – нью-йоркского «Чейз нэшнл бэнк», коммерческого банка, имевшего инвестиционное подразделение «Чейз секьюритиз». В результате краха фондового рынка в 1929 г. контролируемый Рокфеллером банк «Эквитабл траст компани» оказался в уязвимом состоянии, и Уинтроп Олдрич, его новый руководитель, провел в марте 1930 г. его слияние с «Чейз нэшнл», сделав последний крупнейшим банком мира. Олдрич был шурином Джона Рокфеллера и на протяжении десятиле-

тий оставался ключевой фигурой Рокфеллеров в банковском деле и в политических манипуляциях.

Развернулась титаническая трехлетняя битва между кланами Моргана и Рокфеллера за контроль над «Чейз». До этого банком руководил человек Моргана Алберт Уигин, а его союзник Чарльз Маккейн был председателем совета директоров. Рокфеллеры немедленно мобилизовали все силы, чтобы сделать президентом банка Уинтропа Олдрича, и компаньон Моргана Томас Ламонт потерпел здесь поражение. Теперь Олдрич был президентом и подчиненным Уигина и Маккейна, но ему удалось вытеснить обоих и подчинить банк себе. В этой борьбе Олдрича поддерживали члены совета директоров Томас Дебеуа, университетский товарищ и главный советник Джона Рокфеллера-мл.⁵⁴, Винсент Астор из знаменитой семьи Асторов, друг и кузен Франклина Рузвельта, и Гордон Очинклосс, близкий друг Уинтропа Олдрича. Когда в 1932 г. конфликт достиг кульминации, Ламонт к своему ужасу обнаружил, что ряд высших должностных лиц банка, принадлежащих к лагерю Олдрича, поддерживают Рузвельта. Близость между Рокфеллером и «Чейз нэшнл», с одной стороны, и Рузвельтом – с другой, обеспечивал демократический политик из Техаса «полковник» Эдвард Манделл Хауз, бывший в свое время ключевым закулисным советником президента Вудро Вильсона. Хауз получил в Техасе по наследству акции железнодорожных компаний и другую собственность, и в период президентства Вильсона был очень близок к Морганам. Но теперь Хауз, став ключевым закулисным советником Рузвельта, переметнулся в лагерь Рокфеллера просто потому, что его дочь вышла замуж за Гордона Очинклосса⁵⁵.

⁵⁴ Дебеуа был главным советником в трех основных филантропических проектах Рокфеллера: в Рокфеллеровском институте медицинских исследований, в фонде Рокфеллера и в Образовательном совете. (John Ensor Hart and Peter J. Johnson, *The Rockefeller Century* (New York: Charles Scribner's Sons, 1988), p. 160).

⁵⁵ *Ibid.*, pp. 312–315; Ferguson, “The Coming of the New Deal,” pp. 14–15; Chernow, *House of Morgan*, pp. 206–209, 362.

В конце 1932 г. Олдричу удалось вытеснить Уигина с поста председателя совета директоров «Чейз», и он немедленно начал подготовку мощной атаки на империю Моргана. Прежде всего, он вступил в союз с желчным и сиплым Фердинандом Пекора, членом сенатского комитета по банкам и денежному обращению, беспрестанно нападавшим на уолл-стритские банки, в том числе принадлежащие к империи Моргана. Олдрич с огромным удовольствием скармливал комитету компромат на Уигина и Маккейна, а Пекора на основании этих материалов методически втапывал в грязь Моргана и других банкиров, причем за вполне законные операции. Невежественная и завистливая публика жадно внимала всем разоблачениям Пекоры. Так, Пекора обвинил банкиров Моргана в неуплате подоходного налога в период депрессии, и публика не пожелала разбираться в том, что банки имели право вычитать из налогооблагаемой базы потери от падения курса акций. Морганов трегировали за то, что у них был список «привилегированных» финансистов и политиков, покупавших новые выпуски акций до их появления на публичных торгах. Этот список жарко обсуждался газетчиками, а Морганы тщетно пытались объяснить, что возможность покупать акции до начала публичных торгов приносит выгоду только в условиях растущего фондового рынка⁵⁶.

⁵⁶ Администрация Рузвельта была шокирована, обнаружив в списке привилегированных покупателей акций имя министра финансов Уильяма Вудлина из компании «Америкэн кар энд фаундри» и вице-президент Джон Нэнс Гарнер на заседании кабинета потребовал его уволить. Однако Рузвельт отказался увольнять своего друга, который в конце 1933 г. сам подал в отставку по болезни. Кабинет встревожилось и появление в этом списке другого старого друга Рузвельта Нормана Дэвиса, приписанного к Государственному департаменту. Но Дэвис сумел сохранить положение в администрации и позднее помог Морганам восстановить политические позиции. (Chernow, *House of Morgan*, pp. 369–374). Кроме того, в моргановском списке привилегированных покупателей оказались бывший президент США Калвин Кулидж; Чарльз Френсис Адамс из знаменитой бостонской семьи Адамсов, министр ВМФ при президенте Гувере и тесть Гарри Морган, сына Дж. П. Моргана-мл.; Джон Рэскоб, председатель националь-

Таким же образом Пекора сумел отправить Уигина на скамью подсудимых за прибыльную продажу акций «Чейз» на срок без покрытия за счет кредита, полученного от самого «Чейз»⁵⁷. Он травил и высмеивал Дж. П. Моргана и добился того, что Маккейн сам ушел из банка. Олдрич использовал эту ситуацию, чтобы подчинить «Чейз» себе, и в январе 1934 г. занял пост председателя правления.

Газетчики и историки очень лестно отзывались о Фердинанде Пекоре. Любопытно, что его нападки на Уолл-стрит были продолжением политики, начатой Гербертом Гувером. Это Гувер заявил, что устранить «зловредные спекуляции» можно только с помощью государственного регулирования. В 1928–1929 гг. Гувер сделал открытие, что проблема банковского кредита не в том, что его слишком много, а в том, что эти деньги уходят на фондовый рынок. После биржевого краха Гувер заявил, что цены акций рухнули из-за пагубных действий тех, кто продавал их на срок без покрытия, забывая, что в каждой

ного комитета демократической партии; бывший министр финансов Уильям Гиббс Макаду и многие другие.

Норман Дэвис, сын удачливого бизнесмена из Теннесси, ставший миллионером в результате финансовых операций на Кубе перед Первой мировой войной, был известен как давний друг Морганов. Дэвис был близким другом ключевого компаньона Моргана Генри Дэвисона, в 1912 г. стал представителем Моргана на Кубе, а двумя годами позже договорился с кубинским правительством о получении в банке Моргана займа в размере 10 млн долл. Во время мировой войны Дэвис стал финансовым советником министра финансов Макаду по международным займам, а после войны вместе с компаньоном Моргана Томасом Ламонтом был финансовым консультантом американской делегации на Парижской мирной конференции. В администрации Вильсона Дэвис был заместителем государственного секретаря и директором «Америкэн форин бэнкинг корпорейшн», которую возглавлял Алберт Уигин из «Чейз» (См.: G. William Domhoff, *The Power Elite and the State: How Policy is Made in America* (New York: Aldine de Gruyter, 1990), pp. 115–116).

⁵⁷ Симпатизирующий Рокфеллерам биограф замечает, что тогда Рокфеллеры «бросили [Уигина] на съедение волкам» (Peter Collier and David Horowitz, *The Rockfellers: An American Dynasty* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1976), p. 161; Burch, *Elites*, 3, p. 39).

сделке был и покупатель. Угрожая ввести государственное регулирование, Гувер заставил главу Нью-Йоркской фондовой биржи Ричарда Уитни (человек Моргана) «добровольно» согласиться на прекращение кредитования сделок без покрытия.

Президент Гувер принудил биржу приостановить сделки без покрытия в конце 1931 г., а потом еще в феврале 1932 г., но падения цен на акции это не остановило. Тогда Гувер выполнил свою угрозу и навязал Сенату расследование деятельности Нью-Йоркской фондовой биржи, хотя он же признавал, что по конституции у федерального правительства нет соответствующих полномочий, потому что биржа находится в юрисдикции Нью-Йорка. Гувер неоднократно бросал истерические упреки в адрес тех, кто устраивает «зловещие» и «систематические «медвежьи» рейды» на акции, а также создает «злокозненные пулы для снижения цен на акции» и «получения выгоды за счет убытков других людей», не утруждая себя размышлениями о том, что «быки» и «медведи» на бирже всегда только этим и занимаются. Гневно отвечая на протест нью-йоркских банкиров, Гувер договорился до утверждения, что сложившиеся цены не соответствуют «истинной стоимости» ценных бумаг, и провозгласил, что порочная «пропаганда, согласно которой основой цен должна быть прибыльность в низшей точке депрессии, – это оскорбление для страны и для инвестирующей публики». А какой критерий предпочитал м-р Гувер? Полнейший абсурд: публика должна «инвестировать исходя из будущего Соединенных Штатов»⁵⁸. Не имея ни малейшего представления о том, как устроен рынок, Гувер тешился идиотскими иллюзиями, что «медвежьи» наезды на рынок для понижения цен на акции устраивают всемогущие спекулянты-демократы, предводительствуемые Бернардом Барухом и Джоном Рэскобом из компании «Дюпон». Уитни и Морганы тщетно пытались развеять эти бредни.

В конце февраля 1932 г. Гувер начал давить на сенатский комитет по банкам и денежному обращению с требованием

⁵⁸ Rothbard, *America's Great Depression*, pp. 278–279; см. также: *ibid.*, pp. 170, 219, 241.

организовать расследование «практики продаж на срок без покрытия». Томас Ламонт, предвидя катастрофические последствия этого грубого напора, тщетно умолял Гувера остановить эту кампанию. Сенатские слушания начались в апреле 1932 г., и первый же свидетель, Ричард Уитли, назвал обвинения Гувера «совершенно смехотворными». Когда в частной беседе Гувер сообщил Ламонту, что во всех экономических бедах, включая стагнацию производства и падение цен, виноваты играющие на понижение биржевики и что «медвежьи наезды» разрушили «истинный уровень цен», Ламонт едко парировал: «А что можно считать “истинным уровнем цен”, если по акциям не выплачиваются дивиденды и они не приносят прибыли?»⁵⁹

В конце апреля новый подкомитет в бесплодной попытке найти доказательства заговора демократов–биржевых спекулянтов расширил рамки сенатского расследования, включив туда вопросы о рыночных пугах и манипуляциях. Обвинения в адрес продаж без покрытия казались смехотворными, когда в попытке возродить к жизни обвалившийся рынок облигаций, где продажа без покрытия была запрещена, в дело вмешались Морганы.

В конце июня слушания в сенатском подкомитете были остановлены, но дело приняло совершенно иной и роковой характер, когда они возобновились в январе 1933 г. с участием Фердинанда Пекора в качестве главного обвинителя. Агрессивный Пекора, бывший заместитель окружного прокурора в Нью-Йорке, предпринял яростную демагогическую атаку на Уолл-стрит и прежде всего на Морганов. Пекора был родом с Сицилии, и еще ребенком его привезли в Нью-Йорк. Сначала он собирался стать священником англиканской церкви, но, получив юридическое образование, в 1912 г. в возрасте 30 лет стал окружным лидером Прогрессивной партии, а вскоре и вице-президентом партийной организации штата Нью-Йорк. В 1920-х гг. Пекора делал карьеру в окружной прокуратуре. В 1930 г. он баллотировался на пост окружного прокурора от демократической партии, но проиграл, а в 1933 г., когда участие

⁵⁹ Chernow, *House of Morgan*, pp. 352–353.

в сенатском расследовании биржи сделало его знаменитым, он еще раз выставил свою кандидатуру на выборах, но проиграл вновь.

Пекора создавал себе образ бескомпромиссного и бесстрашного борца со злом, но проницательные наблюдатели отметили, что его свирепые нападки ограничивались кругом банкиров, поддерживавших республиканскую партию, не задевая инвестиционные банки «Браун бразерс», «Леман бразерс» и Гарримана, которые поддерживали демократическую партию и Новый курс. Сегодня нам известно, что президент Франклин Делано Рузвельт, который в инаугурационной речи разглагольствовал о «бесчестных менялах», а в первом радиообращении к народу почему-то возложил ответственность за кризисное положение коммерческих банков на *инвестиционных* банкиров, тайно встречался с Пекорой и председателем сенатского комитета по банкам Дунканом Флетчером и уговаривал их принять меры против Моргана. Фердинанд Пекора был счастлив выполнить это задание⁶⁰.

Именно истерическая атмосфера, созданная Пекорой на сенатских слушаниях, особенно при разборе обвинений в адрес Алберта Уигина и Морганов, позволила коалиции деятелей Нового курса и людям Рокфеллера протащить в «первые 100 дней» рузвельтовской администрации законодательство о банковской и финансовой деятельности, которое подорвало экономическую мощь группы Моргана. В частности, в 1933 г. администрация Рузвельта добилась принятия закона о банках (закон Гласса–Стигалла) и закона о ценных бумагах. На основании тщательного анализа сенатских слушаний с участием Пекоры профессор Джордж Бенстон показал, с одной стороны, что опорощенные операции инвестиционных банкиров были на самом деле экономически разумны и находились в

⁶⁰ Joel Seligman, *The Transformation of Wall Street: A History of the Securities and Exchange Commission and Modern Corporate Finance* (Boston: Houghton Mifflin, 1982), pp. 20–21, 29–30; Kennedy, *Banking Crisis*, pp. 106–28; Chernow, *House of Morgan*, pp. 362–374; Ferguson, “Coming of the New Deal,” p. 16.

рамках закона, а с другой – что они никак не оправдывали антиморгановскую направленность принятого в 1933 г. закона о банках, осуществившего принудительное организационное разделение инвестиционных и коммерческих банков⁶¹. Бенстон показал, что обвинения были большей частью сфабрикованы, а восхваляемые «разоблачения» Пекоры, как правило, были просто измышлениями и догадками отдельных сенаторов⁶².

В принятом в 1933 г. законе о банках содержалось три главных положения: (1) организационное разделение операций инвестиционных и коммерческих банков; (2) федеральное «страхование» банковских вкладов; (3) запрещение коммерческим банкам начислять проценты по вкладам до востребования. Положение об организационном разграничении функций коммерческих и инвестиционных банков (а) лишило коммерческие банки права покупать ценные бумаги за исключением, что было весьма предусмотрительно, государственных облигаций; (б) запретило коммерческим банкам осуществлять эмиссию, размещение и продажу любых ценных бумаг (за исключением, разумеется, государственных); (в) запретило инвестиционным банкам, т.е. организациям, занимающимся размещением корпоративных акций и облигаций, принимать какие бы то ни было депозиты.

Положение (б) о запрете коммерческим банкам заниматься размещением ценных бумаг было ударом Олдрича и реформаторов по крупным коммерческим банкам с сильными инвестиционными филиалами, и прежде всего по двум крупнейшим: «Чейз секьюритиз корпорейшн» (филиал «Чейз нэшнл бэнк») и «Нэшнл сити компани» (филиал «Нэшнл сити бэнк»).

⁶¹ Закон Гласса–Стигалла от 1933 г. не следует путать с законом Гласса–Стигалла от 1932 г., которым был расширен круг банковских активов, подлежащих переучету Федеральным резервом.

⁶² Бенстон указывает, например, что громогласно осужденные операции Алберта Уигина по приобретению акций «Чейз» помогли скрепить его личные интересы и интересы банка, а значит, были экономически полезными. См.: George Benston, *The Separation of Commercial and Investment Banking: The Glass–Steagall Act Revisited and Reconsidered* (New York: Oxford University Press, 1990), pp. 88–89.

Эти филиалы были особенно активны в конце 1920-х гг., поэтому было так легко именно их обвинить в крахе фондового рынка⁶³. Сам Олдрич был счастлив избавиться от ориентированного на Уигина и Моргана филиала «Чейз секьюритиз корпорейшн», но главным для него было положение (е) – смертельный удар по банку «Джи Пи Морган энд компани», частному инвестиционному банку, принимавшему банковские вклады. Коммерческие банки Рокфеллера, как правило, не занимались размещением ценных бумаг, и их вполне удовлетворяла возможность осуществлять эти операции через дружественные инвестиционные банки, а для моргановских структур было характерно глубокое взаимопроникновение этих двух форм банковского бизнеса⁶⁴.

Известно, что Уинтроп Олдрич не только агитировал за это положение закона, но именно он лично составил текст раздела 21 законопроекта вместо Гласса⁶⁵.

Морганы ожесточенно сопротивлялись. Уильям Поттер из подчиненного Моргану «Гэрэнти траст» назвал предложение Олдрича «самым пагубным... из всего, что предлагалось членами финансового сообщества». Но все было бесполезно, потому что президент Рузвельт лично убедил сенатора Гласса сохранить раздел 21. Как пишет Черноу, «для клана Морганов это был *coup de grace*»⁶⁶. Банк «Джи Пи Морган энд компани» тянул с организационными преобразованиями в надежде на

⁶³ Ibid., pp. 128–133. Банки создали эти филиалы с функциями инвестиционных банков на основе лицензий штатов, потому что действовавшее толкование принятого во время гражданской войны закона о Национальных банках запрещало банкам напрямую заниматься операциями по размещению ценных бумаг. Ibid., p. 25.

⁶⁴ «Нэшнл сити бэнк», могущественный соперник «Чейз» в Нью-Йорке, также был несправедливо заклеимен на сенатских слушаниях с обвинителем Пекорой. См.: Benston. *Op. cit.*

⁶⁵ Edward J. Kelly, III, "Legislative History of the Glass-Steagall Act," in *Deregulating Wall Street: Commercial Bank Penetration of the Corporate Security Market*, Ingo Walter, ed. (New York: John Wiley and Sons, 1985), pp. 53–63.

* Смертельный удар (франц.). – Прим. перев.

⁶⁶ Chernow, *House of Morgan*, pp. 362–363, 375.

принятие поправки Картера Гласса к закону о банках 1935 г., который должен был разрешить депозитным банкам некоторые операции с ценными бумагами, но Рузвельт лично обратился к законодателям, чтобы «убить» поправку и тем самым нанести Моргану последний удар. После этого поражения банк «Джи Пи Морган энд компани» принял роковое решение сохранить депозитный бизнес и отделить инвестиционные операции – главный источник своего влияния. В качестве инвестиционного банка Морганы создали новую организацию – «Морган, Стенли энд компани»⁶⁷.

Есть трагическая ирония в том, что Картер Гласс и его теоретик Паркер Уиллис вступили в альянс с Рокфеллерами и деятелями Нового курса, чтобы, отделив коммерческие банки от инвестиционных, нанести поражение Морганам. Уиллис, как отмечено выше, был энергичным критиком кредитной инфляции, раскручивавшейся в 1920-х гг. Стронгом и Морганом. К сожалению, Уиллис с его идеей «реальных векселей», которая и сделала его противником банковской кредитной экспансии, занял свою позицию по ложной причине. Вопреки тому, что он думал, проблема была не в том, что банки покупали ценные бумаги корпораций или ссужали деньги на биржевые спекуляции, а в том, что они раздували кредит. Уиллис и Гласс, ошибочно оценив ситуацию, пришли к неверному решению: заставить коммерческие банки прекратить покупку или эмиссию ценных бумаг, чтобы достичь главной цели – вынудить банки и Федеральный резерв ограничить кредит краткосрочными самоликвидирующимися «реальными» векселями. Отсюда вынужденное участие Гласса и Уиллиса в чуждом им проекте картелирования и огосударствления Уолл-стрит и помощь Рокфеллерам в разрушении империи Моргана.

Профессор Бенстон указывает, что все положения закона о банках от 1933 г. содействовали государственной политике картелирования банковской деятельности. Прежде всего рассмотренный нами выше раздел о разделении операций помог коммерческим банкам избавиться от убыточных ценных бумаг

⁶⁷ Ibid., pp. 384 ff.

и покончить с конкуренцией инвестиционных банков за депозиты клиентов. Что касается инвестиционных банков, то треть из них, включая «Джи Пи Морган энд компани», перестали заниматься этим бизнесом, став исключительно коммерческими банками и избавив остальных от своей конкуренции. В частности, как мы видели, Рокфеллеры освободили коммерческие банки от конкуренции со стороны инвестиционных.

Другие статьи закона о банках поощряли картелирование. Так, федеральная система страхования депозитов гарантировала все банковские вклады, тем самым способствуя картелированию и предположительно гарантируя успех каждому банку. Особенно эффективным механизмом картелирования стал запрет на начисление процентов по вкладам до востребования, поскольку «вынуждал» все банки установить нулевую ставку процентов по этим вкладам и доносить на конкурирующие банки, которые в нарушение картельного соглашения вздумают привлекать вкладчиков начислением процентов⁵⁴.

Кроме того, закон о банках 1933 г. начал критически важный процесс демонтажа системы с доминированием Федерального резервного банка Нью-Йорка (а значит, и Морганов) в определении политики Федерального резерва и постепенного сосредоточения власти в руках политических назначенцев в Вашингтоне. До этого, например, каждый Федеральный резервный банк, а значит и все частные банки из его округа, имел полную свободу в проведении операций на открытом рынке, и, следовательно, над движением банковских резервов. На практике это означало, что власть безраздельно принадлежала Федеральному резервному банку Нью-Йорка, потому что предметом операций на открытом рынке были государственные ценные бумаги, а рынок облигаций расположен в Нью-Йорке. Закон о банках 1933 г. создал Комитет по операциям на открытом рынке и тем самым начал процесс перемещения власти. Однако этот Комитет по-прежнему оставался в руках частных банков, поскольку в него входило по одному представителю от

⁶⁸ Benston, *Separation of Commercial and Investment Banking*, pp. 136, 221–22.

каждого федерального резервного округа, которые назначались советом директоров соответствующего федерального резервного банка. На практике в Комитет входили управляющие каждого из федеральных резервных банков.

По новому закону каждый федеральный резервный банк должен был проводить операции на открытом рынке в соответствии с требованиями Совета управляющих Федерального резерва, при этом каждый из банков сохранил право отказаться от следования в фарватере политических рекомендаций Комитета по операциям на открытом рынке. В результате такой двойственности Совет управляющих нес полную ответственность за политику Федерального резерва, но при этом не мог инициировать операции на открытом рынке. Совет управляющих мог одобрить или запретить политику Комитета по операциям на открытом рынке, но право формулировать и начинать какие-либо операции принадлежало Комитету. Комитет, со своей стороны, мог инициировать проведение операций на открытом рынке, но исполнение оставалось в руках окружных федеральных резервных банков, в том числе Федерального банка Нью-Йорка. Окружные федеральные резервные банки, со своей стороны, не могли инициировать операции на открытом рынке, но могли отказаться от их выполнения.

Как бы то ни было, Федеральный резервный банк Нью-Йорка, утратив значительную долю самостоятельности в проведении операций на открытом рынке, приспособился к новым условиям, созданным законом о банках от 1933 г. Его куда больше задело малозаметное положение этого закона, запретившее Федеральным резервным банкам, в том числе нью-йоркскому, вести переговоры с иностранными банками – прямой выпад против роли, которую сыграли Морганы в 1920-х гг., когда Федеральный резервный банк Нью-Йорка заключал соглашения с Банком Англии и другими европейскими банками⁶⁹.

⁶⁹ Sidney Hyman, *Marriner S. Eccles: Private Entrepreneur and Public Servant* (Stanford, Calif.: Stanford University Graduate School of Business, 1976), pp. 156–157; Kennedy, *Banking Crisis*, p. 210; Chernow, *House of Morgan*, p. 383.

Волна демагогии, поднятая сенатскими слушаниями с участием Пекоры, породила еще одно «достижение» первых 100 дней Нового курса, которое разом революционизировало и картелировало рынок ценных бумаг и нанесло еще один удар клану Морганов. Речь идет о принятом в мае 1933 г. законе о ценных бумагах, в июне 1934 г. дополненном еще более важным законом о ценных бумагах и биржах. Первый закон установил жесткие и дорогостоящие правила и процедуры эмиссии новых ценных бумаг, якобы направленные на защиту инвесторов. На самом деле его результатом было картелирование источников нового капитала, так что приток новых сбережений для инвестирования стал возможным только через достаточно крупные фирмы, способные нести довольно существенные расходы, а более мелкие и рискованные предприятия оказались отрезанными от рынка сбережений. Точнее говоря, закон о ценных бумагах закрыл доступ на рынок для небольших и новых инвестиционных банков, тем самым оградив старые гигантские банки от конкуренции. Хотя многие инвестиционные банкиры возмущались особыми положениями этого закона и требовали принятия поправок, в целом все они были довольны основными принципами нового подхода к регулированию. Так, выступая перед комитетом Конгресса по торговле по поводу законопроекта, Джордж Бовенайзер, компаньон «Кун, Лёб энд компани» и давнишний враг Моргана, заявил, что его фирма

...всецело поддерживает новое законодательство... предложенное президентом. Мы уже более двенадцати лет с мрачными предчувствиями наблюдаем, как некоторые люди, которых не стоило бы и близко подпускать к нашему бизнесу... компрометируют своими действиями доброе имя инвестиционного банкира... Я уверен, что сегодня каждый честный банкир с радостью рассматривает этот закон как начало новой эры⁷⁰.

⁷⁰ Vincent P. Carosso, *Investment Banking in America: A History* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1970), p. 357; Benston, *Separation of Commercial and Investment Banking*, pp. 136–137.

Надзор за исполнением закона о ценных бумагах был возложен на Федеральную комиссию по торговле, которая с первых дней президентства Рузвельта оказалась под влиянием левых, но с июля 1934 г. эту обязанность передали специально для этой цели созданной Комиссии по ценным бумагам и биржам. Однако к тому времени в июне 1934 г. Конгресс принял закон о рынке ценных бумаг, который существенно расширил полномочия Комиссии по ценным бумагам и биржам, возложив на нее, помимо регистрации новых выпусков ценных бумаг, контроль за действиями биржи и публикацию сведений об уже выпущенных ценных бумагах⁷¹.

Законодательство о рынке ценных бумаг было ударом по империи Моргана потому, что Морганы оказывали значительное влияние на Нью-Йоркскую фондовую биржу, причем прежде всего через президента биржи Ричарда Уитни. Уитни, отпрыск известной в финансовом мире семьи, являлся главой в «Ричард Уитни энд компани», главном посреднике на рынке облигаций для «Джи Пи Морган энд компани». Кроме того, Джордж, брат Ричарда, являлся старшим компаньоном в «Хаус оф Морган» и был человеком Моргана в ключевых руководящих органах – в совете директоров «Дженерал моторс» и «Юнайтед корпорейшн», контролируемой Морганом гигантской холдинговой компании электро- и водоснабжения. Поскольку Ричард Уитни был лидером яростной оппозиции против любых форм государственного регулирования рынков ценных бумаг и сторонником экономической свободы, его поражение в противостоянии с деятелями Нового курса, а особенно последовавшее бесчестье бросило тень и на идеалы рыночной свободы⁷².

⁷¹ Carosso, *Investment Banking*, pp. 356–368, 375–379.

⁷² Chernow, *House of Morgan*, pp. 316, 421–429. Разоблачение, осуждение и заключение в тюрьму Ричарда Уитни в 1938 г. за растрату средств фондовой биржи для уплаты личных долгов стало еще одним страшным ударом по влиянию Моргана, и этот удар был тем более силен, что, как выяснилось, компаньоны Моргана Джордж Уитни и Томас Ламонт под конец уже знали о преступной деятельности Уитни и хотя и осуждали его, но не сообщили об этом вла-

Всегда предполагалось, что раз фондовая биржа является нью-йоркским учреждением, значит, по закону ее деятельность могут регулировать только власти штата, но никак не федеральное правительство. Но деятели Нового курса сочли нелепым тот факт, что прерогативы властей штата препятствуют централизации экономики, и действовали соответственно. Более того, подчинив биржу федеральному регулированию, они получили возможность картелирования рынка ценных бумаг и бизнеса инвестиционных банков и одновременно нанесли еще один удар по группе Моргана.

Деятели Нового курса, среди которых было много молодых сторонников радикального преобразования американских финансов, написали два закона о ценных бумагах. Существенную роль сыграли председатель Федеральной комиссии по торговле Хастон Томпсон, вашингтонский популист и государственный деятель, и почтенный судебный адвокат из Нью-Йорка Сэмюэл Унтермайер, ставший настоящим бедствием для клана Морганов в 1912 г., когда выступал обвинителем на слушаниях в сенатском комитете Пуджо и помог свести в могилу Дж. П. Моргана-ст. Но самую главную роль в составлении текста этих законов и в их проталкивании через Конгресс сыграл влиятельный леволиберальный теоретик, активист и закулисный манипулятор Феликс Франкфуртер, профессор Гарвардской школы права. Будучи старым другом и советником Франклина Рузвельта, Франкфуртер активно продвигал на влиятельные посты в федеральном правительстве своих бывших студентов и сотрудников. В частности, Франкфуртер затащил в круг деятелей Нового курса и пристроил к написанию законов о ценных бумагах своих учеников Джеймса Ландиса, Бенджамина Коэна и Томаса Коркорана. А за спиной Франкфуртера с высоты своего поста члена Верховного суда США дергал за ниточки ста-

---

стям. Радикальный деятель Нового курса Уильям Дуглас, являвшийся тогда председателем Комиссии по ценным бумагам и неистовым врагом Моргана, сумел использовать этот скандал, чтобы добиться изменения процедур, определяющих деятельность Нью-Йоркской фондовой биржи.

рый манипулятор Луис Брандис, наставник Франкфуртера по Гарвардской школе права. Будучи членом Верховного суда, Брандис систематически в нарушение норм корпоративной этики выплачивал Франкфуртеру гонорары из тайных фондов и использовал его в качестве своего агента в мире политики. Брандис, обладавший значительным влиянием при президенте Вильсоне, был давнишним врагом Моргана и представителем интересов розничных клиентов моргановских железных дорог и компаний коммунального хозяйства^{73, 74}.

Поскольку левое крыло деятелей Нового курса первоначально мечтало передать регулирование рынка ценных бумаг в руки Федеральной комиссии по торговле, находившейся под контролем левых, им особенно по душе пришелся «компромисс» в виде создания особой Комиссии по ценным бумагам и

⁷³ О роли Франкфуртера в принятии законов о ценных бумагах см.: Seligman, *Transformation of Wall Street*, pp. 39–127. Зловещий союз Брандиса и Франкфуртера длился до 1937 г., когда Франкфуртер порвал со своим наставником и казначеем из-за того, что тот оказался в оппозиции к планам Рузвельта «законсервировать» Верховный суд. В этой ситуации Франкфуртер впервые оказался между Брандисом и Рузвельтом и предпочел служить более могущественному другу. И это был один из примеров того, как стареющий Брандис, один из лидеров революции (в данном случае революции Нового курса), отстал от движения, ставшего для него слишком радикальным. О Брандисе и Франкфуртере см.: Bruce Allen Murphy, *The Brandeis–Frankfurter Connection: The Secret Political Connection of Two Supreme Court Justices* (New York: Anchor Press, [1982] 1983), pp. 130–138 and passim).

⁷⁴ В последние годы истории, к счастью, сумели избавиться от агиографической традиции, в которой Брандис изображался как «народный защитник» и сторонник свободной конкуренции (см.: Alpheus Thomas Mason, *Brandeis: A Free Man's Life* (New York: Viking, 1946). Теперь перед нами возникла фигура лживого сторонника этатизации и картелирования розничных рынков за счет потребителей. См. отличные ревизионистские работы о Брандисе: Allon Gal, *Brandeis of Boston* (1980) и Thomas K. McGraw, “Brandeis and the Origins of the FTC,” in *Prophets of Regulation* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1984), pp. 80–142. Появлению этих ревизионистских работ способствовала начатая в 1970-х гг. и завершившаяся в 1980 г. публикация писем и статей Брандиса.

биржам. На самом деле, Рузвельт поступил очень остроумно, бросив консерваторам и умеренным подачку в виде назначения своего старого друга, американца ирландского происхождения Джозефа Кеннеди, на пост председателя Комиссии по ценным бумагам и биржам, состоявшей из пяти человек, и назначив на другие четыре поста в этой комиссии левых из Федеральной комиссии по торговле, среди которых был и видный левый идеолог, автор законопроектов Джеймс Макколей Ландис. Завершал список членов Комиссии по ценным бумагам и биржам не кто иной, как Фердинанд Пекора, бич Морганов и республиканцев с Уолл-стрит. Когда в 1935 г. Кеннеди оставил свой пост, его место занял Ландис.

Джозеф Кеннеди был и в самом деле чуть консервативнее своих коллег, особенно в отношении типичных для Нового курса нападков на компании коммунального хозяйства, но его карьера спекулянта вводила в заблуждение умеренных, которые не могли и представить себе степень его сочувствия идеям коллективизма. Так, Кеннеди не только с энтузиазмом поддерживал Новый курс, он доходил даже до одобрения идей закона о федеральном инкорпорировании и уничтожении частных инвестиционных банков. Кроме того, в 1920-е гг., на которые пришелся его период бури и натиска, он неоднократно входил в противоречие с интересами Морганов. О степени его сочувствия коллективизму можно судить по следующему утверждению, общему для всех сторонников государственного планирования:

Функциональная организация хозяйства предполагает планирование экономики. Чем сложнее общество, тем больше потребность в планировании. А иначе мы получаем господство случая и неэффективность методов социального контроля; в отсутствие планирования действует закон джунглей⁷⁵.

Кеннеди был авантюристом, но он не был охотником-одиночкой. В конце 1920-х и в 1930-х гг. Кеннеди тесно сотрудничал с различными голливудскими кинокомпаниями, особенно с «Парамаунт пикчерс», за которой стоял инвестици-

⁷⁵ Seligman, *Transformation of Wall Street*, p. 105.

онный банк «Леман бразерс»⁷⁶.

Что касается Ландиса, то бизнесмены, опасавшиеся, что во главе Комиссии по ценным бумагам и биржам окажется враждебный к бизнесу социалист, были приятно удивлены, обнаружив в его лице целеустремленного проводника политики картелирования, созидателя системы партнерства государства и бизнеса, имеющей целью «самоуправление в промышленности» под покровительством федеральных законов. Ландис переступил через личную неприязнь к банкирам, брокерам и бухгалтерам, чтобы включить их в свою систему взаимоподдержки и регулирования, и сумел очаровать людей из мира финансов. Уже в 1934 г. Ландис мог написать в «Ежегоднике энциклопедии Британника»:

Комиссия [по ценным бумагам и биржам] стремилась заручиться и добилась сотрудничества не только бирж, но и брокерских фирм, инвестиционных банков и руководителей корпораций, которые, в свою очередь, осознали, что их усилия по совершенствованию методов финансирования теперь поддержаны крепкой рукой государства⁷⁷.

Хитроумный Ландис сумел заручиться сотрудничеством бухгалтеров, которые опасались, что политика Нового курса обернется для них неоправданным принуждением и штрафами. Вместо этого Ландис открыто предложил бухгалтерам, страдавшим от сознания своей подчиненности корпоратив-

⁷⁶ Burch, *Elities*, 3, p. 32. Черноу пишет о Джозефе Кеннеди как о «пугале» Моргана, которого в конце 1920-х гг. Дж. П. Морган-мл. неоднократно осаживал. Такого рода столкновения с Морганом он рассматривает через призму этнических конфликтов: «Менялы и в самом деле были изгнаны из храма ирландцами, итальянцами и евреями, всеми, кому в 1920-х гг. не было места на англосаксонской и протестантской Уолл-стрит» (Chernow, *House of Morgan*, p. 379).

⁷⁷ McGraw, "Landis and the Statecraft of the SEC," in *Products of Regulation*, p. 188. Фердинанд Пекора, однако, противился новому направлению политики Ландиса, которую он рассматривал как предательское сотрудничество с Уолл-стрит. После полугода работы в Комиссии по ценным бумагам и биржам Пекора вышел в отставку и получил место в Верховном суде штата Нью-Йорк.

ным клиентам, возможность картелировать профессию и владеть на рынке ценных бумаг под благосклонным призором Комиссии. Как пишет историк Томас Маккрау,

...Он [Ландис] решил, что намного предпочтительнее использовать их [бухгалтеров] знания и сделать их профессиональные организации инструментом изменений, вместо того чтобы добиваться результатов прямыми действиями правительства⁷⁸.

Это обеспечило Ландису расположение бухгалтерского цеха и готовность к сотрудничеству. Американское общество бухгалтеров немедленно сформировало Специальный комитет по сотрудничеству с Комиссией по ценным бумагам и биржам, обеспечивший постоянный канал связи с регулятором. Один из ведущих специалистов по бухгалтерскому учету вскоре написал, что с формированием Комиссии по ценным бумагам и биржам

контрольная функция бухгалтерского учета стала принципиально иной. Если прежде это был инструмент управления в интересах бизнеса, теперь это стал инструмент управления самим бизнесом.

Иными словами, ученый, Д. Р. Скотт, отметил поразительный факт: если до появления Комиссии работа бухгалтеров была всецело подчинена интересам их клиентов-предпринимателей, то с ее созданием для них началась новая эпоха, и главной задачей бухгалтеров стало «служение интересам центрального правительства, стремящегося контролировать их клиентов»⁷⁹.

В частности, Ландис создал в Комиссии должность главного бухгалтера (с соответствующим аппаратом), который быстро стал главным авторитетом практики аудиторской работы в США. Главный бухгалтер очень ловко возглавил движение по стандартизации практики бухгалтерских ревизий, борьбе с на-

⁷⁸ Как пишет Макгроу, «когда ведущие специалисты осознали, что появилась уникальная возможность обрести достойное положение, их враждебность к регулированию исчезла» (Ibid., p. 190).

⁷⁹ Ibid.

рушителями установленных правил и введению обязательных правил и процедур бухгалтерского учета. В 1937 г. главный бухгалтер начал выпуск авторитетных *Accounting Series Releases*, создав инфраструктуру стандартизации правил бухгалтерского учета. Значительную часть своих властных полномочий Комиссия по ценным бумагам и биржам передала профессиональным ассоциациям бухгалтеров, сделав их добровольными и надежными проводниками картелирования.

Одной из причин особой привлекательности нового регулирования для бухгалтеров было то, что правила Комиссии по ценным бумагам потребовали от компаний предоставления большого числа новых финансовых отчетов, составленных «независимыми присяжными или дипломированными бухгалтерами», что создало дополнительный спрос на услуги специалистов по учету. В результате с 1930 по 1970 г. число юристов и врачей в США увеличилось на 71%, а бухгалтеров – на 271%⁸⁰.

Наконец, хитроумная стратегия Ландиса побудила к сотрудничеству фондовые биржи всей страны, которые ввели собственные правила регулирования, разумеется, согласованные с федеральным правительством. В 1935 г. в серии обращений к Нью-Йоркской фондовой бирже Ландис провозгласил главным «принцип самоуправления». На самом деле, в ходе серии переговоров с руководящими органами бирж Ландис тщательно проработал соответствующие требования Комиссии по ценным бумагам и биржам. В начале 1937 г. он публично сформулировал принципы своей стратегии:

[Регулирование] надсжно соединяет существующие механизмы саморегулирования и прямой контроль со стороны государства. Данная логика институционального развития предусматривает поддержку существующих сил властью государства вместо присвоения последним всех мыслимых полномочий. При этом лояльность рыночных структур широким целям правительства становится условием продолжения их существования, и, таким образом, их внутреннее развитие направляется с помощью внешних стимулов и ограничений⁸¹.

⁸⁰ Ibid., pp. 191–192.

⁸¹ Ibid., p. 192.

В 1938 г. Джеймс Ландис, выполнив свои задачи, покинул Комиссию по ценным бумагам и биржам, чтобы занять вожделенный пост Гарвардской школы права⁸². На посту председателя его сменил член Комиссии Уильям Дуглас, старый друг президента Рузвельта, у которого была своя сеть связей на юридическом факультете Йельского университета. Дуглас, еще более левый и еще более ярый враг Морганов, чем Ландис, считал, что Ландис дал слабину, добиваясь изгнания соратника Моргана Ричарда Уитни с поста главы Нью-Йоркской фондовой биржи. Он с энтузиазмом взялся довершить это дело. Но даже Дуглас не был примитивным социалистом и врагом бизнеса и предпочитал продолжать картелирование в содружестве с диссидентскими антиморгановскими группами на фондовой бирже, возглавляемыми ориентированным на Рокфеллера Е. А. Пирсом. Особенно плодотворный союз он наладил с розничными брокерами, самым видным из которых был Уильям Макчесни Мартин-мл., молодой фондовый брокер из Сент-Луиса, который был раздражен и обижен на элиту фондовой биржи – биржевых маклеров, шедших за Морганом и Уитни. Именно эти диссиденты изгнали Уитни и подчинили биржу себе. Благодаря введенным ими жестким требованиям к раскрытию финансовой информации неожиданно вскрылись финансовые грешки Ричарда Уитни, и в 1938 г. он сел в тюрьму за растрату. Как воскликнул сам Дуглас при этой неожидан-

⁸² Как восторженно живописует Макгроу, Ландис, еще не достигнув 40 лет (родился в 1899 г.), стал живой «легендой», беспспорным кандидатом на кресло в Верховном суде, но тут его подстерегал трагический закат. Не найдя себя и потерпев неудачу в университетской жизни, Ландис постепенно спился. Под конец жизни его посадили в тюрьму за непредставление в течение шести лет декларации о подоходном налоге, а в июле 1964 г. ему на год запретили заниматься юридической практикой. Вскоре после этого Ландис был найден мертвым в своем бассейне – результат то ли сердечного приступа, то ли самоубийства. Все оставшееся имущество отошло к Налоговому управлению и было продано в погашение его налоговых обязательств. Кто-то назовет такую развязку трагедией, кто-то – возмездием (McCraw, *Prophets of Regulation*, pp. 203–209).

ной удаче: «Фондовая биржа сама упала мне в руки».

Дуглас искусно использовал скандал с Уитни, совпавший с пиком массового недовольства биржевыми спекулянтами, якобы вызвавшими биржевой крах в разгар рецессии 1938 г., чтобы завершить прокартельный и антиморгановский переворот на Нью-Йоркской фондовой бирже. Уильям Макчесни Мартин стал первым президентом биржи, нанятым на полный рабочий день, и совместно с Дугласом они приступили к проведению серии «тщательно срежиссированных» переговоров, направленных на выработку новой структуры сотрудничества между биржей и Комиссией по ценным бумагам и биржам. Эта парочка использовала традиционную тактику кнута и пряника: Дуглас взял на вооружение тактику жесткого давления и грозил применить силу для осуществления желательных изменений, а Мартин, притворяясь противником перемен, «всячески раздувал угрозу прямого вмешательства Комиссии, чтобы убедить своих несговорчивых коллег принять новую систему». В конце концов им удалось совершить революцию, картелировав фондовый рынок. Как пишет Маккрау, «Комиссия по ценным бумагам и биржам в очередной раз использовала ситуацию мимолетного кризиса, чтобы добиться необратимых изменений, и при этом, как всегда, создала ситуацию, в которой биржа по собственной инициативе предложила новые правила и добровольно их приняла»^{83, 84}.

⁸³ McCraw, *Prophets of Regulation*, pp. 352–353. См. также: *ibid*, pp. 193–196.

⁸⁴ В 1938 г. федеральное регулирование и картелирование распространились на прежде свободный, нерегулируемый и децентрализованный внебиржевой рынок ценных бумаг. В 1933 г. ведущие инвестиционные банкиры из Ассоциации инвестиционных банков, жаждавшие организовать внебиржевой рынок ценных бумаг и подчинить его регулированию, использовали возможности, предлагаемые Национальной администрацией восстановления, чтобы создать очень строгий «Кодекс честной конкуренции». После чего Ассоциация создала соответствующий Комитет по контролю за соблюдением кодекса, который мог привлекать федеральные власти для наказания нарушителей правил честной конкуренции. Этот картель имел толь-

Начатая проводниками Нового курса финансовая революция и всесторонняя осада Морганов была успешно завершена с принятием в августе 1935 г. самого радикального закона: закона о холдинговых компаниях в коммунальном хозяйстве. По настоянию самого президента Рузвельта администрация добилась устранения всех холдинг-компаний в коммунальном хо-

---

ко один недостаток: он не охватывал дилеров внебиржевого рынка ценных бумаг, действовавших помимо инвестиционных банков.

Когда в мае 1935 г. решением по делу Шектера Верховный суд признал Национальную администрацию восстановления неконституционной, Ландис сделал попытку возродить «Кодекс честной конкуренции» под эгидой Комиссии по ценным бумагам и биржам. Соответствующий Комитет получил название Согласительный комитет инвестиционных банков и вступил в длительные переговоры с Комиссией по ценным бумагам по созданию подходящей организационной структуры для внебиржевого рынка. Наконец, в начале 1938 г. сенатор Фрэнк Мэлони (демократ из штата Коннектикут), друг Дугласа, протасил закон Мэлони, в соответствии с которым внебиржевой рынок мог создать собственную ассоциацию, которая, действуя под эгидой Комиссии по ценным бумагам, получала право наказывать, временно или навсегда отстранять от участия в торгах дилеров, нарушающих соответствующие правила. Новая ассоциация, так похожая на существовавшую при неконституционной Национальной администрации восстановления, была освобождена от обвинений в нарушении антитрестовского законодательства.

Внебиржевой рынок ответил на этот закон созданием Национальной ассоциации внебиржевой торговли ценными бумагами, представлявшей собой частную ассоциацию, наделенную властными полномочиями. Ассоциация немедленно установила единую ставку комиссионных – 5%, явный признак картелирования – и хотя никого не обязывали в нее вступать, но все брокеры и дилеры, не ставшие ее членами, были по закону лишены права заниматься размещением ценных бумаг. По существу, членство было обязательным, и Ассоциация «была наделена функциями и структурой регулирующего агентства». По настоянию Комиссии по ценным бумагам Ассоциация для усиления своих регулирующих возможностей ввела в свой штат несколько сот профессиональных наблюдателей и следователей и установила жесткие дисциплинарные меры против нарушителей правил, в том числе исключение и временное отстранение от торгов (McCraw, *Prophets of Regulation*, pp. 197–200).

зяйстве. К 1932 г. 50% мощностей предприятий коммунального хозяйства были объединены в три эффективных общенациональных холдинговых компании. Одной из них была независимая империя Сэмюэла Инсулла со штаб-квартирой в Чикаго, которая развалилась, когда в середине 1932 г. Инсулл сбежал в Европу. Два других объединения были ориентированы на Моргана: «Юнайтед корпорейшн» (под прямым контролем Дж. П. Моргана) и «Бонд энд Шеар компани» (под контролем «Дженерал электрик», которая находилась в сфере интересов Моргана с момента своего создания). В течение семи лет, до 1935 г., Федеральная комиссия по торговле вела энергичную атаку против холдинговых компаний в коммунальном хозяйстве, а Пекора задним числом поносил исчезнувшего Инсулла. Наконец, летом 1934 г. Рузвельт учредил Национальный комитет по энергетической политике для выработки законодательства, запрещающего создание холдинговых компаний в коммунальном хозяйстве. Министр внутренних дел Гарольд Икес, выдающийся деятель Нового курса, был назначен председателем этого Комитета, а главным экспертом стал Бенджамен Коэн, составивший текст рокового закона о холдинговых компаниях в коммунальном хозяйстве, который оказался настолько радикальным, что даже Джозеф Кеннеди счел необходимым покинуть пост главы Комиссии по ценным бумагам и биржам.

Холдинговые компании коммунального хозяйства с Морганами во главе вели на политическом и конституционном поле затяжную и ожесточенную борьбу против закона 1935 г. Ведущую роль играли «Эдисон электрик институт», лоббистская организация компаний коммунального хозяйства, и его главный юрисконсульт, давнишний друг и личный юридический советник Морганов Джон Дэвис. Ему помогал Уенделл Уилки, глава «Коммонуэллс энд саузерн корпорейшн», дочернего предприятия моргановской «Юнайтед корпорейшн». Дэвис обличал, что этот закон является «отвратительным... последним словом тирании федерального центра... самой опасной из всех, выходявших из залов Конгресса при моей жизни, угрозой свободе граждан Америки». Но все оказалось тщетным, и в

1938 г. Верховный суд США, прирученный и извращенный Новым курсом, признал конституционность закона о холдинговых компаниях коммунального хозяйства⁸⁵.

Марринер Экклс и закон о банках 1935 г.

Сагу о Марринере Стоддарде Экклсе много раз излагали не только обожавшие его биографы⁸⁶, но и многочисленные историки Нового курса. Рассказывают о том, как Марринер Экклс, молодой мультимиллионер, глава бизнес-империи, объединяющей банки и строительные компании западных штатов,

⁸⁵ Seligman, *Transformation of Wall Street*, pp. 127–138. Неожиданное выдвижение Уэцделла Уилки кандидатом на пост президента от республиканской партии на выборах 1940 г. было результатом удачной интриги Морган. В то время Уилки был членом совета директоров подчиненного Моргану «Фёрст нэшил бэнк оф Нью-Йорк». Среди близких друзей Уилки были вездесущий Томас Ламонт; Перри Холл, вице-президент корпорации «Морган, Стенли энд компани»; Джордж Ховард, президент «Юнайтед корпорейшн»; Слоун Кольт, президент основанной Морганом и ему подчиненной «Бэнкर्स траст компани». Кроме того, двумя молодыми лидерами нью-йоркских республиканцев, которые и организовали выдвижение, были Орен Рут-мл. из ведущей «моргановской» юридической компании «Дэвис, Полк, Уоррдуэлл, Гардинер энд Рид» и Чарлтон Маквей. Последний мало того, что являлся в прошлом служащим «Джи Пи Морган энд компани», но и его отец одно время был компаньоном в юридической фирме «Дэвис, Полк», а его брат был служащим этой фирмы в указанное время (Burch, *Elites*, 3, pp. 44–45, 66).

Любопытно, что одним из двух главных соперников Уилки в борьбе за пост кандидата от республиканцев был нью-йоркец Томас Дьюи, который всю свою жизнь был буквально подручным Уинтропа Олдрича, Рокфеллеров и «Чейз нэшил бэнк» (Harr and Johnson, *Rockefeller Century*, pp. 208–09, 405–406).

⁸⁶ Нуман, *Marriner Eccles*, passim. Хаймен доходит даже до утверждения, что «Марринер Экклс – это и есть экономическая история Америки». О «замечательных интеллектуальных достижениях» Экклса см.: L. Dwight Israelson, “Marriner S. Eccles, Chairman of the Federal Reserve Board,” *American Economic Review* 75 (May 1985): 357–362.

под влиянием депрессии и чтения работ Фостера и Кэтчингса пересмотрел свои прежние взгляды на принципы невмешательства и самостоятельно, т.е. почти чудесным образом, пришел к протокейнсианским выводам. Рассказывают, как он произвел на деятелей Нового курса такое сильное впечатление, что сначала его призвали в министерство финансов, а потом он стал главой Совета управляющих Федеральной резервной системы и оставался на этом посту до конца Второй мировой войны.

По правде говоря, новое открытие древних экономических заблуждений вряд ли стоит считать особенным достижением. Эклс прочитал Фостера и Кэтчингса в начале 1931 г. и целиком принял их идею о недопотреблении как главной причине депрессии, преодолеть которую можно, стимулируя потребление с помощью государственного дефицитного финансирования. Любой сообразительный человек на его месте осознал бы, что Фостер и Кэтчингс писали в период бума 1920-х гг., и это заставило бы его задуматься, что стало причиной неожиданного перехода от бума к депрессии, перехода, который вряд ли можно объяснить хроническим недопотреблением. Под влиянием и с помощью Лочлина Карри, протомонетариста и радикального деятеля Нового курса, Эклс пополнил свой арсенал идеями денежной инфляции, что сделало его пригодным для участия в инфляционной политике Нового курса. Учитывая все это, ему нетрудно было стать «кейнсианцем» раньше самого Кейнса.

К тому же сомнительно, что обращение Марринера Эклса к идеалам государственности имело чисто интеллектуальную природу. Марринер был сыном Дэвида Эклса, который, примкнув в нищей юности к мормонам, эмигрировал из Глазго в Юту, где сколотил огромное состояние. Основой его богатства были банки и производство сахара. Дэвид умер в 1912 г. и Марринер, которому было 22 года, сумел обойти всех многочисленных наследников и стал единственным наследником империи отца. К началу 1930-х гг. Марринер существенно приумножил унаследованный бизнес, представлявший собой сеть банковских холдингов по всему Западу, а также молоч-

ных, строительных и сахарных компаний. В центре всего этого хозяйства находилась банковская холдинговая компания «Фёрст секьюрити корпорейшн», и Марринера можно считать пионером в создании такого рода банковских холдингов⁸⁷. Эклс отвернулся от идеалов свободного рынка как на макро-, так и на микроуровне: в качестве главы «Амалгамейтид шугар компани» он настойчиво бился за картелирование сахарной промышленности и объединение всех производителей сахара, иностранных и отечественных, в единый картель с установлением для каждого максимальной квоты производства. Кроме того, будучи крупным банкиром, Эклс, естественно, был сторонником федерального страхования депозитов, и принятие соответствующего закона было для него весьма выгодно.

Поскольку идея добровольного картеля производителей сахара провалилась, было естественно выступить за принудительное картелирование всех производителей сельскохозяйственной продукции, т.е., в сущности, за план Администрации регулирования сельского хозяйства, предусматривающий ограничение производства с целью повышения цен на сельскохозяйственную продукцию. Для Эклса было столь же естественным делом увязать воедино свои интересы в области банковского дела и в сахарной промышленности, что сделало его сторонником федерального субсидирования фермерских закладных, которые потом, понятно, попадали в сберегательные банки того же Эклса⁸⁸.

У Эклса была еще одна чисто личная причина одобрить обширную программу федеральных расходов на обществен-

⁸⁷ К началу депрессии Маррипер Эклс являлся президентом следующих компаний: «Фёрст секьюрити корпорейшн», «Эклс инвестмент компани», «Фёрст нэшнл бэнк оф Огден» (штат Юта) «Фёрст сейвинг бэнк оф Огден», «Эклес хотэл корпорейшн», «Сего милк компани», «Юта констракшн компани», «Амалгамейтед шугар компани».

⁸⁸ Нутан, *Marriner Eccles*, p. 107. Израэльсон ошибочно полагает, что этатизм Эклса ограничивался только сферой макроэкономики (Israelson, "Marriner S. Eccles," pp. 358–359). Это его утверждение опровергается на той же странице статьи Израэльсона.

ные работы. В 1930 г. президент Гувер решил строить гигантскую плотину Боулдера на реке Колорадо, которая стала крупнейшим строительным проектом начального периода депрессии. Среди других в строительстве плотины участвовала компания Эклса «Юта констракшн», а он сам внес в строительный консорциум не только деньги, но и лично принял активное участие в учредительном собрании в Сан-Франциско⁸⁹.

К моменту своего появления на слушаниях сенатского комитета по финансам в феврале 1935 г., показания на которых принесли ему широкую известность, Эклс уже разработал чисто коллективистскую программу политики, в которой сочетались дефицит федерального бюджета, общественные работы, пособия по безработице, страхование банковских вкладов, усиленное налогообложение богатых и субсидии малоимущим, требования о создании сельскохозяйственных картелей и об учреждении правительственных агентств, которые должны будут одобрить все предстоящие выпуски облигационных займов, а также «подчинение общественным интересам всех средств транспорта и связи» и, как вершина всего, создание «нацио-

⁸⁹ В этом строительном консорциуме принимала участие еще одна крупная строительная компания «Даблью Эй Бехтел компани», с которой у Эклса были давние деловые связи, в том числе «Юта констракшн» выполняла для нее субподрядные работы в Северной Калифорнии. Эти связи сохраняются и по сей день: Эдмунд Литтлфилд, преемник Эклса на посту председателя совета директоров «Юта констракшн», в начале 1980-х стал старшим директором «Бехтел корпорейшн».

Строительство плотины Боулдера помогло Стиву Бехтелу спасти от банкротства своего школьного приятеля Джона Маккоуна: его компания «Консолидейтид стил» получила большой заказ на поставку стальных строительных конструкций. Вскоре после этого Бехтел и Маккоун стали субподрядчиками «Стэндрд ойл оф Калифорния» в строительстве по всему миру нефтеперерабатывающих заводов и нефтяных комплексов. Впоследствии Маккоун стал важным государственным чиновником, в том числе он был главой Комиссии по атомной энергии и руководителем ЦРУ (Laton McCartney, *Friends in High Places: The Bechtel Story* (New York: Simon and Schuster, 1988), pp. 34 and passim).

нального совета планирования для координации хозяйственной деятельности частных и государственных предприятий»⁹⁰.

Необычным в Экклсе было не то, что крупный бизнесмен стал сторонником политики коллективизма – в его время это было распространенным явлением. Необычным было его желание и готовность переместиться в Вашингтон, чтобы принять личное участие в проведении этой политики. Впрочем, для этого у него был свой интеллектуальный и личный интерес. Подобно А. П. Джаннини из «Бэнк оф Америка», в 1920-е гг. Экклс был для проморгановской Федеральной резервной системы аутсайдером с Дальнего запада, и это было источником как жгучей ненависти к Морганам, так и воинственного стремления перестроить Федеральный резерв таким образом, чтобы власть в нем окончательно перешла от подчиненного Моргану Федерального резервного банка Нью-Йорка к Совету управляющих в Вашингтоне.

Можно предположить два возможных канала, по которым был установлен контакт между Экклсом и деятелями Нового курса. Роберт Хинкли, старый друг Экклса и племянник сенатора Уильяма Кинга (демократ из штата Юта), и другой молодой человек, Дин Бримхолл, шурин Экклса, создали в Юте двухмесячный дискуссионный клуб «Фриденкерс». Там они попали под влияние новых идей Экклса, и Хинкли использовал влияние сенатора Кинга, чтобы Экклса пригласили выступить на слушаниях сенатского финансового комитета. К тому же Марринер был членом правления университета Юты, и когда Стюарт Чейз, радикальный деятель Нового курса, читал в университете серию лекций, взгляды Экклса произвели на него сильное впечатление. Менее известен тот факт, что Джордж Денн, министр обороны в администрации Рузвельта и бывший губернатор Юты, был в свое время директором двух банков в Солт-Лейк-Сити, являвшихся частью принадлежавшего Экклсу холдинга «Фёрст секьюрити корпорейшн», и, таким образом, находился в финансовой зависимости от него.

Через год, в феврале 1934 г., Экклс прибыл в Вашингтон в

⁹⁰ Israelson, "Marriner S. Eccles," p. 358.

качестве специального помощника министра финансов Генри Моргентау по вопросам денежного обращения и кредита. Но на этом посту Эклс чувствовал себя неуютно, потому что Моргентау был привержен старомодным идеалам сбалансированного бюджета. Моргентау находился под сильным влиянием Льюиса Дугласа, являвшегося тогда главой Бюро по бюджету (в то время оно еще входило в состав министерства финансов) и заместителя министра финансов Джефферсона Кулиджа (из семьи близких к Моргану бостонских финансистов, был назначен на пост по настоянию Джорджа Харрисона). Но Эклс, не теряя времени понапрасну, нашел поддержку и одобрение со стороны двух молодых помощников: бывшего экономиста из Федерального резерва Уинфилда Райфлера и Лочлина Карри, молодого доктора наук из Гарварда. Карри, у которого как раз печаталась в издательстве Гарвардского университета важная работа по монетаризму, доказал Эклсу необходимость полного политического контроля над денежной массой и уверил в том, что только операции на открытом рынке могут достаточно быстро инфлировать денежную массу и обеспечить выздоровление экономики⁹¹.

⁹¹ Lauchlin Currie, *The Supply and Control of Money in the United States*, 2nd rev. ed. (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, [1934] 1935). В довоенный период докторская диссертация Карри была, по-видимому, важнейшей работой по монетаризму. Основная идея его работы проста:

Идеальная денежная система, с точки зрения задачи контроля, предполагает возможность быстро и легко раздувать и сжимать объем денежной массы до любых необходимых пределов... Автору представляется, что наилучшие возможности для контроля обеспечивает такая система, в которой правительство напрямую эмитирует все разновидности денег, как банкноты, так и чековые депозиты (*Ibid.*, p. 151).

Ранние монетаристы признавали значимость вклада Карри в экономическую теорию. См.: Lloyd W. Mints, *A History of Banking Theory* (Chicago: University of Chicago Press, 1945). О влиянии Карри на Эклса, а значит и на банковское законодательство США, см.: Нуман, *Marriner Eccles*, pp. 155ff; Israelson, "Marriner S. Eccles," p. 358. Тем удивительнее

В начале сентября 1934 г., когда Юджин Блэк ушел в отставку с поста Председателя совета управляющих Федерального резерва, чтобы вернуться в Джорджию и потом перешел в «Чейз нэшнл бэнк», этот пост был предложен Экклсу. Экклс заявил, что согласится занять эту должность только при условии структурных изменений в управлении Федеральным резервом, так чтобы центр власти переместился из Федерального резервного банка Нью-Йорка в Совет управляющих Федерального резерва в Вашингтоне. 4 ноября Экклс представил в Белый дом меморандум соответствующего содержания, написанный им при содействии своего помощника и теоретика Лочлина Карри. В меморандуме подчеркивалось, что все важнейшие решения впредь должен принимать Совет управляющих Федерального резерва в Вашингтоне, который должен получить «полный контроль над временем, характером и объемом покупок и продаж резервными банками векселей и облигаций на открытом рынке». До сих пор, писали Экклс и Карри, «интересы [частных банкиров], представленные управляющими отдельных резервных банков, превалировали над общественными интересами, представляемыми Советом управляющих [Федерального резерва]». Отныне приоритет должен быть отдан «интересам общества». В частности, Совет управляющих Федерального резерва должен получить полный контроль над действиями Комитета по операциям на открытом рынке, который в настоящее время состоит из 12 управляющих частных федеральных резервных банков. Такие изменения необходимы, говорилось в заключении меморандума, чтобы Федеральный резерв мог стать настоящим «центральной банком», хотя во избежание политических протестов было бы лучше не называть структуру с новым распределением полномочий «центральной банком»⁹².

10 ноября Рузвельт, впечатленный меморандумом и обладающий сокрушительной победой над республиканцами на

тот факт, что нет ни единого упоминания о Карри в работе монетаристов Фридмена и Шварц: Friedman and Schwartz, *Monetary History*.

⁹² Hуman, *Marriner Eccles*, pp. 157–158.

выборах в Конгресс в ноябре 1934 г., объявил о назначении Марринера Эклса председателем Совета управляющих Федерального резерва, и через неделю тот был приведен к присяге. Одновременно с этим назначением было принято решение о направлении на рассмотрение Конгресса радикального закона о банках 1935 г., воплощавшего программу Эклса–Карри. Против Эклса и нового закона о банках выступили влиятельный сенатор Картер Гласс, председатель сенатского комитета по финансам и важнейшего сенатского подкомитета по банковской деятельности и денежному обращению, а также его теоретик, профессор Паркер Уиллис, который заклеил проект закона о банках как «наихудший и самый опасный из всего, что появлялось в последние годы». В этой схватке в оппозиционную коалицию объединились давние враги: сторонники твердых денег Уиллис и Гласс; и моргановская империя, представленная Джорджем Харрисоном, чей банк – Федеральный резервный банк Нью-Йорка – терял свои доминирующие позиции в банковской системе страны. Зато основатель количественной теории денег и заслуженный инфляционист Ирвинг Фишер из Йельского университета, духовный наставник Милтона Фридмена, заявил, что законопроект о банках «явится важным шагом вперед, быть может, самым важным для нынешней администрации».

Эклс, со своей стороны, предпринял немедленные шаги для установления контроля над оппозиционными организациями внутри Федерального резерва. Он встретился с Федеральным консультативным советом, представлявшим интересы частных банков в Федеральном резерве. В Консультативный совет входило по одному руководителю частного, как правило крупнейшего, банка из всех 12 федеральных резервных округов. Появляющиеся время от времени заявления Консультативного совета часто представлялись как официальная точка зрения Совета управляющих Федерального резерва. Так, в сентябре, как раз накануне выборов в Конгресс, Консультативный совет призвал к сбалансированности федерального бюджета, что разгневало Эклса и других деятелей Нового курса. Теперь Эклс подавил этот очаг сопротивления: Совету было указано

на его консультативную роль и от него потребовали впредь не делать публичных заявлений, предварительно не согласовав их с Советом управляющих Федерального резерва. Консультативный совет был вынужден подчиниться.

Затем Эклс занялся установлением полного контроля над подготовкой законодательных предложений, исходящих от Федерального резерва. Он распустил комитет Федерального резерва по законодательным предложениям, который возглавлялся Харрисоном и в котором был только один представитель Совета управляющих Федерального резерва, а все остальные члены комитета представляли частные банки или окружные банки Федерального резерва. Вместо него Эклс создал новый комитет по законодательным предложениям, состоявший исключительно из назначенных им штатных сотрудников Федерального резерва. В него, помимо самого Эклса, входили следующие лица: Честер Моррилл, секретарь Совета управляющих Федерального резерва; Уолтер Уайетт, главный консультант Совета управляющих; Эммануил Гольденвейзер, директор подразделения исследований и статистики Федерального резерва; и Лочлин Карри, новый заместитель директора этого подразделения. Перед комитетом поставили задачу разработать проект нового закона о банках. После чего законопроект подлежал рассмотрению в подкомитете по банковскому законодательству межведомственного комитета по кредитам под председательством министра Моргентау, в который входили главы Федерального консультативного совета и Федеральной корпорации по страхованию депозитов, Контролер денежного обращения и несколько представителей министерства финансов.

Чтобы заручиться поддержкой министерства финансов и других важных чиновников, а также Конгресса и крупнейших банкиров, Рузвельт изобрел хитрую стратегию: представить радикальную реформу Эклса как Раздел II нового закона о банках, загнав его в середину между двумя другими законами, принятия которых добивались сами банкиры: Разделом I, посвященным либерализации доступа банков к страхованию вкладов, – любимая реформа Лео Кроули, главы Федеральной

корпорации по страхованию депозитов, и Разделом III, продолжавшим для банкиров установленный законом срок погашения кредитов (1 июля 1935 г. по закону о банках 1933 г.), взятых в собственных банках. Раздел III был любимым детищем Контролера денежного обращения Д. Р. Т. О'Коннера. Не случайно и Кроули, и О'Коннер были членами влиятельного межведомственного комитета по кредитам. И хотя Кроули и О'Коннер настаивали на том, чтобы их законопроекты рассматривались отдельно, Моргантау предпочел стратегию Рузвельта, и 5 февраля законопроект, быстро пройдя процедуру утверждения, был передан на рассмотрение в Конгресс⁹³.

В Конгрессе в центре дебатов оказался закон о банках, так что кандидатура Эклса прошла как по маслу. Самым интересным из противников законопроекта был Джеймс Варбург из фирмы «Кун, Лёб», председатель совета директоров принадлежавшего этой фирме банка «Бэнк оф Манхэттен». Варбург, который из приверженности банковским традициям на Лондонской экономической конференции отстаивал позицию Морганов, заклеил законопроект как «Кейнс, приправленный Карри» [Curried Keynes]⁹⁴. В ходе развернувшейся поле-

⁹³ Ibid., pp. 167–171.

⁹⁴ Лочлин Карри продолжал работать в Федеральном резерве в качестве экономиста и дорос до поста помощника по административной работе президента Рузвельта в годы Второй мировой войны. Здесь его завербовали в группу Сильвермастера, работавшего на советскую разведку. Организатором шпионской группы был чиновник Управления экономической войны Натан Грегори Сильвермастер, и среди прочих ее членом был экономист министерства финансов, а позднее директор Международного валютного фонда Гарри Декстер Уайт. После войны раскаявшийся советский агент Элизабет Бентли дала показания на Лочлина Карри, и тому пришлось бежать в Колумбию, где он до конца своих дней работал экономическим советником колумбийского правительства (Elizabeth Bentley, *Out of Bondage* (New York: Ballantine Books, 1988). Особенного внимания заслуживает «Послесловие», написанное Хайденом Пиком; см. также: Christopher Andrew and Oleg Gordievsky, *KGB: The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev* (New York: Harper Collins, 1990), pp. 281–84, 369–70.

мики влиятельные газеты «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» (редакционную политику определял владелец Юджин Мейер), бывшие сначала противниками законопроекта, изменили позицию и стали его поддерживать. По существу, Экклс выиграл почти по всем пунктам: центр принятия решений в Федеральном резерве переместился из Нью-Йорка, где он контролировался Морганом, в Вашингтон. В сенате Экклсу пришлось сделать лишь одну уступку Глассу: Комитет по операциям на открытом рынке, который предполагалось образовать исключительно из членов Совета управляющих Федерального резерва, включил только семерых из них, а пять других членов было решено набирать из представителей федеральных резервных банков (на практике, из президентов), а значит из частных банкиров.

Но, несмотря на этот компромисс, переворот был завершен: Совет управляющих Федерального резерва в Вашингтоне стал центром принятия решений о проведении операций на открытом рынке. Сами операции на открытом рынке осуществлялись из соображений удобства в Нью-Йорке, но строго по приказам и под надзором Комитета по операциям на открытом рынке, который следовал политическим указаниям Совета управляющих Федерального резерва. Отдельным федеральным резервным банкам (главным образом нью-йоркскому) было запрещено по собственной инициативе и за свой счет покупать и продавать государственные ценные бумаги – только по указанию и под прямым надзором Комитета по операциям на открытом рынке. Чтобы еще сильнее ограничить влияние федеральных резервных банков, было предусмотрено, что банки, президенты которых вошли в Комитет по операциям на открытом рынке, *не должны* каким-либо образом выступать в роли агентов избравших их банков; банки были отрезаны от принятия решений – они могли высказывать свое мнение только через Консультативный комитет. Фактически президентам банков, вошедшим в состав Комитета по операциям на открытом рынке, было запрещено сообщать о происходящем в Комитете даже собственному совету директоров! Харрисон безуспешно боролся против этого положения; в 1937 г.

он сделал последнюю безрезультатную попытку добиться, чтобы Комитет по операциям на открытом рынке разрешил Резервным банкам в экстренных ситуациях проводить операции на открытом рынке по собственной инициативе.

Кроме того, Совет управляющих Федерального резерва получил право вето на выборах президентов и вице-президентов окружных федеральных резервных банков. И еще чисто символический жест: все «управляющие» окружных федеральных резервных банков – традиционное название должности руководителей центральных банков были понижены до «президентов», тогда как прежние «члены» Совета Федерального резерва в Вашингтоне были повышены до «управляющих», а прежний «управляющий» Совета Федерального резерва получил августейший титул «председатель Совета управляющих». Кроме того, чтобы упрочить влияние председателя Эклса в Вашингтоне, из состава Совета управляющих Федерального резерва были выведены состоявшие там ранее по должности министр финансов и Контролер денежного обращения.

Наконец, были сняты последние количественные ограничения на кредитную экспансию со стороны Федерального резерва – состав банковских активов, подлежащих переучету в Федеральном резерве, был безгранично расширен и стал включать любые бумаги, на которые сам Федеральный резерв указал как на «подходящие» для этих целей⁹⁵.

Закон о банках 1935 г. завершил предпринятые в рамках Нового курса революционные изменения банковской системы страны. Морганы, например, тщетно пытались изменить положение закона Гласса–Стигалла от 1933 г. о необходимости организационного разделения инвестиционных и коммерческих банков, но все их отчаянные попытки были заблокированы Уинтропом Олдричем. Предложенная сенатором Глассом поправка к закону о банках 1935 г., возвращавшая коммерческим банкам ограниченные возможности работать с ценными бумагами, дошла даже до согласительного комитета Конгресса; какое-то время казалось, что маневр Моргана приведет к успе-

⁹⁵ Friedman and Schwartz, *Monetary History*, pp. 445–449.

ху, но, предположительно по настоянию Олдрича, вмешался лично Рузвельт и поправка Гласса была отвергнута⁹⁶.

Олдрич, сам будучи уолл-стритским банкиром, был не особенно рад тому, что власть ушла с Уолл-стрит в Вашингтон, но он готов был идти до конца в антиморгановской коалиции с банкирами западных штатов.

Процесс централизации банковской системы и сосредоточения всей власти в Вашингтоне был завершен. Не удивительно, что неугомонный Паркер Уиллис уже на следующий год выразил сожаление о том, что Федеральный резерв превратился в инструмент тиранической власти в сфере банковской деятельности и денежного обращения. Уиллис правильно оценил, что процесс централизации инфляционного потенциала, начавшийся в 1920-е гг., когда всем заправлял контролируемый Морганом Федеральный резервный банк Нью-Йорка, с победой Нового курса и перемещением центра власти в Вашингтон существенно ускорился:

Группа Эклса, добившаяся принятия закона 1935 г., стремилась завладеть той властью, которую наиболее амбициозные банковские круги в Нью-Йорке и в других местах уже закрепили за Федеральным резервным банком Нью-Йорка и за небольшой группой людей, фактически определявшей его политику [за группой Моргана]. Концепция и идея централизации осталась прежней. Изменились только учреждение и лица, через которых эта централизованная власть будет осуществляться⁹⁷.

За первые три года Нового курса, продолжает Уиллис, были реализованы различные, якобы временные, оправдываемые экстренной необходимостью меры, которые теперь получили постоянное оформление в законе о банках 1935 г., и, таким образом, «был создан, пожалуй, самый централизованный и безответственный банковский и финансовый механизм из

⁹⁶ Chernow, *House of Morgan*, p. 384; Ferguson, "Coming of the New Deal," pp. 29–30.

⁹⁷ Henry Parker Willis, *The Theory and Practice of Central Banking: With Special Reference to American Experience 1913–1935* (New York: Harper and Brothers, 1936), p. 107.

всех известных в современном мире».

В результате, отмечает Уиллис, с 1931 г., в период «ужасающего [бюджетного] дефицита», шел процесс «постепенного отвлечения средств и сбережений общества на поддержку правительственных начинаний». Сформировалась «весьма необычная тенденция – реализованная в крайней форме идея центрального банка вызвала невиданную концентрацию бизнеса в США, более высокую», чем в любой другой стране. Уиллис пророчески и зловеще заключает:

Сегодня США выделяются как страна с деспотически действующим центральным банком, где, как все теперь признают, любые векселя постепенно принимают форму государственных ценных бумаг, финансируемых через контролируемый правительством центральный банк⁹⁸.

Эпилог: возвращение Морганов

Однако не стоит оплакивать Морганов. Новый курс лишил их власти, но в конце 1930-х гг. они сумели вернуться. Натиск экономического национализма ослабел, и Морганов смогли возобновить работу по стабилизации валютных курсов. В конце 1936 г. США заключили трехстороннее соглашение с Вели-

⁹⁸ Ibid., p. 108. Марринер Экклс также в конечном итоге оказался за бортом революции Нового курса, победе которой он так помог. Точнее говоря, он не смог понять, почему Трумэн со своим «справедливым курсом» настаивал на сохранении бюджетного дефицита и инфляционной денежной эмиссии даже после того, как закончились депрессия и Вторая мировая война. Смещенный Трумэном в 1948 г. с поста председателя Совета управляющих Федерального резерва, Экклс, как постоянный член Совета управляющих, сыграл в конце 1951 г. принципиальную роль в отказе от катастрофической инфляционной политики Федерального резерва по поддержке цен на казначейские облигации и, соответственно, от механизма постоянной монетизации дефицита федерального бюджета. Оставив Федеральный резерв, Экклс примкнул к консервативным республиканцам. При этом ему не пришлось отказываться от политических идеалов Нового курса – яркий показатель того, насколько полевела американская политика.

кобританией и Францией, в соответствии с которым страны-участницы договорились не о фиксации обменных курсов в полном смысле слова, а о том, чтобы принятие решения о поддержке валютных курсов других стран-участниц договора занимало не более 24 часов. Вскоре к этому договору, который действовал до Второй мировой войны, присоединились Бельгия, Голландия и Швейцария.

По мере приближения Второй мировой войны роль Морганов, издавна имевших тесные связи с Британией и Францией, в американской внешней политике усиливалась, тогда как Рокфеллеры, слабо связанные с этими странами, но зато имевшие лицензионные соглашения с немецкой «ИГ Фарбен», относительно утратили значение. Государственный секретарь Корделл Халл, давний близкий друг Нормана Дэвиса, посла Рузвельта для особых поручений и человека Моргана, начал выступать против двусторонних торговых соглашений с Германией и политики валютного контроля, способствовавшей хроническому завышению курса марки^{99, 100}.

⁹⁹ Rothbard, "New Deal and the International Monetary System," pp. 105–111. Германия не могла пойти на девальвацию марки, потому что общественность ошибочно считала причиной катастрофической инфляции 1923 г. не безудержную денежную эмиссию, а снижение валютного курса, так что девальвация оказалась бы актом политического самоубийства для любого правительства, даже для гитлеровского. Внятное объяснение того, как в 1930-х гг. работало бартерное соглашение с Германией, см.: Ludwig von Mises, *Human Action* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1949), pp. 796–799. К сожалению, этот раздел в последующих изданиях был опущен и восстановлен только в научном издании 1998 г.: (Auburn, Ala.: Ludwig von Mises Institute, 1998), pp. 796–99).

¹⁰⁰ Один случай чуть не расстроил трехстороннее соглашение. В конце 1938 г. британцы пытались опустить курс фунта ниже 4,80 долл. за фунт. Эксперты министерства финансов немедленно предупредили Моргентау, что если «фунт упадет существенно ниже уровня 4,80 долл., это причинит серьезный ущерб нашей внешней и внутренней торговле». Тогда Моргентау сумел настоять на том, чтобы в новое торговое соглашение с Британией было включено положение, что если британцы допустят снижение курса фунта ниже уровня 4,80 долл.,

В ходе подготовки США ко Второй мировой войне экономические цели войны радикально упростились: покончить с экономическим и денежным национализмом 1930-х гг. и сделать основой нового мирового экономического порядка не фунт, а доллар. В сфере внешней торговли это означало решительное продвижение американского экспорта, снижение пошлин и отмену квот, препятствующих сбыту американских товаров (так называемая политика «открытых дверей» для американских товаров и инвестиций), а в сфере денежного обращения это означало разрушение валютных блоков и восстановление многосторонних соглашений с фиксированными валютными курсами, основанными на долларе. Даже когда США уже решились вступить в войну ради спасения Британии, остался неразрешенным конфликт, порожденный склонностью Британии к валютному контролю и сохранению имперских преференций во внешней торговле¹⁰¹.

Решение проблемы было найдено в ходе продолжительных переговоров, длившихся в течение всей войны и завершив-

---

соглашение будет считаться расторгнутым (Lloyd C. Gardner, *Economic Aspects of New Deal Diplomacy* (Madison: University of Wisconsin Press, 1964), p. 107).

¹⁰¹ В августе 1941 г. во время Атлантической конференции с участием Черчилля Рузвельт доверительно сообщил своему сыну, Эллиоту:

Не все знают, что британские и немецкие банкиры долгое время держали в руках всю мировую торговлю... Это не так уж хорошо для мировой торговли, верно?.. Если в прошлом немцы и англичане в своих экономических интересах исключали нас из мировой торговли, сдерживали наше торговое судоходство, отсекали нас от того или иного рынка, а теперь Германия и Британия воюют между собой, что нам следует делать? (Robert Freeman Smith, "American Foreign Relations, 1920–1942," in *Toward a New Past*, Barton J. Bernstein, ed. [New York: Pantheon, 1968], p. 252).

См. также: Gabriel Kolko, *The Politics of War: The World and United States Foreign Policy, 1943–1945* (New York: Random House, 1968), pp. 248–249; Rothbard, "New Deal and International Monetary System," pp. 111–115.

шихся подписанием Бреттон-Вудского соглашения в июле 1944 г. По существу, соглашение было компромиссным, хотя Соединенным Штатам удалось выиграть в главном пункте: в основу новой многосторонней системы фиксированных валютных курсов был положен доллар. Правда, американцам пришлось принять кейнсианскую позицию британцев, настаивавших на согласованной инфляционной политике в целях обеспечения «полной занятости». США достигли цели, сформулированной министром Моргентау: «перенести мировой финансовый центр из Лондона в министерство финансов США»¹⁰². Не удивительно, что уже в январе 1945 г. Ламар Флеминг-мл., президент «Андерсон, Клейтон энд компани», крупнейшей в мире фирмы по торговле хлопком, мог написать своему давнему партнеру и боссу Уильяму Клейтону, что «Британская империя и мировое влияние Британии – это уже миф». Совсем скоро, пророчил Флеминг, США придется защищать Британию от расправляющего плечи русского континента, а это будет означать, что «Американская империя поглотит те части Британской империи, которые мы соизволим принять»¹⁰³.

В переговорах, которые привели к Бреттон-Вудским соглашениям, главную роль играл не государственный департамент, а тайный Совет по внешней политике, представлявший собой чрезвычайно влиятельную организацию бизнесменов и экспертов, созданную Морганом после Первой мировой войны для продвижения интернационалистских тенденций во внешней политике и в международных экономических отношениях. Созданная Советом частная исследовательская группа буквально диктовала необходимые решения параллельной исследовательской группе, созданной пассивно сопротивлявшимся государственным департаментом. С 1936 по 1945 г. президентом Совета по внешней политике и руководителем этого про-

¹⁰² Richard N. Gardner, *Sterling-Dollar Diplomacy* (Oxford: Clarendon Press, 1956), p. 76.

¹⁰³ Kolko, *The Politics of War*, p. 294; Rothbard, "New Deal and International Monetary System," pp. 112, 120.

екта был не кто иной, как Норман Дэвис, давнишний подопечный Моргана и ученик его компаньона Генри Дэвисона. За всем этим, разумеется, стояли Морганы¹⁰⁴. Во время войны многие представители круга Моргана, противившиеся наступлению экономического национализма в первые годы Нового курса, вернулись в политику, чтобы помочь выиграть войну и разработать схему послевоенного мира: Льюис Дуглас; Дин Ачесон, разошедшийся с Новым курсом из-за радикальности его преобразований в сфере денежной политики, вернулся в качестве помощника государственного секретаря по валютным вопросам; наставник Ачесона, Генри Стимсон, был министром обороны; другой ученик Стимсона, Джон Макклой, по существу руководил министерством в качестве заместителя министра. А когда Корделл Халл в конце 1944 г. вышел в отставку, на посту госсекретаря его заменил Эдвард Стеттиниус, сын компаньона Моргана и бывший президент подчиненной Моргану корпорации «Юнайтед Стейтс стил»¹⁰⁵.

После Второй мировой войны Морганы постепенно приспособились к новой роли младших партнеров Рокфеллеров. Усиление экономической роли нефти сделало Рокфеллеров господствующей силой в политических и финансовых кругах восточных штатов. Рокфеллеры приняли на себя контроль над Советом по внешней политике, и символом этого изменения

¹⁰⁴ См. содержательное исследование: Domhoff, *Power Elite*, pp. 115 ff.; Laurence H. Shoup and William Minter, *Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy* (New York: Monthly Review Press, 1977).

¹⁰⁵ Стеттиниус выбрал себе на роль помощника Уильяма Клейтона, председателя и старшего партнера в компании по экспорту хлопка «Андерсон, Клейтон энд компани». Прежде Клейтон был лидером крайне враждебной к Новому курсу Лиги Свободы. В послевоенное время его главной заботой было расширение американского экспорта, прежде всего хлопка. В качестве заместителя госсекретаря он отвечал за организацию и выполнение плана Маршалла, и его компания была вознаграждена щедрыми контрактами на экспорт хлопка. По завершении трудов на ниве иностранной политики Клейтон вернулся к частной жизни (Rothbard, "New Deal and International Monetary System," pp. 113).

История денежного обращения и банковского дела в США

стало возвышение Джона Макклоя, который занял посты председателя Совета по внешней политике, руководителя фонда Рокфеллера и рокфеллеровского флагманского банка, «Чейз нэшил бэнк»¹⁰⁶. Существовавшие до Второй мировой войны конфликты и пристрастия исчезли. В новую эпоху все стало по-иному.

¹⁰⁶ Не удивительно, что в конце 1950-х гг. Джон Кеннет Гэлбрейт и Ричард Роувер окрестили Макклоя «председателем истеблишмента». Kai Bird, *The Chairman: John J. McCloy, the Making of the American Establishment* (New York: Simon and Schuster, 1992).

ЧАСТЬ IV

ЗОЛОТОВАЛЮТНЫЙ
СТАНДАРТ
В МЕЖВОЕННЫЕ ГОДЫ

Золотовалютный стандарт в межвоенные годы

Из Первой мировой войны Великобритания вышла победительницей, но ее экономика, и прежде всего денежная система, была разрушена. Все воюющие страны финансировали громадные военные расходы четырехлетней войны за счет монетизации бюджетного дефицита, и в большинстве из них объем денежной массы за это время увеличился в 2, 3, 4 раза. Соответственным был и рост цен¹. Огромные объемы денежной эмиссии побудили правительства воюющих стран к отказу от золотого стандарта. Деньги обесценивались по отношению к золоту, но это обесценение маскировалось политикой валютного контроля, характерного для режима коллективистской экономики, установившегося в ходе Первой мировой войны. Только США, вступившие в войну на два с половиной года позже, чем остальные державы, и в силу этого менее пострадавшие от инфляции, смогли де-юре сохранить довоенный золотой стандарт. Но де-факто США прекратили экспорт золота во время войны, так что в действительности также оказались вне золотого стандарта. В марте 1919 г., когда валютные рынки опять стали свободными, открылась прене-

¹ Германия, в которой за годы войны объем денежной массы вырос в 8 раз, в послевоенный период под влиянием ускоренной монетизации бюджетного дефицита и банковских кредитов сорвалась в гиперинфляцию. Франция и Австрия после войны также пережили гиперинфляцию, хотя и в менее острой форме. См.: Melchior Palyi, *The Twilight of Gold 1914–1936* (Chicago: Henry Regnery, 1972), p. 33. См. также: D. E. Moggridge, *British Monetary Policy, 1924–1931: The Norman Conquest of \$4,86* (Cambridge: Cambridge University Press, 1972).

приятная новость: если доллар так или иначе сохранил довоенный золотой паритет (примерно $\frac{1}{20}$ часть унции золота), то европейские неразменные бумажные деньги самым прискорбным образом обесценились. Казавшийся некогда нерушимым фунт стерлингов, традиционно стоивший 4,84 долл., теперь стоил всего 3,50 долл., а в феврале 1920 г. упал аж до 3,20 долл.² По отношению к довоенному курсу он обесценился на 30–35%.

В результате войны Европа оказалась в круговороте инфляции, девальваций, скачков обменных курсов и угрозы военного столкновения между валютными блоками. Впервые со времени окончания наполеоновских войн в мире отсутствовали международные деньги, средство обмена, которое могли бы обслуживать международную торговлю; исчезла гармония международных торговых связей, потому что не стало денежной стабильности и предсказуемости, которые могут обеспечить только мировые деньги. Европа, да и весь мир, погрузилась в пучину международного натурального обмена или бартерной торговли. Понятна ностальгия, с которой все страны вспоминали об относительном благополучии довоенного мира.

Классический золотой стандарт

Денежную систему, сложившуюся в XIX в., называют «классическим» золотым стандартом. Среди экономистов стало модным хулить эту систему: она-де существовала только в последние десятилетия XIX в. и являлась всего лишь формой фунтового стандарта, поскольку в то время главным финансовым центром мира был Лондон. Но такое пренебрежительное отношение к золоту неоправданно. Лондон и в самом деле был тогда главным финансовым центром мира, но вряд ли можно сказать, что в мире господствовал фунтовый стандарт. Активная конкуренция других финансовых центров – Берлина, Парижа, Амстердама, Брюсселя, Нью-Йорка – гарантировала, что

² Точнее говоря, традиционно унция золота стоила 77 шиллингов 10,5 пенсов. Соответственно, по довоенному курсу один фунт равнялся 4,86656 долл. А унция золота стоила 20,67 долл.

единственной стандартной валютой мира является золото³. Кроме того, когда говорят, что золотой стандарт существовал только в последние десятилетия XIX в., упускают из виду тот факт, что с незапамятных времен мир использовал два денежных металла – золото и серебро. В бесплодных попытках зафиксировать обменный курс между ними («биметаллизм») страны переходили от золотого стандарта к серебряному и обратно. И то, что в конце XIX в. страны отошли от серебра и пришли к золотому монометаллизму, не должно затенять тот факт, что многие столетия золото и серебро являлись деньгами для всего мира и что предыдущие эксперименты с бумажными деньгами (самый длительный имел место в период наполеоновских войн) рассматривались как мимолетные и разрушительно инфляционные. На протяжении всей истории цивилизации люди использовали звонкую монету, золотую или серебряную⁴. Если не считать небольшого числа катаст-

³ См.: Palyi, *The Twilight of Gold*, pp. 1–21, 118–119. См. также: David P. Gallego, “The Historiography of the Interwar Period: Reconsiderations,” in *Balance of Power or Hegemony: The Interwar Monetary System*, Benjamin M. Rowland, ed. (New York: Lehrman Institute and New York University Press, 1976), pp. 227–260. Галлео показывает, что существовавший до 1914 г. золотой стандарт был истинным золотым стандартом с несколькими расчетными центрами и вовсе не являлся стандартом британского фунта стерлингов.

⁴ Профессор Тимберлейк неверно истолковывает результаты исторического исследования Луиджи Эйнаути, посвященного «мнимым деньгам» Средневековья. Вопреки мнению Тимберлейка, это исследование вовсе не доказывает, что расчетная денежная единица может быть «мнимой» по отношению к средствам обмена, а просто знакомит с тем, как в разных странах устанавливалось разное соотношение между золотом и серебром. См.: Luigi Einaudi, “The Theory of Imaginary Money from Charlemagne to the French Revolution,” in *Enterprise and Secular Change*, F.C. Lane and J.C. Riemersma, eds. (Homewood, Ill.: Richard D. Irwin, 1953), pp. 229–261; Richard Timberlake, *Gold, Greenbacks, and the Constitution* (Berryville, Va.: George Edward Durell Foundation, 1991); Murray N. Rothbard, “Auophobia, or Free Banking on What Standard?” *Review of Austrian Economics* 6, no. 1 (1992): 97–108.

рофических по своим последствиям экспериментов, таких, как Миссисипская компания Джона Ло и «пузырь Южных морей» в 1710-х гг., а также растянувшийся на четверть века наполеоновских войн британский эксперимент, до XX в. стандартными мировыми деньгами была звонкая монета, а не бумажные деньги.

В условиях классического золотого стандарта денежная единица каждой страны определяется соответствующим весом золота, а потому эмитент (правительство или центральный банк) должен был погашать банкноты золотыми монетами установленного веса. Если в системе международных расчетов использовались золотые слитки, то в быту граждане использовали золотые монеты. По понятным причинам любой эмитент денег стремится выпустить как можно больше бумажных денег, но в условиях золотого стандарта правительства и центральные банки вынуждены были считаться с тем, что они обязаны немедленно погашать предъявляемые им банкноты звонкой монетой. Известно данное Кантьееном и Юмом описание механизма международных расчетов и движения цен: если страна, скажем Франция, эмитирует банкноты или депозиты на сумму, превышающую ее золотой запас, объем франков в обращении увеличивается. Это увеличение количества франков и дохода, выражаемого в франках, ведет к: (а) росту внутреннего и внешнего спроса, а значит к увеличению импорта; (б) росту цен на внутреннем рынке Франции, что делает французские товары менее конкурентными за рубежом и, соответственно, сокращает экспорт, а иностранные товары делаются более привлекательными и это оборачивается ростом импорта. В результате возникает дефицит платежного баланса и требование английских, американских или голландских экспортеров к французским банкам обменять бумажные франки на золото. Короче говоря, поскольку в системе с частичным резервированием бумажные деньги и банкноты эмитируются кратно запасам золота, расширение эмиссии сопровождается ослаблением покрытия раздувшихся банковских обязательств. У клиентов, имеющих на руках французские банкноты или счета до востребования, может возникнуть бес-

покойство, они теряют веру в устойчивость французских банков и предъявляют им бумажные деньги для погашения золотом, что создает для банков риск опустошительного набега клиентов. Результатом оказывается, как правило, внезапное и паническое сжатие объема банкнот, вместо инфляционного бума воцаряется рецессия, происходит дальнейшее сжатие объема банкнот и депозитов, и в результате такого сокращения количества франков цены на внутреннем рынке Франции падают. Дефицит платежного баланса сменяется профицитом, и золото начинает рекой притекать в хранилища французских банков.

Короче говоря, классический золотой стандарт эффективно ограничивает склонность монопольного эмитента денег к неограниченному наращиванию денежной массы. Как отмечал Людвиг фон Мизес, международный механизм перемещения звонкой монеты являет собой также верную, хотя и примитивную модель делового цикла. Хотя наличие центрального банка и режим частичного резервирования создавали условия для цикла бум–крах, масштабы инфляционных бумов и компенсирующих крахов были жестко ограничены⁵. Классический золотой стандарт был далек от совершенства и там было немало проблем, но система в целом работала достаточно хорошо, чтобы по окончании Первой мировой войны мир вспоминал о ней с понятной ностальгией⁶.

⁵ Бумы не обязательно сопровождаются ростом уровня цен. Если, как это было на протяжении большей части XIX в., рост производства вызывает снижение цен, то в результате инфляционного бума цены просто оказываются выше, чем в отсутствие кредитно-денежной экспансии.

⁶ До 1914 г. Соединенные Штаты были единственной крупной державой, не имевшей центрального банка, но в период между Гражданской войной и 1914 г. функцию центрального банка исполняла квазицентрализованная система национальных банков. Монополия на эмиссию банкнот принадлежала не центральному банку, а группе имевших федеральные лицензии крупных «национальных банков», расположенных в Нью-Йорке и других крупных городах Восточного побережья.

Британия в послевоенном мире

К концу Первой мировой войны только американский доллар сохранил довоенный золотой паритет, составлявший примерно $\frac{1}{20}$ унции. Другие державы пострадали от системы неразменных бумажных денег, их денежные единицы утратили связь с определенным весом золота и превратились в условные названия – фунт стерлингов, франк, марка и т.п., курсы валют падали относительно золота, а относительные валютные курсы постоянно менялись. Если не считать таких диссидентов, как Джон Мейнард Кейнс из Кембриджа, все признавали нетерпимость сложившейся системы и необходимость восстановить мировой валютный порядок, в том числе мировые деньги и средство обмена. Великобритания находилась в эпицентре европейского валютного кризиса. Поскольку до войны Лондон был главным финансовым центром мира, а теперь Британия доминировала в возникшей после войны Лиге наций и, в частности, в важнейшем Экономическо-финансовом комитете Лиги, то на нее легла основная ответственность за решение проблемы. Кроме того, несмотря на инфляцию и обесценивание британский фунт был в существенно лучшем состоянии, чем деньги других крупных европейских стран. Так, если в феврале 1920 г. курс фунта стерлингов к золоту снизился по сравнению с 1914 г. на 35%, то французский франк потерял в цене 64%, бельгийский франк – 62, итальянская лира – 71%, а немецкая марка – 96%⁷. Понятно, что именно Британия имела возможности возглавить движение к новому мировому монетарному порядку, и она ревностно принялась за это дело, ставшее последним напоминанием о ее бывшей имперской ответственности.

Британцы, естественно, решили, что сложившаяся в ходе войны система колеблющихся курсов национальных валют неприемлема, и что жизненно важно вернуться к надежным мировым деньгам, к золотому стандарту. Но одновременно они решили, что должны вернуться к довоенному золотому паритету 4,86 долл. за фунт. По всей видимости, никто или

⁷ Palyi, *The Twilight of Gold*, pp. 38–39.

почти никто из экономистов и государственных деятелей того времени не выступил за то, чтобы списать потери Британии, признать новые реалии, сложившиеся к началу 1920-х гг., и установить золотой паритет на реалистичном уровне, понизив его до 3,20 или 3,50 долл. за фунт. В свете непреодолимых трудностей, созданных восстановлением довоенного золотого паритета, трудно понять, почему было так мало сторонников у решения установить реалистичный золотой курс или, что то же самое, почему столь многие ратовали за восстановление довоенного курса⁸. Установление золотого курса фунта на 30–35% выше его рыночного уровня означало, что английский экспорт, которым страна оплачивала импорт жизненно необходимой продукции, оказывался неконкурентоспособным на мировых рынках. Угольная, текстильная, сталелитейная и судостроительная промышленность, которые обеспечивали довоенное процветание, в 1920-х гг. оказались в кризисе и породили массовую безработицу. Чтобы избежать депрессии в экспортных отраслях, Британии следовало резко сократить объем денежной массы и уровень цен и, таким образом, восстановить конкурентоспособность их продукции на мировых рынках. Но мощные профсоюзы, которых не было в довоенную эпоху, исключили возможность понижения уровня заработной платы. Одной из причин этого была обширная и рачительная система страхования от безработицы. Таким образом, вместо того чтобы избрать жесткую дефляционную политику, которая бы обеспечила возвращение к довоенному золотому паритету, Британия настаивала на противоположной политике: на продолжении денежной инфляции и политике низкого процента и дешевых денег. Британия выбрала денежную политику, основанную на трех решительно заявленных, но внутренне противоречивых идеях: (1) возврат к золотому стандарту; (2) установление значительно завышенного курса фунта стерлингов – 4,86 долл.; (3) продолжение политики ин-

⁸ Одним из первых английских критиков решения восстановить довоенный курс был Лайонел Роббинс См: Lionel Robbins, *The Great Depression* (New York: Macmillan, 1934), esp. pp. 77–87.

фляции и дешевых денег. Великобритания проявила чудеса изобретательности, маневрируя на арене мировых финансов, но программа, опиравшаяся на столь несовместимые идеи, была обречена на провал.

Почему британцы настаивали на восстановлении завышенного довоенного золотого паритета? Отчасти это было проявлением тщетного стремления восстановить былую славу, вернуть время, когда Лондон был финансовым центром мира. Похоже, что британцы не вполне осознавали значение того факта, что США вышли из войны в качестве основного кредитора и самой сильной в финансовом отношении страны, что Нью-Йорк или Вашингтон необратимо превращались в центр финансового доминирования. Британцам казалось, что если они вернут традиционный паритет, 4,86 долл. за фунт, к ним вернется и финансовое превосходство. Несомненно, в Британии была жива память о том, как после двадцатилетней войны против Французской революции и Наполеона фунт быстро преодолел состояние упадка и золотой паритет восстановился на довоенном уровне. Но тогда быстрое восстановление золотого паритета оказалось возможным благодаря тому, что в ходе неизбежной послевоенной рецессии произошло резкое сжатие объема денежной массы и соответственно понизился уровень цен⁹. Но в 1920-х гг. британцы явно не отдавали себе отчета в том, что, во-первых, восстановление золотого паритета на уровне, существовавшем до наполеоновских войн, потребовало сильной дефляции; и, во-вторых, возникшая в Британии негибкая система цен и заработной платы не приспособлена к проведению дефляционной политики. Поэтому британцы настаивали на том, чтобы сохранить свой торт и при этом съесть

⁹ К окончанию наполеоновских войн фунт стерлингов обесценился на 45%. После окончания войны фунт вернулся практически к довоенному золотому паритету. Этому результату способствовали: (а) всеобщая уверенность в том, что Британия вернется к золотому стандарту; и (б) сжатие денежной массы за один год, с 1815 по 1816 г., на 17%, что обеспечило падение уровня цен на 63%. См.: Frank W. Fetter, *Development of British Monetary Orthodoxy, 1797-1875* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965).

его: получить все выгоды конвертируемого в золото по завышенному курсу фунта стерлингов, но при этом продолжить политику инфляции и дешевого кредита.

Другой причиной возврата к курсу 4,86 долл. за фунт было желание могущественного лондонского Сити – финансистов, владевших значительной частью накопленного за войну государственного долга, получить свой долг фунтами, имеющими довоенное содержание золота и прежнюю покупательную способность. Поскольку британцы пытались теперь поддержать более чем вдвое больший объем денежной массы на основе примерно такого же запаса золота, как и до войны, а в других европейских странах уровень инфляции бумажных денег был еще выше, все они в 1920-е гг. жаловались на «нехватку» золота или дефицит «ликвидных средств». В этих жалобах выражалась неспособность понять тот простой факт, что на рынке «дефицит» возможен только при искусственно заниженной цене товара. Существовавший в 1920-е гг. «дефицит золота» был следствием искусственно заниженной «цены» золота, иными словами, искусственно завышенного паритета европейских валют, установленного в 1920-е гг. при возвращении к золотому стандарту.

Точнее говоря, поскольку золотое содержание фунта было установлено на завышенном уровне, в 1920-е гг. Британия страдала из-за оттока золота за границу. Или, иными словами, завышенный курс фунта в соответствии с классической моделью перетока золота в ответ на колебания уровня цен вытаскивал золото из Британии, чтобы покрыть дефицит платежного баланса, что оказывало на британскую банковскую систему серьезное давление в пользу сжатия денежной массы. Но каким образом послевоенная Британия могла сохранить свою противоречивую денежную политику и при этом избежать разрушительного оттока золота, грозившего банковским крахом и хозяйственным кризисом?

Возвращение к курсу 4,86 долл. за 1 фунт: комитет Канлиффа и последующие события

Послевоенная политика Британии была определена еще в ходе войны. В январе 1918 г. министерство финансов Великобритании и министерство реконструкции учредили комитет Канлиффа, Комитет по денежному обращению и иностранной валюте в послевоенный период, возглавлявшийся уважаемым лордом Уолтером Канлиффом, отставным управляющим Банка Англии. Уже в первом предварительном докладе, представленном летом 1918 г., комитет Канлиффа заявил о желательности возврата к довоенному золотому паритету, и эта же рекомендация год спустя была повторена в окончательном отчете. Альтернативные варианты даже не рассматривались¹⁰. В 1918 г. комитет Вассара–Смита по финансам, составленный преимущественно из представителей промышленности и торговли, целиком поддержал рекомендации комитета Канлиффа. Меньшинство банкиров, включая сэра Брайана Кокейна и будущего управляющего Банка Англии Монтэгу Нормана, призывало немедленно восстановить довоенный золотой паритет, но они были вынуждены подчиниться большинству, которое следовало за Артуром Сесилом Пигу, выдающимся кэмбриджским экономистом и уже утвержденным наследником профессорской кафедры Альфреда Маршалла. Пигу доказывал необходимость отложить восстановление золотого стандарта, надеясь на то, что иностранные займы и прежде всего американская инфляция помогут сгладить трудности переходного периода. Надежда на американскую инфляцию обсуждалась на протяжении всех 1920-х гг., потому что при завышенном курсе фунта золото могло перетечь в США, и предотвратить это, сохранив сложившуюся в 1920-х гг. систему, могла только американская инфляция. После того как в конце 1919 г. был отменен валютный контроль и большая часть других видов

¹⁰ Moggridge, *British Monetary Policy*, p. 18; Palyi, *The Twilight of Gold*, p. 75.

ограничений, Британия, не зная толком, когда удастся вернуться к золотому стандарту, наложила эмбарго на экспорт золота и серебра в период с 1920 г. по конец 1925 г., продлив, таким образом, на пять лет действие режима неразменных бумажных денег и заявив обязательство восстановить золотой стандарт к концу этого срока. Британия была просто вынуждена принять в 1925 г. решение относительно золотого стандарта¹¹.

В 1919–1920 гг. США и Великобритания пережили традиционный послевоенный бум, ставший продолжением инфляции военного времени, за которым в 1921 г. последовала суровая корректировка: рецессия и дефляция. Английская дефляция была недостаточно глубока, чтобы сделать реалистичным завышенный курс фунта, поскольку США, владевшие теперь самым большим запасом золота, пережили параллельную дефляцию. В 1924 г. курс фунта стерлингов относительно золота начал расти и это внушило британцам ложную мысль, что английская валюта при курсе 4,86 долл. за 1 фунт стерлингов не будет переоценена. В действительности рост котировок отражал лишь уверенность спекулянтов в том, что в 1925 г. будет восстановлен золотой стандарт с курсом 4,86 долл. за фунт.

Критически важный момент: во время войны и в послевоенные годы в Англии цены и заработная плата росли параллельно, но снижались они разными темпами. Когда в 1920–1921 гг. уровень цен резко упал, уровень заработной платы снизился незначительно, оставшись намного выше довоенного уровня. Рост реальной заработной платы, вызвавший высокую хроническую безработицу, стал проявлением возникшей в послевоенные годы негибкости заработной платы к понижению, причиной чего были усиление профсоюзов и новые программы страхования по безработице¹².

¹¹ R. S. Sayers, "The Return to Gold, 1925" (1960) in *The Gold Standard and Employment Policies Between the Wars*, Sidney Pollard, ed. (London: Methuen, 1970), p. 86.

¹² Palyi, *The Twilight of Gold*, p. 155; Benjamin M. Anderson, *Economics and the Public Welfare: Financial and Economic History of the United States, 1914–1946* (Princeton, N. J.: Van Nostrand, 1949), p. 74.

Состояние английской экономики в 1922–1924 гг., в частности высокий уровень безработицы и спад в экспортных отраслях в период восстановления хозяйства от послевоенной депрессии, должны были заставить британцев задуматься. В 1851–1914 гг. безработица в Великобритании составляла 3%; в период послевоенного бума в 1919–1920 гг. она упала до 2,4%. Но в период «выздоровления» от послевоенной депрессии уровень безработицы колебался между 9 и 15%. Было очевидно, что что-то не так.

Высокая безработица не случайно поразила экспортные отрасли промышленности Британии. В 1924 г. большинство отраслей, работавших на внутренний рынок, были в довольно приличном состоянии по сравнению с 1913 г. Если принять уровень 1913 г. за 100, реальный валовой внутренний продукт составил в 1924 г. 92, потребительские расходы – 100, расходы на строительство – 114, а валовая сумма вложений в основной капитал – даже 132. Но если в 1924 г. объем импорта в постоянных ценах составлял 100, то аналогичный показатель для экспорта был всего 72. Либо, если мерить в текущих ценах, в 1924 г. по сравнению с 1913 г. объем британского импорта составил 111, а экспорта – только 80. Мировой экспорт, напротив, составил 107 по сравнению с уровнем 1913 г.

О проблемах британского экспорта можно судить по судьбе традиционных экспортных отраслей в 1920-е гг. По сравнению с 1913 г. экспорт чугуна и стали составил в 1924 г. 77,5%, хлопковых тканей – 65, угля – 80, экспортные заказы на строительство судов упали до жалких 35%. В результате Британия оказалась должником экономически сильных Соединенных Штатов, но при этом являлась кредитором финансово слабых Франции, Италии и России¹³.

Следует понимать, что причиной тяжелого положения экспортных отраслей был завышенный курс фунта, и даже в период выхода из рецессии в экспортных отраслях сохранялась высокая безработица, потому что профсоюзы препятствовали снижению денежной заработной платы, а успеху их политики

¹³ Moggridge, *British Monetary Policy*, pp. 28–29.

способствовала система страхования по безработице¹⁴.

Споры и конфликты по поводу рекомендаций комитета Канлиффа с 1918 г. и до восстановления золотого стандарта в 1925 г. нередко были весьма алогичными и парадоксальными. Критиков комитета и его рекомендаций клеймили как инфляционистов и врагов традиционного номинала. Среди противников были Дж. М. Кейнс, Федерация британской промышленности – влиятельная ассоциация производителей и сэр Реджинальд Маккенна, министр финансов военного времени, а после войны – глава мощного «Мидленд бэнк». При этом большинство инфляционистов и противников дефляции (за исключением Кейнса и Питера Райлендса, президента Федерации британской промышленности в 1921 г.) были согласны с идеей восстановления довоенного номинала. Таким образом, критики дефляции и сторонники дешевых денег заняли алогичную позицию: они желали возврата к завышенному курсу фунта, но при этом отрицали логику такого возвращения, а именно дефляцию, которая могла бы вернуть английскому экспорту конкурентоспособность на мировых рынках. Так, Маккенна, который открыто поддерживал политику инфляции и дешевых денег и не особо заботился о стабильности валютного курса или золотом содержании, приветствовал идею возврата к курсу 4,86 долл. за фунт. Федерация британской промышленности, которая осознавала опасность растущей негибкости заработной платы, опасалась дефляции, и Питер Райлендс, бывший ее президентом в 1921 г., энергично настаивал, что стабильность валютного курса «намного важнее, чем восстановление довоенного курса» и даже защищал возобновление конвертации по более разумному курсу 4,00 долл. за фунт:

Мы привыкли к курсу... примерно 4 долл. за фунт, и мне представляется, что в интересах производителей следовало бы

¹⁴ Очень жаль, что д-р Мельхиор Пальи в своей ценной, глубокой и стоящей на антиинфляционистских позициях работе о межвоенном периоде оказался слеп к проблемам, возникшим из-за стремления вернуться к довоенному золотому паритету. Все идеи такого рода Пальи считает «кейнсианскими» (Palyi, *The Twilight of Gold*, passim).

как-то зафиксировать курс на этом уровне и сохранить его навсегда¹⁵.

Но если не считать Райлендса, все прочие противники дефляции были не против восстановления довоенного золотого паритета. Почему?

Влиятельный журнал «Раунд тейбл» в одном из своих номеров обратил внимание на эту алогичность:

Хотя очень многие желают возвращения фунта стерлингов к золотому паритету, очень немногие, насколько нам известно, требуют в данный момент проведения дефляционной политики для достижения этого результата, которая вызвала бы дальнейшее падение цен¹⁶.

Есть несколько возможных решений этой загадки, и смысл каждого из них в том, что при возврате к довоенному паритету можно обойтись без дефляционной корректировки цен. Прежде всего существовало устойчивое ожидание, совпадавшее с первоначальной точкой зрения Пигу, что все утрясется благодаря американской инфляции, и курс 4,86 долл. за фунт будет достигнут сам собой. К этому аргументу обращались журнал «Раунд тейбл», Маккенна и его друг Ф. Гудинаф, банкир-диссидент, председатель «Барклиз бэнк».

На второй аргумент мы уже ссылались: неизбежное [из-за действий спекулянтов, веривших в восстановление золотого стандарта по довоенному курсу] стремление курса фунта стерлингов к номиналу по мере приближения предполагаемого часа икс заставило многих ошибочно полагать, что рынок подтверждает правильность выбранного курса фунта. Особого внимания заслуживает третий оптимистический аргумент: британцы незаметно меняют правила игры и возвращаются к более слабому «золотому стандарту», радикально отличающемуся от существовавшего до войны:

¹⁵ Из обращения к ежегодному собранию Федерации британской промышленности в ноябре 1921 г. См.: L. J. Huime, "The Gold Standard and Deflation: Issues and Attitudes in the 1920s" (1963) in *The Gold Standard*, Pollard, ed., p. 141.

¹⁶ *Round Table* 14 (1923), p. 28, цит. по: *ibid.*, p. 136.

Когда весной 1925 г. британское правительство окончательно сделало выбор в пользу установления золотого паритета на уровне 4,86 долл. за фунт, полковник Ф. В. Уилли, глава Федерации британской промышленности, был одним из немногих, кто проявил проницательность и выступил с тревожным предупреждением:

Сегодняшнее заявление... быстро вернет паритетное отношение между фунтом и долларом и... усугубит сегодняшние трудности нашей экспортной торговли, которая уже сейчас страдает от чрезмерного повышения курса фунта, не оправданного относительным уровнем цен в фунтах и в золоте¹⁷.

Путь к окончательному решению о возврате к золотому стандарту был проложен Комитетом по денежному обращению и эмиссии банкнот Банка Англии, назначенным 5 мая 1924 г. министром финансов Филиппом Сноуденом по предложению влиятельного служащего министерства финансов сэра Отто Нимейера. Сопредседателями этого комитета, известного как комитет Чемберлена–Брэдбери, были бывший министр финансов сэр Остен Чемберлен и сэр Джон Брэдбери, бывший член комитета Канлиффа. Членами комитета были также Нимейер и профессор Пигу из комитета Канлиффа. Мы располагаем полными стенограммами слушаний комитета и знаем, какие аргументы были использованы, чтобы убедить министра финансов Черчилля вернуться к золотому стандарту в следующем году. Главной темой были дефляция и спад в экспортных отраслях, которых надеялись избежать благодаря росту цен в США, что могло бы укрепить экспортные позиции Британии и предотвратить утечку ее золота в США. Так, сэр Чарльз Эддис, участвовавший в работе комитета Канлиффа, директор Банка Англии, советам которого особенно доверял Управляющий банка Монтегю Норман, призвал вернуться к золотому стандарту в 1925 г. Эддис высказался за любую дефляцию, которая помогла бы Лондону вернуть статус финансовой столицы мира, но он рассчитывал на рост цен в США. Выслушав мнения множества экспертов, комитет рекомендо-

¹⁷ *The Times* (London) April 29, 1925, цит. по: *ibid.*, p. 144.

вал подождать с решением о золотом стандарте до 1925 г., чтобы за это время цены в Америке успели вырасти. Брэдбери написал Гаспару Фарреру, директору «Барклиз бэнк» и члену комитета Канлиффа, что стоит подождать: «Есть шанс, что в сравнительно недалеком будущем Америка даст золоту обесцениться до уровня стерлинга»¹⁸. В начале сентября 1924 г. на сцене опять появляется Пигу, переработавший предварительный отчет секретаря комитета в собственный меморандум. Пигу еще раз подчеркнул, что рост цен в Америке весьма вероятен, а потому можно будет не прибегая к значительной дефляции восстановить золотой стандарт при курсе 4,86 долл. за фунт. Опираясь на рекомендации Пигу, комитет Чемберлена–Брэдбери в октябре представил предварительный доклад, в котором настаивал на том, чтобы к концу 1925 г. страна вернулась к золоту с курсом 4,86 долл. за фунт, и выражал надежду, что за это время рост цен в Америке нивелирует существующий 10–12%-ный разрыв в уровне цен между Британией и США¹⁹.

¹⁸ Bradbury to Farrer, July 24, 1924. Moggridge, *British Monetary Policy*, p. 47.

¹⁹ Самым очаровательным из выступлений на слушаниях комитета, бесспорно, был доклад Эдвина Кэннана, профессора Лондонской школы экономики, убежденного сторонника экономической свободы и твердых денег. В отличие от остальных сторонников курса 4,86 долл. за фунт Кэннан отлично осознавал, что восстановить золотой стандарт без сильной дефляции не удастся, а необходимое понижение заработной платы порождает немалые трудности и безработицу, поскольку действует мощная система страхования по безработице, которая делает положение безработных «намного более комфортабельным, чем прежде». В этой ситуации, делает вывод Кэннан, единственное, что остается, это немедленно восстановить золотой стандарт при курсе 4,86 долл. за фунт и покончить с этим делом. Как писал тогда Кэннан, необходимые корректировки «следует воспринимать в том же свете, что и советы друзей пьянице или моту, от которого требуют держаться по-мужски» (Ibid., pp. 45–46; Edwin Cannan, *The Paper Pound: 1797–1821*, 2nd ed. (London: P. S. King, 1925), p. 105, цит. по: Murray Milgate, “Cannan, Edwin,” in *The New Palgrave: A Dictionary of Economics*, Peter Newman, Murray Milgate, and John Eatwell, eds. (New York: Stockton Press, 1987), p. 316).

Даже Ральф Хоутри, влиятельный чиновник министерства финансов, друг и верный сторонник Кейнса, столь же пылкий инфляционист, противник золота и главный архитектор европейского золотодевизного стандарта 1920-х гг., выступал за то, чтобы в 1925 г. вернуться к золотому паритету по курсу 4,86 долл. за фунт стерлингов. В отличие от Кейнса он был уверен в том, что тяготы коррекции будут облегчены ростом цен в США²⁰.

В начале октября 1924 г. в Великобритании пало лейбористское правительство, а на общих выборах в конце октября к власти пришли консерваторы. Внимательно выслушав Кейнса, Маккенну и других критиков золотого стандарта, проведя 17 марта ставший знаменитым званый обед с участием главных экспертов по реформе денежного обращения, новый министр финансов Уинстон Черчилль 20 марта принял окончательное решение о возврате к золотому стандарту с курсом 4,86 долл. за фунт стерлингов. Соответствующий закон был принят 28 апреля, и новый золотой стандарт в тот же день вступил в силу²¹.

Нужно отдавать себе отчет в том, что решение Британии о возврате к золотому стандарту с курсом 4,86 долл. за фунт стерлингов было принято с полным пониманием проблем дефляции и кризиса экспортных отраслей и в уверенности, что проблемы будут решены благодаря неминуемой американской инфляции. Этот расчет ясно сформулирован в заверениях,

---

Нельзя не восхищаться присущим Кээннану чувством справедливости, но, учитывая характерную для того времени остроту политической вражды, было бы, пожалуй, разумнее вернуться к более реалистичному и низкому курсу фунта по отношению к золоту.

²⁰ Moggridge, *British Monetary Policy*, p. 72.

²¹ На самом деле до 31 декабря 1925 г. продолжал действовать закон о запрете на экспорт золота, в силу чего золотой стандарт до этого срока действовал в усеченном виде (Palyi, *The Twilight of Gold*, p. 71). На устроенном Черчиллем званом обеде присутствовали премьер-министр Стэнли Болдуин, министр иностранных дел Остен Чемберлен, Кейнс, Маккенна, Нимейер, Брэдбери и сэр Перси Григг, главный личный секретарь министра финансов (Sir Persy James Grigg, *Prejudice and Judgment* (London: Hutchinson, 1948), pp. 182–184). В то время Черчилль уже сочувствовал позиции Кейнса (см.: Moggridge, *British Monetary Policy*, p. 76).

данных Черчиллю сэром Джоном Брэдбери. На эту инфляцию рассчитывали даже такие осторожные люди, как сэр Отто Нимейер и Монтегио Норман; надежда на нее питала оптимизм Ральфа Хоутри. Эта идея была четко сформулирована в официальном меморандуме министерства финансов, который стал приложением к Закону о золотом стандарте от 1925 г.^{22, 23}

Американская помощь в восстановлении паритета 4,86 долл. за фунт: влияние Моргана

Откуда у британцев была такая уверенность в том, что рост цен в Америке будет достаточен, чтобы поддержать восстановление золотого паритета при курсе 4,86 долл. за фунт? Потому что они знали о возможностях недавно созданного центрального банка США – Федеральной резервной системы и потому что между правительством Британии, Банком Англии и Федеральным резервом существовали дружеские связи. Они

²² Moggridge, *British Monetary Policy*, p. 84 ff.

²³ В составленном для Черчилля меморандуме сэр Отто Нимейер дал красноречивый разнос позиции Кейнса, утверждавшего, что инфляция поможет справиться с безработицей. Нимейер заявлял:

С помощью инфляции (самая зловредная форма субсидирования) можно временно повысить покупательную способность и избавиться от большого запаса продукции. Но если постоянно не наращивать дозу, придет время, когда кредитная система страны окажется разрушенной, и вы не сможете дальше раздувать денежную массу, поскольку деньги утратят всякую ценность. Но еще прежде этого раздутые расходы породят соответствующий спрос, а потому вы столкнетесь с требованиями о росте заработной платы, с забастовками, локаутами и т.п. Полагаю, что с учетом опыта Германии и России [т.е. опытом безудержной инфляции] следует признать, что на этом пути нас не ждет ничего хорошего.

Нимейер заключает, что к занятости ведет только бережливость и накопление капитала, чему способствует стабильная валюта, а не пособия по безработице и прочие паллиативы. К сожалению, Нимейер не уделил здесь внимания вопросу о роли чрезмерно высокой заработной платы в формировании массовой безработицы (*Ibid.*, p. 77).

были уверены, что Федеральный резерв сделает все от него зависящее, чтобы помочь Британии восстановить порядок в мировых финансах.

Чтобы понять природу этой уверенности, нужно разобраться в связях, существовавших между Федеральным резервом и Банком Англии, среди которых главными были их общие связи с «Хаус оф Морган». Банк «Джи Пи Морган энд компани» сыграл ведущую роль в планировании, разработке законодательства и агитации за создание Федеральной резервной системы, с появлением которой в 1914 г. США обрели сомнительные преимущества системы с центральным банком. Задачей Федерального резерва было картелирование банковской системы страны, что открывало возможности для централизации резервов, унификации кредитной политики и создавало в лице Федерального резерва «кредитора в последней инстанции». Монополия Федерального резерва на эмиссию банкнот вытеснила золото с позиций главной валюты страны. Мало того, что большинство директоров Федерального резерва были так или иначе связаны с Морганом, но даже Бенджамин Стронг, сумевший стать абсолютным правителем Федерального резерва с момента его создания до своей смерти в 1928 г., создал себе репутацию и авторитет ведущего банкира Моргана²⁴.

Бенджамин Стронг был протеже Генри «Гарри» Помроя Дэвисона, самого могущественного после самого Моргана компаньона «Хаус оф Морган». Стронг был одновременно соседом и близким другом Дэвисона, а также Дуайта Морроу и Томаса Ламонта – двух других важнейших компаньонов Моргана – по Инглвуду, фешенебельному пригороду Нью-Йорка. В 1904 г. Дэвисон предложил Стронгу пост секретаря в новой моргановской «Бэнкерс траст компани», созданной специально для участия в процветавшем трастовом бизнесе. Дэвисон и Стронг были настолько близки, что когда после рождения

²⁴ Murray Rothbard, «The Federal Reserve as a Cartelization Device: The Early Years, 1913–1930,» in *Money in Crisis*, Barry Siegel, ed. (San Francisco: Pacific Institute for Public Policy, 1984), pp. 93–117.

очередного ребенка жена Стронга покончила самоубийством, Дэвисон взял в свою семью трех его детей. Позднее Стронг женился на дочери президента «Бэнкерс траст» и быстро выдвинулся до положения сначала вице-президента, а потом и президента. В кругу Моргана Стронг пользовался таким доверием, что во время паники 1907 г. Пирпонт Морган пригласил его в качестве личного аудитора. Когда ему предложили ключевой пост управляющего Федеральным резервным банком Нью-Йорка, Стронг поначалу колебался, но потом Дэвисон убедил его, что тот сможет управлять Федеральным резервом как «настоящим центральным банком... прямо из Нью-Йорка»²⁵.

У «Хаус оф Морган» всегда были сильные связи с Англией. Джуниус, отец Пирпонта Моргана и первый банкир в роду, был банкиром в Англии; лондонский филиал банка «Морган, Гренфелл энд компани» возглавлялся влиятельным Эдвардом «Тедди» Гренфеллом (позднее лорд Сент-Джаст). И дед, и отец Гренфелла были директорами Банка Англии и членами парламента, а сам Гренфелл стал директором Банка Англии в 1904 г. В «Морган, Гренфелл энд компани» ведущим партнером Гренфелла был кузен Тедди, Вивиан Хью Смит, позднее лорд Бистер, личный друг Дж. П. Моргана-мл. Отец Смита был не только Управляющим Банка Англии, но и происходил из семьи так называемых «Смитов из Сити», самой плодотворной банковской семьи в английской истории, родоначальник которой стал банкиром еще в XVII в. Благодаря рекомендациям Гренфелла и Смита «Джи Пи Морган энд компани» перед войной получила статус фискального агента министерства финансов Великобритании и Банка Англии. Кроме того, «Хаус оф Морган» издавна помогал воевать французам и англичанам: первым он помогал финансировать франко-прусскую

²⁵ Rothbard, "Federal Reserve," p. 109; Lester V. Chandler, *Benjamin Strong, Central Banker* (Washington, D.C.: Brookings Institution, 1958), pp. 23–41; Ron Chernow, *The House of Morgan: An American Banking Dynasty and the Rise of the Modern Finance* (New York: Atlantic Monthly Press, 1990), pp. 142–145, 182; Lawrence E. Clark, *Central Banking under the Federal Reserve System* (New York: Macmillan, 1935), pp. 64–82.

войну 1870–1871 гг., а вторым – войну с бурами²⁶.

Как только началась Первая мировая война, Гарри Дэвисон ринулся в Англию и заключил крайне выгодную для «Хаус оф Морган» сделку: Морган получил от Франции и Англии до конца войны подряд на закупки всего необходимого в США. В этом Дэвисон получил помощь и содействие посла Британии в Вашингтоне, сэра Сесила Артура Спринг-Райса, личного друга Дж. П. Моргана-мл. Объем военных закупок составил астрономическую сумму 3 млрд долл., а «Хаус оф Морган» заработал 30 млн долл. комиссионных. Кроме того, «Хаус оф Морган» сумел обеспечить получение французских и британских военных контрактов для своих фирм – «Дженерал электрик», «Дюпон», «Бетлехем стил», «Юнайтед Стейтс стил», а также для ассоциированных компаний, таких, как «Дюпон компани», металлургические заводы Гугенхаймов, «Кеннекотт коппер» и «Америкэн смелтинг энд рефайнинг».

Для оплаты военных поставок Британии и Франции пришлось выпустить громадные облигационные займы в Соединенных Штатах, и Морганы получили монополию на размещение этих займов. Это стало для Морганов источником дополнительной прибыли.

Благодаря этому «Хаус оф Морган», который перед войной нес большие убытки, вышел из кризиса и от всей души желал победы Британии и Франции. Ничего удивительного, что Морганы сделали все возможное, чтобы вовлечь США в Первую мировую войну на стороне Англии и Франции.

После того как весной 1917 г. США вступили в войну, Бенджамин Стронг в качестве главы Федерального резерва удвоил объем денежной массы для оплаты военных расходов, а правительство США приняло на себя ответственность за финансирование союзников²⁷. После вступления США в войну

²⁶ Франция, которая издавна пользовалась услугами парижского филиала «Morgan Harjes», также выбрала в качестве своего фискального агента «Хаус оф Морган» (Chernow, *House of Morgan*, pp. 104–105, 186, 195; Sir Henry Clay, *Lord Norman* (London: Macmillan, 1957), p. 87).

²⁷ О взаимосвязях между Морганами, союзными державами, иностранными займами и Федеральным резервом, а также о роли Мор-

Стронг при поддержке и содействии министра финансов Уильяма Гиббса Макаду смог всецело подчинить Федеральный резерв своему влиянию. Макаду впервые сделал Федеральный резерв единственным фискальным агентом министерства финансов, отказавшись от услуг Независимой казначейской системы, предназначенной для депонирования казенных средств и оплаты государственных расходов. За время войны через Федеральный резервный банк Нью-Йорка была продана почти половина государственных облигаций; через этот банк министерство финансов проводило почти все валютные операции, и оно служило центральным депозитарием для средств других федеральных резервных банков. Благодаря этой поддержке министерства финансов Стронг и Федеральный резервный банк Нью-Йорка к концу войны стали доминирующим центром американских финансов. Сам Макаду перед тем как стать министром финансов, был обласкан Дж. П. Морганом-мл., который помог ему выбраться из финансовой ямы²⁸.

Сразу же после назначения на новый пост Бенджамин Стронг начал продвигать проект «международного сотрудничества между центральными банками», что обозначало координацию или картелирование инфляции, поскольку в условиях классического золотого стандарта не было никакой необходимости в подобном сотрудничестве. В феврале 1916 г. Стронг

ганов в вовлечении США в войну см.: Charles C. Tansill, *America Goes to War* (Boston: Little, Brown, 1938), pp. 32–143; Chernow, *House of Morgan*, pp. 186–204. Очень характерный штрих: британцы освободили почтовую переписку руководящих сотрудников «Хаус оф Морган» от жесткой военной цензуры. Дж. П. Морган-мл. и его ключевые компаньоны и сотрудники получили особые кодовые имена (*Ibid.*, pp. 189–190).

²⁸ Rothbard, “Federal Reserve,” pp. 107–108, 111–112; Henry Parker Willis, *The Theory and Practice of Central Banking* (New York: Harper and Brothers, 1936), pp. 90–91; Chandler, *Benjamin Strong*, p. 105. Созданный военными расходами дефицит федерального бюджета был профинансирован Облигационным займом Свободы, который раскрутил уолл-стритский юрист, сосед Макаду по нью-йоркскому пригороду Йонкерс. Этот человек, Расселл Леффингвелл, стал после войны ведущим компаньоном Моргана (Chernow, *House of Morgan*, p. 203).

прибыл в Англию, где выработал соглашение о тесном сотрудничестве между Федеральным резервным банком Нью-Йорка и Банком Англии, в соответствии с которым оба центральных банка открывали счета друг для друга, а Банк Англии принимал на себя обязательство регулярно покупать для нью-йоркского банка стерлинговые облигации. Стронг с обычной для него надменностью заявил вашингтонскому Совету управляющих Федерального резерва, что будет развивать практику таких соглашений независимо от того, нравится это Совету управляющих или нет. Совет оробел и решил одобрить эту политику. Аналогичное соглашение было заключено и с Банком Франции²⁹.

²⁹ Rothbard, "Federal Reserve," p. 114; Chandler, *Benjamin Strong*, pp. 93–98. Хотя некоторые члены Совета управляющих Федерального резерва были тесно связаны с Морганом, нельзя сказать, что его люди доминировали там. Из пяти членов Совета управляющих Федерального резерва Пол Варбург был ведущим компаньоном конкурировавшего с Морганом инвестиционного банка «Кун, Лёб», который в период войны подозревали в прогерманских настроениях; Управляющий Уильям П. Г. Хардинг был банкиром из Алабамы, а в совете директоров принадлежавшей его тестю сталеплавильной компании были люди и Моргана, и Рокфеллера; Фредерик Делано, дядя Франклина Рузвельта, был президентом контролируемой Рокфеллером железной дороги «Вобэш рейлвей»; Чарльз Хэмлин, помощник министра финансов Макаду, был юристом из Бостона, через жену вошел в семью, связанную с ориентированной на Моргана железной дорогой «Нью-Йорк сентрал»; наконец, экономист Адольф Миллер, профессор из Беркли, через жену вошел в богатую чикагскую семью Спрэггов, связанную с Морганом. В тот период неизменными членами Совета управляющих Федерального резерва, но только по должности, были министр финансов Макаду и его давнишний сотрудник Джон Скелтон Уильямс, Контролер денежного обращения. Если не считать этих двоих, получается, что в самом начале членами Совета управляющих Федерального резерва были: один человек от инвестиционного банка «Кун, Лёб», один человек Моргана, один – Рокфеллера, видный банкир из Алабамы, равно близкий к группам Моргана и Рокфеллера, и экономист, связанный через жену с кругом Моргана. Поскольку в тот период группы Рокфеллера и Кун–Лёб обычно являлись союзниками, приходится признать, что состав Совета Управ-

Упомянутое соглашение Стронг заключил с управляющим Банком Англии лордом Канлиффом, но поистине роковое значение имела его встреча с тогдашним заместителем управляющего Монтегю Норманом. Эта встреча положила начало мгновенно завязавшейся близкой дружбе между Стронгом и Норманом, а их сотрудничество определило развитие международных финансов в 1920-е гг. В 1920 г. Норман стал во главе Банка Англии, а сотрудничество этой пары длилось до смерти Стронга в 1928 г.

Монтегю Коллет Норман и по отцу и по матери был потомственным банкиром. Его отец был банкиром и находился в родстве с известной в банковском мире семьей Бэрингов, а его дядя был компаньоном в «Бэрингс бразерс». Мать Нормана была дочерью Марка Коллета, компаньона лондонской банковской фирмы «Браун, Шипли энд компани», филиала влиятельной уолл-стритской банковской фирмы «Браун бразерс». Отец Коллета был Управляющим Банка Англии в 1880-х гг. В молодости Монтегю Норман работал в банке своего отца, а потом перешел в «Браун, Шипли»; в конце 1890-х гг. Норман три года проработал в нью-йоркском отделении фирмы «Браун бразерс», где установил личные связи на Уолл-стрит, а по возвращении в Лондон стал компаньоном в «Браун, Шипли».

Крайне замкнутый Монтегю Норман, по словам восхищенного биографа, обычно производил впечатление «вечного заговорщика». Будучи убежденным холостяком, он говаривал, что «Банк Англии – моя единственная любовница, я думаю только о нем и ему посвящена вся моя жизнь»³⁰. Его старейшими и ближайшими друзьями были два главных директора «Морган, Гренфелл»: Тедди Гринфелл и Вивиан Хью Смит. В 1907 г. Смит поддержал колеблющегося Нормана и убедил его принять приглашение занять пост управляющего Банком Англии. Норман был особенно дружен с неизменно веселой и бодрой женой Вивиана, леди Сибиллой, которая посвятила его

ляющих Федерального резерва не был проморгановским (Rothbard, "The Federal Reserve," p. 108).

³⁰ Clay, *Lord Norman*, p. 487; Andrew Boyle, *Montagu Norman* (London: Cassell, 1967), p. 198.

в тайны теософии и оккультизма. Норман, со своей стороны, был крестным многочисленных детей Смита.

Между Стронгом, который развелся со второй женой, и Норманом возникла тесная дружба, длившаяся до самой смерти Стронга. Они часто вместе ездили в отпуск, где регистрировались под вымышленными именами. Они бывали в Бар-Харборе, в Саратогге, а чаще всего отдыхали на юге Франции. Интенсивное личное общение сопровождалось перепиской как личного, так и финансового характера.

Хотя тесная личная дружба и сотрудничество Нормана и Стронга во многом определили развитие международных финансов в 1920-е гг., не следует упускать из вида тот факт, что у обоих были еще теснейшие связи с «Хаус оф Морган». «Монти Норман, – пишет историк Морганов, – был естественным обитателем тайного мира Моргана». Он продолжает:

«Хаус оф Морган» представлял собой неотъемлемую часть стратегии Нормана по реорганизации европейских экономик... Будучи империалистом до мозга костей, он [Норман] хотел сохранить за Лондоном положение финансового центра, а за Банком [Англии] – арбитра мировой валютной системы. В 1920-х гг. он, опираясь на «Хаус оф Морган», оказывал влияние, далеко превосходившее находившийся в его распоряжении скудный капитал.

А что касается Бенджамина Стронга, он

...был накрепко привязан к Моргану. ...Не имея по закону права непосредственно предоставлять займы иностранным правительствам, Стронг нуждался в частном банке, который был бы проводником его политики. Он выбрал «Хаус оф Морган», который получал неисчислимую выгоду от такого покровительства. Фактически дружба Моргана и Стронга превратила в посмешище идею, что Федеральная резервная система сможет обуздать влияние частных банков³¹.

А теперь разберемся в том, как Бенджамин Стронг вселил в британцев уверенность, что можно в 1925 г. восстановить золотой стандарт с курсом 4,86 долл. за фунт. Как мы уже видели,

³¹ Chernow, *House of Morgan*, pp. 244, 246.

для британцев главным условием отказа от дефляции и продолжения инфляционной политики было раскручивание инфляции доллара, чтобы не дать золоту уходить в США. При этом масштаб инфляции в США должен был быть достаточно большим, чтобы курс 4,86 долл. за фунт оказался приемлемым для валютного рынка.

Бенджамин Стронг и Федеральный резерв проводили инфляционную накачку денежной массы с ноября 1921 г. по июнь 1922 г., и за этот период Федеральный резерв утроил свой портфель государственных ценных бумаг и гордо сообщил публике о наращивании резервов и увеличении денежной массы. Руководство Федерального резерва преподносило инфляцию как способ преодоления рецессии 1920–1921 гг., а Монтегю Норман аплодировал дешевизне кредита в США и призывал Стронга к дальнейшему снижению процентных ставок³².

В 1922–1923 гг. Норман продолжал подстрекать Стронга к продолжению инфляции доллара, но тот какое-то время оставался глух к этим уговорам. И вместо того чтобы двигаться все ближе к уровню 4,86 долл., фунт под давлением инфляционной политики британского правительства начал падать на валютных рынках и дошел сначала до 4,44 долл., а к середине 1924 г. – до 4,34 долл. Поскольку почти весь 1923 г. Стронг проболел, Совет управляющих Федерального резерва взял ситуацию в свои руки и распродал большую часть портфеля го-

³² Слишком много говорили о том, что Федеральный резерв, желая увеличить прибыль, случайно открыл инфляционный потенциал операций на открытом рынке. Это открытие не было совсем уж неожиданным. Так, Стронг в апреле 1922 г. писал заместителю министра финансов Паркеру Гилберту, что одной из главных задач покупок ценных бумаг на открытом рынке было «установить такой уровень процента... который облегчил бы иностранцам получение кредитов в этой стране... и создал бы условия для развития бизнеса» (Strong to Gilbert, April 18, 1922). Впоследствии Гилберт стал ведущим компаньоном в «Хаус оф Морган». См.: Murray N. Rothbard, *America's Great Depression*, 4th ed. (New York: Richardson and Snyder, [1963] 1983), п. 2. См. также: *ibid.*, pp. 123–124, 135; Chandler, *Benjamin Strong*, pp. 210–211; Harold L. Reed, *Federal Reserve Policy, 1921–1930* (New York: McGraw-Hill, 1930), pp. 14–41.

сударственных ценных бумаг. Однако в ноябре Стронг вернулся к работе и к январю возобновил операцию по спасению Нормана и инфляционной политики Великобритании. В течение 1924 г. Федеральный резерв купил государственных ценных бумаг почти на 500 млн долл. и увеличил объем денежной массы на 8,3%³³.

Весной 1924 г. Бенджамин Стронг приоткрыл причины проведения инфляционной политики другим высокопоставленным американским чиновникам. Пьеру Джею, чиновнику Федерального резервного банка Нью-Йорка, он объяснил, что в интересах США помочь Британии как можно быстрее вернуться к золотому стандарту, а для этого США должны проводить политику инфляции, чтобы их цены стали чуть выше, чем в Британии, а кредитный процент – чуть ниже. В должный момент, «когда фунт будет близок к паритету», «первоначально тайная» политика кредитной инфляции будет доложена публике. А министру финансов Эндрю Меллону Стронг объяснил, что нужно помочь Британии вернуться к золоту, а для этого США придется провести «постепенную корректировку» уровня цен, чтобы они выросли по отношению к английским ценам. Подъем цен в США, добавил Стронг, «можно обеспечить, если Банк Англии и Федеральная резервная система совместными усилиями добьются снижения процентных ставок в США и их роста в Англии». Стронг заявил, что «бремя корректировки должно в большей степени лечь на нас, чем на них». Почему? Потому что

британскому правительству и Банку Англии было бы трудно в политическом и социальном плане добиться в Англии дальнейшего сокращения издержек, поскольку они уже сейчас стоят перед фактом, что их торговля в плохом состоянии, и миллион безработных сидит на государственных пособиях³⁴.

³³ Это если считать наличные деньги и счета до востребования. Если добавить сберегательные вклады и секьюритизированные кредиты (loan shares), за 1924 г. денежная масса увеличилась на 9% (Rothbard, *America's Great Depression*, pp. 88, 102–105).

³⁴ Strong to Pierre Jay, April 23 and April 28, 1924; Strong to Andrew

Или, если говорить прямо, американцам предлагалось заплатить инфляцией за экстравагантное желание британцев проводить внутренне противоречивую политику возвращения к золотому стандарту при завышенном курсе фунта и сохранении инфляционной политики, а целью всего этого было стремление избежать последствий собственных действий, в том числе создания обширной системы страхования по безработице.

Кроме того, чтобы облегчить британцам восстановление золотого стандарта, Федеральный резервный банк Нью-Йорка в начале января открыл для Банка Англии кредитную линию на 200 млн долл. золотом, усиленную аналогичной кредитной линией на 100 млн долл., предоставленной правительству Великобритании банком «Джи Пи Морган энд компани» (по настоянию Стронга и под гарантии Федерального резерва). Стоит добавить, что предоставление 300 млн долл. кредита было одобрено министром финансов Меллоном и поддержано единогласным решением Совета управляющих Федерального резерва³⁵.

Благодаря американской инфляции и мощной кредитной подпитке правительству Британии временно удалось приблизиться к цели. Осенью 1924 г. процентные ставки в США стали на 1,5% ниже, чем в Англии. Отток золота из Британии временно приостановился. Как объяснял в середине 1924 г. Лайонел Роббинс:

События пошли в нужном направлении. Цены в Америке начали расти... Мировые валютные рынки предвкушают восстановление прежнего паритета по отношению к золоту. Курс фунта стерлингов по отношению к доллару повысился с 4,35 до 4,78 долл. Таким образом, весной 1925 г. считалось, что цены в фунтах уже достаточно близки к ценам в золоте, чтобы оправдать восстановление размена на золото по старому курсу³⁶.

Mellon, May 27, 1924; Moggridge, *British Monetary Policy*, pp. 51–53; Rothbard, *America's Great Depression*, pp. 133–134; Chandler, *Benjamin Strong*, pp. 283–284, 293 ff.

³⁵ Rothbard, *America's Great Depression*, p. 133; Chandler, *Benjamin Strong*, pp. 284, 308 ff., 312 ff.; Moggridge, *British Monetary Policy*, pp. 60–62.

³⁶ Robbins, *Great Depression*, p. 80; Rothbard, *America's Great Depres-*

Если сам Монтегю Норман был мастером манипуляций в Англии, то им в свою очередь манипулировали Моргань, стремящиеся к «своей священной цели» – вернуть Англию к золотому стандарту. Тедди Гренфелл, моргановский манипулятор в Англии, писал Моргану: «Как я уже объяснял Вам, наш дорогой друг Монти действует как всегда эксцентрично. Он очень своенравен и скрытен». В конце 1924 г. Норман потерял уверенность в проекте по восстановлению золотого стандарта, и он съездил в Нью-Йорк, чтобы зарядиться уверенностью у Стронга и Дж. П. Моргана-мл. «Джек» Морган выступил с пламенной речью, заявив, что если Британия уклонится от восстановления золотого обращения, «мы потеряем столетиями копившиеся репутацию и моральный авторитет»³⁷.

Не следует думать, что в правительствах 1920-х гг. Бенджамин Стронг был единственным естественным союзником Морганов. Эндрю Меллон, могущественный магнат, который с помощью «Меллон нэшнл бэнк» контролировал «Галф ойл», «Копперс компани» и АЛКОА, в целом был союзником Моргана. Все это десятилетие Меллон занимал пост министра финансов. Хотя президента Уоррена Гардинга, республиканца из Огайо, окружали самые разные группы, ближе всего он был к Рокфеллерам, а его государственный секретарь, Чарльз Эванс Хьюгс, был ведущим юристом «Стэндард ойл» и членом правления фонда Рокфеллера³⁸. Однако внезапная смерть Гардинга в августе 1923 г. сделала высшим должностным лицом США

---

tion, p. 133; Benjamin H. Beckhard, "Federal Reserve Policy and the Money Market, 1923–1931," in *The New York Money Market*, Beckhart et al. (New York: Columbia University Press, 1931), 4, p. 45.

³⁷ Grenfell to J.P. Morgan, Jr., March 23, 1925; Chernow, *House of Morgan*, pp. 274–275.

³⁸ Хьюгс был юристом и одновременно главным экспертом по внешней политике в рокфеллеровской «Стэндард ойл оф Нью-Джерси». О тесных связях Хьюгса с империей Рокфеллера и о том, как их не заметили даже биографы Хьюгса, см. важную, но малоизвестную статью: Thomas Ferguson, "From Normalcy to New Deal: Industrial Structure, Party Competition, and American Public Policy in the Great Depression," *International Organization* 38 (Winter 1984): 67.

вице-президента Калвина Кулиджа.

Кулиджа ошибочно характеризуют как бесцветного адвоката из массачусетской глубинки. На самом деле новый президент был членом видной бостонской финансовой семьи, представители которой входили в советы директоров ведущих банков Бостона. Один из них, Джефферсон Кулидж, сделал карьеру в связанной с Морганом «Юнайтед фрут компани оф Бостон». Кроме того, на протяжении политической карьеры у Кулиджа были два важных наставника, и на обоих истории не обратили внимания. Один – председатель республиканской партии в Массачусетсе Мюррей Крейн, являвшийся директором в трех влиятельных организациях, подчиненных Моргану: «Нью-Хейвен энд Хартфорд рейлроуд», «Гэренти траст компани оф Нью-Йорк» и «Эй-Ти энд Ти», где он был также членом исполнительного комитета совета директоров. Другим был одноклассник по Амхерсту и видный компаньон Моргана, Дуайт Морроу. Морроу начал агитировать за выдвижение Кулиджа на пост президента еще в 1919 г. и продолжал давление на съезде республиканской партии в 1920 г. Дуайт Морроу и компаньон Моргана Томас Кокрэн энергично продвигали кандидатуру Кулиджа в 1919 г. и на съезде республиканцев в 1920 г. в Чикаго. Кокрэн не был выпускником Амхерста и, не имея этого мотива для работы на Кулиджа, держался в тени. Кокрэн и Морроу, видные фигуры из окружения Моргана, сознательно старались не светиться и выдвигали вперед в качестве главного сторонника Кулиджа, бесстрашного бостонского коммерсанта Фрэнка Стернса, которому посчастливилось быть выпускником Амхерста³⁹.

Более того, когда Чарльз Эванс Хьюгс весной 1925 г. вер-

³⁹ Впрочем, Стернс не был знаком с Кулиджем, пока Морроу его не представил. Кокрэн был главным компаньоном Моргана и членом совета директоров в «Бэнкерс траст компани», «Чейз секьюрити корпорейшн» и «Тэксес Галф Салфэр компани». Кстати говоря, Кокрэн был родом со Среднего Запада и не являлся выпускником Амхерста, а потому не имел дружеских обязательств действовать в пользу Кулиджа (Burch, *Elites*, 2, pp. 274–275, 302–303; Harold Nicolson, *Dwight Morrow* (New York: Harcourt Brace, 1935), p. 232).

нулся к частной юридической практике, Кулидж предложил важнейший пост государственного секретаря уолл-стритскому юристу и бывшему госсекретарю и министру обороны Илайхью Руту, которого можно было бы назвать дуайеном «Моргановской коллегии адвокатов». Когда у Моргана как-то возникла критическая ситуация, Рут выступил его личным поверенным. Когда Рут отклонил пост государственного секретаря, Кулиджу пришлось взять менее яркое светило из созвездия Моргана – юриста из Миннесоты Фрэнка Келлога⁴⁰. Заместителем Келлога был Джозеф Грю, имевший семейные связи с Морганами (Дж. П. Морган-мл. был женат на одной из Грю), а в 1927 г. два высокопоставленных деятеля из круга Моргана получили предложение взять под контроль сложные отношения с Мексикой и Никарагуа⁴¹.

В 1924 г. клан Моргана достиг зенита своего политического влияния в США. Дж. П. «Джек» Морган-мл. с глубоким пиететом относился к президенту Калвину Кулиджу, другу и протеже компаньона Моргана Дуайта Морроу. Возможно, Морган был единственным, кто видел в президенте глубокого мыслителя и моралиста. Морган писал другу: «Ни один из известных мне президентов, кроме м-ра Кулиджа, не вызывал у меня такого чувства веры в нашу страну и ее учреждения, в нашу способность разрешить все проблемы».

С другой стороны, на президентских выборах 1924 г. для дома Морганов сложилась на редкость благоприятная ситуация, потому что соперником Кулиджа был кандидат от демократов Джон Дэвис, старший партнер в уолл-стритской фирме

⁴⁰ Что касается Фрэнка Келлога, то в дополнение к тому, что он был директором банка «Мерчантс нэшнл» в Сент-Поле, он выполнял роль консультанта в моргановской «Юнайтед Стейтс стил компани» и, что было еще важнее, являлся ведущим юристом железнодорожного магната Джеймса Хилла, давно и тесно связанного с кругом Моргана.

⁴¹ Компаньон Моргана Дуайт Морроу в 1927 г. стал послом в Мексике, а отношения с Никарагуа отдал в ведение Генри Стимсона, уолл-стритского юриста и давнишнего соратника и компаньона Илайхью Рута (Burch, *Elites*, pp. 277, 305).

«Дэвис, Полк энд Уордуэлл», а также главный юрист в «Джи Пи Морган энд компани». Дэвис, протеже легендарного моргановского компаньона Гарри Дэвисона, являлся также личным другом и партнером Джека Моргана по игре в криббедж и в нарды. Сказочный расклад! Кто бы ни победил на выборах 1924 г., Морганы не могли проиграть, хотя, впрочем, они решили поставить на Кулиджа⁴².

Утверждение нового золотого стандарта в 1920-е гг.

Не монеты, а слитки

Одним из оснований британского оптимизма в отношении возвращения к золотому стандарту было то, что, строго говоря, о золотом стандарте никто и не помышлял. Их привлекал только престиж золота, но без сопутствующих антиинфляционных ограничений. Их целью был не почтенный классический золотой стандарт, а его выхолощенная и неполноценная версия.

Прежде всего в режиме традиционного золотого стандарта бумажные деньги, эмитированные банком или государством, подлежали размену на золото в стандартном весовом соотношении. Тот факт, что бумажные деньги подлежали размену на золотые монеты, которые можно было использовать и в повседневных расчетах, жестко ограничивал масштабы возможной денежной эмиссии. А в режиме нового золотого стандарта британские фунты стерлингов переставали размениваться на золотые монеты – только на «слитки», стоившие многие тысячи фунтов. Эта форма золотого стандарта означала, что в ежедневных сделках золото вообще стало неприменимо, а слитки могли использоваться только крупными международными торговцами.

Принятое 20 марта 1925 г. решение Британского кабинета министров о возвращении к золоту основывалось на соблюде-

⁴² Chernow, *House of Morgan*, pp. 254–255.

нии трех неперемных условий. Во-первых, открытие Соединенными Штатами кредитной линии на 300 млн долл. Во-вторых, банковский процент не должен был увеличиваться после объявления о возобновлении размена на золото, чтобы не возникло антиинфляционного давления на Банк Англии и сжатия кредита. В-третьих, и это, пожалуй, было важнейшим из условий, новый стандарт должен был стать не золотомонетным, а золотослитковым. Министр финансов должен был убедить крупные «клиринговые банки» «приложить все усилия... чтобы не допустить золото во внутренний платежный оборот». Банкиров предупредили, что если они не смогут предотвратить размена бумажных денег на золотые монеты, «придется принять соответствующий закон». Короче говоря, министерство финансов хотело избежать принятия «психологически неудобных и противоречивых законов», запрещающих хождение золота на внутреннем рынке, но при этом хотело гарантировать себя от риска «внутренней утечки» (т.е. предусмотренного законом размена на товарные деньги) из сферы международной торговли в руки безответственной публики или «фанатиков твердых денег»⁴³. Банкиры, возглавлявшиеся Реджинальдом Маккенном, были рады не связываться с разменом на золото, но требовали закрепления этого отказа законом.

Наконец, правительство и банкиры договорились о следующем: банкиры не будут хранить золото, не будут приобретать золотые монеты или золотые слитки для себя или для своих клиентов, пребывающих на территории Соединенного Королевства. Министерство финансов, со своей стороны, составило новую редакцию закона о банковской деятельности, чтобы в случае необходимости принять новый закон и «навязать» ограничение банкирам, которые только о нем и просили.

Согласно принятому в 1925 г. закону о золотом стандарте фунты не могли размениваться на золотые монеты, а только на золотые слитки весом не менее 400 унций золота, стоившие

⁴³ Последняя фраза взята из письма сэра Отто Нимейера Уинстону Черчиллю (February 25, 1925, Moggridge, *British Monetary Policy*, p. 83).

1947 долл. Новый золотой стандарт не был даже полноценным золотослитковым стандартом, поскольку лица, постоянно проживавшие на территории Соединенного Королевства, не получили права на обмен бумажных денег на золото; золотые слитки предназначались только для держателей бумажных фунтов за пределами Великобритании. В Британии был установлен «международный золотослитковый стандарт»⁴⁴.

Целью всего этого – размена только на золотые слитки и только для иностранцев – было изъятие контроля над денежным обращением из рук публики и передача его в руки правительств и центральных банков, которые получили возможность раскручивать денежную инфляцию на основе централизованных запасов золота, находящихся в их руках. Так, когда управляющий Банка Норвегии спросил у Нормана – стоит ли восстанавливать золотой стандарт, тот ответил, что исключительно золотослитковый и только для международных расчетов. И использованные Норманом аргументы весьма поучительны:

В Норвегии очень привыкли к бумажным деньгам, и доверие к ним не зависит от размена на золотые монеты... Использование золота в денежном обороте или для тезаврации делает спрос менее эластичным, а любая неэластичность опасна... Я не верю, что золото, находящееся в обороте, можно с уверенностью рассматривать как резерв, который можно использовать в случае необходимости, и я думаю, что даже во времена изобилия тезаврирования – зло, потому что ослабляет возможность центрального банка управлять денежным обращением, а значит, покупательной способностью денежной единицы.

В силу всего этого, я считаю, что наилучшим вариантом было бы ввести размен исключительно на золотые слитки и в количествах, которые бы гарантировали использование монетарного золота только в международных расчетах^{45, 46}.

⁴⁴ Ibid., pp. 79–83.

⁴⁵ Clay, *Lord Norman*, pp. 153–154; Palyi, *Twilight of Gold*, pp. 121–123.

⁴⁶ Экономист Уолтер Спар воспринимал природу золотомонетного стандарта прямо противоположным образом:

Золотомонетный стандарт дает народу возможность напрямую контролировать то, как правительство употребляет казенные

Норвегия, да и все другие возвращавшиеся к золоту страны прислушивались к советам Нормана. Такое развитие событий стало возможным потому, что во время Первой мировой войны европейские страны систематически изымали золотые монеты из обращения, заменяя их бумажными деньгами и депозитами. В 1920-х гг. классический золотомонетный стандарт сохранился только в США.

Несмотря на подготовленность почвы, Монти Норману и Банку Англии потребовалось немало усилий, чтобы принудить многие страны Европы вернуться не к золотомонетному, а к золотослитковому стандарту. Так, д-р Уильям Адамс Браун пишет:

В некоторых странах нежелание вводить золотослитковый стандарт было столь велико, что преодолеть его удалось только с помощью давления извне... [потребовались] настоятельные уговоры со стороны Банка Англии, что подобное решение будет вкладом в общий успех политики стабилизации. Без этого неформального давления... было бы не избежать попыток возвращения к полноценному золотому стандарту⁴⁷.

Не золотой, а золотодевизный стандарт

При всех недостатках установленного в 1920-х гг. в Британии золотослиткового стандарта главное извращение подлин-

---

средства и злоупотребляет ими... Когда правительства или банки выпускают деньги или иные платежные обязательства таким образом, что возникает сомнение в их полноценности, усомнившиеся могут потребовать золото в обмен... на бумажные деньги или банковские депозиты... Таким образом, золотомонетный стандарт дает в руки каждого, кто использует деньги, известную возможность выразить свое одобрение или неодобрение тому, как правительство управляет денежным и фискальным хозяйством народа (Walter E. Spahr, *Monetary Notes* [December 1, 1947], p. 5, цит. по: Palyi, *Twilight of Gold*, p. 122).

⁴⁷ William Adams Brown, Jr., *The International Gold Standard Reinterpreted, 1914–1934* (New York: National Bureau of Economic Research, 1940), 1, p. 355.

ного золотого стандарта было не в этом. На самом деле тогда произошло возвращение к «золотодевизному стандарту». В режиме золотодевизного стандарта только одна страна, в данном случае Великобритания, сохраняет размен бумажных денег на золото, даже если речь идет только о золотых слитках и об иностранцах. Все остальные европейские страны, даже номинально поддерживавшие золотой стандарт, на самом деле придерживались фунтового стандарта. Короче говоря, типичная европейская страна, скажем, «Руритания», в качестве резервного покрытия своих банкнот держала не золото, а фунты стерлингов, и причем в реальности это были векселя и депозиты, подлежащие погашению фунтами стерлингов в Лондоне. Любой, потребовавший конвертации руританских «руров», получил бы не золото, а британские фунты стерлингов.

Золотодевизный стандарт, таким образом, разрушил налагаемые классическим золотым стандартом ограничения на денежную и кредитную экспансию не только в странах Европы, но и в стране с базовой, или резервной, валютой, в самой Великобритании. В условиях подлинного золотого стандарта чрезмерная эмиссия бумажных фунтов привела бы к тому, что они попали бы в руки иностранцев и те потребовали бы обменять им их на золото. В результате возникла бы утечка золота из резервов Банка Англии, и британцы почувствовали бы необходимость прекратить инфляцию и сжать кредит. Но в условиях золотодевизного стандарта действовал совсем иной механизм. Британия увеличивала количество фунтов в обращении, и это точно так же вело к дефициту торгового баланса и накоплению запасов фунтов стерлингов на счетах иностранных банков. Но теперь европейские страны в качестве резервов начали использовать не золото, а фунты, и, вместо того чтобы потребовать погашения фунтов золотом, они начали наращивать пирамиды собственных бумажных денег на основе резервов, состоящих из фунтов стерлингов. Таким образом, золотодевизный стандарт стал не ограничителем инфляции, а, напротив, стимулом для всех стран проводить инфляцию на базе возросшей массы фунтов. Британия получила возможность, не страшась возмездия, «экспортировать» свою инфля-

цию в другие страны. Таким образом, во имя надежных денег и защиты от инфляции был учрежден псевдозолотой стандарт, задуманный для поощрения строительства перевернутой пирамиды инфляции, опирающейся на точно такую же пирамиду британских фунтов, которая опиралась на неубывающий золотой запас.

Поскольку все прочие страны попались в ловушку инфляционного золотодевизного стандарта, казалось, что единственной страной, которой Великобритании следовало опасаться, были США, поскольку только они одни сохранили подлинный золотой стандарт. Именно по этой причине для Британии было жизненно необходимо, используя Моргана и его влияние, вовлечь США в эту инфляционную систему, чтобы английское золото не уплыло в США.

На остальные страны Европы Британия оказывала давление, побуждая их вернуться к золотому стандарту, ограниченному рядом оговорок: (а) их валюты также должны иметь завышенный курс, чтобы не пострадал британский экспорт и чтобы не слишком вырос британский импорт, иными словами, они должны были следовать в завышении курса своих денег за Британией; (б) в каждой стране предстояло создать с помощью Британии собственный центральный банк, который бы в сотрудничестве с Банком Англии осуществлял инфлирование своих денег; (в) эти страны должны были восстановить не настоящий золотой стандарт, а золотодевизный стандарт, держать резервы в Лондоне и отказаться от использования законного права размещать стерлинговые резервы на золото.

Благодаря этому Британия умудрялась в течение нескольких лет одновременно иметь пирожное и есть его. Она могла наслаждаться престижем восстановленного золотого стандарта, причем при сильно завышенном курсе фунта, и при этом продолжать инфляционную политику дешевых денег. Она инфлировала фунт и видя, что другие страны поддерживают стерлинговые остатки, на их основе инфлировать фунт еще сильнее. Ей удалось убедить другие страны вернуться к золотому стандарту при сильно завышенном курсе своих валют и

продолжать инфляцию их денежных единиц⁴⁸. И кроме того, Британия пыталась поддерживать свой слабеющий экспорт, предоставляя дешевые кредиты другим странам, чтобы те могли покупать британские товары.

Не всем странам пришлось вернуться к завышенному довоенному паритету по отношению к золоту. В 1920-х гг. было выработано следующее правило: (а) к довоенному паритету вернулись валюты тех стран, где, как и в самой Британии, за время войны курс валюты к золоту упал до 60% довоенного уровня (таким было положение в Голландии и в скандинавских странах); (б) валюты, обесценившиеся на 60–90%, должны были вернуться к золотому стандарту, но с курсом, существенно более высоким, чем нижняя граница обесценивания (таким было положение в Бельгии, Италии, Чехословакии и Франции). Курс французского франка, который из-за масштабной инфляции обесценился относительно фунта на 240%, был установлен на уровне 124 франка за фунт стерлингов, т.е. был завышен в два раза. И (в) только валютам, полностью разрушенным гиперинфляцией, как это было в Австрии, Болгарии и, в первую очередь, в Германии, разрешили вернуться к довольно реалистичному курсу по отношению к золоту, хотя и здесь курс был установлен чуть выше нижней точки падения. В результате буквально все европейские валюты страдали от искусственного завышения курса⁴⁹.

Золотодевизный стандарт не был *de novo* изобретен Великобританией в межвоенный период. И до 1914 г. ряд европейских центральных банков держал в качестве резервов не только золото, но и иностранные валюты, однако доля последних была строго ограничена, а кроме того, их хранили не для ма-

⁴⁸ Когда в 1931 г. золотодевизный стандарт рухнул, экономист Паркер Уиллис заметил, что «легкость, с которой в прошлое десятилетие был установлен золотодевизный стандарт, особенно на заемные деньги, подтолкнул многие страны к “стабилизации”... при слишком высоком курсе» (H. Parker Willis, “The Breakdown of the Gold Exchange Standard and its Financial Imperialism,” *The Annalist* (October 16, 1931): 626 ff.).

⁴⁹ Palyi, *Twilight of Gold*, pp. 73–74, 185.

нипуляции денежным обращением, а в качестве прибыльных активов – ведь центральные банки находились в частной собственности и должны были приносить доход акционерам. Но иногда, особенно в случае стран «третьего мира», имел место настоящий золотодевизный стандарт, т.е. обеспечением денежной эмиссии в этих странах служило не золото, а бумажные же деньги колониальной державы (фунты или доллары). Впервые эта система появилась в Индии в конце 1870-х гг. В то время Индия, как и многие страны «третьего мира», придерживалась серебряного стандарта, и замысел метрополии состоял в том, чтобы перевести ее на более устойчивый золотой стандарт. Предполагалось, что резервы на фунтовых счетах Индии в Лондоне – это только временное явление, инструмент перехода к золоту. Но, как и многие другие временные явления, индийский золотодевизный стандарт прижился, и даже получил высокую оценку за современный инфляционный потенциал от Джона Мейнарда Кейнса, в то время только начинавшего свою карьеру с поста экономического эксперта в колониальной администрации. Именно Кейнс, оставивший пост в правительстве Индии ради Кембриджа, провозгласил новую форму организации денежного обращения «хромающим», или несовершенным, золотым стандартом, но при этом «более научной и экономичной системой», которую он же и окрестил золотодевизным стандартом. Как писал Кейнс в феврале 1910 г., «намного дешевле держать счет, который при необходимости легко обратить в золото, в одном из главных финансовых центров мира». В следующем году, выступая на собрании Королевского экономического общества, Кейнс заявил, что из этой новой системы возникнет «идеальная денежная система будущего».

Разрабатывая эти идеи в своей первой книге, «Денежное обращение и финансы Индии» (*Indian Currency and Finance*. London, 1913), Кейнс подчеркнул, что золотодевизный стандарт представляет собой существенный прогресс, поскольку позволяет «экономить» на золоте во внутренних и международных расчетах, а это делает денежную массу более эластичной (традиционный эвфемизм для возможности инфляцион-

ного раздувания кредита) по отношению к деловому циклу. Заглядывая в будущее, Кейнс пророчески предсказал, что традиционный золотой стандарт освободит место для более «научной» системы, основанной на одной или двух резервных валютах. «Предпочтение, оказываемое осязаемой резервной валюте, – жизнерадостно заявил Кейнс, – это... пережиток времен, когда в этих вопросах государству доверяли меньше, чем в наши дни»⁵⁰. Он также был уверен, что Британия является естественным центром новой реформированной организации денежного хозяйства. Книга была еще в гранках, когда Кейнса назначили членом Королевской комиссии по организации финансов и денежного обращения в Индии – для изучения ситуации и представления рекомендаций по реформированию. Кейнс оказался самым авторитетным членом Комиссии, но ему не удалось навязать этой стране идею создания центрального банка. Однако он сумел добиться, чтобы в отчет, законченный в начале 1914 г., была включена в виде приложения его записка о создании центрального банка. Кроме того, своей работой в Комиссии Кейнс умудрился привести в восторг своего престарелого наставника, Альфреда Маршалла, бесспорного авторитета в экономической науке Британии⁵¹.

⁵⁰ Robert Skidelsky, *John Maynard Keynes*, vol. 1, 1883–1920 (New York: Viking Press, 1986), p. 275. См. также: *ibid.*, pp. 272–274; Payli, *Twilight of Gold*, pp. 155–157. Книга Кейнса по большей части содержит апологию созданной в Индии системы. Кроме того, он мягко распекает правительство Британии за то, что оно не создало для управления инфляцией в Индии центральный банк (Skidelsky, *Keynes*, pp. 276–277).

⁵¹ Skidelsky, *Keynes*, pp. 374–383. Тем временем в США, обзаведшихся после войны с Испанией собственными колониальными владениями, правительство, инвестиционные банкиры и экономисты (назовем только Чарльза Конанта, Джереми Дженкса и Джейкоба Холландера) совместно трудились над тем, чтобы навязать золотодевизный стандарт и центральный банк странам Азии и Латинской Америки. В 1920-х г. Эдвин Кеммерер, «целитель денег», ученик Дженкса и последователь Конанта, продолжал эту деятельность по всему «третьему миру» (Edward T. Silva and Sheila Slaughter, *Serving Power: The Making of the Academic Social Science Expert* (Westport, Conn.:

Если Монтегю Норман был фельдмаршалом золотодевизного стандарта в 1920-е гг., то его главным теоретиком был Ральф Хоутри из министерства финансов. Когда в 1919 г. Хоутри дорос до поста директора отдела финансовых исследований министерства финансов, он выступил перед Британской ассоциацией с докладом о «золотом стандарте». Доклад был посвящен режиму золотодевизного стандарта. Хоутри ожидал от него не только установления стабильных обменных курсов, как в предвоенные годы, но также стабилизации покупательной способности золота или мирового уровня цен. Хоутри заявил, что стабильного уровня цен можно достичь с помощью международного сотрудничества и настаивал на использовании индексов мировых цен, т.е. чего-то вроде предложенного в 1911 г. профессором Йельского университета Ирвингом Фишером «табличного» золотодевизного стандарта. На практике такого рода призывы к стабилизации уровня цен, сторонником которых в 1920-е гг. был и Бенджамин Стронг, являлись, по существу, призывами к инфляции цен, для борьбы с естественной для свободной рыночной экономики долгосрочной тенденцией к снижению цен.

В послевоенном мире это стремление к двойной стабилизации означало, что правительствам придется спасти высокий послевоенный уровень цен от угрозы дефляции и, в частности, разряжать европейскую ситуацию «дефицита» золота, неизбежную в условиях раздутой бумажно-денежной массы в европейских странах. Как пишет профессор Эрик Дэвис:

В официальных кругах существовала озабоченность тем, что возвращению к золотому стандарту будет мешать нехватка золота. Цены были намного выше, чем до войны, так что при возвращении к довоенному золотому паритету могла бы обнаружиться нехватка золота... За эту идею ухватился Хоутри: введение золотодевизного стандарта создает условия для эконо-

---

Greenwood Press, 1984), pp. 103–138; Emily S. Rosenberg, “Foundations of United States International Financial Power: Gold Standard Diplomacy, 1900–1905,” *Business History Review* 59 (Summer 1985): 172–198; Robert N. Seidel, “American Reformers Abroad: The Kemmerer Missions in South America, 1923–1931,” *Journal of Economic History* 32 (June 1972): 520–545).

нонии золота. Поскольку страны будут вместо золота держать в резервах иностранную валюту, и, скорее всего, это будут именно фунты стерлингов, для Британии открывалась возможность двойной выгоды: спрос на фунты возрастет, а на золото – понизится⁵².

В Европе главным инструментом внедрения нового золото-девизного стандарта стала Генуэзская финансовая конференция, созванная весной 1922 г. Лигой наций. На предыдущей международной финансовой конференции в Брюсселе в сентябре 1920 г. был создан важный комитет по финансовым и экономическим вопросам, где с самого начала доминировал Монтегю Норман, опиравшийся на своих союзников среди членов комитета. Главой комитета стал чиновник британского министерства финансов сэр Бейсил Блэкетт. Среди видных участников были два ближайших сподвижника Нормана сэр Отто Нимейер и сэр Генри Стракоц. Все участники были яркими сторонниками стабилизации уровня цен. Более того, и главным советником Нормана по проблемам международных валютных отношений был преданный идеям стабилизации уровня цен сэр Чарльз Эддис⁵³.

Подталкиваемый Норманом британский премьер-министр Ллойд Джордж в середине декабря 1921 г. убедил свой кабинет созвать представительную экономическую конференцию для обсуждения вопросов немецких репараций, восстановления хозяйства Советской России, государственного долга и денежной системы. В начале января 1922 г. на съезде Высшего совета союзников Ллойд Джордж убедил делегатов проголосовать за

⁵² Eric G. Davis, "R.G. Hawtrey, 1879–1975," in *Pioneers of Modern Economics in Britain*, D. P. O'Brien and J. R. Presley, eds. (Totowa, N. J.: Barnes and Noble, 1981), p. 219. Речь Хоутри была опубликована как: "The Gold Standard," *Economic Journal* 29 (1919): 428–442. Предложение Фишера см. в: Irving Fisher, *The Purchasing Power of Money* (New York: Macmillan, 1911), pp. 332–346.

⁵³ Rothbard, *America's Great Depression*, p. 161; Paul Einzig, *Montagu Norman* (London: Kegan Paul, 1932), pp. 67, 78; Clay, *Lord Norman*, p. 138; Anne Orde, *British Policy and European Reconstruction After the First World War* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990), pp. 105–118.

созыв общеевропейской конференции по экономическим и финансовым вопросам восстановления Центральной и Восточной Европы. Для подготовки конференции британцы немедленно создали межведомственный комитет по экономическим и финансовым вопросам. Главой комитета стал министр торговли сэра Сидни Чэпмен. Целью комитета Чэпмена было возвращение к золотому стандарту, восстановление системы международного кредита и организация сотрудничества между центральными банками разных стран. 7 марта 1922 г. комитет Чэпмена выпустил предварительный доклад, включавший предложения по валютной стабилизации, по организации сотрудничества между центральными банками и переходу не к подлинно золотому, а к золотодевизному стандарту, при котором каждая страна могла бы самостоятельно выбрать начальный золотой паритет.

Европейская экономическая конференция проходила в Женеве с 10 апреля по 19 мая 1922 г. и состояла из нескольких комиссий, в том числе по вопросам экономики и транспорта. Для нас представляет интерес комиссия по финансовым вопросам, которую возглавил британский министр финансов сэра Роберт Хорн. Финансовая комиссия, в свою очередь, состояла из трех подкомиссий – по вопросам кредита, иностранной валюты и денежного обращения. Кредитная подкомиссия занялась вопросами межгосударственных займов, подкомиссия по иностранной валюте – перспективами ликвидации валютного контроля. Подкомиссия по вопросам денежного обращения обсуждала организацию международной валютной системы. Однако ключевую роль играл большой Комитет экспертов, готовивший документы, в том числе и принятые конференцией резолюции, для всех трех подкомиссий. Комитет экспертов, членов которых назначал самолично сэра Роберт Хорн, собрался в Лондоне в первые дни работы Женевской конференции. Возглавил комитет, состоявший из государственных служащих и знатоков финансовых вопросов, вездесущий сэра Бейсил Блэккет.

Ральф Хоутри на основе «детального обсуждения» проблемы с Монтегю Норманом составил проект организации международной валютной системы и представил его Комитету

экспертов. Первоначально план Хоутри был отклонен, но после внесения поправок был принят финансовой комиссией в форме 12 резолюций по валютному обращению, а затем был ратифицирован на пленарном заседании Генуэзской конференции⁵⁴. После утверждения его плана государствами Европы Хоутри стал ведущим истолкователем решений Генуэзской конференции⁵⁵.

Резолюции Генуэзской конференции, заложившие принципы Европейской валютной системы до конца 1920-х гг., призывали к стабилизации курса национальных валют и к созданию центральных банков: «В странах, еще не имеющих центрального эмиссионного банка, следует их создать». Центральные банки, и не только в европейских странах, но и повсюду (особенно в США), должны следовать курсом «постоянного сотрудничества», чтобы провести «реформу денежного обращения» и закрепить ее результаты. Конференция рекомендовала как можно быстрее провести конференцию представителей центральных банков и выработать международное соглашение о координации политики. Европейским валютам необходим общепринятый стандарт, и в настоящее время это может быть только золото. Высказавшись в пользу сбалансированности государственного бюджета в каждой из стран, конференция заявила, что некоторым странам для стабилизации денежной системы потребуются иностранные займы. Вопрос об установлении курса по отношению к золоту был оставлен на усмотрение каждой страны, и решения конференции

⁵⁴ Davis, "R.G. Hawtrey," pp. 219–20, 232; Carole Fink, *The Genoa Conference: European Diplomacy, 1921–1922* (Chapel-Hill: University of North Carolina Press, 1984), pp. 158, 232; Dan P. Silverman, *Reconstructing Europe After the Great War* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982), pp. 282 ff.

⁵⁵ Ralph G. Hawtrey, "The Genoa Resolutions on Currency," *Economic Journal* 32 (1922): 290–304, in Ralph G. Hawtrey, *Monetary Reconstruction* (London: Longmans, Green, 1923), pp. 131–147. Текст резолюций Генуэзской конференции можно найти в: *Federal Reserve Bulletin* (June 1922): 678–679, перепечатан в: Joseph Staggs Lawrence, *Stabilization of Prices* (New York: Macmillan, 1928), pp. 162–165.

о применимых при этом критериях были достаточно неопределенны.

Непосредственно новой форме золотого стандарта была посвящена Резолюция 9, которая предлагала

обеспечить централизацию и координацию спроса на золото и тем самым... предотвратить сильные колебания покупательной способности золота, которые могут быть следствием соперничества ряда стран за привлечение металлических резервов.

Иными словами, чтобы зафиксировать цены на уровне, превышающем рыночный, в частности, чтобы избежать необходимости конвертировать в золото чрезмерно раздутую массу бумажных денег. Следующий пункт Резолюции 9 сформулирован вполне определенно: в целях экономии ограничить «использование золота и применять его только для уравнивания внешних платежных балансов, как это предусматривает золотодевизный стандарт или международная клиринговая система». В резолюции 11 зафиксированы детали золотодевизной системы и провозглашается, что регулирование кредита необходимо не только для поддержания неизменного валютного курса, но и «для предотвращения неоправданных колебаний покупательной способности золота», иными словами, была сформулирована задача стабилизации завышенных валютных курсов.

В частности, согласно Резолюции 11, «поддержание курса по отношению к золоту должно быть обеспечено достаточностью резервов установленных активов, не обязательно золота». Точнее говоря:

В дополнение к внутренним запасам золота страны-участницы могут держать в других странах-участницах резервы утвержденных активов в виде остатков на банковских счетах, векселей, краткосрочных облигаций и других достаточно надежных и ликвидных ресурсов.

И далее:

Для стран-участниц обычной практикой будет покупка и продажа валют других стран-участниц в предписанном диапазоне относительно курса продажи собственной валюты.

Вопрос о золоте решался следующим образом: «По мере достижения определенного прогресса некоторые страны-участницы (т.е. Великобритания и США, в случае их участия) могут создать свободные рынки золота и, таким образом, стать центрами операций с золотом». Резолюция завершается выводом, что «конвенция, таким образом, будет основана на золотодевизном стандарте»⁵⁶.

Статья Ральфа Хоутри, посвященная выработанной в Генуе системе, поучительна во многих отношениях. Большею частью она посвящена защите идеи координации действий центральных банков, т.е. кредитно-денежной экспансии, для стабилизации уровня цен. Хоутри задает ключевой вопрос:

Могут спросить, зачем вообще нужно какое бы то ни было международное соглашение по поводу золотого стандарта? Если уж наша денежная система основана на таком товаре, как золото, почему бы не подожиться на силы свободного рынка, как мы это делали до войны?⁵⁷

А в самом деле, почему? Почему бы новому псевдозолотому стандарту не быть похожим на прежний? Хоутри выдвигает свой главный аргумент – страх перед дефляцией. Объем бумажных денег многократно вырос после 1914 г., результатом чего стало «значительное уменьшение покупательной способности золота». Даже в конце 1922 г., после падения цен в ходе рецессии 1921 г., покупательная способность золотого доллара «составляла всего $\frac{2}{3}$ довоенного уровня». Отсюда «опасность» схватки за привлечение золота, а в перспективе – сжатие денежной массы и падение уровня цен. Но что такого страшного в дефляции? Здесь Хоутри даже не упоминает о негибкости заработной платы к понижению и о системе страхования по безработице, которые изменили лицо экономики Британии. Он ограничивается указанием на «печально известную... хроническую депрессию, [охватившую Европу] в период распространения золотого стандарта в 1873–1896 гг.» Более страшного примера он придумать не смог.

⁵⁶ Lawrence, *Stabilization of Prices*, p. 164.

⁵⁷ Hawtrey, *Monetary Reconstruction*, pp. 134–135.

Но Хоутри, во-первых, ошибочно связывает падение цен в конце XIX в. с переходом от серебряного стандарта к золотому. Падение цен было результатом промышленной революции и феноменального роста производительности труда. Но еще важнее здесь ставшее обычным в наше время ошибочное отождествление падения цен с «депрессией». На самом деле, на протяжении всего этого периода в Британии и в США имел место рост производительности труда и уровня жизни, при этом издержки падали, а прибыль не сокращалась. В ту эпоху падение цен вовсе не являлось признаком «депрессии», как это позднее истолковали историки, не сумевшие понять общественных выгод, приносимых падением цен⁵⁸.

Во-вторых, Хоутри в своих рассуждениях проговаривается. Он буквально признает, что его идеал – полный отказ от золота в пользу управляемых неразменных бумажных денег. Так, в связи с вопросом о ключевых валютах Хоутри высказывает сокровенное: «В центрах операций с золотом придется держать определенные запасы металла». Но если золотодевизный стандарт распространится по всему миру, «если на него перейдут все страны с золотым стандартом, золото как средство расчетов перестанет быть нужным, и его можно будет исключить из резервов и использовать только для нужд промышленности»⁵⁹. Короче говоря, Хоутри мечтал о полном отказе от золота как денежного металла и о воцарении бумажных денег как единственного вида денег.

В заключение статьи Хоутри признает, что в резолюциях Генуэзской конференции был только один недостаток: не был определен срок возвращения к золоту. Даже самым сильным странам, подчеркивает он, придется выждать, пока рыночный курс их валют не сравняется с установленным ими уровнем золотого паритета. Чтобы поднять курс фунта стерлингов до установленного завышенного уровня и устранить несоответствие валютных курсов, Британии необходимо было либо де-

⁵⁸ См. поучительную работу: S.B. Saul, *The Myth of the Great Depression, 1873–1896* (London: Macmillan, 1969).

⁵⁹ Hawtrey, *Monetary Reconstruction*, p. 136.

флиртовать собственными ценами, либо побудить к инфляции другие страны, прежде всего США. «О продолжении дефляции, – заявил Хоутри, – не может быть и речи». Единственная оставшаяся возможность заключалась в том, чтобы «стабилизировать нашу валюту на существующем уровне покупательной способности» и дождаться, когда растущий приток золота в США обеспечит достаточный уровень инфляции⁶⁰. Хоутри, подобно другим британским лидерам, полностью полагался на то, что для «помощи Британии» дядя Сэм обеспечит достаточный уровень инфляции⁶¹.

Многие историки оценивали Генуэзскую конференцию как провал и отрицали ее влияние на развитие международной валютной системы в XX в. Если иметь в виду установление сотрудничества между центральными банками, к которому призвала Генуэзская конференция, этого достигнуть не удалось, главным образом из-за нежелания США. Но основная цель конференции – учреждение и поддержка британского псевдозолотого стандарта – была достигнута, потому что Бенджамин Стронг стремился достичь той же цели с помощью неформального, но крайне эффективного сотрудничества центральных банков. Стронг уклонился от участия в официальном сотрудничестве центральных банков по двум причинам: из понятного опасения, что изоляционисты и враги банков в США встанут стеной против любого договора о сотрудничестве с европейскими центральными банками, тем более что Америка гневно выступила против положения о праве Лиги наций на вмешательство во внутренние дела суверенных государств. Вместе с тем Стронг был сторонником полноценного золотого стандарта, и ущербность инфляционного золотодевизного стандарта вызывала у него отвращение. Впрочем, все это не помешало ему поддерживать своего друга Монтегю

⁶⁰ Ibid., p. 147.

⁶¹ Критику предложенной Хоутри инфляционной политики стабилизации см.: Lawrence, *Stabilization of Prices*, pp. 326, 432–433; Patrick Deutscher, *R. G. Hawtrey and the Development of Macroeconomics* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990), pp. 211–215.

Нормана и действовать с ним заодно. Их сотрудничество, по словам Майкла Хогана, представляло собой «неформальную Антанту»⁶². На самом деле Стронг предпочел бы сотрудничество между «ключевыми валютами», скажем, между центральными банками Соединенных Штатов, Англии и Франции, потому что ему никак не улыбалась перспектива подчиняться большинству, состоящему из центральных банков малых европейских государств⁶³.

На самом деле, после того как в 1926 г. началось падение международных цен на сырьевые товары, Норман с еще большим неистовством стал добиваться формального съезда глав центральных банков, стал еще более категоричным сторонником инфляционизма и золотодевизного стандарта. Когда в 1930 г. в Женеве был создан Банк международных расчетов, Норман достиг желаемого – ежемесячных встреч руководителей центральных банков⁶⁴.

Генуэзская конференция 1922 г. не была мимолетным событием. Она наложила отпечаток на развитие кредитно-финансовой системы в межвоенный период. По словам профессора Дэвиса, «повсеместное принятие золотодевизного стандарта можно рассматривать как наследие Генуэзской конференции»⁶⁵.

Британия, следуя сформулированной в Женеве модели, в 1925 г. установила золотодевизный стандарт; этому примеру последовали, одна за другой, страны Европы и других частей мира. К началу 1926 г. та или иная форма золотого стандарта была установлена, по крайней мере де-факто, в 39 странах. К 1928 г. уже 43 страны де-юре ввели золотой стандарт. Из них даже те

⁶² Michael J. Hogan, *Informal Entente: The Private Structure of Cooperation in Anglo-American Economic Diplomacy, 1918–1928* (Columbia: University of Missouri Press, 1977). О дурных предчувствиях Стронга в связи с золотодевизным стандартом см.: Stephen V. O. Clarke, *Central Bank Cooperation, 1924–31* (New York: Federal Reserve Bank of New York, 1967), pp. 36–40.

⁶³ Clarke, *Central Bank Cooperation*, pp. 40–41.

⁶⁴ *Ibid.*, p. 36.

⁶⁵ Davis, “R.G. Hawtrey,” p. 232, n. 74.

немногие, как, например, Франция, которые, по идее, установили золотослитковый стандарт, большую часть своих резервов держали в Лондоне на стерлинговых счетах. Той же практике последовали страны, утвердившие золотомонетный стандарт, как, например, Голландия. Если не считать США, золотомонетный стандарт ввели только периферийные малые страны – Мексика, Колумбия, Куба и Южно-Африканский союз⁶⁶. Следует отметить, что Дания и Норвегия, которые последовали рекомендациям Генуэзской конференции и установили сильно завышенный курс своих валют, на протяжении всех 1920-х гг., подобно Британии, страдали от кризиса экспортных отраслей. И в тот же самый период Финляндия, которая установила реалистичный курс конвертации в золото, избежала хронической депрессии⁶⁷.

По всей Европе Великобритания, используя руководящее положение в Финансовом комитете Лиги наций, насаждала систему стабилизации валютных курсов в рамках золотодевизного, а фактически стерлингодевизного, стандарта: в Германии, Австрии, Венгрии, Эстонии, Болгарии, Греции, Бельгии, Польше и Латвии. В странах Восточной Европы были учреждены центральные банки, державшие резервы в фунтах стерлингов и действовавшие под присмотром британских специалистов и управляющих⁶⁸.

Эмиль Моро, умный и опытный Управляющий Банка Франции, следующим образом охарактеризовал в своем дневнике британскую денежную политику:

Англия первой из европейских стран восстановила денежную стабильность и использовала это преимущество для установления своего финансового доминирования в Европе. Инстру-

⁶⁶ Palyi, *Twilight of Gold*, pp. 116–117, 107.

⁶⁷ Финляндия последовала совету знающего историка экономики, сторонника классического либерализма профессора Эли Хекшера из Стокгольмского университета. См.: Richard A. Lester, "The Gold Parity Depression in Norway and Denmark, 1924–1928," *Journal of Political Economy* (August 1937): 433–67; Palyi, *Twilight of Gold*, pp. 73, 107.

⁶⁸ Judith L. Kooker, "French Financial Diplomacy: The Interwar Years," in Rowland, *Balance of Power*, pp. 86–90.

ментом этой политики был Финансовый комитет (Лиги наций) в Женеве. В каждой стране провоцировались финансовые проблемы, чтобы та была вынуждена обратиться в контролируемый британцами Женевский комитет. Метод разрешения проблем всегда был одинаковым: в центральный банк назначался иностранный контролер – британец или по рекомендации Банка Англии; часть резервов центрального банка размещалась в Банке Англии, что обеспечивало одновременно укрепление фунта и британского влияния. Чтобы предотвратить возможные неудачи, они заручились сотрудничеством Федерального резервного банка Нью-Йорка. Кроме того, на Америку возложили обязанность предоставлять иностранные займы, если их сумма неподъемна [для англичан. – *Прим. пер.*], но политические выгоды от этих операций неизменно достаются британцам⁶⁹.

Золотодевизный стандарт в действии: 1926–1929 гг.

К концу 1925 г. все выглядело так, будто Монтегю Норман и руководство Британии добились того, чего хотели. При поддержке Стронга и Морганов британцы навязали миру новую форму псевдозолотого стандарта, так что фунт стал главной резервной валютой и обеспечением денежных систем других стран, а США, еще сохранявшие у себя золотомонетный стандарт, были готовы спасать британцев от последствий отхода от дисциплины, налагаемой классическим золотым стандартом.

⁶⁹ Запись от 6 февраля 1928 г. Chandler, *Benjamin Strong*, pp. 379–380; Rothbard, *America's Great Depression*, p. 139. См. также дневниковую запись, сделанную в октябре 1926 г., где Моро комментирует отчет Пьера Кенэ, директора Банка Франции, о «доктринерстве и, несомненно, утопии или даже маккиавеллизме» политики Монтегю Нормана и его сподвижников-финансистов, таких, как сэр Отто Нимейер, сэр Артур Солтер и сэр Генри Стракош, добивавшихся, при поддержке и поощрении Бенджамина Стронга, «экономической и финансовой организации мира по рецептам Нормана и его коллег–управляющих центральных банков» (Palyi, *Twilight of Gold*, pp. 134–145).

Но спустя очень короткое время все пошло прахом. В период бурного роста мировой торговли главные экспортные отрасли Британии, хронически страдавшие от завышенного курса фунта и заработной платы, снижению которой препятствовали сильные воинственные профсоюзы и развитая система страхования по безработице, пребывали в кризисе. Безработица постоянно находилась на высоком уровне. В период с 1851 по 1914 г. уровень безработицы составлял около 3%. В 1921–1926 гг. средний уровень безработицы составлял 12%, и восстановление золотого стандарта не улучшило положения. В апреле 1925 г., когда Британия восстановила золотой стандарт, безработица составляла 10,9%. В последующий период величина этого показателя сильно колебалась, но на неизменно высоком уровне. Так, за год после восстановления золотого стандарта безработица поднялась выше 12%, потом снизилась до 9, и большую часть 1926 г. превышала 14%. К лету 1927 г. безработица опять снизилась до 9%, но в последующие два года сохранялась на уровне 10–11%. Иными словами, на протяжении всего десятилетия 1920-х гг. безработица оставалась на уровне, характерном для тяжелого экономического спада⁷⁰.

Безработица концентрировалась в старых, некогда сильных отраслях на севере Англии, где действовали особенно влиятельные профсоюзы. Сопоставление данных позволяет понять размах кризиса, поразившего экспортные отрасли британской промышленности. Если уровень экспорта в 1924 г. принять за 100, то к 1929 г. объем мирового экспорта вырос до 132, западноевропейского – до 134, американского – до 130, а британского – только до 109. Зато британский импорт за тот же период вырос до 113. После краха фондового рынка в 1929 г. и до 1931 г. экспортная торговля сильно упала. Объем мирового экспорта снизился до 113, западноевропейского – до 107, в США, осо-

⁷⁰ Petre Clarke, "The Treasury's Analytical Model of the British Economy Between the Wars," in *The State and Economic Knowledge: The American and British Experiences*, Mary Furner and Barry Supple, eds. (Cambridge: Cambridge University Press, 1990), p. 177; Palyi, *Twilight of Gold*, p. 109.

бенно сильно пострадавших от кризиса, объем экспорта упал до 91, а в Британии – до 68, и это при том, что объем британского импорта за эти два года даже слегка вырос. Таким образом, совместное влияние завышенного курса фунта и негибкой, также завышенной заработной платы оказывали свое губительное действие и в период бума, и во время рецессии. В общем, если в 1931 г. мировой экспорт и экспорт из стран Западной Европы был существенно выше, чем в 1924 г., то в Британии он был намного ниже.

Весьма поучительно различие ситуаций в старых отраслях севера Англии, охваченных сильными профсоюзами, и в новых производствах на юге страны, где не было сильных профсоюзов и уровень заработной платы был относительно невысок. Новые отрасли, имевшие возможность платить рабочим более низкую почасовую плату, чем на севере, процветали и расширяли занятость⁷¹. Некоторые отрасли, такие, как компании коммунального хозяйства, процветали, потому что не зависели от экспорта. Но в этот период даже новые экспортные производства, не знавшие давления сильных профсоюзов, работали очень неплохо. Так, с 1924 г. по 1928/29 гг. объем экспорта автомобилей вырос на 95%, экспорт химической и машиностроительной продукции – на 24, а электротехнических товаров – на 23%. Во время рецессии 1929–1931 гг. экспорт продукции этих отраслей пострадал сравнительно меньше: экспорт электротехнической и машиностроительной продукции упал на 28% и оказался на 22% ниже уровня 1924 г., экспорт химической продукции стал на 5% ниже уровня 1924 г., а экспорт автомобилей на 26% *превышал* показатель 1924 г.

Зато старые экспортные отрасли, бывшие прежде опорой процветания Британии, не вылезали из кризисного состояния ни во время бума, ни в период спада. В цветной металлургии объем производства к 1929 г. вырос всего на 14%, а за последние два года упал до 5% процентов от уровня 1924 г. В еще худшем состоянии были производство хлопчатобумажных и

⁷¹ Anderson, *Economics and Public Welfare*, p. 166; Moggridge, *British Monetary Policy*, p. 117.

шерстяных тканей, некогда бывших в авангарде английской промышленной революции. С 1924 по 1929 г. экспорт хлопчатобумажных тканей упал на 10%, шерстяных – на 20%, а за следующие два года, к 1931 г., экспорт практически рухнул и составил по хлопчатобумажным тканям 50%, а по шерстяным – 46% уровня 1924 г. Примечательно, что таких низких показателей экспорта эти отрасли не знали с 1870-х гг.

В самом тяжелом положении оказалась некогда процветавшая угольная промышленность. К 1931 г. экспорт угля снизился до 69% от уровня 1924 г., но, пожалуй, еще более зловещим предзнаменованием было то, что в период экономического подъема, в 1924–1929 гг., экспорт угля упал до 88% уровня 1924 г.

При этом уровень цен в Британии был настолько выше, чем в других странах, что британский импорт рос как во время бума, так и в периоды спада. Так, с 1924 г. по 1928/29 г. импорт промышленной продукции в Британию вырос на 32,5%, а к 1931 г. еще на 5%. Себестоимость производства в некогда составлявшей гордость Британии металлургической промышленности оказалась настолько высока, что с 1925 г. Британия впервые в истории стала *нетто-импортером* стали и чугуна.

Для наглядности сравним уровень гибкости заработной платы в Британии и в США, приняв уровень 1925 г. в каждой стране за 100. В США с ростом производства и производительности труда цены упали на 10%, и заработная плата, соответственно, снизилась до 93 в 1928 г. и до 90 в 1929 г. В Швеции в те годы уровень заработной платы отличался еще большей гибкостью, что избавило страну от кризиса в экспортных отраслях и позволило вернуться к довоенному золотому паритету. Заработная плата в Швеции упала до 88 в 1928 г., 80 в 1929 г. и 70 в 1931 г. А в Великобритании цены также падали, а заработная плата упрямо не снижалась и составила 97 в 1928 г., 95 – на следующий год и 90 в 1931 г.⁷² При этом оптовые цены в Англии снизились на 8% в 1926 г. и 1927 г., а затем темпы падения даже ускорились.

⁷² Moggridge, *British Monetary Policy*, p. 117–125.

Британские чиновники проявили поразительную слепоту в отношении проблемы негибкости заработной платы к понижению. Так, заместитель главного ревизора министерства финансов Фредерик Лейт-Росс, главный архитектор того, что стало известно как «точка зрения казначейства», в замешательстве писал Хоутри в начале августа 1928 г. по поводу утверждения Кейнса, что с 1925 г. уровень заработной платы остается стабильным. В свете значительного снижения цен в этот период, писал Лейт-Росс, «я бы предположил, что средний уровень заработной платы существенно снизился за последние четыре года». Для поддержки своего несогласия Лейт-Россу пришлось усомниться в верности индекса заработной платы и сделать собственные расчеты, доказывавшие, что заработная плата снижалась. Похоже, он так и не понял, что именно в этом и заключается проблема: сохранение уровня заработной платы в условиях снижающихся цен и в самом деле сопровождается падением фонда заработной платы, но только за счет роста безработицы и сокращения числа отработанных часов. Наконец, весной 1929 г. Лейт-Росс был вынужден признать реальность – проблема заключается в негибкости заработной платы к понижению:

Если бы наши рабочие согласились на снижение своей заработной платы на 10% или сумели бы на 10% повысить производительность труда, мы бы избавились от большей части существующей безработицы. Но дело в том, что организованный труд настолько привержен сохранению существующего уровня заработной платы и продолжительности рабочего времени, что не желает ничем пожертвовать, предпочитая, чтобы миллионы рабочих оставались незапятаными и сидели на пособиях по безработице. В результате приходится тратить на реорганизацию производства сил и денег намного больше, чем следовало бы, и пока рабочие не согласятся в большей степени участвовать в процессе реорганизации, безработицы нам не избежать⁷³.

Лейт-Росс мог бы добавить, что «выбор» в пользу безрабо-

⁷³ Проект Меморандума министру финансов Черчиллю, апрель 1929 (Clarke, "Treasury's Analytical Model," pp. 186, 179–180, 184–187).

тицы делался не самими безработными, а действовавшими от их имени лидерами профсоюзов, которым не угрожала перспектива сесть на пособие по безработице. Кроме того, если бы не щедрые выплаты из Фонда занятости, рабочие совсем иначе относились бы к происходящему.

Первым усомнился в пользу возвращения к золотому фунту крайне воинственный профсоюз шахтеров, возглавлявшийся видным леваком Эньюрином «Най» Бивеном. Экспортный уголь добывался на севере Англии, где позиции профсоюзов были очень сильны, а и без того сильно завышенная заработная плата шахтеров была дополнительно повышена в 1924 г. при первом лейбористском правительстве Рамсея Макдональда. И мало того что ставки заработной платы были завышены, но профсоюз еще и настоял на многочисленных ограничениях, повышавших себестоимость добычи; были восстановлены существовавшие в позднем Средневековье гильдейские правила, запрещающие увольнение даже при отсутствии работы. Обструкционистская тактика профсоюзов снижала гибкость британской экономики, препятствовала географической и профессиональной мобильности, стесняла процессы рационализации и модернизации производства. Профессор Бенам язвительно отмечает:

Стремившиеся к переменам промышленники сталкивались с мощным противодействием организованного труда. Профсоюзы препятствовали внедрению новых, более производительных методов, таких, как «расширение зон обслуживания». Поддерживались четкие и неизменные профессиональные разграничения. Водопроводчик имел право на ремонт трубопроводов с холодной водой; если возникала проблема с горячим водоснабжением, он должен был вызывать соответствующего специалиста. Доступ к определенным профессиям был крайне затруднен. Для подготовки квалифицированного строительного рабочего достаточно нескольких месяцев, но установленный срок ученичества составлял четыре года. Британские железные дороги не могли свободно распоряжаться своим персоналом. Этому мешали установленные профсоюзами многочисленные ограничения⁷⁴.

⁷⁴ Palyi, *Twilight of Gold*, p. 79. Frederic C. Bentham, *British Monetary*

К 1925 г., когда фунт опять привязали к золоту, британская угольная промышленность уже столкнулась с конкуренцией со стороны модернизированных и переоборудованных шахт Франции, Бельгии и Германии, которые поставляли на рынок дешевый уголь. Британский уголь утратил конкурентоспособность и его экспорт падал. Для изучения мучительной проблемы угольщиков правительство Болдуина назначило королевскую комиссию во главе с сэром Гербертом Сэмюэлом. В марте 1926 г. Комиссия выпустила отчет с рекомендациями шахтерам: согласиться на умеренное снижение заработной платы; увеличить длительность рабочего дня при существующей оплате труда и организовать переселение на юг Англии, где было больше возможностей для трудоустройства. Но такого рода простые и разумные решения не могли понравиться отравленным непримиримой воинственностью профсоюзам, которые отвергли эти рекомендации и организовали забастовку, переросшую в болезненную и безрезультатную общенациональную стачку 1926 г.

Забастовка провалилась и заработная плата шахтеров была слегка снижена, но рациональность одержала пиррову победу. Кейнс сумел убедить лорда Бивербрука, инфляционистски настроенного газетного магната, в том, что шахтеры стали жертвой заговора Нормана–Черчилля–международных банкиров, которые увеличивают свою прибыль за счет рабочего класса Великобритании. Вместо того чтобы понять, что проблема здесь в инфляционизме, политике дешевых денег и поддержке золотослиткового-золотодевизного стандарта при завышенном курсе фунта, Бивербрук и общественное мнение Британии возложили вину за экономический спад и безработицу на политику «твердых денег». Вместо того чтобы добиваться

Policy (London: P.S. King, 1932), pp. 27 ff. В 1926 г. профсоюз рабочих-строителей распространил следующий циркуляр, дающий представление о направленности профсоюза на создание препятствий и ограничений: «Следует строго регулировать сверхурочные работы. Необходимо бороться со всеми формами сдельной оплаты труда; будьте бдительны и ограничивайте число учеников; помните, что чем меньше наша численность, тем выше наше влияние».

снижения денежной массы и повышения процентных ставок, что было необходимо для поддержания только что установленного золотого стандарта, руководящие круги Британии предпочли следовать удобной и уже привычной политике инфляции и дешевого кредита⁷⁵.

Во время всеобщей забастовки Британии пришлось импортировать уголь из Европы. В прежние времена падение доходов от экспорта имело бы следствием резкое сжатие кредита, сокращение объема денежной массы, понижение цен и заработной платы. Но под обаянием идеологии инфляционизма британские банки вместо этого щедро расширяли кредит, накачивая европейский рынок фунтами стерлингов. «Вместо того чтобы скорректировать в Англии цены и издержки и таким образом избавиться от негибкости, Британия с помощью кредитной экспансии удержала позиции и сохранила хозяйственную неэффективность»⁷⁶.

В 1926 г. политика расширения денежной массы привела к оттоку золота из страны, прежде всего в США, и к накоплению стерлинговых запасов в других странах, особенно во Франции. В условиях подлинного золотого стандарта Британия восприняла бы такое развитие событий как сигнал к решительному ужесточению кредитно-денежной политики, но вместо этого страна продолжила политику дешевых денег, и в апреле 1927 г. учетная ставка Банка Англии была снижена с 5 до 4,5%. Это способствовало дальнейшему ослаблению фунта, и за следующие два месяца Британия потеряла еще 11 млн долл. золотом.

В эпоху золотодевизного стандарта Франция играла для британского истеблишмента важную роль мальчика для битья. По легенде именно Франция все испортила, вернувшись к золоту при заниженном курсе франка (курс франка был зафиксирован в 1926 г., а через два года страна восстановила золотой стандарт), что стало причиной накопления огромных стерлинговых резервов, которые потом французы потребовали обменять на золото, чем и разрушили золотодевизный стандарт.

⁷⁵ Palyi, *Twilight of Gold*, pp. 102–104.

⁷⁶ Anderson, *Economics and Public Welfare*, p. 167.

Реальность была совсем иной. Во время и после Первой мировой войны Франция пережила жестокую гиперинфляцию, которая была следствием дефицита государственного бюджета. В результате французский франк, который до войны стоил 19,3 цента золотом, к маю 1925 г. упал до 5 центов, а концу июля 1926 г. — до 1,94 цента. В июне 1926 г. в Париже у Палаты депутатов собралась толпа, протестовавшая против безудержной инфляции, и потребовала возвращения на пост премьер-министра Раймона Пуанкаре, известного своей приверженностью консервативным принципам денежной и фискальной политики. 2 июля 1926 г. Пуанкаре возглавил правительство, чтобы сократить государственные расходы, сбалансировать бюджет и укрепить франк.

Имея массовую поддержку, Пуанкаре был готов к проведению трудных реформ. Первоначально Пуанкаре склонялся к восстановлению довоенного золотого паритета, что было бы губительным для Франции, потому что стало бы причиной не только тяжелейшей дефляции, но и увеличения государственного долга. Кроме того, восстановление довоенного золотого паритета оставило бы Банк Франции с очень низким коэффициентом (8,6%) золотого покрытия массы денег в обращении. Хотя, разумеется, этот шаг пришелся бы по сердцу как французским держателям государственных облигаций, так и Монтегю Норману. От этого решения Пуанкаре отговорили Эмиль Моро, знающий и проницательный Управляющий Банка Франции, и Шарль Рист, его заместитель и известный экономист. Моро и Рист были прекрасно осведомлены о хроническом кризисе экспортных отраслей британской промышленности и высокой безработице, ставших следствием восстановления довоенного золотого паритета фунта. Им удалось убедить Пуанкаре, что благоразумнее выбрать более реалистичный курс франка по отношению к золоту.

После того как 2 августа 1926 г. Пуанкаре представил парламенту и быстро добился утверждения сбалансированного бюджета и пакета денежных и финансовых реформ, доверие к франку выросло, пессимистические оценки будущего сменились оптимистическими, и французский капитал, благоразум-

но спасавшийся в иностранных валютах, начал возвращаться на родину, так что к декабрю курс франка вырос в 2 раза и достиг почти 4 центов золотом. Чтобы избежать дальнейшего повышения курса, 26 декабря правительство зафиксировало курс на уровне 3,92 цента, а 28 июня 1928 г. де-юре вернулось к золоту при этом же значении курса⁷⁷.

В конце 1926 г. золотой стандарт во Франции еще не был восстановлен, хотя курс франка уже был зафиксирован. Официально действовал еще довоенный курс, когда унция золота стоила примерно 100 франков. При новом курсе унция золота стоила 500 франков. Понятно, что никто при таких условиях не стал бы обменивать в банке унцию золота на 100 бумажных франков, теряя на этой операции 80% капитала. К тому же Банк Франции, представлявший собой частную фирму, не мог продавать золото по рыночному курсу из опасения, что французское правительство передумает и установит более высокий официальный курс, так что банк понесет значительные убытки. Однако правительство согласилось возместить банку возможные потери от проведения валютных операций; таким образом, стабилизационные операции Банка Франции могли проводиться только на валютном рынке.

Теперь правительство Франции и Банк Франции решили зафиксировать курс франка на уровне 3,92 цента. По этому курсу рынок начал поглощать огромное количество франков, и Банку Франции, чтобы удержать курс 3,92 цента за франк, пришлось скармливать рынку достаточное количество новеньких франков. В результате запасы иностранной валюты в Банке Франции выросли почти с нуля летом 1926 г. до более чем 1 млрд долл. в октябре следующего года. По большей части эти валютные резервы состояли из фунтов стерлингов (в банковских депозитах и краткосрочных векселях), которые в

⁷⁷ По оценке д-ра Андерсона, для Франции было бы «безопаснее» установить курс 3,50 цента, т.е. зафиксировать курс, сложившийся к ноябрю 1926 г. (Anderson, *Economics and Public Welfare*, p. 158). О Франции и французском франке в этот период см.: *ibid.*, pp. 154–161, 168–173; Palyi, *Twilight of Gold*, pp. 185–190. О влиянии Моро и Риста см.: Kooker, “French Financial Diplomacy,” pp. 91–93.

1926 г. из-за инфляционной денежной политики Британии наводнили континент и теперь, под воздействием растущего спроса на франки и продолжения инфляции на родине, начали стекаться во Францию. Вот так, сами того не желая, французы оказались в одной лодке со всей Европой – на золотодевизном, или золотостерлинговом, стандарте⁷⁸.

Если бы в конце 1926 г. Франция установила настоящий золотой стандарт, туда потекло бы золото из Англии, и англичанам пришлось бы поднять кредитный процент и вернуться к политике дорогих денег. Приток золота во Францию и растущая эмиссия обеспеченных золотом франков имела бы результатом понижение процентных ставок. В действительности под влиянием обширной эмиссии франков ставка процента была снижена, но в Англии сжатия кредита не произошло. Совсем наоборот⁷⁹.

Моро, Рист и другие руководители Банка Франции осознали опасность ситуации и пытались делать то же самое, что мог бы автоматически обеспечить золотой стандарт: избавлялись от фунтов, обменивая их в Лондоне на золото, а в Нью-Йорке на доллары.

Эта политика создала чувствительное давление на фунт, и золото начало уходить из Англии. В эпоху классического золотого стандарта Лондон ответил бы повышением банковского процента и ужесточением кредита, чтобы остановить отток золота или даже обратить поток вспять. Но в то время англичане придерживались инфляционной политики. Поэтому Норман приложил все усилия, чтобы помешать французам реализовать свое право собственности и обменять фунты стерлингов на золото, абсурдно доказывая, что французам выгодно иметь стерлинги и что их не может быть слишком много. С другой стороны, он угрожал, что если французы будут настаивать, то Англия просто откажется от золотого стандарта,

⁷⁸ Внятное изложение этой истории см.: Anderson, *Economics and Public Welfare*, pp. 168–170.

⁷⁹ Рыночная учетная ставка в Париже упала с 7% в августе 1926 г. до 2% в августе следующего года (*Ibid.*, p. 172).

что и было сделано четыре года спустя. Норман также напомнил французам о кредитах, предоставленных Британией Франции в ходе Первой мировой войны.⁸⁰ Он пытался организовать давление европейских центральных банков на Банк Франции, чтобы тот перестал требовать от Лондона золото. Банк Франции обнаружил, что может за день, не вызывая недовольства Банка Англии, конвертировать в золото 3 млн фунтов, но стоило выйти за пределы этой суммы, чтобы последовал немедленный протест. Как заметил с горечью один из служащих Банка Франции в 1927 г., «Лондон – свободный рынок золота, и это означает, что там может покупать золото кто угодно, кроме Банка Франции»⁸¹.

Почему во Франции росли запасы иностранной валюты? Антифранцузский миф утверждает, что при новом курсе 3,92 цента франк был недооценен, так что с ростом экспорта росли и валютные резервы. Но факты говорят об обратном. До Первой мировой войны для Франции был характерен дефицит торгового баланса. В ходе послевоенной инфляции, как и происходит обычно с неразмесными деньгами, обменный курс франка снижался быстрее, чем уровень цен на внутреннем рынке, поскольку валютный рынок активно играл на опережение инфляции. Поэтому в период гиперинфляции французский экспорт превышал по объему импорт⁸². Когда в конце 1926 г. Франция зафиксировала курс франка относительно золота, торговый баланс опять стал отрицательным. Так, в 1928 г. французский экспорт составил только 96,1% объема импорта. Так что если бы мы использовали упрощенный критерий *относительной покупательной способности валют*, пришлось бы сделать вывод, что после 1926 г. курс франка был скорее за-

⁸⁰ Kooker, "French Financial Diplomacy," p. 100.

⁸¹ Anderson, *Economics and Public Welfare*, pp. 172–173.

⁸² Так, в 1925 г., на последнем году гиперинфляции, французский экспорт составлял 103,8% величины импорта. Основную часть экспортной прибыли приносили промышленные товары – 23,8 млрд франков, тогда как на закупки продовольствия расходовалось 5,4 млрд франков, а на оплату сырья – 16,8 млрд франков (Palyi, *Twilight of Gold*, p. 185).

вышен, чем занижен. Почему же золото и иностранные валюты не уходили из Франции? По той же причине, что и до Первой мировой войны: хронический дефицит торгового баланса покрывался неиссякаемым «невидимым» потоком доходов, в частности от туризма.

Что же было причиной притока фунтов стерлингов во Францию? Приток капитала. В период гиперинфляции французские капиталы искали убежища повсюду, и многие нашли укрытие в Лондоне. Когда Пуанкаре в 1926 г. радикально изменил денежную и бюджетную политику, капитал в надежде на растущий или хотя бы стабильный франк начал возвращаться из Лондона во Францию.

На самом деле французы не строили препятствий английской политике. Напротив, покоряясь уговорам и угрозам Монтегю Нормана, они активно сотрудничали с Лондоном, иногда даже во вред собственным интересам. Так, в декабре 1927 г. Норман предупредил Моро, что если тот будет настаивать на оплате английской валюты золотом, он девальвирует фунт. В мае 1927 г. Пуанкаре пророчески предостерег Моро, что позиции фунта стерлингов слабеют, и что англичане могут в какой-то момент отказаться от золотого стандарта. И когда Франция в конце июня 1928 г. де-юре стабилизировала курс франка, резервы Банка Франции на 55% состояли из иностранной валюты (остальные 45% составляло золото), прежде всего фунтов стерлингов. Кроме того, значительная часть сумм, депонированных Банком Франции в Лондоне и Нью-Йорке, использовалась для кредитования биржевых спекуляций, усиливая биржевой ажиотаж; что еще хуже, значительная часть стерлинговых резервов использовалась для повторной покупки французских франков, что усиливало накопление стерлингов во Франции. Неудивительно, что д-р Пальи приходит к следующему выводу:

Именно по настойчивой просьбе Нормана центральный банк Франции тащил на своем горбу слабый фунт стерлингов, причем сделал в этом отношении намного больше того, что можно было бы ожидать от центрального банка в подобных обстоятельствах. Никакой другой крупный центральный банк не при-

нимал на себя подобного, в процентном отношении, риска^{83, 84}.

Французом Монти Норман мог нейтрализовать, по крайней мере временно. А как быть с США? Как мы помним, британцы очень рассчитывали, что продолжение роста цен в США помешает перетеканию туда английского золота. Но под влиянием значительного роста производства цены в Америке в 1925–1926 гг. начали медленно, но неуклонно снижаться. Золотодевиный стандарт начинал рушиться, еще не успев толком появиться на свет!

Итак, Норману пришлось использовать козыри – задействовать проверенную магию хороших отношений со Стронгом. Бенджамин Стронг должен еще раз спасти Великобританию! Выслушав просьбу Нормана о помощи, Стронг 27 июля 1927 г. собрал в Нью-Йорке чрезвычайно секретную конференцию с участием высших должностных лиц четырех самых влиятельных центральных банков мира. Помимо Нормана и Стронга, на этом совещании присутствовали заместитель Управляющего Банка Франции Рист и д-р Яльмар Шахт, Управляющий Рейхсбанка Германии. Стронг, представлявший США, железной рукой контролировал американскую сторону, держа вашингтонский Совет управляющих Федерального резерва в неведении о происходящем; более того, на совещание не пригласили даже Гейтса Макгарраха, председателя совета директоров Федерального резервного банка Нью-Йорка. Стронг и Норман сделали все, что было в их силах, чтобы добиться согласия на проведение скоординированной политики денеж-

⁸³ Ibid., p. 187. На рециклирование фунтов и франков указал ведущий французский банкир Раймон Филипп (*Raymont Philippe, Le drame Financier de 1924–1928*, 4th ed. (Paris: Gallimard, 1931), p. 134; цит. по: Palyi, *Twilight of Gold*, pp. 194).

⁸⁴ Моро не соглашался на требования Нормана об усилении эмиссии франков и при этом неоднократно призывал его повысить процентную ставку и ужесточить денежную политику в Англии, чтобы остановить отток золота, сделать невыгодной покупку франков и вернуть капитал домой. Но все эти уговоры оказались безрезультатными и не смогли поколебать приверженности Нормана к политике дешевых денег (Rothbard, *America's Great Depression*, p. 141).

ной инфляции и дешевого кредита. Рист отклонил предложение, хотя согласился, чтобы помочь Англии, впредь покупать золото не в Лондоне, а в Нью-Йорке (т.е. избавляться не от фунтов, а от долларов). Стронг, со своей стороны, согласился продавать Франции золото по льготной цене, чтобы, несмотря на более высокие транспортные расходы, оно обходилось французам не дороже английского⁸⁵.

Шахт оказался еще менее сговорчивым. Он выразил обеспокоенность размахом кредитной экспансии в Англии и США. В предыдущем году Шахт, движимый этой озабоченностью, сократил до минимума стерлинговые резервы и увеличил по мере возможности запасы золота. Он заявил Стронгу и Норману: «Мне не нужны низкие [процентные] ставки. Меня интересует истинная ставка. Дайте мне истинную ставку и я сам решу, как поддерживать порядок в своем доме»⁸⁶. Таким образом, Шахт и Рист разъехались по домам, предоставив Стронгу и Норману самостоятельно работать над проектом скоординированной инфляции. В частности, Стронг взял обязательство придать американской экономике инфляционный импульс – снизить процентные ставки и расширить кредит (Рист в своих мемуарах утверждает, что это решение было согласовано между ними приватным образом еще до совещания четырех руководителей центральных банков). И в самом деле, в ходе совещания Стронг весело сообщил Ристу, что намерен дать фондовому рынку «небольшую *coup de whiskey**»⁸⁷. Стронг также согласился купить дополнительно на 60 млн долл. фунтов стерлингов, чтобы поддержать английскую денежную систему.

В соответствии с соглашением между Стронгом и Норманом

⁸⁵ Ibid.

⁸⁶ Anderson, *Economics and Public Welfare*, p. 181. После того как к концу 1923 г. чудовищная инфляция разрушила кредитно-денежную систему Германии, Шахт сумел стабилизировать ситуацию, выпустив новые «рентенмарки». В следующем году он утвердил золотодевизный стандарт.

* Стопку виски (франц.). – Прим. перев.

⁸⁷ Charles Rist, “Notice Biographique,” *Revue d’Economie Politique* November-December, 1955): 1006 ff.

ном Федеральным резерв во второй половине 1927 г. незамедлительно запустил интенсивную программу эмиссии долларов и дешевого кредита. Благодаря тому что Федеральный резерв в больших количествах – на 445 млн долл. за второе полугодие 1927 г. – скупал государственные ценные бумаги и банковские акцепты, эти месяцы стали периодом самого масштабного увеличения банковских резервов за все 1920-е гг. Одновременно была понижена учетная ставка, в результате чего выросла сумма векселей, учитываемых Федеральным резервом. Бенджамин Стронг решил, используя У. Д. Бейли, Управляющего Федерального резервного банка Канзаса, в качестве прикрытия, обмануть подозрительные окружные Федеральные резервные банки в вопросе о снижении процентных ставок. Вместо того чтобы начать снижение учетной ставки с 4 до 3,5% с Федерального резервного банка Нью-Йорка, Стронг уговорил доверчивого Бейли взять инициативу на себя и понизить ставки 29 июля, с тем чтобы другие окружные Федеральные резервные банки последовали тем же курсом спустя одну-две недели. Стронг убедил Бейли, что учетные ставки снижаются, чтобы помочь фермерам – убедительный аргументом для банкира из сельскохозяйственного региона. Бейли не услышал от него, что главной задачей была помощь Англии в поддержании инфляционного золотодевизного стандарта.

Но Федеральный резервный банк Чикаго отказался понижать ставки, и Стронгу пришлось подключить Совет управляющих Федерального резерва, чтобы заставить его в сентябре провести необходимые меры. Изоляционистская газета «Чикаго трибюн» сердито призвала отправить Стронга в отставку, обвинив его в том, что учетные ставки снижаются в интересах Великобритании⁸⁸.

Организовав в 1927 г. всплеск инфляции, Федеральный резервный банк Нью-Йорка в следующие два года продолжал

⁸⁸ Anderson, *Economics and Public Welfare*, pp. 182–183; Rothbard, *America's Great Depression*, pp. 140–142; Beckhard, "Federal Reserve Policy," pp. 67 ff.; Lawrence E. Clark, *Central Banking Under the Federal Reserve System* (New York: Macmillan, 1935), p. 314.

делать все возможное в этом направлении, т.е. активно скупал первоклассные коммерческие векселя других стран, индоссированные их центральными банками. Целью этих операций была поддержка иностранных валют и сокращение притока золота в США. В 1927 и 1929 г. Федеральный резервный банк Нью-Йорка потратил большие суммы на покупку стерлинговых векселей. Он следующим образом характеризовал эту свою политику:

Этими операциями мы стремились укрепить иностранные валюты и, таким образом, не только помешать дальнейшей перекачке к нам европейского золота, но, укрепив их валюты, расширить возможность европейских стран оплачивать наш экспорт⁸⁹.

Хотя именно Стронг был застрельщиком инфляционной политики, администрация Кулиджа не многим уступала ему. Питсбургский мультимиллионер Эндрю Меллон, министр финансов при всех республиканских администрациях 1920-х гг., был давнишним союзником Моргана. Уже в марте 1927 г. Меллон заверял всех и каждого, что политика «легких денег» будет продолжена; он и президент Кулидж неоднократно выступали в роли «пикадоров Уолл-стрит», призывая в многочисленных газетных интервью к росту биржевых цен всякий раз, как торговля провисала. И в январе 1928 г. министерство финансов заявило о намерении выпустить новый 3,5%-ный заем взамен подлежащего погашению в сентябре 4,5%-ного выпуска Займа свободы. Меллон всегда был надежнейшим сторонником Стронга. Когда министр торговли Герберт Гувер выступал с резкой критикой инфляционистской политики Стронга, Меллон неизменно отмахивался от его предостережений как «паникерских» и «несвоевременных»⁹⁰.

⁸⁹ Clark, *Central Banking Under the Federal Reserve System*, p. 198.

⁹⁰ К сожалению, Гувер недальновидно считал опасной не кредитную экспансию как таковую, а только в связи с биржевыми операциями (Rothbard, *America's Great Depression*, pp. 142–143; Anderson, *Economics and Public Welfare*, p. 182; Ralph W. Robey, "The Capeadores of Wall Street," *Atlantic Monthly* (September 1928); Harold L. Reed, *Federal Reserve Policy, 1921–1930* (New York: McGraw-Hill, 1930), p. 32).

Цели экспансионистской политики Бенджамина Стронга в конце 1920-х гг. четко сформулировал один из его ближайших сотрудников в письме к ближайшему соратнику Монтегю Нормана сэру Артуру Солтеру, занимавшему тогда пост директора Экономической и финансовой организации Лиги наций. Сотрудник Стронга цитирует своего шефа, заявившего весной 1928 г., «что очень немногие на самом деле понимают, что сегодня мы расплачиваемся за принятое в 1924 г. решение помочь остальному миру восстановить прочную основу своих финансов»⁹¹. Сходное признание сделал один видный банкир Паркеру Уиллису летом 1926 г.: американская политика дешевых денег пагубна, но «здесь ничего не поделаешь. Это плата за нашу помощь Европе». Для Стронга и его союзников, разумеется, эта плата была не столь уж «накладной», по крайней мере, в краткосрочной перспективе, поскольку, как отмечает д-р Кларк, политика дешевого кредита была особенно выгодна тем спекулянтам, финансистам и инвестиционным банкирам, которые являлись союзниками Стронга, и в первую очередь здесь можно указать на окружение Нормана⁹². Британцы уже в середине 1926 г. отлично понимали ситуацию. Влиятельный лондонский журнал «Бэнкер» писал о Стронге, что «у Англии нет друга лучше». Журнал превозносил «энергию и мастерство, которые он поставил на службу Англии», и экзальтированно провозглашал, что «его имя должно быть поставлено рядом с именем м-ра [Уолтера Хайнса] Пейджа, как верного друга Англии в дни испытаний»⁹³.

⁹¹ O. Ernest Moore to Sir Arthur Salter, May 25, 1928. In Chandler, *Benjamin Strong*, pp. 280–281.

⁹² Уиллис был проникательным критиком американской инфляционной политики в межвоенный период. H. Parker Willis, "The Failure of Federal Reserve," *North American Review* (May 1929): 553. Работа Кларка представляет собой докторскую диссертацию, выполненную под руководством Уиллиса. Clark, *Central Banking Under the Federal Reserve System*, p. 344.

⁹³ Англофил Пейдж был послом США в Великобритании в годы президентства Вильсона и сыграл важную роль в вовлечении США в войну. Clark, *Central Banking Under the Federal Reserve System*, p. 315.

С другой стороны, партнер Моргана Расселл Леффингвелл безо всякого энтузиазма относился к политике совместной кредитной экспансии, затеянной Стронгом и Норманом. Когда весной 1929 г. Леффингвелл узнал, что развернувшийся на Уолл-стрит спекулятивный бум приводит Монти в «панику», он раздраженно заметил близкому компаньону Моргана Томасу Ламонту: «Монти и Бен посеяли ветер. Боюсь, мы пожнем бурю... Думаю, что впереди нас ждет мировой кредитный кризис»⁹⁴.

Можно лишь сожалеть, что Бенджамину Стронгу не пришлось лично испытать эту бурю. Имея проблемы со здоровьем, Стронг проболел почти весь 1928 г. и 16 октября скончался. Он сам выбрал себе преемника, Джорджа Харрисона, также из людей Моргана, но лишённого личного и политического влияния, которые были свойственны Бенджамину Стронгу.

Для начала, как и в 1924 г., запущенная Стронгом денежная инфляция двинула ситуацию в нужном для британцев направлении. Фунт стерлингов укрепился, а поток золота изменил направление и теперь шел из США в Англию. Цены на сельскохозяйственную продукцию, которые выросли со 100 в 1924 г. до 110 в 1925 г., а потом опять упали до 100 в 1926 г. и 99 в 1927 г., в 1928 г. вновь подскочили до 106. Экспорт продовольствия вырос, а иностранные займы в середине 1928 г. достигли рекордного объема. Но и в этот раз стимулы оказали только временное действие. К лету 1928 г. фунт опять провис. В 1929 г. упали цены на сельскохозяйственную продукцию, и уменьшился экспорт. Иностранные заимствования резко сократились, потому что деньги ушли на переживающий бум американский фондовый рынок.

Фондовый рынок уже пребывал в состоянии бума, когда во второй половине 1927 г. было предпринято фатальное усиление кредитной экспансии. Индекс акций промышленных корпораций «Стэндард энд Пуэрз», который в период бума начала 1920-х гг. составил в июне 1921 г. 44,4, к июню 1927 г. вырос в два с лишним раза – до 103,4. Индекс акций железнодорожных компаний вырос с 156,0 в июне 1921 г. до 316,2 в 1927 г., а индекс компаний коммунального хозяйства за тот же период вы-

⁹⁴ Chernow, *House of Morgan*, p. 313.

рос с 66,6 до 135,1. Индекс Доу–Джонса также удвоился: с 95,1 в ноябре 1922 г. до 195,4 в ноябре 1927 г. Кредитная экспансия Федерального резерва во второй половине 1927 г. подлила масла в огонь. В частности, на протяжении всех 1920-х гг. Федеральный резерв целенаправленно и непредусмотрительно стимулировал фондовый рынок, поддерживая «ставку по ссудам до востребования» – главный инструмент финансирования биржевых спекуляций – на искусственно низком уровне. До создания Федеральной резервной системы ставка по ссудам до востребования в периоды обострения биржевого бума нередко подсакивала выше 100%, но в ходе беспрецедентного по размаху биржевого бума 1928–1929 гг. ставка процента по ссудам до востребования ни разу не поднималась выше 10%. На таком низком уровне процент по ссудам до востребования поддерживал Федеральный резервный банк Нью-Йорка, действовавший при содействии и по рекомендациям Валютного комитета Нью-Йоркской фондовой биржи⁹⁵. В ходе биржевого бума 1928–1929 гг. индекс акций практически удвоился. К 29 августа 1929 г. индекс Доу–Джонса дошел до отметки 376,2, индекс Стэндрд энд Пуэрз вырос до 195,2, индекс железнодорожных акций – до 446,0, а индекс компаний коммунального хозяйства – до 375,1 (в сентябре 1929 г.). Кредитная экспансия всегда ведет к взлету цен на титулы собственности, прежде всего на акции и недвижимость, и к концу 1929 г. наблюдался взлет цен на недвижимость в Нью-Йорке, Флориде и многих других регионах. Энергию этого взлета цен поддерживали избыточный объем ипотечных кредитов на строительство чего угодно – от офисных зданий на Манхэттене до мелиоративных сооружений на фермах⁹⁶.

⁹⁵ Rothbard, *America's Great Depression*, p. 116; Clark, *Central Banking Under the Federal Reserve System*, p. 382; Adolph C. Miller, "Responsibilities for Federal Reserve Policies, 1927–1929," *American Economic Review* (September 1935).

⁹⁶ О бума на рынке недвижимости в 1920-х гг. см.: Homer Hoyt, "The Effect of Cyclical Fluctuations upon Real Estate Finance," *Journal of Finance* (April 1947): 57.

Испугавшись размаха биржевых спекуляций, руководство Федерального резерва в 1928 г. попыталось ограничить кредитную экспансию, но тщетно. Организованная Федеральным резервом продажа государственных ценных бумаг не достигла цели по двум причинам: (а) банки заместили «депозиты до востребования» «срочными депозитами», нормативы резервирования по которым были ниже, и которые представляли собой, по существу, не настоящие срочные вклады, а сберегательные вклады, с которых можно было снять деньги по первому требованию; и (б) еще важнее оказались плоды катастрофической политики Федерального резерва по созданию – по европейскому образцу – рынка банковского акцепта векселей. В 1920-е гг. Федеральный резерв проводил политику субсидирования рынка акцепта векселей и, по сути дела, создал его с нуля тем, что охотно и по льготным ставкам покупал любые векселя, акцептованные избранными акцептными банками. Поэтому, когда в 1928 г. Федеральный резерв организовал продажу государственных ценных бумаг, банки просто переместились на рынок акцептованных векселей и наращивали свои резервы за счет их продажи Федеральному резерву. Поэтому продажи Федеральным резервом государственных ценных бумаг на 390 млн долл. были частично нейтрализованы покупкой в конце 1928 г. акцептованных векселей на 330 млн долл⁹⁷. Проведению инфляционной политики способствовала приобретающая в 1928 г. популярность ошибочная идея, разделявшаяся, как мы видели, и президентом Гербертом Гувером, что Федеральный резерв способен укротить бум, ограничив кредиты под биржевые операции, но продолжая при этом раздувать рынок акцептованных векселей.

Федеральный резерв мало того что накачивал рынок деньгами через рынок акцептованных векселей, но еще и ничего не делал для ужесточения условий учета векселей. В первой половине 1928 г. Федеральный резерв переучел банковских векселей

⁹⁷ О плачевных результатах политики Федерального резерва на рынке акцептованных векселей см.: Rothbard, *America's Great Depression*, pp. 117–123.

на 450 млн долл. Слабая попытка ограничить этот рынок свелась к незначительному повышению учетной ставки с 3,5% в начале года до 5% в июле; на этом уровне ставка оставалась до самого конца бума. В результате объем операций Федерального резерва по переучету векселей не уменьшился, а продолжал медленно расти до окончания бума. Кроме того, Федеральный резерв с июля 1928 г. не только не распродал имевшийся у него портфель государственных ценных бумаг на сумму 200 млн долл., а вместо этого даже покупал государственные облигации в это время.

Почему Федеральный резерв вел себя столь пассивно в конце 1928 г. и в 1929 г.? Главной причиной было то, что Европа, и прежде всего Англия, исчерпавшие выгоды, принесенные им инфляционным импульсом середины 1928 г., энергично протестовали против ужесточения денежной политики в США. Ослабление денежной политики в конце 1928 г. остановило отток золота из США. Британия опять теряла золото; фунт вновь ослабел; и США еще раз пошли на поводу желания избавить Европу от последствий ее собственной инфляционистской политики.

В президентской администрации главными инфляционистами были президент Кулидж и министр финансов Меллон, которые вдохновенно играли роль пикадоров рынка «быков» на Уолл-стрит. Так, когда в январе 1927 г. биржевой бум ослабел, Меллон подстегнул его. В марте цены опять провисли, и Меллон счел нужным пообещать снижение процентных ставок. В конце марта ситуация повторилась, и Меллон сделал заявление, в котором пообещал, что «деньги будут в изобилии» и можно не опасаться никаких непредвиденных ситуаций. Позднее в том же году всякий раз, когда биржевой рост останавливался, президент Кулидж делал оптимистические заявления. Кулидж и Меллон объявили, что страна вступила в «новую эпоху» перманентного процветания и постоянно растущих цен на акции. 16 ноября «Нью-Йорк таймс» объявила, что вашингтонская администрация является главным источником новостей о продолжении роста, и отметила растущее впечатление, что биржа может уверенно ждать от Вашингто-

на новый импульс к росту». В следующие два года администрация неоднократно выражала свою уверенность в безоблачности перспектив экономического развития. В марте 1929 г., за несколько дней до вступления в должность нового президента, Кулидж назвал американское процветание «абсолютно гарантированным» и сообщил, что акции «при нынешнем уровне цен можно считать дешевыми»^{98, 99}.

Англия теряла золото, давление на фунт росло, а британцы в ответ протестовали против ужесточения денежно-кредитной политики в США. Франция, которая к концу июня 1928 г. накопила стерлинговых резервов на 450 млн долл., пыталась конвертировать фунты и к середине 1929 г. действительно сумела $\frac{1}{3}$ резервов обратить в золото. Но из уважения к просьбам и угрозам Нормана Банк Франции менял эти фунты не в Лондоне на золото, а в Нью-Йорке на доллары. Французы действовали настолько нерешительно, что (а) их продажи фунтов в 1929–1931 гг. были перекрыты скупкой фунтов малыми

⁹⁸ Rothbard, *America's Great Depression*, p. 148. См. также: *ibid.*, pp. 116–117; Robery, "Capeadores". Тогдашний ведущий биржевой спекулянт, игравший на повышение, Уильям Крапо Дюран, один из главных акционеров «Дженерал моторс», который потерял свое состояние в ходе биржевого краха, провозгласил Кулиджа и Меллона организаторами бума (*Commercial and Financial Chronicle* (April 20, 1929): 2557 ff.).

⁹⁹ Некоторые апологеты Стронга утверждают, что если бы не его смерть, то в 1928 г. он начал политику сжатия кредита и сокращения денежной массы. См., напр.: Carl Snyder, *Capitalism, the Creator: The Economic Foundations of Modern Industrial Society* (New York: Macmillan, 1940), pp. 227–228. Снайдер входил в команду Стронга, возглавляя отдел статистики Федерального резервного банка Нью-Йорка. Но нам известно об обратном: в письме Уолтеру Стюарту от 3 августа 1928 г. Стронг отозвался о робких попытках в 1928 г. сжать кредит как о чрезмерно сильных мерах. Стюарт, в прошлом руководитель исследовательского управления Федерального резерва, за пару лет до этого ставший экономическим советником Банка Англии, в письме к Стронгу выражал опасения в связи с чрезмерно жесткой политикой ограничения банковского кредита в США (Chandler, *Benjamin Strong*, pp. 459–465).

странами Европы; и (б) Норман сумел уговорить Банк Франции прекратить продажи фунтов, которые возобновились только после роковой даты в сентябре 1931 г., когда британцы отказались от собственного золотодевизного стандарта и перешли на неразменный бумажный стандарт¹⁰⁰.

Между тем, несмотря на проводимую в США масштабную эмиссию и политику дешевого кредита, рост производства вел к постепенному снижению цен, и оптовые цены упали с 104,5 (1926 г. = 100) в ноябре 1925 г. до 100 в 1926 г. и до 95,2 в июне 1929 г. Индекс потребительских цен в США также снижался до самого конца 1920-х гг. Так что, несмотря на инфляционную денежную политику Стронга, Норман не мог быть уверен, что рост цен в Америке сможет спасти британский золотодевизный стандарт. Поэтому Монтегю Норман, не ограничиваясь просьбами к американцам о продолжении инфляционной политики, прибег к сомнительным мероприятиям, чтобы удержать отток золота в США. В 1928–1929 гг. он периодически устраивал продажу золота за фунты, чтобы слегка поднять курс английских денег. Эти продажи он приурочивал к отплытию скоростных судов из Лондона в Нью-Йорк, чтобы удержать владельцев золота от его переправки за океан. Такого рода трюки не могли заменить ответственную денежную политику и повышение ставки банковского процента в Англии; они вели лишь к утрате доверия к фунту стерлингов¹⁰¹.

В марте 1929 г. Герберт Гувер, являвшийся в 1920-е гг. влиятельным министром торговли, стал президентом США. Гувер был достаточно близок к группе Моргана, хотя и не так, как Кулидж. Меллон остался на посту министра финансов, а пост государственного секретаря достался близкому к Морганам уолл-стритскому юристу Генри Стимсону, ученику и компаньону Илайхью Рута, личного юриста Дж. П. Моргана¹⁰². Еще

¹⁰⁰ Palyi, *Twilight of Gold*, pp. 187, 194.

¹⁰¹ Anderson, *Economic and Public Welfare*, p. 201.

¹⁰² Близкий к Меллону заместитель министра финансов Огден Миллс-мл., сменивший в 1931 г. Меллона, был нью-йоркским юристом, специалистом по корпоративному праву, из семьи, близкой к кругу Моргана. Министром ВМФ у Гувера был Чарльз Адамс, из бос-

важнее, пожалуй, то, что неофициальным советником Гувера, с которым он консультировался трижды в неделю, был компаньон Моргана Дуайт Морроу¹⁰³.

Гувер выбрал следующую линию поведения по отношению к инфляционному буму: не пытаться сократить денежную массу, а сделать так, чтобы банковские кредиты не попадали на биржу, используя для этого методы грубого нажима, которые позже назовут «моральным воздействием». Это была также излюбленная тактика нового Управляющего совета Федерального резерва Роя Янга. Надежда на то, что можно поддерживать дешевый кредит для «настоящей» торговли и промышленности и не подпускать к нему биржевиков, была иллюзорной. В свою бытность министром торговли Гувер многократно пытался воздействовать на рынки с помощью убеждений. Тогда Гувер пытался добиться, чтобы нью-йоркские банки ограничили практику предоставления ссуд под залог акций, требовал от президента Нью-Йоркской фондовой биржи обуздать спекулянтов, предупреждал редакторов и издателей об опасных последствиях биржевой игры на повышение. Все это было заведомо обречено на провал.

Профессор Бекхарт называет еще одну причину принятия

тонской аристократической семьи, дочь которого вышла замуж за Дж. П. Моргана-мл.

¹⁰³ Burch, *Elites in American History*, p. 280. О влиянии моргановского партнера Томаса Ламонта на президента Гувера, в том числе о его совете Гуверу убрать из дневника, оставленного им для историков, всякие упоминания о своих визитах к президенту, см.: Ferguson, "From Normalcy to New Deal," p. 79.

В 1928 г. в ходе выдвижения кандидата в президенты от республиканской партии у Морганов было три пути: уговорить президента Кулиджа баллотироваться на третий срок (не удалось); поставить на вице-президента Чарльза Дауэса, бывшего юрисконсульта Моргана по железнодорожным компаниям, который вышел из гонки за выдвижение в кандидаты на президентских выборах; поддержать Герберта Гувера. О том, как Гувер был озабочен поддержкой Морганов и как Ламонт его заверил в этой поддержке, см. письмо Томаса Ламонта к Дуайту Морроу от 16 декабря 1927 г. (Ferguson, "From Normalcy to New Deal," p. 77).

на вооружение неэффективной политики морального воздействия: пойти по этому пути президента убедил старый манипулятор Монтегю Норман. Наконец, к июню 1929 г. политика морального воздействия была, наконец, отброшена, но учетный процент еще не подняли, так что биржевой бум продолжался, хотя экономика в целом уже двигалась к спаду. Министр Меллон еще раз протрубил о «нерушимом и устойчивом процветании». В августе Совет управляющих Федерального резерва наконец согласился повысить учетную ставку до 6%, но возможный эффект от этого решения был немедленно съеден решением Федерального резерва понизить ставку акцептования, что немедленно сообщило инфляционный импульс рынку векселей. Причиной того, что ставку опять понизили, после того как она только в марте была повышена, стал «еще один визит Управляющего Нормана»¹⁰⁴. Вот так Монтегю Нормана своим раздвоенным копытом в последний раз подлил масла в костер бума 1920-х гг. Великобритания также входила в состояние депрессии, но ее инфляционная политика все еще обеспечила значительный отток золота в июне и июле. Норман сумел получить кредитную линию на 250 млн долл. от нью-йоркского банковского консорциума, но отток золота, главным образом в США, продолжался до сентября. Продолжая помощь Англии, Федеральный резервный банк Нью-Йорка с августа по октябрь в больших количествах покупал стерлинговые векселя. Очередное введение льготного режима для этого рынка сделало возможным продолжение помощи Великобритании через покупку стерлинговых векселей.

Уилфред Мэй дал красноречивую эпитафию господствовавшей в 1928–1929 гг. политике качественных кредитных ограничений:

Поскольку кредитная система была инфицирована дешевыми деньгами, оказалось невозможным перекрыть отдельные источники кредита, не сокращая его общего объема, потому что невозможно держать разные виды денег в водонепроницаемых отсеках. Оказалось невозможным отрезать от денег бир-

¹⁰⁴ Beckhart, “Federal Reserve Policy,” pp. 127, 142 ff.

жу, но при этом иметь дешевый кредит для торговли... Как только Федеральным резервом эмитируется кредит, нет возможности направлять его для использования в определенных областях, когда он через коммерческие банки попадает в общую систему кредитования¹⁰⁵.

Депрессия и конец золотодевизного стандарта: 1929–1931 гг.

Великобритания, США и другие страны могли бы встретить депрессию или, как говорят в наши дни, рецессию, поразившую мировую экономику в 1929 г., точно так же, как они это делали прежде в условиях классического золотого стандарта. Если говорить коротко, можно было признать, что политика, породившая инфляционный бум, была безрассудна, а значит, нужно запустить механизм рецессии, который и восстановит эффективность свободной рыночной экономики. Иными словами, можно было смириться с необходимостью ликвидировать ошибочные инвестиции, избавиться от явно нежизнеспособных банков и пройти через период дефляционного сжатия денег, цен и кредита. Поступи они так, им пришлось бы пережить жесткий и малоприятный, но непродолжительный период спада и последующего выхода из рецессии. Если государство не вмешивается, рецессия, как правило, за 12–18 месяцев изживает себя и начинается стадия экономического подъема.

Но США, Британия и все остальные страны попали под обаяние идеи дешевых денег. Если инфляционная экспансия банковского кредита завела мир в это болото, значит, чтобы выбраться отсюда, нужно действовать в том же направлении еще решительнее. Это инфляционистское, «протокейнсиан-

¹⁰⁵ A. Wilfred May, "Inflation in Securities," in *The Economics of Inflation*, H. Parker Willis and John M. Chapman, eds. (New York: Columbia University Press, 1935), pp. 292–293; Charles O. Hardy, *Credit Policies of the Federal Reserve System* (Washington, D. C.: Brookings Institution, 1932), pp. 124–177; Oskar Morgenstern, "Developments in the Federal Reserve System," *Harvard Business Review* (October 1930): 2–3; Rothbard, *America's Great Depression*, pp. 151–152.

ское» безумие, а также усилия государства, направленные на предотвращение дефляции, превратили то, что могло бы оказаться недолгим и суровым спадом, в затяжную стагнацию, сопровождающуюся беспрецедентно высокой безработицей, с которой покончила только Вторая мировая война.

Вопреки существующему монетаристскому мифу, что в 1929–1933 гг. Федеральный резерв целенаправленно сокращал денежную массу, США, как и Великобритания, пытались выбраться из рецессии с помощью инфляции. Федеральный резерв проводил инфляционную политику отчасти преследуя внутренние цели, отчасти чтобы помочь Великобритании. В течение недели великого биржевого краха – последней недели октября 1929 г. – Федеральный резерв, точнее говоря Джордж Харрисон, удвоил портфель государственных ценных бумаг и переучел на 200 млн долл. векселей банков–членов ФРС. За одну неделю Федеральный резерв увеличил банковские резервы на 300 млн долл., чтобы предотвратить коллапс рынка акций и дать нью-йоркским банкам возможность перевести на себя кредиты брокерам, уплаты которых требовали небанковские кредиторы. Вопреки возражениям Роя Янга из Совета управляющих Федерального резерва, Харрисон заверил Нью-Йоркскую фондовую биржу, что он «готов предоставить все необходимые средства, которые могут понадобиться»¹⁰⁶. В декабре министр Меллон с обычным для себя оптимизмом заявил, что «кредита предостаточно», а президент Гувер, обращаясь 5 декабря к съезду бизнесменов, поздравил страну с тем, что у нее есть такая замечательная Федеральная резервная система, которая сумела спасти пошатнувшиеся банки, восстановила доверие и, снизив процентную ставку, обеспечила изобилие кредита.

В начале 1930 г. Федеральный резерв запустил программу удешевления кредита, и за год снизил ставку переучета векселей с 4,5 до 2%. Ставки по ссудам до востребования и по акцепту векселей также были снижены. Федеральный резерв закупил государственных облигаций на 218 млн долл., увеличив

¹⁰⁶ Chernow, *House of Morgan*, p. 319.

резервы банков-членов на более чем 100 млн долл. Но из-за банкротства банков в конце 1930 г. объем денежной массы не увеличился. Инфляционисты были недовольны. В конце октября «Бизнес уик» (в то время, как и в наши дни, являвшийся рупором «просвещенных» деловых кругов) разразился обвинениями в адрес «дефляционистов», которые опять оказались «на коне». А вот Паркер Уиллис в редакционной колонке в «Нью-Йорк джорнэл оф коммерс» язвительно указал, что банкротство банков – результат проводимой Федеральным резервом политики дешевых денег, мешающей «расчистке рынков». Уиллис отмечал, что страна страдает из-за того, что огромный капитал заморожен в убыточных заводах, зданиях и т.п. и что избавиться от депрессии удастся лишь после того, как этим бесперспективным проектам будет позволено «ликвидироваться»¹⁰⁷.

В 1930 г. Монтегю Норман отчасти реализовал свое желание формализовать сотрудничество центральных банков. Норман сумел добиться создания нового «банка для центральных банков», Банка международных расчетов; он наладил механизм регулярных совещаний в Базеле, обеспечения клиринговые услуги для репарационных платежей Германии. Хотя Конгресс запретил Федеральному резерву присоединиться к Банку международных расчетов, Федеральный резервный банк Нью-Йорка и моргановские структуры тесно сотрудничали с новым меж-

¹⁰⁷ *Business Week* (October 22, 1930); *Commercial and Financial Chronicle* 131 (August 2, 1930): 690–691. Кроме того, Альберт Уиггин, глава «Чейз нэшнл бэнк», явно выражая взгляды главного экономиста банка д-ра Бенджамина Андерсона, осудил гуверовскую политику дешевых денег, нацеленную на предотвращение падения цен и снижения заработной платы в ходе депрессии. «Когда цены удерживают на уровне более высоком, чем допускает рынок, – писал Уиггин в годовом отчете банка в январе 1931 г., – занятость и покупательная способность заработной платы падают... Политика оттягивания необходимых корректировок не облегчает ситуацию, а всего лишь затягивает депрессию» (*Commercial and Financial Chronicle* 132 (January 17, 1931): 428–129; Rothbard, *America's Great Depression*, pp. 191–193, 212–213, 217, 220–221).

дународным банком. Тот, со своей стороны, относился к Федеральному резервному банку Нью-Йорка как к законному центральному банку США. В феврале 1930 г. Гейтс Макгаррах вышел в отставку с поста председателя совета директоров Федерального резервного банка Нью-Йорка, чтобы стать президентом Банка международных расчетов, а Джэксон Рейнолдс, директор Федерального резервного банка Нью-Йорка, был председателем первого организационного комитета Банка для международных расчетов. Не удивительно, что значительную часть капитала Банку международных расчетов была предоставлена банком «Джи Пи Морган энд компани». И хотя официального разрешения на присоединение к новому Банку не было, управляющий Федерального резервного банка Нью-Йорка Джордж Харрисон совершал «регулярные деловые поездки» для совещаний с руководителями других центральных банков, а его банк в 1931 г. увеличил кредиты Банку международных расчетов.

В 1931 г. многие европейские банки, раздувшиеся в результате кредитной экспансии, получили по заслугам. В октябре 1929 г. австрийский банк «Боден-Кредит-Анштальт», занимавший важное место в банковской системе страны, находился на грани банкротства. Вместо того чтобы дать банку «загнуться» и исчезнуть, международная финансовая элита во главе с Ротшильдами и Морганами помогла банку выжить. Банк «Боден» был присоединен к более старому и сильному банку «Остеррайхише-Кредит-Анштальт», в результате ставшему крупнейшим коммерческим банком Австрии, а профинансировал операцию международный синдикат, в который входили, среди прочих, Дж. П. Морган и венские Ротшильды. Кроме того, правительство Австрии гарантировало некоторые активы банка «Боден».

Однако слияние ослабило «Кредит-Анштальт», и в мае 1931 г. французские банкиры, разгневанные объявлением о заключении таможенного союза между Германией и Австрией, организовали массовое изъятие средств с его счетов. Хотя на помощь «Кредит-Анштальт» пришли Банк Англии, венский банк Ротшильдов и Банк международных расчетов (которому помога-

ли Федеральный резервный банк Нью-Йорка и другие центральные банки), предоставив ему более 31 млн долл., и несмотря на гарантии австрийского правительства, выделившего на оплату обязательств банка 150 млн долл., ни один банк не в силах устоять, если началось массовое изъятие средств вкладчиками, так что в июне 1931 г. Австрия вышла из золотого стандарта, т.е. фактически объявила о банкротстве государства. В этот момент началось массовое снятие средств со счетов немецких банков. С помощью Банка Англии, Банка Франции, Федерального резервного банка Нью-Йорка и ряда других центральных банков Банк международных расчетов собрал для спасения Рейхсбанка 100 млн долл. Но натиск вкладчиков, среди которых были как немцы, так и иностранцы, оказался непреодолимым. К середине июля банковская система Германии была разрушена и страна вышла из золотого стандарта. Поскольку немцы больше всего на свете боялись безудержной инфляции, причиной которой считали девальвацию внешневалютного курса, правительство Германии сочло своим долгом поддержать паритет марки, курс которой относительно золота был сильно завышен. Для достижения этой цели и с расчетом на продолжение инфляционной кредитной экспансии правительство Германии ввело жесточайшие меры валютного контроля.

Было ясно, что следующей после Австрии и Германии будет Англия и что потерявшая доверие публика потребует от нее свое золото. И действительно, в середине июля требования о погашении фунтов золотом стали массовыми, и за девять дней конца июля Банк Англии лишился 125 млн долл. золотом.

В условиях классического золотого стандарта меры по выходу из такого рода кризиса очень просты: нужно ужесточить денежную политику, резко повысив процентную ставку, чтобы золото и иностранный капитал не уходили из Англии или вернулись назад. При возникновении подобного кризиса в условиях классического золотого стандарта банк поднимал ставку до 9–10% и не снижал ее до окончания кризиса. Но в новых условиях приверженность Банка Англии политике дешевых денег оказалась настолько прочна, что от абсурдно низкой

ставки 2,5% на середину июля, когда начался кризис, он постепенно к концу июля поднял ее до 4,5%, и эта низкая ставка продержалась до черного воскресенья, пришедшегося на 20 сентября, когда Англия отказалась от того самого золотодевизного стандарта, который она столь недавно навязала всему миру. Но вместо того чтобы сжать кредит, Банк Англии продолжал политику накачки экономики деньгами. За последние две недели июля Банк Англии приобрел государственных ценных бумаг почти на 115 млн долл.

Англия постыдно выбросила белый флаг в то самое время, когда центральные банки других стран пытались выручить Банк Англии и сохранить золотодевизный стандарт. В ответ на призывы Нормана о помощи Банк Франции и Федеральный резервный банк Нью-Йорка предоставили 1 августа Банку Англии по 125 млн долл. кредита, а в конце августа консорциум французских и американских банков выделил ему еще 400 млн долл. Эти огромные средства были истрачены впустую во имя идеалов инфляционизма и ради поддержания ставки на уровне 4,5%. Как заключает д-р Андерсон:

Англия вышла из золотого стандарта, когда процентная ставка Банка Англии составляла 4,5%. В 1913 г. любому британскому банкиру эта ситуация показалась бы немыслимой... В крушении золотого стандарта в Англии не было никакой необходимости. Причиной всего было длительное нарушение законов золотого стандарта, но даже в момент развязки все можно было бы спасти, вернувшись к ортодоксальной политике золотого стандарта¹⁰⁸.

Англия предала не только страны, пытавшиеся поддержать фунт, но и страны, которым она в 1920-е гг. лукаво навязала золотодевизный стандарт. Она предала банки, которых убедила держать крупные суммы в фунтах на счетах в Лондоне, прежде всего Банк Нидерландов и Банк Франции. В пятницу, 18 сентября, д-р Г. Виссеринг, глава Банка Нидерландов, позвонил Монти Норману и задал вопрос о курсе фунта стерлингов.

¹⁰⁸ Anderson, *Economics and Public Welfare*, p. 248; *ibid.*, pp. 245–250; Bentham, *British Monetary Policy*, pp. 9–10.

Виссеринг подозревал, что пора снять деньги с лондонских счетов, но старый друг Норман заверил его, что при любых обстоятельствах Англия не откажется от золотого стандарта. Спустя два дня Англия предала весь мир. Банк Нидерландов понес огромные убытки¹⁰⁹. Правительство Голландии устроило банку выволочку за то, что все средства держал в фунтах до самого последнего момента. В свое оправдание Банк ссылался на многократные заверения Банка Англии, что в Лондоне все иностранные счета в полной сохранности и им ничто не грозит. Банк Нидерландов открыто заявил, что Банк Англии предал и обманул его¹¹⁰.

Банк Франции также понес крупные убытки от предательства англичан – его потери составили 95 млн долл. Вопреки всем своим опасениям, он лояльно поддерживал английскую золотодевизную систему и накопил значительные стерлинговые резервы. До тех пор пока Банк Англии не вышел из золотого стандарта, Банк Франции не продал ни одного фунта стерлингов; к сентябрю 1931 г. его стерлинговый портфель составил 300 млн долл. – 20% всех валютных резервов Франции. В 1928–1931 гг. запасы фунтов в Банке Франции временно достигали $\frac{2}{3}$ всего золотого резерва Банка Англии.

Монтегю Норман обвинил в своем постыдном провале Банк Франции, но французские власти не имели отношения к давлению на фунт в 1931 г. Атаку организовали прозорливые французские частные инвесторы и коммерческие банки, которые, почуяв слабость фунта и видя нежелание британцев использовать для его поддержки стандартные меры кредитно-денежной политики, решили предъявить свои фунты для размена на золото¹¹¹. Результаты операции по размену фунтов на золото были усугублены хроническим внешнеторговым дефицитом, а к тому же вряд ли на пользу золотому стандарту могло пойти и то, что в конце июля 1931 г. правительство Велико-

¹⁰⁹ Anderson, *Economics and Public Welfare*, pp. 246–247, 253.

¹¹⁰ Palyi, *Twilight of Gold*, pp. 276–278.

¹¹¹ *Ibid.*, pp. 187–190; Kooker, “French Financial Diplomacy,” pp. 105–106, 113–117.

Британия запланировало на 1932/33 фискальный год самый большой с 1920 г. бюджетный дефицит в размере 120 млн фунтов стерлингов. В сентябре были сделаны попытки сократить бюджетный дефицит, но они провалились из-за протеста профсоюзов. Свою роль сыграла и краткосрочная сидячая забастовка военных моряков, которая убедила иностранцев, что Британия не будет особенно напрягаться для спасения своего фунта стерлингов.

В своих мемуарах экономист Мориц Бонн четко подытожил значение того, что совершили англичане в сентябре 1931 г.:

20 сентября 1931 г. стало концом эпохи. Это оказался последний день эпохи экономического либерализма, когда Великобритания была лидером мира... Теперь все это величественное сооружение рухнуло. Девиз «надежно, как Банк Англии» утратил всякий смысл. Банк Англии объявил себя неплатежеспособным. Впервые в истории великая страна-кредитор девальвировала свою валюту, причинив огромные убытки всем, кто ей доверял¹¹².

Сразу же после выхода Англии из золотого стандарта курс фунта упал на 30%. Есть ирония в том, что после всех приключений, в которые Англия ввергла мир, фунт упал до 3,40 долл., т.е. до того самого курса, при котором золотой фунт оказался бы жизнеспособным, если бы Англия с самого начала установила золотой паритет на этом уровне. Вслед за Британией еще 25 стран вышли из золотого стандарта и, проведя девальвацию, перешли к плавающему валютному курсу. Так завершилась эпоха золотодевизного стандарта.

Эпилог

Мир погрузился в валютный хаос: неразменные бумажные деньги, регулярные девальвации, валютный контроль и враждующие валютные и торговые блоки, и все это на фоне протекционистских ограничений торговли. Эти враждующие блоки сыграли важную, хотя и редко упоминаемую роль в

¹¹² Moritz J. Bonn, *Wandering Scholar* (New York: John Day, 1948), p. 278.

создании условий для Второй мировой войны. Эта тенденция к валютному и экономическому национализму особенно усугубилась в 1933 г., когда США, последний бастион золотомонетного стандарта, девальвировали доллар и отказались от золотого стандарта. Та ветвь семьи Рузвельтов, которая подарила стране президента Франклина Рузвельта, всегда была близка со своими соседями Асторами и Гарриманами, а американская политика с самого начала XX в. была отмечена ожесточенным финансовым и политическим соперничеством между Морганом, с одной стороны, и группировкой Гарриманов, Рокфеллеров и Куна-Лёба, с другой. Соответственно, первые годы Нового курса были отмечены всесторонней регулярной осадой «Хаус оф Морган», завершившейся принятием закона Гласса-Стигалла, запретившего соединение функций коммерческого и инвестиционного банка под крышей одной организации. Если в 1920-е гг. эпоха республиканских администраций была отмечена доминированием Морганов, то первые годы Нового курса прошли под знаком союза Гарриманов, Рокфеллеров, фермерских объединений, производителей серебра и промышленных отраслей, работающих на розничного потребителя (автомобили, пишущие машинки и т.п.). Все эти группы объединились вокруг программы инфляционной политики и экономического национализма. Когда, стремясь к восстановлению стабильности валютных курсов, британцы при поддержке Морганов создали в Лондоне в 1933 г. Всемирную экономическую конференцию, президент Рузвельт под влиянием блока инфляционистов и экономических националистов в последнюю минуту пустил все ко дну. Морганов громили внутри страны и за рубежом.

Только в 1936 г. благодаря заступничеству Нормана Дэвиса, ведущего банкира Морганов и одновременно давнишнего друга Рузвельта, и Расселла Леффингвелла, моргановского компаньона и влиятельного демократа, Морганов начали восстанавливать политическое влияние. Символом возвращения Морганов стало принятие в сентябре 1936 г. Трехстороннего валютного соглашения, частично восстановившего стабильность обменных курсов между долларом, франком и фунтом, к которому

вскоре присоединились Бельгия, Голландия и Швейцария. Эти соглашения и тот факт, что в области международных расчетов доллар сохранил размен на золото по курсу 35 долл. за унцию (золотослитковый стандарт), создали условия для восстановления к концу Второй мировой войны нового золотодевизного стандарта. Ведущую роль в восстановлении золотодевизного стандарта сыграли Морганы, а главным деятелем этого процесса был Норман Дэвис, возглавлявший моргановский Совет по внешней политике. Особенностью новой инфляционной «Бреттон-Вудской» системы было то, что она базировалась не на фунте стерлингов, а на долларе. Кроме того, эта инфляционная система, прикрываясь престижем золота, просуществовала намного дольше, чем британская затея, и окончательно развалилась только в конце 1960-х гг.¹¹³

¹¹³ Обзор кредитно-денежной политики в период Нового курса см.: Murray N. Rothbard, "The New Deal and the International Monetary System," in *The Great Depression and New Deal Monetary Policy* (San Francisco: Cato Institute, [1976] 1980), pp. 79–129). Иную трактовку некоторых деталей в этом обзоре игры экономических и финансовых интересов дает Фергюсон: Ferguson, "From Normalcy to New Deal," pp. 41–93; Thomas Ferguson, "Industrial Conflict and the Coming of the New Deal: The Triumph of Multinational Liberalism in America," in *The Rise and Fall of the New Deal Order, 1930–1980*, Steve Fraser and Gary Gerstle, eds. (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1989), pp. 3–31. О пути к Бреттон-Вудским соглашениям см.: G. William Domhoff, *The Rower Elite and the State* (New York: Aldine de Gruyter, 1990), pp. 114–181. О влиянии Гарримана на политику Нового курса см.: Philip H. Burch, Jr., *Elites in American History*, vol. 3, *The New Deal to the Carter Administration* (New York: Holmes and Meier, 1980), pp. 20–31.

ЧАСТЬ V

НОВЫЙ КУРС И МЕЖДУНАРОДНАЯ ВАЛЮТНАЯ СИСТЕМА

Новый курс и международная валютная система

Характер международной денежной политики Нового курса складывался из двух судьбоносных сюжетов, один из которых разворачивался в самом начале этого периода, а другой – в самом конце. В начале 1933 г. была выработана внутренняя кредитно-денежная политика, сочетавшая инфляцию и денежный национализм и ставшая образцом, которому до конца десятилетия последовали все остальные страны мира. Второй сюжет: предпринимаемые во время Второй мировой войны усилия по восстановлению порядка в международных финансах, направленные на превращение доллара в «ключевую» резервную валюту мира. Если пользоваться идеологическими штампами, можно сказать, что в начале эпохи Нового курса был выбран курс на долларовый национализм, а в конце – на долларовый империализм.

1920-е гг.: истоки долларового национализма

Выбор в пользу долларового национализма невозможно понять вне контекста мировой валютной системы 1920-х гг., из которой развилась политика Нового курса. В свою очередь мировую валютную систему 1920-х гг. невозможно понять в отрыве от довоенного устройства мировых финансов и его крушения во время Первой мировой войны, потому что в 1920-е гг. все вращалось вокруг восстановления международного валютного порядка, но только, при всем внешнем сходстве с довоенным положением дел, теперь в его основу были

положены совсем иные принципы и институты.

До войны существовала подлинно «международная» денежная система, поскольку основой мировых денег были не бумажные расписки одного или нескольких правительств, а настоящий экономический товар – золото, предложение которого определялось рыночными силами спроса и предложения. Короче говоря, международный золотой стандарт являлся монетарным эквивалентом и следствием международной системы свободы торговли товарами. Это был метод отделения денег от государства, точно так же, как от него были отделены предприимчивость и международная торговля. Короче говоря, золотой стандарт представлял собой монетарный аналог политики *laissez faire* в остальных областях экономической жизни.

И в довоенную эпоху золотой стандарт, разумеется, не был «чистым», как, впрочем, и вся система *laissez faire*. Во всех крупных странах, не считая США, существовали центральные банки, которые делали все возможное для раздувания денежной массы и манипулирования денежным обращением. Но система была такова, что жестко ограничивала возможности государственного вмешательства. Если какая-то страна раздувала свою денежную массу, инфляция вызывала отток золота из нее в другие страны, а в результате банки этой страны, как центральный, так и коммерческие, были вынуждены быстро отыгрывать назад. И если в тот период Англия являлась мировым финансовым центром, то ее доминирование было явлением не политическим, а рыночным, и ей самой приходилось подчиняться дисциплине золотого стандарта. Вот как описывает эту систему Паркер Уиллис:

До Первой мировой войны распределение металлических денег между странами, придерживавшимися золотого стандарта, направлялось и регулировалось центральными банками мира в соответствии с общеизвестными и общепризнанными принципами международного распределения драгоценных металлов. Повсеместной практикой было свободное движение этих металлов и право людей их приобретать и владеть ими. Валютное регулирование... вводилось только спорадически... и осуществлялось таким образом, чтобы никаким существен-

ным образом не ущемить соответствующие права частных людей или банков¹.

Первая мировая война безвозвратно разрушила эту экономическую идиллию. Прежде всего, все основные державы финансировали огромные военные расходы с помощью сильнейшей инфляции, и в результате все страны, кроме США, даже Великобритания, были вынуждены отказаться от золотого стандарта, потому что утратили возможность выполнять обязательства по размену бумажных денег на золото. Война не разрушила международный порядок, создав на его месте ряд изолированных, конкурирующих и враждующих валют, инфляция которых больше не сдерживалась дисциплиной золотого стандарта. К тому же правительства разных стран ввели жесткие меры валютного контроля, установили фиксированные валютные курсы и запретили вывоз золота за границу; военный конфликт и экономическая блокада были дополнены войной валют.

По окончании войны возникло естественное стремление заменить хаос и соперничество враждующих экономических блоков той или иной формой международного экономического порядка. Главным действующим лицом этой драмы стала Великобритания, которая столкнулась с рядом серьезных трудностей и дилемм. С одной стороны, Британия стремилась не только восстановить былую влияние, но и хотела использовать победу в войне и доминирующее положение в Лиге наций, чтобы навязать свою волю другим странам, среди которых было много небольших новых государств, возникших в соответствии с Версальским договором. Речь шла о ее господстве в политике, экономике и валютно-финансовой системе. Кроме того, Британия больше не чувствовала себя связанной принципами старомодной системы *laissez faire* и не намеревалась соблюдать препятствующую инфляции дисциплину классического золотого стандарта.

Главной проблемой для Британии было то, что скудные ре-

¹ Н. Parker Willis, *The Theory and Practice of Central Banking* (New York: Harper and Bros., 1936), p. 379.

сурсы никак не соответствовали ее притязаниям. В результате разрушительной инфляции и прекращения размена своей валюты на золото не она, а США остались единственным «оплотом» золотого стандарта. Чтобы сохранить доминирующие позиции в послевоенном валютном мире, нужно было каким-то образом привлечь в свой лагерь США в качестве усердного младшего партнера. Поскольку фунт больше пострадал от инфляции военного времени, чем доллар, его рыночный курс по отношению к доллару снизился на 30% – с довоенных 4,86 долл. до 3,50 долл. Тогда британцы решили создать новый вариант международной денежной системы, «золотодевизный стандарт», который был сдан в эксплуатацию в 1925 г. До войны в условиях классического золотого стандарта каждая страна держала свои резервы в золоте и по требованию разменивала на золото бумажные деньги, эмитируемые государством и банками. Новая система золотодевизного стандарта была хитрым изобретением, которое позволило Британии и другим европейским странам сохранить раздувшуюся за годы войны денежную массу и продолжать инфляцию, но при этом рассчитывать на золотой запас США, как на последний резерв всеобщей платежеспособности. В частности, Великобритания могла держать резервы не в золоте, а в долларах, тогда как менее крупные европейские страны должны были держать свои резервы не в золоте, а в фунтах стерлингов. Благодаря этому Великобритания получила возможность строить пирамиду бумажных денег и инфляционного кредита, опираясь на долларовые резервы, а остальные европейские страны могли делать то же самое со своими валютами, но уже опираясь на фунты. Это означало, как легко понять, что только США сохраняли золотомонетный стандарт, а все другие деньги могли быть «погашены» только бумажными деньгами других стран. Нестабильность этой системы, в которой валюты с псевдозолотым стандартом опирались на все более шаткий фундамент золотого доллара, в полной мере стала очевидной в годы Великой депрессии.

Впрочем, задача Британии не ограничивалась только тем, чтобы сделать США добровольным гарантом неустойчивых

из-за чрезмерной эмиссии валют израненной войной Европы. У Великобритании ведь была возможность вернуться к истинному золотому стандарту при новом, реалистичном курсе 3,50 долл. за фунт стерлингов. Но это ее не привлекало. Британцы мечтали о том, чтобы восстановить, причем с еще большим блеском, финансовое превосходство Британии, а если бы они согласились девальвировать фунт на 30%, всем стало бы ясно, что отныне финансовой осью мира является не фунт, а доллар. Этого делать очень не хотелось; чтобы восстановить доминирующее положение, спасти финансовое лицо, считалось необходимым любой ценой, даже рискуя полным финансовым крахом, восстановить курс 4,86 долл. за фунт. Крахом дело и кончилось. Да иначе и быть не могло, потому что восстановить курс 4,86 долл. за фунт, даже на условиях карикатурного золотодевизного стандарта, означало, что фунт станет абсурдно дорогим относительно доллара и других валют, а при текущем уровне цен, сложившемся в условиях высокой инфляции, это гарантировало, что британский экспорт – жизненно важный для страны – станет неконкурентоспособным, и экспортные отрасли попадут в тиски депрессии. Так и случилось, все 1920-е гг. экспортные отрасли, особенно угольная и текстильная, страдали от жестокой депрессии. При восстановлении курса 4,86 долл. за фунт у Британии была единственная возможность сохранить конкурентоспособность своего экспорта – провести основательную дефляцию для понижения общего уровня цен и заработной платы. Дефляционная политика никогда не дается легко, но для Британии она оказалась вовсе невозможной, потому что новая система страхования по безработице в сочетании с сильными и воинственными профсоюзами заранее обрекали на неудачу любую политику снижения заработной платы.

Но если у Британии не было возможностей девальвировать золотой курс фунта или провести глубокую дефляцию для поддержания конкурентоспособности экспортных отраслей, оставался третий путь, который и стал главным для ее международной экономической политики в 1920-е гг.: она могла побудить или принудить другие страны к проведению инфляции

либо сделать так, чтобы и они установили завышенный курс своих валют по отношению к золоту; короче говоря, раз она не могла вычистить и привести в порядок собственную экономику, она могла ввергнуть в хаос экономики всех других стран. В противном случае золото из инфляционной британской экономики стало бы утекать в США, Францию и другие страны, проводящие политику «твердых денег», как, собственно, это и происходило в 1920-х гг.; только добившись того, чтобы другие страны, прежде всего США, также вели инфляционную политику, Британия могла контролировать утечку золота и, тем самым, оттягивать разрушение халтурно скроенной международной валютной системы.

Поначалу придуманная британцами схема работала блестяще, но длилось это недолго. Самое уязвимое звено этой структуры осталось незамеченным: если США, база денежных пирамид и единственная связь с золотом и твердыми деньгами для всех валют, станут злоупотреблять инфляцией, доллар также станет неустойчивым, золото начнет уходить из оборота, а кончится тем, что доллар рухнет и увлечет за собой все сооружение. Во время Великой депрессии все именно так и произошло.

Используя свое доминирование во влиятельном Финансовом комитете Лиги наций, Англия сумела – не мытьем, так катаньем – добиться того, чтобы в одной стране Европы за другой, во-первых, был создан центральный банк, согласовывающий свою политику с Банком Англии, во-вторых, чтобы было принято решение о возврате не к классическому золотомонетному, а к новому золотодевизному стандарту, открывающему перспективы продолжения инфляции, и в-третьих, чтобы был установлен завышенный валютный курс относительно золота, создающий благоприятные условия для британского экспорта. Центральными фигурами в Финансовом комитете Лиги наций были Монтегю Норман, глава Банка Англии, и его ближайшие сотрудники сэр Отто Нимейер и сэр Генри Стракоц, преданные идее сотрудничества центральных банков во имя «стабилизации» (на деле – повышения) уровня цен по всему миру. Выдающийся британский экономист сэр Ральф Хоутри, ди-

ректор подразделения финансовых исследований министерства финансов Великобритании, одним из первых заговорил о преимуществах такой системы и призвал европейцев к установлению золотодевизного стандарта. Весной 1922 г. Норман побудил Лигу наций созвать Генуэзскую конференцию, которая высказалась за эту концепцию финансовой политики².

Но британское давление на европейские страны не ограничивалось использованием резолюций и конференций. Используя кнут (политическое давление) и пряник (английские и американские кредиты), британцы добились того, что одна страна за другой приняли выгодное Британии направление финансовой политики, иными словами, установили золотодевизный стандарт при завышенном курсе относительно золота, что должно было стать препятствием экспорту собственных товаров и стимулом для импорта британской продукции. Кроме того, британцы с помощью дешевых кредитов поддерживали свой слабеющий экспортный рынок. Проницательную критику британской политики мы находим в дневниковых записях Эмиля Моро, управляющего Банка Франции, страны, приверженной политике золотого стандарта и твердых денег, что и сделало ее в 1931 г. инструментом обрушения фунта стерлингов и развала системы британского финансового доминирования. Моро писал:

Англия первой из европейских стран восстановила денежную стабильность и использовала это преимущество для установления своего финансового доминирования в Европе. Инструментом этой политики был Финансовый комитет [Лиги наций] в Женеве. В каждой стране провоцировались финансовые проблемы, чтобы та была вынуждена обратиться в контролируемый британцами Женевский комитет. Метод разрешения проблем всегда был одинаковым: в центральный банк назначался иностранный контролер – британец или по рекомендации Банка Англии; часть резервов центрального банка размещалась в Банке Англии, что обеспечивало одновременно укрепление фунта и британского влияния. Чтобы предотвра-

² Murray N. Rothbard, *America's Great Depression*, 3rd ed. (Kansas City, Mo.: Sheed and Ward, 1975), pp. 159 ff.

тить возможные неудачи, они заручились сотрудничеством Федерального резервного банка Нью-Йорка. Кроме того, на Америку возложили обязанность предоставлять иностранные займы, если их сумма неподъемна [для англичан. – Прим. перев.], но политические выгоды от этих операций неизменно достаются британцам.

Таким образом Англия полностью или частично уже закрепила в Австрии, Венгрии, Бельгии, Норвегии и Италии. Она укрепляет свои позиции в Греции и Португалии. Она стремится заполучить плацдарм в Югославии и с изощренным коварством теснит нас в Румынии... Будут существовать два класса валют. Валюты первого класса, доллар и фунт, базирующиеся на золоте, и второго класса – базирующиеся на фунте и долларе и хранящие часть своего золотого запаса в Банке Англии и в Федеральном резервном банке Нью-Йорка. Все эти валюты распрощаются с независимостью³.

Для Британии было жизненно важно сделать США опорой и поддержкой для фунта и золотодевизной системы, и эта цель была достигнута благодаря тесной дружбе между Монтегю Норманом и Бенджаминем Стронгом, управляющим Федеральным резервным банком Нью-Йорка, который занял свой пост при создании Федерального резерва в 1914 г. и обладал почти абсолютным влиянием на политику Федерального резерва до своей смерти в 1928 г. Поддержка Соединенных Штатов была обеспечена вопреки противодействию Совета управляющих Федерального резерва в Вашингтоне, который не одобрял англофильскую ориентацию Стронга. Стронг и Норман ежегодно наносили взаимные визиты, которые держались в секрете не только от публики, но и от самого Совета управ-

³ Запись в дневнике Эмиля Моро от 6 февраля 1928 г. Lester V. Chandler, *Benjamin Strong, Central Banker* (Washington, D. C.: Brookings Institution, 1958), pp. 379–380. О золотодевизном стандарте и о том, как европейские страны были принуждены установить завышенный курс своих валют по отношению к золоту см.: H. Parker Willis, "The Breakdown of the Gold Exchange Standard and its Financial Imperialism," *The Annalist* (October 16, 1931): 626 ff.; William Adams Brown, Jr., *The International Gold Standard Reinterpreted, 1914–1934* (New York: National Bureau of Economic Research, 1940), 2, pp. 732–749.

ляющих Федерального резерва.

Стронг и Федеральный резервный банк Нью-Йорка оказывали разные виды помощи Англии и режиму золотодевизного стандарта. В 1925 г. и в последующие годы Федеральный резервный банк Нью-Йорка открыл кредитные линии для Британии, Бельгии, Польши и Италии, чтобы облегчить им установление золотодевизного стандарта при завышенном курсе их валют относительно золота. Но еще большее значение имели кампании денежно-кредитной экспансии, проведенные Стронгом в США в 1924 и 1927 г. для поддержки фунта стерлингов. Идея заключалась в том, чтобы с помощью кредитной экспансии в США остановить утечку золота из Британии и, таким образом, остановить падение цен на американские товары или даже поднять цены, чтобы стимулировать импорт из Великобритании и сделать процентные ставки в Нью-Йорке ниже, чем в Лондоне. Падение процентных ставок должно было стимулировать перекачку золота из США в Англию, тем самым нивелируя последствия инфляции и завышенного курса фунта. В обоих случаях инфляционная накачка экономики дала задуманные результаты и спасла британцев от последствий собственной инфляционной политики, но самим США эта инфляция обошлась дорого – опасный бум на фондовом рынке и на рынке недвижимости, а в итоге Великая депрессия. На тайной конференции руководителей центральных банков, проведенной по настоянию Нормана в июле 1927 г. в Нью-Йорке, Стронг, несмотря на возражения Германии и Франции, согласился организовать инфляционную кредитную экспансию и весело сообщил представителю Банка Франции, что намерен дать фондовому рынку «небольшую *coup de whiskey*»⁴.

⁴ О *coup de whiskey* (стопка виски (франц.). – Прим. перев.) см.: Charles Rist, “Notice Biographique,” *Revue d’Economie Politique* November–December, 1955): 1005. О сотрудничестве Стронга и Нормана см. также: Lawrence E. Clark, *Central Banking Under the Federal Reserve System* (New York: Macmillan, 1935), pp. 307–321; Benjamin M. Anderson, *Economics and the Public Welfare: Financial and Economic History of the United States, 1914–1946* (New York: D. Van Nostrand, 1949).

Америке, да и всему миру, пришлось дорого заплатить за эту стопку виски.

Деловые и финансовые круги Чикаго, не имевшие, в отличие от Стронга, тесных связей с Англией, выразили решительный протест против кампании кредитной экспансии 1927 г., а Федеральный резервный банк Чикаго до последнего отказывался от участия в проведении политики дешевых денег и понижения ставки процента. Газета «Чикаго трибюн» дошла до того, что призвала отправить Стронга в отставку, обвинив его в том, что учетные ставки снижаются в интересах Великобритании. Стронг, однако, сумел уговорить банкиров Среднего Запада, что дешевый кредит нужен и важен для поддержки американских фермеров. Зато английские финансовые круги высоко оценили достижения Нормана, сумевшего заручиться поддержкой Стронга, и лондонский журнал «Бэнкер» писал о Стронге, что «у Англии нет друга лучше». Журнал превозносил «энергию и мастерство, которые он поставил на службу Англии», и экзальтированно провозглашал, что «его имя должно быть поставлено рядом с именем м-ра [Уолтера Хайнса] Пейджа, как верного друга Англии в дни испытаний»⁵.

Вопиющим примером вмешательства Стронга в пользу Нормана и его политики является случай, произошедший весной 1926 г., когда один из влиятельных коллег Нормана предложил установить в Индии полноценный золотомонетный стандарт. По просьбе Нормана Стронг с группой американских экономистов высадился в Англии, чтобы засвидетельствовать, что отток денег в Индию помешает другим странам планомерно наращивать денежную массу, и тем самым под-

⁵ *The Banker*, June 1, 1926, and November 1928, in Clark, *Central Banking Under the Federal Reserve System*, pp. 315–316. См. также: Anderson, pp. 182–183; Benjamin H. Beckhart, “Federal Reserve Policy and the Money Market, 1923–1931,” in *The New York Money Market* (New York: Columbia University Press, 1931), 4, pp. 67 ff. Осенью 1926 г. один ведущий американский банкир признал, что американская политика дешевых денег пагубна, но «здесь ничего не поделаешь. Это плата за нашу помощь Европе» (H. Parker Willis, “The Failure of the Federal Reserve,” *North American Review* (1929): 553).

держатъ насаждаемую Норманом систему золотодевизного стандарта и политику «накопления» золота внутри страны как основы кредитной экспансии⁶.

Тесное сотрудничество Нормана и Стронга в координировании инфляционной политики и установлении золотодевизного стандарта не было результатом случайного совпадения личных идей и вкусов; основой их совместной деятельности были тесные связи обоих с банком «Хаус оф Морган» и с интересами группы Моргана. Стронг сам был выходцем из моргановского круга: прежде чем стать управляющим Федерального резервного банка Нью-Йорка, он возглавлял ориентированную на Моргана «Бэнкерз траст компани», а его ближайшими друзьями были компаньоны Моргана Генри Дэвисон и Дуайт Морроу, который уговорил его принять пост в Федеральном резерве. А банк «Джи Пи Морган энд компани», в свою очередь, являлся агентом правительства Британии и Банка Англии, а его тесные финансовые связи с Англией, его кредиты Великобритании и участие в экспортной торговле США сыграли большую роль в вовлечении Соединенных Штатов в Первую мировую войну на стороне Англии⁷. Что касается Монтегю Нормана, его дед был компаньоном в лондонской банковской фирме «Браун, Шипли энд компани» и в ее дочерней нью-йоркской фирме «Браун бразерс энд компани», которая представляла собой солидный инвестиционный банк, имевший давние и прочные связи с «Хаус оф Морган». Сам Норман был компаньоном в «Браун, Шипли энд компани» и, кроме того, несколько лет проработал в США в «Браун бразерс энд компани».

Кроме того, «Джи Пи Морган энд компани» в рамках сотрудничества с Федеральным резервным банком Нью-Йорка ссудил в 1925 г. Великобритании 100 млн долл., чтобы облегчить ей восстановление золотого стандарта, а во время финан-

⁶ Rothbard, *America's Great Depression*, p. 138; Chandler, *Benjamin Strong*, pp. 356 ff.

⁷ Charles Callan Tansill, *America Goes to War* (Boston: Little, Brown, 1938), pp. 70–134. О содействии, оказанном Стронгом банку «Хаус оф Морган», и его роли в предоставлении кредитов Англии и Франции см.: *ibid.*, pp. 87–88, 96–101, 106–108, 118–132.

сового кризиса 1931 г. предоставлял кредиты разным странам Европы в тщетной надежде спасти их шаткие банковские системы. Не удивительно, что в своем исследовании истории ФРС в период до начала Нового курса д-р Кларк пришел к выводу, что «Федеральный резервный банк Нью-Йорка в сотрудничестве с частным международным банковским домом [«Джи Пи Морган энд компани»] устанавливал курс, которым следовала Федеральная резервная система»⁸.

В своей деятельности Стронг и Норман вдохновлялись теоретической идеей, что государства должны сотрудничать во имя «стабилизации» уровня цен. Существовавший до войны золотой стандарт и политика экономической свободы базировались на предположении, что цены должны формироваться исключительно в соответствии с силами спроса и предложения и что манипуляции центрального банка здесь ни к чему. На практике это порождало долгосрочную тенденцию падения уровня цен, поскольку со временем происходил рост производительности труда и объема производства. Поэтому в *чисто практическом* плане идея стабилизации означала *рост* цен: инфляционная кредитно-денежная политика центральных банков должна была предотвращать снижение цен или обеспечивать их рост. Таким образом, стабилизация цен означала замену классического золотого стандарта и политику *laissez faire* режимом «управляемых денег», т.е. проводимой центральным банком политикой инфляционной кредитной экспансии.

Как мы уже убедились, далеко не случайно в Англии пропаганду политики стабилизации цен взяла на себя сэр Ральф Хоутри и различные сотрудники Монтегю Нормана, в том числе сэр Джошуа Стэмп, председатель «Мидлэнд рейлвейз» и директор Банка Англии, и два других-его директора – сэр Бейсил Блэкетт и сэр Чарльз Эддис.

В американской историографии долгое время существовал миф, что банкиры и крупные бизнесмены всегда являются сторонниками «стабильных денег» и противниками дешевого

⁸ Clark, *Central Banking Under the Federal Reserve System*, p. 343.

кредита или инфляции. Во всяком случае, история Нового курса, да и предшествующей эпохи этого не подтверждают⁹. Действительно, наиболее известными проводниками идеи стабилизации цен были ученые-экономисты, среди которых самым известным был профессор Ирвинг Фишер из Йельского университета. Но в свою Лигу стабильных денег (основанную в 1921 г.) и сменившую ее Ассоциацию за стабильные деньги профессору Фишеру удалось вовлечь множество богатых людей, банкиров и бизнесменов, а также лидеров рабочего и фермерского движений. Активное участие в деятельности Лиги и Ассоциации принимали: Генри Аггард Уоллес, редактор «Уоллесиз фармер» и министр сельского хозяйства в период Нового курса; состоятельный Джон Уинант, ставший позднее губернатором штата Нью-Хемпшир; Джордж Истмен из «Истмен Кодак»; Фредерик Гофф, глава «Кливленд траст компани»; Джон Ровенски, вице-президент «Бэнк оф Америка»; Фредерик Делано, дядя Франклина Делано Рузвельта; Сэмюэл Гомперс, Джон Фрей и Уильям Грин из Американской федерации труда; Пол Варбург, компаньон в «Кун, Лёб энд компани»; Отто Кан, видный инвестиционный банкир; Джеймс Рэнд-мл., глава «Ремингтон рэнд компани» и Оуэн Янг из «Дженерал электрик». Кроме того, посты почетных вице-президентов согласились принять главы следующих организаций: Американской ассоциации за трудовое законодательство; Американской ассоциации адвокатов; Американской фермерской федерации; Братства железнодорожных проводников; Национальной ассоциации по изучению кредитоспособности; Национальной ассоциации владельцев ценных бумаг железнодорожных компаний и компаний коммунального хозяйства; Национальной ассоциации розничной мануфактурной торговли; Американской

⁹ Об известных в американской истории банкирах и бизнесменах, являвшихся приверженцами дешевых денег и инфляции, в том числе о проинфляционной позиции в 1920-е гг. Пола Варбурга из «Кун, Лёб энд компани» см.: Murray N. Rothbard, "Money, the State and Modern Mercantilism," in *Central Planning and New-Mercantilism*, Helmut Schoeck and James W. Wiggins, eds. (Princeton, N. J.: D. Van Nostrand, 1964), pp. 146–154.

лиги кредитно-строительных обществ; Американской хлопковой биржи; Чикагской торговой ассоциации; Нью-йоркской торговой ассоциации, а также ассоциации банкиров из 43 штатов и Федерального округа Колумбия¹⁰.

Нет ничего удивительного в том, что Ирвинг Фишер был восхищен достижениями Стронга на посту управляющего федеральным резервным банком в деле стабилизации оптовых цен в конце 1920-х гг. и задал тон сообществу американских экономистов в прославлении «новой эры» нерушимого процветания, которую привела в мир новая политика управления деньгами. Фишер проявил особую критичность по отношению к скептическому меньшинству среди экономистов, предостерегавшему, что дешевый кредит может привести к перегреву рынков акций и недвижимости, но даже после биржевого краха Фишер продолжал настаивать, что процветание, в том числе на рынке акций, уже не за горами. Не исключено, что благосклонное отношение Фишера к инфляции на фондовом рынке являлось в той или иной степени отражением его личных операций на рынке акций, где его успех в значительной степени зависел от продолжения политики дешевого кредита¹¹.

Среди скептиков, не разделявших господствовавшее настроение энтузиазма по отношению к Стронгу и новой эре кредитно-денежной инфляции, выделялись люди из близкого к группе Рокфеллера «Чейз нэшнл бэнк», и прежде всего Бартон Хепберн, историк экономики и председатель совета директоров, и д-р Бенджамин Андерсон-мл., главный экономист банка. Весьма влиятельным и неутомимым критиком был д-р Паркер Уиллис, редактор «Джорнэл оф коммерс», бывший помощник сенатора Картера Гласса (демократ от штата Виргиния) и профессор банковского дела Колумбийского университета. К Уиллису примыкали многие из его учеников, в том числе д-р Ральф

¹⁰ Irving Fisher, *Stabilized Money* (London: George Allen and Unwin, 1935), pp. 104–113, 375–389, 411–412.

¹¹ Фишер был также компаньоном Джеймса Рэнда-мл. по фирме, производившей каталожное оборудование. Fisher, pp. 387–388; Irving Norton Fisher, *My Father Irving Fisher* (New York: Comet Press, 1956), pp. 220 ff.

Роби, ставший впоследствии экономистом Национальной ассоциации промышленников. Среди критиков был и д-р Руфус Такер, экономист корпорации «Дженерал моторс». Среди членов Совета управляющих Федерального резерва главным критиком был д-р Адольф Миллер, близкий друг Герберта Гувера, также критически относившегося к политике Стронга. С другой стороны, активным сторонником инфляционистской политики был министр финансов Эндрю Меллон. Этот раскол в деловых и банковских кругах был предвестием раскола, возникшего в 1933 г. из-за рузвельтовских изменений кредитно-денежной политики.

Первый сюжет Нового курса: долларовый национализм

Утвердившийся в 1920-е гг. международный денежный порядок был разрушен бурей Великой депрессии, вернее, он рухнул под давлением внутренних противоречий в ходе вызванной ими депрессии. Одной из самых пагубных черт депрессии была международная волна банковских крахов, а причиной этих банкротств были инфляция и чрезмерная кредитная экспансия, т.е. плоды управляемого международного золотодевизного стандарта. Когда начала рушиться пирамида банковских кредитов, следом за ней одна за другой посыпались национальные банковские системы; так же, как в ходе инфляции происходило наращивание международных платежных обязательств, так и массовое предъявление их к оплате породило обоснованное сомнение в надежности банков, и это стало причиной эпидемии банкротств. Крах банковских систем в странах со слабыми валютами способствовал росту напряженности в других странах со слабыми валютами, которая в конце концов достигла основания шаткой пирамиды – Британии и США.

Масштабный банковский кризис начался в Австрии, которая так и не смогла оправиться после расчленения империи в соответствии с Версальским договором. В 1929 г. на грани банкротства оказался крупный венский банк «Боден-Кредит-Анштальт». Крупнейшие банковские организации мира –

«Джи Пи Морган», «Хаус оф Ротшильд», Федеральный резервный банк Нью-Йорка – предприняли отчаянные усилия для его спасения, но ценой огромных затрат сумели лишь оттянуть его окончательный крах до мая 1931 г. Вместо того чтобы смириться с полным банкротством своих банковских систем, Австрия, а следом за ней Германия и другие европейские страны в 1931 г. вышли из золотого стандарта¹².

Но сохранение международной валютной системы зависело от Британии, которая являлась опорой и сутью мирового золотодевизного стандарта. Архитектура золотодевизного стандарта в сочетании с инфляцией и дешевым кредитом сделали Британию основой мировой валютной системы, так что когда занервничавшие иностранцы потребовали обменять их фунты на золото или доллары, давление на фунт стерлингов оказалось огромным. В 1920-е гг. британские банки предоставили большие кредиты Германии, и после краха ее банковской системы давление на фунт еще больше усилилось. Но Британия могла бы спасти положение, если бы прибегла к методам терапии классического золотого стандарта, резко повысив ставку банковского процента, чтобы привлечь средства со всего мира. Такое временное ужесточение денежной политики и подавление инфляции внушило бы иностранцам доверие к устойчивости фунта, и они отказались бы от требования конвертировать свои стерлинговые авуары в золото. В ходе прошлых денежных кризисов, например, Британия одним махом поднимала ставку по банковским кредитам до 10% и, временно сжимая объем денежной массы, останавливала инфляцию. Но в 1931 г. политический климат был таков, что вопрос о дефляции и твердой валюте даже не поднимался. Так что мировые финансовые круги ошеломленно наблюдали, как Британия продолжала держать низкую ставку процента, которая ни разу не поднялась выше 4,5%, а чтобы компенсировать потери уплывавшего из страны золота, продолжала печатать фунты. Когда давление на фунт стало труднопереносимым, Британия в сентябре 1931 г. цинично отказалась от золотодевизного стан-

¹² Anderson, *Economics and the Public Welfare*, pp. 232 ff.

дарта, распрощавшись с той самой денежной системой, которую силой и хитростью навязала Европе. Ради продолжения инфляционной политики Британия пожертвовала ей же самой созданной международной денежной системой¹³.

Европейская денежная система распалась на враждующие валютные блоки, породив такие явления, как валютный контроль, торговые ограничения и колеблющиеся валютные курсы. Вслед за Британией от золотого стандарта отказались очень многие страны за исключением Бельгии, Голландии, Франции, Италии, Швейцарии и США. Колонии и доминионы Британской империи образовали стерлинговый блок, в котором курсы валют фиксировались относительно фунта стерлингов. Самое смешное заключалось в том, что фунт, обретя в результате отказа Британии от золотого стандарта свободу, быстро пришел к естественному для него курсу – 3,40 долл. за фунт. Грандиозный эксперимент по восстановлению довоенного золотого паритета с помощью искусственной формы золотого стандарта окончился для Британии и для всего мира катастрофой.

В последние недели существования гугеровской администрации США сделали отчаянную попытку восстановить международную валютную систему. На этот раз Британия получила предложение вернуться к золотому стандарту при новом, намного более реалистичном золотом паритете в обмен на списание значительной части военного долга. В этом случае валютный курс фунта не был бы завышен, и экспортные отрасли Британии не страдали бы от хронической депрессии. Но в британцах разыграла имперская спесь, и они потребовали поднять цены до уровня 1929 г., т.е. до начала депрессии. Не оставалось сомнений, что под лозунгом «стабилизации цен» скрывалась не столько стабильность, сколько просто высокие цены, и что целью является инфляция и возвращение к ценам, существовавшим в период бума. Британия отвергла предложение

¹³ Lionel Robbins, *The Great Depression* (New York: Macmillan, 1934), pp. 89–99; Anderson, *Economics and the Public Welfare*, pp. 244 ff.; Frederic C. Benham, *British Monetary Policy* (London: P.S. King and Son, 1932), pp. 1–45.

американцев и тем разрушила последние надежды на восстановление стабильности и порядка в международной торговле¹⁴.

Судьба мировых денег оказалась в руках США, самой большой и сильной из стран, сохранивших золотой стандарт. Попытки Федерального резерва бороться с депрессией путем увеличения денежной массы и снижения процентной ставки ослабляли доверие к доллару, а отток золота в сочетании с банкротством банков ослаблял позиции банковской системы. Наконец, в период междуцарствия между администрациями Гувера и Рузвельта масштаб банковских банкротств принял угрожающий характер. Банковская система с частичным резервированием не в состоянии выдержать массовое снятие денег со счетов, поэтому у правительства в этой ситуации было всего две возможности. Последовательные сторонники режима *laissez faire* не мешали бы банкам разоряться и провели бы быструю и решительную хирургическую операцию, в результате которой инфляция ушла бы в прошлое, а в стране остались бы только надежные банки и по-настоящему «твердая» и стабильная валюта. Другая возможность заключалась в том, чтобы объявить «банковские каникулы», т.е. освободить банки от необходимости платить по обязательствам, а затем выйти из золотого стандарта и оставить инфлированные неразменные бумажные деньги. Нужно отдавать себе отчет, что обе администрации – Гувера и Рузвельта – не имели ни малейшего намерения вести политику в духе *laissez faire*, хотя, разумеется, там велись горячие споры о целесообразности отказа от золотого стандарта¹⁵.

Администрации президента Рузвельта предстояло решить – выходить из золотого стандарта или сохранить его. Идея «банковских каникул» была одобрена практически единогласно, но вопрос о будущем золотого стандарта вызвал раскол.

В то время как большинство университетских экономистов твердо стояли за золотой стандарт, неутомимый Ирвинг Фишер,

¹⁴ Robbins, *The Great Depression*, pp. 100–121.

¹⁵ Rothbard, *America's Great Depression*, pp. 284–299; H. Parker Willis, "A Crisis in American Banking," in *The Banking Situation*, H. P. Willis and J. M. Chapman, eds. (New York: Columbia University Press, 1934), pp. 3–120.

рвление которого объяснялось личной заинтересованностью в повышении цен на акции, развернул активную агитацию за инфляцию. Поскольку декларируемой целью Ассоциации за стабильные деньги была стабилизация цен, а Фишер и другие инфляционисты мечтали о резком повышении цен, эта ассоциация была ликвидирована, и на ее базе был создан новый открыто инфляционистский Национальный комитет за восстановление уровня цен и покупательной способности. Основанный в январе 1933 г., Национальный комитет открыто призывал к «рефляции» до уровня начала 1929 г. и только *после* решения этой задачи намеревался заняться стабилизацией цен. Комитет, оказывавший значительное влияние на решения Рузвельта, состоял главным образом из видных бизнесменов. Инициаторами создания Комитета были Винсент Бендикс, президент «Бендикс авиэйшн», и Роберт Вуд, глава «Сирз, Роубэк энд компани». В конце 1932 г. к ним присоединились Фрэнк Вандерлип, единомышленник Фишера и бывший президент «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк», Джеймс Хэнд-мл. из корпорации «Ремингтон рэнд» и Магнус Александер, глава Совета национальной промышленной конференции.

Среди других членов Национального комитета были: Фред Сексауэр, президент Кооперативной ассоциации союза владельцев молочных ферм; Фредерик Фрэзер, председатель совета директоров «Дженерал бэнкинг компани»; автомобильный магнат Э. Л. Корд; Лессинг Розенвальд, председатель совета директоров компании «Сирз, Роубэк»; Сэмюэл Фелс из «Фелз энд компани»; Филипп Ригли, президент «Уильям Ригли компани»; Джон Генри Хаммонд, председатель совета директоров «Бангор энд Арустук рейлруд»; Эдвард О'Нил, глава Американской федерации фермерских бюро; Л. Д. Тейбер, глава «Нэшнл Грейндж»; Ф. Р. Вурлитцер, вице-президент «Рудольф Вурлитцер мануфэкчуринг компани»; Уильям Макавини, президент компании «Гудзон мотор компани»; Фрэнк Гэннетт из «Гэннетт ньюспейперз» и банкир из штата Индиана Уильям Уирт. Примечательно, что та же самая группа консервативных промышленников позднее, в конце 1930-х гг., образовала Комитет за конституционное правительство, выступивший против по-

литики Нового курса. Законности потребовали те самые люди, которые на заре Нового курса выступали за инфляцию, восстановление прежнего уровня цен и выход из золотого стандарта.

С Национальным комитетом были связаны еще два деятеля, оказывавшие влияние на решения Франклина Рузвельта: Джордж Уоррен, специалист по экономике сельского хозяйства, и его коллега Фрэнк Пирсон, которые были вдохновителями рузвельтовской программы непрерывного повышения покупной цены золота.

В момент создания Национальный комитет включал несколько сот лидеров промышленных и сельскохозяйственных предприятий, а через год – уже более двух тысяч. Администрация Рузвельта реализовала его рекомендации: отказ от золотого стандарта и введение эмбарго на экспорт золота, девальвация доллара и повышение цены на золото¹⁶. А когда в конце февраля Рузвельт, еще не вступивший в должность президента, обратился к Фишеру за советом, тот настоятельно рекомендовал немедленно отказаться от золотого стандарта, восстановить докризисный уровень цен и девальвировать доллар¹⁷. А 19 апреля, когда Рузвельт выказал готовность проводить этот политический курс, восхищенный Фишер писал: «Теперь я уверен – насколько можно хоть в чем-то быть уверенным – что мы выберемся из этой депрессии. Теперь я один из самых счастливых людей в мире». В том же письме жене, наследнице солидного состояния семьи Хэзерл, Фишер добавляет:

Теперь моя главная забота добыть денег для нас. Возможно, придется опять обратиться к сестре [к сестре его жены, Каролине]... Последние несколько недель я не платил по счетам, потому что считал нечестным просить у сестры денег, когда не был уверен, что смогу когда-либо их вернуть. Я имею в виду, что если бы ФДР последовал совету Гласса, мы почти заведомо разорились бы. И то же самое было бы с «Эллайд кэмикл» [в

¹⁶ Fisher, *Stabilized Money*, pp. 108–109, 118–122, 413–414; Jordan Schwarz, ed., 1933: *Roosevelt's Decision, the United States Leaves the Gold Standard*, (New York: Chelsea House, 1969), pp. 44–60, 116–120.

¹⁷ Schwarz, 1933: *Roosevelt's Decision*, pp. 27–35.

которую была вложена значительная часть капиталов его жены] и с правительством США... Теперь я могу обратиться к сестре с чистой совестью¹⁸.

Не только Фишером двигали как идейные, так и личные соображения. Позиция Национального комитета также имела экономическую подоплеку. Фермерские организации желали роста цен на сельскохозяйственную продукцию, в том числе роста экспортных цен, а в случае девальвации доллара именно этого и следовало ожидать. Что касается остальных членов Комитета и других сторонников инфляции, то Герберт Фейс замечает:

К весне 1933 г. различные группы и организации громко требовали осуществить инфляцию или девальвацию, или то и другое сразу. Самым эффективным, пожалуй, был Национальный комитет. Среди его членов были крупные торговцы, такие, как глава «Сирз, Рoubэк», некоторые журналисты, дельцы с Уолл-стрит и ряд валютных спекулянтов. Они хотели, чтобы США вышли из золотого стандарта и девальвировали доллар, что обещало им прибыль либо как валютным спекулянтам, либо как производителям. Девальвация обещала выгоду еще одной, более консервативной группе, тем, кто уже вывез золото из страны или каким-то другим путем заполучил ликвидные активы в иностранных банках. Они полагали, что всего лишь защищают свой капитал... Потом еще были экспортеры, особенно экспортеры сельскохозяйственной продукции, которые попали в неблагоприятное положение после того, как Великобритания вышла из золотого стандарта и курс фунта по отношению к доллару значительно упал¹⁹.

Решение о девальвации и отказе от золотого стандарта поддерживали и такие консервативные банкиры, как Джеймс Варбург из «Кун, Лёб энд компани», один из главных советников Рузвельта в области денежной политики; Чарльз Дауэс, чикагский банкир и бывший вице-президент; Мелвин Трейлор, пре-

¹⁸ Fisher, *My Father Irving Fisher*, pp. 273–276.

¹⁹ Herbert Feis, "1933: Characters in Crisis," in Schwarz, ed., 1933: *Roosevelt's Decision*, pp. 150–151. Фейс был ведущим экономистом государственного департамента.

зидент «Фёрст нэшил бэнк оф Чикаго»; Фрэнк Альтшул из международного банка «Лазар Фрер»; и Расселл Леффингвелл, совладелец банка «Джи Пи Морган энд компани». Леффингвелл говорил Рузвельту, что его действия «жизненно необходимы и они самое важное из всего полезного, что вы сделали»²⁰. Да и сам Морган приветствовал решение Рузвельта отказаться от золотого стандарта:

Я одобряю решение президента и министра финансов, наложивших эмбарго на экспорт золота. Стало очевидным, что усилия по поддержанию премии к курсу доллара относительно обесценившихся иностранных валют оказывали понижающий эффект на и без того низкие цены, заработную плату и занятость. Мне представляется ясным, что для выхода из депрессии необходимо победить силы, способствующие дефляции. В силу этого я рассматриваю принятое решение как наилучшее в данных обстоятельствах²¹.

Видными пропагандистами идеи отказа от золота были издатели Дэвид Стерн и Уильям Рэндольф Херст, финансист Джеймс Кромвель и декан гарвардской школы бизнеса Уоллес Донхэм. Это решение одобрили консервативные сенаторы-республиканцы: Дэвид Рид из Пенсильвании и лидер республиканского меньшинства Чарльз Макнэри из Орегона, а Артур Ванденберг из Мичигана с удовлетворением заявил, что теперь американцы смогут конкурировать на мировых рынках «впервые за много-много месяцев». Ванденберг заключил, что «отказ от поддержки курса доллара может оказаться исчерпывающим ответом на проблемы нашего экспорта»²².

Помимо мощного хора одобрения, были и противники отказа от золотого стандарта. Ведущими голосами оппозиции опять стали два экономиста из банковских кругов, выступав-

²⁰ Arthur M. Schlesinger, Jr., *The Coming of the New Deal* (Boston: Houghton Mifflin, 1959), p. 202.

²¹ *New York Times*, April 19, 1933; цит. по: Joseph E. Reeve, *Monetary Reform Movements* (Washington, D. C.: American Council on Public Affairs, 1943), p. 275.

²² Schwarz, ed., 1933: *Roosevelt's Decision*, p. xx.

шие с критикой политики Стронга–Моргана на протяжении всех 1920-х гг.: д-р Бенджамин Андерсон из ориентированного на Рокфеллера «Чейз нэшил бэнк» и д-р Паркер Уиллис, редактор «Джорнэл оф коммерс» и главный советник сенатора Картера Гласса (демократ из Виргинии), являвшийся министром финансов в администрации Вильсона. С протестом против отказа от золотого стандарта и политики стабилизации цен выступила Торговая палата США, а Торговая палата штата Нью-Йорк призвала восстановить золотой стандарт²³. В финансовых кругах ведущими критиками решения Рузвельта были Уинтроп Олдрич, родственник Рокфеллера и глава «Чейз нэшил бэнк», и глава Бюджетного бюро Льюис Дуглас из семьи арizonских горнопромышленников, который находился в родстве с международным банкиром Генри Шредером, а впоследствии стал послом в Англии и главой компании «Мьючуал лайф иншурэнс». Дуглас доблестно, хоть и безуспешно, сражался с идеей отказа от золота и остальными политическими новшествами Нового курса²⁴.

К концу апреля 1933 г. вопрос о выходе из золотого стандарта был практически решен и курс доллара относительно золота и валют, размениваемых на золото, начал быстро падать. Британия, которая несколькими неделями ранее надменно отвергла идею международной стабилизации, теперь перепугалась: валютный блок и девальвация фунта для укрепления своих экспортных позиций это одно, но девальвация доллара и перспектива того, что американский экспорт вытеснит британские товары, – это совсем другое. Англичанам хватило нахальства, чтобы осудить США за выход из золотого стандарта; теперь их последней надеждой стало восстановление международной валютной системы на лондонской Всемирной эконо-

²³ Fisher, *Stabilized Money*, pp. 355–356.

²⁴ О Дугласе см.: Schwarz, ed., 1933: *Roosevelt's Decision*, pp. 135–136, 143–144, 154–158; Schlesinger, *Coming of the New Deal*, pp. 196–197, and *passim*. Дуглас вышел из правительственной команды в 1934 г. С его критической оценкой Нового курса можно ознакомиться в его книге: Lewis W. Douglas, *The Liberal Tradition: A Free People and Free Economy* (New York: D. Van Nostarnd, 1935).

мической конференции в июне 1933 г.²⁵

Подготовка к конференции шла под эгидой Лиги наций и растянулась на целый год. Целью был поиск путей выхода из мирового экономического и финансового кризиса и «восстановление устойчивости валютной системы»²⁶. Администрация Гувера планировала использовать конференцию для восстановления международного золотого стандарта, но вследствие отказа администрации Рузвельта от золотого стандарта в марте и апреле 1933 г. американская позиция радикально изменилась. С началом работы конференции сразу же выделились три основных позиции: золотой блок, т.е. страны, во главе с Францией, еще сохранявшие золотой стандарт, которые желали немедленного возврата к полноценному международному золотому стандарту с фиксацией курса основных валют по отношению к золоту; США, которых теперь больше всего занимала политика внутренней инфляции и подъема уровня цен; и Британия со своими доминионами, мечтавшая о той или иной комбинации этих двух планов. Было неясно, возможно ли найти приемлемый для всех компромисс.

Премьер-министр Великобритании Рамсей Макдональд и ведущие государственные деятели других стран прибыли по приглашению президента Рузвельта в Вашингтон для проведения двусторонних переговоров. Удалось достичь довольно смутных договоренностей о намерениях; самым оригинальным было американское предложение, сформулированное Уильямом Буллитгом и отвергнутое Францией, о создании механизма координации мировой инфляции и девальвации валют.

Состоялось серьезное обсуждение предложения, выдвинутого США и решительно отвергнутого странами с золотым стандартом, согласно которому весь мир должен подключиться к политике «дешевых денег», причем не только через энергично осуществляемую программу скоординированной кредитной экспансии и стимулирования экономики посредством прове-

²⁵ Robbins, *The Great Depression*, p. 123; Schwarz, ed., 1933: *Roosevelt's Decision*, p. 144.

²⁶ Leo Pasvolsky, *Current Monetary Issues* (Washington, D. C.: Brookings Institution, 1933), p. 14.

дения общественных работ, но и через одновременную девальвацию на определенный процент всех валют, которые еще сохраняли обменный курс на докризисном уровне²⁷.

Состав американской делегации был смешанным, но консервативные сторонники золотого стандарта могли черпать мужество в том, что ее экономическим советником был Джеймс Варбург, известный как разработчик плана международной стабилизации на основе золотого стандарта с более реалистичными обменными курсами. Кроме того, для обсуждения предложений по временной стабилизации главных валют были посланы консервативно настроенные деятели – профессор Оливер Спрэг и Джордж Харрисон, управляющий Федеральным резервным банком Нью-Йорка. К тому же президент никак не отреагировал на петицию 85 конгрессменов, в том числе десяти сенаторов, с предложением назначить на пост экономического советника американской делегации радикального инфляциониста и противника золотого стандарта священника Чарльза Кофлина²⁸.

Всемирная экономическая конференция, на которую съехались делегации 64 стран, открылась в Лондоне 12 июня 1933 г. Первый кризис разразился из-за французского предложения о «валютном перемирии», т.е. о стабилизации на время проведения конференции обменных курсов между долларом, фунтом и франком. Этот весьма разумный план имел целью заложить основу для долговременной стабилизации обменных курсов на основе золотого стандарта. Британцы выразили согласие, но при условии, что курс фунта относительно доллара останется невысоким, чтобы не потерять экспортные преимущества, приобретенные в результате девальвации фунта в 1931 г. 16 июня Спрэг и Харрисон заключили с англичанами и французами соглашение о временной стабилизации обменных курсов трех валют, зафиксировали курс 4,0 долл. за фунт и дали обязательство, что в период действия соглашения Америка

²⁷ Ibid., p. 59.

²⁸ Robert H. Ferrell, *American Diplomacy in the Great Depression* (New York: W. W. Norton, 1957), pp. 263–264.

воздержится от значительной девальвации доллара.

Американские представители убеждали Рузвельта принять соглашение, причем Спрэг предостерегал, что «отказ будет иметь ужасающие последствия», а Варбург заявил, что без стабилизации «практически невозможно претендовать на ведущую роль в установлении устойчивого экономического мира». Рузвельт практически мгновенно, уже 17 июня, отверг соглашение сразу по двум причинам: курс фунта не должен быть ниже 4,25 долл. за фунт, и он не может принять никаких ограничений в области инфляции и повышения уровня внутренних цен. В заключение Рузвельт зловеще сказал: «...лично я считаю, что слишком большое значение приписывается текущим и временным колебаниям». А чтобы подтолкнуть американскую делегацию к пересмотру соглашения, Рузвельт 20 июня напомнил Халлу: «Помните, что кабинеты, находящиеся под влиянием банкиров, придают слишком большое значение стабильности обменных курсов». Президентское вето возмутило англичан и французов, а раздраженный Джордж Харрисон оставил конференцию и вернулся домой, но американская делегация продолжала работу и 22 июня обнародовала официальное отношение к договору о временной стабилизации валютных курсов. Было заявлено, что временная стабилизация неприемлема, «потому что американское правительство считает своим самым важным вкладом усилия по подъему уровня цен»²⁹.

После того как вопрос о временной стабилизации был торпедирован, конференция приступила к обсуждению долговременных решений, и самые важные дискуссии проходили в подкомитете по «немедленным мерам финансового оздоровления» комиссии по валютным и финансовым вопросам. В проекте резолюции, предложенном британской делегацией, (1) подчеркивалась важность «дешевого и доступного кредита» для повышения мирового уровня цен на сырье и (2) констатировалось, что «центральные банки основных держав должны наладить сотрудничество для обеспечения этих условий и зая-

²⁹ Pasvolsky, *Current Monetary Issues*, p. 70; Schlesinger, *Coming of the New Deal*, pp. 213–216; Ferrell, *American Diplomacy*, p. 266.

вить о своем намерении проводить политику дешевых и доступных денег с помощью операций на открытом рынке»³⁰. Таким образом, британцы сделали акцент на координации инфляции, но ни словом не обмолвились о принципиальном вопросе – о стабилизации обменных курсов. Делегации Голландии, Чехословакии, Японии и Швеции подвергли критике британскую установку на инфляцию, а итальянская делегация предупредила, что

если в основу политики положить увеличение количества денег и удешевление кредита, можно получить спекулятивный бум, за которым последует еще худший спад... Необдуманная и нерегулируемая [кредитная] экспансия приведет к разрушительным последствиям.

А французская делегация подчеркнула, что подлинное восстановление экономики невозможно без чувства экономической и финансовой безопасности:

Кто захочет давать кредиты перед лицом постоянной угрозы, что долг вернут обесцененными деньгами? Откуда возьмутся средства для финансирования обширных программ экономического восстановления и устранения безработицы, пока открыта возможность, что экономическая борьба будет перенесена в сферу валютных курсов?.. Одним словом, без стабильных денег не может быть устойчивого доверия; пока продолжается тезаврирование капитала, нам не найти решения³¹.

После чего американская делегация предложила собственный проект резолюции, очень близкий к британскому, в котором игнорировался вопрос о стабильности валютных курсов и предлагалось тесное сотрудничество всех правительств и центральных банков в «проведении политики дешевого и доступного кредита», прежде всего с помощью операций на открытом рынке, способствующих росту денежной массы. Кроме того, страны должны синхронизировать политику государственных расходов и бюджетного дефицита.

Расхождение во взглядах на проблемы инфляции и цен не

³⁰ Pasvolsky, *Current Monetary Issues*, pp. 71–72.

³¹ *Ibid.*, pp. 72–74.

позволило достичь соглашения. По вопросу о золоте Великобритания предложила политическую декларацию, а США – проект резолюции, в обеих предусматривалось восстановление в будущем золотого стандарта, но и здесь был опущен вопрос об обменных курсах и о повышении уровня цен. И американцы, и англичане предлагали систему золотого стандарта еще более инфляционную, чем та, что действовала в 1920-е гг.: золото, будь то в виде монет или слитков, совершенно изымается из внутреннего оборота и может быть использовано только в международных расчетах; коэффициенты золотого покрытия валют должны быть понижены³².

Как и могло быть предсказано заранее, выявились три подхода к вопросам о золотом стандарте и стабилизации валютных курсов. США, поддержанные только Швецией, выступили за дешевые деньги, поскольку стремились поднять уровень внутренних цен и предполагали только после его существенного увеличения перейти к стабилизации обменного курса. В международном сотрудничестве усматривался только механизм координации инфляционных мероприятий для повышения уровня цен. В своих требованиях США заходили даже дальше, чем Швеция, настаивая на возвращении к уровню цен 1926 г. Страны золотого блока критиковали денежную и ценовую инфляцию, напоминали о катастрофических послевоенных эпизодах, когда цены безудержно росли, а деньги обесценивались, и настаивали на стабилизации обменных курсов и воздержании от девальваций. Британия и страны стерлингового блока занимали промежуточную позицию. С одной стороны, им хотелось дешевого кредита и повышения уровня цен, но конечной целью им виделось возвращение к золотому стандарту и временная стабилизация обменных курсов основных валют.

Когда из-за непримиримых разногласий лондонская конференция забуксовала, страны золотого блока ударились в панику. С одной стороны, курс доллара слабел, что делало американские товары и валюту более привлекательными. А сложившаяся

³² Ibid., pp. 74–76, 158–160, 163–166.

на конференции атмосфера беспросветности, к тому же, давала международным спекулянтам уверенность, что в ближайшем будущем многим из этих стран и самим придется отказаться от золотого стандарта. Поэтому уже в июне начался отток золота из этих стран, так что за один только месяц Голландия и Швейцария потеряли более 10% своего золотого запаса. Страны золотого блока предприняли последнюю попытку достичь компромисса и предложили на редкость обтекаемую резолюцию. Страны, подписавшие резолюцию, обязывались восстановить золотой стандарт и стабильные валютные курсы, при этом вопрос о величине паритета и дате возврата к золоту оставлялся на усмотрение каждой страны. Страны, сохранившие золотой стандарт, принимали обязательство действовать так и впредь, что было нетрудно, поскольку они только этого и желали. Все прочие страны подтверждали намерение в конечном итоге вернуться к золоту и принимали обязательство делать все возможное для ограничения валютных спекуляций и сотрудничать с другими центральными банками для достижения этих двух целей. Резолюция отличалась поразительной беззубостью, поскольку она обязывала США в конце концов вернуться к золотому стандарту и сотрудничать с другими странами в целях ограничения валютных спекуляций, т.е. примерно то же, что за неделю до того предложили сами американцы.

Совместную декларацию одобрили Спрэг и Варбург, Джеймс Кокс, глава Валютной комиссии конференции, и Раймонд Моули, исполнявший роль «политического комиссара» делегации. Моули являлся помощником государственного секретаря, а по взглядам был валютным националистом. Так вот, 30 июня Моули отослал декларацию Рузвельту и настоятельно рекомендовал принять ее, тем более что несколькими неделями ранее Рузвельт настаивал на том, что курс фунта не может быть зафиксирован на уровне ниже 4,25 долл., а в результате инфляции за июнь его курс поднялся до 4,40 долл. На противоположном берегу Атлантического океана лондонскую декларацию поддержали заместитель министра финансов Дин Ачесон, влиятельный уолл-стритский финансист Бернанд Барух и Льюис Дуглас.

Не получив немедленного ответа от Рузвельта, Моули на следующее утро возбужденно телеграфировал президенту, что «не только успех, но даже продолжение конференции зависят от согласия США»³³. 1 июля Рузвельт телеграфировал отказ, заявив, что Соединенным Штатам нужно время, чтобы «предпринимаемые нами усилия поднять уровень цен могли... принести плоды». Отказ Рузвельта от подписания совершенно безобидного соглашения сам по себе загадочен; но он полагал, что к несправедливости нужно добавить оскорбление, что нужно окончательно сорвать лондонскую конференцию, чтобы сделать совершенно невозможной перспективу стабилизации валютных курсов или восстановления международного валютного порядка. Поэтому 3 июля он обратился к лондонской конференции с открытым письмом, полным надменности и презрения, которое стало известным как «бомба», взорвавшая конференцию.

Послание открывається жестоким разносом самой идеи временной валютной стабилизации, которую Рузвельт отверг как «благонамеренное заблуждение» и «отвлекающий маневр». Мы должны, заявил Рузвельт, полностью сосредоточиться на «создании здоровой национальной экономики». В частности,

на место старых идолов так называемых международных банкиров приходит планирование национального денежного обращения, имеющее целью обеспечить долларам постоянную покупательную способность, чтобы... в будущем покупательная способность доллара осталась той же, какую мы намерены ему обеспечить в ближайшее время. И такая цель сулит другим странам больше хорошего, чем фиксация курса относительно фунта или франка на один-два месяца.

Короче говоря, Рузвельт публично заявил о приверженности идеям Фишера и Национального комитета, иными словами, целям чисто бумажных денег, инфляции и очень глубокой «рефляции» цен. Идея стабильных обменных курсов и международного валютного порядка могла катиться ко всем чер-

³³ Schlesinger, *Coming of the New Deal*, pp. 218–221; Pasvolsky, *Current Monetary Issues*, pp. 80–82.

тям³⁴. Всемирная экономическая конференция кое-как проработала еще несколько недель, но взорвавшееся послание Рузвельта сделало ее бессмысленной и бесцельной, и до конца десятилетия о восстановлении международного валютного порядка пришлось забыть. До конца 1930-х гг. в повестке дня остались лишь денежный национализм, валютные блоки и экономические войны.

Французы и англичане были уязвлены посланием Рузвельта. Оскорбленный Джеймс Варбург немедленно оставил пост финансового консультанта делегации, и это положило начало исходу высокопоставленных экономических экспертов из рузвельтовской администрации. Сходная судьба ждала Оливера Спрэга и Дина Ачесона. Что касается Раймонда Моули, мнением которого грубо пренебрегли, то он попытался с помощью неискренней и раболепной телеграммы вернуть себе расположение Рузвельта, но вскоре после его возвращения из Лондона он был отправлен в отставку. Бернард Барух, который в душе был приверженцем золотого стандарта, льстиво поздравил Рузвельта с его посланием. «Пока каждая страна не приложит те же геркулесовы усилия, что и Вы, для приведения своего дома в порядок, – написал Барух президенту, – у нас не будет общих знаменателей, чтобы попытаться решить эти проблемы. Представляется, что у всех стран есть только одна общая позиция – та, которую Вы сформулировали»³⁵.

Решение президента с энтузиазмом поддержали, как легко догадаться, Ирвин Фишер и Джордж Уоррен, которые убеждали Рузвельта избегать любых соглашений, которые могут сковать «нашу свободу в любой день изменить курс доллара». Джеймс Фарли вспоминает, что к написанию послания Рузвельта подтолкнули, внушив ему подозрение в заговоре – якобы Моули склонили к идее стабилизации валютных курсов

³⁴ Полный текст послания Рузвельта можно найти в: Pasvolsky, *Current Monetary Issues*, pp. 83–84; Ferrell, *American Diplomacy*, pp. 270–272.

³⁵ Schlesinger, *Coming of the New Deal*, p. 224. О личных взглядах Баруха см.: Margaret Coit, *Mr. Baruch* (Boston: Houghton Mifflin, 1957), pp. 432–434.

Томас Ламонт, совладелец «Джи Пи Морган энд компани», консультант Белого дома, выполнявший на конференции роль помощника Моули, и Герберт Байард Своуп, известный близостью к Моргану и к Баруху. Это может служить объяснением резкого выпада Рузвельта в адрес «так называемых международных банкиров». Любопытно, однако, что Своуп был прямым противником стабилизации, а принадлежавший к моргановскому кругу Расселл Леффингвелл, явно не обративший внимания на упоминание о международных банкирах, был в восторге от послания Рузвельта. Леффингвелл написал президенту: «Вы поступили совершенно правильно, отказавшись от любых постоянных или временных соглашений о привязке курса доллара к фунту стерлингов или любой другой валюте»³⁶.

После событий на Лондонской экономической конференции и до конца 1930-х гг. бал правил денежный национализм. В январе 1934 г. США все-таки зафиксировали курс на уровне 35 долл. за унцию золота, подняв тем самым цену золота на $\frac{2}{3}$ и девальвировав доллар на 40%. Страны, пытавшиеся сохранить золотой стандарт, продержались еще два года, но девальвированный доллар втягивал в США золото со всего мира, и Франции пришлось отказаться от золотого стандарта в конце 1936 г., а вскоре за ней последовали Швейцария, Бельгия и Голландия. Курс доллара относительно золота был фиксирован, но во внутреннем обороте США золото больше не использовалось ни в виде монет, ни в виде слитков. Отныне золото использовалось только для уравнивания платежных балансов в международной торговле.

Только в конце 1936 г., примерно в то время, когда Франция была вынуждена отказаться от золотого стандарта, проявилась некая воля к международному сотрудничеству. Отчасти для помощи Франции было заключено Трехстороннее соглашение между США, Великобританией и Францией, вступившее в силу 25 сентября 1936 г. Французы были вынуждены признать поражение, и девальвировали франк на 25–30%. И

³⁶ Schlesinger, *Coming of the New Deal*, p. 224; Ferrell, *American Diplomacy*, pp. 273 ff.

вот тогда три правительства договорились – нет, не о стабилизации валютных курсов, а всего лишь о сглаживании колебаний, о взаимной стабилизации обменных курсов в рамках 24-часового периода. Оказалась достигнутой не стабилизация, а уменьшение колебаний, а также было положено начало сотрудничеству трех стран в области валютной политики. Вскоре к этому соглашению присоединились остальные страны, имевшие прежде золотой стандарт: Бельгия, Голландия и Швейцария. Это сотрудничество продолжалось до начала Второй мировой войны³⁷.

Один инцидент чуть было не расстроил Трехстороннее соглашение. В конце 1938 г., когда США и Великобритания выработывали торговое соглашение, британцы начали толкать курс фунта ниже уровня 4,80 долл. Эксперты министерства финансов немедленно предупредили Моргентау, что если «фунт упадет существенно ниже уровня 4,80 долл., будут серьезно задеты наша внешняя и внутренняя торговля». Тогда Моргентау сумел настоять на том, чтобы в новое торговое соглашение с Британией было включено положение, что если британцы допустят снижение курса фунта ниже уровня 4,80 долл., соглашение будет считаться расторгнутым³⁸.

Здесь мы можем только упомянуть об очаровательной исторической проблеме, которую поставили ученые, пересматривающие историю 1930-х гг.: в какой степени стремление Америки участвовать в войне против Германии было результатом раздражения, возникшего из-за того, что в 1930-е гг., в период экономического и денежного национализма, д-р Яльмар Шахт успешно проводил независимую экономическую политику, так что Германия оказалась совершенно вне англо-американского контроля или ограничений, оставшихся от за-

³⁷ О Трехстороннем соглашении см.: Raymond F. Mikesell, *United States Economic Policy and International Relations* (New York: McGraw-Hill, 1952), pp. 55–59; W.H. Steiner and E. Shapiro, *Money and Banking* (New York: Henry Holt, 1941), pp. 85–87, 91–93; Anderson, *Economics and the Public Welfare*, pp. 414–420.

³⁸ Lloyd C. Gardner, *Economic Aspects of New Deal Diplomacy* (Madison: University of Wisconsin Press, 1964), p. 107.

ветной американской политики «открытых дверей»³⁹? Краткое рассмотрение этого вопроса послужит прелюдией к анализу целей рожденного войной «второго Нового курса» по созиданию нового международного валютного порядка, во многом напоминающего исчезнувший мир 1920-х гг.

В 1930-е гг. экономический национализм в Германии являлся, прежде всего, порождением пережитой в начале 1920-х гг. чудовищной, опустошительной инфляции и обесценивания денег, кульминацией которой стал крах денежной системы в 1923 г. Из-за завышенного курса марки Германия, как и все остальные европейские страны, была вынуждена отказаться от золотого стандарта, но по политическим причинам ни одно немецкое правительство не могло позволить себе еще раз встать на путь девальвации марки. Уже отказавшись от золота и не имея возможности девальвировать марку, Германия была вынуждена ввести жесткие меры валютного контроля. И вот в такой экономической ситуации д-р Шахт достиг заметного успеха в заключении двусторонних торговых соглашений с отдельными странами. Причем это были, по существу, соглашения о «бартерной» торговле, что весьма раздражало США и другие западные страны, поскольку при этом Германия обходилась без золота и прочего банковского и финансового инструментария.

В антигерманской пропаганде 1930-х гг. эти бартерные соглашения изображались как грабительские и эксплуататорские по отношению к другим странам, хотя это были двусторонние,

³⁹ Относительно утверждения историков-ревизионистов, что Америка вступила в войну с Германией преимущественно по экономическим мотивам, см.: *ibid.*, pp. 98–108; Lloyd C. Gardner, “The New Deal, New Frontiers, and the Cold War: A Re-examination of American Expansion, 1933–1945,” in *Corporations and the Cold War*, David Horowitz, ed. (New York: Monthly Review Press, 1969), pp. 105–141; William Appleman Williams, *The Tragedy of American Diplomacy* (Cleveland, Ohio: World Publishing, 1959), pp. 127–147; Robert Freeman Smith, “American Foreign Relations, 1920–1942,” in *Towards a New Past*, Barton J. Bernstein, ed. (New York: Pantheon Books, 1968), pp. 245–262; Charles Callah Tansill, *Back Door to War* (Chicago: Henry Regnery, 1952), pp. 441–442.

а значит взаимовыгодные, договоры⁴⁰. На самом деле, в них не было ничего дьявольского или эксплуататорского. Историки просмотрели существенный аспект этих соглашений – валютные курсы стран-участниц бартерных договоров были намеренно завышены. Курс немецкой марки, как мы видели, был завышен, потому что девальвация считалась политически неприемлемой; ситуация с другими валютами была чуть сложнее. Так, например, в бартерных соглашениях между Германией и различными балканскими странами (особенно с Румынией, Венгрией, Болгарией и Югославией), по которым последние обменивали продукцию своего сельского хозяйства на немецкие промышленные товары, курс балканских валют по отношению к золоту, фунту, доллару и т.п. был искусственно завышен. Это означает, что немцы были готовы платить за сельскохозяйственную продукцию балканских стран больше, чем она стоила на мировом рынке, но и те, в свою очередь, переплачивали за немецкие промышленные товары.

Для балканских стран смысл всего этого был в том, чтобы заставить своих потребителей промышленных товаров субсидировать своих собственных крестьян. Побочным результатом было то, что немцам удалось отрезать Британию и другие западные страны от рынка балканских продовольственных и сырьевых товаров. А поскольку британцы не могли покупать на этом рынке, у балканских стран – в характерном для 1930-х гг. мире двусторонней торговли – не было достаточного количества фунтов или долларов, чтобы покупать промышленные товары на Западе. Таким образом, благодаря хитроумной политике Яльмара Шахта и взаимовыгодным двусторонним бартерным соглашениям между Германией и другими странами, включая балканские и даже страны Латинской Америки, Британия и другие западные страны оказались оттесненными от рынков сырья и потеряли рынки сбыта для своих промышленных

⁴⁰ Douglas Miller, *You Can't Do Business With Hitler* (Boston, 1941), pp. 73–77; Michael A. Heilperin, *The Trade of Nations* (New York: Alfred Knopf, 1947), pp. 114–117. Миллер был торговым атташе в посольстве США в Берлине в 1930-е гг.

товаров⁴¹. Можно ли предположить, что важным фактором вступления Запада в войну с Германией было раздражение на успешность немецкой политики двусторонних соглашений и стремление ликвидировать конкурентный подход?

Ллойд Гарднер продемонстрировал, что США очень рано воспылали враждебностью к немецкой политике экономического регулирования и бартерных соглашений, и не только категорически отклоняли предложения Германии заключить двусторонний торговый договор, но и предпринимали попытки принудить Германию к участию в многосторонней американской политике «открытых дверей». Уже 26 июня 1933 г. влиятельный американский генеральный консул в Берлине Джордж Мессерсмит, предупреждал, что продолжение подобной политики сделает «Германию угрозой для мира в предстоящие годы»⁴². Следуя этому агрессивному подходу, президент Рузвельт отмахнулся от предложений главы Администрации регулирования сельского хозяйства Джорджа Пика, который был сторонником двусторонних торговых сделок с Германией и, возможно, не случайно был в конце 1930-х гг. принципиальным сторонником «изоляционизма». Рузвельт предпочел политику ведущего интервенциониста и апологета политики «открытых дверей» для американских товаров госсекретаря Корделла Халла и его помощника Фрэнсиса Сайра, зятя Вудро Вильсона. К 1935 г. американские официальные лица уже называли Германию «агрессором» за ее успешную политику двусторонних торговых соглашений, и по той же причине точно так же относились к Японии. К концу 1938 г. Пирпонт Моффэт, глава западноевропейского отдела государственного департамента, выражал недовольство тем, что доминирование Германии в Центральной и Восточной Европе приведет к «дальнейшему расширению зоны, закрытой для торговли».

⁴¹ О механизме немецких бартерных соглашений см.: Людвиг фон Мизес, *Человеческая деятельность*, с. 777–780. См. также: Hjalmar Schacht, *Confessions of "The Old Wizard"* (Boston: Houghton Muffin, 1956), pp. 302–305.

⁴² Lloyd Gardner, *New Deal Diplomacy*, p. 98.

Более определенно в мае 1940 г. выразился помощник государственного секретаря Брекенридж Лонг, предупредивший, что в Европе, оказавшейся под господством Германии, «все запросы о поставках будут рассматриваться в Берлине, а закупки будут осуществляться исключительно в Европе, а не в США»⁴³. Незадолго до вступления Америки в войну Джон Макклой, позднее ставший верховным комиссаром американской оккупационной администрации в Германии, вставил в текст выступления министра обороны Генри Стимсона следующий абзац:

Учитывая возможность Германии контролировать все потребленис в Европе и ее практику государственного регулирования всей торговли, она будет в состоянии перекрыть наши торговые связи с Европой, Южной Америкой и Дальним Востоком, и, судя по прошлому опыту, она не замедлит этим воспользоваться⁴⁴.

Халл и США не ограничивались проведением жесткой антигерманской политики по отношению к системе двусторонних торговых обменов, но при случае госсекретарь Халл ставил под ружье и Британию. Так, в начале 1936 г. Корделл Халл предостерег британского посла, что «двусторонние клиринговые соглашения Британии с Аргентиной, Германией, Италией и другими странами подрывают усилия президента по продвижению широкой программы, опирающейся на принцип наибольшего благоприятствования». А заключаемые Британией соглашения – это «прямой путь к двусторонней торговле» и, таким образом, представляют собой вехи на дороге к войне⁴⁵.

США были чрезвычайно обеспокоены развитием двусторонних торговых связей между Германией и Латинской Америкой. Уже в 1935 г. Корделл Халл пришел к выводу, что Германия «делает все возможное, чтобы подорвать торговые

⁴³ Smith, "American Foreign Relations, 1920–1942," p. 247; Lloyd Gardner, *New Deal Diplomacy*, p. 99.

⁴⁴ Lloyd C. Gardner, "The New Deal, New Frontiers," p. 118.

⁴⁵ Tansill, *Back Door to War*, p. 441.

связи США с Латинской Америкой»⁴⁶. Для противодействия немецкой конкуренции США прибегли к серьезному политическому давлению. Так, в середине 1930-х гг. представитель американской торговой палаты в Бразилии неоднократно требовал от Государственного департамента торпедировать бартерное соглашение между Бразилией и Германией, которое было названо «величайшим препятствием режиму свободной торговли в Южной Америке». В конце концов Бразилию склонили к тому, чтобы аннулировать договор с Германией в обмен на кредит в 60 млн долл. от Национального совета по внешней торговле, представлявшего собой объединение американских экспортеров, который выступил с протестом против используемых Германией методов торговли и потребовал от правительства решительно пресечь эту практику. И в конце 1938 г. президент Рузвельт попросил профессора Джеймса Харви Роджерса, экономиста и ученика Ирвина Фишера, провести анализ валютной ситуации в странах Южной Америки с позиций минимизации «немецкого и итальянского влияния на этом берегу Атлантики».

Неудивительно, что немецкие дипломаты в Бразилии, Чили и Уругвае сообщали на родину, что США «оказывают сильнейшее давление против Германии», в том числе с использованием политических, экономических и торговых мер, нацеленных на вытеснение Германии с рынков Бразилии и других стран Южной Америки⁴⁷.

Весной 1935 г. посол Германии в Вашингтоне в отчаянном стремлении положить конец враждебности спросил Соединенные Штаты – что могла бы сделать Германия, чтобы положить конец враждебным действиям Америки. Американский ответ, в сущности, требование о безоговорочной экономической капитуляции, сводился к тому, что Германия должна отказаться от своей экономической политики и принять американский подход. Американский ответ «означал требование к Германии, – замечает Пирпонт Моффэт, – принять нашу фи-

⁴⁶ Smith, "American Foreign Relations, 1920–1942," p. 247.

⁴⁷ Lloyd Gardner, *New Deal Diplomacy*, pp. 59–60.

лософию торговли и вместе с нами добиваться равного отношения и устранения торговых барьеров». Далее США отметили, что от Германии ждут не столько принятия принципа наибольшего благоприятствования в международной торговле, сколько предоставления такого режима для американского экспорта⁴⁸.

Когда в сентябре 1939 г. вспыхнула война, первым побуждением Бернарда Баруха было сообщить президенту Рузвельту, что «если мы снизим цены, ничто не помешает нам перехватить клиентов воюющих сторон, которых те вынуждены будут бросить из-за войны. А в этом случае, – торжествовал Барух, – германская система бартерной торговли будет разрушена»⁴⁹. Но особенно любопытен данный задним числом комментарий госсекретаря Халла:

США никогда не вели войн ни с одной страной, с которой мы могли заключить торговое соглашение. Фактом является и то, что, за очень редкими исключениями, страны, с которыми у нас были торговые договоры, воевали на нашей стороне против держав оси. Политическое размежевание идет по той же линии, что и экономическое⁵⁰.

Поскольку госсекретарь Халл был ведущим творцом американской внешней политики в 1930-е гг. и во время Второй

⁴⁸ Ibid., p. 103. Можно отметить, что весной 1936 г. госсекретарь Халл отказался заключить с Германией двусторонний договор о поставках большего количества американского хлопка. Халл отверг идею как «вымогательскую». Совершенно естественно, что в последующие годы основными поставщиками хлопка для Германии стали Бразилия и Египет, у которых не было предубеждений против бартерных сделок. Ibid., p. 104; Arthur Schweitzer, *Big Business in the Third Reich* (Bloomington: Indiana University Press, 1964), p. 316.

⁴⁹ Francis Neilson, *The Tragedy of Europe* (Appleton, Wis.: C. C. Nelson, 1946), p. 289. Краткий, но очень поучительный анализ того, как существовавшие в 1930-х гг. торговые и валютные противоречия между Германией и США привели ко Второй мировой войне, см.: Thomas H. Etzold, *Why America Fought Germany in World War II* (St. Louis: Forums in History, Forum Press, 1973).

⁵⁰ Cordell Hull, *Memoirs of Cordell Hull* (New York, 1948), 1, p. 81.

мировой войны, есть основания рассматривать это его замечание не как изящное выражение его заикливости на принципе взаимности в торговле, но как точную формулировку направленности американской внешней политики. Понимаемое в таком свете замечание Халла оказывается не досужим рассуждением, а важным свидетельским показанием. В пользу такого толкования говорит и текст выступления в Палате представителей в 1945 г. ответственного чиновника министерства финансов Гарри Декстера Уайта, убеждавшего конгрессменов в благотворности Бреттон-Вудского соглашения. Уайт заявил:

Думаю, она [Бреттон-Вудская система] могла бы внести значительный вклад в предотвращение войны и, возможно, что и не допустила бы ее. Многие действия Германии и Японии на международной арене оказались бы незаконными, если бы эти страны являлись ее членами⁵¹.

Разве Уайт не утверждает, что союзники вступили в войну со странами оси из-за политики валютного контроля, двусторонних торговых соглашений и других методов конкуренции, которые были бы невозможны в рамках Бреттон-Вудской (или существовавшей в 1920-е гг.) системы?

В качестве решающего свидетельства того, что у Второй мировой войны могли быть экономические мотивы, приведем утверждение влиятельной лондонской «Таймс», опубликованное вскоре после начала войны:

Одной из фундаментальных причин этой войны были неустанные попытки Германии после 1918 г. завладеть достаточно обширными иностранными рынками, чтобы укрепить свои финансы, и это в то самое время, когда все ее конкуренты, подстегиваемые собственными долгами, проводили точно такую же политику. Постоянные трения были неизбежны⁵².

⁵¹ Richard N. Gardner, *Sterling-Dollar Diplomacy* (Oxford: Clarendon Press, 1956), p. 141.

⁵² *The Times* (London), October 11, 1940; цит. по: Neilson, *The Tragedy of Europe*, 5, p. 286.

Второе направление Нового курса: победоносный доллар

Независимо от того, являлся ли экономический национализм Германии причиной стремления Америки воевать, одно несомненно: еще до вступления Америки в войну одной из главных целей войны для нее стало восстановление международного валютного порядка. Попутной целью была замена экономического национализма и двусторонних торговых отношений на режим «открытых дверей» для американских товаров и многосторонних торговых соглашений в духе Халла. Но самой настоятельной потребностью было восстановление порядка в международной валютной системе, и эта цель была безусловно достигнута. Система должна была быть предельно похожей на золотодевизный стандарт, существовавший в 1920-е гг., и прежде всего в том, что исключались колебания валютных курсов: курсы всех основных валют должны были быть зафиксированы относительно друг друга и золота. При этом не предполагалось установления полноценного золотомонетного стандарта. Новая система в двух существенных моментах отличалась от существовавшей в 1920-х гг. Во-первых, хотя ключевая валюта была единственной валютой, погашаемой золотом, внутренний размен на золото не предусматривался. Золото должно было выполнять роль средства международных платежей между центральными банками, перестав быть деньгами, находящимися на руках населения. Исключение конвертируемости серьезно расширяло возможности кредитной экспансии и денежной инфляции как для ключевой валюты, так и для всех остальных. Второе отличие имело еще большие политические последствия: вместо связки двух ключевых валют, фунта и доллара, в которой доллар играл роль младшего партнера, оставлялась *единственная* ключевая валюта – доллар, с курсом 35 долл. за унцию золота. США использовали Вторую мировую войну, чтобы занять место британской империи как в политике, так и в сфере валютных отношений, и фунт оказался в том же подчиненном положении, что и все остальные валюты. Это был настоящий триумф «долларового империализма». Как

позднее выразил это министр финансов Генри Моргентау-мл., главная и успешно достигнутая цель заключалась в том, чтобы «переместить финансовую столицу мира из Лондона в министерство финансов США»⁵³. И все это, по существу, шло в соответствии с пророческим видением Корделла Халла, который, по словам Габриеля Колко, «нес основную ответственность за американскую программу укрепления политической и экономической безопасности». Это ведь Халл уже в 1932 г. убеждал Конгресс, что Америка должна «собраться с духом, подчиниться явному требованию своей судьбы и действовать в качестве высшей экономической и нравственной силы этого мира»⁵⁴.

Вторая мировая война способствовала формированию новой политической коалиции, объединившей многих консервативных «интернационалистов» финансового мира, которых отбросила в оппозицию этатистская и националистическая политика первого этапа Нового курса. Это возвращение во власть вчерашних оппозиционеров особенно заметно в сфере международной экономической и денежной политики. Так, консервативный экономист д-р Лео Пасвольски, порвавший с Новым курсом после провала лондонской экономической конференции, занял ответственный пост специального советника госсекретаря Халла по вопросам послевоенной экономической политики. Дин Ачесон, которого также оттолкнули радикальные изменения в денежной политике в 1933–1934 гг., вернулся в качестве помощника государственного секретаря по экономическим вопросам. А когда Корделл Халл в конце 1944 г. из-за болезни ушел со своего поста, его место занял Эдвард Стеттиниус, сын компаньона Моргана, бывший президент ориентированной на Моргана корпорации «Ю Эс Стил». Стеттиниус в качестве своего помощника по экономическим вопросам выбрал человека, который очень быстро стал ключевой фигурой в деле организации послевоенных международ-

⁵³ Richard N. Gardner, *Sterling-Dollar Diplomacy*, p. 76.

⁵⁴ Smith, "American Foreign Relations, 1920–1942," p. 252; Gabriel Kolko, *The Politics of War: The World and United States Foreign Policy, 1943–1945* (New York: Random House, 1968), pp. 243–244.

ных экономических отношений, Уильяма Клейтона, бывшего лидера противостоявшей Новому курсу Лиги свободы, председателя совета директоров и главного компаньона в «Андерсон, Клейтон энд компани», крупнейшего мирового экспортера хлопка. Основной сферой интересов Клейтона стало продвижение американского экспорта, и хлопок, совершенно естественно, никогда не выпадал из области его зрения⁵⁵.

Даже до присоединения Америки к воюющим державам экономические цели США в этой войне были сформулированы жестко и четко: сокрушить господствовавшую в 1930-е гг. систему экономического и денежного национализма и открыть дорогу для американского экспорта, инвестиций и финансовой экспансии, короче, утвердить режим «открытых дверей» для американской торговли. В сфере торговой политики это приняло форму борьбы за снижение пошлин на американские товары, за устранение количественных ограничений на импорт. В сфере денежной политики целью было разрушение мощных националистических валютных блоков и восстановление международного валютного порядка на основе доллара, где курсы валют были бы предсказуемыми и постоянными, а контроль над валютными операциями был бы сведен к минимуму.

И даже вступая в войну для спасения своего союзника Великобритании, США в этой смертельно опасной ситуации готовились потребовать от Британии отказа от эффективно функционировавшей стерлинговой зоны торговли, которая была создана в соответствии с Оттавским соглашением 1932 г. Было понятно, что Вторая мировая война покончит с угрозой, исходившей от немецкой торговой и валютной политики двусторонних соглашений, но как быть с Великобританией?

Джон Мейнард лорд Кейнс был лидером группы британских экономистов, выступавшей за всесторонний экономический и денежный национализм в интересах политики инфляции и полной занятости. Он дошел даже до того, что одобрил

⁵⁵ Kolko, *The Politics of War*, pp. 264, 485 ff.; Lloyd C. Gardner, *Architects of Illusion: Men and Ideas in American Foreign Policy, 1941–1949* (Chicago: Quadrangle Books, 1970), pp. 113–138.

действия президента Рузвельта, торпедировавшего лондонскую экономическую конференцию, поскольку тем самым тот расчистил путь для экономического национализма. Летом 1941 г. Кейнс посетил Вашингтон в качестве представителя британского правительства, и решимость британцев продолжать политику двусторонних торговых связей привела его американских собеседников в уныние. Высокопоставленный чиновник государственного департамента Пирпонт Моффэт с отчаянием отметил, что «на горизонте сгущаются тучи, поскольку, несмотря на войну, гитлеровская торговая политика будет, скорее всего, принята Великобританией»⁵⁶.

В ответ США надавили на Великобританию на Атлантической конференции в августе 1941 г. Заместитель государственного секретаря Самнер Уеллес добивался от британцев обещания ликвидировать дискриминационные ограничения американского экспорта и покончить с политикой экономической автаркии, валютного контроля и системы имперских преференций⁵⁷. Премьер-министр Черчилль раздраженно отверг это требование, но США не собирались отказываться от важной для них задачи разрушения стерлингового блока. Как объяснил президент Рузвельт своему сыну Элиоту во время Атлантической конференции:

Об этом мало кто знает, но мировая торговля долгое время была буквально в кармане у британских и немецких банкиров... Что ж, это не так уж хорошо для американской торговли, верно?... Если в прошлом немцы и британцы не подпускали нас к мировой торговле, ограничивали наше торговое судоходство, не пускали нас на тот или иной рынок, а теперь Германия и Британия воюют, так что нам следует делать теперь?⁵⁸

Подписание договора о ленд-лизе было идеальным моментом, чтобы добиться уступок от англичан, но они согласились

⁵⁶ Lloyd C. Gardner, "The New Deal, New Frontiers," p. 120.

⁵⁷ Richard N. Gardner, *Sterling-Dollar Diplomacy*, pp. 42 ff.; Lloyd Gardner, *New Deal Diplomacy*, pp. 275–280.

⁵⁸ Smith, "American Foreign Relations, 1920–1942," p. 252; Kolko, *The Politics of War*, pp. 248–249.

подписать Статью VII договора - всего лишь расплывчатое обязательство отказаться от дискриминационных мер в международной торговле – только под сильным давлением США. Соглашение было подписано в конце февраля 1942 г., и в ответ государственный департамент заверил британцев, что после войны США будут проводить политику экономической экспансии и полной занятости. Впрочем, несмотря на все это, британцы вскоре заявили, что договор о ленд-лизе практически ни к чему их не обязывает. Но для Корделла Халла Статья VII этого договора имела решающее значение и представляла собой «большой шаг к воплощению после войны экономических принципов, за которые я сражался на протяжении полувека». США также настояли, чтобы и другие страны, получившие помощь по договору о ленд-лизе, подписали практически идентичные обязательства о проведении после войны политики многосторонней торговли. В июле 1942 г. Халл публично заявил, что теперь можно быть уверенным, что

благодаря нашей экономической мощи лидерство в построении новой системы международных торговых и экономических отношений перешло к США. Мы должны принять на себя это лидерство и бремя сопутствующей ответственности прежде всего потому, что это отвечает нашим национальным интересам⁵⁹.

В разработке планов послевоенной организации экономики на государственном департаменте лежала ответственность за торговую и промышленную политику, а на министерстве финансов – за денежную и финансовую. В министерстве финансов разработкой послевоенного устройства международных финансов занимался экономист Гарри Декстер Уайт. В начале 1942 г. Уайт представил свой первый план, который стал одним из двух главных опор послевоенной денежной системы. Предложение Уайта, разумеется, совпадало с общим направлением американской послевоенной экономической политики. Страны мира должны были собрать в Стабилизационный фонд 5 млрд долл., чтобы этот фонд мог предоставлять краткосрочные ссуды испытывающим финансовые затруднения

⁵⁹ Ibid., pp. 249–251.

странам для сглаживания временных трудностей с дефицитом платежного баланса. Но в ответ на предоставление финансовой помощи страны, страдающие от дефицита платежного баланса, должны были отказаться от валютного контроля и взять обязательство по поддержанию фиксированного валютного курса в отношении к доллару, а значит и к золоту, цена которого была определена в 35 долл. за унцию.

Для увеличения объема ликвидных средств план Уайта предусматривал значительную инфляцию, но британцы ответили планом Кейнса, намного более инфляционным. К тому времени под жестким американским давлением лорд Кейнс отказался от политики экономического и денежного национализма для Британии, и теперь его цель заключалась в том, чтобы закрепить за Англией максимально приемлемые для США возможности проведения инфляционной политики дешевого кредита. План Кейнса предполагал создание Международного клирингового союза с капиталом 26 млрд долл., который бы мог, в ответ на поддержание фиксированного обменного курса и отказ от валютного контроля, предоставлять кредиты странам-участникам. Кроме того, план Кейнса предусматривал создание новой международной валютной единицы, «банкора», которую Международный клиринговый союз мог бы эмитировать в таких объемах, чтобы даже страны с большим дефицитом платежного баланса могли проводить почти неограниченную инфляционную политику. Страны получали возможность проводить консультации об изменении обменного курса своих валют для устранения расстройств платежного баланса. Кроме того, план Кейнса предусматривал автоматический доступ к заемным средствам, причем, в отличие от плана Уайта, получение кредита не было связано с обязательствами по обузданию инфляции и оздоровлению платежного баланса. Если план Уайта уполномочивал Стабилизационный фонд требовать прекращения инфляции в качестве условия предоставления кредитов, то план Кейнса допускал возможность неограниченной инфляции, а ответственность за восстановление равновесия платежных балансов возлагалась на страны-кредиторы, страны с твердыми валютами, которые должны были ускорять

собственную инфляцию, чтобы не допустить оттока средств из стран с дефицитом платежного баланса.

План Уайта подвергся резкой критике со стороны британских националистов и инфляционистов, таких, как Д. Р. Бутби, лорд Бивербрук, лондонская «Таймс», журнал «Экономист». А план Кейнса, впрочем, наравне с планом Уайта, подвергся разгрому со стороны американских консерваторов, которых возмутило вмешательство в работу рынков и автоматическое расширение кредита для стран с дефицитом платежного баланса. Критиками плана Уайта были «Гэрэнти сюрвей», издававшийся «Гэрэнти траст компани» и Американская банковская ассоциация; кроме того, «Нью-Йорк таймс» и «Нью-Йорк геральд трибюн» призвали к восстановлению классического золотого стандарта и подвергли критике государственную систему управления финансами, предложенную в проектах Уайта и Кейнса⁶⁰.

В результате переговоров, растянувшихся на весь 1943 г., США и Британия в апреле 1944 г. на основе проектов Кейнса и Уайта выработали компромиссный план, который в июле был одобрен на Всемирной экономической конференции в Бреттон-Вудсе, шт. Нью-Хемпшир; именно Бреттон-Вудское соглашение определило мировой валютный порядок на послевоенный период⁶¹.

В качестве стабилизационного механизма в Бреттон-Вудсе был создан Международный валютный фонд (МВФ) с капиталом 8,8 млрд долл., т.е. намного ближе к предложению Уайта, чем Кейнса. В политике МВФ соотношение элементов международного контроля и государственной автономии представляло собой нечто среднее между проектами Уайта и Кейнса, а картина в целом получилась крайне смазанной. С одной стороны, государства не имеют автоматического доступа к фондам МВФ, но, с другой стороны, Фонд не может требовать от

⁶⁰ Richard N. Gardner, *Sterling–Dollar Diplomacy*, pp. 71 ff., 95–99.

⁶¹ Мы здесь не будем рассматривать другую созданную в Бреттон-Вудсе организацию – Международный банк реконструкции и развития, который, в отличие от Международного валютного фонда, является инструментом не денежной, а торговой и финансовой политики.

стран-членов корректировки экономической политики. По вопросу об обменных курсах американцы пошли навстречу британцам – инфляция допустима даже в ущерб стабильности валютных курсов. Компромиссное решение позволяет каждой стране менять обменный курс на 10%, чтобы скорректировать «фундаментальную неустойчивость»; короче говоря, странам с хроническим дефицитом торгового баланса позволено девальвировать свои деньги и пренебрегать необходимостью борьбы с инфляцией. США пошли на уступку и в том, что разрешили странам, имеющим дефицит торгового баланса, в ущерб странам-кредиторам вводить валютный контроль по отношению к «дефицитным валютам». По существу, это означает, что крупные европейские страны, установившие завышенный курс своих валют по отношению к доллару, получали возможность входить в МВФ со своими деньгами, а потом устанавливали валютный контроль в отношении операций с «дефицитными» долларами, покидающими страну именно потому, что их курс искусственно занижен. Но, при всех уступках, до учреждения «банкоров» дело не дошло; ключевой резервной валютой нового мирового валютного порядка стал доллар с курсом 35 долл. за унцию золота. Кроме того, тот факт, что курс доллара был занижен, а остальных важнейших валют завышен, служил сильным стимулом для американского экспорта, что и представляло одну из главных целей всей затеи. Посол США в Великобритании Джон Уинант отметил, что большинство директоров Банка Англии были крайне недовольны Бреттон-Вудским соглашением; они понимали, что «в случае принятия этого плана Лондон утратит положение финансового центра, а доллар займет место фунта»⁶².

Предложение о создании Международного валютного фонда было встречено в США шквалом критики со стороны консервативных кругов, которых не устраивали совсем другие аспекты, чем британских националистов. Нападки в адрес МВФ исходили главным образом со стороны двух основных групп:

⁶² John G. Winant to Hull, April 12, 1944, цит. по: Richard N. Gardner, *Sterling-Dollar Diplomacy*, pp. 110–121, 123.

консервативных банкиров из восточных штатов и изоляционистов из штатов Среднего Запада. Американская банковская ассоциация подвергла критике инфляционный уклон – странам-должникам дали право контролировать распределение международных фондов; Раидольф Берджесс, президент банковской ассоциации, назвал положение, разрешающее должникам регулировать использование «дефицитных валют», «омерзительным». «Нью-Йорк таймс» призвала отвергнуть МВФ и предложила предоставить Британии кредиты в обмен на отказ от политики валютного контроля и количественных ограничений импорта. Другая группа банкиров выступила с идеей «ключевой валюты» как альтернативы Бреттон-Вудскому соглашению. Идею ключевой валюты предложил экономист Джон Уильямс, вице-президент Федерального резервного банка Нью-Йорка. Его поддержали Леон Фрейзер, президент нью-йоркского банка «Фёрст нэшнл», и Уинтроп Олдрич, глава «Чейз манхэттен бэнк». Идея предусматривала двустороннюю стабилизацию курсов фунта и доллара, для чего Америка должна была предоставить Великобритании кредит или даже грант. Как видно, сторонники идеи ключевой валюты были готовы временно отказаться не только от классического золотого стандарта, но даже от международного валютного порядка и пожить какое-то время в модифицированной версии финансов образца 1930-х гг.⁶³

Выразителем критики МВФ с позиций изоляционизма был сенатор Роберт Тафт (республиканец из штата Огайо), который предостерегал, что большую часть средств фонда составят американские доллары, так что доллар окажется под контролем руководителей фонда, а тем самым и стран-должников. При этом страны-должники смогут продолжать политику валютного контроля и стерлингового блока. Тафт не понял, что созданные Бреттон-Вудским соглашением формальные и неформальные структуры обеспечивают США эффективный контроль над МВФ и Международным банком⁶⁴.

⁶³ Подробно о критике Международного валютного фонда см.: Anderson, *Economics and the Public Welfare*, pp. 578–589.

⁶⁴ Henry W. Berger, "Senator Robert A. Taft Dissents from Military Escalation," in *Cold War Critics: Alternatives to American Foreign Policy in the*

Для нейтрализации критики Бреттон-Вудского соглашения правительство развернуло широкомасштабную пропагандистскую кампанию, которая к середине июля 1945 г. помогла протасовать соответствующий закон через Конгресс. Президентская администрация подчеркивала, что правительство США сможет контролировать фонд, по крайней мере собственных представителей в правлении. Чиновники, сильно преувеличивая, как выяснилось впоследствии, расхваливали разные сомнительные положения этого соглашения, настаивали, что выделение кредитов должникам не будет происходить в автоматическом режиме, что валютный контроль останется в прошлом, что валютные курсы будут стабилизированы. Администрация усиленно развивала смутную идею, что фонд будет способствовать международному сотрудничеству в деле поддержания мира. Особенно интересен аргумент Уилла Клейтона и других, что Бреттон-Вудское соглашение устранил торговые ограничения и барьеры против американского экспорта и, таким образом, повысит эффективность экономической политики. На этот аргумент особенно напирал министр финансов Моргентав в речи перед детройтскими промышленниками. Моргентав пообещал, что Бреттон-Вудское соглашение освободит мировую торговлю от валютного контроля и обесцененных валют и что это сильно увеличит экспорт американских автомобилей. Поскольку в следующем году Фонд начал свою деятельность с того, что утвердил сильно завышенный курс валют в соответствии с требованиями большинства стран, можно предположить, что Моргентав заранее знал, о чем говорил. Потому что если курс доллара завышен, а курсы остальных валют занижены, это действительно подстегивает и субсидирует американский экспорт⁶⁵.

Truman Years, Thomas G. Paterson, ed. (Chicago: Quadrangle Books, 1971), pp. 174–175, 198. Тафт был также решительным противником предоставления государственных гарантий частным инвестициям за рубежом, что являлось обычной практикой Международного банка. См. также: Kolko, *The Politics of War*, pp. 256–257; Lloyd Gardner, *New Deal Diplomacy*, p. 287; Mikesell, *United States Economic Policy*, pp. 199 ff.

⁶⁵ Richard N. Gardner, *Sterling-Dollar Diplomacy*, pp. 136–137; Mike-

Пожалуй, можно понять тот факт, что Бреттон-Вудское соглашение поддержали не только крупные фермерские организации, профсоюзы, объединения сторонников Нового курса, но и подавляющее большинство промышленных и финансовых групп, требовавших одобрения этого соглашения Конгрессом. В Америке соглашение было одобрено в середине 1945 г., а к концу года, после долгого самокопания, за ними последовали британцы. Таким образом, под занавес второе направление Нового курса привело к триумфу доллара как основы нового международного денежного порядка⁶⁶. Доллар занял место фунта стерлингов, а американская империя сменила британскую. В январе 1945 г. Ламар Флеминг-мл., президент «Андерсон, Клейтон энд компани», проницательно заметил в письме к своему давнему коллеге Уиллу Клейтону, что «Британская империя и мировое влияние Британии – это уже миф». Совсем скоро, пророчил Флеминг, США придется защищать Британию от расправляющего плеча русского континента, а это будет означать, что «Американская империя поглотит те части Британской империи, которые мы соизволим принять»⁶⁷. Эпоха Нового курса подошла к концу, и победоносные Соединенные Штаты были готовы пожинать ее плоды во всемирном масштабе.

Эпилог

Созданная на основе Бреттон-Вудского соглашения мировая валютная система просуществовала до начала 1970-х гг. Новый, и более узкий, долларовый золотодевизный стандарт сменил существовавший в 1920-е гг. долларо-стерлинговый золотодевизный стандарт. В первые послевоенные годы система работала весьма успешно, и банковское сообщество Америки

---

sell, *United States Economic Policy*, pp. 134 ff.

⁶⁶ Об американских спорах по поводу Бреттон-Вудского соглашения см.: Richard N. Gardner, *Sterling-Dollar Diplomacy*, pp. 129–143; Mike-sell, *United States Economic Policy*, pp. 129–135, 138 ff., 142 ff., 149–152, 155–158, 163–170.

⁶⁷ Kolko, *The Politics of War*, p. 294.

окончательно ее приняло⁶⁸. Когда европейская экономика была обескровлена, а курс европейских валют по отношению к золоту сильно завышен, доллар был самой сильной и «твердой» из мировых валют; в мире преобладала ситуация «дефицита долларов», а он сам опирался на огромные запасы золота, значительная часть которого нашла в США убежище от царивших в мире войны и разрухи. Но уже в начале 1950-х гг. баланс сил в мировой экономике начал постепенно меняться. В то время как США, приняв на вооружение кейнсианскую экономическую теорию, жизнерадостно проводили инфляцию доллара, воображая себя свободными от ограничений классического золотого стандарта, несколько европейских стран начали движение в противоположном направлении. Западная Германия, Франция, Италия и Швейцария под влиянием консервативных, ориентированных на свободу рынков и твердые деньги экономистов, вновь обретших авторитет, начали продвигаться к процветанию в условиях куда меньшей инфляции. Их валюты постепенно крепили, в то время как доллар под влиянием инфляции слабел⁶⁹.

Американская инфляционная политика привела к двум важным последствиям: во-первых, курс доллара по отношению к золоту постепенно оказался завышенным и, во-вторых, курс доллара со временем оказался завышенным по отношению к западногерманской марке, французскому и швейцарскому франку, японской иене и другим сильным валютам. В результате уже в начале 1950-х гг. американский платежный баланс стал хронически дефицитным. Следствием хронического дефицита платежного баланса стал отток золота за границу

⁶⁸ С окончательным приспособлением финансового сообщества к новой системе совпала отставка таких видных сторонников классического золотомонетного стандарта, как Генри Хэзлит, обозреватель «Нью-Йорк таймс», и д-р Бенджамин Андерсон из «Чейз манхэттен бэнк».

⁶⁹ Можно отметить влияние таких экономистов, как Людвиг Эрхард, Альфред Мюллер-Армак и Вильгельм Рёпке в Германии; президент Луиджи Эйнаути в Италии и Жак Рюэфф, способствовавший оздоровлению денежной системы Франции в 1920-х и начале 1930-х гг.

и накопление долларовых резервов в центральных банках стран с сильной валютой. Начиная с 1960 г. сумма краткосрочных требований центральных банков на американское золото стала превышать объем золотых запасов. Короче говоря, подобно тому как в 1920-е гг. инфляция в Англии и в США привела в конечном итоге к разрушению международного денежного порядка, послевоенная инфляция в США стала причиной роста напряженности и расколов в золотодевизном стандарте, утвердившемся после Второй мировой войны. С течением времени становилось все более очевидным, что из-за инфляции золотой курс доллара делается все более завышенным и что он не может служить надежным фундаментом мировой валютной системы, а значит, эта страдающая от противоречий и несообразностей система не сможет долго функционировать в неизменном виде.

В тщетной попытке сохранить основы системы ее подвергли существенным изменениям. Весной 1968 г. волна требований европейских центральных банков о размене долларов на золото привела к двум важным переменам. Во-первых, произошел частичный отказ от фиксированной цены 35 долл. за унцию золота. Возникла «двухуровневая» система цен на золото. На свободном мировом рынке золота ввели режим плавающих цен, так что США освободились от обязательства поддерживать курс 35 долл. за унцию. С другой стороны, этот курс сохранился для операций с центральными банками, с которых взяли обещание не продавать золото на открытом рынке. Кейнсианские экономисты были убеждены, что если отпустить цены на золото в свободное плавание, они непременно упадут. Но случилось обратное, потому что мировой рынок терял веру в доллары и продолжал верить в золото.

Вторым изменением было создание в 1969 г. специальных прав заимствования (СДР), представлявших собой новую форму «бумажного золота», особые бумажные деньги, которые могли служить в качестве международной резервной валюты для всех валют мира. Это несколько ослабило давление на доллар, но количество СДР было слишком незначительно, чтобы изменить ситуацию на мировых валютных рынках, и

недоверие к доллару продолжало расти.

Две эти мелкие поправки никак не повлияли на фундаментальный факт – курс доллара по отношению к золоту и другим главным валютам был завышен. Весной 1971 г. очередной валютный кризис привел к значительной ревальвации твердых валют. Поскольку США, из страха потерять лицо, упрямо отказывались повысить цену золота или девальвировать доллар, чтобы восстановить равновесие на валютных рынках, другим странам с конвертируемыми валютами, таким, как Западная Германия, Швейцария и Голландия, пришлось осуществить ревальвацию. Альтернативный вариант – предъявить США требования на погашение доллара золотом и, таким образом, сделать явной его неразменность – представлял собой слишком резкий политический вызов США, на что эти страны пойти не могли. США, со своей стороны, чтобы сохранить видимость устойчивости курса 35 долл. за унцию золота, оказывали интенсивное политическое давление на кредиторов, чтобы те держали свои запасы долларов и не требовали их размена на золото. К концу 1960-х гг. генерал Шарль де Голль, прислушавшийся к советам Жака Рюэффа, сторонника классического золотого стандарта, явно готовился бросить вызов США и добиться крушения долларовой системы и восстановления классического золотого стандарта во Франции и в других странах Европы. Но весной 1968 г. внутренние политические неурядицы во Франции заставили, по крайней мере временно, отказаться от этой мечты, так как французское правительство было вынуждено пойти на инфляционную эмиссию франков, чтобы оплатить повышение ставок заработной платы, согласованное с профсоюзами, угрожавшими общенациональной забастовкой.

Но эти чисто косметические полумеры не могут поправить положение; мировую валютную систему ждут все более глубокие кризисы, спасти от которых смогут только фундаментальные изменения. Существующую систему могло бы спасти только проведение Соединенными Штатами политики твердых денег, которая положила бы конец инфляции и сделала доллар надежным, но по политическим причинам такая перспектива почти невероятна.

Существует несколько альтернативных подходов к организации мировой валютной системы. Американское правительство и экономисты кейнсианского толка хотели бы иметь систему, основанную на «бумажном золоте», чтобы окончательно демонстизировать золото и заменить его новой денежной единицей (вроде кейнсианских «банкоров»), которую бы эмитировал новый мировой центральный банк. Если эта система будет реализована, новый мировой центральный банк, находящийся под влиянием Америки, сможет до бесконечности раскручивать инфляцию, чтобы покрывать любые дефициты. Эта схема, развиваемая в проекте Триффина, в проекте Бернштейна и других, – современный вариант американской мечты, но другие страны, проводящие политику твердых денег, противятся такому решению, и маловероятно, что США сумеют навязать им свою волю.

Другой альтернативой является план Рюзффа, предполагающий резкое увеличение мировых цен на золото и возврат к классическому золотому стандарту. Но эта перспектива тоже маловероятна, тем более что американцы с ней не согласны. Поскольку введение новой мировой валюты невозможно, американцев устроит продолжение инфляции, чтобы страны с твердыми деньгами были вынуждены повышать курс своих валют, но опять-таки сомнительно, чтобы Германия, Франция, Швеция и другие экспортеры захотели таким образом поддерживать американскую инфляцию. Возможно, самой вероятной перспективой является формирование нового европейского валютного блока, который со временем сможет окрепнуть настолько, чтобы бросить доллару как экономический, так и политический вызов. В этом случае долларový стандарт может рухнуть, и мы опять вернемся в мир валютных блоков, подобный существовавшему в 1930-е гг., только на этот раз у Европы будет более твердая квазизолотая валюта. Так что весьма вероятно, что в будущем золото вернется, а твердые европейские валюты наконец-то свергнут с трона победивший, но все более слабеющий доллар.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Anderson, Benjamin M. *Economics and the Public Welfare: Financial and Economic History of the United States, 1914–1946* (Princeton, N. J.: Van Nostrand, 1949).
- Andreano, Ralph, ed. *The Economic Impact of the American Civil War* (Cambridge, Mass.: Schenckman, 1961).
- Andrew, Christopher and Oleg Gordievsky, *KGB: The Inside Story of Its Foreign Operations from Lenin to Gorbachev* (New York: Harper Collins, 1990).
- Attali, Jacques *A Man of Influence: Sir Siegmund Warburg, 1902–82*. London, Weidenfeld and Nicholson, 1986.
- Barrett, Don C. *The Greenbacks and Resumption of Specie Payments, 1862–1879* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1931).
- Beckhard, Benjamin H. "Federal Reserve Policy and the Money Market, 1923–1931," in *The New York Money Market*, Beckhart et al. (New York: Columbia University Press, 1931).
- Belz J. "Paper Money in Colonial Massachusetts," Essex Institute, *Historical Collections* 101 (April 1965): 146–163.
- Belz, Herman J. "Currency Reform in Colonial Massachusetts, 1749–1750," Essex Institute, *Historical Collections* 103 (January 1967): 66–84.
- Benham, Frederic C. *British Monetary Policy* (London: P.S. King and Son, 1932).
- Benston, George. *The Separation of Commercial and Investment Banking: The Glass-Steagall Act Revisited and Reconsidered* (New York: Oxford University Press, 1990).
- Bentham, Frederic C. *British Monetary Policy* (London: P.S. King, 1932).
- Bentley, Elizabeth. *Out of Bondage* (New York: Ballantine Books, 1988).
- Berger, Henry W. "Senator Robert A. Taft Dissents from Military Escalation," in *Cold War Critics: Alternatives to American Foreign Policy in the Truman Years*, Thomas G. Paterson, ed. (Chicago: Quadrangle Books, 1971).
- Billias, George Athan. "The Massachusetts Land Bankers of 1740," *University of Maine Bulletin* 61 (April 1959).
- Bird, Kai. *The Chairman: John J. McCloy, the Making of the American Establishment* (New York: Simon and Schuster, 1992).
- Birmingham, Stephen. *Our Crowd: The Jewish Families of New York*. New York: Pocket Books, 1977.
- Boyle, Andrew. *Montagu Norman* (London: Cassell, 1967).
- Brown, Kenneth L. "Stephen Girard, promoter of the Second Bank of the United States," *Journal of Economic History* (November 1942): 125–132.
- Brown, William Adams, Jr. *The International Gold Standard Reinterpreted, 1914–1934* (New York: National Bureau of Economic Research, 1940).
- Bullock, Charles Jesse. *Essays on the Monetary History of the United States* (New York: Greenwood Press, [1900] 1969).
- Burch, Philip H., Jr. *Eliotes in American History*, vol. 1, *The Federalist Years to the Civil War* (New York: Holmes and Meier, 1981).

- Burch, Philip H., Jr *Elites in American History*, vol 2, *The Civil War to New Deal* (New York Holmes and Meier, 1981)
- Burch, Philip H., Jr *Elites in American History*, vol 3, *The New Deal to Carter Administration* (New York Holmes and Meier, 1980)
- Burnett, Edmund Goddy *The Continental Congress* (New York W W Norton, 1964)
- Cannan, Edwin *The Paper Pound 1797–1821*, 2nd ed (London P S King, 1925)
- Carosso, Vincent P *Investment Banking in America A History* (Cambridge, Mass, Harvard University Press, 1970)
- Catterall, Ralph C. H *The Second Bank of the United States* (Chicago University of Chicago Press, 1902)
- Chandler, Lester V *Benjamin Strong, Central Banker* (Washington, D C Brookings Institution, 1958)
- Chandler, Lester V *Benjamin Strong, Central Banker* (Washington, D C Brookings Institution, 1958)
- Chapman, J S Review of "Charles Conant's The United States in the Orient," *Economic Journal* 2 (1901)
- Chernow, Ron *The House of Morgan An American Banking Dynasty and the Rise of the Modern Finance* (New York Atlantic Monthly Press, 1990)
- Clark, Lawrence E *Central Banking under the Federal Reserve System* (New York Macmillan, 1935)
- Clarke, Petre "The Treasury's Analytical Model of the British Economy Between the Wars," in *The State and Economic Knowledge The American and British Experiences*, Mary Furner and Barry Supple, eds (Cambridge Cambridge University Press, 1990)
- Clarke, Stephen V O *Central Bank Cooperation, 1924-31* (New York Federal Reserve Bank of New York, 1967)
- Clay, Sir Henry *Lord Norman* (London Macmillan, 1957)
- Coit, Margaret *Mr Baruch* (Boston Houghton Mifflin, 1957)
- Colher, Peter and David Horowitz, *The Rockfellers An American Dynasty* (New York Holt, Rinehart and Winston, 1976)
- Conant, Charles "The Economic Base of Imperialism", *North American Review*, September 1898
- Currie, Lauchlin *The Supply and Control of Money in the United States*, 2nd rev ed (Cambridge, Mass Harvard University Press, [1934] 1935)
- Davis, Eric G "R G Hawtrey, 1879–1975," in *Pioneers of Modern Economics in Britain*, D P O'Brien and J R Presley, eds (Totowa, N J Barnes and Noble, 1981)
- Deutscher, Patrick R G *Hawtrey and the Development of Macroeconomics* (Ann Arbor University of Michigan Press, 1990)
- Dewey, Davis R *The Second United States Bank* (Washington, D C National Monetary Commission, 1910)
- Dewing, Arthur Stone *The Financial Policy of Corporations*, 5th ed (New York Ronald Press, 1953), 2
- Domhoff, G William *The Power Elite and the State How Policy is Made in America* (New York Aldine de Gruyter, 1990)
- Domhoff, G William *The Rower Elite and the State* (New York Aldine de Gruyter, 1990)
- Donlon, William P *United States Large Size Paper Money, 1861 to 1923*, 2nd ed (Iola, Wis Krause, 1970)
- Dorfman, Joseph *The Economic Mind in American Civilization, 1606–1865* (New York Viking Press, 1946)
- Dorfman, Joseph *The Economic Mind in American Civilization*, vol 3, 1864–1918 (New York Viking Press, 1949)

История денежного обращения и банковского дела в США

- Douglas, Lewis W. *The Liberal Tradition: A Free People and Free Economy* (New York: D. Van Nostrand, 1935)
- Dunne, Gerald T. *Monetary Decisions of the Supreme Court* (New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1960)
- Ebersole, J. Franklin. "One Year in the Reconstruction Finance Corporation," *Quarterly Journal of Economics* (May) 464-487
- Edwards, Rolph. "Monopoly and Competition in Money," *Journal of Libertarian Studies* 4 (Winter 1980)
- Einaudi, Luigi. "The Theory of Imaginary Money from Charlemagne to the French Revolution," in *Enterprise and Secular Change*, F. C. Lane and J. C. Riemersma, eds. (Homewood, Ill.: Richard D. Irwin, 1953)
- Finzig, Paul. *Montagu Norman* (London: Kegan Paul, 1932)
- Ellis, Richard E. *The Jeffersonian Crisis: Courts and Politics in the Young Republic* (New York: Oxford University Press, 1971)
- Ershkowitz, Herbert and William Shade. "Consensus or Conflict? Political Behavior in the State Legislatures During the Jacksonian Era," *Journal of American History* 58 (December 1971) 591-621
- Etherington, Norman. "Reconsidering Theories of Imperialism," *History and Theory* 21, no. 1 (1982) 1-36.
- Etherington, Norman. *Theories of Imperialism: War, Conquest, and Capital*. Totowa, N. J.: Barnes and Noble, 1984
- Etzold, Thomas H. *Why America Fought Germany in World War II* (St. Louis: Forum in History, Forum Press, 1973)
- Fairman, Charles. "Mr. Justice Bradley's Appointment to the Supreme Court and the Legal Tender Cases," *Harvard Law Review* (May 1941)
- Feis, Herbert. "1933: Characters in Crisis," in Schwarz, ed. 1933 *Roosevelt's Decision*
- Fels, Rendigs. *American Business Cycle, 1865-1897* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1959)
- Ferguson, E. James. *The Power of the Purse: A History of American Public Finance, 1776-1790* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1961)
- Ferguson, Thomas. "From Normalcy to New Deal: Industrial Structure, Party Competition, and American Public Policy in the Great Depression," *International Organization* 38 (Winter 1984)
- Ferguson, Thomas. "Industrial Conflict and the Coming of the New Deal: The Triumph of Multinational Liberalism in America," in *The Rise and Fall of the New Deal Order, 1930-1980*, Steve Fraser and Gary Gerstle, eds. (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1989)
- Ferrell, Robert H. *American Diplomacy in the Great Depression* (New York: W. W. Norton, 1957)
- Fetter, Frank W. *Development of British Monetary Orthodoxy, 1797-1875* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1965)
- Fink, Carole. *The Genoa Conference: European Diplomacy, 1921-1922* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1984)
- Fisher, Irving Norton. *My Father Irving Fisher* (New York: Comet Press, 1956)
- Fisher, Irving. *Stabilized Money* (London: George Allen and Unwin, 1935)
- Fisher, Irving. *The Purchasing Power of Money* (New York: Macmillan, 1911)
- Flynn, John T. "Inside the RFC," *Harper's Magazine* 166 (1933)
- Foster and Catchings, *The Road to Plenty* (Boston: Houghton Mifflin, 1928)
- Foster, William T. and Waddill Catchings. "Mr. Hoover's Plan: What It Is and What It Is Not - The New Attack on Poverty," *Review of Reviews* (April 1929)

- Fraser, Steve and Gary Gerstle, eds (Princeton, N J Princeton University Press, 1989)
- Frederickson, George *The Inner Civil War Northern Intellectuals and the Crisis of the Union* (New York Harper and Row, 1965)
- Friedman, Milton and Anna Jacobson Schwartz, *A Monetary History of the United States, 1867-1960* (New York National Bureau of Economic Research, 1863)
- Gal, Allon *Brandeis of Boston* (1980) in *Prophets of Regulation* (Cambridge, Mass Harvard University Press, 1984)
- Galleo, David P "The Historiography of the Interwar Period Reconsiderations," in *Balance of Power or Hegemony The Interwar Monetary System*, Benjamin M Rowland, ed (New York Lehrman Institute and New York University Press, 1976)
- Gardner, Lloyd C "The New Deal, New Frontiers, and the Cold War A Re-examination of American Expansion, 1933-1945," in *Corporations and the Cold War*, David Horowitz, ed (New York Monthly Review Press, 1969)
- Gardner, Lloyd C *Architects of Illusion Men and Ideas in American Foreign Policy, 1941-1949* (Chicago Quadrangle Books, 1970)
- Gardner, Lloyd C *Economic Aspects of New Deal Diplomacy* (Madison University of Wisconsin Press, 1964)
- Gardner, Richard N *Sterling-Dollar Diplomacy* (Oxford Clarendon Press, 1956)
- Gouge, William M *A Short History of Paper Money and Banking in the United States* (New York Augustus M Kelley, [1833] 1968)
- Govan P *Nicholas Biddle Nationalist and Public Banker, 1786-1844* (Chicago University of Chicago Press, 1959)
- Government's Money Monopoly*, Henry Mak Holzer, ed (New York Books in Fokus, 1981)
- Grigg, Sir Perys James *Prejudice and Judgment* (London Hutchinson, 1948)
- Hammond, Bray *Banks and Politics in America* (Princeton, N J Princeton University Press, 1957)
- Hammond, Bray *Sovereignty and Empty Purse Banks and Politics in the Civil War* (Princeton, N J Princeton University Press, 1970)
- Hardy, Charles O *Credit Policies of the Federal Reserve System* (Washington, D C Brookings Institution, 1932)
- Harr, John Ensor and Peter J Johnson, *The Rockefeller Century* (New York Charles Scribner's Sons, 1988)
- Harris, Seymour E *Twenty Years of Federal Reserve Policy* (Cambridge, Mass Harvard University Press, 1933)
- Hawtrey, Ralph G "The Genoa Resolutions on Currency," *Economic Journal* 32 (1922) 290-304, in Ralph G Hawtrey, *Monetary Reconstruction* (London Longmans, Green, 1923)
- Healy, David *US Expansionism The Imperialist Urge in the 1890's* Madison University of Wisconsin Press, 1970
- Heilperin, Michael A *The Trade of Nations* (New York Alfred Knopf, 1947)
- Hepburn, A Barton *A History of Currency in the United States with a Brief Description of the Currency Systems of all Commercial Nations* (New York MacMillan, 1915)
- Himmelberg, Robert F "Business, Antitrust Policy, and the Industrial Board of the Department of Commerce, 1919," *Business History Review* (Spring 1968)
- Holden, J Milnes *The History of Negotiable Instruments in English Law* (London Athlone Press, 1955)
- Holdsworth, John Thom *The First Bank of the United States* (Washington D C National Monetary Commission, 1910)
- Hollander, Jacob H ed (Baltimore Johns Hopkins Press, 1932)
- Hoyt, Homer "The Effect of Cyclical Fluctuations upon Real Estate Finance," *Journal of*

История денежного обращения и банковского дела в США

- Finance* (April 1947)
- Hume L J "The Gold Standard and Deflation Issues and Attitudes in the 1920s" (1963), in *The Gold Standard*, Pollard, ed
- Hummel, Jeffrey Rogers "The Monetary History of America to 1789 A Historiographical Essay," *Journal of Libertarian Studies* 2 (Winter 1978)
- Hummel, Jeffrey Rogers "The Jacksonians, Banking, and Economic Theory A Reinterpretation," *Journal of Libertarian Studies* 2 (Summer 1978)
- Hyman, Sidney *Marriner S Eccles Private Entrepreneur and Public Servant* (Stanford, Calif Stanford University Graduate School of Business, 1976)
- Irwin Unger, *The Greenback Era A Social and Political History of American Finance, 1865-1879* (Princeton, N J Princeton University Press, 1964)
- Israelson, L Dwight "Marriner S Eccles, Chairman of the Federal Reserve Board," *American Economic Review* 75 (May 1985)
- James, H Gilbert *Trade and Currency in Early Oregon* (New York Columbia University Press, 1907)
- Jenks, Jeremiah W, E R A Seligman, Albert Shaw, Edward R Strobel, and Charles S Hamlin *Essays in Colonial Finance* Publications of the American Economic Association, 3rd Series, 1900
- Jensen, Richard J *The Winning of the Midwest Social and Political Conflict, 1888-1896* (Chicago University of Chicago Press, 1971)
- John Jay Knox, *A History of Banking in the United States* (New York Augustus M Kelley, [1900] 1969)
- Johnson, Joseph French, "The Currency Act of March 14, 1900," *Political Science Quarterly* 15 (1900)
- Joseph, Dorfman (1949) *The Economic Mind in American Civilization* Vol 3 New York Viking Press
- Kaufman, Burton L *Efficiency and Expansion Foreign Trade Organization in the Wilson Administration, 1913-1921* (Westport, Conn Greenwood Press, 1974)
- Kelly, III, Edward J "Legislative History of the Glass-Steagall Act," in *Deregulating Wall Street Commercial Bank Penetration of the Corporate Security Market*, Ingo Walter, ed (New York John Wiley and Sons, 1985)
- Kemmerer, Donald L "Paper Money in New Jersey, 1668-1775," *New Jersey Historical Society, proceedings* 74 (April 1956)
- Kirkland, Edward C *Industry Comes of Age Business, Labor and Public Policy, 1860-1897* (New York Holt, Rinehart and Winston, 1861)
- Klein, John J *Money and Economy*, 2nd ed (New York: Harcourt, Brace and World, 1970)
- Kleppner, Paul *The Cross of Culture A Social Advance of Midwestern Politics, 1859-1900* (New York Free Press, 1970)
- Kleppner, Paul *The Third Electoral System, 1853-1892 Parties, Voters, and Political Cultures* (Chapel-Hill University of North Carolina Press, 1979)
- Knappen, Theodore "The Irony of Big Business Seeking Government Management," in *Magazine of Wall Street* 49 (January 23, 1932)
- Kolko, Gabriel *The Politics of War The World and United States Foreign Policy, 1943-1945* (New York Random House, 1968)
- Kolko, Gabriel *The Triumph of Conservatism A Reinterpretation of American History* (Glencoe, Ill Free Press, 1983)
- Larson, Henrietta *Jay Cook, Private Banker* (Cambridge, Mass Harvard University Press, 1936)
- Laughlin, J Laurence *A New Exposition of Money, Credit and Prices* (Chicago University of Chicago Press, 1931)

- Laughlin, J. Laurence *The History of Bimetallism in the United States*, 4th ed (New York D. Appleton, 1901)
- Lawrence, Joseph Stagg *Stabilization of Prices* (New York Macmillan, 1928)
- Lerner, Eugene M. "Inflation in the Confederacy, 1861-65," in *Studies in the Quantity Theory of Money*, Milton Friedman, ed (Chicago University of Chicago Press, 1956)
- Lerner, Eugene M. "Money, prices, and Wages in the Confederacy, 1861-65," in Andreano, *Economic Impact*.
- Lester, Richard A. "The Gold Parity Depression in Norway and Denmark, 1924-1928," *Journal of Political Economy* (August 1937)
- Lester, Richard A. *Monetary Experiments* (London David and Charles Reprints, [1939] 1970)
- Leuchtenburg, William E. "The New Deal and the Analogue of War," in *Change and Continuity in Twentieth-Century America*, John Braeman, Robert H. Bremner, and Everett Walters, eds (New York Harper and Row, [1964] 1967)
- Lionel Robbins, *The Great Depression* (New York Macmillan, 1934)
- Livingston, James (1986) *Origins of the Federal Reserve System Money, Class, and Corporate Capitalism, 1890-1913* (Ithaca, N.Y. Cornell University Press, 1986)
- Lopez, Robert Sabatino "Back to Gold, 1252," *Economic History Review* (April 1956)
- Ludwig von Mises, *Human Action* (New Haven, Conn. Yale University Press, 1949)
- Ludwig von Mises, *The Theory of Money and Credit*, 3rd ed (Indianapolis Liberty Classics, 1980)
- Martin, David A. "1853 The End of Bimetallism in the United States," *Journal of Economic History* 33 (December 1973)
- Martin, David A. "Bimetallism in the United States before 1850," *Journal of Political Economy* 76 (May-June 1968)
- Martin, David A. "Metallism, Small Notes, and Jackson's War with the B U S.," *Explorations in Economic History* 11 (Spring 1974)
- Mason, Alpheus Thomas *Brandeis A Free Man's Life* (New York Viking, 1946)
- May, A. Wilfred "Inflation in Securities," in *The Economics of Inflation*, H. Parker Willis and John M. Chapman, eds (New York Columbia University Press, 1935)
- McCartney, Laton *Friends in High Places The Bechtel Story* (New York Simon and Schuster, 1988)
- McCrane, Reginald C. *Foreign Bondholders and American State Debts* (New York Macmillan, 1935)
- McGraw, "Landis and the Statecraft of the SEC," in *Products of Regulation*
- McGraw, Thomas K. "Brandeis and the Origins of the FTC," in *Prophets of Regulation* (Cambridge, Mass. Harvard University Press, 1984)
- McSeveney, Samuel T. *The Politics of Depression Political Behavior in the Northeast, 1893-1896* (Oxford: Oxford University Press, 1972)
- Merlo J. Pusey, *Eugene Meyer* (New York Alfred A. Knopf, 1974)
- Merrill D. Peterson, *The Jeffersonian Image in the American Mind* (New York Oxford University Press, 1960)
- Michael J. Hogan, *Informal Entente The Private Structure of Cooperation in Anglo-American Economic Diplomacy, 1918-1928* (Columbia University of Missouri Press, 1977)
- Mikesell, Raymond F. *United States Economic Policy and International Relations* (New York McGraw-Hill, 1952)
- Milgate, Murray "Cannan, Edwin," in *The New Palgrave A Dictionary of Economics*, Peter Newman, Murray Milgate, and John Eatwell, eds (New York Stockton Press, 1987)
- Muller, Adolph C. "Responsibilities for Federal Reserve Policies, 1927-1929," *American Economic Review* (September 1935)

История денежного обращения и банковского дела в США

- Miller, Douglas. *You Can't Do Business With Hitler* (Boston, 1941)
- Mints, Lloyd W. *A History of Banking Theory* (Chicago: University of Chicago Press, 1945).
- Mitchell, Wesley Clair. *A History of the Greenbacks* Chicago: University of Chicago Press, 1903)
- Moggridge, D. E. *British Monetary Policy, 1924–1931: The Norman Conquest of \$4,86* (Cambridge: Cambridge University Press, 1972).
- Morgenstern, Oskar. "Developments in the Federal Reserve System," *Harvard Business Review* (October 1930): 2–3;
- Moses, Bernard "Legal Tender Notes in California," in *Quarterly Journal of Economics* (October 1892): 1–25.
- Murphy, Bruce Allen. *The Brandeis–Frankfurter Connection: The Secret Political Connection of Two Supreme Court Justices* (New York: Anchor Press, [1982] 1983).
- Nash, Gerald D. "Herbert Hoover and the Origins of the Reconstruction Finance Corporation," in *Mississippi Valley Historical Review* 46 (December 1959): 455–468.
- Neilson, Francis. *The Tragedy of Europe* (Appleton, Wis.: C. C. Nelson, 1946).
- Nettels, Curtis P. *The Emergence of National Economy, 1775–1815* (New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1962).
- Nicolson, Harold. *Dwight Morrow* (New York: Harcourt Brace, 1935).
- North, Gary "Greenback Dollars and Federal Sovereignty, 1861–1865," in *Gold is Money*, Hans Sennholz, ed. (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1975)
- O'Leary, Paul M. "The Coinage Legislation of 1834," *Journal of Political Economy* 45 (February 1937): 80–94
- O'Leary, Paul M. "The Scene if the Crime of 1873 Revisited: A Note," *Journal of Political Economy* 68 (1960): 388–392
- Olson, James Stuart. *Herbert Hoover and the Reconstruction Finance Corporation, 1931–1933* (Ames: Iowa State University Press, 1977), p. 12.
- Orde, Anne. *British Policy and European Reconstruction After the First World War* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990), pp. 105–118.
- Palyi, Melchior. *The Twilight of Gold 1914–1936* (Chicago: Henry Regnery, 1972).
- Parks, Joseph H. "Felix Grundy and the Depression of 1819 in Tennessee," *Publications of the East Tennessee Historical Society* 10 (1938).
- Parrini, Carl P. and Martin J. Sklar, 1983, "New Thinking about the Market, 1896–1904: Some American Economists on Investment and the Theory of Surplus Capital." *Journal of Economic History* 43 (September).
- Parrini, Carl P. *Heir to Empire: United States Economic Diplomacy, 1916–1923* (Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 1969).
- Pasvolosky, Leo. *Current Monetary Issues* (Washington, D. C.: Brookings Institution, 1933).
- Paul, Ron and Lewis Lehrman, 1982. *The Case for Gold: A Minority Report on the U. S. Gold Commission*, Washington, D. C.: Cato Institute.
- Philippe, Raymond. *Le drame Financier de 1924–1928*, 4th ed. (Paris: Gallimard, 1931).
- Pusey, Eugene Meyer, pp. 227–231; Susan Eastabrook Kennedy, *The Banking Crisis of 1933* (Lexington: University Press of Kentucky, 1973), pp. 46–47).
- Raguét, Condy. *A Treatise on Currency and Banking*, 2nd ed (New York: Augustus M. Kelley, [1840] 1967).
- Reed, Harold L. *Federal Reserve Policy, 1921–1930* (New York: McGraw-Hill, 1930).
- Reed, Harold L. *Federal Reserve Policy, 1921–1930* (New York: McGraw-Hill, 1930).
- Reeve, Joseph E. *Monetary Reform Movements* (Washington, D. C.: American Council on Public Affairs, 1943).
- Rist, Charles. "Notice Biographique," *Revue d'Economie Politique* November–December, 1955).

- Robey, Ralph W. "The Capeadores of Wall Street," *Atlantic Monthly* (September 1928).
- Rockoff, Hugh. "Money, prices, and Banks in the Jacksonian Era," in *The Reinterpretation of American Economic History*, R. Fogel and S. Engerman, eds. (New York: Harper and Row, 1971).
- Rockoff, Hugh. "Varieties in Banking and Regional Economic Development in the United States, 1840–1860," *Journal of Economic History* 35 (March 1975).
- Rocoff, Hugh. *The Free Banking Era: A Re-Examination* (New York: Arno Press, 1975).
- Rosdick, Raymond B. *John D Rockefeller, Jr: A Portrait* (New York: Harper and Bros, 1956)
- Rosenberg, Emily S. "Foundations of United States International Financial Power: Gold Standard Diplomacy, 1900–1905," *Business History Review* 59 (Summer: 1905)
- Rosenberg, Emily S. "Foundations of United States International Financial Power: Gold Standard Diplomacy, 1900–1905," *Business History Review* 59 (Summer 1985)
- Rothbard, Murray N. "Aurophobia, or Free Banking on What Standard?" *Review of Austrian Economics* 6, no. 1 (1992).
- Rothbard, Murray N. "Money, the State and Modern Mercantilism," in *Central Planning and New-Mercantilism*, Helmut Schoeck and James W. Wiggins, eds. (Princeton, N J: D. Van Nostrand, 1964).
- Rothbard, Murray N. "The Federal Reserve as a Cartelization Device. The Early Years, 1913–1920," in Bernie Sigal, ed. *Money in Crisis* (San-Francisco: Pacific Institute, 1984).
- Rothbard, Murray N. "The New Deal and the International Monetary System," in *The Great Depression and New Deal Monetary Policy* (San Francisco: Cato Institute, [1976] 1980).
- Rothbard, Murray N. "War Collectivism in World War I," in *A New History of Leviathan Essays on the Rise of the American State*, Ronald Radosh and Murray N. Rothbard, eds. (New York: E.P. Dutton, 1972)
- Rothbard, Murray N. *America's Great Depression*, 4th ed. (New York: Richardson and Snyder, [1963] 1983).
- Rothbard, Murray N. *Conceived in Liberty*, vol. 2, *Salutary Neglect, The American Colonies in the First Half of Eighteenth Century* (New York, N.Y: Arlington House, 1975).
- Rothbard, Murray N. *Conceived in Liberty*, vol. 4. *Revolutionary War, 1775–1784* (New Rochelle, N.Y.: Arlington House, 1979).
- Rothbard, Murray N. *The Case for a 100 percent Gold Dollar* Washington, D. C.: Libertarian Review Press, 1974).
- Rothbard, Murray N. *The Panic of 1819: Reactions and Policies* (New York: Columbia University Press, 1962).
- Russell, Henry. *International Monetary Conferences* (New York: Harper and Bros, 1898).
- Saul S. B. *The Myth of the Great Depression, 1873–1896* (London: Macmillan, 1969).
- Sayers, R. S. "The Return to Gold, 1925" (1960) in *The Gold Standard and Employment Policies Between the Wars*, Sidney Pollard, ed. (London: Methuen, 1970)
- Schacht, Hjalmar. *Confessions of "The Old Wizard"* (Boston: Houghton Muffin, 1956).
- Schlesinger, Arthur M., Jr. *The Coming of the New Deal* (Boston: Houghton Mifflin, 1959).
- Schultz, William J. and M. R. Caine, "Federalist Finance," in *Hamilton and the National Debt*, G. R. Taylor, ed. (Boston: D. C. Heath, 1950).
- Schwarz, Jordan A. *The Interregnum of Despair. Hoover, Congress, and the Depression* (Urbana: University of Illinois Press, 1970).
- Schwarz, Jordan, ed. 1933: *Roosevelt's Decision, the United States Leaves the Gold Standard* (New York: Chelsea House, 1969).
- Schweitzer, Arthur. *Big Business in the Third Reich* (Bloomington: Indiana University Press, 1964).

История денежного обращения и банковского дела в США

- Seidel, Robert N. "American Reformers Abroad: The Kemmerer Missions in South America, 1923–1931." *Journal of Economical History* 32 (June 1972).
- Seidel, Robert N. "American Reformers Abroad: The Kemmerer Missions in South America, 1923–1931," *Journal of Economic History* 32 (June 1972): 520–545.
- Seligman, Joel. *The Transformation of Wall Street: A History of the Securities and Exchange Commission and Modern Corporate Finance* (Boston: Houghton Mifflin, 1982).
- Shade, William G. *Banks or No Banks: The Money Issue in Western Politics, 1832–1865* (Detroit: Wayne State University Press, 1972).
- Sharkley, Robert P. *Money, Class and Party: An Economic Study of Civil War and Reconstruction* (Baltimore, Md.: The Johns Hopkins Press, 1959).
- Sharp, James Roger. *Jacksonians versus the Banks: Politics in the States After the Panic of 1837* (New York: Columbia University Press, 1970).
- Shoup, Laurence H. and William Minter, *Imperial Brain Trust: The Council on Foreign Relations and United States Foreign Policy* (New York: Monthly Review Press, 1977).
- Silva, Edward T. and Sheila A. Slaughter. *Serving Power. The Making of the Academic Social Science Expert* (Westport, Conn.: Greenwood Press, 1984).
- Silverman, Dan P. *Reconstructing Europe After the Great War* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1982).
- Skidelsky, Robert. *John Maynard Keynes*, vol. 1, 1883–1920 (New York: Viking Press, 1986).
- Smith, Robert Freeman. "American Foreign Relations, 1920–1942," in *Toward a New Past*, Barton J. Bernstein, ed. (New York: Pantheon, 1968), p. 252).
- Smith, Robert Freeman. "American Foreign Relations, 1920–1942," in *Towards a New Past*, Barton J. Bernstein, ed. (New York: Pantheon Books, 1968).
- Smith, Walter Buckingham. *Economic Aspects of the Second Bank of the United States* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1953).
- Snyder, Carl. *Capitalism, the Creator: The Economic Foundations of Modern Industrial Society* (New York: Macmillan, 1940)
- Steiner W. H. and E. Shapiro, *Money and Banking* (New York: Henry Holt, 1941).
- Studenski, Paul and Herman E. Kross, *Financial History of the United States* (New York: McGraw Hill, 1952).
- Sumner, William Graham. *A History of American Currency* (New York: Henry Holt, 1876).
- Tansill, Charles Callah. *America Goes to War* (Boston: Little, Brown, 1938).
- Tansill, Charles Callah. *Back Door to War* (Chicago: Henry Regnery, 1952).
- Taussig, Frank W. "What Should Congress Do About Money?" *Review of Reviews* (August 1893).
- Taussig, Frank W. "The Currency Act of 1900," *Quarterly Journal of Economics* 14 (May, 1900).
- Taylor F. M. "The Final Report of the Indianapolis Monetary Commission." *Journal of Political Economy* 6 (June 1898).
- Taylor, George Rogers *Transportation Revolution, 1815–1860* (New York: Rinehart, 1951).
- Timberlake, Richard H., Jr. "The Specie Circular and Distribution of the Surplus," *Journal of Political Economy* 68 (April 1960).
- Timberlake, Richard H., Jr. "The Specie Circular and the Sale of Public Lands: A Comment," *Journal of Economic History* 25 (September 1965).
- Timberlake, Richard H. Jr. *Money, Banking and Central Banking* (New York: Harper and Row, 1965).
- Timberlake, Richard H., Jr. *The Origins of Central Banking in the United States* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1978).
- Timberlake, Richard. *Gold, Greenbacks, and the Constitution* (Berryville, Va.: George Edward Durell Foundation, 1991).

- Tullock, Gordon. "Paper Money – A Cycle in Cathay," *Economic History Review* 9, no. 3 (1957): 393–396.
- U.S. Department of Commerce, *Historical Statistics of the United States, Colonial Times to 1957* (Washington, D. C. Government Printing Office, 1960).
- Van Fenstermaker J. "The Statistics of American Commercial Banking, 1782–1818," *Journal of Economic History* (September 1965).
- Van Fenstermaker J. *The Development of American Commercial Banking, 1782–1837* (Kent, Ohio: Kent State University, 1965).
- Vanderlip, Frank A. *From Farm Boy to Financier* (New York: D. Appleton-Century, 1935).
- Warburg, Paul M. "Essays on Banking Reform in the United States," *Proceedings of the Academy of Political Science* 4 (July 1914).
- Warburg, Paul M. *The Federal Reserve System*. 2 Vols (New York: Macmillan, 1930)
- Warburg, Paul M. *The Reform of the Currency* H. R. Mussey, ed. (New York: Academy of Political Science, 1911).
- Ware, Louise. *George Foster Peabody* (Athens: University of Georgia Press, 1951).
- Weinstein, Allen. *Prelude to Populism. Origins of the Silver Issue, 1867–1878* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1970).
- Weinstein, James. *The Corporate Ideal in the Liberal State, 1900–1918* (Boston: Beacon Press, 1968).
- Weiss, "Roger W. The Issue of Paper Money in the American Colonies, 1720–1774," *Journal of Economic History* 30 (December 1970): 770–784.
- Weiss, Roger W. "The Colonial Monetary Standard of Massachusetts," *Economic History Review* 27 (November 1974).
- West, Robert Craig. *Banking Reform and the Federal Reserve, 1863–1923* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1977), p. 82.
- Willburn, Jean Alexander. *Biddle's Bank. The Crucial Years* (New York: Columbia University Press, 1979).
- Williams, William Appleman. *The Tragedy of American Diplomacy* (Cleveland, Ohio: World Publishing, 1959).
- Willis, Henry Parker. "A Crisis in American Banking," in *The Banking Situation*, H. P. Willis and J. M. Chapman, eds. (New York: Columbia University Press, 1934).
- Willis, Henry Parker. *The Federal Reserve System* (New York: Ronald Press, 1923).
- Willis, Henry Parker. "The Breakdown of the Gold Exchange Standard and its Financial Imperialism," *The Annalist* (October 16, 1931).
- Willis, Henry Parker. "The Failure of Federal Reserve," *North American Review* (May 1929)
- Willis, Henry Parker. *The Theory and Practice of Central Banking* (New York: Harper and Bros., 1936).
- Willis, Henry Parker. *The Theory and Practice of Central Banking* (New York: Harper and Brothers, 1936), pp. 90–91;
- Wisnar D. C. *New York Descriptive List of Obsolete Paper Money* (Frederick, Md.: J. W. Stovell, 1931).
- Wisnar D. C. *Pennsylvania Descriptive List of Obsolete State Bank Notes, 1782–1866* (Frederick, Md.: J. W. Stovell, 1933).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Адамс Брукс (Adams, Brooks) 215, 219
Адамс Генри (Adams, Henry) 215
Адамс Джон Куинси (Adams John Quincy) 91
Адамс Томас (Adams, Thomas S.) 227 прим.
Адамс Чарльз (Adams, Charles) 276, 320 прим., 436 прим.
Александр Магнус (Alexander, Magnus W.) 469
Аллисон Бойд (Allison, William Boyd) 203
Альтшул Фрэнк (Altschul, Frank) 472
Андерсон Бенджамин (Anderson, Benjamin M.) 285, 285 прим., 313, 441 прим., 444, 464, 473, 502 прим.
Астор Винсент (Astor, Vincent) 309 прим., 311, 319
Астор Джон Джейкоб (Astor, John Jacob) 83
Асторы, семья 309, 317
Ачесон Дин (Acheson, Dean C.) 315, 316, 359, 479, 481, 492
- Баллантайн Артур (Ballantine, Arthur A.) 297, 305
Бартон Теодор (Burton, Theodore) 252, 255, 264
Барух Бернард (Baruch, Bernard M.) 285–286, 285–288, 308, 315, 322, 479, 481, 482, 489
Батлер Николас Мюррей (Butler, Nicholas Murray) 248
Бейкер Джордж (Baker, George K.) 212, 212 прим., 242, 252
Бейкер Ньютон (Baker, Newton D.) 288
Бейли У. Д. (Bailey, W. J.) 428
Бекерс Уильям (Beckers, Dr. William) 286 прим.
«Бекерс анилины энд кемикл воркс» (Beckers Aniline and Chemical works) 286 прим.
Белмонт Август (Belmont, August) 172
- Бендикс Винсент (Bendix, Vincent) 306, 469
Бенстон Джордж (Benston, George J.) 324–325, 325 прим., 327
Бентон Томас Харт (Benton, Thomas Hart) 89–91
Берджесс Рэндолф (Burgess, W. Randolph) 295, 499
Бернштейна проект (Bernstein Plan) 505
Бестор Пол (Bestor, Paul) 298
Бехтел Стивен (Bechtel, Stephen) 345 прим.
«Даблью Эй Бехтел компани» (W. A. Bechtel Company) 345 прим.
Бивен Эньюрин «Най» (Bevan, Aneurin «Nue») 418
Бивербрук лорд (Beaverbrook, Lord) 419, 497
Бидди Николас (Biddle, Nicholas) 91–93, 91 прим., 95
Блэк Юджин (Black, Eugene R.) 310, 348
Блэккетт, сэр Бейсил (Blackett, Sir Basil) 404–405, 462
Блюменталь Джордж (Blumenthal, George) 286, 286 прим.
Бовенайзер Джордж (Bovenizer, George W.) 330
Болдуин Стенли (Baldwin, Stanley) 379 прим., 419
Брайан Уильям Дженнингс (Bryan, William Jennings) 173, 180, 193
Бредли Джозеф (Bradley, Justice Joseph P.) 155 прим.
Брендис Луис (Brandeis, Louis D.) 308, 333, 333 прим.
Бримхол Дин (Brimhall, Dean) 346
Бронсон Исаак (Bronson, Isaac) 77
Брэдбери, сэр Джон (Bradbury, Sir John) 377, 379
Брюер Генри (Bruere, Henry) 309 прим.–310 прим.
Буллитт Уильям (Bullitt, William C.) 474
Бущ Ирвинг (Bush, Irving T.) 253, 259

- Буш Томас (Bush, Thomas G.) 199
 Бьюкеннен Джеймс (Buchanan, James A.)
 85 прим.
- Бэкон Роберт (Bacon, Robert) 197
- Ван Фестермейкер (Van Fenstermaker, J.)
 68 прим., 86 прим.
- Вандерберг Артур (Vandenberg, Arthur)
 472
- Вандерлип Фрэнк (Vanderlip, Frank A.)
 209, 212, 242, 244, 245–250, 253,
 259, 260, 306, 469
 уединение на о-ве Джекил 260–261
- Варбург Джеймс (Warburg, James P.) 475,
 471, 481
- Варбург Пол (Пауль) Мориз (Warburg,
 Paul Moritz) 220 прим., 241 прим.,
 241–261, 262, 246, 246 прим.–
 247 прим., 259, 271, 315, 316,
 385 прим., 463, 463 прим., 479
 лидер движения за создание цен-
 трального банка 246–261
 уединение на о-ве Джекил 260–261
- Варбург Феликс (Warburg, Felix) 241
- Вебстер Даниель (Webster, Daniel) 82
- Вейд Фестус (Wade, Festus J.) 251
- Вейнберг Сидни (Weinberg, Sidney J.)
 309
- Вертхайм Морис (Wertheim, Maurice)
 312
- Вильсон Вудро (Wilson, Woodrow)
 236 прим., 244 прим., 264, 271,
 289–290, 319, 486
 администрация 197, 289, 291,
 321 прим., 473
- Виссеринг Г. 444–445
- Вуд Леонард (Wood, Leonard) 233
- Вуд Роберт (Wood, General Robert E.)
 306, 469
- Вуд Стюарт (Wood, Stuart) 224
- Вудбери Левай (Woodbury, Levi)
 106 прим.
- Вудвард Ванн (Woodward, C. Vann) 33
- Вудин Уильям (Woodin, William H.)
 310 прим., 311, 320
- Вурлитцер Рудольф (Wurlitzer, F. Ru-
 dolph) 307, 469
- Гамильтон Александр (Hamilton,
 Alexander) 7, 59, 62, 70
 и Первый банк Соединенных Штатов
 65–67, 67 прим.
 программа в с области финансов 65–
 69
- Гардинг Уоррен (Harding, Warren G.)
 244, 272, 279, 290, 292, 391
 администрация 272, 275, 429,
 447 прим.
- Гарднер Ллойд (Gardner, Lloyd C.) 486
- Гарнер Джн Нэнс (Garner, John Nance)
 320 прим.
- Гарнетт Луис (Garnett, Louis A.) 199
- Гарриман Аверелл (Harriman, W.
 Averell) 307–310, 309 прим.–
 310 прим., 311, 317, 318
 влиятельный деятель Нового курса
 309
- Гарримана группа 192, 199, 197, 269,
 324, 447, 448,
- Гарриманы, семья 309, 317
- Гатридж Джулс (Guthridge, Jules) 201
- Гейдж Лиман (Gage, Lyman J.) 206–209,
 212, 242,
- Герц Генри (Hertz, Henry) 200
- Гилберт Паркер (Gilbert, S. Parker) 294,
 388 прим.,
- Гитлер Адольф (Hitler, Adolph) 30,
 356 прим., 494
- Гиффорд Уотер (Gifford, Walter S.) 304
- Гласс Картер (Glass, Carter) 264,
 284 прим., 302, 313, 327, 349, 352,
 353, 464, 470, 473
- Гобсон Джон (Hobson, John A.)
 215 прим.
- Голдсмит Р. У. (Goldsmith, R.W.) 167
- Голь Шарль де (De Gaulle, Charles) 504
- Гольденвейзер Эммануил (Goldenwei-
 ser, Emanuel) 350
- Гомперс Сэмюэл (Gompers, Samuel) 463
- Гопкинс Гарри (Hopkins, Harry)
 309 прим.–310 прим.
- Гоудж Уильям (Gouge, William M.) 89
- Гоулд Джей (Gould Jay) 224
- Гоулд Джей (Gould, Jay) 224
- Гофф Фредерик (Goff, Frederick H.) 463
- Гранди Феликс (Grundy, Felix) 79 прим.
- Грант Улисс (Grant, Ulysses S.) 136, 153–
 155, 156 прим., 158
 администрация 14, 155, 156 прим., 164
- Гренфелл Тедди (Grenfell, Teddy) 382,
 386, 391
 лорд Сент-Джаст (Lord St. Just) 382
- Григг, сэр Перси Джеймс (Grigg, Sir
 Percy James) 379 прим.
- Грин Уильям (Green, William) 282, 463
- Грю Джозеф (Grew, Joseph C.) 274, 393
- Гувер Герберт Кларк (Hoover, Herbert
 Clark) 275–345, 436–437,

История денежного обращения и банковского дела в США

- администрация 278, 281, 287, 292, 294, 303, 320 прим , 429, 436, 447, 453, 467, 468, 474
- вмешательство в ход рецессии 279–280
- зло тезаврирования 304
- инфляционная политика 285, 302–303
- Корпорация финансирования реконструкции 296–302, 296
- план Гувера 279
- плотина Боулдера 345, 345 прим
- поддержка международной валютной системы 467, 474
- расследование деятельности Уолл-стрит 322
- и Федеральные резерв 277, 281
- Гугенгеймы (Guggenheims) 286, 308, 315, 383
- Гудинаф Ф (Goodenough, F C) 376
- Гэвитт Дж П (Gavitt, J P) 256, 304,
- Гэлбрейт Джон Кеннетт (Galbraith, John Kenneth) 360 прим
- Гэннетт Фрэнк (Gannett, Frank E) 469
- Даллас Александр (Dallas, Alexander J) 82–83, 83 прим
- Дауэс Чарльз (Dawes, Charles G) 275, 298, 305, 437 прим , 471
- Даффилд Дж Р (Duffield, J R) 250
- Дебевуа Томас (Debevoise, Thomas M) 319, 319 прим
- Делано Лиман (Delano, Lyman) 310 прим
- Делано Фредерик (Delano, Frederick A) 262, 385 прим , 463, 272,
- Дерки Хайре (Durkee, Hireh) 77 прим
- Дерн Джордж (Dern, George) 346
- Детердинг, сэр Генри (Deterding, Sir Henry) 317
- Джанини А П (Januzzi, A P) 346
- Джей Пьер 389
- Дженкс Джереми (Jenks, Jeremiah W) 204, 222, 223–224, 232, 235, 236 прим , 239–240, 402 прим
- Джефферсон Томас (Jefferson, Thomas) 62 прим , 67, 91, 182
- Джон Шедд (Shedd, John G) 262
- Джонс Уильям (Jones, William) 83, 84, 87, 91 прим
- Джонсон Джозеф (Johnson, Joseph French) 209–210, 209 прим , 242, 257, 259
- Джордж Ллойд (George, Lloyd) 404
- Джексо́н Эндрю (Jackson, Andrew) 89–91, 182,
- администрация 36, 96, 97, 98, 106, 106 прим
- законодательство о чеканке монеты 103
- необоснованность обвинения за папнику 1837 г 96–98
- против центрального банка 91–92
- филиалы монетного двора 106–107
- Циркуляр о звонкой монете 97–98, 107
- Дни Уильям (Dean, William B) 199
- Додж Уильям (Dodge, William E) 200, 224
- Додж Фелпс (Dodge, Phelps) 313
- Донхэм Уоллес (Donham, Wallace) 472
- Дорфман Джозеф (Dorfman Joseph) 151 прим
- Дуглас Льюис (Douglas, Lewis W) 306, 313, 316, 347, 359, 473, 473 прим , 479
- Дуглас Уильям (Douglas, William O) 340 прим , 338–339
- Дьюи Джон (Dewey, John) 253
- Дьюи Дэвис (Dewey, Davis R) 253
- Дьюи Томас (Dewey, Thomas E) 342 прим
- Дьюи, коммодор 218
- Дэвис Джон (Davis, John W) 274–275, 341, 342 прим , 393–394
- Дэвис Норман (Davis, Norman R) 320 прим , 356, 359, 447, 448
- Дэвис Эрик (Davis, Eric G) 403
- Дэвисон Генри «Гарри» Помрой (Davisson, Henry «Harry» P) 252, 270, 270 прим , 275, 320 прим , 359, 381–382, 383, 394, 461
- удеипенис на о ве Джекил 260–261
- Дюран Уильям Крапо (Durant, William Staro) 435 прим
- Жиранд Стивен (Girard, Stephen) 82–83, 83 прим , 91 прим
- Икес Гарольд (Ickes, Harold) 341
- Имс Генри (Eames, Henry R) 203
- Инсулл Сэмюэл (Insull, Samuel) 341
- Камберленд Уильям (Cumberland, William W) 240
- Кан Отто (Kahn, Otto H) 463
- Каулифф Уолтер (Cunliffe, Walter) 372, 386
- Карл I (Charles I) 53
- Карвер Томас Никсон (Carver, Thomas Nixon) 243, 253
- Карри Лоулин (Cunnie, Lauchlin) 343, 347–348, 348 прим , 352–350
- как предтеча монетаризма 347 прим – 348 прим

- как предтеча монетаризма 347 прим.–348 прим.
- Кейнс Джон Мейнард (Keynes, John Maynard) 151, 151 прим.–152 прим., 343, 351, 368, 375, 379, 379 прим., 393, 394, 401, 402, 402 прим., 417, 419, 496, 498
- Келли Уильям (Kelley, William D.) 150, 151 прим.
- Келлогг Фрэнк (Kellogg, Frank B.) 393, 393 прим., 274, 274 прим.,
- Кеммерер Эдвин (Kemmerer, Edwin W.) 230, 239–240, 240 прим., 258–259, 402 прим.
- Кендалл Амос (Kendall, Amos) 89
- Кеннан Эдвард (Cannan Edward) 378 прим.–379 прим.
- Кеннеди Джозеф (Kennedy, Joseph P.) 318, 334, 335 прим., 341
- Кент Фред (Kent, Fred I.) 253, 257, 258
- Кенэ Пьер (Quesnay, Pierre) 413
- Кетчингс Воддил (Catchings, Waddill) 279, 312
- Кинг Уильям (King, William) 346
- Клайн Верджил (Cline, Virgil P.) 202
- Кларк Джон Бейтс (Clark, John Bates) 220, 250, 430, 430 прим., 462
- Кларк Дюмон (Clarke, Dumont) 242
- Кларк Спенсер (Clark, Spencer) 127 прим.
- Клафлин Джон (Clafin, John) 242
- Клейтон Уильям (Clayton, William L. (Will)) 358, 359 прим., 493, 501
- Клеппнер Пол (Kleppner, Paul) 173 прим., 178 прим.
- Кливленд Гровер (Cleveland, Grover) 171–172, 179, 180, 180 прим., 182 администрация 172, 199
- Ковингтон Гарри (Covington, J. Harry) 315
- Кокейн Брайан (Cockayne, Brian) 372
- Кокрэн Томас (Cochran, Thomas) 273, 273 прим., 392, 392 прим.
- Кокс Джеймс М. (Cox, James M.) 479
- Колламер Джейкоб (Collamer, Jacob) 127 прим.
- Коллет Марк (Collet, Mark W.) 386
- Колсаат Х. Х. (Kohlsaat H. H.) 196, 263
- Колвелл Стивен (Colwell, Stephen) 150
- Кольт Слоун (Colt, S. Sloan) 342 прим.
- Конант Чарльз (Conant, Charles A.) 201, 204 прим., 206, 209, 224, 256, 213–219, 227–228, 237, 240, 242, 244, 245, 253, 258, 259, 402 прим.
- Конверс Эдмунд (Converse, Edmund C.) 197
- Корд Эррет Лобан (Cord, E. L.) 307, 469
- Коркоран Томас (Corcoran Thomas, «Tommy the Cork») 332
- Кофлин, отец Чарльз (Coughlin, Father Charles E.) 475
- Коэн Бенджамен (Cohen, Benjamin V.) 332, 341
- Крейн Мюррей (Crane, W. Murray) 273, 392
- Кромвель Джеймс (Cromwell, James H. R.) 472
- Кроули Лео (Crowley, Leo T.) 350
- Кроуфорд (Crawford) 84
- Кук Генри (Cooke, Henry) 134–136, 147
- Кук Джей (Cooke, Jay) «Хаус оф Кук» (House of Cooke) 133–136, 147–149, 149 прим., 158–159 банкротство 135, 159 мастер пиара и пропаганды 135, 147–149 монополия на размещение государственных облигаций 135 начало 134–137 огромное политическое влияние 136, 147–149, 158 протаскивание закона о национальной банковской системы, 136, 147 экспансия 158
- Кукси Джордж (Cooksey, George) 298
- Кулидж Джефферсон (Coolidge, T. Jefferson) 273, 347, 392
- Кулидж Калвин (Coolidge, Calvin) 272–175, 320 прим., 392–394, 392 прим., 434–436, 435 прим. администрация 275, 429, 434, 435, 447
- Кэри Генри (Carey, Henry C.) 150–151, 151 прим.
- Ламонт Роберт (Lament, Robert P.) 305
- Ламонт Томас (Lament, Thomas W.) 259, 270, 275, 275 прим., 289 прим., 319, 321 прим., 323, 331 прим., 342 прим., 381, 431, 437 прим., 482
- Ландис Джеймс Маколей 332–338, 335 прим., 338, 338 прим., 340 прим.
- Лафлин Джеймс Лоуренс (Laughlin, James Laurence) 199–200, 205, 259, 262, 262 прим., 263, 264, 284 прим.
- Лёб Гута (Loeb, Guta) 220 прим.
- Лёб Нина (Loeb, Nina) 220 прим., 241 прим.
- Лёб Соломон (Loeb, Solomon) 241 прим.
- Лейт-Росс Фредерик (Leith-Ross,

История денежного обращения и банковского дела в США

- Fredrick W.) 417
Лейтон Джордж (Leighton, George) 199
Леман Артур (Lehman, Arthur) 311, 312
Леман Герберт (Lehman, Herbert H.) 308, 310
Леман Роберт (Lehman, Robert) 310 прим.
Леман Филип (Lehman, Philip) 311, 312
Ленин В. И. 215
теория империализма 209
Леон Рене (Leon, Rene) 307, 317, 317 прим.
Леффингвелл Рассел (Leffingwell, Russell) 289 прим., 431, 294, 303, 385, 447, 482, 472
Лимантур Хосе (Limantour, Jose) 231, 234
Линкольн Авраам (Lincoln, Abraham) 127 прим., 134
администрация 127 прим., 132, 133, 138
Литтлфилд Эдмунд (Littlefield Edmund) 345 прим.
Ло Джон (Law, John) 366
Лодж Генри Кабот (Lodge, Henry Cabot) 180, 193, 215
Лонг Брекенридж (Long, Breckenridge) 487
Лопец Роберт Сьбатиньо (Lopez, Robert Sabatino) 109

Магун Чарльз (Magoon, Charles) 234
Макавини Уильям (McAveeny, William J.) 307, 469
Макаду Уильям Гиббс (McAdoo, William Gibbs) 271, 287, 321 прим., 384, 384 прим., 385 прим.
Маквей Франклин (MacVeagh, Franklin) 202,
Маквей Чарлтон (MacVeagh, Charlton) 342 прим.
Макгарра Гейтс (McGarrah, Gates) 283, 426, 442
Макгроу Томас (McCraw, Thomas K.) 333 прим., 336 прим., 338 прим.
Макдональд Рамсей (MacDonald, Ramsay) 418, 474
Маккейн Чарльз (McCain, Charles) 319, 320
Маккенна, сэр Реджинальд (McKenna, Sir Reginald) 376, 379, 379 прим., 395
Мак-Кинли Уильям (McKinley, William) 179, 180, 193, 194, 196, 197, 201, 212, 244
администрация 207

Макклой Джон (McCloy, John J.) 359–360, 360 прим., 487
Маккормик Сайрус (McCormick Cyrus) 262
Маккоун Джон (McCone, John A.) 345 прим.
Маккулох Джеймс (McCulloch, James W.) 85 прим.
Маккулох Хью (McCulloch, Hugh) 136, 153
Макнэри Чарльз (McNary, Charles L.) 472
Марбург Теодор (Marburg, Theodore) 224
Мария-Терезия (Maria Theresia) (серебряный доллар) 45 прим.
Мартин-мл. Уильям Макчесни (Martin, William McChesney) 338
Маршалл Альфред (Marshall, Alfred) 36, 372, 389
Маршалл Джон (Marshall, John) 67, 67 прим.
Махан Альфред (Mahan, Alfred T.) 215
Мейер Юджин (Meyer, Eugene) 285–310
владелец «Вашингтон пост» 309 прим., 352
Военно-финансовая корпорация и 287–293
глава Корпорации финансирования реконструкции 297
глава Федерального совета по кредитованию сельского хозяйства 193
Закон о сельскохозяйственном кредите 1921 г. 292
назначение управляющим Федеральным резервом 294
противник спасательных кредитов Германии 294
самая влиятельная фигура в правительстве в части экономики и финансов 297
Меллон Эндрю (Mellon, Andrew W.) 273, 276, 280, 282, 297, 389–391, 429, 434, 435, 435 прим., 436, 436 прим., 438, 465
Мессерсмит Джордж (Messersmith, George) 486
Мизес Людвиг фон (Mises Ludwig von) 7–15, 18, 31, 109 прим., 356 прим., 367, 486 прим.
метод исторического исследования 7, 19–20, 22
метод специфического понимания 10–13, 29–30, 36
Миллер Адольф (Miller, Adolph C.) 272, 385 прим., 465

- Миллс Огден (Mills, Ogden L.) 276, 280, 295, 297, 304, 305, 436 прим
- Митчел Чарльз (Mitchell, Charles E.) 304 прим.
- Мозес Бернард (Moses, Bernard) 231 прим
- Моравец Виктор (Morawetz, Victor) 246, 254, 254 прим –255 прим
- Морган Гарри (Morgan, Harry) 320 прим
- Морган Дж П «Джек» 172, 197, 200, 203, 212, 228, 242, 250, 252, 259, 270–271, 275, 276, 286, 312, 320–321, 323, 325–327, 331–333, 334, 341, 342 прим, 380–383, 393–394, 442, 461, 473, 482
- британские компаньоны и коллеги 306
- влияние 193–212, 215, 228, 242–244, 250–252, 380–382, 410, 429
- возвращение 355
- «Джи Пи Морган энд компани» (*J P Morgan and company*) 197, 243, 275, 283, 286, 300, 326, 328, 331, 342 прим, 381, 382, 393, 394, 442, 461, 462, 466, 472, 482
- Закон о банках 1933 г 325–326
- и венские Ротшильды 442
- и Меллон 273–274, 391
- и политическая власть 192, 274, 393
- и президент Гувер 275, 436
- и президент Кулидж 273, 392–394
- и республиканская партия 272
- и Совет по внешней политике 358–360, 448
- и Стронг 270–271, 276–277
- и Теодор Рузвельт 269
- манипулирование Норманом 391
- монопольный подряд на поставки из США 383
- осада во время Нового курса 447
- подрыв экономической власти 324, 331, 341, 352
- связи с Банком Англии 276–278
- совпадение и конфликт интересов 39
- список привилегированных финансовых и политиков 320 прим
- торговые договоры против 356–357
- утрата власти 307–308, 315, 323–327
- «Хаус оф Морган» (House of Morgan) 187, 263, 270, 274, 289 прим, 294–295, 305, 331, 359, 381, 382, 399, 447, 461
- Морган Джуниус (Morgan, J P, Sr.) 197, 382
- Моргентау Анна (Morgenthau, Anna) 312
- Моргентау-мл Генри (Morgenthau, Henry Jr.) 311–312, 347, 350, 356 прим, 358, 483, 492, 500
- Моргентау-ст Генри (Morgenthau, Henry Sn.) 311–312
- Моро Эмиль (Moreau, Emile) 412, 457, 458 прим
- Моррел Дэниел (Morrell, Daniel) 150
- Моррилл Честер (Morrill, Chester) 350
- Моррис Гаувернер (Morris, Gouverneur) 55
- Моррис Роберт (Morris, Robert) 58–60, 58 прим, 59 прим –60 прим, 91 прим
- Морроу Дуайт (Morrow Dwight) 270, 273, 273 прим, 274, 274 прим, 275, 392, 392 прим, 393, 393 прим, 437, 437 прим, 461
- Мост Иоганн (Most, Johann) 181 прим
- Моули Раймонд (Moley, Raymond) 309 прим, 315–316, 479–480, 481, 482
- Моффетт Джеймс (Moffett, James A.) 317, 317 прим
- Моффат Пирпонт (Moffat, J Pierrepont) 486, 488
- Мур Эрнст (Moore, Ernest O.) 430, 430 прим
- Мэдисона администрация 69, 82
- Мэлони закон (Maloney Act) 340
- Мэлони Фрэнк (Maloney Frank) 340
- Мюллер-Армак Альфред (Miller-Armack, Alfred) 502 прим
- Наполеон 370
- Нимейер Отто (Niemeyer, Otto) 377, 379 прим, 395 прим, 404, 413, 456
- Нобл Эдвард (Noble, Edward J.) 310 прим
- Нокс Фрэнк (Knox, Colonel Frank) 304
- Норман Монтею (Norman, Montagu «Monty») 278, 372, 377–446, 413 прим
- влияние на международную валютную политику 38, 397, 423–426, 436, 438, 444, 456
- Генуэзская конференция 404–406
- и «Хаус оф Морган» 387
- и Банк международных расчетов 441–442
- предательство Франции 444–445
- происхождение 386
- Стронг и 386, 410–411, 426, 462
- Норрис Джордж (Norris, George) 298

История денежного обращения и банковского дела в США

- Нортон (Norton) 261
Нэш Джералд (Nash, Gerald D) 296
- О'Нил Эдвард (O'Neal Edward) 307, 469
Оверстрит Джесси (Overstreet, Jesse) 206
Олдрич Нельсон (Aldrich, Nelson W)
211, 251–256, 320, 259–265,
311 прим
дочь Эбби (Abby) 311 прим
закон Олдрича–Риланда 251
законопроект Олдрича 211, 251, 260
Национальная комиссия по денеж-
ному обращению 252–255
план Олдрича 262–265
удединение на острове Джекил 260–261
Олдрич Уинтроп (Aldrich, Winthrop W)
310, 311 прим , 318–320, 325–326,
342 прим , 353–354, 473, 499
- Олсон Джеймс Стюарт (Olson, James
Stuart) 296 прим
- Орр Александр (Ort, Alexander E) 196,
198, 200
- Очинкрос Гордон (Auchincloss, Gordon)
310
- Пальи Мельхиор (Paluy, Melchior)
375 прим
- Пасвольски Лео (Pasvolvsky, Leo) 492
- <п>Паттерсон Стюарт (Patterson, C Stuart)
-
- 195, 199, 252, 262
- Певс Александр (Purves, Alexander) 213
- Пейдж Уолтер Хайнс (Page, Walter
Hines) 430, 430 прим , 460
- Пейн Генри (Payne, Henry C) 196–198
- Пекора Фердинанд (Pecora, Ferdinand)
320, 321, 323–325, 341, 334, 335
как член сенатского комитета по бан-
кам и денежному обращению
(U S Senate Banking and Currency
Committee) 320–321, 320 прим –
321 прим , 324, 326 прим , 330
- Пендлтон Джордж (Pendleton, George
H) 152–153
- Перкинс Френсис (Perkins, Frances)
309 прим
- Перкинс Чарльз (Perkins, Charles E) 203
- Перрин Джон (Perrin, John) 263
- Пибоди Джордж Фостер (Peabody,
George Foster) 196–198, 200
- Пигу Артур (Pigou, Arthur Cecil) 372,
376, 377, 378
- Пик Джордж (Peek, George) 486
- Пик Хайден (Peake, Hayden) 351 прим
- Пиллсберри (Pillsbury, C A) 198
- Пирс (Pierce, E A) 338
- Пирс Франклин (Franklin Pierce) 108
администрация 108
- Пирсон Фрэнк (Pearson, Frank A) 470
- Плен Карл (Plehn, Carl C) 231 прим
- Плотина Боулдера (Boulder Dam) 345,
345 прим
- Полк Джеймс (Polk, James K) 89
- Померен Этли (Pomerene, Atlee) 304
- Портер Хорас (Porter, Horace) 158
- Поттер Уильям (Potter, William) 326
- Поуп Альфред (Pore, Alfred A) 202
- Прагг Серено (Pratt, Sereno S) 251
- Пуанкаре Раймон (Poincare, Raymond)
421, 412
- Пуджоу комитет (Pujo Committee) 332
- Путнэм Джордж Хейвен (Putnam,
George Haven) 204 прим
- Райлендс Питер (Rylands, Peter) 372
- Райфлер Уинфил (Riefler, Winfield W)
347
- Рамсей Мэри Гарриман (Rumsey Mary
Harriman) 309 прим
- Рейнолдс Артур (Reynolds, Arthur) 244
- Рейнолдс Джордж (Reynolds, George M)
244, 252, 254, 261
- Рейнолдс Джексон (Reynolds, Jackson E)
283, 442
- Репке Вильгельм (Ropke, Wilhelm)
502 прим
- Ригли Филип (Wrigley, Philip K) 307, 469
- Рид Дэвид (Reed, David A) 472
- Риджли Уильям (Ridgely, William B) 211,
250
- Рикардо Давид (Ricardo, David) 80, 215
- Рист Шарль (Rist, Charles) 421
- Робертс Джордж (Roberts, George E)
250, 261, 263
- Роби Райльф (Robey, Ralph W)
429 прим , 464–465
- Ровенски Джон (Rovensky, John E) 463
- Роджерс Джеймс Харви (Rogers, James
Harvey) 488
- Розенвальд Джулиус (Rosenwald, Julius) 262
- Розенвальд Лессинг (Rosenwald, Lessing
J) 307, 469
- Рокофф Хью (Rockoff, Hugh) 112 прим
- Рокфеллер Нельсон Олдрич (Rockefel-
ler, Nelson Aldrich) 211 прим
- Рокфеллер Уильям (Rockefeller, Wil-
liam) 212
- Рокфеллера фонд (Rockefeller Founda-
tion) 272, 319, 360, 391

- Рокфеллер-мл. Джон (Rockefeller, John D., Jr.) 209–212, 211 прим., 251, 311, 272, 318
- Рокфеллер-ст. Джон (Rockefeller, John D., Sr.) 206, 211, 212
- Ротбард Мюррей (Rothbard Murray) 3–39
подход к истории денежного обращения 3, 7, 7–8, 19–20, 27–31
теоретическое руководство 21–23, 27, 30
- Роувер Ричард (Rovere, Richard) 360 прим.
- Рузвельт Геодор (Roosevelt, Theodore) 197, 203, 204, 212, 215, 222, 231, 235, 269,
- Рузвельт Франклин (Roosevelt, Franklin D.) 272, 305, 309, 315, 319, 332, 385 прим., 463, 465, 469–471
администрация 292, 310 прим., 311, 312, 314, 315, 316, 318, 320 прим.—321 прим., 324, 325, 341, 341, 347, 468, 470, 481
Атлантическая конференция 357 прим.
близость к финансовым группировкам 192 прим.
влияние банкиров 471
влияние Национального комитета 469–470
выход из золотомонетного стандарта 305, 310, 312, 317, 447, 468–473, 481
и влияние Фишера 468–471, 480–481
и университетские экономисты 468
о бесчестных менялах 324
первые назначения в финансовом блоке 310
послание Всемирной экономической конференции 317, 480
- Рузвельты, семья
две ветви 309
- Рут Илахью (Root, Elihu) 227, 235, 250, 259, 274–275, 274, 274 прим., 297, 393, 393 прим., 436
- Рут Кэрролл (Root, L. Carroll) 200
- Рут-мл. Орен (Root, Oren) 342 прим.
- Рэгет Конди (Raguet, Condy) 8, 89
- Рэнд Джеймс (Rand, James H.) 306–307, 313 прим, 463, 464 прим.
- Рэскоб Джон (Raskob, John J.) 320 прим., 322
- Рюэф Жак (Rueff, Jacques) 502 прим., 504
- Сайр Фрэнсис (Sayre, Francis B.) 486
- Салмон Чейз (Chase, Salmon P.) 124–127, 127 прим., 134–137, 147, 155
- Санни Б. (Sunny, B. E.) 262
- Своуп Герберт Байард (Swope, Herbert Bayard) 482
- Сейдж Рассел (Sage, Russel) 152
- Сексауэр Фред (Sexauer, Fred K.) 307, 469
- Селигмен Исаак (Seligman, Isaac N.) 220 прим., 224
- Селигмен Эдвин (Seligman, Edwin R. A.) 220, 220 прим., 222, 224, 248–249, 253, 258
- Сибилла леди (Sybil, Lady) 386
- Сибли Джоэл (Sibley, Joel) 173 прим.
- Сигер Генри (Seager, Henry R.) 253
- Сильва Элвард (Silva, Edward T.) 223, 402 прим.
- Сильвермастер Натан Грегори (Silvermaster, Nathan Gregory) 351 прим.
- Скотт Д. Р. (Scott, D.R.) 336
- Скотт Томас (Scott, Thomas) 151–152, 158 прим.
- Слотер (Slaughter) 223
- Слоун Альфред (Sloan, Alfred P.) 304 прим.
- Смит Вера (Smith, Vera) 75 прим.
- Смит Вивиан Хью (Smith, Vivian Hugh) 382, 386
лорд Бистер (Lord Bicester) 382
- Смит Сибилла (Smith Sybil) 386–387
- Смит Эл (Smith, Al) 318
- Снайдер Карл (Snyder, Carl) 435 прим.
- Сноуден Филип (Snowden, Philip) 377
- Солтер, сэр Артур (Salter, Sir Arthur) 413, 430, 430 прим.
- Спар Уолтер (Spahr, Walter E.) 396 прим.—397 прим.
- Спаулдинг Элбридж (Spaulding, Elbridge G.) 131
- Спринг-Райс, сэр Сесил Артур (Spring-Rice, Sir Cecil Arthur) 383
- Спруг Алберт (Sprague, Albert A.) 202
- Спруг О. М. У. (Sprague, Oliver M.W.) 253, 315, 475, 475, 479, 481
- Спрегов семья 272, 385 прим.
- Сталмен Е. Б. (Stahlman, E.B.) 196
- Станард Эдвин (Stanard, Edwin O.) 196
- Стерн Дэвид (Stern, J. David) 472
- Стернс Фрэнк (Stearns, Frank W.) 273, 273 прим., 392, 392 прим.
- Стетсон Фрэнсис Линде (Stetson, Francis Lynde) 250, 255 прим.
- Стеттиниус Эдвард (Stettinius, Edward) 359, 359 прим., 492
- Стивенс Тадеуш (Stevens, Thaddeus) 151
- Стиглер Джордж (Stigler, George J.) 29

История денежного обращения и банковского дела в США

- Стилмен Джеймс (Stillman, James) 212, 242
- Стимсон Генри (Stimson, Henry L.) 274 прим., 275, 295, 315, 359, 393 прим., 436, 487
- Стракоц, сэр Генри (Strakosch, Sir Henry) 404, 413 прим., 456
- Страус Алберт (Strauss, Albert) 243
- Страус Исидор (Strauss, Isidore) 242
- Стробел Эдвард (Strobel, Edward R.) 222
- Стронг Бенджамен (Strong, Benjamin) 265, 270–272, 275–278, 318, 381–382, 383–384, 389–390, 403, 413, 426, 429–431, 436, 458
англофильская политика 459
архитектор мировой депрессии 277
и Великобритания 389, 427, 428, 430
и вступление США в Первую мировую войну 461
и золотомонетный стандарт в Индии 460
и Норман 385–389, 410–411, 458
инфляционная политика 276–277, 384–385, 427, 429–430, 431
инфляционная политика Федерального резерва после первой мировой войны 388
снижение учетной ставки 460
стопка виски (*stop de whiskey*) 459–460
- Стронг Джошуа (Strong, Reverend Josiah) 219
- Стронг Уильям (Strong, William) 155 прим.
- Стэмп Джошуа (Stamp, Josiah) 462
- Стюарт Уолтер (Stewart, Walter W.) 435 прим.
- Такер Руфус (Tucker, Rufus S.) 465
- Таллок Гордон (Tulloch, Gordon) 47 прим.
- Тауссиг Фрэнк (Taussig, Frank W.) 204, 208, 246
- Тафт Роберт (Taft, Robert A.) 499, 500 прим.
- Тафт Уильям (Taft, William Howard) 244, 255, 260, 269
администрация Тафта 203
Тафт Уэйн (Tuft Wayne) 203
- Тейбер Луис (Taber, Louis J.) 307, 469
- Тейер Мартин (Thayer, Martin R.) 127 прим.
- Тейлор Роберт (Taylor, Robert S.) 199, 205
- Тейлор Фрэнк (Taylor, Frank M.) 204
- Темин Питер (Temin, Peter) 94–95, 97, 98, 102
- Тигл Уолтер (Teagle, Walter C.) 304
- Тимберлейк Ричард (Timberlake, Richard H.) 40 прим., 73 прим., 98 прим., 353 прим.
- Толберт Джозеф (Talbert, Joseph T.) 244
- Томпсон Хастон (Thompson Huston) 332
- Траск Спенсер (Trask, Spencer) 198
- Трейн Джордж Френсис (Train, George Francis) 152
- Триволи Джордж (Trivoli, George) 120
- Триффина проект (Triffin Plan) 505
- Трумэн Гарри (Truman, Harry S.) 355 прим.
администрация 500
- Трэйлор Мелвин (Traylor, Melvin A.) 311, 318, 471
- Уайт Уолтер (Wyatt, Walter) 350
- Уайт Гарри Декстер (White, Harry Dexter) 351 прим., 490, 495–496
- Уайт Хорас (White, Horace) 257
- Уеллес Самнер (Welles, Sumner) 494
- Уетмор Чарльз (Wetmore, Charles W.) 197
- Уиггин Алберт (Wiggin, Albert H.) 285, 294, 313, 319, 441 прим.
атака Пекори на 323–325, 325 прим.
устранение с поста руководителя «Чейз нэшил бэнк» 320, 321 прим.
- Уилбурн Джин Александр (Wilburn, Jean Alexander) 95
- Уилви Уэнделл (Willkie, Wendell L.) 341, 342 прим.
- Уилкокс У. (Willcox, W. H.) 227 прим.
- Уиллер Бертон (Wheeler, Burton K.) 307
- Уиллер Гарри (Wheeler, Harry A.) 262
- Уилли Ф. В. (Wiley, Colonel F.V.) 377
- Уиллинг Томас (Willing, Thomas) 65
- Уиллис Генри Паркер (Willis, Henry Parker) 200, 262, 262 прим., 264, 278 прим., 384 прим., 400 прим., 430, 439 прим., 452, 460 прим., 464
возражал против банковской кредитной инфляции (по ошибочным причинам) 327
доктрина «реальных векселей» 284 прим., 327
опозиция Федеральному резерву 283–285, 284 прим., 349, 354–355, 416 прим., 441
редактор «Джорнэл оф коммерс» 284 прим., 441, 464, 473
сторонник твердых денег 313

- Уиллоуби Уильям (Willoughby, William R.) 227 прим.
- Уиллок Томас (Wheelock, Thomas) 249
- Уилсон А. Е. (Willson, A.E.) 196
- Уилшир Гейлорд (Wilshire, H. Gaylord) 215 прим.
- Уильямс Джон (Williams, John A.) 150
- Уильямс Джон (Williams, John H.) 499
- Уильямс Джон Скелтон (Williams, John Skelton) 271, 385 прим.
- Уинант Джон (Winant, John G.) 463, 498
- Уирт Уильям (Wirt, William A.) 469
- Уитни Джордж (Whitney, George) 331 прим.
- Уитни Ричард (Whitney, Richard) 322, 331, 331 прим.–332 прим., 338–339
- Унтермайер Сэмюэл (Untermeyer, Samuel) 332
- Уоллес Генри (Wallace, Henry Agard) 293, 463
- Уоллес Генри (Wallace, Henry C.) 293
- Уорд Эбер (Ward, Eber) 150
- Уоррен Джордж (Warren, George P.) 470, 481
- Файлин братья (Filene brothers) 308
- Фарвелл Джон (Farwell, John V.) 262
- Фарли Джеймс (Farley, James A.) 481
- Фаррер Гаспар (Farrer, Gaspard) 378
- Фейрчайлд Сидни (Fairchild, Sidney T.) 199
- Фейрчайлд Чарльз (Fairchild, Charles S.) 199, 203
- Фейс Герберт (Feis Herbert) 471, 471 прим.
- Фелс Сэмюэл (Fels, Samuel S.) 307, 469
- Фергюсон Томас (Ferguson, Thomas) 317, 448
- Филд Маршалл (Field, Marshall) 202,
- Филипп Раймон (Phillippe, Raymond) 426 прим.
- Финни Чарльз (Finney, Charles) 186
- Фиш Стьювесант (Fish, Stuyvesant) 199
- Фишер Ирвинг (Fisher, Irving) 94, 253, 313 прим., 316, 349, 403, 404 прим., 463, 464 прим., 470, 471, 480, 481, 488
- как инфляционист 312–313, 464, 468–471
- Флеминг Ламар (Fleming, Lamar) 358, 501
- Флетчер Дункан (Fletcher, Duncan) 324
- Флинн Джон (Flynn, John T.) 301
- Фолкнер Роланд (Falkner, Roland P.) 227 прим.
- Форген Джеймс (Forgan, James B.) 244, 253–254, 259, 261, 264
- Фостер Уильям (Foster William) 279
- Фоулер Сэмюэл (Fowler, Samuel) 137 прим.
- Фоулер Чарльз (Fowler, Charles N.) 210
- Франкфутер Феликс (Frankfurter, Felix) 301, 332–333, 333 прим.
- Фредриксон Джордж (Frederickson, George) 137 прим.
- Фрей Джон (Frey, John P.) 463
- Фрейзер Леон (Frazer Leon) 499
- Фридмен Милтон (Friedman, Milton) 31–36, 32 прим., 51 прим., 157, 158 прим., 167, 169, 173, 302, 312, 348 прим., 349
- Фрис Дж. У. (Fries, J. W.) 199
- Фрэзер Фредерик (Frazier, Frederic H.) 307, 469
- Халл Корделл Эванс (Hull, Cordell) 356, 359, 476, 486–492, 489 прим., 495
- Хаммонд Джон Генри (Hammond, John Henry) 469
- Ханна Марк (Hanna, Mark) 179, 180, 193, 206, 197, 244
- Ханна Хью Генри (Hanna, Hugh Henry) 194–195, 201, 206–207, 232
- Хантингтон Коллинз (Huntington, Collis P.) 152
- Хардинг Уильям (Harding, William P.G.) 244, 272–272, 385 прим.
- Харрис Сеймур (Harris, Seymour E.) 303
- Харрисон Джордж (Harrison, George L.) 275, 277, 280, 281, 282, 283, 284 прим., 285, 295, 315, 347, 349, 350, 352, 403, 431, 440, 443, 475, 476
- Харрисон Джордж (Harrison George) 315
- Харрисон Чарльз Кастис (Harrison, Charles Custis) 196
- Хаус Эдвард Манделл (House, Edward Mandell) 319
- Хадлер Абрахам (Hutzler, Abraham) 236
- Хедли Артур Твининг (Hadley, Arthur Twining) 204, 221–223
- Хекшер Эли (Heckscher, Eli) 412 прим.
- Хепберн Бартон (Hepburn, A. Barton) 205, 210, 244, 249, 250, 265, 464
- Херрик Майрон (Herrick, Myron T.) 244
- Херст Уильям Рэндолф (Hearst, William Randolph) 472
- Херц Джон (Hertz, John D.) 200, 310 прим.
- Хилл Джеймс (Hill, James J.) 199,

История генежского обращения и банковского дела в США

- 274 прим., 393 прим.
Хинкли Роберт (Hinckley, Robert) 346
Ховард Джордж (Howard, George) 342 прим.
Холл Перри (Hall, Perry) 342 прим.
Холландер Джейкоб (Hollander, Jacob H.) 199, 226–227, 236, 239, 402 прим.
Хоманс-мл. Смит (Homans, I. Smith, Jr.) 150
Хорн, сэр Роберт (Horne, Sir Robert) 405
Хоумер Сидней (Homer, Sidney) 166
Хоутри, сэр Ральф (Hawtrey, Sir Ralph G.) 379, 379, 405–406, 408–410, 456, 462
    революция Генеузской конференции 405–410
Хьюгс Чарльз Эванс (Hughes, Charles Evans) 272–274, 272 прим., 391, 391 прим., 392
Хьюстон Дэвид (Houston, David F.) 283–284, 290, 290 прим.
Хэвмейер (Havemeyer) 196
Хэзерд семья (Hazard) 313, 470
Хэзлит Генри (Hazlitt, Henry) 502 прим.
Хэмлин Чарльз (Hamlin, Charles S.) 222, 271, 385 прим.
Хэнд Джеймс (Hand, James H.) 469
- Чейз Стюарт (Chase, Stuart) 346
Чемберлен Остен (Chamberlain, Austen) 377, 379 прим.
Черчилль Уинстон (Churchill, Winston) 377–380, 379 прим., 419
Чивс Лангдон (Cheves, Langdon) 93
Чэпмен Сидни (Chapman, Sidney) 216, 405
- Шапиро Аарон (Sapiro, Aaron) 292
Шахт Яльмар (Schacht, Hjalmar) 426–427, 483–485
Шварц Анна Якобсон (Schwartz, Anna Jacobson) 31–36, 32 прим., 157, 158 прим., 167, 169, 173, 348 прим.
Шелл Ричард (Schell, Richard) 151–152
Шелтон Артур (Shelton, Arthur B.) 256
Шерман Джон (Sherman, John) 131, 134–136, 147, 154, 159
    и Закон о национальной банковской системе 136
Шерман Томас (Shearman, Thomas) 224
Шиллинг Ричард (Schilling, Richard) 181
Шифф Джейкоб (Якоб) (Schiff, Jacob) 240–247, 241 прим., 242, 252, 259, 271
- Шифф Фрида (Schiff, Frieda) 241 прим.
Шлик граф (Schlick, Count of) 45 прим.
Шоу Альберт (Shaw, Dr. Albert) 222
Шоу Лесли (Shaw, Leslie M.) 203, 212–213, 240, 243
Шредер Генри (Schreder, J. Henry) 473
Шульц Уильям (Schultz, William J.) 66 прим.
- Эддис Чарльз (Addis, Charles Frances) 377, 404, 462
Эдмунд Джордж (Edmunds, George F.) 198
Эйнауди Луиджи (Einaudi, Luigi) 365 прим., 502 прим.
Экклс Дэвид (Eccles, David) 343
Экклс Марринер (Eccles, Marriner S.) 342 прим., 344 прим., 342–355
    деятель Нового курса 343, 346–350, 355 прим.
    как управляющий Совета Федерального резерва 348–353
    коммерческая империя 343–344, 344 прим.
    Плотина Боулдера (Boulder Dam) 345, 345 прим.
    сторонник картелирования 344
Эли Роберт (Ely, Robert E.) 256
Элиот Чарльз (Eliot, Charles) 252
Эндрю Абрам Пьятт (Andrew, Abram Piatt) 243, 252–253, 256, 260–261
    единение на о-ве Джекил 260–261
Эрих Джулс (Ehrich, Jules) 311
Эрхард Людвиг (Erhard, Ludwig) 502 прим.
- Янг Артур (Young, Arthur N.) 240
Янг Оуэн (Young, Owen D.) 295, 304, 304 прим., 463
Янг Рой (Young, Roy A.) 277–285, 422, 440

УКАЗАТЕЛЬ КОМПАНИЙ

- «Авнейшн корпорейшн» (Aviation Corporation) 310 прим.
- «Айрон эйдж» (Iron Age) 150
- «Алюминимум корпорейшн оф Америка» (Aluminum Corporation of America, ALCOA) 273, 391
- «Амалгамейтид шугар компани» (Amalgamated Sugar Company) 344, 344 сн.,
- «Америкэн иксчендж нэшнл бэнк» (American Exchange National Bank) 242
- «Америкэн нэшнл бэнк оф Индианаполис» (American National Bank of Indianapolis) 263
- «Америкэн смелтинг энд рефайнинг» (American Smelting and Refining) 383
- «Америкэн телефоун энд телеграф компани»/«Эй-Ти энд Ти» (American Telephone and Telegraph Company, AT&T) 202, 212 прим., 273, 304 прим., 392
- «Америкэн тобакко компани» (American Tobacco Company) 224
- «Америкэн форин бэнкинг корпорейшн» (American Foreign Banking Corporation) 321 прим.
- «Андерсон, Клейтон энд компани» (Anderson, Clayton and Company) 358, 359 прим., 493, 501
- «Анаконда коппер» 286
- «Ар Эйч Мейси энд компани» (R. H. Macy and Company) 242
- «Ассошиэтид пресс» (Associated Press) 256
- «Атлас энджин уоркс» (Atlas Engine Works) 194
- «Атчисон, Топека энд Санта-Фе» (Atchison, Topeka and Santa Fe Railway) 204, 239, 254 прим.
- «Бангор энд Арустук рейлроуд» (Bangor and Aroostook Railroad) 469
- Банк взаимного погашения (Bank for Mutual Redemption) 122–123
- Банк международных расчетов (Bank for International Settlements) 283, 411, 441, 443
- Банк Новой Англии (New England Bank) 116
- Банк Северной Америки (Bank of North America) 59–61, 59 прим.–60 прим., 65, 70
- Банк Суффолка 114–123
прекращение клиринговых операций 116, 122
стабилизирующий эффект 118–120
успех свободного рынка 114–115
- Банк штата Вермонт (Vermont State Bank) 77 прим.
- «Барклиз бэнк» (Barclays Bank) 376, 378
- «Бекерс энилин энд кемикл уоркс» (Bekers Aniline and Chemical works) 286 прим.
- «Бендикс авиэйшн» (Bendix Aviation) 306, 469
- «Бетлехем стил» (Bethlehem Steel) 383
- «Би энд Оу рейлроуд» (B and O Railroad) 300
- «Бизнес уик» (Business Week) 285, 441
- «Бовери сейвинг бэнк» (Bowery saving bank) 309 прим.–310 прим.
- «Боден–Кредит–Анштальт» 442, 465
- «Бонд энд Шеар компани» (Bond and Share Company) 341
- «Браун бразерс» (Brown Brothers) 236, 239, 318/324, 386, 461
- «Браун, Шипли энд компани» (Brown, Shipley and Company) 386, 461
- «Бритиш роял датч шелл ойл» (British Royal Dutch Shell Oil) 317
- «Бэнгз, Стетсон, Трейси энд Маквиг» (Bangs, Stetson, Tracy and MacVeagh) 202
- «Бэнк оф Америка» (Bank of America) 318, 346, 463

История денежного обращения и банковского дела в США

- «Бэнк оф Денисон» (Bank of Denison) 203
«Банкер» (Banker) 430, 460
«Банкера мэгэзин» (Bankers Magazine) 150, 209, 247
«Банкерс траст компани» (Bankers Trust Company) 227 прим., 252, 253, 257, 270, 342 прим., 382, 461
«Банкинг паблишинг компани» (Banking Publishing Company) 250
«Бэрингс Бразерс» (Barings Brothers) 386
«Вашингтон пост» (Washington Post) 309 прим., 352
«Вертолета» модель 51 прим.
«Вестингаус аксептанс бэнк» (Westinghaus Acceptance Bank) 246 прим.
«Висконсин телефоун компани» (Wisconsin Telephone Company) 196
«Вобаш рейлвей» (Wabash Railway) 262, 272, 385 прим.
Второй банк Соединенных Штатов (1816–1833) 80–95
с самого начала проводил инфляционную политику 84–86
упразднение 91, 100
широкомасштабное мошенничество 85–87
«Галф ойл» (Gulf Oil) 273, 391.
«Голдман, Сакс» (Goldman, Sachs) 279, 308, 309, 312
«Грейт нозерн рейлроуд» (Great Northern Railroad) 199
«Гудзон энд Манхэттен рейлроуд компани» 271
«Гудзон мотор компани» (Hudson Motor Company) 307, 469
«Гэннетт ньюспейпер» (Gannett Newspaper) 469
«Гэрэнти сурвей» (Garanty Survey) 497
«Гэрэнти траст компани оф Нью-Йорк» (Garanty Trust Company of New York) 212 прим., 273, 392, 497
«Даблью Эй Бехтел компани» (W. A. Bechtel Company) 345 прим.
Дарьенский банк (Bank of Darien) 78
«Де-Мойн нэшил бэнк» (Des Moines National Bank) 244
«Де-Мойн ридженси» (Des Moines Registry) 244
«Джей энд Даблью Селигмен энд компани» (J. and W. Seligmen and company) 220, 224
«Дженерал бэнкинг компани» (General Banking Company) 307, 469
«Дженерал моторс» (General Motors) 304 прим., 331, 435 прим., 465
«Дженерал электрик» (General Electric) 197, 199, 295, 341, 383, 463
«Джи Пи Морган энд компани» (J. P. Morgan and company) 197, 243, 275, 283, 286, 300, 326, 328, 331, 342 прим., 381, 382, 393, 394, 442, 461, 462, 466, 472, 482
«Джи Пи Путнам'з санз оф Нью-Йорк» (J. P. Putnam's Sons of New York) 204 прим.
«Джорнэл оф коммерс» (Journal of Commerce) 209, 257, 284, 284 прим., 441, 464, 473
«Джорнэл оф политикл экономи» (Journal of Political Economy) 200
«Диллон, Рид» (Dillon, Reed) 233
«Дэвис, Полк, Уоррдуэлл, Гардинер энд Рид» (Davis, Polk, Wardwell, Gardiner and Reed) 275, 342 прим., 394
«Дюпон компани» (DuPont Company) 383
«Дюпон» (DuPont) 322, 383
«ИГ Фарбен» (I. G. Farben) 356
«Иллинойс централ рейлроуд» (Illinois Central Railroad) 199
«Иллинойс траст энд сэйвинг бэнк» (Illinois Trust and Saving Bank) 195
«Интернэшнл аксептанс бэнк» (International Acceptance Bank) 246 прим.
«Интернэшнл харвестер» (International Harvester) 262, 269
«Истмен Кодак» (Eastman Kodak) 463
«Йель Ревью» (Yale Review) 195
«Каунти траст компани оф Нью-Йорк» (County Trust Company of New York) 311
«Кеннокот коппер» (Kennecott Copper) 315–316, 383
«Кларк и Додж» (Clark and Dodge) 134
«Кливленд траст компани» (Cleveland Trust Company) 463
«Коммерциал нэшнл бэнк оф Чикаго» (Commercial National Bank of Chicago) 203, 244, 250
«Коммерциал энд файнэншл кроникл» 284 прим., 441 прим.
«Коммонуэллс энд сауэрн» (Commonwells and Southern) 341
«Консолидейтид гэс компани оф Нью-Йорк» (Consolidated Gas Company of New York) 212 прим.
«Консолидейтид стил» (Consolidated Steel) 345 прим.

- «Континентл нэшил бэнк оф Чикаго» (Continental National Bank of Chicago) 244
- «Континентл нэшил бэнк оф Чикаго» (Continental National Bank of Chicago) 252
- «Копперс компани» (*Coppers Company*) 273, 391
- «Корд» 307
- «Кун, Леб» 192, 197, 199, 220 прим., 236, 239, 241 прим., 242, 244, 252, 271–272, 300, 308, 330, 385 прим., 447, 463, 471
место среди финансовых элит 269, 272
сторонники создания центрального банка 192, 241
единение на о-ве Джекил 261
- «Куортелл джорнэл оф остриан экономикс» (*Quarterly Journal of Austrian Economics*) 39
- «Кэмден энд Амбой рейлроуд» (Camden and Amboy Railroad) 155 прим.
- «Лазар Фрер» (*Lazard Frères*) 285, 286, 472
- «Лебэнон велли рейлроуд» (Lebanon Valley Railroad) 155 прим.
- «Леман бразерс» (Lehman Brothers) 308, 310 прим., 311, 324, 335
- «Ли, Хиггинсон энд компани» (Lee, Higginson and Company) 199
- «Либерти нэшил бэнк» (*Liberty National Bank*) 197
- «Луисвилл, Нью-Олбани энд Чикаго рейлроуд» (Louisville, Albany and Chicago Railroad) 196
- «Луисвилл-курьер джорнэл» (*Louisville Courier-Journal*) 152
- «Маршал Филд энд компани» (Marshall Field and Company) 262
- «Маршалл филд энд компани» (Marshall Field and Company) 262
- Массачусетский земельный банк (Massachusetts Land Bank) 49, 51 прим., 54, 54 прим.
- Международный банк (International Bank) 499
- Международный банк реконструкции и развития 497 прим
- «Меллон нэшил бэнк» (Mellon National Bank) 273, 391
- «Мерчантс нэшил» (Merchant National) 274 прим., 393 прим.
- «Мидлэнд рейлвейз» (Midland Railways) 462
- «Микэникс нэшил бэнк» (Mechanics National Bank) 200
- «Миссури пасифик рейлроуд» (Missouri Pacific Railroad) 199, 300
- «Мобайл энд Бирмингем рейлроуд» (Mobile and Birmingham Railroad) 199
- «Морган, Гренфелл энд компани» (Morgan, Grenfell and Company) 276, 278, 382, 386
- «Morgan Harjes» 383 прим.
- «Морган, Стенли энд компани» (Morgan, Stanley and Company) 327, 342
- «Моррис энд Эссекс рейлроуд» (Morris and Essex Railroad) 155 прим.
- «Мортон траст компани» (Morton Trust Company) 209, 212 прим., 239
- «Мортон энд компани» (Morton and Company) 242
- «Мортон, Блисс энд Компани» (Morton, Bliss and Company) 199
- «Мьючуал лайф иншурэнс компани» (*Mutual Life Insurance Company*) 212 прим., 203, 222, 473
- «Мьючуал лайф траст компани» (*Mutual Life Trust Company*) 199, 212 прим.
- «Новая эра» постоянного процветания 435, 464–465
- «Нозерн пасифик рейлроуд» (Northern Pacific Railroad) 159, 199
- «Норс-Америкэн компани» (*North American Company*) 196–197
- «Норс американ ревью» (*North American Review*) 216 прим.
- «Нью Ингленд бэнк оф Бостон» (New England Bank of Boston) 115
- «Нью-Йорк геральд трибюн» (*New York Herald Tribune*) 276 прим., 497
- «Нью-Йорк джорнэл оф коммерс». См. «Джорнэл оф коммерс»
- «Нью-Йорк сентрал рейлроуд» (New York Central Railroad) 199, 212 прим., 222, 271, 276, 385 прим
- «Нью-Йорк Таймс» (*New York Times*) 352, 434, 497–499, 502 прим
- «Нью-Йорк, Нью-Хейвен энд Хартфорд» (New York, New Haven and Hartford Railroad) 204
- «Ньюсуик» (*Newsweek*) 308, 309, 317
- «Нью-Хейвен энд Хартфорд рейлроуд» (New Haven and Hartford Railroad) 273, 392
- «Нэшвил бэннер» (*Nashville Banner*) 196

История денежного обращения и банковского дела в США

- «Нэшнл бэнк оф коммерс» (National Bank of Commerce) 196, 255 прим
- «Нэшнл мэлиэбл кастинг компани» (National Malleable Casting Company) 202
- «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» (National City Bank of New York) 209, 212, 242, 244, 250, 253, 257, 260, 263, 304 прим, 306, 325, 469
- «Нэшнл сити компани» (National City Company) 325
- «Нэшнл энилин энд кемикл компани» (National Aniline and Chemical Company) 286 прим
- «Огайо стейт джорнэл» (*Ohio State Journal*) 134
- «Оуши геральд» (*Ocean Herald*) 196
- «Пан америкэн» (Pan American) 310 прим
- «Пенсильвания рейлроуд» (Pennsylvania Railroad) 195, 199
- Первый банк Соединенных Штатов 1791–1811 гг. 65–69, 68 прим, 69 прим, 70
- «Питтсбург, Форг-Уэйн энд Чикаго рейлроуд» (Pittsburgh, Fort Wayne, and Chicago Railroad) 195
- «Политикл сайенс кватерли» (*Political Science Quarterly*) 220
- «Пульман компани» (*Pullman Company*) 212 прим
- «Ремингтон армс корпорейшн» (*Remington Arms Corporation*) 311
- «Ремингтон рэнд компани» (*Remington Rand Company*) 307, 463, 469
- «Раунд тейбл» (*Round Table*) 376
- «Ревью оф ревьюэ» (*Review of Reviews*) 222
- «Реформа денежного обращения» (*Reform of the Currency*) 258
- «Ричард Уитни энд компани» (Richard Whitney and Company) 331
- «Рок-Айленд энд пасифик рейлроуд» (Rock Island and Pacific Railroad) 196
- «Рудольф Вурлитцер мануфэктуринг компани» (Rudolph Wurlitzer Manufacturing Company) 469
- «Саузерн рейлвей энд стимшип ассоциейшн» (Southern Railway and Steamship Association) 196
- «Саунд карренси мэгэзин» (*Sound Currency Magazine*) 201
- «Сего милк компани» (*Sego Milk Company*) 344 прим.
- «Сентрал пасифик рейлроуд» (Central Pacific Railroad) 152
- «Сира, Роубэк энд компани» (Sears, Roebuck and Company) 262, 306, 307, 469, 471
- «Смит энд Бьюкенен» (Smith and Buchanan) 85 прим
- «Спейер энд компани» (Speyer and Company) 239
- «Спрингфилд рипабликэн» (*Springfield (Mass.) Republican*) 219
- «Стэндард ойл оф Калифорния» (Standard Oil of California) 317 прим, 345 прим
- «Стэндард ойл оф Нью-Джерси» (Standard Oil of New Jersey) 197, 269, 272, 272 прим, 304 прим, 391, 391 прим.
- «Стэндард ойл оф Огайо» (Standard Oil of Ohio) 202
- «Стэндард энд Пурэ», индекс 432
- «Таймс» (*Times*) 377 прим, 490, 497
- «Твентис сентури фанд» (Twentieth Century Fund) 310 прим
- «Третьего мира» страны жертвы империализма 225
- навязывание золотодевизиного стандарта 240, 401, 402 прим
- эксплуатация 228
- См также Доминиканская республика, Египет, Индия, Куба, Китай, Никарагуа; Панама, Пуэрто-Рико; Филиппины
- «Тудей» (*Today*) 309 прим, 317
- «Тэксес галф салфер компани» (*Texas Gulf Sulphur Company*) 273 прим, 392 прим
- «Уильям Ригли компани» (*William Wrigley Company*) 469
- «Ундервуд тайпрайтер» (*Underwood Typewriter*) 312
- «Уоллесиз фармер» (*Wallace's Farmer*) 463
- «Уолл-стрит джорнэл» (*Wall Street Journal*) 249, 251, 255–256
- «Фелпс, Додж энд компани» (Felps, Dodge and Company) 224
- «Фелс нафта» (Fels Nafta) 307
- «Фелс энд компани» (*Fels and Company*) 469
- Фермерский банк Джорджии (Planters Bank of Georgia) 78
- «Ферст нэшнл бэнк оф Вашингтон, Ди Си» (First National Bank of Washington, D. C.) 148

Предметный указатель

- «Фёрст нэшнл бэнк оф Нью-Йорк» (First National Bank of New York) 212 прим., 252, 283, прим., 342, 499
- «Фёрст нэшнл бэнк оф Огден» (штат Юта) (First National Bank of Ogden (Utah)) 344 прим.
- «Фёрст нэшнл бэнк оф Филадельфия» (First National Bank of Philadelphia) 148
- «Фёрст нэшнл бэнк оф Чикаго» (First National Bank of Chicago) 206, 242, 244, 253, 263, 311, 318, 472
- «Фёрст сейвинг бэнк оф Огден» (First Savings Bank of Ogden) 344 прим.
- «Фёрст секьюрити корпорейшн» (First Security Corporation) 344, 346
- «Филадельфия энд Реддинг рейлроуд» (Philadelphia and Reading Railroad) 155 прим.
- «Форс нэшнл бэнк оф Нью-Йорк» (Fourth National Bank of New York) 149
- «Харпер бразерс» (Harper Brothers) 196
- «Хаус оф Кук» (House of Cooke) 133–136, 147–149, 149 прим., 158–159
- «Хаус оф Морган» (House of Morgan) 187, 263, 270, 274, 289 прим., 294–295, 305, 331, 359, 381, 382, 399, 447, 461
- «Чейз нэшнл бэнк» (Chase National Bank)/«Чейз манхэттен банк» (Chase Manhattan Bank) 210, 212 прим., 244, 249, 285, 295, 310, 311, 313, 318, 319, 325, 324 прим., 342 прим., 348, 360, 441 прим., 463, 473, 499, 502
- «Чейз секьюритиз корпорейшн» (Chase Securities Corporation) 273, 318, 325
- «Чикаго рейлроуд» (Chicago Railroad) 298
- «Чикаго таймс геральд» (Chicago Times Herald) 196
- «Чикаго телефоун компани» (Chicago Telephone Company) 202, 262
- «Чикаго трибюн» (Chicago Tribune) 209, 428, 460
- «Чикаго, Берлингтон энд Куинси рейлроуд» (Chicago, Burlington and Quincy Railroad) 203
- «Шугар траст» (Sugar Trust) 196
- «Эдисон электрик инститьют» (Edison Electric Institute) 341
- «Эй-Ти энд Ти». См.: «Америкэн телефоун энд телеграф компани»
- «Эйч Би Клафлин энд компани» (H. B. Claflin and Company) 242
- «Эквитабл траст компани» (Equitable Trust Company) 318
- «Экклс инвестмент компани» (Eccles Investment Company) 344 прим.
- «Экклс хотэл корпорейшн» (Eccles Hotel Company) 344 прим.
- «Экономист» (Economist) 497
- «Эллайд кемикл энд дай корпорейшн» (Allied Chemical and Dye Corporation) 286, 286 прим.
- «Эллайд кэмикл» (Allied Chemical) 470
- «Эри рейлроуд» (Erie Railroad) 212 прим.
- «Эри энд Чикаго рейлроуд» (Erie and Chicago Railroad) 196
- «Ю Эс инвестор» (U.S. Investor) 218–219
- «Ю Эс стил». См.: «Юнайтед Стейт стил»
- «Ю Эс траст» (U. S. Trust) 242
- «Юнайтед корпорейшн» (United Corporation) 331, 341
- «Юнайтед корпорейшн» (United Corporation) 331, 341, 342 прим.
- «Юнайтед Стейтс стил» (United States Steel) 212 прим., 269, 274 прим., 359, 383, 393 прим., 492,
- «Юнайтед фрут компани оф Бостон» (United Fruit Company of Boston) 273, 392
- «Юнион пасифик рейлроуд» (Union Pacific Railroad) 310 прим.
- «Юта констракшн компани» (Utah Construction Company) 344 прим., 345, 345 прим.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Австрийская экономическая школа 3, 8 прим., 22, 37
теория экономического цикла 93
Австрия 363 прим., 412, 458
выход из золотого стандарта 443
Администрация регулирования сельского хозяйства (Agricultural Adjustment Administration) 344, 386
Азия 217, 402 прим.
Академия политических наук, АПН (Academy of Political Science, APS) 246 прим., 248, 256–259
Америка, колониальная:
армейские реквизиции 57
инфляционные проекты эмиссии бумажных денег 46, 48, 54
принудительное узаконенное платежное средство 48
товарные деньги 44
Американская академия политических и социальных наук, ААПСН (American Academy of Political and Social Science, AAPSS) 248, 250, 256
Американская ассоциация содействия науке, ААСН (American Association for the Advancement of Science, AAAS) 248, 250
Американская банковская ассоциация, АБА (American Bankers Association, ABA) 211, 243, 144, 251, 254, 263–265, 291, 497, 499
Американская федерация труда 282, 463
Американская федерация фермерских бюро (American Farm Bureau Federation) 307, 469
Американская хлопковая биржа (American Cotton Growers Exchange) 464
Американская экономическая ассоциация (American Economic Association, АЕА) 204, 220–224, 240, 253
Америкэн кар энд фаундри» (American Car and Foundry) 311, 320 прим.
Америкэн локомотив компани» (American Locomotive Company) 311
Америкэн шип анд коммерс корпорейшн» (American Ship and Commerce Corporation) 311
Амстердам 364
Амхерст 273, 392, 392 прим.
Англия. См.: Великобритания
Аргентина 487
Ассоциация деловых людей Анн-Арбора (Ann Arbor Business Men' Association) 204
Ассоциация деловых людей Итаки (Ithaca Business Men' Association) 204
Ассоциация за стабильные деньги (Stable Money Association) 463, 469
Ассоциация инвестиционных банков (Investment Bankers' Association) 329 прим.
Ассоциация чугуна и стали (Iron and Steel Association) 150
Базель 441
Банки:
«Америкэн иксчендж нэшил бэнк» (American Exchange National Bank) 242
«Америкэн нэшил бэнк оф Индианаполис» (American National Bank of Indianapolis) 263
«Америкэн форин бэнкинг корпорейшн» (American Foreign Banking Corporation) 321 прим.
Банк взаимного погашения (Bank for Mutual Redemption) 122–123
Банк международных расчетов (Bank for International Settlements) 283, 411, 441, 443
Банк Новой Англии (New England Bank) 116
Банк Северной Америки (Bank of North America) 59–61, 59 прим.–60 прим., 65, 70

- Банк Суффолка 114–123
прекращение клиринговых операций 116, 122
успех свободного рынка 114–115
стабилизирующий эффект 118–120
- Банк штата Вермонт (Vermont State Bank) 77 прим.
- «Барклиз банк» (Barclays Bank) 376, 378
- «Бовери сейвинг банк» (Bowery saving bank) 309 прим.–310 прим.
- «Боден–Кредит–Анштальт» 442, 465
- «Браун бразерс» (Brown Brothers) 236, 239, 318, 324, 386, 461
- «Браун, Шипли энд компани» (Brown, Shipley and Company) 386, 461
- «Банк оф Америка» (Bank of America) 318, 346, 463
- «Банк оф Денисон» (Bank of Denison) 203
- «Бэрингс Бразерс» (Barings Brothers) 386
- "Вестингаус аксептанс банк" (Westinghaus Acceptance Bank) 246 прим.
- Второй банк Соединенных Штатов (1816–1833) 80–95
упразднение 91, 100
широкомасштабное мошенничество 85–87
с самого начала проводил инфляционную политику 84–86
- «Голдман, Сакс» (Goldman, Sachs) 279, 308, 309, 312
- Дарьенский банк (Bank of Darien) 78
- «Де-Мойн нэшнл банк» (Des Moines National Bank) 244
- «Де-Мойн ридженси» (Des Moines Regency) 244
- «Джей энд Даблюю Селигмен энд компани» (J. and W. Seligmen and company) 220, 224
- «Дженерал бэнкинг компани» (General Banking Company) 307, 469
- «Джи Пи Морган энд компани» (J. P. Morgan and company) 197, 243, 275, 283, 286, 300, 326, 328, 331, 342 прим., 381, 382, 393, 394, 442, 461, 462, 466, 472, 482
- «Диллон, Рид» (Dillon, Reed) 233
- «Иллинойс траст энд сэйвинг банк» (Illinois Trust and Saving Bank) 195
- «Интернэшнл аксептанс банк» (International Acceptance Bank) 246 прим.
- «Коммерциал нэшнл бэнк оф Чикаго» (Commercial National Bank of Chicago) 203, 244, 250
- «Континентл нэшнл бэнк оф Чикаго» (Continental National Bank of Chicago) 244
- «Континентл нэшнл бэнк оф Чикаго» (Continental National Bank of Chicago) 252
- «Кун, Лёб» (Kuhn, Loeb) 192, 197, 199, 220 прим., 236, 239, 241 прим., 242, 244, 252, 271–272, 300, 308, 330, 385 прим., 447, 463, 471
место среди финансовых элит 269, 272
сторонники создания центрального банка 192, 241
уединение на о-ве Джекил 261
- «Лазар Фрер» (Lazard Frères) 285, 472
- «Леман бразерс» (Lehman Brothers) 308, 310 прим., 311, 324, 335
- «Ли, Хиггинсон энд компани» (Lee, Higginson and Company) 199
- «Либерти нэшнл банк» (Liberty National Bank) 197
- Массачусетский земельный банк (Massachusetts Land Bank) 49, 51 прим., 54, 54 прим.
- Международный банк (International Bank) 499
- Международный банк реконструкции и развития 497 прим.
- «Меллон нэшнл банк» (Mellon National Bank) 273, 391
- «Мерчантс нэшнл» (Merchant National) 274 прим., 393 прим.
- Микэникс нэшнл бэнк» (Mechanics National Bank)
- «Микэникс нэшнл бэнк» (Mechanics National Bank) 200
- «Мортон, Блисс энд Компани» (Morton, Bliss and Company) 199
- «Нью Инглэнд бэнк оф Бостон» (New England Bank of Boston) 115
- «Нэшнл бэнк оф коммерс» (National Bank of Commerce) 196, 255 прим.
- «Нэшнл сити бэнк оф Нью-Йорк» (National City Bank of New York) 209, 212, 242, 244, 250, 253, 257, 260, 263, 304 прим., 306, 325, 469
- Первый банк Соединенных Штатов

- 1791–1811 гг. 65–69, 68 прим., 69 прим., 70
- «Спейер энд компани» (Speyer and Company) 239
- Фермерский банк Джорджии (Planters Bank of Georgia) 78
- «Фёрст нэшил бэнк оф Вашингтон, Ди Си» (First National Bank of Washington, D.C.) 148
- «Фёрст нэшил бэнк оф Нью-Йорк» (First National Bank of New York) 212 прим., 252, 283, прим., 342, 499
- «Фёрст нэшил бэнк оф Филадельфия» (First National Bank of Philadelphia) 148
- «Фёрст нэшил бэнк оф Чикаго» (First National Bank of Chicago) 206, 242, 244, 253, 263, 311, 318, 472
- «Форс нэшил бэнк оф Нью-Йорк» (Fourth National Bank of New York) 149
- центральные банки 59, 240–241, 248, 259–260
- упразднение 91, 103
- и академические организации 256
- движение за создание 241
- кредитор последней инстанции 37, 191, 247, 254, 381
- подготовка общественного мнения 250–251
- ограничитель инфляции, миф о 69–73, 81, 92–93, 95
- секретный конклав, разработавший проект создания центрального банка 260–261
- кризис 1933 г. 305
- «Чейз нэшил бэнк» (Chase National Bank)/«Чейз манхэттен банк» (Chase Manhattan Bank) 210, 212 прим., 244, 249, 285, 295, 310, 311, 313, 318, 319, 325, 324 прим., 342 прим., 348, 360, 441 прим., 463, 473, 499, 502
- Банковское дело 86, 122, 137, 145, 171, 303–304, 443,
- банки центральных резервных городов 138–142, 156, 202
- банки-фавориты 92, 103, 213
- банкноты, распространение 52–53, 70
- банковская система штатов
- банковские каникулы 468
- банкротства
- и спекуляции хлопком 100
- легкие деньги как причина 284–285
- влияние не денежную массу 282–283
- заставляет другие банки задуматься 303
- векселя 167, 245, 257
- депозиты до востребования/чековые счета 66–68, 68 прим., 138, 146, 149 прим., 190, 433
- выплата процентов по 140–142
- запрещение этой практики 140 прим.
- децентрализованная банковская система 75, 111–114, 136, 138 прим., 136, 209–210, 245, 249–250, 254, 260
- Закон о Национальной банковской системе 1863 г. 123, 138, 190
- Закон Пиля о банках 1944 г. 209 прим.
- закон штата Мэриленд о принудительном принятии банкнот по номиналу 1819 78–79
- Законы о Национальной банковской системе 122, 136, 138, 147, 166, 170, 190
- замена национальной банковской системой 136–137, 138–139
- национальная банковская система 120–123, 131, 134–149, 138 прим., 156, 254
- банков 138
- внутренние противоречия 135
- перевёрнутая пирамида 139–140, 143
- недовольство со стороны крупных банков 189–192, 192 прим., 209
- и эпоха золотого стандарта 162–164
- изменение структуры 142–143
- создание трех типов национальных пирамиды обязательств 59, 66, 71, 72, 85, 86, 92, 93, 95, 113, 131, 139–140, 142–144, 146, 148, 157, 163
- проблемы 256
- провинциальные банки 116–118, 122–123, 138–143, 210, 211, 249, 254
- свободная 74–75, 75 прим.
- эпоха до Гражданской войны 111–113, 137–138, 143–144, 154
- трансформация в централизованную 136–138, 144
- свободное 112–113
- срочные депозиты 433
- филиалы и картелирование 210–211
- частичное резервирование 89, 90, 91, 113, 303, 366–367
- недоверие 172

- появление 53, 53 прим., 59
 оппозиция против 89–91
 после Гражданской войны 171
 до Гражданской войны 111–113
 частные банкноты 52–54
 «дикие банки» 76, 115
 См. также: Банки; Закон Гласса–
 Стигала; Кредитная экспансия
 Банкор 496, 498
 Барроус Дэвид (Barrows, David P.)
 231 прим.
 Бартер 89, 364
 Безработица 164, 369, 378–380, 389, 408,
 414, 417,
 в депрессивных экспортных отрас-
 лях Великобритании 373–374
 и негибкость заработной платы 373,
 414–417
 и профсоюзы 373, 418
 и Фонд занятости 418
 отвергнутые рациональные решения
 419
 пособия по 345
 твердые деньги как причина 419
 Бельгия англосаксы-протестанты 318
 Бельгия 356, 482
 Бельгия 400, 412, 419, 447, 458, 459, 483
 Берлин 288, 486
 Берлин 364
 Биметаллизм 43, 103–106, 107, 109–111,
 160, 161, 170, 225, 222, 237, 307, 365
 заблуждения 226
 крах 108
 чеканка монет 62–65
 Бингхэм Уильям (Bingham, William) 91
 Бистер лорд (Bicester, Lord) 382
 Благочестивые лютеране (High Luthe-
 rans) 177, 178 прим.
 Боксерское восстание 234
 Болгария 412, 485
 Боливия 237
 Бондуин Генри (Baldwin, Henry)
 150 прим.
 Бонн Мориз (Bonn, Moritz J.) 446
 Бразилия 488
 Брайнанизм 173, 182, 194, 21–202
 Бреттон-Вудское соглашение 40, 214,
 239, 315, 358, 448, 448, 448 прим.,
 490, 497–501
 Британия. См.: Великобритания
 Брюссель 364
 Брюссельская конференция 404
 Бум–крах цикл 50, 94, 367
 первый общенациональный 87–89,
 93–94, 100
 полномасштабный инфляционный
 бум 86
 теория Денежной школы 89
 Бурен Мартин ван (Buren, Martin Van)
 90–91, 103
 Бутби Дж. Р. (Boothby, G.R.) 497
 Бухгалтеры 335, 336–337
 Бюро по бюджету (Bureau of Budget)
 313, 347
 Вайнштейн Аллен (Weinstein, Allen)
 161, 161 прим.
 Валютные курсы 355–356
 Валютный контроль:
 в Германии 356, 484
 в межвоенные годы 363, 372–373, 405,
 453, 467
 возможная причина Второй миро-
 вой войны 487
 после Второй мировой войны 494–500
 удержание высокого послевоенного
 уровня цен 403
 Великая депрессия 194, 214, 277–285,
 298–323, 342–345, 344 прим., 438–
 441, 441 прим., 465–465–472
 Великобритания:
 более благополучной положение в
 новых экспортных отраслях 415
 более низкий уровень заработной
 платы на юге Англии 415
 в послевоенном мире 368
 возвращение финансового превос-
 ходства 370
 восстановление гильдейских правил
 418
 всеобщая забастовка 1926 г. 419
 выход из золотого стандарта 443–444
 дефицит золота 371
 дешевые кредиты 457
 доминирование 453–459
 доминирование в Лиге наций 314
 желание финансистов иметь довоен-
 ное золотое содержание фунта
 стерлингов 371
 забастовки, организованные проф-
 союзами 446
 завышенный курс фунта стерлингов
 372
 и инфляция 466–467
 и финансовый комитет Лиги наций
 456–457
 и экспортные отрасли, завышенный
 фунт стерлингов 374–375

История денежного обращения и банковского дела в США

- инфляционная политика 466–467
как противница жесткой денежной политики 434, 436
мировая валютная система 466
миф о причинах великой депрессии после паники 1873 г. 158
надежды на инфляцию в США 372, 377–380
нарушение правил золотого стандарта 444–431
негибкость заработной платы к понижению 373
Норман как крупная фигура в финансовых кругах 456–457
осуждают США за выход из золотого стандарта 473
предательство Франции и Федерального резерва со стороны 444–445
предложение со стороны США облегчить долговое бремя 467
прекращение торговли с Балканскими странами 485
секретные встречи руководителей центральных банков 458–459
сотрудничество Федерального резерва с 458–460
спад производства в экспортных отраслях 414–416, 455
стабилизация цен 467
Стронг и Морган 461–462
Хоутри как сторонник сотрудничества центральных банков 456–457
эксперимент, завершившийся катастрофой 467
- Венгрия 412, 458, 485
Версальский договор 453, 465
Верховный суд США 155, 332–333, 333 прим.
Верховный суд штата Орегон 130
Вест-Индия 51 прим.
Виги 100–101, 114
в третьей партийной системе 179
во второй партийной системе 174
сторонники «свободы» банковского дела 112
- Вирджинская школа 28
Военно-финансовая корпорация (War Finance Corporation) 287–294, 296–298
окончательное упразднение 296
трансформация в Корпорацию финансирования реконструкции 296–298
Военный коллективизм 287–288
- Война:
1812 г. 70, 86
1898 г. (Испано-американская), теория империализма 218
англо-бурская война 383
влияние на банковскую систему США 123, 146, 149–150, 156
Война за независимость, финансирование 55–59
Война короля Георга (с Францией) 50
государственный долг 134
Гражданская война 123–123 и финансы 70
извлечение выгоды владельцами облигаций Федерального правительства 83
Испано-американская 217, 221, 226–227, 402
Первая мировая 233, 252, 276, 276 прим., 286–291, 298, 308, 321 прим., 358, 363, 368–370, 383–384, 421, 424
влияние на американскую текстильную промышленность 286 прим.
Семилетняя война (Война с французами и индейцами) 50
финансирование путем монетизации бюджетного дефицита 363
франко-прусская война 1870–1871 гг. 382–383
экономические последствия 132
Вторая мировая война 231 прим., 490, 493
вступление США 461, 383 прим.–384 прим.
экономические причины 490, 493
цели США в 491, 493
- Всемирная экономическая конференция (World Economic Conference) 314–316, 447, 473–482
послание Всемирной экономической конференции 317, 480, 494
разногласия 480–481
Высший совет союзников (Allied Supreme Council) 404
- Гватемала 237
Генуэзская конференция 404–412, 406 прим., 411, 457
резолюция по валютным вопросам 406–409
Германия 286 прим., 294, 295, 351 прим., 356, 356 прим., 400, 419, 486, 490,

- 504, 505
 выход из золотого стандарта 443
 репарации 441
 политика твердых денег 502
 экспорт социальных наук в США 220
 двусторонние бартерные соглашения 484–487
 вытеснение Британии с рынков Балканских стран 485
 доминирование в Европе 486
 экономическая конкуренция со стороны 487
 политика Халла в отношении 487–490
 защита рынка с помощью валютного контроля 443
 торговая конкуренция 484–490
 и американский экспорт 489
 Гиперинфляция 22, 363 прим., 400, 421, 425, 424
 Глазго 343
 Гласса–Стигалла закон:
 1932 г. 265, 302, 302 прим., 324, 325, 325 прим., 447
 1933 г. 324–325, 325 прим., 341, 353–354
 Голландия. См.: Нидерланды.
 Гондурас 237
 Города США:
 Анн-Арбор 204
 Атлантик-Сити 263, 264
 Вашингтон 136, 346, 352, 353, 358, 370
 Балтимор 82, 85, 236
 Бостон 47, 51, 77 прим., 85, 199, 255, 271, 273, 308, 385, 392
 Бреттон-Вудс 497
 Индианаполис 194, 202, 252, 262
 Кливленд 202, 252
 Луисвилл 196
 Мемфис 291
 Милуоки 196
 Нью-Йорк 82, 85, 95, 148, 151, 152, 202, 209, 228, 262, 304, 332, 352, 364, 367 прим., 370, 435
 Новый Орлеан 86, 106
 Нью-Хейвен
 Ньюпорт 51
 Олбани 271
 Питтсбург 150
 Портленд 130
 Салем 130
 Сан-Франциско 128, 130, 152, 199, 231 прим., 341, 345
 Саратога-Спрингс 198
 Сент-Луис 191, 196, 199, 290
 Сент-Пол 199, 202, 274 прим., 393 прим.
 Солт-Лейк-Сити 346
 Чарлстон 86
 Чикаго 191, 195, 202, 262, 273, 275, 304, 392, 460
 Филадельфия 82, 85, 91 прим., 250
 Государство/Правительство:
 большое правительство 178, 182–183, 189–190, 266
 выгоды от эмиссии неразмennых денег 49
 госдолг 134
 государственный долг военного времени 152–153
 государственный долг и избыточный капитал 256
 и бумажные деньги 47, 363
 использование гособлигаций для инфлирования банкнот Федерального резерва 302
 монетизация годолга 113
 монополия на эмиссию 146
 федеральное правительство 55, 57 прим.
 привязка эмиссии к росту госдолга 113
 поощрение инфляции 72–73
 увеличение госрасходов 124
 лидерство в мобилизации экономических ресурсов 279–280
 Государство–центральный банк–пресса, создание связи 255–256
 Граждане за реконструкцию (Citizens' Reconstruction Organization) 304
 Греция 412, 458
 Гринбеки 123–134, 149–153
 Закон об узаконенном платежном средстве 1862 г. 124
 использование в качестве банковских резервов 138
 как необходимость «военного времени» 132–134
 обесценение 124–128
 отказ принимать со стороны банков и торговцев 128–130
 первая и «последняя» эмиссия 125
 портреты на 127 прим.
 энтузиазм банков штатов в отношении 131
 Гринбеков партия 182
 Гринспен Алан 17
 Грисволд Джон (Griswold, John A.) 151
 Грэмма закон 43, 49, 46, 60–65, 64, 73,

История генежного обращения и банковского дела В США

- 79, 103, 107, 110 прим., 111, 128, 228
- Дания 412
- Движение за денежную реформу 1896–1900 гг. 193–209
- второй съезд 202–207
- первый съезд 195–201
- принятие Закона о золотом стандарте 207–209
- Демократическая партия 175, 179–180
- «не эхо, а выбор» 174, 182
- конец либертарианской партии 182
- напряженная политическая борьба 174
- партия личной свободы 178
- перестройка 172, 176
- Денежные брокеры в качестве козлов отпущения 77–78
- Денежный империализм 224–225, 229, 234
- Деньги:
- бумажные деньги
  - колониальные 46–54
  - экономика цикла бум–крах 50
  - первая эмиссия 48
  - и нехватка денег 49
  - и Война за независимость 55
  - неразменные бумажные 47–54, 70, 73, 81, 99, 123, 124, 132, 162, 190, 211, 239, 277, 306, 312–317, 363, 368, 373, 409, 424, 436, 446, 468,
  - нехватка 46
  - обесценивание/порча монеты 46, 110 прим., 226, 235
  - создание прецедента 105
  - покупательная способность 19, 403
  - спрос на 19, 208, 258
  - средство обмена 44, 104, 232, 364, 368
  - твердые 81, 89, 104, 112, 147, 153, 154, 161, 181 прим., 190, 193, 238, 419, 456
  - увеличение денежной массы по сравнению с производительностью 162
- См. также: Гринбеки
- Депрессия:
- 1819–1821 гг. 78–79, 84, 87–88, 91
  - 1870-х гг. 157–161
  - в период действия золотого стандарта 162–163
  - во время кризиса 1819 г. 93, 100–102
  - после эмиссии бумажных денег 51
- См. также: Великая депрессия
- Дефляция 17, 19, 50, 92, 100, 102, 162, 164, 183, 285, 290, 369, 370, 373, 375–376, 377, 378–379, 388, 403, 408, 410, 428, 439, 440, 441, 455, 466, 472
- Джекил, о-в:
- составление законопроекта о Федеральном резерве 260–261, 270
- Джекил, о-в 260
- Джефферсоновцы 67, 137 прим.
- Джэксонианцы 39, 89–92, 96, 103–107, 108, 111–114, 124, 137
- движение 89–103
  - идеология 39
  - как либертарианцы 90
  - приверженность свободным рынкам 90
  - экономическая политика 93–95, 98, 102
- Доклад о денежном обращении (Currency Report) 243
- Доллар:
- «набег» на 503
  - всемирный дефицит долларов 502
  - долларовый империализм 40, 357, 451, 492
  - долларовый национализм 40, 451, 463, 465
  - единственная валюта с золотомонетным стандартом 368
  - единственная ключевая валюта 491, 498
  - и золотодевизный стандарт 448
  - ключевая валюта новой международной валютной системы 491–501
  - манипуляции с 45–47
  - определенный как вес золота или серебра 62, 103
  - основная денежная единица 62, 62 прим.
  - погашение золотом 504
  - происхождение названия 45 прим.
- См. также: Инфляция
- Доминиканская республика 236, 239
- Египет 228
- Железные дороги:
- «Атчисон, Топека энд Санга-Фе» (Atchison, Topeka and Santa Fe Railway) 204, 239, 254 прим.
  - «Бангор энд Ароосток рейлроуд» (Bangor and Aroostook Railroad) 469
  - «Би энд Оу рейлроуд» (B and O Railroad) 300
  - «Вобэшн рейлвей» (Wabash Railway)

- «Грейт нозерн рейлроуд» (Great Northern Railroad) 199
- «Гудзон энд Манхэттен рейлроуд компани» (Hudson and Manhattan Railroad company) 271
- «Иллинойс сентрал рейлроуд» (Illinois Central Railroad) 199
- «Кэмден энд Амбой рейлроуд» (Camden and Amboy Railroad) 155 прим.
- «Лебанон велли рейлроуд» (Lebanon Valley Railroad) 155 прим.
- «Луисвилл, Нью-Олбани энд Чикаго рейлроуд» (Louisville, Albany and Chicago Railroad) 196
- «Мидлэнд рейлвейс» (Midland Railways) 462
- «Миссури пасифик рейлроуд» (Missouri Pacific Railroad) 199, 300
- «Мобайл энд Бирмингем рейлроуд» (Mobile and Birmingham Railroad) 199
- «Моррис энд Эссекс рейлроуд» (Morris and Essex Railroad) 155 прим.
- «Нозерн пасифик рейлроуд» (Northern Pacific Railroad) 159, 199
- «Нью-Йорк сентрал рейлроуд» (New York Central Railroad) 199, 212 прим., 222, 271, 276, 385 прим.
- «Нью-Йорк, Нью-Хейвен энд Хартфорд» (New York, New Haven and Hartford Railroad) 204
- «Нью-Хейвен энд Хартфорд рейлроуд» (New Haven and Hartford Railroad) 273, 392
- «Пенсильвания рейлроуд» (Pennsylvania Railroad) 195, 199
- «Питтсбург, Форт-Уэйн энд Чикаго рейлроуд» (Pittsburgh, Fort Wayne, and Chicago Railroad) 195
- «Рок-Айленд энд пасифик рейлроуд» (Rock Island and Pacific Railroad) 196
- «Саузерн рейлвей энд стимшип ассоциейшн» (Southern Railway and Steamship Association) 196
- «Сентрал пасифик рейлроуд» (Central Pacific Railroad) 152
- «Филадельфия энд Реддинг рейлроуд» (Philadelphia and Reading Railroad) 155 прим.
- «Чикаго, Берлингтон энд Куинси рейлроуд» (Chicago, Burlington and Quincy Railroad) 203
- «Чикаго энд Олтон» (Chicago and Alton Railroad) 195
- «Чикаго рейлроуд» (Chicago Railroad) 298
- «Эри рейлроуд» (Erie Railroad) 212 прим.
- «Эри энд Чикаго рейлроуд» (Erie and Chicago Railroad) 196
- «Юнион пасифик рейлроуд» (Union Pacific Railroad) 310 прим.
- Женева 411
- Закон о банках 1933 г. 325, 327
- Закон о банках 1935 г. 327, 349, 353–354
- Закон о возобновлении размена на золото 1875 г. (Resumption Act of January 1875) 154
- Закон о государственных закупках серебра Бленда–Эллисона 1878 г. (Bland-Allison Silver Purchase Act of 1878) 163
- Закон о золотом стандарте: 1900 г. 207–210, 394 1925 г. 380, 395
- Закон о ценных бумагах 1933 г. (Securities Act of 1933) 324, 330, 332
- Закон о ценных бумагах и биржах (Securities Exchange Act of June 1934) 330–337
- Закон о чеканке монет (Coinage Act): 1792 г. 62, 62 прим., 103 1834 г. 103–106, 106 прим., 110
- Закон Шермана о государственных закупках серебра 1890 г. 170–172
- Законопроект Фовлера (Fowler Bill) 210–211, 240
- Законы о сельскохозяйственном кредите (Agricultural Credits Act) 1921 г. 292 1923 г. 293
- Заработная плата 12, 47 прим., 103, 164–167, 169, 279, 280, 285, 369, 370, 373, 374, 375, 4048, 414–417, 418, 419, 420, 455, 472, 504
- Звонкая монета/металлические деньги 45–134 возобновление хождения и торговли 51, 84 как стандартные деньги 365–366 погашение и прекращение бума 97 приостановка выплат 72, 73–78, 99, 124, 172, 205, 247
- См. также:* Золотые монеты; Деньги

История денежного обращения и банковского дела в США

- Золото:**
группы, выступающие за усиление государственного вмешательства 307–308
как всемирные стандартные деньги 365
отказ от золота 305, 313
отток и крупномасштабная денежная инфляция в Британии 420
отток как сигнал к ужесточению кредитно-денежной политики 420
попытки избежать оттока золота 371
попытки разрушить рынок 126
фиксирование и повышение уровня цен, чтобы избежать размена на золото 407
экспорт 171
- Золотодевизный стандарт:**
в межвоенные годы 363
возникновение 214
давление на европейские страны 399
и денежный империализм 224
и империализм 224
навазавшая его конференция 404
наследие Генуи 411
не золотой 397
не монеты, а слитки 394
ненадежность, риск неограниченной инфляции 410
обращение золотых монет 395
отказ Великобритании 443–446
повсеместное принятие 411
престиж золота 394
разрушение 400 прим., 457–458
разрушение ограничений на денежную экспансию 398
резервы, используемые вместо золота 400–401
реформа валютной системы 406
рост импорта в Великобритании условиях 416
рост спроса на фунты стерлингов в качестве резервов 404
серия кризисов 504
эра, завершившаяся крахом 446
- Золотой стандарт:**
блок во главе с Францией настаивает на восстановлении 314
выход США из 473
денежная война 453–454
дипломатия 226, 402
дисциплина 452, 453
довоенный 363
закон о 1900 г. 207, 394
золотая эпоха 169
и *laissez-faire* 452
и дефляция 162
и картелирование банковской системы 170
и международная торговля 452
и прирост капитала 165
и производительность 167
и процентные ставки 166
и реформаторы 208
и финансовая паника 163
порочная, чреватая инфляцией карикатура 40
псевдозолотой стандарт, нестабильность стран, имеющих 456
реальные ставки заработной платы 164
фиксированное соотношение между валютами 232
экономический рост 164
эпоха 162
- Золотые монеты** 44–45, 62–65, 106, 234, 395, 397
денежное обращение, неподконтрольность правительству 396, 396 прим.–397 прим.
использование в обороте 491
обращение золотых и серебряных монет 104–105, 108–111
- Золотые слитки** 63, 366
прекращение размена на 478, 482
золотослитковый стандарт 394–399
цели размена на 396
- Империализм** 213–224, 224–228
доллар 40, 451, 491
избыточный капитал 213
согласие со стороны управляемых 217
спонсоры 223–224
финансовый 399, 460
централизация административной власти 221
экономические выгоды 218
- Индия** 228, 402, 402 прим., 460
- Интеллектуалы:**
и большой бизнес и большое государство 188–189
союз с государством 36
- Инфляция:**
доллара 502–503
и рост цен 66
казначеские банкноты для финансирования войны 73
как панацея, основные сторонники 54
общие активы как база 243

- проекты бумажных денег 47 прим., 54
экономика инфляции 438–439
Иоахимсталер 45 прим.–46 прим.
- Испания
бывшие испанские колонии 226–227
испанские монеты 45–46, 62–65, 105–
108, 233
- Иствуд Клинт (Eastwood, Clint) 15
Истмен Джордж (Eastman, George) 463
- Италия
политика твердых денег 502
Италия 400, 458, 459, 487
- Канлифа комитет 372, 375, 377, 378
Капитала прирост 168–173
Картелирование 332
банковской деятельности 33, 190–191,
328, 332, 381, 384
бухгалтерского дела 336–337
промышленности 269, 286, 288, 308
сельского хозяйства 292–293, 345
Уолл-стрит 304, 327–328, 330, 332, 338,
339 прим.–340 прим.
- Католики 177
Квебек 47, 47 прим.
- Кейнсианство 181, 303, 306, 343, 358,
339–340, 502, 503, 505,
- Китай 47, 231, 232, 234–235, 239,
Ключевой валюты страна 398–399, 409–
410, 491, 499
- Кодекс честной конкуренции 339 прим.
Колорадо, р. 345
Колумбия 412
Комиссия Дауэса 240
Комиссия по международным расче-
там (Commission on International
Exchange) 231–232,
Комиссия по межштатной торговле
188, 190
Комиссия по ценным бумагам и бир-
жам 331, 332 прим., 333–341,
335 прим., 339 прим.–340 прим.,
341
Комитет Вассара–Смита по финансам
(Vassar-Smith Committee on Fi-
nancial Facilities) 372
Комитет за конституционное прави-
тельство (Committee for Constitu-
tional Government) 469
Комитет по денежному обращению и
иностранной валюте (Committee
on Currency and Foreign Ex-
changes) 372.
См. также: Канлиффа комитет
- Комитет по законодательным предло-
жениям (Committee on Legislative
Programs) 350
Комитет по контролю за соблюдением
кодекса инвестиционных банков
(Investment Bankers Code Com-
mittee) 339 прим.
Комитет по финансовым и экономи-
ческим вопросам (Financial and
Economic Committee):
восстановление Центральной и Вос-
точной Европы 405
создание центральных банков 406
цели 404
Конанта план 228–233
денежные реформы 239
избыточного капитала теория 215–
222
«контанты» 230, 234
провал на Кубе и в Китае 233–235
Конвент по реформе денежного обра-
щения в Индианаполисе (Indian-
apolis Monetary Convention) 193–
205, 208, 209, 212, 242, 263
Консультативный комитет зернового
пояса (Corn Belt Advisory Com-
mittee) 292
Консультативный совет (Business Advi-
sory Council) 309
Континенталы (континентальные дол-
лары) 55–57, 70
не стоит континентала 56
Континентальный конгресс (Continen-
tal Congress) 55, 58
Конференция губернаторов 279
Кооперативная ассоциация союза вла-
дельцев молочных ферм (Dairy-
men's League Cooperative Associ-
ation) 307, 469
Королевская комиссия по организации
финансов и денежного обраще-
ния в Индии (Royal Commission
on Indian Finance and Currency)
402
Королевское экономическое общество
(Royal Economic Society) 401
Корпорация финансирования рекон-
струкции (Reconstruction Finance
Corporation) 296–304, 296 прим.
Кредитная экспансия:
и курсы акций 432
и увеличение числа банков 67–68
контролируемая крупными нацио-
нальными банками 245

История денежного обращения и банковского дела в США

- См. также: Инфляция; Банки
Куба 227 прим., 232, 233, 234, 237, 321 прим., 412
Латвия 412
Латинская Америка 103, 402 прим., 488
Левифан-государство 266
Ленд-лиз 494–495
Либерия 227 прим., 237
Либертарианство 90, 179
Лига за стабильные деньги (Stable Money League) 463
Лига кредитно-строительных обществ США (United States Building and Loan League) 463–464
Лига наций 314, 368, 404, 410, 412, 430, 453, 456–457, 474
Лига свободы (Liberty League) 359 прим., 493
Лондон 252, 435, 447
Лондонская школа экономики (London School of Economics) 378 прим.
Лондонское соглашение 317 прим.
- Маккулох против Мэрриленда* (1819) 67
Малайский архипелаг 228
Манила 228
Манила 231 прим.
Марксизм 27, 189, 249
Марксист 175
Массачусетс 46–52, 71, 85 прим., 95, 118
возврат к звонкой монете 49, 51, 51 прим.
эмиссия бумажных денег 47–50
Международной валютный фонд 351 прим., 497–500, 497 прим.
Международный клиринговый союз (International Clearing Union) 496
Мексика 97, 197, 231, 232, 234, 235; 237, 274, 274 прим., 393, 393 прим., 412
Мексиканский закон о реформе денежного обращения 1905 г. (Mexican Currency Reform Act of 1905) 234
Мексиканский серебряный доллар: атака на 231
страны Юго-Восточной Азии 227
Филиппины 227
Меркантилизм 46
Министерство реконструкции (Ministry of Reconstruction) 379
Министерство финансов США 88, 98, 137, 143, 160, 164, 211, 293, 305, 379, 384, 395, 404, 429, 483, 490, 492, 495
в роли центрального банка 206–213, 228, 240, 243
казначейские билеты 73, 82, 88, 170–171
независимая казначейская система 103, 212–213
финансовая столица мира 492
хранилище всех средств Конгресса 59
См. также: Гейдж Лимен
Мировая валютная система/Международный валютный порядок 238–239, 316, 363, 364, 387, 403, 498–505
восстановление 368
до Первой мировой войны 451–453
и валютный хаос 364, 446
попытки восстановить 368, 380–381, 451–453, 480–482, 483–484, 491, 493
соблазн дешевых денег 440
Миссисипский пузырь Джона Ло 366
Монетаризм 94, 181, 306, 313, 343, 347
миф о причинах депрессии 1870-х гг. 157–158
миф о сжатии денежной массы Федеральным резервом 281, 302, 440
Монетизация долга 73, 143–144
Монополия:
новое определение 188
предоставленная государством 188
привилегия на эмиссию бумажных денег 59
Моргановская коллегия адвокатов (Morgan bar) 274, 393
Муэзь 47 прим.
- Наполеоновские войны 370 прим.
Национал-социализм 27
Национальная администрация восстановления (National Recovery Administration) 339 прим.–340 прим.
Национальная ассоциация внебиржевой торговли 340 прим.
Национальная ассоциация промышленников (National Association of Manufacturers) 288
«Нэшнл Грейндж» (Национальная ложа покровителей сельского хозяйства)(National Grange) 307, 469
Национальная банковская система.
См.: Банковское дело
Национальная гражданская федерация (National Civic Federation) 270
Национальная комиссия по денежному обращению (National Monetary Commission) 251–253, 255–256, 259, 260, 261

- Национальная корпорация кредитования 296
- Национальная лига граждан за создание здоровой банковской системы (National Citizens' League for the Creation of a Sound Banking System) 262
- Национальный комитет за восстановление уровня цен и покупательной способности (Committee for the Nation to Rebuild Prices and Purchasing Power) 306, 316–317, 312, 314, 469–471, 480
- Национальный комитет по энергетической комиссии (National Power Policy Committee) 341
- Национальный совет по торговле (National Board of Trade) 261
- Национальный совет по торговле и транспорту (National Board of Trade and Transportation) 191
- Немецкая историческая школа 26 прим., 220
- Неразменные деньги. См.: Деньги
- Нидерланды 356, 412, 447, 479, 482, 483, 504
- Никарагуа 236, 239, 274, 274 прим., 393, 393 прим.
- Новый курс 333, 355, 359 прим., 492–493
- атака на Моргана 447
- внешняя политика 40, 451
- дипломатия 356, 381, 383–384, 391 прим., 499
- и долларový национализм 465
- кредитно-денежная политика 306–307, 448 прим.
- мировая валютная система 451
- Новый курс, действующие лица 327, 332, 333, 341, 343, 346, 349
- Нокс против Ли* 156
- Норвегия 397, 412, 458
- Нью-Йоркская продовольственная биржа (New York Produce Exchange) 262
- Нью-Йоркская фондовая биржа 87, 352, 322, 326, 331, 333, 337–339, 432, 437, 440
- Нью-Йоркский библейский класс 272
- Общеобразовательный совет (General Education Board) 319 прим.
- Оплата пошлин золотыми монетами 124–125
- Островное управление (Bureau of Insular Affairs) 227
- «Открытых дверей» политика 357, 484, 486, 491, 493
- Оттавское соглашение 1932 г. (Ottawa Agreements of 1932) 493
- Отцы-основатели 62, 217
- Панама 232, 235, 237, 239
- Паники: 1819 г. 74–78, 78 прим., 89 1837 г. 74, 94, 97, 121 1857 г. 74, 113, 122 1873 г. 135, 143, 152, 156–159 1893 г. 171–172, 172 прим., 180 1907 г. 247–249, 382 начало движения за создание центрального банка 247
- Параллельный стандарт 109–111
- Париж 364
- Партии: смена партийных систем в 1896 г. 170–183
- Пендлтона план 153
- Перепись 1890 г. 169
- Пибоди, семья 197
- Пиетизм, пиетисты 176–182, 178 прим., 180 прим. движущая сила трансформации партийной системы 175 кредо 176–177 направления пиетизма 176 прим. протестантизация общества 177
- План Кейнса 496–497
- План Маршалла 21, 27, 359 прим.
- План Уайта 495–497
- Позитивизм. См.: Экономическая история, позитивистский подход
- Покупательная способность 12, 9, 22, 178, 225, 306, 371, 396, 403, 407, 408, 410, 424, 469, 480,
- Покупки на открытом рынке 206, 212, 282, 302, 303, 328–329, 347, 348, 388 прим.
- Польша 412, 459
- Популисты 33, 180–182, 193–194
- Португалия 458
- Послание Рузвельта Всемирной экономической конференции 317, 480
- Права частной собственности 72–74, 77, 90
- Праксеология 3, 7, 9, 11, 22, 30, 37
- Президенты США: близость к финансовым группировкам 192 прим.

История денежного обращения и банковского дела в США

- администрации:
Мэдисона (1809–1817) 69, 82
Джэксона (1829–1837) 36, 96, 97, 98, 106, 106 прим.
Полка (1847–1849) 101
Пирса (1853–1857) 108
Линкольна (1861–1865) 127 прим., 132, 133, 138
Гранта (1869–1877) 14, 155, 156 прим., 164(?)
Хейса (1877–1881) 161(?), 190
Кливленда (1885–1889; 1893–1897) 172, 199
Мак-Кинли (1897–1905) 207
Вильсона (1913–1921) 197, 289, 291, 321 прим., 473
Гардинга (1921–1923) 272, 275, 429, 447 прим.
Кулиджа 275, 429, 434, 435, 447
Гувера (1929–1933) 278, 281, 287, 292, 294, 303, 320 прим., 429, 436, 447, 453, 467, 468, 474
Рузвельта Франклина (1933–1945) 292, 310 прим., 311, 312, 314, 315, 316, 318, 320 прим.-321 прим., 324, 325, 341, 341, 347, 468, 470, 481
Трумэна (1945–1953) 500
Прогрессивная партия 182, 323
Прогрессивная эра 26, 182–183, 187, 190, 221, 270
Производительность, падение цен вследствие роста 409
Протомонетаризм 94
Пузырь Южных морей 366
Пути сообщения, средства транспорта и транспортные издержки 78, 86, 121, 345, 427
Пуэрто-Рико 226, 227 прим., 233 несо 227
- Реальных векселей доктрина 284 прим., 327
Регулирование цен 56, 103, 288, 462
Республиканская партия:
напряженная политическая борьба 174
партия «высоких нравственных идеалов» 178
перестройка в 179
См. также: Пиегизм
- Рецессии:
1907 г. 247
1920–1921 гг. 279, 290, 370–373, 408
1929–1931 гг. 278–281, 415–416, 439–440
восстановление 439
всегда следует за бумом 191, 278, 288, 367, 373
колониальная эпоха 51, 61, 99
увеличение банковского кредита во время 202, 212
Рикардианская денежная школа 90
Род-Айленд 211, 311 прим.
Рокфеллера группа 211, 308–307, 309–311
возмущение господством Морганов 318
закупочная роль в Национальный комитет за восстановление уровня цен и покупательной способности 317
и Совет по внешней политике (Council for Foreign Relation) 359–360
Рокфеллеровский институт медицинских исследований (Rockefeller Institute for Medical Research) 319 прим.
Россия царская 217
Россия. См.: СССР
Ростовщики 53
Румыния 458, 485
Рюзфа план 505
- Серебро:
Закон о государственных закупках серебра 1878 г. 163
1890 г. 171–172
преступление против серебра 161, 161 прим.
Совет национальной обороны (Council of National Defence) 287 прим.
Совет национальной промышленной конференции (National Industrial Conference Board) 469
Совет по внешней политике (Council of Foreign Relations) 358–360, 448
Совет по оборонной промышленности (War Industries Board) 287–289, 287 прим., 308
Советская разведка 351 прим.
Советская Россия. См.: СССР
Согласительный комитет инвестиционных банков (Investment Bankers Conference Committee) 340 прим.
Социально-милитаристское государство 183
Союз за надежные деньги (Union for Sound Money) 195

- Специальные права заимствования 503
 СССР 404
 Стабилизационный фонд 495
 Статьи Конфедерации 58
 Стейпл коттон кооператив
 ассоциэйшн» (Staple Cotton Co-
 operative Association) 292
 Судьба, явное требование 492
 Сэмюэла комиссия 419
 Сэя закон 216
- Талер 45
 Тарифы
 Закон о тарифе Мак-Кишн 1890 г. 170
 кружок Кэри 150–151, 151 прим.
 мотивы 22, 178
 на сталь 20, 25, 150
 радикальное понижение 91
 Тезаврирование 247, 304, 396, 477
 Тимология 14–19, 23, 28, 30, 37
 Торговая ассоциация Нью-Йорка
 (Merchants' Association of New
 York) 258–259, 262, 464
 Торговая палата Индианаполиса (Indi-
 anapolis Board of Trade) 195
 Торговая палата Нью-Йорка (New York
 Chamber of Commerce) 202, 241,
 242, 245, 259, 262,
 Торговая палата Нью-Хейвена (New
 Haven Chamber of Commerce)
 Торговая палата США (U.S. Chamber of
 Commerce) 262, 288, 473
 Торговая палата штата Нью-Йорк
 (Chamber of Commerce of New
 York State) 443
 Трехстороннее валютное соглашение
 (Tripartite Monetary Agreement)
 356 прим., 447, 482–483, 383 прим.
- Университеты:
 Беркли 231 прим., 272, 385 прим.
 Вашингтона 264, 290 прим.
 Гарвардский 204, 227 прим., 243, 253,
 332, 338, 347
 Йельский 204, 253, 338, 349, 403, 463
 Калифорнийский 231 прим.
 Кембриджский 368
 Колумбийский 220, 248, 250, 253, 284,
 464
 Корнелльский 222, 224, 227 прим., 229,
 240,
 Массачусетский технологический
 институт 253
 Мичиганский 204
- Нью-Йоркский 242
 Пенсильванский 195, 199, 227 прим.
 Принстонский 240
 Стокгольмский 412 прим.
 Чикагский 200, 262, 284
- Урутай 488
 Учетная ставка 243, 255, 280–282, 295,
 420, 423
 Учетная ставка 428, 434, 438, 440
 Уэллс Уильям (Wells, Senator William H.)
 83
- Фальшивомонетничество 132 прим.
 Фашизм 27
 Федералисты
 критика 66 прим.
 поддержка идеи создания централь-
 ного банка 67–69
 Федеральная комиссия по торговле
 (Federal Trade Commission)
 255 прим., 331, 333, 341
 Федеральная кормушка, появление 55–
 56
 Федеральная корпорация по страхова-
 нию депозитов (Federal Deposit
 Insurance Corporation) 350
 Федеральная система сельскохозяйст-
 венного кредита (Federal Farm
 Loan System) 292
 Федеральная система среднесрочного
 кредита (Federal Intermediate
 Credit System) 293
 Федеральный комитет по операциям
 на открытом рынке 10–11, 328,
 329, 353
 Федеральный консультативный совет
 (Federal Advisory Council) 350
 Федеральный резерв:
 денежная экспансия 280
 и Банк Англии 380–381
 Комитет по операциям на открытом
 рынке 10–11, 328, 329, 352, 353
 кредитная политика 438–439
 легкие деньги и банковские банкрот-
 ства 441
 маскировка под регионализм 254
 название 34, 380–381
 неспособность контролировать бум
 на фондовом рынке 433
 оказание помощи Англии 438
 ошибочная концепция качествен-
 ного контроля кредитов 433
 передача власти политическим назна-
 ченцам из Вашингтона 328, 354

История генежного обращения и банковского дела в США

- полный контроль за операциями на открытом рынке 352
попытки остановить приток золота 428
право вето на выборы руководителей окружных резервных банков 353
Председатель Совета [управляющих] Федерального резерва 348, 353
привилегии для крупных банков 254
происхождение 33, 36–37, 39, 194–195
роковые решения 430–431, 459–460
Совет [управляющих] Федерального резерва 270, 295, 309, 346, 348, 349, 350, 352, 353, 385, 385 прим., 428, 458, 465
спасение Рейсбанка Германии 294–295
устранение ограничений на кредитную экспансию 353
Федеральный консультативный совет 349, 352
Федеральный резервный банк Атланты 310
Федеральный резервный банк Канзаса 428
Федеральный резервный банк Нью-Йорка 270, 275, 280, 283, 295, 318, 328, 435 прим., 346, 348, 349, 382, 384, 385 прим., 428, 429, 441, 443, 444, 458, 461, 462, 475, 499
Федеральный резервный банк Чикаго 428, 460
целенаправленное стимулирование фондового рынка 432
Федеральный совет по кредитованию сельского хозяйства (Federal Farm Loan Board) 293, 297–298
Федерация британской промышленности 375–377, 376 прим.
Филиппины 217, 227–228, 230 прим.–231 прим., 233, 234, 235, 239
Филиппины 227–228, 237
мексиканский серебряный доллар 227
Финансовая паника 1884 г. 163
Финансовые элиты 269
консенсус истеблишмента о необходимости увеличения денежной массы 296
крупные финансовые группировки 269
наука консультирования правительства по финансовым вопросам 238
провалившиеся попытки 38
силы, способствовавшие созданию ФРС 266
- Финляндия 412, 412 прим.
Фонд экономических исследований Поллака (Pollak Foundation for Economic Research) 279
Фондовый рынок 277–283, 313, 321–327
искусственное стимулирование 281
бум 431–435, 437, 440
крах 1929 г. 279, 431–439
и рынок учета векселей 246 прим.
Форбс (Forbes) 203
Франция 47 прим., 50, 60 прим., 209, 276, 356, 363, 400, 412, 419, 420, 435, 474, 482, 504, 505
денежная и фискальная реформы 421–422
легенда, что Франция все испортила 420–421
политика твердых денег 502
Французская революция 370
- Хепберн против Грисволда* 155
Хобокен, шт. Нью-Джерси 260
- Центральные банки. См. также: Федеральный резерв:
Банк Англии 276, 294, 377, 435, 443, 457, 458, 461, 462
Банк Франции 294, 385 прим., 412, 435–436, 443, 445, 457
Рейхсбанк 254, 294, 426, 443
частный. См.: Банк Суффолка
Цены на продукцию сельского хозяйства: агентство поддержки сельхозпроизводителей 292
агитация за более высокие 290, 306, 471
бум 1880-х гг. 169
поддержка сельского хозяйства с помощью инфляции 306–308, 447
ЦРУ 345 прим.
- Чемберлена–Брадбери комитет (Chamberlain–Bradbury Committee) 377, 378
Чехословакия 400
Чикагская торговая ассоциация (Chicago Association of Commerce) 464
Чикагская школа 28
Чили 488
Швейцария 356, 447, 482, 483, 504
политика твердых денег 502
Швейцария 479
Швеция 505
Штаты 56, 61, 81, 100, 114
долг во время бума 100–102

Предметный указатель

Штаты и регионы США:

Айова 203, 257
Алабама 95, 272, 385 прим.
Арканзас 102
Вермонт 77 прим., 95, 127
Виргиния 44, 50, 57, 71, 78, 79 прим.,
82, 91, 264, 284 прим., 302, 464, 473
Висконсин 196
Восточное побережье 70, 161,
174 прим., 367 прим.
Дальний Запад 346
Делавэр 83
Джоджия 57, 77, 78, 95, 106, 107, 260,
310
Западная Виргиния 307
Иллинойс 175
Иллинойс 79
Индиана 102, 195, 199
Индиана 175, 199, 202, 469
Калифорния 128–129, 128 прим., 130,
130 прим., 292, 345 прим.
Каролина Северная 61, 78, 95, 106, 199
Каролина Южная 44, 71
Кентукки 79, 86, 89, 196
Коннектикут 46, 48, 50, 77, 95, 340
Луизиана 79 прим., 86, 95, 102
Массачусетс 46, 47, 50, 51, 54, 54 прим.,
118, 193, 209, 273, 392
Миннесота 199, 274, 393
Миссисипи 95, 102
Миссури 79, 89, 91, 196
Мичиган 102, 112, 472
Монтана 307
Мэн 116, 122
Мэриленд 51 прим., 77, 78, 102
Небраска 128, 298
Новая Англия 48, 50, 51, 51 прим., 70,
71, 72, 79 прим., 95, 116, 122, 175
Нью-Джерси 50, 79 прим., 210
Нью-Йорк 79 прим., 112, 175, 131, 199
Нью-Хемпшир 71, 95, 497
Огайо 134, 136, 152, 175, 179, 244, 269
Огайо 197, 206, 272, 304, 391, 499,
Округ Колумбия 195
Орегон 130, 130 прим., 472
Пенсильвания 50, 60, 71, 77, 92, 102,
127 прим., 150, 151, 155 прим., 472
Род-Айленд 48, 50, 51, 51 прим., 71
Северо-запад 158
Средний Запад 161, 460
Средний Запад 174 прим., 194, 195,
262, 292
Теннеси 79, 79 прим., 89, 321 прим.
Техас 151, 319

Федеральный округ Колумбия
Филадельфия 60, 83
Флорида 102
Юта 343, 346

Экономико-финансовый комитет Лиги
наций 366
Экономист как представитель «соци-
альных наук» 220
Экономическая история, позитивист-
ский подход 3, 5–9, 29–33,
32 прим., 36
Экономическая теория как априорная
наука 4
Эластичность денежного предложения:
«эластичное» 191, 202, 207, 249–250,
255
«неэластичное» 191, 194, 210, 243, 249,
258
Эстония 412

ЮАР 412
Ювелиры 53
Юма–Кангильона механизм 366

Янки 175 прим.
Япония 234
двусторонние торговые соглашения
486

homo economicus 31
Laissez faire 91, 112 прим., 177–183, 187,
218, 220, 226, 282, 283, 290,
290 прим., 291, 452, 453, 462, 468,
WASP. См.: Белые англосаксы-
протестанты

Murray N. Rothbard
A HISTORY OF MONEY AND BANKING
IN THE UNITED STATES:
The Colonial Era to World War II

Ротбард Мюррей
ИСТОРИЯ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ
И БАНКОВСКОГО ДЕЛА США:
с колониального периода до Второй мировой войны

Корректор *Чуланова М*
Художник *Веселова Н*
Верстка *Куряев А*

Подписано в печать 8 08 2005 Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная Гарнитура «Минион» Усл печ л 34,5
Уч -изд л 24,44 Тираж 2000 экз Заказ № 3398

ООО «Социум», e-mail info@sotsum.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Ивановская областная типография»
153008, г. Иваново, ул. Типографская, 6.
E-mail: 091-018@adminet.ivanovo.ru

«Кадуцей» — с шаром и крыльями, исполненными в египетском стиле, — символическая конструкция на стене Кооперативного здания в Манчестере.

Кадуцей — жезл бога торговли Меркурия (Гермеса). Как жезл глашатаев известен у многих народов. Обладая волшебным свойством мирить спорящих, Кадуцей гарантировал своему владельцу неприкосновенность. Поэтому в Древнем Риме он превратился в атрибут бога торговли и получил новую форму: вместо палочки, обвитой виноградными лозами и плющом (древнейшая эмблема миролюбия), его все чаще стали изображать как палочку, обвитую двумя змеями, ибо торговля почиталась делом мудрым и в то же время требующим бдительной охраны.